

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все примечания, комментарии и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

Harvard College
Library

THE GIFT OF
Archibald Cary Coolidge, Ph.D.

Class of 1887

PROFESSOR OF HISTORY

Вино

ДОМОНОСОВЪ

ВЪ ИСТОРИИ

РУССКОЙ ЛИТТЕРАТУРЫ

И

РУССКАГО ЯЗЫКА.

РАЗСУЖДЕНІЕ

КОНСТАНТИНА АКСАКОВА.

МОСКВА.

1846.

ЛОМОНОСОВЪ

ВЪ ИСТОРИИ

РУССКОЙ ЛИТТЕРАТУРЫ И РУССКАГО ЯЗЫКА.

РАЗСУЖДЕНИЕ

КАНДИДАТА МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

КОНСТАНТИНА АКСАКОВА,

ПИСАННОЕ НА СТЕПЕНЬ МАГИСТРА ФИЛОСОФСКАГО ФАКУЛЬТЕТА

ПЕРВАГО ОТДѢЛЕНІЯ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ НИКОЛАЯ СТЕПАНОВА.

1846.

Slav 4236.1.805
~~Slav 4271.1.805~~

✓

HARVARD COLLEGE LIBRARY
GIFT OF
ARCHIBALD CARY COOLIDGE
APR 9 1924
✓

Печатать по опредѣленію Совѣта Московскаго Университета.
Декабря 12 дня, 1845 года.

Секретарь Совѣта *Василій Спекторскій.*

24-52
44

So feiert ihn! Denn, was dem Mann das Leben
Nur halb ertheilt, muss ganz die Nachwelt geben.

Goethe.

ЛОМОНОСОВЪ

ВЪ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТТЕРАТУРЫ

и

РУССКАГО ЯЗЫКА.

Исторія нашей литературы и тѣсно связанная съ нею исторія языка до сихъ поръ еще для насъ предметъ новъй и почти неизвѣстный; у насъ есть только нѣкоторыя указанія, нѣкоторыя пособія, далеко не содержащія въ себѣ историческихъ судебъ нашей Литтературы, которая, должно сказать, до сихъ поръ не возбуждала еще нашего настоящаго ученаго вниманія. Но если до сего времени мы были развлечены постороннимъ, если, въ продолженіе столѣтій, вліяніе чуждое, необходимое слѣдствіе предыдущаго періода, деспотически у насъ господствовало, за то въ настоящую минуту вниманіе наше обращено къ судьбамъ отечества на всѣхъ путяхъ, во всѣхъ выраженіяхъ его жизни. Энергически освобожденные Петромъ отъ оковъ исключительной національности, пережившіе періодъ безотчетнаго подражанія чуждому, наставшій логически и необходимо непосредственно за предыдущимъ, — мы съ полнымъ сознаніемъ, свободные отъ всякой возможной односторонности, возвращаемся къ нашей Исторіи, къ нашей жизни, къ нашему отечеству, нами снова приобретенному, и съ

большимъ правомъ, нежели прежде, называемъ его своимъ. Просвѣщеніе Запада, насъ нѣкогда ослѣпившее, и сначала такъ односторонне на насъ подѣйствовавшее, не можетъ уже у насъ отнять его, ибо результатомъ этого просвѣщенія, при настоящемъ его пониманіи, было необходимое сознательное возвращеніе къ себѣ (*). Въ самой истинѣ, намъ открывшейся, нашли мы доказательство, сильную опору нашему народному чувству; мы поняли необходимость національной стороны и въ то-же время ея значеніе и мѣсто. До Петра Великаго мы были неразрывно соединены съ отечествомъ, любили его; но любовь наша не была свободна, она была односторонняя; въ ней былъ страхъ чужеземнаго; только чрезъ незнаніе, чрезъ отчужденіе думали мы сохранить свою національность; здѣсь была темная сторона, которая давала возможность поколебать самое чувство. Такъ и случилось. Петръ вывелъ на свѣтъ, что таилось въ мракѣ; обличилъ и поразилъ односторонность и былъ поворотною точкой. Время послѣ Петра Великаго являетъ новую односторонность, ужасную крайность, до какой когда либо достигалъ народъ: доходило до того, что мы вовсе отрекались отъ нашей исторіи, литературы, даже языка. Столицю нашу сталъ городъ съ чужимъ именемъ, на берегахъ чуждыхъ, не связанный съ Россіею никакими историческими воспоминаніями. Это время новой односторонности, слѣпаго отрицанія памятно и намъ; оно простирается даже до настоящей минуты; между прочимъ отрицаніе отъ языка Русскаго едва начинаетъ утрачивать свою силу. Но теперь именно настаетъ новый періодъ; теперь союзъ нашъ съ отечествомъ и ясная наша любовь къ нему уже не имѣетъ той односторонности, которая могла-бы дать поколебать ее; не въ удаленіи отъ иныхъ странъ, не въ страхѣ ищетъ она опоры; нѣтъ, мы приняли въ себя просвѣщеніе Запада,

(*) Возвращеніе въ смыслъ философскомъ и потому не шагъ назадъ, но отступленіе.

приняли его не даромъ и не боясь, чтобы оттого поколебался нашъ вновь возникшій союзъ; односторонность исчезла, просвѣщеніе доводитъ всегда до истины; его сознательнымъ путемъ дошли мы до необходимости національной жизни, но не исключительной какъ прежде, и уступая вмѣстѣ влеченію нашего чувства, никогда насъ антитеза не оставляла, мы возвращаемся, откинувъ далеко отъужденіе предыдущаго отрицательнаго періода, полные любви и разумнаго убѣжденія къ отечеству, съ которыми союза нашего ничто уже расторгнуть не можетъ: той прежней темной стороны въ немъ уже нѣтъ.

Естественно, что въ такое время, время уничтоженія односторонности и оправданія всего действительнаго, мы обращаемся къ памятникамъ нашей жизни въ религіи, исторіи, литературѣ, языкѣ. Находясь прежде въ первобытномъ непосредственномъ единствѣ сами съ собою, могли-ли мы понимать себя? Мы должны были оторваться сами отъ себя и вмѣстѣ выйти изъ исключительной національности, — и мы оторвались; мы долго, даже слишкомъ долго находились въ періодѣ отрицанія, періодѣ также одностороннемъ, но также необходимомъ. Теперь же, когда мы понимаемъ эту односторонность, когда она кончилась (для сознанія нашего до крайней мѣры), однимъ словомъ, въ настоящее время, о которомъ говорили мы выше, вниманіе мысли нашей вообще обращено къ жизни нашего отечества — мысли, сферѣ которой по преимуществу природна истина, ибо она, по существу своему, первая видитъ право и указываетъ настоящий путь. У насъ нѣтъ недостатка въ богатствѣ во всѣхъ отношеніяхъ; всюду встрѣчаемъ мы жизнь бодрую, мощную, самобытную, богатую содержаніемъ, совершающую стройно путь своего развитія. Мы надеемся, что скоро въ этомъ многіе увѣрятся, на которыхъ еще неизвѣстность наводитъ сомнѣніе.

Предметъ этого разсужденія — Русская литература, и собственно одно, по преимуществу важное, историческое лицо ея — Ломоносовъ, лицо, съ которымъ связано все ея предыдущее и послѣдующее. Вмѣстѣ съ именемъ Ломоносова соединяется представленіе о многообразной дѣятельности, которой этотъ великій человѣкъ былъ преданъ. Указавъ на сферу, составляющую предметъ нашего вниманія, т. е. на сферу литературной дѣятельности, мы исключаемъ всѣ труды его, сюда не входящіе, труды, о которыхъ, въ ихъ совокупности, можетъ дать отчетъ только собраніе ученыхъ. Но самое слово «литература» требуетъ опредѣленія, и произнесши его, мы еще не сказали ничего положительнаго; границы нашего разсужденія отъ того едва ли стали ясны. Это одно изъ тѣхъ несчастныхъ словъ, которыя опредѣляются чрезъ ограниченіе, стѣсненіе извнѣ. Такія слова сначала обнимаютъ чрезвычайно много и потомъ мало по малу лишаются своихъ значеній, уськаемыхъ одно за другимъ: объемъ ихъ тѣснѣетъ и они доходятъ иногда до очень бѣднаго круга понятій; и тутъ они не заключаютъ въ себѣ одного содержанія (положимъ съ его возможными видоизмѣненіями), ихъ наполняющаго, — нѣтъ, а впускаютъ въ себя по два по три и болѣе понятій, видимо только, близости ради, примыкающихъ другъ къ другу, и остаются лишенными единства настоящаго значенія. Слово «литература» имѣло такую-же участь; начинаютъ съ опредѣленія, по которому сперва въ литературу входитъ все, что только изображено буквами, но потомъ найдя, что этимъ еще ничего не сказано, хотя повидимому и очень много, начинаютъ мало по малу ограничивать тѣснѣе, отсѣкая одно значеніе отъ другаго; является нѣсколько литературъ, доходятъ наконецъ до изящной литературы или до лит-

литературы собственно; въ эту изящную литературу вмѣстѣ съ поэзіею входитъ и краснорѣчіе, и историческое и ученое изложеніе. Такимъ образомъ предѣлы литературы произвольны и не тверды; нѣтъ основной мысли, изъ которой бы вытекало значеніе слова, органически, ясно, необходимо определенное и не принимающее въ себя уже никакого посторонняго, чуждаго или лишняго понятія. И такъ здѣсь дадимъ опредѣленіе этому слову, опредѣленіе, которое вѣроятно будетъ противорѣчить обычному его употребленію; но въ такомъ случаѣ споръ будетъ только о словахъ: слово «литература» можетъ служить условнымъ выраженіемъ понятія, тѣмъ болѣе, что оно такъ разнo употребляется и такъ невѣрно и зыбко поставлено. Искусство вообще, и именно поэзія, какъ искусство въ словѣ, переходя въ дѣйствительность, осуществляясь, конкретизируется въ отдѣльныхъ произведеніяхъ и вмѣстѣ у такого или другаго народа. Такимъ образомъ поэзія, какъ отвлеченная сила, обнаруживаясь въ отдѣльныхъ произведеніяхъ, является послѣдовательно, исторически; эти произведенія, въ которыхъ являясь, поэзія даетъ себѣ дѣйствительность, въ ихъ исторической совокупности, есть—литература; и такъ какъ человечество существуетъ въ дѣйствительности, какъ совокупность народовъ, то и литература принадлежитъ именно тому или другому народу. Разница между поэзіею и литературою ясна. Поэзія есть искусство въ словѣ, понимаемое само въ себѣ, тогда какъ литература есть совокупность самихъ отдѣльныхъ произведеній, въ ихъ исторической связи, въ которыхъ необходимо конкретизируется поэзія, находя въ нихъ свою дѣйствительность.

Такъ опредѣляемъ мы литературу; слѣдовательно только произведенія поэтическія, или имѣющія притязаніе быть таковыми, могутъ входить въ ея область. И такъ, разсматривая дѣятельность Ломоносова въ области литературы, мы устранимъ его труды ученые; они не относятся къ нашему предмету и на нихъ обратимъ мы вниманіе только

въ отношеніи къ языку. Задача наша стала яснѣе, опредѣленнѣе.

Мы сказали, что литература, будучи совокупностью отдѣльныхъ произведеній, являющихся послѣдовательно, представляетъ историческое развитіе поэзіи въ явленіяхъ. Развитіе поэзіи, какъ сферы абсолютнаго духа, заключающей въ себѣ абсолютное содержаніе — необходимо; множество произведеній случайныхъ не должны насъ смущать; они носятъ смерть въ самихъ себѣ и исчезаютъ безъ слѣда; только тѣ, въ которыхъ выразилось искусство, имѣютъ постоянное значеніе, пребывающій интересъ, — тѣ, на которыхъ запечатлѣло оно судьбы свои. Такимъ образомъ всякое явленіе (*) въ литературѣ есть ея моментъ, совокупность которыхъ въ историческомъ развитіи она представляетъ. Всякое такое явленіе, всякое лице относится къ ней, какъ историческій ея моментъ, сказали мы, — и въ этомъ состоитъ все значеніе этаго явленія или лица. Явленіе Ломоносова въ нашей литературѣ есть также необходимый ея моментъ. Признавая его дѣятельность и значеніе, его неотъемлемое мѣсто въ литературѣ, мы признаемъ его моментомъ, и потому наша задача *опредѣлить* литературную дѣятельность Ломоносова представляется намъ вопросомъ:

Ломоносовъ, какъ моментъ въ исторіи Русской литературы?

Не признай мы за собою права этаго вопроса, тогда-бы не могло вовсе существовать вопроса о литературной дѣятельности; ибо все то, что имѣетъ только значеніе въ области литературы, есть уже необходимый ея моментъ, при ея историческомъ развитіи, и въ этомъ заключается смыслъ всякаго существеннаго литературнаго явленія. И такъ вотъ вопросъ, который должны и можемъ мы сдѣ-

(*) Мы говоримъ, само собою разумѣется, о такихъ явленіяхъ, которыя почему-бы ни было привязаны существенно къ литературѣ, къ ея исторіи, отлагая здѣсь вопросъ, имѣютъ-ли они сами по себѣ достоинство.

лать, какъ скоро обращаемъ вниманіе на литературное значеніе Ломоносова.

Опредѣливъ явленіе, какъ моментъ литературы, открывъ смыслъ его дѣятельности, мы поняли его само въ себѣ, *in abstracto*, т. е. моментъ получаетъ дѣйствительность, конкретируясь, и если уже это историческій полный моментъ, то онъ является конкретированнымъ; не можетъ оставаться отвлеченнымъ то, чего условіе есть конкретное; моментъ, понятый нами, какъ моментъ, получаетъ свою дѣйствительность, необходимо переходя въ явленіе. Мы должны прослѣдить это конкретированіе, мы должны рѣшить: какъ-же осуществляется этотъ моментъ? Въ исторіи литературы, какъ мы уже сказали, является развитіе поэзіи въ произведеніяхъ. Всякое существенное явленіе въ литературу есть необходимо историческій моментъ ея, но не всякое явленіе въ литературу художественно; литературное явленіе можетъ быть необходимымъ истиннымъ явленіемъ, и въ то-же время не имѣть само по себѣ поэтическаго значенія, можетъ быть явленіемъ чисто историческимъ. Поэзія и вообще искусство, въ развитіи своемъ, проходитъ такіе историческіе моменты, которые сами, по существу своему, должны выражать отсутствіе искусства, и въ то-же время это моменты того-же искусства; они являютъ, что отсутствуетъ именно искусство; однимъ словомъ, они являютъ присутствіе отсутствія его; таковы напри- мѣръ моменты возниканія, перехода, упадка. Такъ какъ это моменты того-же искусства, то они совершаются въ его же сферѣ; должно быть явно, что это его-же судьбы, его-же историческій ходъ. Это историческое движеніе совершается въ той общей средѣ, въ которой являются всѣ моменты искусства, въ средѣ запечатлѣнной его духомъ даже и тамъ, гдѣ онъ являетъ свое отсутствіе. Эта среда есть—*стиль*, которому здѣсь придаемъ мы, можетъ быть, болѣе обширное значеніе; подъ нимъ разумѣемъ мы образъ какого-бы то ни было искусства, образъ, иногда не испол-

енный жизни, не проникнутый его духомъ, красотою, отвлеченный, но всегда принадлежащій искусству и являющій на себѣ его историческія судьбы; такъ напримѣръ пестрая скульптура. Стилъ вообще показываетъ тайное: сочувствіе съ искусствомъ самаго матеріала, являетъ точку ихъ соприкосновенія, чрезъ которую матеріалъ теряетъ свою тяжесть и грубость, и искусство опредѣляется. Это—то соотношеніе удерживаетъ искусство и тогда, когда самъ духъ его оставляетъ произведенія; тогда является одно его соотношеніе съ матеріаломъ, которое служитъ ему, выражая его историческое развитіе. Стилъ выдается тогда особенно, когда явленіе становится чисто историческимъ, не имѣетъ другаго достоинства,—достоинства художественнаго, и онъ, одинъ оставаясь, связываетъ его съ искусствомъ, свидѣлствуетъ, что это явленіе—моментъ искусства. Такъ въ примѣръ, нами указанномъ, скульптура имѣетъ чисто характеръ только стилиа. Орудіе поэзіи (здѣсь собственно говоримъ мы объ ней)—есть слово; но слово само по себѣ не есть еще та среда, въ которой совершается движеніе поэзіи, какъ не одинъ мраморъ (тогда былъ-бы вопросъ о самомъ матеріалѣ, отвлеченно отъ искусства,)—изъ котораго можетъ быть сдѣланъ шаръ, ваза,—являетъ движеніе скульптуры; не краска, которой можетъ быть выкрашена комната — движеніе живописи; нѣтъ, а стилъ, образующійся на мраморѣ,—въ скульптурѣ, на краскахъ,—въ живописи. Такъ и здѣсь не слово, а стилъ, который образуется на словѣ поэзіею, и показываетъ въ себѣ ея историческое движеніе. Сочувствіе искусства съ матеріаломъ растетъ по мѣрѣ перехода, при развитіи его изъ одной формы въ другую; постепенно являются архитектура, скульптура, живопись, музыка, гдѣ достигаетъ высшей степени это сочувствіе, и наконецъ поэзія. Слово—матеріалъ самый благородный и потому всѣхъ болѣе ннѣющій самъ по себѣ значенія, самъ по себѣ воплотившій органически мысль и никогда ею не покидаемый; матеріалъ слѣдовательно и самъ по себѣ за-

служивающій бѣльшее вниманіе и участіе; но какъ мы сказали, не всякое слово являетъ поэзію, а опять та среда, которая выражаетъ всѣ ея моменты, даже и тѣ, въ которыхъ нѣтъ ея собственно, а являются чисто историческія ея судьбы,—однимъ словомъ—стиль, какъ мы опредѣляли его выше или (такъ какъ существуетъ здѣсь особенное слово) *слогъ*, который понимаемъ мы какъ стиль въ поэзіи. Когда мы спрашиваемъ, какъ осуществляется моментъ въ литературѣ, у насъ еще нѣтъ вопроса, какой это моментъ; мы хотимъ знать, какъ онъ осуществляется, и слѣдовательно смотримъ на него только съ исторической стороны, и потому должны видѣть, какъ осуществляется онъ въ той средѣ, въ томъ матеріалѣ, гдѣ осуществляются всѣ моменты поэзіи въ литературѣ, т. е. въ языкѣ, въ *слогѣ*. И такъ вопросъ: какъ осуществляется Ломоносовъ, какъ моментъ Русской литературы, есть вопросъ:

Ломоносовъ въ отношеніи къ языку, къ слогу.

При осуществленіи момента вообще мы не спрашивали: какой это моментъ: естественный ходъ конкретизированія еще не допускаетъ этого вопроса. Мы смотрѣли только съ исторической стороны и не разбирали, чисто-ли это моментъ историческій, только въ одной средѣ, или лучше въ стилѣ, въ *слогѣ* принадлежащій искусству,—или въ тоже время моментъ поэтическій, не только въ историческомъ смыслѣ, но проникнутый духомъ поэзіи, моментъ и самъ по себѣ поэтическій. Но теперь возникаетъ этотъ вопросъ, основанный на существѣ самого момента, на дальнѣйшемъ изслѣдованіи его существа, и мы спрашиваемъ: идетъ-ли конкретизированіе далѣе и моментъ изъ историческаго момента, связаннаго съ искусствомъ только движеніемъ его, получаетъ-ли индивидуальное живое значеніе и предстаетъ-ли намъ какъ лицо, гдѣ уже вполнѣ совершается явленіе момента, гдѣ онъ является возможно конкретнымъ? Этотъ вопросъ есть вопросъ необходимо вытекающій, исчерпывающій полноту момента, послѣднюю степень его конкре-

тированія, вполне определяющій моментъ. Этотъ вопросъ есть:

Быль-ли Ломоносовъ поэтъ, или Ломоносовъ—какъ поэтъ?

Такимъ образомъ, смотря на Ломоносова, какъ на лицо въ нашей литературѣ, согласно съ вышеказаннымъ ея опредѣленіемъ, мы вправѣ предложить одинъ вопросъ: Ломоносовъ, какъ моментъ въ исторіи Русской литературы, вопросъ, который въ своемъ собственномъ развитіи, вмѣстѣ съ конкретированіемъ самого предмета, является какъ вопросъ: Ломоносовъ въ отношеніи къ языку, къ слогу, — и какъ вопросъ: Ломоносовъ, какъ поэтъ.

Въ сущности эти три вопроса не что иное, какъ одинъ: Ломоносовъ, какъ моментъ въ исторіи, нашей литературы,—вопросъ возможно полный и единственный, который въ своемъ развитіи ставитъ моменты своего конкретирования, сообразно съ моментами конкретирования самого предмета (ибо вопросъ, изслѣдованіе, есть не что иное, какъ сознаніе самого предмета и имъ обуславливается) и раздѣляетъ такимъ образомъ диссертацию нашу на три части, именно:

I. Ломоносовъ, какъ моментъ въ исторіи литературы, моментъ самъ въ себя, in abstracto.

II. Ломоносовъ въ отношеніи къ языку, къ слогу, моментъ чисто историческій.

III. Ломоносовъ, какъ поэтъ; гдѣ мы отъ чисто историческаго опредѣленія переходимъ къ нему самому, какъ индивидууму, и гдѣ моментъ получаетъ полнѣйшее конкретированіе и имѣетъ значеніе самъ для себя—моментъ личный.

Третья часть есть не что иное, какъ только заключеніе, окончательный выводъ, результатъ осуществленія момента. Подробнѣйшее изслѣдованіе Ломоносова, какъ поэта, обратилось-бы въ критику отдельныхъ его произведеній, которая не есть предметъ нашего разсужденія.

І.

Поэзія, конкретируясь въ своемъ развитіи, является въ отдѣльныхъ произведеніяхъ, совокупность которыхъ понимаемъ мы подъ словомъ: литература; это развитіе поэзіи совершается въ нихъ послѣдовательно, конкретируя въ нихъ свои моменты; исторія такого развитія есть исторія литературы. И такъ если всѣ они, эти отдѣльныя явленія—осуществленіе поэзіи, то поэзія есть то общее, которое соединяетъ, содержитъ ихъ, какъ свои явленія поэтическія. Мы видимъ здѣсь общее, предстающее въ совокупности своихъ явленій; это общее переходитъ въ явленія, слѣдовательно отрицаетъ себя какъ общее, какъ чистое общее, и вмѣстѣ съ тѣмъ не теряетъ, а находитъ себя и сохраняетъ въ совокупности своихъ отдѣльныхъ явленій, слѣдовательно при отрицаніи себя, какъ чистаго общаго. Связь явленій съ общимъ понятна, необходима; то, что является отдѣльно, уже содержится въ общемъ и слѣдовательно, можетъ выразить только это общее, и вмѣстѣ себя, ибо оно въ немъ содержится. Съ другой стороны общее, чтобы быть, явиться, должно непременно не быть общимъ, а быть явленіемъ, слѣдовательно отречь себя какъ общее, — выразиться въ явленіи, въ которомъ оно выражаетъ необходимо и себя, ибо это его явленіе, его необходимое условіе осуществленія; и такъ:

бя и становится начальнымъ моментомъ, точкою отправленія. Общее разрѣшило противорѣчіе, отвлеченность перваго своего опредѣленія, момента, и отрекло себя. Вспомнимъ, что у насъ нѣтъ никакихъ другихъ представленій, кромѣ чисто отвлеченныхъ. Какъ-же опредѣлило себя общее, признавъ въ себѣ невозможность быть таковымъ? что совершило оно чрезъ это? Оно отрекло себя; въ этомъ второмъ своемъ моментѣ, общее не находитъ себя; этотъ моментъ есть только отрицаніе общаго, логическое слѣдствіе предыдущаго. — Здѣсь является *не-общее*, здѣсь заключенъ и первый моментъ, но онъ все рѣшительно отдѣленъ, и въ этомъ опредѣленіи общее теряетъ себя. Между тѣмъ этотъ путь развитія есть путь самаго общаго, и отсюда вновь является противорѣчіе: общее движется его исключаящимъ путемъ, общее (эта точка отправленія, начало, источникъ всего) — не есть общее. Отрицаніе само есть вмѣстѣ и подтвержденіе; вспомнимъ, что мы ничего ни видимъ, кромѣ отрицанія; въ такомъ случаѣ отрицая вещь, мы ее признаемъ, и становимъ моментомъ самое отрицаніе. Мы говоримъ, что общее существовать не можетъ; слѣдовательно: если его нѣтъ, оно было, могло быть, т. е., ибо мы имѣемъ представленіе о немъ-же при отрицаніи его;—но оно быть не могло вообще. Вновь являющееся отсюда противорѣчіе должно разрѣшиться, и если чувствуется, что отрицаніе моментъ, то моментъ долженъ явиться моментомъ, пройти, перейти въ другой моментъ развитія, двинуться далѣе и противорѣчіе тогда разрѣшится. Какъ-же можетъ разрѣшиться это противорѣчіе? Оно разрѣшается чрезъ обличеніе противорѣчія; отрицаніе общаго какъ общаго отрицается (при неимѣніи другихъ опредѣленныхъ представленій инаго и быть не можетъ), и общее вновь себя находитъ. Путь абсолютнаго отрицанія привелъ его къ нему самому-же, оправдалъ его существованіе; но для того, чтобы найти себя, общее должно было пройти кругъ отрицанія. Общее, которое вновь находится, не есть общее отвлеченное,

но общее, на которомъ было отрицаніе, общее оправданное, испытанное, доказанное, такъ сказать. Такимъ образомъ общее заключаетъ кругъ своего развитія, своего абсолютнаго отрицанія. — Здѣсь прослѣдили мы самое отвлеченное движеніе абсолютнаго отрицанія и его моменты, являющагося также само по себѣ конкретнымъ. Эти моменты отрицанія имѣютъ образъ, такъ сказать, характеръ и опредѣленіе, конкретирующее въ себѣ ихъ значеніе, опредѣленіе сохраняемое ими всюду, гдѣ только является развитіе и необходимые его моменты. Здѣсь этотъ характеръ, это опредѣленіе есть ихъ характеръ и опредѣленіе вообще. Общее отрицая себя какъ общее, являясь какъ необщее, принимаетъ характеръ необщаго—*особности* (*Besonderheit*)—отрицаніе общаго, какъ общаго. — Это отрицаніе вводитъ насъ въ область количества, въ область множества безконечнаго явленій, произведенныхъ отрицаніемъ, явленій, смыслъ которыхъ — *каждаго*, — есть — *не-общее*. — И нѣтъ конца явленіямъ, какъ нѣтъ конца этому опредѣленію; не-общее дало право возникнуть этому безграничному количеству; въ этой количественности, ничѣмъ неудержимой, въ этой области особенности теряется общее. И здѣсь, въ сферѣ особенности, видимъ мы осуществляющимся то противорѣчіе, которое замѣтили мы уже прежде во второмъ моментѣ (моментѣ отрицанія общаго какъ общаго). Эти безчисленные отдѣльныя, особныя явленія безъ конца, это безчисленное количество, въ которомъ теряется общее, — какъ противорѣчіе и моментъ, отрицается. Это новое отрицаніе совершается уже въ этой сферѣ, ему предшествовавшей, въ сферѣ предыдущаго отрицанія; слѣдовательно на (ап) количество (точно также какъ отрицаніе отрицанія необходимо совершается на отрицаніи общаго). Количество отрицается предъ *единымъ*, значущимъ само по себѣ, носящимъ въ себѣ невозможность повториться; это количественное опредѣленіе, опредѣленіе множества безчисленныхъ отдѣльныхъ явленій, гдѣ единицы имѣли количественное значеніе, исчезаетъ предъ опредѣленіемъ *еди-*

наго; особность отрицается до единичности (*Einzelheit*)—отрицаніе отрицанія. Общее, отрицая себя до особности, въ которой теряется, отрицаетъ свое отрицаніе, особность до единичности, въ которой вновь себя находитъ, и особность низводится до момента. Но это вновь нахождение себя не можетъ быть шагомъ назадъ, возвращеніемъ общаго къ самому себѣ, какъ къ отвлеченному общему, въ первобытное состояніе. Это не есть общее въ первомъ, чисто отвлеченномъ своемъ моментъ—до отрицанія; это есть общее, на которомъ уже было отрицаніе, моментъ особности—общее по отрицанію, и только съ отрицаніемъ отрицанія общее доходитъ вновь до себя, получаетъ дѣйствительность; и новое отрицаніе, съ которымъ вновь освобождается общее, условливается предыдущимъ моментомъ, моментомъ отрицанія общаго какъ общаго, моментомъ особности. И такъ общее является здѣсь какъ единое, возникшее только чрезъ отрицаніе количества, особности. Особность становится необходимымъ присущимъ моментомъ, ибо она уже есть въ самомъ ея отрицаніи, которое следовательно, и какъ въствъ моментъ отсюда являющийся, — единичность, условливается ею. Только отрицаніе дало возможность общему (отрицая отрицаніе себя) найти само себя и следовательно выразиться, осуществиться. Es ist im der Negation geistig geworden. Отрицаніе отрицанія есть само по себѣ непременно положительное нахождение самаго себя, ибо какъ скоро я отрицаю то, что меня отрицаетъ, я нахожу самого себя. И такъ общее отрицаетъ отрицаніе, отрицаетъ себя отъ особности до единичности, въ которой находитъ оно вновь само себя и такимъ образомъ заключаетъ кругъ своего абсолютнаго отрицанія. Это послѣднее отрицаніе общаго, послѣднее его опредѣленіе, единичность, есть также только моментъ его, моментъ заключительный, въ которомъ оно находитъ вновь себя, находитъ свободу своего проявленія; только совершая свой путь развитія, путь, въ которомъ всѣ моменты необходимы

и всѣ моменты, находитъ оно дѣйствительность, освобождая и совокупляя такимъ образомъ всѣ свои, съ послѣднимъ моментомъ освобождаемые моменты. И такъ общее, невозможное для выраженія какъ общее чистое, въ отвлеченномъ опредѣленіи, *in abstracto*, проходитъ кругъ абсолютнаго отрицанія, лежащаго въ немъ самомъ, который необходимо совершаетъ оно, чтобы перейти въ дѣйствительность, быть дѣйствительно тѣмъ, что оно есть, и только въ совокупности своихъ моментовъ *общаго какъ общаго* отрицанія общаго (*особности*) — и отрицанія отрицанія (*единичности*), находитъ оно свое дѣйствительное, истинное, единое, конкретное выраженіе. Этотъ путь отрицанія имѣетъ мѣсто во всѣхъ сферахъ духа — всюду, гдѣ есть развитіе.

Искусство, дѣятельность духа въ одной изъ абсолютныхъ его сферъ, и именно поэзія, искусство въ словѣ (предметъ нашего вниманія), какъ поэзія вообще, не существуетъ и следовательно отрицаетъ себя какъ поэзію вообще и переходитъ отъ общаго въ область особенности. Здѣсь является безконечное множество произведеній поэзіи на этой степени, произведеній, какъ необходимое отрицательное движеніе, вытекшихъ изъ самой поэзіи, въ которыхъ она себя не находитъ; ибо всякое отдѣльное, особое произведеніе въ поэтической сферѣ, уже по существу своему отрицаетъ поэзію, какъ общее. Въ этомъ отрицаніи поэзія исчезаетъ; ибо здѣсь отрицаетъ она себя только, какъ поэзію вообще; другаго условія нѣтъ, и потому всякое, отдѣльное, только произведеніе имѣетъ право здѣсь явиться, и по этому нѣтъ конца произведеніямъ. Мы должны помнить, что не говоримъ здѣсь о неопредѣленномъ общемъ; мы беремъ опредѣленную, абсолютную дѣятельность духа, мы говоримъ о поэзіи, какъ общемъ, следовательно въ отрицаніи, изъ нея истекающемъ, необходимо является, что это отрицаніе поэзіи (а не чего нибудь другаго), ибо это

есть ея движеніе, и всякое явленіе, всякое произведеніе въ ея сферѣ должно быть запечатлѣно ея характеромъ, должно носить отпечатокъ ея духа, результатомъ движенія котораго оно возникаетъ. Всякое произведеніе значитъ какъ отдѣльное: *не-общее*; и именно здѣсь: *не-общее—поэзія*, не поэзія вообще.

И такъ съ первымъ отрицаніемъ поэзія мы находимся въ области отдѣльныхъ поэтическихъ произведеній, въ которыхъ теряется поэзія. На всякой случай приведемъ примѣръ, который, надѣмся, уяснитъ нашу мысль: трагика не является, какъ трагика вообще; для того, чтобы явиться, она должна отречь себя какъ общее; тогда она является, какъ *трагедія*, которая, каждая, есть отрицаніе трагики какъ общаго; но въ этомъ отрицаніи общаго, въ этой сферѣ *не-общаго*, особнаго, общее себя не находитъ. Трагика въ своемъ отрицаніи, какъ общаго, отрицаніи, которое выразилось, какъ множество трагедій, не находитъ себя; здѣсь является еще только опредѣленіе трагики какъ *не-общаго*, по которому всякая особая трагедія (ибо всякая особая трагедія исполняетъ это требованіе) можетъ явиться, — и нѣтъ конца ихъ числу. Но выразилась-ли въ этомъ опредѣленіи поэзія-трагика, находится ли она здѣсь? Въ такомъ случаѣ каждая трагедія была-бы уже произведеніемъ искусства, произведеніемъ изящнымъ. Неужь-тоже трагедія уже потому произведеніе искусства, что она трагедія; развѣ не можетъ быть плохой трагедіи? Съ этимъ спорить нельзя, и такъ это показываетъ, что это опредѣленіе особенности еще недостаточно для поэзіи, что явленіе трагедіи, какъ отдѣльнаго произведенія, есть только отрицаніе трагики (ибо мы взяли ее въ примѣръ) вообще. Дѣло въ томъ, что въ этой области особенности является только видимымъ, что отрицаніе совершается въ сферѣ трагики или вообще поэзіи; что здѣсь слѣдовательно только принадлежаніе къ сферѣ поэзіи; что слѣ-

довательно въ области, которая есть только отрицаніе поэзіи какъ общаго, нѣтъ еще поэзіи; что въ этомъ опредѣленіи личности (какъ простомъ только отрицаніи поэзіи какъ общаго) поэзія теряется. Но отрицаніе поэзіи есть отрицаніе въ ея-же сферѣ; это ея-же необходимое движеніе; и такъ степень ея неудовлетворяющая не можетъ оставаться; поэзія проходитъ ее, идетъ далѣе, она отрицаетъ свое отрицаніе, отрицаетъ личность и переходитъ въ область единичности, отрицаетъ безчисленное количество отдельныхъ произведеній искусства, которыя только потому произведенія искусства, что суть произведенія въ области искусства,—къ единому произведенію значущему для себя, мгновенно отрывающемуся отъ всего множества, исчезающаго передъ нимъ, произведенію, имѣющему индивидуальный смыслъ и достоинство,—здѣсь поэзія вновь себя находитъ. Это отрицаніе совершается на предыдущемъ опредѣленіи, единое возникаетъ изъ множества; и такъ отдѣльность произведеній, грозившая поглотить поэзію, на себя приняла это новое отрицаніе, и только условила его; изъ области, личности, изъ множества произведеній возникло единое произведеніе, въ сферѣ единичности. Здѣсь находимъ мы вновь поэзію, совокупляющую свои моменты, поэзію, прошедшую чрезъ отрицаніе себя, чрезъ личность, чрезъ отдѣльность произведеній и вновь нашедшую себя въ сферѣ единичности, въ единомъ произведеніи, отрекшемъ личность и вмѣстѣ ея условленномъ,—произведеніи, которое значитъ для себя и съ которымъ уже, не какъ отвлеченное общее, является поэзія конкретно въ присутствіи всѣхъ своихъ моментовъ.—Мы можемъ повторить примѣръ нами приведенный и провести его далѣе. Трагическая поэзія, какъ общее не существуетъ; она отрицаетъ слѣдовательно себя, какъ общее и является, какъ трагедія; всѣ произведенія трагикки имѣютъ потому только смыслъ, что они произведенія трагикки, что они не трагикка вообще, слѣдовательно трагикка въ особенности, въ своихъ явленіяхъ—*трагедіи*; но, какъ сказано выше,

въ трагедіяхъ (*) еще нельзя найти поэзіи трагической, потому только, что они въ ея сферѣ; трагедія еще не поэтическое трагическое произведеніе, потому что она только трагедія въ трагедіяхъ, одна изъ трагедій. И такъ трагическая поэзія отрицаетъ эту степень, въ которой «только трагедіи,» отрицающія ее, какъ общее; отрицаетъ слѣдовательно множество, и множество безконечное, ибо здѣсь степень даетъ равное право проявляться всѣмъ возможнымъ произведеніямъ, и доходить до *единого* (**), — прямого отрицанія всей предыдущей области, которая вся исчезаетъ предъ *единымъ* (имѣющимъ индивидуальное значеніе), слѣдовательно носящимъ въ себѣ невозможность того движенія, много-различія, невозможность повториться. Единое значить (*gift*) само для себя; какъ отрицаніе, вытекшее изъ предыдущей сферы, оно имѣетъ ее на себѣ, какъ моментъ; такимъ образомъ трагическая поэзія, какъ таковая, какъ *общее*, отрицая себя до *трагедій* (*особности*), отъ *трагедій* опять (*особности*) отрицаетъ себя до *трагедій* (*единичности*), въ которой находитъ она вновь сама себя, и выражается вполне такимъ образомъ, въ присутствіи всѣхъ своихъ моментовъ. Такъ какъ объ этомъ было уже говорено, и въ другомъ мѣстѣ и другими словами, то мы думаемъ, что не нужно пояснять еще болѣе слова наши. Исторія развитія искусства оправдываетъ этотъ взглядъ.

И такъ вотъ путь, необходимый путь отрицанія искусства вообще и слѣдовательно поэзіи. — Но самый этотъ путь конкретизованія, понятый какъ самъ въ себѣ, конкретизируется также. Искусство, какъ абсолютная дѣятельность человѣческаго духа, являетъ на себѣ необходимо опредѣленіе самаго этаго человѣческаго духа: это опредѣленіе ни сколько не стѣсняетъ его, напротивъ согласно съ

(*) Мы употребляемъ здѣсь множественное число, какъ выражающее естественно особность, ибо здѣсь лежитъ количественное неограниченное значеніе.

(**) Не до единственного. Во всякомъ художественномъ произведеніи, для себя значущимъ, есть это единое, индивидуальное, не могущее повториться.

его сущностию, а следовательно необходимо дать ему истинную, стало свободную, действительность. — Человѣкъ, какъ человѣкъ, какъ общее, не существуетъ; онъ отрицаетъ себя, какъ общее, переходитъ въ сферу особы: здѣсь на степени особы является онъ, какъ только рядъ, собраніе индивидуумовъ, какъ множество, здѣсь отношеніе чисто количественное. — Въ такомъ опредѣленіи является намъ человѣкъ, какъ народъ, какъ нація (*). Если мы будемъ помнить путь отрицанія, то увидимъ, что здѣсь на степени національности, отрицается общее чело-вѣка, и вмѣстѣ онъ не имѣетъ значенія индивидуума, значенія *единого*, которое является только въ области единичности, которая, какъ отрицаніе отрицанія, есть вмѣстѣ съ тѣмъ возвращеніе, освобожденіе, т. с., общаго, утраченнаго въ предыдущемъ отрицаніи особы. И такъ, на степени особы, опредѣленіе чело-вѣка есть чисто національное; гдѣ нѣтъ общаго, — чего не допускаетъ исключительная національность и нѣтъ значенія индивидуума, какъ такового, которое также невозможно въ сферѣ національности. Здѣсь каждый индивидуумъ имѣетъ по столько смыслъ, по сколько онъ нація; на этой степени особы, выражающейся въ развитіи чело-вѣка, какъ національность, — поэзія, дѣятельность чело-вѣка, соответствуя следовательно степени его развитія, можетъ быть опредѣлена только до особы, и другими словами, можетъ быть только національна. Мы сказали выше, что поэзія на степени особы заключаетъ въ себѣ всѣ возможныя произведенія поэтическія, только-бы принадлежащія поэтической области, только имѣющія поэтическую форму (извѣстно уже, что здѣсь не въ смыслъ достоинства принимается слово: поэтическій, а въ смыслъ просто принадлежащія поэтической сферѣ). И такъ мы можемъ сказать, что поэзія на этой степени опре-

(*) Здѣсь употребляемъ мы собственно слово нація, ибо это слово (какъ понимаемъ мы) выражаетъ опредѣленіе; тогда какъ народъ есть то, что опредѣляется.

дѣлила себя только, какъ отдѣльные произведенія, и въ то же время отрицая общее, дала возможность всякому явленію уже быть поэтическимъ потому только, что оно принадлеживъ къ сферѣ ея. Слѣдовательно нѣтъ конца поэтическимъ произведеніямъ, когда нѣтъ другаго условія на этой степени развитія; выше мы видѣли, что здѣсь необходимо заключается противорѣчіе, что поэзія на степени перваго отрицанія не находитъ полного осуществленія, — и выразили это ощутительными и для здраваго смысла словами, говоря: развѣ трагедія имѣетъ поэтическое достоинство, развѣ она хороша потому только, что она трагедія. И такъ на степени особенности всѣ поэтическія произведенія имѣютъ значеніе, по столько, по сколько они — особныя произведенія въ поэтической сферѣ. Этотъ моментъ особенности поэзіи конкретируется въ человѣкѣ, котораго она абсолютная дѣятельность, и именно въ народѣ, необходимомъ опредѣленіи чловѣка, условливающимъ и поэзію вмѣстѣ съ тѣмъ и дающимъ ей дѣйствительность. Здѣсь возникаетъ вопросъ, какъ становится этотъ моментъ поэзіи конкретнымъ, историческимъ? Другими словами, какъ осуществляется онъ въ исторіи литературы? — Мы сказали, что человѣкъ является исключительно, какъ народъ или лучше, какъ нація, будучи на степени своего отрицанія особенности. Поэтическая его дѣятельность опредѣлена слѣдовательно также до этой степени, поэзія народа въ эту минуту также національна и можетъ выразить, только его. Только исключительно національную жизнь народа отражаетъ она; здѣсь не можетъ быть общаго, общихъ человѣческихъ интересовъ, не можетъ быть единичной, индивидуальной жизни; индивидуумъ на этой степени значить лишь по столько, по сколько онъ нація; и такъ жизнь индивидуума только въ народѣ и только какъ народъ, можетъ выразить поэзія. Какую-же форму принимаетъ она, какъ является на степени своего отрицанія, особенности, получающей дѣйствительность въ

человѣкъ, въ развитіи челоуѣческаго духа, и становящейся историческимъ, конкретнымъ ея моментомъ и потому приобрутающей постоянный смыслъ, значеніе? Эта форма поэзіи, определенной до личности, исключительно національной поэзіи, — есть народная пѣсня. Въ народной пѣснѣ выражается жизнь народа, только народа, подъ исключительно національнымъ опредѣленіемъ. Здѣсь нѣтъ обще-человѣческаго содержанія, отреченнаго уже самымъ опредѣленіемъ народа, націи, моментомъ личности; здѣсь нѣтъ и индивидуальной жизни челоуѣка, недопускаемой еще той-же степенью. Пѣсня опредѣлена только жизнью народною; по этому пѣсня равно принадлежитъ всякому въ народѣ, по этому народную пѣсню поетъ весь народъ, имѣя весь на нее равное право, по этому на пѣсни нѣтъ имени сочинителя, и она является вдругъ, какъ-бы пропѣтая всѣмъ народомъ. Въ періодъ развитія національности, поэзія съ нею получающая свое осуществленіе и слѣдовательно ей соответствующая, именно находится на такой степени, на которой отдѣльность поэтическаго произведенія, или лучше поэтическая форма, сама, отвлеченно взятая, есть уже ручательство за достоинство. Мы уже сказали прежде, что на этой степени форма покуда все; ложность этого условія мы уже видѣли выше. Это условіе, единственное условіе поэзіи определенной до личности, здѣсь совершенно выполняется, и, получая въ народѣ возможность осуществленія, становясь историческимъ, имѣетъ пребывающее значеніе. Национальная пѣсня потому прекрасна, что она національная пѣсня; здѣсь, слѣдовательно, форма есть уже ручательство за достоинство, и такое ручательство, которое не обманываетъ; но за то это и есть единственная форма поэзіи, завершающая въ! достоинствѣ поэтическомъ (трагедія, комедія и пр. не суть такіа формы). Если это еще не кажется необходимымъ съ перваго взгляда, то постараемся объяснить. Въ опредѣленіи народа осуществляется здѣсь опредѣленіе поэзіи. Моментъ отрицанія

поэзія получает историческій, пребывающій смысл. Народъ есть всегда дѣйствительное лицо, есть необходимое опредѣленіе; поэзія отражающая только народъ, только націю постоянно, будучи произведеніемъ только нации, необходимо дѣйствительна и истинна, ибо содержаніе всегда неизмѣнно, необходимо, дѣйствительно. Вся субстанція народа, со всею глубиною своею и богатствомъ, со всеми своими сторонами, но только какъ народная субстанція, выражается въ поэзіи. Народъ является еще одною цельною массою, поглощающею индивидуумовъ: по этому неизмѣняемъ, всегда себя вѣренъ; по этому и національная поэзія всегда истинна и, имѣя въ то-же время, поэтическую форму, всегда прекрасна. И такъ есть точно сфера, въ которой первое отрицаніе поэзіи до личности получаетъ пребывающій историческій смыслъ, сфера, въ которой форма есть единственное ручательство, и вмѣстѣ съ тѣмъ вѣрное ручательство, за поэтическое достоинство. Эта сфера, эта поэзія, опредѣляющаяся дѣйствительно вмѣстѣ съ народомъ и въ народѣ до личности, есть поэзія національная, народная пѣсня. Здѣсь поэтовъ нѣтъ, здѣсь поэтъ — народъ. Следовательно, вездѣ, гдѣ есть народъ, есть и національная поэзія и народныя пѣсни. Великое значеніе имѣетъ народная поэзія, выражая вѣчную и истинную сущность народа; она открываетъ намъ его, она всегда остается вѣрною опорою, вѣрною порукою за будущее народа, къ какимъ бы сомнѣніямъ и противорѣчіямъ ни привело насъ его дальнѣйшее развитіе, разрывившееся отъ цѣлости чисто-національнаго, необходимо-вѣрнаго, опредѣленія. Эту степень, какъ мы сказали, имѣетъ въ своемъ движеніи каждый народъ; она уже необходимо въ немъ, потому что онъ народъ, нація.

Но, какъ можно уже заключить, эта сфера не есть полная истинная сфера; это только моментъ, эта степень развитія, есть только степень, и потому развитіе должно перейти ее и идти далѣе, сохраняя свое, данное этой сте-

пению, опредѣленіе, только какъ моментъ. Выше было объяснено значеніе перваго отрицанія личности и необходимость разрѣшенія, необходимость отрицанія отрицанія. Здѣсь нѣтъ еще общаго, въ этомъ простомъ его отрицанія. Только съ единичностью возможно конкретное проявленіе общаго.

Отсюда уже вытекаетъ необходимость разрѣшиться сферѣ національной. Сфера національная отрицаетъ, поглощаетъ т. с. чловека вообще, и будучи вмѣстѣ съ тѣмъ ничто иное, какъ степень развитія чловека вообще, она такимъ образомъ заключаетъ въ себя противорѣчіе, долженствующее разрѣшиться. Мы объяснили переходъ изъ сферы личности, мы показали, что отрицаніе личности есть единичность. Въ націи, опредѣленіи чловека въ личности, долженъ совершиться то-же этотъ переходъ. Онъ совершается. Изъ національнаго опредѣленія, гдѣ каждый имѣетъ по столько значенія, по скольку онъ нація,—чловекъ вырывается, изторгаетъ себя, отрицаетъ личность—национальность, и является какъ единичность, какъ индивидуумъ, значить какъ индивидуумъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ чловекъ вообще. Только съ единичностью возможно проявленіе и общаго, только съ индивидуумомъ или съ значеніемъ индивидуума (какъ индивидуума) возможно въ народѣ общее чловеческое значеніе. Точно такъ-же какъ единичность, будучи отрицаніемъ отрицанія, предыдущее отрицаніе—личность, полагаетъ въ себя, какъ моментъ, ею условливается; такъ точно и индивидуумъ, отрицая национальность, необходимо полагаетъ ее въ себя какъ моментъ, ею условливается. Періодъ исключительной национальности проходитъ, индивидуумъ освобождается и въ то-же время освобождается чловекъ вообще; но национальность, какъ необходимый моментъ, не теряетъ своего мѣста, а только становится, какъ моментъ вѣчно пребывающій. Здѣсь объясняется, откуда выходитъ индивидуумъ, освобождающій и являющій въ себя общее, но,—какъ индивидуумъ такого-то народа, опредѣленный такимъ-то народомъ, дающимъ ему

дѣйствительность, и, стало быть, дѣйствующій изъ него, его стороною, его участіемъ, значеніемъ въ общемъ, его силою и вмѣстѣ его средствами и орудіями, носящими, разумѣется то-же опредѣленіе народа. Укажемъ, напримѣръ, на языкъ. Національность, переставая быть исключительною, ни сколько оъ того не теряетъ, напротивъ въ дальнѣйшемъ развитіи народа, при наполненіи его чрезъ индивидуумовъ общимъ содержаніемъ, она возвышается, ибо въ ней стало быть лежала, лежитъ эта возможность возвыситься до общихъ интересовъ; тутъ только, на этой третьей степени постигается и значеніе народа, и его отношеніе къ общему, ко всему человѣчеству, — и чѣмъ выше, чѣмъ обширнѣе проявляется въ народѣ общее, человѣческое, тѣмъ, стало быть, выше становится нація, пребывающая всегда условіемъ такого пониманія; здѣсь хвала нации; тогда-то получаетъ она истинный, глубокій смыслъ. Народъ восходитъ на высшую степень своей дѣятельности; въ этой его сферѣ въ одно и то-же время является челоѣкъ, нація и индивидуумъ. Эти моменты родные другъ другу, говоря не философски; слѣдовательно между собою дружественно связаны. Не нужно и говорить (это видно само собою), какъ далеки мы отъ космополитизма, отъ того недѣйствительнаго и жалкаго усилія создать сферу въ самой себѣ ложную и потому навсегда далекую отъ дѣйствительности. Въ то-же время мы также смотримъ на исключительную національность, какъ на историческій моментъ и слѣдовательно также не останавливаемся на ней.

Такое-же развитіе, такой-же шагъ совершается вмѣстѣ съ народомъ и въ исторіи литературы, гдѣ, въ народѣ, осуществляется и получаетъ дѣйствительность — необходимое движеніе, развитіе поэзіи. Всякой челоѣкъ перестаетъ имѣть значеніе по столько, по сколько онъ нація, принадлежитъ ей. Опредѣленіе ложное проходитъ, становится моментомъ. Отдѣльность поэтическаго произведенія, форма, перестаетъ уже быть ручательствомъ за достоин-

ство; оно перестаетъ имѣть значеніе, потому только, что оно произведеніе въ сферѣ поэзіи, — какова національная пѣсня. Поэзія переходитъ въ *единичность*; вмѣстѣ съ тѣмъ общее становится ея содержаніемъ. Въ области поэзіи разрушается пѣсенная сфера; освобождается духъ, наконецъ могущій развить всего себя, всю глубину свою, все свое значеніе, и зиждетъ новую область, истинную область поэзіи, вполне ей соразмѣрную; произведеніе въ ней получаетъ новое высшее значеніе. Съ разрѣшеніемъ личности и съ явленіемъ единичности, произведеніе значить само для себя, какъ единое; получаетъ, такъ сказать, собственное индивидуальное достоинство. Это развитіе конкретируется въ народъ и съ народомъ, какъ развитіе литературы. Вмѣстѣ съ разрѣшеніемъ личности и національности — разрѣшается пѣсенная сфера. На національныхъ пѣсняхъ зиждется новая сфера — литература. Поэзія не отражаетъ уже въ себѣ только жизни цѣлаго нераздѣльнаго народа, національной жизни: народъ самъ уже не живетъ этою нераздѣльною жизнью; общее вмѣстѣ съ пробужденіемъ индивидуума проникаетъ въ него. И такъ поэзія, не отражая уже только національности, наполняется общимъ содержаніемъ, могущимъ явиться только съ пробужденіемъ единичности въ поэтическомъ мірѣ. Опредѣленіе поэтической формы разумѣется недостаточно; только въ области личности, осуществляющійся въ народъ исторически въ національности, — въ народныхъ пѣсняхъ, могла она имѣть законное мѣсто, какъ форма. Здѣсь, напротивъ, она становится только необходимымъ присущимъ моментомъ поэтического созданія. Вмѣсто пѣсенной формы являются со всѣми различіями драма, эпосъ, предчувствіе которыхъ и, подчиненный общему условію, образъ лежалъ уже и въ періодъ національности, и собственно вмѣсто пѣсни — лирика. Вмѣстѣ съ необходимостью всякому произведенію имѣть свое индивидуальное достоинство лежитъ возможность явиться и множеству плохихъ произведеній, чего не могло быть прежде: ибо въ этой новой сферѣ, въ сферѣ единич-

ности, форма по прежнему доступна, но не по прежнему ручательство вѣрное за достоинство. Если-же здѣсь взглянемъ мы на народъ, то съ пробужденіемъ въ немъ индивидуальной жизни увидимъ и пробужденіе всѣхъ индивидуальных оттънковъ, неровностей, ошибокъ; разность индивидуумовъ, освободившихся теперь, ихъ собственная неровная дѣятельность, — все это, потому самому, является и въ сферѣ искусства, отношеніе котораго къ развитію народа такъ близко и глубоко, и которое явило новыя высшія формы, съ требованіемъ индивидуальнаго достоинства. Совсѣмъ тѣмъ только избранные, только художники проникаютъ въ его священный міръ, а дерзкіе и слабые бьются только съ формою, уже лишенною своего смысла, который она имѣла именно чрезъ ихъ отсутствіе, какъ индивидуумовъ. И такъ необходимость единичнаго достоинства уничтожаетъ равенство поэтическихъ произведеній и даетъ возможность быть многимъ произведеніямъ, которыя хотя и поэтическія произведенія, но плохи. Плохія произведенія, новостъ доселѣ неизвѣстная, то, о чемъ и не слыхать было въ періодъ національности, гдѣ форма была все. Соотвѣтственно съ этимъ, пробужденная дѣятельность индивидуумовъ въ народѣ, нарушаетъ первобытную его цѣлость, производитъ то-же самое; вмѣстѣ съ этою свободою являются непрізнанные и становятся плохими сочинителями, чего также не могло быть прежде; ибо въ періодъ національности, гдѣ индивидуумы вообще значили по столько, по скольку они нація, творцемъ была нація, вѣчная сущность (субстанція), слѣдовательно всегда необходимая, неизмѣнная и ровная. И такъ вмѣстѣ съ пробужденіемъ единичности въ народѣ, какъ индивидуума, и, соотвѣтственно, въ поэзіи, какъ единаго, для себя значущаго, произведенія — является возможность плохихъ индивидуумовъ - производителей и плохихъ отдѣльныхъ произведеній; но тѣмъ выше стало искусство, котораго и требованія стали выше.

Оно совершило полный круг своего развитія, оно вышло изъ неподвижной сферы перваго отрицанія, изъ которой вышелъ и человекъ, оставивъ свою исключительную національность. Кончено противорѣчіе, присущее поэзіи на степени конкретировавшейся въ народъ личности, — національности; поэзія освободилась отъ него и достигла сферы единичности, въ которой она вновь себя находитъ, какъ общее, — сферы, гдѣ возможно ея полнѣйшее выраженіе — литературы собственно; эта сфера, эта степень единичности есть сама не что иное, какъ моментъ; она не уничтожаетъ предыдущаго развитія; будучи моментомъ, она не исключаетъ, а полагаетъ въ себя и предыдущіе моменты. Такимъ образомъ здѣсь видимъ мы и общее, и особность, и единичность. Въ единомъ художественномъ произведеніи выражается и поэзія вообще, какъ искусство, поэзія, какъ поэтическое отдѣльное, особое произведеніе, и вмѣстѣ, какъ единое, само для себя значащее произведеніе, имѣющее индивидуальный, неотдѣлимый смыслъ, и потому немогущее повториться. Поэзія совершаетъ сей внутренній путь своего развитія и совершаетъ его конкретно въ совокупности своихъ произведеній, — въ литературы вообще, гдѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ переходя въ дѣятельность, какъ дѣятельность человеческого духа, осуществляется она въ развитіи человеческого духа, въ народѣ; — являясь на степени особности, какъ *національная поэзія*, именно *національная пѣсня*; на степени единичности, какъ *литтература собственно*. Опредѣленіе національности стало необходимымъ присущимъ моментомъ. Эта литтература, содержаніемъ которой вмѣстѣ съ едиными, для себя значащими произведеніями, стало общее, — не отражаетъ исключительно народъ, но выражаетъ это общее чрезъ него же, возвысившагося до общечеловѣческаго значенія; она можетъ принадлежать только именно такому-то народу; самое живое орудіе ея — языкъ, принадлежитъ непременно извѣстному народу. Здѣсь выражается, какъ именно въ

такимъ-то народъ проявилось общее въ сферѣ литературы. Такимъ образомъ въ литературѣ видимъ мы и общее (обще-человѣческое), и національность, и индивидуальность произведенія; въ индивидуальномъ произведеніи видимъ мы и общее содержаніе, и національное опредѣленіе, и въ то же время индивидуальное значеніе. Въ этой высшей области литературы вообще, видимъ мы уже разнообразныя роды поэзіи, въ ней вполне опредѣляющіеся; то, что было предчувствіемъ можетъ быть въ народѣ, покоряясь общей пѣсенной формѣ, развилось въ опредѣленныхъ родахъ поэзіи; сама пѣсня возвысилась до лирическаго стихотворенія (*). Эти роды опредѣленны въ своемъ различіи; это не только одна пѣсня и пѣсня, обнимавшая собою нѣкогда все, всю жизнь народа, цѣльно, нераздѣльно проходившую; нѣтъ, народъ вышелъ изъ этого состоянія, и поэзія также вѣстѣ съ нимъ доходитъ до полного развитія, гдѣ и предыдущая степень не теряетъ своего значенія, но становится присущимъ моментомъ; полнѣе сталъ народъ, полнѣе стала поэзія. Какъ ни высоко и ни истинно философское воззрѣніе, какъ ни вполне примиряются предъ нимъ всѣ противорѣчія, и многообразная жизнь является только вѣчною гармоніею, чудною теодицеею — но свойственно полнотѣ души человѣческой отрывать отъ этого великаго воззрѣнія и жалѣть о минувшемъ времени, о исчезнувшемъ величій. Становится грустно, когда взглянешь на колоссальныя развалины нѣкогда исполинскаго великаго зданія, когда посмотришь на слѣды прошедшаго, нѣкогда полнаго, кипѣвшаго одною жизнію, хотя оно и уступило

(*) Здѣсь можетъ возникнуть вопросъ: роды поэзіи (лирика, эпосъ, драма) и виды челоѣка вообще: народы, и пр., гдѣ получаютъ свое раздѣленіе? Разумѣется оно заключается въ самомъ общемъ; общее конкретируясь, проявляетъ свои стороны, также общія, необходимо въ немъ лежащія и развивающіяся при конкретированіи, сперва въ области личности, которая представляетъ ихъ отвлеченными сначала. Впрочемъ здѣсь устраняемъ мы вопросъ этотъ о раздѣленіи поэзіи и вообще о раздѣленіи общаго; это удалило-бы насъ слишкомъ въ сторону.

мѣсто другому высшему явленію и хотя въ общемъ развитіи все прекрасно, — прекрасно самое развитіе. Въ комъ, человѣкѣ, не пробуждалось грустное чувство при взглядѣ на свѣтлый міръ Греціи, на Римъ, на средніе вѣка, нѣкогда жившіе полно и исчезнувшіе? Такъ и умолкшія, утратившія свою всеобъемлемость, пѣсни народа, памятники его національнаго періода, невольно наводятъ печаль на душу. Но кромѣ этого человѣческаго чувства, само философское воззрѣніе чтить съ благоговѣніемъ въ исчезнувшемъ моментальное выраженіе вѣчной истины, хотя наслаждается самымъ ея развитіемъ, — и это воззрѣніе полно любви, все обнимающей, все живящей. Одни профаны и невѣжды, полные грубой дерзости, готовы топтать эти памятники, крича: старое, старое! и ругаться надъ ними: имъ недоступно знаніе, и они лишены человѣческаго чувства; — дѣти чисто преходящаго, они уносятся безъ вреда и слѣда въ потокъ времени.

Взглянемъ теперь на результатъ нашихъ изслѣдованій.

- И такъ поэзія, какъ общее, проходитъ необходимый путь отрицанія; мы видѣли, что этотъ путь совершается въ человѣческомъ духѣ, въ развитіи котораго поэзія, дѣятельность человѣческаго духа, находитъ свое конкретизированіе. Въ немъ осуществляются моменты поэзіи и получаютъ истинное историческое значеніе. Такимъ образомъ поэзія, при осуществленіи своемъ являясь литературою, въ моментъ особенности является, какъ національная поэзія, національная пѣсня, вполне отражающая народъ и только народъ, находящійся на степени особенности, въ сферѣ исключительной національности. Моментъ особенности, національныхъ пѣсней разрѣшается, и поэзія переходитъ въ моментъ единичности, гдѣ она является, какъ литература собственно, въ которой уже совершается новое требованіе; всякое про-

*

изведеіе, истинно изящное, имѣетъ значеніе само для себя, индивидуальное, и вмѣстѣ съ тѣмъ общее значеніе: поэзія не отражаетъ уже только народъ, но вмѣщаетъ въ себя обще-человѣческое содержаніе. возникшее въ народѣ, — который вышелъ изъ момента исключительной національности, особенности и который, вмѣстѣ съ освобожденіемъ индивидуума, переходитъ въ моментъ единичности, гдѣ индивидуумъ значить какъ индивидуумъ, и гдѣ вмѣстѣ съ тѣмъ является обще-человѣческое значеніе въ народѣ.

Всякая литература (подъ литературой, какъ мы сказали уже, разумѣмъ мы поэзію, конкретизирующуюся исторически необходимо въ совокупности своихъ произведеній у такого-то народа), всякая литература должна слѣдовательно пройти въ своемъ историческомъ развитіи эти необходимыя степени; ими-то, этими существенными моментами знаменуется ея развитіе; эти моменты составляютъ ея главные эпохи и вмѣстѣ съ тѣмъ эпохи жизни народа, въ развитіи котораго она конкретизируется и котораго бытіе въ поэзіи, въ этой одной изъ сферъ безконечнаго духа, она представляетъ.

Опредѣливъ такимъ образомъ необходимыя моменты развитія поэзіи въ литературѣ, взглянемъ теперь на нашу литературу, и посмотримъ, какъ выразился и опредѣлился въ ней этотъ общій законъ развитія; бросимъ взглядъ на все ея историческое движеніе, на кругъ, обнимающій всѣ ея явленія. Тогда литература наша въ своей исторіи представится намъ стройнымъ цѣлымъ, въ послѣдовательности своихъ необходимыхъ моментовъ; явленія ея получатъ смыслъ, отнесутся къ извѣстному мѣсту; мы уразумѣмъ ихъ отношеніе къ общему развитію, однимъ словомъ уразумѣмъ ихъ историческое значеніе.

Россія является намъ сперва строго подѣ опредѣленіемъ личности; степень, на которой находится сначала Русской народъ, есть степень исключительной національности. Въ этомъ кругѣ времени раздаются пѣсни отъ края до края, обнимая собою и выражая всю сущность народа, какъ народа, — нации, — цѣльную, истинную, со всеми многоразличными сторонами. Едва только явился народъ, уже должна была пѣться пѣсня, и потому взоръ нашъ терлется въ невѣрной, исчезающей дали этого пѣсеннаго періода, изъ-за которой гремѣтъ намъ, наконецъ уже едва слышныя, едва понятныя, отрывочныя звуки; но чѣмъ ближе, тѣмъ громче раздаются пѣсни, и въ срединѣ этого круга времени, гремѣтъ онѣ вполне торжественно въ своихъ многоразличныхъ тонахъ и напѣвахъ, но принадлежащихъ одному народу. Вся жизнь народа въ этомъ опредѣленіи, вся находитъ въ нихъ прямой отголосокъ; все сознаніе его самаго, его вѣрованія, его дѣла и преданія, его фантазія, его историческіе подвиги и семейная исторія сердца, его радость и горе, веселье и тоска — все, все раздается въ его пѣсняхъ, которыя звучатъ стройнымъ, гармоническимъ хоромъ надъ его національною жизнью.

Кругъ нашихъ національныхъ пѣсенъ многообъемлющъ и обширенъ; широко простираясь, гремѣтъ онѣ звучно, выражая всѣ интересы народа, какъ народа. Въ національныхъ пѣсняхъ можемъ мы видѣть, какъ велико содержаніе, какъ велика сущность народа, вся въ нихъ, цѣльно высказывающаяся; по этому изученіе національныхъ пѣсенъ, съ которыхъ должна начинаться исторія литературы народа, очень важно; духъ народный рѣшительно открывается въ нихъ; это полный міръ, гдѣ все связано между собою, гдѣ все существуетъ подѣ однимъ общимъ опредѣленіемъ нации. Какъ ни мало издано у насъ по этой части, какъ ни мало знакомы мы по собственной волѣ съ этимъ великимъ періодомъ народа, но

все мы не можем не признать и не удивляться богатству нашему въ этой сферѣ. Всѣмъ намъ болѣе или менѣе извѣстенъ міръ нашихъ пѣсень; ихъ протяжный напѣвъ, такъ намъ знакомый, встрѣчалъ насъ у колыбели, сопровождалъ насъ въ дѣтствѣ и вводилъ насъ такимъ образомъ прямо въ сферу жизни того народа, къ которому мы принадлежимъ; мы становились прежде всего причастны общей субстанціи народа — однимъ словомъ, мы входили сперва прямо въ періодъ національной пѣсни, такъ дѣйствительно воспитывавшей нашъ духъ, чтобы потомъ перешагнуть за эту грань, выйти изъ этой исключительно національной области и съ полнымъ правомъ продолжать наше развитіе уже въ другой высшей сферѣ, но въ томъ-же отечествѣ, на его-же пути, съ его-же силами. За многими изъ насъ лежитъ это время, гдѣ національность, гдѣ народная пѣсня съ преданіями и сказками, составляла всю нашу жизнь; потому почти каждый изъ насъ знакомъ хотя отчасти съ этою сферою и знаетъ какую нибудь пѣсню, какое нибудь преданіе, имъ особенно услышанное — обломки нѣкогда полнаго, все обнимающаго періода. Чувство человѣческое всегда заставляетъ насъ внутренно трепетать при звукахъ нашихъ пѣсень, а знаніе, удаляя ложныя мнѣнія и сужденія, заставляетъ насъ понимать ихъ глубокое значеніе.

Мы имѣемъ большой отдѣлъ пѣсень религіозныхъ, духовныхъ, такъ называемыхъ *стиховъ*. Здѣсь выразилось великое, религіозное созерцаніе народа; эти стихи не популярны; ихъ не запоетъ крестьянинъ, ѣдучи въ телегѣ, по необозримой степи; для нихъ надобно особое расположеніе духа, важное, далекое отъ шутки; они поются къмъ нибудь предъ народомъ, ихъ слушающимъ. Съ этимъ родомъ пѣсень мы всего менѣе знакомы; а онѣ именно исполнены изумительно глубокаго и могущественнаго созерцанія. Наши пѣсни историческія, гдѣ народъ сознаетъ себя какъ историческое лице, въ образахъ, вполне его

выражающихъ, его представителей, — въ разныя эпохи своей жизни, — составляютъ особенный кругъ; это мѣръ живыхъ, опредѣленныхъ образовъ; всякое лице имѣетъ свой характеръ и ни одно, встрѣчаясь нѣсколько разъ, нѣсколько не измѣняетъ себя, — и понятно: народъ, цѣльная субстанція, не можетъ ошибаться, не можетъ противорѣчить себѣ. Каждая эпоха въ этихъ историческихъ пѣсняхъ отличается отъ другой; вы никакъ не смѣшаете пѣсни о богатыряхъ Владиміра съ пѣсню временъ Новгородскихъ, Іоанна Грознаго, хотя и тамъ и здѣсь является богатырская сила. Но безчисленны, безконечны въ своихъ отбѣнкахъ, поются пѣсни семейныя, частныя пѣсни народа. Это не думы его въ пѣсняхъ религіозныхъ, ни объективные образы въ пѣсняхъ историческихъ, въ которыхъ колоссально онъ является; нѣтъ, это просто его внутренній, субъективный мѣръ, съ радостями и бѣдами, съ долею и бездолею, съ временемъ и безвременьемъ. Но здѣсь можете вы сказать: такъ вотъ онъ этотъ народъ, у котораго такія думы, такіе могущественные, исполинскіе, объективные образы, которымъ дивились вы въ другихъ пѣсняхъ; вотъ онъ самъ, вотъ онъ какъ тоскуетъ и веселится; — то, чего не видать еще было въ другихъ пѣсняхъ. Эти-то домашнія, личныя пѣсни неразлучны съ человекомъ въ народѣ, подъ національнымъ опредѣленіемъ; онъ всюду у него на устахъ; онъ-то оглашаютъ далекія степи и широкія рѣки, сопровождаются скокомъ лошади и плескомъ весла. Тутъ любовь и кручина, тутъ всегда печальное замужество. Невѣста горюетъ; это не ея бѣда, не бѣда какой нибудь одной невѣсты; это общая участь, удѣлъ невѣсты въ народѣ. Все здѣсь принадлежитъ каждому въ народѣ, ибо здѣсь индивидуумъ — нація, здѣсь онъ живетъ чисто подъ этимъ національнымъ опредѣленіемъ, о которомъ такъ долго говорили мы выше. Разнообразныя и истинныя, всегда ровныя, вѣрныя сами себѣ, всегда полныя одною опредѣленною жизнію, стройно и невозмутимо поднимаютъ

ся пѣсни надъ народомъ, живущимъ въ періодъ исключительной національности.

Мы не станемъ болѣе распространяться о пѣсняхъ; не онѣ собственно предметъ нашего вниманія; намъ необходимо было взглянуть на нихъ, какъ на моментъ въ исторіи литературы, безъ чего-бы у насъ не было полного и живаго созерцанія ея историческаго развитія. Только до этой степени интересуютъ насъ эти пѣсни. И такъ пойдемъ далѣе.

Русской народъ, находясь въ своемъ пѣсенномъ періодѣ, въ періодъ исключительной національности, принялъ христіанскую религію. Но вмѣстѣ съ христіанской религіей дано было ему то общее, уже готовое (*fertig für sich*), для котораго онъ еще не развился, котораго принять и понять не былъ онъ въ состояніи. Естественно, что все великое, общее, лежащее въ христіанской религіи, не могло перейти въ народъ, понявшій ее истинно, но въ своей тогда сферѣ, по столько, по скольку онъ могъ ее понять. Общее-же въ христіанской религіи должно было какъ кладъ вручиться народу, кладъ, который тогда только долженъ былъ открыться, когда народъ ступитъ на степень достойную для обладанія имъ. И это великое религіозное содержаніе общаго заключилось въ сокровищницу, ограждавшую отъ народа святыню глубокой истины, великій удѣлъ его будущаго. Церковныя книги, богослуженіе, однимъ словомъ вся христіанская письменность была перенесена къ намъ на языкъ церковно-Славянскомъ (*), языкъ не нашемъ, который сталъ такимъ образомъ со-

(*) Мы не будемъ входить въ изслѣдованія, до насъ теперь некасающіяся, къ какому собственно нарѣчію Славянскому должно отнести языкъ, на который переведены церковныя наши книги; мы скажемъ здѣсь только, что этотъ языкъ никогда не былъ языкъ Русской, отдѣлялся отъ него

кровищницей святыни религии, хранителемъ ея среди толпы народной, понятный, но недоступный для нее, гремѣвшій для нее въ храмахъ, гдѣ съ благоговѣніемъ внимала она его звукамъ. Церковно-Славянскій языкъ, перенесенный къ народу, имъ неговорившему и посвященный на служеніе вѣчному, проникнутый вѣчнымъ, божественнымъ содержаніемъ, былъ оторванъ тѣмъ отъ случайности, оторванъ отъ измѣненій, налагаемыхъ преходящимъ, увлекающимъ съ собою все, что не отдѣлилось отъ него,—и остался неизмѣненъ и вѣченъ въ своей первобытной формѣ; всякое слово тамъ освятилось, всякое выраженіе, свободное отъ обыденнаго употребленія, приняло важный, торжественный характеръ; все случайное языка отброшено было въ сторону отъ языка церковно-Славянскаго; на немъ нельзя было разговаривать, употреблять его выраженіемъ своихъ страстей и минутныхъ мимолетныхъ движеній, и даже болѣе важныхъ житейскихъ дѣлъ. Чудное зрѣлище въ самомъ дѣлѣ представляетъ этотъ языкъ, весь освятившійся вѣчнымъ содержаніемъ, всего его проникнувшимъ, языкъ, понятный для народа, но никогда не сходящій въ міръ его нуждъ и заботъ, никогда не могущій сдѣлаться орудіемъ его затѣй и намѣреній: такъ точно какъ прекрасное небо простирается надъ нами, доступное для нашего созерцанія; мы поднимаемъ къ нему взоры и любуемся его вѣчною красотою,—но оно никогда не сойдетъ къ намъ на землю, оно никогда не будетъ намъ доступно и всеизмѣняющая дѣятельная рука человѣка никогда не достигнетъ его. По этому когда мы входимъ только въ самый языкъ церковно-Славянскій, оторванный, т. с. какъ небо отъ земли, отъ всего случайнаго, мы чувствуемъ уже себя перенесенными въ другой міръ, гдѣ все вѣчно, гдѣ все, какъ въ храмѣ, въ которомъ онъ раздается, освящено

по-крайней-мѣрѣ такъ, какъ особое нарѣчіе, что надѣмся имъ въ послѣдствіи отчасти доказать.

присутствіемъ безконечнаго, божества. Таково было у насъ, со времени принятія христіанства, значеніе языка церковно-Славянскаго, скрывающаго отъ народа общее, собственно въ сферѣ религіи, въ періодъ его національности. Народъ усердно молился въ храмахъ, исполняясь весь глубоко религіознаго благоговѣнія, но никогда не преступалъ и не могъ преступать за священную ограду, и, вѣрный себѣ, пѣлъ свои нѣсни, оглашая ими всѣ дѣла своей жизни, своей національной жизни, надъ которою, какъ свѣтлый міръ, являлся церковно-Славянскій языкъ съ своимъ вѣчнымъ, религіознымъ содержаніемъ, съ своимъ общимъ, тайною, удѣломъ будущаго.

За этою оградою была своя уединенная дѣятельность. Отдѣлившіеся отъ міра, обрекшіе себя на служеніе вѣрѣ, подвижники изливали на бумагу мирное созерцаніе сокровищъ духовныхъ, христіанское чувство любви и смиренія. Изъ тишины кельи, смотря на рядъ событій неспихшихъ мимо, — описывали они также, «не мудрствуя лукаво». Нерѣдко голосъ ихъ раздавался изъ-за стѣнъ монастырей, то наставительный, то увѣщательный, иногда указующій (*). И люди, принадлежащіе міру, въ томъ числѣ Князи и Царя нани, удалялись въ эту священную область религіозной жизни и сами становились причастны духовному содержанію и вѣсть языку церковно-Славянскому. Но это опять нисколько не противорѣчитъ тому, что мы сказали выше; эта сфера религіи все не менѣе была отдѣлена отъ народа, и тѣ, которые туда входили, еще не служатъ свидѣтельствомъ, чтобы эта религіозная жизнь переходила въ народъ; они сами удалялись туда и принимали вѣсть и языкъ церковно-Славянской, орудіе истинъ религіозныхъ; всѣ люди мірскіе, писавшіе о духовномъ по-церковно-Сла-

(*) Посланія Никіфора Митрополита къ Владимиру Мономаху. Посланіе Россійскаго Духовенства къ Углицкому Князю Дмитрію. Посланія Митрополитовъ въ разныя города. Слово Вассіана Рила Великому Князю Іоанну III, и пр.

вянски, были, если можно такъ выразиться, болѣе или менѣе дилеттанты, любители, отдѣлявшіеся сами въ ту минуту отъ своей обычной жизни (*). Не всякое и религіозное сочиненіе заключало впрочемъ въ себѣ общее, хотя и принадлежало къ сферѣ религіи. Общее религіи было часто недоступно самимъ дѣятелямъ той сферы, какъ общее.—Мы не можемъ отрицать того, что въ рѣчи людей, знакомыхъ съ духовною письменностью, встрѣчались часто, такъ что рѣчь пестрѣла, выраженія церковнаго языка; но эти выраженія встрѣчались, какъ цитаты, которыя не проникаютъ самую рѣчь и остаются ей чуждыми, какъ бы цитаты изъ Латинскаго и другихъ иностранныхъ, положимъ хоть и соплеменныхъ, языковъ. Или-же это были слова, слѣдствіе привычки, притязанія, а иногда и особеннаго пристрастія: точно такъ, какъ мы и теперь вѣсиваемъ слова иностранныхъ языковъ въ нашъ разговоръ. Въ сущности-же, это самое сближеніе показываетъ границу, лежавшую между міромъ религіознымъ и жизнью народа, или что нераздѣльно съ этимъ, между языкомъ церковно-Славянскимъ и Русскимъ, ихъ представителями. Міръ религіозный съ своимъ общимъ, какъ мы сказали, пребывалъ и дѣйствовалъ въ себѣ, отдѣльно отъ народа, жизнь котораго была чисто національна, поэзія-же выражалась соответственно только въ національныхъ пѣсняхъ. Такъ развивалась и пла наша исторія, наша литература, въ періодъ національности. Мы не станемъ преслѣдовать его подробно, во все его продолженіе, со всеми измѣненіями, событіями въ немъ случившимися; во весь этотъ періодъ пѣлись пѣсни, ибо таково было опредѣленіе наро-

(*) Таковы напиримръ: посланія Великаго Князя Василія Васильевича Темнаго къ Константинопольскому Патріарху и Царю Константину Палеологу; посланіе Іоанна Грознаго въ Кирило-Бѣлоозерскій монастырь; переписка его съ Курбскимъ; исторія Князя Курбскаго;—исторія вообще была увлкомъ религіозной-же сферы,—и пр. и пр.

да. Бросимъ бѣглый взглядъ на это пространство времени, сколько то нужно для нашей цѣли.

Въ періодъ національности вырабатывалось политическое тѣло Россіи. Безпорядочное, вѣчно волнуемое время удѣловъ представляетъ это броженіе, результатомъ котораго была Москва; она была внутреннею, существенною цѣлью, задачею предыдущаго періода, тѣмъ плодомъ, къ которому стремится кругъ развитія. Безпрестанное стремленіе, исканіе, которое видимъ мы въ предыдущее ей время, кончилось, какъ скоро найдено было то, чего искалось. Москва является намъ, какъ единство Русскаго государственнаго, и еще болѣе *земскаго*, организма, начавшаго отсель побѣдоносную свою дѣятельность. Улеглись мало по малу шумныя волны, и даже до предѣловъ Россіи распространилась тишина; умолкли частныя подвиги, утихли шумъ и безпорядокъ предъ важнымъ и стройнымъ шествіемъ государства. Скрылись Удѣльные Князья; явился одинъ Царь Московскій и вся Россіи. Скоро предѣлы наши далеко раздвинулись; безъ жажды завоеванія, безъ воинственнаго изступленія, всегда краткаго и непрочнаго, не какъ рѣка въ половодьи, шумно и быстро выходящая изъ береговъ своихъ, — тихо расширялась Россія, прибрѣтая область за областю, страну за страной, такъ что разширеніе ея можно было назвать не покореніемъ чуждыхъ земель, а свободнымъ ростомъ ея собственнаго исполнскаго организма. Скоро заняла она положительное мѣсто среди Государствъ Европы. Судьба Россіи долго отдѣляла ее отъ Европейскаго Запада; не одни историческія событія впрочемъ произвели это; ея сущность, религія, ею принятая и вполне сродная ея сущности, все рѣзко отдѣлило ее отъ другихъ Государствъ и поставило

если не во враждебное, то въ противное положеніе Западу. Въмѣстѣ съ Москвою національность ея, современное ея опредѣленіе, обозначилась явственнѣе, стала могущественною, ибо Россія, не выходя изъ этого опредѣленія, стала могущественнымъ цѣлымъ. Внѣшнія соприкосновенія съ Европой, мирныя и бранныя, не измѣняли нисколько ея физіогноміи. Все, что принимали мы, — принимали мы не съ тѣмъ, чтобы перемѣнить себя, но принимали точно также, какъ приобретали чуждыя страны и народы, вводя ихъ въ свои предѣлы. Однако вмѣстѣ съ тѣмъ, пользуясь чисто внѣшнимъ образомъ открытіями Европы, мы не приняли въ себя духа, ихъ производившаго. Россія оставалась въ своей исключительной національности, обезопасенная своимъ могуществомъ; найденъ былъ истинный центръ, все скрѣпившій и все содержащій — Москва, которая, будучи центромъ Россіи, была, само собою разумѣется, и центромъ національнаго духа, ее оживлявшаго.

Такъ стояла Россія подъ опредѣленіемъ исключительной національности, во всей силѣ могучаго Государства, наконецъ имѣющая единый центръ и вмѣстѣ единаго Царя. Ей нечего было опасаться, ей сплоченной такъ крѣпко; враги ея съ робкимъ изумленіемъ смотрѣли на дивное явленіе, возникшее предъ ними изъ-подъ цѣпей Татаръ, изъ безпорядковъ внутреннихъ; чуждыя государства искали ея дружбы. Но при всемъ томъ могла-ли Россія остаться всегда подъ исключительнымъ опредѣленіемъ національности? Русской народъ былъ-ли такимъ народомъ, который могъ-бы довольствоваться тѣснымъ кругомъ своей жизни и никогда не достигнуть общей человѣческой сферы, народомъ, слѣдовательно, отрѣшеннымъ отъ самобытнаго значенія въ сферѣ общаго, самобытнаго участія въ общей жизни? Должна-ли была Россія вырваться изъ сферы исключительной національности, должна-ли была

шагнуть за эту стезю и стать на другую, высшую, где освобождается индивидуум и, вместе съ освобожденіемъ индивидуума, непоглощаемого уже исключительно національною жизнью, общее становится содержаніемъ народа? — Такова-ли была Россія, чтобы сфера исключительной національности могла удовлетворить, обнять и исполнить определять ея сущность? Вотъ важный вопросъ, важная задача. Для того, чтобы разрѣшить ее, посмотримъ на дальнѣйшій историческій ходъ Россіи.

Мы сказали, что Россія приняла постоянное, твердое опредѣленіе національности. Цари правили ею наследственно, восходя на престолъ одинъ за другимъ. Прочіе потомки Рюрика лишались значенія властителей, какъ скоро одна Москва соединила все государство. Такимъ образомъ явилась и одна династія Московскихъ Царей, династія, образовавшаяся въ періодъ крѣпкой національности, тѣсно, нераздѣльно соединенная съ народомъ, славно царствовавшая и возвеличившая государство; ни одинъ голось не подымался противъ, никто не думалъ возставать на Царей. Но эта крѣпкая національная жизнь въ самой себѣ носила уже свое разрѣшеніе; но при этой національной династии не могла разрушиться сфера національности; чтобы развитіе двинулось впередъ, династія должна была прекратиться. Подъ сѣнію неколебимой династии, любезной народу, видимъ мы, является новое лицо, имѣющее особое, новое значеніе. При Іоаннѣ IV, Царѣ, облеченномъ всею грозою власти, является царедворецъ, не привязанный родомъ къ Россіи; его любитъ Іоаннъ; при немъ уже можно угадывать его начинающуюся значительность. Въ этомъ юношѣ, котораго ласкаетъ Іоаннъ, таится гибельная гроза его династии и вмѣстѣ всей національной жизни Россіи. По смерти Іоанна, Борисъ Годуновъ пріобрѣлъ рѣшительное вліяніе на управленіе государствомъ; при немъ

Царя увидали лице, до сихъ поръ не бывалое, увидали Правителя, не только дѣломъ, но и именемъ, ибо бездѣйствующій Царь вручилъ ему все и назвалъ Правителемъ. Въ лицѣ Феодора видимъ мы, съ одной стороны, бездѣйствіе прежней династіи, и при немъ, съ другой стороны, видимъ мы новую дѣятельность, новый возникающій элементъ въ государствѣ, въ лицѣ Годунова, лицѣ постороннемъ, являющемъ уже сильное властительное участіе въ судьбахъ Россіи. Но это новое начало, возникшее въ Борисѣ, стремится къ полному своему проявленію; гроза, собравшаяся надъ древней Московской династіей, должна была разразиться. Въ Угличѣ жилъ Царевичъ Димитрій, братъ и наследникъ Феодора, единственная отрасль Царей Московскихъ; на немъ долженъ былъ разразиться ударъ, на вѣтви свѣжей, исполненной надежды. Борисъ погубилъ его (*). Въ лицѣ Димитрія пала прежняя, древняя династія Московскихъ Царей, съ которой такъ тѣсно была связана національность. Борисъ Годуновъ взомелъ на престолъ, Борисъ, лице, непривязанное никакимъ воспоминаніемъ къ исторіи Русской, потомокъ Татарина. Это было новое, необыкновенное явленіе въ нашей исторіи; Царь избранный, вчера бояринъ; Царь, который, говоря прекраснымъ выраженіемъ Іоанна IV, не народился на царствѣ. — Опредѣленіе исключительной національности, о которомъ мы говорили, опредѣленіе столь твердое доселѣ, не уничтожилось вмѣстѣ съ паденіемъ національной династіи, національной силы; но вмѣстѣ съ тѣмъ ему былъ нанесенъ рѣшительный ударъ, открылась возможность и необходимость его уничтоженія; новый элементъ проникнулъ въ Россію; возвращеніе было невозможно; она должна была идти впередъ; новая жизнь ждала ее.

(*) Мы не рассматриваемъ здѣсь вопроса, именно-ли Борисъ убилъ Димитрія Царевича; во всякомъ случаѣ, онъ былъ виновенъ его смерти; самое явленіе его есть знакъ прекращенія прежней династіи, и въ понятіи народа онъ непремѣнно является ея прекратителемъ.

Наступило время перехода и вновь всколебалась Россія. Въ самомъ уже лицѣ Бориса видимъ мы потребность новаго, видимъ желаніе просвѣщенія, желаніе сблизить Россію съ Западомъ. Это выражается собственно въ воспитаніи его сына; онъ готовилъ въ немъ Царя для Россіи, и на его образованіе истощалъ всѣ попеченія; онъ старался ему передать то просвѣщеніе, которымъ хотѣлъ озарить Россію. Образование сына наследника — очень важно; до сихъ поръ принимали мы людей просвѣщенныхъ, какъ людей полезныхъ, и они постороннимъ образомъ входили въ Россію; но образованіе будущаго Царя, источника всей дѣятельности, образованіе его какъ лица, показываетъ, что просвѣщеніе, имъ полученное, должно было отъ него проникнуть внутренне всю Россію. Борисъ, избранный народомъ, привыкшимъ къ его правленію, не долго царствовалъ спокойно. Народъ не могъ забыть любимой имъ династіи, отъ которой онъ былъ такъ насильственно оторванъ; не могъ разстаться съ нею... и она къ нему воротилась еще, — какъ призракъ, которому онъ жадно повѣрилъ. Явленіе Димитрія Самозванца нисколько не было случайно, ни сколько не было смѣлою мыслію одного человека, нѣтъ, это была потребность народа, мечта, имъ самимъ созданная, которою онъ обольщалъ себя. Мысль о томъ, что Димитрій живъ, можетъ быть, выразилась въ народѣ прежде, нежели явился самозванецъ. Въ самозванцахъ видимъ мы продолженіе Московской династіи въ призракахъ, которая не вдругъ покинула Россію; видимъ усиліе народа воскресить, оживить, удержать родъ, который прекратился; это тѣнь династіи, вызванная, такъ сказать, любовью народа. Но надо замѣтить, что династія эта, какъ мы сказали, имѣла важный смыслъ для народа; съ нею была тѣсно связана національность; и слѣдовательно народъ, разставаясь съ нею, разставался, хотя не сейчасъ же и мгновенно, съ цѣлою сферою своего бытія, разставался съ своимъ исключительнымъ опредѣленіемъ націо-

нальности, которой она была представительницею и силой. Отсюда, любовь его къ ней и борьба, ея ради, получаютъ глубокое значеніе. Народъ не давалъ себѣ отчета, чего онъ хочетъ, какой жизни; онъ хотѣлъ только національной династіи; но одно съ другимъ было неразрывно связано. Скоро начались волненія, началась борьба; раздалось имя Димитрія, и народъ бросился къ нему; всѣ усилія Бориса едва могли удержать внезапность добровольнаго покоренія Лжедимитрію. Сыну Бориса назначено было продолжать борьбу съ Самозванцемъ, Борисомъ недоконченную. Борьба продолжалась недолго. Имя Димитрія все побѣдило, и прекрасный юноша погибъ, поставленный судьбою на великомъ пути историческихъ событій, жертвою исторической коллизіи. Радостный народъ возвелъ на престолъ призракъ древней династіи, думая возвести снова потомка своихъ Царей, Димитрія Іоанновича;—но это былъ только призракъ! Очарованіе длилось не долго; скоро дѣйствительность обнаружила мечту, скоро открылся обманъ. Подъ именемъ, священнымъ для народа, вошла измѣна въ Россію, измѣна всему, что было дорого и свято народу; подъ этимъ именемъ, съ которымъ связывалась вся національность Россіи, явилось именно оскорбленіе ея національности. Димитрій Самозванецъ, обязанный своимъ возшествіемъ на престолъ національному значенію своего имени, дерзко оскорбилъ еще могучую національность Россіи. Съ изумленіемъ глядѣлъ народъ, какъ онъ, нарушая обычаи старины, держалъ скомороховъ, надѣвалъ личины, не спалъ послѣ обѣда, ѣлъ телятину. Мы не говоримъ уже о другихъ важныхъ оскорбленіяхъ; но можемъ сказать, что и это были тоже тяжелые, непростительныя вины Самозванца въ глазахъ народа, что нисколько не смѣшно и не странно. Опредѣленіе національности и по существу своему такъ исключительно, такъ рѣзко и строго, что малѣйшее уклоненіе есть уже оскорбленіе ея; отсюда очень понятно, почему ѣсть телятину, не спать послѣ обѣда и

тому подобное, могло быть достаточною причиною къ негодованію и возстанію народа въ періодъ его національности; такъ и должно быть; здѣсь является сила идеи; это показываесть всю объемлемость, всю исключительность, всю силу и пространство опредѣленія національности. Лже-Димитрій слинкомъ дерзко и рано оскорбилъ національность и вызвалъ на себя страшную ея бурю. Народъ увидалъ, что ошибся. Оскорбленный и негодующій, поднялся онъ на Самозванца, который мгновенно погибъ въ перовой борьбѣ. Димитрій Самозванецъ дерзнулъ въ Россію ввести иностранное, и погибъ; но все-же онъ внесъ новое въ предѣлы Россіи, и начатое явленіемъ Годунова, собственно въ этомъ внутреннемъ отношеніи, продолжалось. Послѣ паденія Лже-Димитрія, вновь былъ избранъ Царь, когда лишились надежды имѣть Царя законнаго, наслѣдственнаго. Но надежда не совсѣмъ еще угасла; явился новый самозванецъ, и народъ вновь, хотя и не весь, и не съ прежнею увѣренностію, былъ увлеченъ къ нему. Во время этихъ смутъ, слѣдовавшихъ за прекращеніемъ династіи національной, въ Россіи насильственно входили новые элементы; вмѣстѣ съ тѣмъ безпорядки и смятенія. Сосѣди, видя ее лишенною властителей, колеблемую и шаткую, вторгнулись матеріально въ ея предѣлы. Волненіе распространилось отъ края до края. Василій Шуйскій хотя и предъявилъ въ грамотахъ (*) при возшествіи на престолъ наслѣдственныя права свои на вѣнецъ Русской, но не могъ уже ничего внушить древностію своего рода, своимъ произхожденіемъ отъ Рюрика; Удѣльныя Князья потеряли свое значеніе. Не Рюрикова династія, но Московскихъ Царей, была единственною династіею всея Россіи, какъ Государства. Шуйскій, какъ и другіе удѣльные Князья, былъ бояриномъ Московскаго Царя; время ихъ

(*) Собр. Госуд. грам. и догов. — Москва, 1819 г., т. 2, стр. 299, 300, 302, 306.

миновалось, а народъ въ историческомъ развитіи не дѣлаетъ шага назадъ. Имя Димитрія, враги внѣшніе и внутреннее состояніе Россіи, потерявшее прежнюю твердость и стойкость, и преданное новымъ волненіямъ, предшествова новой жизни — все возстало противъ него, и онъ, также какъ и его предшественники, долженъ былъ пасть съ престола, невѣрнаго въ то время послѣ послѣдняго Царя прежней династіи.

Престоль остался празденъ и смятеніе возрасло. Здѣсь — усиліе внѣшнимъ образомъ поколебать нашу національность. Но только при своемъ внутреннемъ развитіи, только самъ, можетъ народъ дѣйствительно выйти изъ сферы національности и перейти въ высшую сферу своего бытія, положивъ предыдущую въ себѣ вѣчноприсущимъ моментомъ. Какъ-же скоро другія націи разрушаютъ, внѣшнимъ образомъ все устройство національнаго быта, измѣняютъ все его существованіе, налагаютъ свои-же національныя и совершенно чуждыя для него формы, то вмѣстѣ съ тѣмъ гибнетъ самобытность и жизнь народа, и онъ, если не даетъ настоящаго отпора, навсегда исчезаетъ съ лица земли между народами. Иностранцы, губятъ народъ, губятъ національность. Враждебные сосѣди напши стремились поработить Россію: нападали на нее извнѣ. Раздѣленная сама въ себѣ, преданная на жертву врагамъ, жадно на нее устремившимся, стариннымъ врагамъ Полякамъ, Шведамъ, Польскимъ и казацкимъ шайкамъ, волнуемая внутренними раздорами, Россія защищалась въ частяхъ своихъ, гдѣ, уже не въ общей массѣ, какъ прежде, но отдѣльно, толпами, такъ сказать, являла она всю свою силу и мощь, дѣлая тщетными усилія многочисленныхъ противниковъ. Среди такого положенія, Ляпуновъ первый возсталъ съ великою мыслію, не держаться никакой партіи, и сдвинуть все это чуждое нашествіе народовъ, всѣхъ

этих дерзких претендентов на землю и на престолъ Русской; удалить всякое насильное чужеземное притязаніе, пагубное для народа, очистить, освободить Россію,—вотъ чего хотѣлъ онъ и другіе,—а тамъ, вновь свободные, рѣшить дѣло, какъ Богу будетъ угодно. Но ему не удалось видѣть исполненіе своего замысла. Вслѣдъ за нимъ, съ тою-же мыслию освобожденія и отстраненія всего чуждаго, поднялся Мининъ съ землею Нижегородскою и другими; эта мысль стала общою и единственною; великій народъ все принесъ въ жертву ей, двинулся, непреодолимый, противъ дерзкихъ Западныхъ враговъ и выгналъ изъ Москвы и Россіи всѣ ихъ разноплеменные толпы. Россія была свободна; не доставало Царя. Потомковъ прежней династіи не было; имя Димитрія, дважды (даже трижды) обманувшее напрасно народъ, не могло воскреснуть снова; надежда и съ этой стороны рушилась. И такъ снова надо было избрать Царя. Избрали юношу, не участвовавшего ни въ какихъ предыдущихъ волненіяхъ, не игравшаго никакой роли, не могшаго слѣдовательно питать ни пристрастія, ни ненависти, не имѣвшаго однимъ словомъ никакихъ воспоминаній изъ прошедшаго періода, — юношу отдаленнаго эпохою междоцарствія отъ предыдущаго времени, изъ котораго оно вытекло, — юношу, который не былъ потомокъ Рюрика, но былъ связанъ родствомъ съ династіей Царей Московскихъ, былъ племянникъ Θεодора, послѣдняго и вмѣстѣ съ тѣмъ любимаго Царя древней Московской династіи, о которомъ съ такою нѣжностію выражаются наши лѣтописи. Вновь думали возстановить Россію во всемъ ея прежнемъ видѣ; вновь былъ на царствѣ Царь, свободно, единодушно избранный со всѣмъ потомствомъ; національность, казалось, являлась снова во всемъ ея величій, послѣ всѣхъ потрясеній и бурь, когда государство, одолевъ враговъ, вновь имѣло столицею Москву и на престолѣ сѣ Царя, съ его родомъ. За Царемъ Михайломъ Θεодоровичемъ слѣдовалъ безмятежно Алексѣй

Михайловичъ, возвратившій Россіи многія ея области. Казалось при новой династии возвращаются прежнія времена; но предыдущее бываетъ не даромъ; неколебимость національной сферы была потрясена; новые элементы вошли въ Россію, и въ ней пробудилась уже потребность новой жизни. Словомъ сказать, мы видимъ, какъ, еще упорная, исключительная національность лишается внутренней, современной силы; мы видимъ вполне, даже въ совокупности тогдашнихъ фактовъ, какъ невозвратенъ предыдущій періодъ, какъ не можетъ онъ быть восстановленъ въ своей прежней жизни, какъ въ глубинѣ его рождается новая потребность, имѣющая его разрѣшить, и онъ становится анахронизмомъ. Но старое не вѣрять своему разрушенію; не признаетъ часа своего паденія; слыша врага, оно становится дерзко и выходитъ на открытій бой. Эту дерзость предыдущей сферы видимъ мы въ образовавшейся военной силѣ, подающей уже самовольный голосъ въ дѣлахъ государства,—въ *стрѣльцахъ*; эта дерзость замѣнила прежнюю благоговѣйную исключительность національности, которая тогда уже искажалась, хотя извнѣ, принятыми обычаями, вошедшими чуждыми элементами, но все вѣрила своей жизни и, возвышая сама свой голосъ, образовала въ наглую самовольную силу, уже по этому самому противорѣчившую существу національности, и слѣдовательно являвшую ея отрицаніе. Здѣсь выразился страхъ національности, темное сознаніе, что время ея проходитъ. — Къ этой эпохѣ относятся споры религіозныя, особенно сильно волновавшіе тогда Россію, въ которыхъ выразилась та-же отвлеченная, крайняя сторона національности; споры были за букву, за преданіе, за внѣшнее различіе; наши раскольники были староверы. Мы не говоримъ о другихъ религіозныхъ движеніяхъ въ то время и объ отношеніи ихъ къ національному опредѣленію, о вліяніи католическаго и лютеранскаго элементовъ; это не относится къ нашему предмету. — И такъ все великое государство

Русское находилось въ нестройномъ, въ неестественномъ состояніи. Опредѣленіе исключительной національности было потрясено; уже прошло его исторически-истинное, современное значеніе, и, какъ всегда бываетъ, и должно быть всегда, опредѣленіе національности являлось въ самомъ себѣ уже искаженнымъ, испорченнымъ, не имѣя духа жизни современной. Оно было уже ложно, ибо не могло болѣе быть единственнымъ выраженіемъ всего содержанія народа, и въ тоже время имѣло на то притязаніе; искажаясь какъ національность даже, она сама носила въ себѣ свидѣтельство своей недостаточности, своего разрушенія. Въ Россіи пробудилась уже новая потребность, потребность высшей сферы, о которой говорили мы прежде, гдѣ развитіе оставляя степень osobности — національности, является на степени единичности — индивидуума, гдѣ народъ, переходя уже за опредѣленіе національности, въ которомъ индивидуумъ еще вполне поглотенъ націей, въ которомъ общее еще не составляетъ содержанія народа, возвышается на степень, на которой освобождается индивидуумъ и вмѣстѣ съ тѣмъ общее, обще-человѣческое становится его содержаніемъ. И такъ потребность этой конечной сферы развитія (ибо она замыкаетъ его кругъ, освобождая и сохраняя всѣ его моменты), пробудилась въ народѣ; нація не могла уже вполне обнимать и заключать въ себѣ его, стремящуюся въ развитіи, дѣятельность; въ немъ пробудилась потребность индивидуума, индивидуумъ въ немъ долженъ былъ освободиться. — И этотъ индивидуумъ возсталъ, какъ индивидуумъ, въ колоссальномъ образѣ; не какъ просто потребность индивидуальной жизни, разнo выразившаяся, — нѣтъ, а воплощенный, какъ одинъ индивидуумъ. Этотъ колоссальный индивидуумъ — былъ Петръ.

Для Россіи настало время рѣшительнаго освобожденія отъ исключительной національности, рѣшительнаго перехода въ другую высшую сферу, рѣшительнаго преобразованія. Началась страшная борьба. Съ одной стороны исключительная національность, опиравшаяся на уже образовавшуюся положительную силу стрельцовъ, старовѣровъ, имѣвшая съ собою, если не весь, то большинство народа. Она силилась удержать свои права, сохранить жизнь по старинѣ, и, лишемная уже жизни внутри, она хотѣла удержать ея прежній образъ, сохраняя развѣ одинъ призракъ прежняго опредѣленія, навсегда утратившаго свою дѣйствительность; она упорно противилась новому свѣту и поддерживала ложную свою необходимость. Пробужденная рѣшительнымъ ударомъ, она совокупила всѣ свои силы, поднялась и начала ожесточенный бой за свою мнимую современность.—Съ другой стороны, противъ народа, упорствовавшего въ своемъ національномъ опредѣленіи, — Петръ, опиравшійся на дѣйствительную потребность Русскаго народа, сему послѣднему самому можетъ быть неизвѣстную. Онъ рѣшительно возсталъ на эту національность, сокрушая прежнее, только мѣшавшее уже свободному развитію народа. Раскрывая передъ нимъ новую сферу жизни, онъ круто поворачивалъ въ противуположную сторону, принималъ опредѣленія другихъ народовъ, обильно наполнялъ чуждымъ пределы Россіи, презирая и уничтожая страхъ національности, только въ одномъ огражденіи находившей свое спасеніе; напротивъ, онъ принималъ отъ Запада все, къ чему только дошелъ Западъ въ своемъ развитіи, и настѣжъ распахнулъ для него ворота Россіи, становясь съ нею, какъ была она до толъ и тогда, въ рѣзкую противоположность. Дѣйствительность дѣла его побѣдила. Въ страшной кровавой борьбѣ пала навсегда исключительная національность Россіи; наступила новая эпоха.

Таково было опредѣленіе Россіи передъ явленіемъ Петра Великаго. Но въ историческомъ развитіи нѣтъ прямого перехода на настоящую точку; доводя до крайности каждый моментъ, она производитъ новую крайность, уничтожающую въ своемъ соприкосновеніи смыслъ предыдущаго; въ преемствѣ моментовъ необходимо каждый доходить до односторонности, которая односторонне, живо отрицается, такъ что только послѣ является истинное значеніе отреченнаго момента. Односторонность есть та связь, которая соединяетъ моменты между собою во всякомъ историческомъ движеніи, односторонность, необходимая принадлежность выступающаго въ жизнь момента, въ которомъ живое бытіе современной дѣйствительности составляетъ и силу и вмѣстѣ съ тѣмъ ложь; ибо эта современность и должна исчезнуть; моментъ, теряя ее, доходить до ложной односторонности, производящей одностороннее отрицаніе. Односторонность есть рычагъ исторіи.

То-же видимъ мы и въ настоящемъ случаѣ. Искключительная національность, дѣйствительное историческое опредѣленіе, является крайнею, одностороннею; ложь обличается; отрицаніе исключительной національности является также одностороннимъ, крайнимъ. Петръ долженъ былъ начать съ отрицанія совершенно полнаго; и если національность въ тотъ моментъ явилась передъ нимъ какъ одна сторона, то и онъ, какъ одна сторона, односторонне, долженъ былъ сначала возстать на нее. Односторонность отрицанія была условлена односторонностью предыдущаго періода. Дѣло Петра, однимъ словомъ, было дѣло отрицанія, отрицанія чистаго; но необходимаго, не мертваго, а

плодотворнаго въ общемъ развитіи, являющагося одностороннимъ только, какъ одинъ, отвлеченно посебъ взятый моментъ.

Предѣлы нашего разсужденія не позволяютъ намъ разсматривать подробнѣ великій переворотъ Петра. Обратимся къ вопросу литературному.

Во весь періодъ исключительно-національный пѣлись пѣсни. Мы выше уже говорили объ нихъ, но считаемъ необходимымъ сказать о томъ же еще нѣсколько словъ. — Въ пѣсняхъ своихъ, какъ въ зеркалѣ, отражается весь народъ. Обратимъ здѣсь наше вниманіе на пѣсни, — не тѣ, гдѣ онъ выражаетъ свое великое всемірное созерцаніе, какъ въ пѣсняхъ религіозныхъ, — не тѣ также, гдѣ онъ передаетъ свои личныя задушевныя движенія, какъ въ пѣсняхъ частныхъ; но на тѣ, гдѣ онъ созидаетъ отдѣльные образы, подѣмля ихъ изъ глубины своей сущности, т. е. пѣсни эпическія или историческія. Здѣсь въ сонмѣ богатырей, въ подвигахъ ихъ, видится и выражается самъ народъ. Великъ и разнообразенъ почтенный сонмъ витязей, собравшійся вокругъ Великаго Князя Кіевскаго Владимира; все они выражаютъ многія стороны Русскаго духа. Но изъ всѣхъ изъ нихъ, могущественнѣе ихъ всѣхъ, избранникъ народа Русскаго, Илья Муромецъ. Въ немъ преимущественно, общей своей основой, выразился Русской духъ. Онъ одинъ старъ между молодыми; одинъ внѣ всякаго соперничества. Замѣчательно извѣстное каждому Русскому сказаніе, что Илья Муромецъ сидѣлъ сиднемъ 30 лѣтъ. Это указываетъ на существо Русскаго духа, прообразуетъ самый народъ, который тоже, какъ Илья Муромецъ, скопилъ въ періодъ исключительной національности свои силы, и станетъ среди другихъ народовъ, какъ богатырь Илья Муромецъ между другихъ богатырей, далеко перевыснѣ ихъ. — Скопилъ онъ страшныя силы, всталъ и понесъ ихъ, но не на обиду и раззореніе другимъ, не на праздное пролитіе крови, но на защиту добра и на пораженіе зла, на миръ и тишину. — Посмотримъ ближе на Илью Муромца, на этотъ образъ Русскаго народа. Во первыхъ онъ крестьянинъ; онъ поднялся со дна Русской земли, откуда бьетъ чистый ключъ взры и простой жизни. Другіе богатыри, кто знаменитый витязь знатнаго рола, кто родственникъ Владимира и т. д.; одинъ Илья Муромецъ крестьянинъ, и онъ выше и сильнѣе всѣхъ. Это составляетъ очень важную, основную черту его образа. Нѣтъ въ немъ буйной отваги и удали, какъ въ

другихъ богатыряхъ (далеко ему уступающихъ); онъ спокоенъ и тихъ, и силенъ тихо. Когда нужно только, являетъ онъ свою непреоборимую могучесть. Любопытенъ весь рассказъ о немъ. Пробьжимъ его вкратцѣ, хотя не весь; отчасти буду я слѣдовать здѣсь тому, какъ удалось самому мнѣ слышать въ дѣтствѣ. Илья Муромецъ родомъ изъ села Карачарова, сынъ крестьянина Ивана Тимофеевича, сидѣлъ сиднемъ 30 лѣтъ. Замѣчательно, какъ далась ему сила;—чудомъ, черезъ старцевъ святыхъ, когда хотѣлъ онъ дать имъ напиться. Вспомнимъ здѣсь, что и церковь наша признаетъ его святымъ.—Почувствовавъ въ себѣ страшную силу и взявъ благословеніе отъ отца и отъ матери, которые кладутъ на него запретъ не проливать крови Христіанскій, запретъ Христіанскій или крестьянскій, — крестьянинъ и Христіанинъ одно слово, — пошелъ Илья въ Кіевъ, къ Князю Владиміру. На дорогѣ попался ему богатырь, ткнувшій одинъ бичевой разшиву, порѣкъ противъ теченія. Они встрѣтились; богатырь не хотѣлъ дать дороги Ильѣ Муромцу. Илья, не пускаясь съ нимъ въ бой, схватилъ его и кинулъ вверху, такъ что онъ, взлетая на воздухъ и падая оттуда, успѣлъ сто разъ сказать: виноватъ Илья Муромецъ, впередъ не буду. Они разошлись. Илья продолжалъ свой путь. Онъ наѣхалъ на разбойниковъ, которые на него напали. Илья остановилъ ихъ; драться съ ними и ссориться не хотѣлъ, а взявъ свой тугой лукъ, наложилъ и пустилъ стрѣлу: стрѣла угодила въ сырѣ-кряковистый дубъ, изломала его въ черенья ножевыя; разбойники испугались и пали на колѣна. Илья повѣхалъ далѣе. Извѣстно, какъ онъ на дорогѣ полонилъ Соловья-разбойника, какъ привезъ его ко Князю Владиміру. Въ приведенныхъ нами мѣстахъ видно, что Русской великій богатырь не любитъ проливать крови, и только на пользу употребляетъ дарованную ему отъ Бога силу.—Илья имѣетъ Христіанское значеніе, такъ совпадающее съ его тихою природою; онъ очищаетъ землю отъ язычества; самъ Соловей-разбойникъ имѣетъ этотъ языческій смыслъ. Въ пѣсняхъ говорится, что копье Ильи съ крестомъ. Въ сказкѣ объ Ильѣ Муромцѣ, напечатанной съ лубочными картинками, говорится о богатырѣ *идомищѣ*, котораго убиваетъ Илья Муромецъ. Мы видимъ еще Илью, освобождающаго Кіевъ отъ Калина-Царя; и тутъ также его долготерпѣніе является во всей силѣ. Онъ не выходитъ сей часъ на бой съ врагами, идетъ къ

Калину-Царю и долго просить его, все настоятельное, наконецъ съ угрозами требуетъ, но все долго терпѣть, не смотря даже на то, что его связали, пока наконецъ плюнулъ Калинъ-Царь ему въ ясныя очи, — и кончилось терпѣніе Ильи; онъ вскочилъ въ полдрева стоячаго, разорвалъ чембуры намогучихъ плечахъ, схватилъ за ноги Татарина и началъ имъ помахивать и валить направо и на лѣво; махаетъ, а самъ приговариваетъ:

А и крѣпокъ Татаринъ — не ломится,

А и жловать собака — не изорвется.

И здѣсь не видно бышенства и изступленія въ Ильѣ. Побивая Татаръ, онъ не тѣмъ увлеченъ и занятъ, что все вокругъ него валится: онъ обращаетъ вниманіе на то и удивляется только тому, что Татаринъ, которымъ онъ бьетъ, не ломится и не рвется. Если тутъ и есть иронія, то самая спокойная иронія, иронія увѣренной въ себя силы. Здѣсь въ минуту сраженія въ Ильѣ Муромцѣ является спокойная, никогда не выходящая изъ себя и потому никогда не слабѣющая сила; но это самое и дѣлаетъ непреодолимую все превышающую силу Ильи. Все это очень замѣчательно. Не приводимъ другихъ рассказовъ объ Ильѣ Муромцѣ, которые подтверждаютъ мысли наши объ немъ. Мы считаемъ неумѣстнымъ распространяться здѣсь о томъ болѣе; а то бы мы указали на весь кругъ пѣсенъ Владимірова времени. Мы могли бы указать на то, что есть какая-то цѣлость и связь между собою во всѣхъ этихъ пѣсняхъ. Мы могли бы указать на замѣчательныя слова Ильи Муромца разбойникамъ:

Скажите вы Чурилъ, сыну Пленковичу,

Про стараго казака, Илью Муромца;

на дружбу Ильи съ Добрынею, на нелюбовь послѣдняго къ Алешѣ Поповичу и пр., что все существуетъ въ намекахъ только въ нашихъ пѣсняхъ, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ дошли до насъ. Но это оставляемъ мы въ сторонѣ. Расскажу здѣсь одно преданіе, которое самъ я слышалъ въ дѣтствѣ и которое очень замѣчательно.

Въ этомъ сказаніи Ильи Муромецъ не сохраняетъ своего непрѣмнно-мирнаго и спокойнаго характера; въ немъ является удадь, конечно не чуждая Русскому духу, но болѣе свойственная юношескимъ лѣтамъ; впрочемъ въ этомъ сказаніи онъ на второмъ планѣ. Это сказаніе какъ бы добавленіе къ сказанію объ Ильѣ Муромцѣ, это новая фантазія, въ прибавленіе ко всему образу силы, являющемуся въ Ильѣ Муромцѣ. Вотъ это сказаніе. Много на свѣтѣ

богатырей, но есть еще богатырь, страшный и огромный; богатыря этого земля не держитъ; онъ нашелъ на всей землѣ одну только гору, которая можетъ держать его, и лежитъ на этой горѣ въ бездѣйствіи. Прослышалъ про этого богатыря Илья Муромецъ и пошелъ искать его, чтобы съ нимъ помѣряться. Приходить онъ наконецъ къ горѣ; на ней лежитъ огромный богатырь, какъ другая гора. Одной уже громадой своего стана онъ превышалъ далеко всѣхъ людей. Но Илья Муромецъ не испугался, онъ подходитъ къ нему и со всего размаху, всей своей богатырской силой, поражаетъ его въ ногу. Никакъ я зацѣпился за кустъ, говоритъ богатырь, едва пошевелившись. Илья Муромецъ, у котораго разгорѣлось сердце, вонзаетъ весь зной мечъ въ бедро богатыря. Никакъ я задѣлъ за камешекъ, говоритъ богатырь, и потомъ оборотившись, продолжаетъ: А это ты, Илья Муромецъ, здравствуй; я слышалъ объ тебѣ. За чѣмъ ты пришелъ сюда? Мѣряться со мной силой? Не пробуй. Что тебѣ со мной схватываться? Къ чему? Ты сильный всѣхъ людей въ міру и будь тамъ силенъ и славенъ, а меня оставь; видишь, какой я уродъ; меня земля не подымаетъ; нашелъ себѣ одну гору и лежу на ней; я и самъ не радъ своей силѣ. — Илья Муромецъ послушалъ совѣта и удалился.

Вотъ разсказъ по моему мнѣнію необыкновенно замѣчательный. Образъ этого богатыря, этой страшной бездѣйственной силы, лишенной даже противника, — мрачный, грустный образъ производитъ сильное впечатлѣніе. Передаю разсказъ моимъ читателямъ, какъ я его запомнилъ. —

Во весь періодъ исключительной національности Русскаго народа, поэзія была на степени національныхъ пѣсенъ; вся же духовная жизнь, общее, недоступное тогда народу, таилась въ области языка церковно-Славянскаго. Но этотъ періодъ кончился; исключительное опредѣленіе націи пало, и передъ народомъ открылась новая жизнь; вмѣстѣ съ движеніемъ народа, съ освобожденіемъ его отъ оковъ національности, должна была и поэзія перейти изъ тѣсной сферы національныхъ пѣсенъ въ другую, высшую, въ сферу литературы и идя путемъ своего историческаго развитія, въ которомъ она осуществляется, выразить то, что лежитъ въ существѣ ея, что составляетъ развитіе самой поэзіи, — отъ особенности перейти къ единичности. Мы считаемъ ненужными здѣсь дальнѣйшія объясненія, ибо выше было объ этомъ говорено подробнѣе. Но Петръ, уничтоживъ національную сферу и переведя народъ въ

другую, не могъ сдѣлать того для поэзіи. Это не могло зависить отъ его дѣятельныхъ рукъ. Уничтоживъ исключительную національность народа, онъ давалъ съ этимъ возможность его поэзіи развиваться, перейти на другую степень, или лучше это было необходимымъ слѣдствіемъ его великаго дѣла, но не онъ самъ могъ произвести это.

Народъ былъ освобожденъ отъ сферы національности; поэзія, бывшая вѣрнымъ отраженіемъ его только жизни, не могла уже быть тѣмъ,—поэзія немогущая вмѣстѣ съ тѣмъ уже сохранить въ чистотѣ всю ту форму національной пѣсни, ложную въ своемъ исключительномъ притязаніи,—поэзія, лишившаяся своей прежней жизни, должна была ожить къ новой прекрасной жизни, для полнаго своего развитія. Но не внѣшняя сила могла перенести ее въ эту сферу; въ ней самой должна была возникнуть новая дѣятельность; изъ нѣдръ ея самой долженъ былъ явиться новый геній, перенесшій ее въ новую область. Здѣсь долженъ былъ возстать индивидуумъ, поглощаемый до сихъ поръ исключительно національною сферою поэзіи, выражавшею народъ, какъ націю, гдѣ индивидуумъ имѣлъ по столько значенія, по скольку онъ нація; долженъ былъ возникнуть индивидуумъ въ сферѣ поэзіи, съ именемъ,—авторъ, поэтъ; долженъ былъ явиться геній, съ которымъ совершилось-бы это освобожденіе, геній, для новаго великаго момента въ исторіи поэзіи. Онъ долженъ былъ прекратить сферу національныхъ пѣсенъ, не уничтожая, а возвышая тѣмъ народъ, ввести поэзію въ новую область, опредѣленную выше, дать ей общее содержаніе и вмѣстѣ освободить каждое произведеніе, которое получаетъ уже отдѣльное для себя значеніе,—однимъ словомъ окончить, разрѣшить періодъ, уже потерявшій

свою действительность — періодъ національной пѣсни, и начать новый періодъ — литературы. Индивидуумъ долженъ былъ возникнуть въ сферѣ поэзіи. Этотъ индивидуумъ, этотъ гений былъ — Ломоносовъ.

И такъ вотъ его мѣсто въ исторіи Русской литературы; вотъ великое еѣ въ ней значеніе, какъ момента. Онъ кончилъ періодъ національных пѣсень и началъ новый періодъ, ввелъ въ новую сферу поэзіи. Ломоносовъ былъ авторъ, лице индивидуальное въ поэзіи, первый возставшій, какъ лице изъ этаго міра національных пѣсень, въ общемъ національномъ характерѣ поглощавшихъ индивидуума; онъ былъ освободившійся индивидуумъ въ поэтическомъ мірѣ; съ него началась новая полная сфера поэзіи, собственно такъ называемая литература: этотъ подвигъ ему принадлежитъ.

Намъ, можетъ быть, скажутъ, что Кантемиръ былъ прежде Ломоносова, но Кантемиръ не имѣлъ никакого значенія; онъ ни сколько не вытекаетъ изъ исторіи нашей литературы, на которую онъ и не имѣлъ вліянія. Что же касается до того, что онъ является съ именемъ, то мы уже упомянули, что извѣстность имени еще ничего не значитъ, и можетъ произойти случайно отъ вѣшнихъ причинъ; надобно, чтобы имя было не *на* произведеніи, но *въ* произведеніи, если будетъ понятно такое выраженіе. Здѣсь мы можемъ сказать, что произведенія принадлежали Кантемиру, но въ отношеніи поэтическомъ мы не видимъ ихъ запечатлѣнными его личностью, его, какъ автора. Кантемиръ былъ острый человекъ, что выражается въ его сочиненіяхъ, и больше ничего; онъ былъ человекъ посторонній въ нашей литературѣ; дѣятельность

его въ ней не была дѣйствительна. Самое то, что онъ извѣстенъ, какъ сатирикъ, свидѣтельствуеть его отрицательное отношеніе къ Русской литературѣ. Во время Петра Великаго, время сокрушенія стараго, могло возникнуть такое направленіе, одностороннее и не животворное, порожденное одною стороною великаго дѣла.— И такъ о Кантемиръ больше говорить не будемъ; острота его нравилась Теофану Прокоповичу, который, можетъ быть, былъ склоненъ нѣсколько и самъ къ сатирическому насмѣшливому направленію, — и онъ написалъ къ нему посланіе, начинающееся:

Не знаю, кто ты, пророче рогазый!

Что касается до новыхъ формъ поэзіи, то не здѣсь находимъ мы осуществляющимъ значеніе Ломоносова, не смотримъ на него какъ на перваго ихъ вводителя; онъ извѣстенъ были и до него. Кантемиръ писалъ сатиры и оды. Драмы, конечно въ самомъ грубомъ ихъ видѣ, мы находимъ еще прежде у Симеона Полоцкаго, у Св. Димитрія Ростовскаго; сама Царевна Софія Алексѣевна была драматическою писательницею. Къ намъ пришло это вмѣстѣ съ чужеземнымъ католическимъ направленіемъ съ юга изъ Кіева, гдѣ всякой выходящій изъ Академіи долженъ былъ написать драму; мы знаемъ, что и Теофанъ Прокоповичъ и Стефанъ Яворскій не избѣжали этой участи. Такъ формы поэзіи, формы внѣ національной пѣсни, были извѣстны намъ и до Ломоносова; но онъ были извѣстны только съ своей внѣшней стороны; всѣ эти произведенія поэзіи уже не національной, но поэзіи литературной, существовали у насъ только *по формѣ*, что еще ничего не значить; все это было только свидѣтельствомъ того, что національная сфера поэзіи не могла уже обнимать всего, не была уже дѣйствительностью и

должна была разрѣшиться, чтобы перейти къ новой сферѣ, что, слѣдовательно, возникала потребность новой жизни; это совершалось въ то время — последнее время до Петра — и въ Государствѣ, о чемъ говорили мы выше. Наконецъ явился Ломоносовъ и вмѣстѣ съ нимъ начался у насъ новый періодъ поэзіи; на національныхъ пѣсняхъ воздвиглась собственно такъ называемая литература.

Мы опредѣлили значеніе Ломоносова какъ момента, момента въ самомъ себѣ, *in abstracto*; моментъ, будучи самъ въ себѣ дѣйствительнымъ, необходимо переходитъ въ жизнь, осуществляется. Какъ-же осуществляется этотъ моментъ?

II.

Наше вниманіе должно быть обращено на самое осуществленіе момента вообще и именно осуществленіе момента въ искусствѣ.

Общее, и именно искусство какъ общее, мы сказали уже, не остается таковымъ, но переходитъ въ дѣйствительность для того, чтобы проявиться. Когда искусство, изъ отвлеченнаго собственнымъ необходимымъ движеніемъ, переходитъ въ дѣйствительность, стремясь къ своему проявленію, оно опредѣляется, согласно съ внутреннимъ его развитіемъ и въ то-же время созидаетъ образъ, вполне соответствующій его опредѣленію и переводящій его во внѣ. Этотъ образъ является непосредственно конкретнымъ, возникаетъ на отдѣльномъ чувственномъ предметѣ, который теряетъ тогда свое отдѣльное значеніе, какъ предметъ, и становится матеріаломъ; искусство, избирая матеріаль, находитъ его своеобразнымъ съ своимъ требованіемъ; онъ относится здѣсь по столько, по сколько онъ удобенъ для воплощенія сущности искусства. Такъ архитектура беретъ многообразную массу, удобную для ея проявленія; такъ скульптура беретъ бѣлый мраморъ, живопись — краски, музыка — звукъ, поэзія — слово; всюду матеріаль теряетъ значеніе *самъ* для

себя. Искусство выражается въ немъ, но это ни сколько не значить, чтобы матеріаль, который избираетъ оно какъ матеріаль только, самъ по себѣ уже, какъ нѣчто отдѣльное, заключалъ его въ себѣ; не таково его отношеніе къ нему. Мраморъ, неорганическая громада, еще ни сколько не скульптура, удостоивающая брать его своимъ матеріаломъ только; и не все то, что произведено изъ мрамора, есть произведеніе скульптуры; все зависитъ отъ того, чей молотъ застучитъ по его крѣпкой поверхности: молотъ-ли ремесленника или художника. Только при опредѣленіи, получаемомъ чрезъ искусство, вмѣщаетъ матеріаль его въ себѣ; это опредѣленіе исторгаетъ его, освобождаетъ его отъ массы, вся тяжесть, вся недвижность, вся случайность отпадаетъ отъ него, и онъ, переставая быть матеріаломъ по себѣ, какъ скоро коснется до него искусство, становится соразмѣрнымъ, вольнымъ его выраженіемъ:

.... dringt bis in der Schönheit Sphäre,
Und im Staube bleibt die Schwere
Mit dem Stoff, den sie beherrscht, zurd.ß.
Nicht der Masse quälvoll abgerungen,
Schlank und leicht, wie aus dem Nichts entsprungen,
Steht das Bild vor dem entzückten Blick: •

То, что сказали мы, думаемъ, слишкомъ понятно; но надобно замѣтить, что выборъ матеріала не произволенъ. Искусство, въ которомъ лежитъ глубокое, полное конкретированіе, въ непосредственномъ образѣ, равнодушно къ своему матеріалу. Мы видимъ тайное сочувствіе между имъ, на всѣхъ ступеняхъ его, и матеріаломъ имъ избираемымъ; нельзя вѣсть здѣсь не замѣтить, что въ послѣдовательномъ ходѣ искусства, въ формахъ его одной за другою, связь его съ матеріаломъ становится тѣснѣе. Всего. менѣе

• Schillers sämtliche Werke. Das Ideal und das Leben, т. 1, 1838 г.
Stuttgart und Tübingen, стр. 344 — 345.

видно это сочувствіе въ архитектурѣ. Архитектура еще почти равнодушна въ красотѣ своей къ качеству массы, являющей ея изящныя очертанія. Въ скульптурѣ мы не видимъ уже того равнодушія къ матеріалу, — камень самъ участвуетъ въ торжествѣ ея; она выбрала его для своего выраженія, и крѣпость, и цвѣтъ мрамора, и качество самой массы нужны ей; но связь все еще слаба; скульптура можетъ и не только въ мраморѣ явить свой образъ; не поэзію этого камня она выражаетъ; матеріаль самъ собственно исчезаетъ въ статуѣ, гдѣ предстаетъ скульптура, являя въ твердой бѣлизнѣ только, идею своей красоты. Въ живописи, искусствѣ романтическомъ, видимъ мы уже другое, видимъ живое отношеніе матеріала, красокъ, къ искусству; матеріаль одухотворяется, и вопросъ его становится вмѣстѣ и вопросомъ искусства; мы видимъ, какъ искусство любитъ свой матеріаль и какъ тѣсно уже связуетъ его съ собою; какъ яркость краски уже, колоритъ, имѣетъ здѣсь мѣсто и значеніе, хотя и здѣсь еще не до полной степени возрасло сочувствіе; не только краска, но и простой очеркъ и силуэтъ и бѣлая вырѣзанная бумага удерживаютъ хотя бѣдно рисунокъ, основную часть живописи. Вмѣстѣ съ этимъ возрастающимъ сочувствіемъ искусства съ его матеріаломъ видимъ мы, какъ и физическое дѣйствіе руки человѣческой для искусства облегчается мало по малу: меньше надобно тяжкихъ матеріальныхъ усилій. Толпа, необходимая для зодчества, скрывается; выхолить человѣкъ съ уединеннымъ трудомъ; многоразличныя орудія архитектуры: тяжелый воротъ и отвѣсъ, замѣняются рѣзцомъ и молотомъ; наконецъ и вмѣсто нихъ въ облегченной рукѣ человѣка явилась кисть. Напряженіе всѣхъ силъ, сопровождаемое необходимо разнообразнымъ громомъ и шумомъ, замѣнилъ ударъ и однообразный стукъ желѣза о камень; наконецъ исчезъ и ударъ и стукъ умолкнулъ, когда натянулось полотно и стали на него ложиться краски. Изъ тишины живописи вновь возникаетъ звукъ, уже не внѣшній, а внутренній.

*

Музыка представляет намъ уже во всей силѣ сочувствіе искусства съ матеріаломъ, и идея музыки такъ сильно связана съ звукомъ, что она какъ-бы хотѣла передать намъ тайну красоты самаго звука, внести въ него поэзію, такъ что ее почти можно назвать поэзіею звука. До сихъ поръ внѣшнимъ образомъ обрабатывала свой предметъ рука человѣка; между ею и произведеніемъ былъ болѣе или менѣе посредникъ, рѣзецъ, кисть; но здѣсь, свободная отъ всего, рука человѣка сама касается струнъ, посредственно или непосредственно, становится органомъ; сама производитъ, сама дѣйствительно участвуетъ въ красотѣ произведенія, и произведеніемъ становится самое произвожденіе: таковъ характеръ звука и музыки (*). Но здѣсь, не смотря на эту полную связь, видимъ мы матеріаль, звукъ, еще внѣшнимъ искусству, одухотворяющимся тогда, когда касается его человѣкъ въ художественной дѣятельности; звукъ взятъ еще изъ внѣшняго, изъ міра природы: тамъ еще его родина. Поэзія являетъ полное одухотвореніе матеріала; слово, матеріаль ея, есть весь произведеніе человѣческаго духа; природа никогда не могла дойти до матеріальной основы его, до буквы. Но этотъ матеріаль, слово, отразившее въ себѣ все, уравнившись, т. е., съ духомъ, не требуетъ уже, какъ матеріаль, себѣ разрѣшенія въ поэзіи, которая однако въ то-же время сохраняетъ съ нимъ полнѣйшее внутреннее сочувствіе; ибо слово все проникнуто духомъ: законы одного и того-же духа ихъ породили. Слово само по себѣ есть цѣлый міръ, но оно совершенно соединено и находится въ полномъ сочувствіи съ искусствомъ, и какъ красота, получаетъ свое полное оправданіе и разрѣшеніе въ поэзіи, воплощающей въ немъ свое глубокое абсолютное содержаніе. И такъ самое полное сочувствіе съ матеріаломъ видимъ мы въ поэзіи: ибо слово есть само созданіе то-

(*) Надо вспомнить, что мы здѣсь не опредѣляемъ формъ искусствъ; онѣ имѣютъ полное опредѣленіе; здѣсь ограничиваемся мы отношеніемъ ихъ къ матеріалу.

го творящаго духа, проявляющагося во всякой степени искусства вообще; но слово въ то-же время есть цѣлый міръ, и по этому связь его не такъ тѣсна, какъ въ музыкѣ; оно самобытно т. с. сочувствуетъ съ поэзією, сочувствуетъ съ нею, какъ часть, какъ красота, но не изчерпываясь ею, а распростираясь въ то-же время надъ всѣмъ міромъ, вполне въ немъ отражаемымъ. Физическая трудность, облегченная въ музыкѣ, еще облегчается; рука не трудится; произношеніе здѣсь единственный трудъ. Хотя въ музыкѣ между рукой и звукомъ ничего не было, хотя рука сама была участвующимъ органомъ произведенія; но рука все-таки внѣшній органъ, приводившій въ движеніе внѣшній предметъ и тѣмъ самымъ посредствомъ доказывала, что онъ внѣшній. Здѣсь уже совсѣмъ не нужна рука; изъ устъ раздается поэзія; здѣсь человекъ откинулъ уже внѣшнее; здѣсь вообще самъ человекъ; изнутри, изъ груди его является самое полное, великое, совершенное произведеніе его; матеріалъ принадлежитъ также ему вполне. Такое отношеніе опредѣленныхъ искусствъ къ своему матеріалу лежитъ уже въ существѣ самихъ искусствъ; но мы не станемъ говорить о томъ болѣе, полагая, что это не входитъ уже въ предѣлы нашего разсужденія; сказанное-же нами для насъ нужно и надѣмся разовѣется еще въ послѣдствіи.

И такъ искусство изъ отвлеченнаго общаго переходя въ міръ явленій, осуществляясь, принимаетъ возникающій изъ его существа опредѣленный образъ; этотъ образъ заключаетъ въ себѣ искусство со всѣми его судьбами; этотъ образъ есть та среда, въ которой искусство является весь ходъ своего развитія, не только тѣ моменты, когда выражается прекрасное содержаніе искусства, но и тѣ, когда является его возниканіе, переходъ, искаженіе, упадокъ, — среда, которая выражаетъ и то положеніе, когда нѣтъ искусства, такъ, что мы знаемъ чего нѣтъ, что отсутствуетъ: следовательно здѣсь искусство присутствуетъ и въ своемъ отсутствіи. И такъ, этотъ образъ, эта среда, въ которой

являеть искусство всѣ свои моменты, и моменты вполнѣ выражающіе его сами по себѣ, и моменты чисто историческіе, моменты необходимыя въ его развитіи, однимъ словомъ, гдѣ искусство выражаетъ все необходимое свое историческое движеніе,—этотъ образъ, эта среда есть *стиль*.—Мы говорили уже выше о значеніи стиля въ началѣ разсужденія при раздѣленіи. Но повторимъ здѣсь отчасти сказанное и прибавимъ нѣсколько словъ, дополняющихъ наше опредѣленіе стиля. Въ немъ видимъ мы то, что собственно остается въ матеріалѣ отъ искусства, видимъ мы то соприкосновеніе, въ которое идея искусства, еще отвлеченная, пришла съ матеріаломъ, и явился опредѣленный образъ; здѣсь видимъ мы, что искусство какъ будто очистило себя мѣсто, опредѣлило сферу, въ которой станеть развиваться, сферу ей всегда принадлежащую, и въ ту минуту, когда внутренній смыслъ, духъ красоты искусства, ее оставляетъ,—сферу ей всегда вѣрную; здѣсь-то воплощаетъ оно всѣ свои моменты, какъ-бы ни были, если взяты отвлеченно, противны они существу самаго искусства; это воплощеніе въ образъ данномъ на матеріалѣ себѣ искусствомъ, образъ всегда ему принадлежащемъ, и есть *стиль*. Мы еще болѣе уяснимъ и придадимъ общее крѣпкое опредѣленіе стилю, если скажемъ, что онъ возникаетъ на степени личности; въ немъ видимъ мы тотъ отдѣльный образъ, который получаетъ искусство на этой степени, образъ ему, вполнѣ соответствующій, но еще подъ опредѣленіемъ личности, еще не заключающій существа искусства, которое здѣсь въ моментъ личности отрицается, какъ искусство, и которое только на степени единичности является вновь и вполнѣ. Стиль выдается тогда именно, когда является періодъ искусства, не выражающій искусства собственно.

При всякомъ опредѣленномъ искусствѣ необходимо находится стиль, какъ необходимое присущее его опредѣленіе, какъ необходимая среда, въ которой совершаетъ оно

все свое историческое развитіе. Стилъ является и въ поэзіи разумѣется. Этотъ стилъ есть слогъ; здѣсь придаемъ мы ему вѣроятно другое значеніе, не то, которое придавалось ему прежде; но если можетъ быть тутъ споръ, то споръ будетъ о словахъ. Слогъ понимаемъ мы, какъ стилъ въ поэзіи на матеріалъ слова, матеріалъ необходимо избираемъ поэзіею для своего воплощенія. И такъ всякой моментъ поэзіи, осуществляясь въ словъ, какъ въ матеріалъ, долженъ явиться въ слогъ, въ стилъ, связывающемъ его съ матеріаломъ,—образъ, который получается на матеріалъ. Это опредѣленіе необходимо; слогъ также, какъ стилъ вообще, заключаетъ въ себѣ все развитіе поэзіи, въ то-же время и тѣ моменты, въ которыхъ отсутствуетъ она, и когда онъ преимущественно выдается, моменты, чисто историческіе; слогъ,—но не слово, ибо слово, какъ слово, не заключаетъ въ себѣ поэзіи, не принадлежитъ даже къ ея сферѣ. По самобытности своей, слово даже свободнѣе въ этомъ отношеніи другихъ матеріаловъ въ другихъ опредѣленныхъ искусствахъ. И такъ всякой историческій моментъ поэзіи, являющейся, при переходѣ въ дѣйствительность, въ исторической совокупности отдѣльныхъ произведеній, другими словами являющейся, какъ литература — всякой моментъ поэзіи, историческій-ли только, или моментъ высказывающій существо поэзіи, осуществляясь, долженъ явиться въ слогъ; разница въ томъ, что въ последнемъ случаѣ слогъ не заключаетъ въ себѣ, не изчерпываетъ значенія момента. Думаемъ, что это довольно понятно, и не нужно болѣе объяснять. И такъ опредѣливъ Ломоносова, какъ моментъ вообще, мы должны видѣть, какъ осуществляется этотъ моментъ, какъ переходитъ онъ изъ отвлеченно полнаго въ дѣйствительно полный моментъ; и такъ какъ Ломоносовъ есть моментъ литературы, то слѣдовательно, мы должны видѣть какъ осуществляется этотъ моментъ въ слогъ, стилъ поэзіи, необходимой средѣ, въ которой совершается ея развитіе. Есть-ли Ломоносовъ

моментъ чисто историческій, только въ слогъ имѣющій значеніе, или выразилось въ немъ и существо поэзіи? Это увидимъ мы впоследствии. И такъ нашъ вопросъ теперь есть: какъ моментъ, выражаемый Ломоносовымъ, моментъ литературы, осуществляется, — и слѣдовательно, осуществляется въ слогъ? — Вотъ предметъ второй части нашего разсужденія. Или, говоря обыкновеннымъ выраженіемъ: какое значеніе имѣетъ Ломоносовъ въ языкѣ, слогъ? Все развитіе, все историческое движеніе, сообразно съ выше-сказаннымъ, осуществляется въ слогъ. Прослѣдя развитіе литературы у насъ вообще и опредѣливъ значеніе Ломоносова, мы должны прослѣдить это развитіе въ его осуществленіи, въ слогъ и слѣдовательно опредѣлить значеніе Ломоносова въ осуществленіи, въ слогъ (*).

Первый моментъ литературы, совпадающей съ развитіемъ народа, — поэзія подъ исключительно національнымъ опредѣленіемъ — народныя пѣсни; это мы уже видѣли. Пѣсни поются на языкѣ чисто народномъ, на языкѣ вполне запечатлѣнномъ всею физіогноміею, всею силою и исключительностію національности; здѣсь языкъ самъ не вышелъ за предѣлы этого необходимо-тѣснаго опредѣленія, и это и составляетъ характеристику слога пѣсенъ; онъ является въ нихъ со всеми національными, характеристическими оборотами, со всеми простонародными фразами, поговорками и словами; вся эта сила народной субстанции, подъ такимъ твердымъ опредѣленіемъ національности, со всею, если можно такъ сказать, своею грубостью, энергически высказывается въ языкѣ пѣсенъ, слогъ, являющемся намъ языкъ исключительно народный, имѣющій на себѣ,

(*) Предпринимая прослѣдить историческое движеніе нашей литературы въ слогъ, мы не думаемъ писать исторію языка и именно языка Русскаго. Это была-бы другая задача; мы уже отделили языкъ, слово отъ слога (см. выше); но такъ какъ матеріалъ поэзіи есть матеріалъ того-же человеческого духа и такъ какъ онъ здѣсь находится въ высшемъ сродствѣ съ искусствомъ, поэзіею, то исторія самаго языка соединена съ исторіею слога.

какъ языкъ, исключительное національное опредѣленіе соответственно съ народомъ, и слѣдовательно вполне выражающій національную его поэзію. То самое, что мы сказали о національной поэзіи, то самое должны мы сказать и о языкѣ въ слогѣ пѣсень, о языкѣ народномъ. И та крѣпость, та печать силы, которая лежитъ на цѣльной національной субстанціи, лежитъ и на языкѣ его, на слогѣ его поэзіи, слогѣ пѣсень. Энергія этой національности составляетъ характеристику слога поэзіи національныхъ пѣсень. Какъ могучъ и крѣпокъ здѣсь языкъ, какое сочувствіе пробуждаютъ эти простыя фразы, въ которыхъ слышите вы еще цѣльный юный духъ народа, слышите, какъ выражается онъ въ словѣ, которое дрожитъ, такъ сказать, все полное внутреннимъ своимъ содержаніемъ. Не мимо здѣсь бываетъ ни одно слово; лишняго слова, неточнаго — здѣсь нѣтъ: нація, цѣльная субстанція не ошибается, а опредѣленіе ея вполне конкретируется въ языкѣ, и поэзія ея конкретируется въ слогѣ, который исключительно націоналенъ; по этому и языкъ этотъ здѣсь чрезвычайно важенъ, вообще для уразумѣнія языка всякаго народа, какъ относительно его сущности, здѣсь выражающейся, такъ и его историческаго развитія. И такъ слогъ нашихъ пѣсень исключительно націоналенъ, представляя въ высшей степени характеристику языка подъ исключительно національнымъ опредѣленіемъ; всѣ обороты, фразы проникнуты имъ. Такой языкъ, такія фразы, являя намъ непосредственно цѣлую сферу, моментъ духа народнаго, возбуждаютъ въ высшей степени національное сочувствіе; формы этого слога, совершенно проникнутыя единымъ духомъ, запечатлѣны вмѣстѣ этою народною субстанціею, являющеюся здѣсь еще цѣльною. Всѣ оттѣнки, вся особность, словомъ сказать, вся національность языка, если такъ выразиться, являлась здѣсь со всемъ своимъ исторически-важнымъ, глубокимъ значеніемъ. Здѣсь эти свои обороты, эти непередаваемые фразы, такъ доступныя вмѣстѣ съ тѣмъ для всякаго Русскаго; обо-

роты, свойства языка, которые очень важны, до сихъ поръ еще не объяснены и ждутъ еще живаго ученаго взора. Сколько такихъ выраженій, на которыхъ отпечатывается вся національность языка въ слогъ нашихъ пѣсенъ. Напр:

Не много съ Дюкомъ живота пошло,
Что куякъ и панцырь чиста золота.

ИЛИ:

Что гой еси ты, любимой мой зятюшко,
Молодой Дунай смѣхъ Ивановичъ,
Что нѣту де во Кіевѣ такого стрѣльца....

ИЛИ наконецъ:

Высота-ли высота поднебесная,
Глубота-ли глубота океанъ море
Широко раздолье по всей землѣ (*).

и проч.

Любуясь свободно этимъ національнымъ міромъ, такъ живо выражающимся въ самомъ слогъ языка, мы вмѣстѣ съ тѣмъ видимъ здѣсь только моментъ языка, первую ступень, опредѣленіе, отъ котораго онъ долженъ отрѣшиться, чтобы потомъ вмѣстѣ съ народомъ, въ которомъ пробудится общее значеніе, стать выраженіемъ общаго, — на этой ступени, при исключительно національномъ опредѣленіи, ему недоступнаго.

Мы сказали уже, что въ періодъ національности нашего народа внесено было къ намъ Христіанство и вмѣстѣ съ тѣмъ то общее, которое еще недоступно при опредѣленіи личности, національности. Народъ Русской, при тогдашнемъ такомъ своемъ опредѣленіи, не могъ постигнуть общаго, даннаго ему въ религіи, и языкъ Русской опредѣленный также, т. е. одинаково съ народомъ, не

(*) См. Древнія Россійскія стихотворенія, собранія Киршенъ Даниловымъ. М. 1818, стр. 23, 98, 1.

могъ быть соразмѣрнымъ живымъ органомъ общаго. И такъ все христіанское содержаніе выразилось на другомъ, соотвѣтствующемъ ему языкѣ, на языкѣ церковно-Славянскомъ, языкѣ родственномъ, но не языкѣ народа. Въмѣстѣ съ христіанствомъ внесенъ былъ къ намъ и этотъ церковно-Славянскій языкъ, отвлеченно хранящій отвлеченное общее, еще недоступное народу. Такъ видимъ мы, какъ конкретируется здѣсь ошутительно историческая задача. Съ одной стороны народъ, съ своимъ исключительно національнымъ опредѣленіемъ, съ своими пѣснями, и вмѣстѣ его народный, то-же исключительно національный языкъ; съ другой стороны общее, данное въ религіи народу, общее, не стѣсненное національностью, и потому его еще непроникающее, ему недоступное, отвлеченно ему являющееся, и вмѣстѣ съ тѣмъ языкъ церковно-Славянскій, вполне ему соотвѣтствующій, языкъ не народный, но понятный ему (иначе-бы общее было просто незнаемо, игнорировано народомъ), языкъ чуждый текущей жизни, оторванный отъ всего случайнаго: онъ весь проникся вѣчнымъ истиннымъ содержаніемъ; сокровище религіи хранилось за его оградой. Народъ благоговѣлъ и молился, внимая звукамъ языка ему понятнаго, но не подвластнаго ему, постигая религію истинно, но столько, сколько могъ постигнуть тогда при своемъ опредѣленіи, и, вѣрный ему, пѣлъ онъ свои пѣсни на своемъ живомъ народномъ языкѣ. И такъ мы видимъ съ одной стороны національность народа и его національно опредѣленный языкъ; съ другой великое общее, данное ему при крещеніи, въ христіанской религіи, и языкъ церковно-Славянскій, вполне соотвѣтственно выражающій общее и сохраняющій его среди толпы въ его отвлеченности, самъ отвлеченный и недоступный.

Здѣсь разница слога есть вмѣстѣ разница языковъ.

И такъ вотъ два слога и вмѣстѣ два языка, которые встрѣчаемъ мы современно въ началѣ исторіи нашей литературы, соотвѣтственно съ закономъ развитія.

Взглянемъ ближе на эти языки, на кругъ ихъ письменности, который легко опредѣлить сообразно съ сказаннымъ нами выше.

На языкъ церковномъ выразилось все религіозное содержаніе, на немъ вся религіозная письменность. На немъ были писаны Евангеліе и другія священныя книги; на немъ совершалось богослуженіе; писанія святыхъ отцевъ, благочестивыя поученія, размышленія были на немъ-же. Словомъ сказать, все, что входило въ область церкви, на немъ находило себѣ выраженіе. Сверхъ того, отшельники и монахи изъ тишины монастырей, взирая на дѣла міра сего, съ шумомъ мимо ихъ текущія, описывали ихъ исполненные благочестивыхъ размышленій. Созерцаніе, столько имъ свойственное, созерцаніе мірской жизни, преданной волненіямъ, являющей на себѣ милость и гнѣвъ Божій, побуждало ихъ къ изображенію того, что совершалось передъ ними, чему они были молчаливыми свидѣтелями. Дѣла міра сего переносились на бумагу; въ нихъ не было кивнїя и шума, сопровождавшаго ихъ въ ихъ дѣйствительности, не видно было живаго сочувствія участника, — нѣтъ, созерцаемыя благоговѣнно отшельниками и подвижниками церкви, они передавались спокойно и тихо. Естественно, что входя такимъ образомъ въ міръ религіознаго созерцанія, проникнутые духомъ церкви, летописи писались на языкъ церковно-Славянскомъ. Иногда, когда приводится чья нибудь рѣчь, языкъ, на которомъ была произнесена она, прорывается отдѣльно, болѣе или менѣе удаляя и потрясая формы языка церковно-Славянскаго, на которомъ пишется повѣствованіе. Это религіозное созерцаніе было почти единственнымъ, обыкновеннымъ отношеніемъ нашихъ монаховъ и духовныхъ въ дѣлахъ міра сего. Но иногда, взирая на беззаконія или бѣдствія людскія, церковь возвышала наставительный или ободрительный голосъ свой, и онъ, всегда священный, какъ голосъ самой церкви, раздавался на томъ-же языкъ, обреченномъ служенію вѣчному.

Бесѣды, посланія духовныхъ писались на Славянскомъ-же языкѣ и имѣли то-же значеніе. Напр: посланія Никифора Митрополита къ Владиміру Мономаху; посланіе, необыкновенно умиленное, Симона Епископа Суздальскаго къ Поликарпу; посланіе Россійскаго Духовенства къ Князю Дмитрію Углицкому и др. И люди свѣтскіе, какъ упомянули мы выше, также вступали въ эту область духовной жизни, совлекаясь всего преходящаго и брэннаго и вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ какъ общее было недоступно сферѣ народа, сферѣ національности, отрѣшались отъ народнаго слова, облекая тогда и рѣчь свою въ формы языка церковно-Славянскаго. Примѣромъ можетъ быть поученіе Владиміра Мономаха, посланія Василія Васильевича Темнаго, также переписка Іоанна съ Княземъ Курбскимъ и пр. Хотя причина переписки послѣднихъ свѣтская и до нихъ лично касающаяся, но они хотѣтъ возвести свои упреки въ другую область, въ сферу высшую, истинную, стараясь подкрѣпить слова свои священными текстами. Надо прибавить, что кромѣ того церковно-Славянскія выраженія встрѣчаются и въ простой, народной рѣчи; но объ этомъ говорили мы выше и, надѣмся, объяснили это. И такъ вотъ гдѣ являлся языкъ церковно-Славянскій, вотъ кругъ его письменности: все, что только касалось общей, религіозной сферы, все принимало формы языка церковно-Славянскаго.

Первое выраженіе языка народнаго есть разговоръ, рѣчь живая; тамъ, гдѣ языкъ является въ области случайности, слѣдовательно, гдѣ, раздаваясь мгновенно, со всею живостью настоящей мимолетящей минуты, онъ не оставляетъ слѣдовъ и исчезаетъ вмѣстѣ съ нею. Но не вся народная жизнь изчерпывается разговоромъ и по этому не вся, раздавшись, умолкла въ отдаленіи времени; самый разговоръ, такъ сказать, замѣчался въ частяхъ своихъ, въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ, вмѣстившихъ въ себя существенный взглядъ народа, отрывался отъ случайности и хранился въ народной памяти, снабжая и опредѣляя разговоръ, проникая его ду-

хомъ народа, давая прочность рѣчи. Такимъ образомъ явились и учили, проходя изустно много лѣтъ, въковъ даже, сберегаясь во всей точности, (ибо слово вполне соответствовало внутреннему содержанию, вполне выражало мысль народа и было совершеннымъ),—народныя выраженія, замѣтки его опытной мудрости, поговорки, пословицы—этотъ разговоръ, какъ разговоръ въ разговоръ оторванный отъ случайности. Другой характеръ имѣетъ уже рассказъ; по существу своему онъ уже болѣе изъятъ отъ прерываній случайности: онъ одинокъ; это слова, повѣствованіе одного челоуѣка; и рассказъ отрывается вполне отъ случайности, когда событіе достопамятное или созерцаніе народа въ немъ выражается; онъ повторяется тогда почти не измѣняясь, переходя изъ устъ въ уста; онъ становится *преданіемъ*; самое слово преданіе показываетъ, что онъ передается. Преданія простираются чрезъ пространство и время, также не измѣняясь или почти не измѣняясь; народъ свято повторяетъ ихъ; самыя измѣненія не что иное, какъ варіанты. Но кромѣ всего этого, существенная жизнь народа находитъ себѣ выраженіе въ другой высшій сферѣ, въ поэзіи, сферѣ великой, высказывающей его можетъ быть болѣе, нежели самая политическая его дѣятельность, ибо здѣсь постоянно и свободно безъ внѣшнихъ помѣхъ и затемненій высказывается сущность народа и вмѣстѣ то, что онъ долженъ осуществить, хотя-бы современное положеніе и не соответствовало тому,—его судьба, его будущее.—Въ народныхъ пѣсняхъ высказывается народъ; въ нихъ онъ является со всѣмъ своимъ богатствомъ, во всей своей силѣ; онъ также изустно повторяются, онъ поются, и элементъ музыкальный, соединяясь съ поэтическимъ созданіемъ, также высказываетъ духъ народа. Они также простираются надъ пространствомъ и временемъ, какъ все, что дышитъ цѣльною, неразрывною народною жизнію. Сюда можно отнести сказки народныя, какъ то-же поэтическія созданія; рѣдкія изъ нихъ не принимаютъ пѣсенныхъ формъ. Это все міръ

изустнаго слова, живаго глашенія; здѣсь нѣтъ и тѣни начертанной буквы или бумаги, и въ то-же время этотъ міръ изустнаго доказываетъ, что и безъ этой внѣшней помощи пера и бумаги, остаются незаблѣмыми слова, созданія въ словѣ,—живутъ и сохраняются неизмѣнно и безконечно; но за то здѣсь все, что вырвано изъ преходящаго, все, что помнится и неизмѣняемо сохраняется, уже прекрасно. Письменность въ то-же время имѣетъ свое значеніе, свою область, о чемъ теперь мы не будемъ распространяться. Весь этотъ міръ изустнаго слова находится и у насъ, разумѣется. Но языкъ народный имѣетъ и письменные памятники; онъ употреблялся въ дѣлахъ житейскихъ, и какъ скоро дѣла житейскія, договоры народа, судебныя постановленія и пр. переносились на бумагу,—являлся на бумагу и онъ. На немъ у насъ писались грамоты, договоры, законоположенія и т. п., на немъ также писались письма. И если въ нѣкоторыхъ грамотахъ и вообще въ письменности простаго языка встречаемъ мы выраженія церковно-Славянскія, то также и этотъ простой языкъ находимъ мы прорывающимся въ сочиненіяхъ, писанныхъ на языкъ церковно-Славянскомъ.

Вотъ слѣдовательно гдѣ и какъ сообразно съ сущностью вещи, въ какихъ памятникахъ литературы, являются намъ два слога, о которыхъ мы сей-часъ говорили. Языкъ церковно-Славянскій и языкъ Русской, въ которыхъ выразилось это раздѣленіе слога, были два разные языка или два разныя нарѣчія, если называть такъ языки одной вѣтви. Мы не станемъ входить здѣсь въ разсужденіе, какому именно народу Славянскаго племени принадлежалъ языкъ церкви, собственно такъ называемый Славянскимъ, это выходитъ изъ предѣловъ нашего разсужденія; но мы постараемся показать, сколько нужно, различіе его отъ языка Русскаго и тѣмъ утвердить мнѣніе, что это два отдѣльные саомытныя языка.

Языкъ Славянскій и языкъ Русской различны между собою; это видно съ перваго взгляда и при поверхност-

номъ вниманіи. Но вопросъ въ томъ, была-ли эта разница и въ началѣ, и какая: существенная-ли это разница, или, какъ нѣкоторые думаютъ, Русской языкъ былъ въ древности языкъ церковно-Славянскій, произошедъ отъ него? что такое былъ слѣдовательно Русской языкъ прежде, что такое былъ онъ въ отношеніи къ настоящему, разнился-ли съ нимъ и какъ разнился? Вотъ вопросы, на которые мы постараемся отвѣчать.

Здѣсь должны мы кинуть общій взглядъ на отношеніе языка церковно-Славянскаго и Русскаго; на различіе не только настоящаго, но и древняго, — различіе существенное, — Русскаго языка отъ церковно-Славянскаго; также на сходство его съ нимъ, которое теперь стало меньше, или изменилось, и на отношеніе и различіе древняго Русскаго языка съ нынѣшнимъ, или, другими словами, на историческое движеніе Русскаго языка.

Различіе языка церковно-Славянскаго и Русскаго очевидно при первомъ взглядѣ. Разницу между церковно-Славянскимъ и Русскимъ языкомъ прежде всего встрѣчаемъ мы въ словахъ самихъ. Часто слова эти переплетаются по двумъ языкамъ словопроизводными связями, но между прочимъ двойственность многихъ словъ очевидна и ясно указываетъ на разность этихъ двухъ языковъ; не могли-же слова Русскаго языка, будучи совершенно Русскими и слѣдовательно имѣя корень Славянскій, возникнуть внезапно неизвестно откуда, когда сверхъ того были уже въ языкъ слова совершенно даже однозначительныя (напр: *плечо, ramo; очи, глаза*): они двойственно были всегда въ устахъ Русскаго народа, и это говоритъ прямо противъ неправильнаго предположенія, что, можетъ быть, Рускіе говорили въ старину по-церковно-Славянски. Мы не вдаемся въ подробное разсматриваніе лексикографическаго различія двухъ языковъ, разности произношенія, какъ *глава* и *голова, брада* и *борода* — разницы самостоятельной то-же; это въ такомъ значеніи до нашего предмета не относится; достаточно просто

одного очевиднаго признанія этого различія. Что касается до грамматическихъ формъ, то здѣсь отношенія болѣе измѣняемы, болѣе неопредѣленны и потому болѣе подвержены сомнѣнію; здѣсь должны мы уже обратить вниманіе на древній Русской языкъ, предполагая, что историческое развитіе могло измѣнить его живыя, подвижныя формы и следовательно произвести различіе, прежде не существовавшее. Мы видимъ въ церковно-Славянскомъ языкѣ особенныя формы склоненій, преимущественно въ множественномъ числѣ; мы видимъ разницу именительнаго и винительнаго (напр. *человѣци* и *человѣкъ*), особенное окончаніе дательнаго, творительнаго и предложнаго мужскаго и средняго родовъ въ множественномъ числѣ (*городомъ*, *городѣхъ*), однимъ словомъ разницу множественнаго числа мужскаго и средняго родовъ отъ рода женскаго, тогда какъ въ языкѣ Русскомъ видимъ мы въ множественномъ одну форму склоненія для всѣхъ родовъ, и именно форму женскаго рода церковно-Славянскаго языка, — не говоря о другихъ различіяхъ. Что же касается до глагола, до этой дѣятельной и важной части рѣчи, открывающей существо языка, то въ спряженіяхъ находимъ мы особенность церковно-Славянскаго языка, именно: прошедшее время безъ вспомогательнаго глагола (*придохъ*), время, котораго нѣтъ въ Русскомъ, ибо его прошедшее, имѣющееся и въ церковно-Славянскомъ языкѣ, не есть собственно время глагола, а отглагольное прилагательное. Въ грамматическомъ отношеніи такая разница очень важна. — И такъ это различіе, существующее нынѣ между Русскимъ и церковно-Славянскимъ языкомъ, существовало-ли и прежде, и всегда? — Мы указали уже на памятники Русскаго языка; ни въ пѣсняхъ, ни въ сказкахъ, нигдѣ въ памятникахъ настоящаго Русскаго языка, не находимъ мы сходства въ этихъ случаяхъ съ языкомъ церковно-Славянскимъ. Остаются однѣ грамоты. Здѣсь встрѣчаются церковно-Славянскія формы (мы говоримъ о формахъ собственно церковно-Славянскихъ, а не о сходствахъ,

которыя надо отличать, что увидимъ ниже); но онѣ вошли сюда по выше изложеннымъ нами причинамъ; грамоты писались дьяками, образованными людьми по тогдашнему и знавшими слѣдовательно языкъ церковно-Славянскій. И здѣсь мы найдемъ разные оттѣнки и измѣненія; мы можемъ видѣть, какъ: чѣмъ древнѣ грамота, тѣмъ ощутительнѣе самобытность языка, тѣмъ менѣе славянизмовъ, и въ то-же время, какъ нѣкоторые славянизмы тверже удерживаются прежде и измѣняются въ послѣдствіи, иногда уже въ очень позднѣйшемъ времени. Здѣсь можно поставить нѣкоторое отношеніе различія между грамотами Новгородскими и грамотами Московскими; въ первыхъ нѣсколько болѣе видѣтъ самобытно Русской языкъ, тогда какъ въ Московскихъ нѣсколько болѣе церковно-Славянскаго языка. Различіе впрочемъ весьма малое и почти сомнительное.

Первое, что кладетъ разницу между двумя языками или лучше между намятниками ихъ, есть то, что одинъ былъ языкъ письменный и только письменный, другой былъ языкъ почти только, если не только, разговорный, изустный; письменность его совершенно подчинена его постоянно изустному характеру (мы говоримъ про прежнія времена), что надѣмся видѣть ниже. Это имѣло прямое вліяніе на синтаксисъ. Въ языкъ церковно-Славянскомъ синтаксисъ явился уже со всеми своими оборотами, служа выраженіемъ мысли, текущей стройно, тогда какъ съ другой стороны рѣчь народа не могла представить всего синтаксическаго движенія языка, выражая или настоящую случайную минуту, какъ разговоръ, или, какъ тотъ-же разговоръ, но запечатлѣнный въ своихъ правильныхъ избранныхъ оборотахъ, перенесенный въ сферу поэзіи, или также на дѣловую бумагу, выразавшуюся простымъ языкомъ, безъ утонченныхъ хитростей; все это мы надѣмся въ послѣдствіи сказать полнѣе и яснѣе. Но этотъ простой народный языкъ, не возвысившійся еще далѣе исключительно-національнаго слога, далѣе разговора, изустности, не перенесен-

ный еще въ собственную область письменности, всегда долженъ остаться для насъ вѣрнымъ образомъ и мѣриломъ прямого народнаго духа языка и вѣсть истиннымъ источникомъ его настоящаго письменнаго синтаксиса; важность его несомнѣнна и непреходяща. Что касается собственно до отдѣльныхъ частныхъ синтаксиса, то управленіе не представляетъ разницы, хотя здѣсь есть то-же спорные пункты; но относительно оборотовъ, послѣдовательности словъ, мы найдемъ противное. Какъ мы сказали уже, тамъ, въ области церковно-Славянскаго языка, синтаксисъ является со всеми своими измѣненіями; тамъ языкъ, посвященный писму, принадлежащій высшей области духа. Здѣсь на оборотъ, языкъ преимущественно являвшійся въ разговорѣ, въ простыхъ, но прекрасныхъ, чисто національныхъ формахъ своихъ, постоянно носящій характеръ изустности и въ письменности, выразившійся въ пѣсняхъ или въ грамотахъ, разумѣется не могъ дать вполне развиваться своему синтаксису, время котораго еще не пришло. Ограничимся здѣсь пока этими словами. И такъ здѣсь разница налагается уже самою судьбою, значеніемъ двухъ языковъ. Вообще-же обороты, встрѣчаемые нами въ этихъ древнихъ памятникахъ церковно-Славянскаго языка, нисколько не противорѣчатъ духу Русскаго языка, за нѣкоторыми изключеніями, или развѣ когда отвлеченное состояніе синтаксиса придавало имъ свой соответствующій особенный характеръ. Въ оборотахъ, въ рѣчи чисто простонародной находимъ мы и теперь сходство съ языкомъ церковно-Славянскимъ. И такъ различіе, — при сходствѣ, какъ нарѣчій одного корня, сходствѣ, о которомъ мы не считаемъ за нужное говорить, — и теперь находящееся между церковно-Славянскимъ и Русскимъ языкомъ, видимъ мы и въ древнихъ, письменныхъ и изустныхъ памятникахъ этихъ языковъ. Слѣдовательно Русской языкъ и прежде, какъ и нынѣ, разнился отъ церковно-Славянскаго и былъ всегда языкомъ отдѣльнымъ, самобытнымъ.

Съ другой стороны видимъ мы сходство, не находящееся теперь, съ языкомъ церковно-Славянскимъ и имѣсть, следовательно, различіе древняго Русскаго языка отъ нынѣшняго, — сходство, впрочемъ, нисколько не вредящее самобытности Русскаго языка и не измѣняющее его отношенія къ языку церковно-Славянскому. Постараемся опредѣлить это сходство и въ то-же время опредѣлить точнѣе языкъ Русской и церковно-Славянской и этимъ опредѣленіемъ этого ихъ сходства еще вѣрнѣе означить ихъ отношеніе другъ къ другу, и имѣсть самую разницу, которая все остается по прежнему та-же; имѣсть опредѣлить древній Русской языкъ въ отношеніи къ настоящему: въ чемъ состояло его различіе?

Языкъ имѣетъ свой первоначальный періодъ, когда лежитъ на немъ отпечатокъ того времени, въ которомъ онъ находится. Его формы еще грубы, его измѣненія неразвиты, слова являются неподвижными массами, въ которыхъ еще спитъ будущее разнообразное движеніе, окончанія почти не измѣняются. Но эта неподвижность, эта грубость и необтесанность слова, не есть свидѣтельство его безжизненности, нѣтъ; — отсюда, изъ этихъ массъ возникнетъ движеніе; эти упорныя окончанія склонятся и геній языка явится во всей полнотѣ, великолѣпіи и разнообразіи.

Въ этомъ-то первомъ періодѣ или въ ближайшемъ къ нему видимъ мы языкъ церковно-Славянскій, который находился въ немъ, когда общее религіозное содержаніе его исполнило и освободивъ отъ случайности, отъ преходящаго, устранило отъ всякаго измѣненія, неразлучнаго съ преходящимъ и чуждаго вѣчному; на этой ступени (какъ бы ни опредѣляли самую ступень) языкъ церковно-Славянской остался и до сего дни. Что касается до измѣненій его, они имѣютъ другой смыслъ.

Языкъ Русской въ свой первый періодъ, современный языку церковно-Славянскому, имѣетъ, но совершенно самобытно, разумеется тотъ-же характеръ, свойственный пе-

ріоду; падежи его почти не измѣняются, предлоги не соединяють управляемыхъ словъ, въ извѣстныхъ случаяхъ буквы не утратили, покораясь законамъ развитія, первоначальнаго своего звука. Здѣсь найдемъ мы сходство между древними памятниками Русскаго языка и церковно-Славянскимъ языкомъ, основанное на современности; не на современности появленія или существованія въ одно время, но на другой современности, на ровномъ возрастѣ языковъ. Здѣсь точка ихъ сближенія; и это-то можетъ показаться призракомъ того, что Русской языкъ былъ въ древнія времена близокъ къ церковно-Славянскому. Онъ былъ близокъ къ себѣ, если угодно, какъ и Славянскій къ себѣ-же; онъ былъ также близокъ къ церковно-Славянскому, какъ былъ церковно-Славянскій близокъ къ Русскому. Разница въ томъ, что древнія формы языка сохранились въ языкъ церковно-Славянскомъ неизмѣненныя, а въ Русскомъ, которому онъ принадлежали точно по тому-же праву, вмѣстѣ съ движеніемъ времени и ходомъ языка, онъ измѣнились и развились въ другія настоящія формы. Но вида формы эти ⁽¹⁾ въ церковно-Славянскомъ языкѣ и не встрѣчая ихъ въ настоящемъ Русскомъ, и находя ихъ въ то-же время въ древнихъ его памятникахъ, — думаютъ, что Русской былъ прежде похожъ на церковно-Славянскій, или даже былъ церковно-Славянскій въ древности, что это по преимуществу формы языка церковно-Славянскаго, тогда какъ эти формы принадлежать ему собственно по такому-же точно праву, по какому и языку церковно-Славянскому. — И такъ вотъ откуда сходство, находящееся между церковно-Славянскимъ языкомъ и языкомъ Русскимъ (не вредящее, какъ мы сказали, ни сколько самобытности послѣдняго), какимъ мы встрѣчаемъ его въ памятникахъ; — и вмѣстѣ вотъ различіе, которое находится между нынѣшнимъ Русскимъ

(1) Вспомнимъ, что здѣсь не всегда одинаковость; часто только сходство, а часто и разница; хотя формы вообще похожи на себѣ отпечатокъ древній и теперь уже не встрѣчаются.

языкомъ и древнимъ; такимъ образомъ нисколько не славянизируя, можемъ мы представить себѣ нашъ древній языкъ. Это сходство надо опредѣлить въ подробностяхъ, что мы и надѣемся исполнить, и также отдѣлить отъ дѣйствительныхъ церковно-славянизмовъ, входившихъ въ Русскій языкъ.—Въ языкъ простонародномъ, ускользнувшемъ въ частяхъ отъ хода развитія и, особенно, отъ преобразованія, и теперь можемъ мы найти формы, обороты, одинакіе или сходные съ древними формами и оборотами Русскаго языка, встречаемыми нами въ грамотахъ и другихъ его памятникахъ, или объясняющіе намъ во многомъ употребляющіяся тамъ слова, формы и обороты. Мы не говоримъ уже о пѣсняхъ, о преданіяхъ, сказкахъ, пословицахъ, то-же намъ представляющихъ.

И такъ эта первобытная грубость, это первоначальное упорство словъ, это жесткое ихъ столкновение безъ всякаго посредства измѣненій въ окончаніяхъ видимъ мы въ первомъ состояніи языка, которое вмѣстѣ съ этимъ носитъ характеръ какой-то силы и грандіозности, тѣмъ болѣе, что въ этой неизмѣняемости лежитъ будущее развитіе, что это сѣмя, полное надеждъ. Живая дѣятельность словъ спитъ еще въ этихъ твердыхъ, неподвижныхъ формахъ, силы языка еще покоятся, и этотъ важный покой язычныхъ силъ конечно имѣетъ въ себѣ что-то величавое и мощное ⁽¹⁾. Въ этомъ первомъ состояніи встречаемъ мы языкъ церковно-Славянскій и Русской, въ древнихъ памятникахъ, но

(1) Эту неподвижность языка не должно смѣшивать съ тою неподвижностью, которая является въ послѣдній періодъ языка и, — какъ первая была зародышемъ, началомъ его жизни, такъ эта есть уже конецъ, истощеніе ея; и то и другое состояніе различаются рѣзко собственно въ язычныхъ формахъ; сей-часъ видно, что это настоящая неподвижность; движеніе словъ, гибкость его членовъ, можно сказать, исчезла; многія буквы потеряли голосъ, разнообразная дѣятельность, замѣняемость утратилась, слово стало, и является неподвижность; но это не та неподвижность, о которой говорили мы; нѣтъ, изъ этой неподвижности не разовьется уже жизнь; она результатъ истощенія силъ, отсутствія жизни, языка. Напр: языкъ Англинскій.

какъ мы уже сказали, оба самобытно въ немъ находящіеся. — Но мы должны замѣтить, что въ церковно-Славянскомъ языкѣ, при всемъ его первообразіи (въ томъ видѣ, какъ застало его священное содержаніе и оторвавъ отъ всего случайнаго и вмѣстѣ отъ измѣненія, утвердило въ немъ каждую форму языка, каждый оборотъ, каждое слово), тогда сходномъ въ этомъ отношеніи по времени, съ Русскимъ, гораздо менѣе неподвижности, нежели въ Русскомъ. Въ немъ много уже развитыхъ, гибкихъ, образованныхъ формъ, которыхъ нѣтъ въ Русскомъ, въ древнихъ памятникахъ разумѣется, и которыя или развились въ послѣдствіи, или вовсе не явились, противорѣча вѣроятно духу языка. — Это еще болѣе подтверждаетъ наше мнѣніе, что характеръ неподвижности и вообще первобытнаго состоянія, словомъ сказать, то сходство, которое находимъ мы между церковно-Славянскимъ и древнимъ Русскимъ языкомъ въ ихъ памятникахъ, нисколько не заимствовано, и самобытно принадлежитъ языку нашему. Это утверждаетъ также вообще мнѣніе о самостоятельности нашего языка, о независимости его отъ языка церковно-Славянскаго и вообще то мнѣніе, что это два самостоятельные, разные языки, сродные между собою. Здѣсь взглянемъ мы на отношеніе этихъ двухъ языковъ, церковно-Славянскаго и Русскаго, какъ выражается это отношеніе; мы не намѣрены пространно здѣсь его разсматривать, ибо въ дальнѣйшемъ историческомъ развитіи надѣемся представить это пространство. Намъ придется вѣроятно дѣлать повторенія; но нельзя безъ этого, чтобы дать, какъ теперь мы хотимъ, предварительное понятіе объ отношеніи этихъ двухъ языковъ.

Во множественномъ числѣ именъ мужескаго и средняго рода церковно-Славянскаго языка видимъ мы особенный творительный; этотъ творительный въ именахъ мужескаго рода множественнаго числа сходенъ съ именительнымъ и одинаковъ съ винительнымъ. Такъ напримѣръ: въ именительномъ церковно-Славянскаго языка: *языци, чловѣци*

и т. д., въ винительномъ языкѣ, чело^вѣкъ; въ творительномъ совершенно такъ-же. Мы не можемъ назвать это прямо неразвитостью падежей, хотя сходство ихъ какъ будто намекаетъ на это,—тѣмъ менѣе, что въ именахъ среднего рода окончанія на *ы* или на *и* совершенно не сходно ни съ именительнымъ, ни съ винительнымъ, кончающимися постоянно на *а* или *я*; имена-же женскаго рода кончаются на *ами* или *ми*. Но вотъ замѣчанія, которыя можемъ мы сдѣлать: въ именахъ мужскаго рода именительный и винительный, особенно въ нѣкоторыхъ случаяхъ (*воини*—*воины*, и тому под.) такъ сходны, что творительный падежъ, будучи здѣсь одинъ съ винительнымъ, въ то-же время сходенъ и съ именительнымъ, падежемъ основнымъ, сходство съ которымъ было вообще первоначально у всѣхъ падежей, какъ намъ кажется; времени мы не определяемъ ⁽¹⁾ И такъ мы можемъ предположить здѣсь неразвитость падежа. Что касается до именъ среднего рода, то конечно тамъ различіе опредѣлительно; но вспомнимъ, что въ послѣдствіи почти при всѣхъ окончаніяхъ среднего рода въ именительномъ падежѣ,—стало встрѣчаться въ творительномъ падежѣ окончаніе на *ми*; напримѣръ: *знаменими*, позднѣе *знаменьми*. Примеровъ такъ много, что мы не считаемъ нужнымъ дѣлать особыя выписки, которыя мы намѣрены привести въ послѣдствіи при подробнѣйшемъ изложеніи историческаго развитія языка. Что касается до именъ женскаго рода, то въ нихъ безъ исключенія встрѣчается окончаніе на *ами*, *ями* или *ми*. Въ древнемъ Русскомъ языкѣ встрѣчаемъ мы то-же эту сходную съ именительной форму творительнаго падежа; но здѣсь встрѣчаются еще обстоятельства, измѣняющія самую вещь и въ то-же время утверждающія, что это въ Русскомъ языкѣ точно неразвитость, неподвижность падежей. Вотъ замѣчанія, которыя, дума-

(1) Впрочемъ въ словѣ *мужи* твор. сходенъ съ имен., а не съ винит., который: *мужѣ*.

емъ, можемъ мы сдѣлать. 1-е: Въ Русскомъ языкѣ въ именахъ мужескаго рода не находимъ мы различія между именительнымъ и винительнымъ падежами; и такъ здѣсь окончаніе творительнаго падежа является не богатствомъ, не особенною, хотя сходною формою творительнаго для именъ мужескаго рода во множественномъ числѣ, но просто тѣмъ-же окончаніемъ именительнаго падежа. Это, какъ и другія наши теперь предварительныя положенія, намѣрены мы оставить къ подтвержденію въ дальнѣйшемъ ходѣ нашего разсужденія. 2-е: Въ именахъ женскаго рода въ церковно-Славянскомъ языкѣ рѣшительно является въ томъ-же падежѣ окончаніе на *ами* или *ми*, тогда, какъ въ Русскомъ языкѣ встрѣчается и здѣсь то-же одинакое окончаніе съ именительнымъ падежемъ. Не приводя дальнѣйшихъ примѣровъ, приведемъ здѣсь примѣръ изъ Кири Данилова:

Повадился въѣзъ Васька Буслаевичъ
Со пьяницы, съ безумницы (1).

Это доказываетъ намъ, и даже въ противорѣчіе языку церковно-Славянскому, что это просто одинаковость формы творительнаго падежа съ формою именительнаго падежа. Слѣдовательно, что это именно есть неразвитость формы и первоначальное сходство или лучше тождество съ формою именительнаго падежа, какъ перваго и главнаго, сначала явившагося съ своею формою и для всѣхъ падежей; пока, естественно, въ новыхъ положеніяхъ падежей не развились другія формы, обозначающія эти особенныя положенія. Теперь обратимъ еще вниманіе на падежъ винительный, очень важный, заключающій въ себѣ и предыдущее объясненіе творительнаго падежа. Въ церковно-Славянскомъ языкѣ находится различіе между именительнымъ и винительнымъ. Винительный имѣетъ свою форму; но это различіе находится только во множественномъ числѣ мужескаго рода и въ един-

(1) Др. Рус. стих., собр. К. Даниловымъ. М. 1818 г., стр. 73.

ственномъ женскаго рода. Въ именахъ мужскаго рода и средняго онъ совершенно тождественъ съ именительнымъ или-же вмѣсто него употребляется и родительная форма. Добровский думаетъ ⁽¹⁾, что винительный въ древнемъ церковно-Славянскомъ языкѣ совершенно одинаковъ съ именительнымъ; но онъ ошибается; ибо въ Остромировомъ Евангеліи ⁽²⁾, уже является въ винительномъ падежѣ форма родительнаго; по нашему мнѣнію, это не было самобытное сходство, одинаковость, но была просто родительная форма, или лучше родительный падежъ, могущій становиться на мѣсто винительнаго и дающій особенной отглагольности отношенію падежа винительнаго, — винительнаго, ибо здѣсь родительный все входитъ въ его права, становится на его мѣсто предметомъ дѣйствія. Пока скажемъ здѣсь только, что такъ какъ соразмѣрно употребляются съ родительною формою и такія имена и въ такомъ числѣ, гдѣ есть самостоятельная форма винительнаго падежа, или гдѣ не можетъ быть винительнаго особеннаго, какъ въ среднемъ родѣ, (употребляется-же родительный непременно при отрицаніи): следовательно, и вообще употребленіе этой родительной формы есть просто употребленіе родительнаго падежа на мѣстѣ винительнаго и совершенно съ сохраненіемъ духа родительнаго падежа, въ то-же время совершенно могущаго стать на мѣстѣ винительнаго. И такъ въ древнихъ памятникахъ церковно-Славянскаго языка видимъ мы различіе, существовавшее между винительнымъ и именительнымъ во множественномъ числѣ мужскаго рода, также въ единственномъ числѣ женскаго рода. Въ остальныхъ-же случаяхъ винительный преимущественно одинаковъ съ именительнымъ; форма родительнаго падежа въ винительномъ хотѣ и является, но является рѣдко въ древности. Винитель-

(1) Грамм. яз. Славянскаго, Добровскаго. Спб. 1833 г., ч. 2, стр. 2, 5.

(2) Остр. Еванг., изд. Вост. 1843 г., листъ 6: *и оузрь Иисуса идуща*, листъ 7: *и обръте Филипа*, листъ 8 на об: *имать живота вѣчнаго*, листъ 12 на об: *такъ въ злюби Богъ мира, яко сына своего единчадаго дастъ и принять*.

ный падежъ у насъ именно не приобрѣлъ потомъ собственной своей формы, въ именахъ мужскаго и средняго рода; но преимущественное употребленіе на его мѣстѣ падежа именительнаго, этаго перваго падежа, показывающаго родъ спокойствія предмета, которое встрѣчаемъ мы въ древнихъ памятникахъ, вмѣсто, какъ потомъ видимъ, формы падежа родительнаго, положишаго уже оттѣнокъ винительному падежу — показываетъ его неразвитость. Что касается до особенной, собственной формы падежа винительнаго во множественномъ числѣ мужскаго рода, отличающей его отъ именительнаго, котораго теперь мы у насъ не встрѣчаемъ, — то мы не находимъ этого различія въ нашихъ грамотахъ; если-же гдѣ встрѣчается это различіе, то здѣсь можно предположить вліяніе церковно-Славянскаго языка; ибо здѣсь видны употребленія формы именительнаго и формы винительнаго, но въ то-же время видно, что такое различіе было чуждо языку Русскому; ибо часто эти формы употреблены невольно, смѣшаны; видно только, что онѣ были извѣстны писавшему, и не болѣе. Примеровъ привести мы можемъ довольно, но мы пока не приводимъ ихъ. И такъ въ этомъ случаѣ можемъ мы сказать, что здѣсь вездѣ употреблялась именительная форма въ винительномъ падежѣ, ибо того тонкаго различія не существовало. Да и наши переписчики скоро стали, смѣшивая и упуская чуждое для нихъ различіе. Слѣдовательно эта неразвитость винительнаго падежа была у насъ еще сильнѣе, нежели въ языкѣ церковно-Славянскомъ. Въ нашихъ памятникахъ видимъ мы такимъ образомъ не только такое-же, но и большее употребленіе, чрезъ отсутствіе различія, именительной формы въ винительномъ падежѣ, нежели въ языкѣ церковно-Славянскомъ. И хотя винительный падежъ въ именахъ мужскаго и средняго рода въ единственномъ числѣ (что и въ церковно-Славянскомъ) и во множественномъ числѣ, для котораго въ именахъ мужскаго рода было различіе въ церковно-Славянскомъ, не приобрѣлъ особенной формы,

которая не лежала вовсе въ языкѣ Русскомъ, но опредѣленіе и употребленіе его теперь, отношеніе, которое имѣетъ къ нему родительная форма, занявшая опредѣленно свое мѣсто,—все это есть уже его развитіе, чего не было прежде и чего не представляютъ намъ наши древніе памятники языка, въ которыхъ, какъ мы сказали выше, винительный падежъ является въ его неразвитости.—Въ церковно-Славянскомъ языкѣ имена женскаго рода, кончающіяся на *я, жда, жа, шя, ца, ча, ща* ⁽¹⁾, не измѣняются въ родительномъ падежѣ единственнаго числа, также въ именительномъ и винительномъ множественнаго числа; но это неизмѣненіе только видимое; здѣсь есть разница, ибо въ родительномъ падежѣ становится не *я* (*я* или *'а*), а **Ѧ**. Сверхъ того если-бы и считать это за неподвижность, то неподвижность этаго падежа опредѣлена и становится правиломъ только въ этомъ известномъ случаѣ; это уже одно само по себѣ даетъ смѣлость думать, что это не есть та неподвижность, о которой говорили мы и которая во первыхъ не исключительна, не принадлежитъ такому-то роду словъ; во вторыхъ допускаетъ исключенія, не такъ строга и имѣетъ нерѣдко подлѣ себя другую уже болѣе развитую свободную форму, еще не смѣло возникающую, часто изъ нея-же самой. Этого мы не видимъ при употребленіи именительной формы или лучше сходной съ именительною единственнаго числа, вмѣсто другихъ вышесказанныхъ падежей въ известныхъ случаяхъ. Въ нашихъ памятникахъ не встрѣчается такого употребленія; тамъ встрѣчается другая и теперь употребляющаяся форма въ родительномъ падежѣ единственнаго числа, а также въ именительномъ и винительномъ множественнаго числа женскаго рода. Иногда можно встрѣтить и окончаніе на *я*, большею частію безъ различія *я* и **Ѧ**; но это уже вліяніе церковно-Славянскаго

(1) Грамм. яз. Славянскаго, Добровскаго, Спб. 1833 г., ч. 2, стр. 24—25, и Остр. Еванг., 1843. Грамм. прав. стр. 8—9.

языка, что видно и изъ того, что въ Русскомъ не было этаго **ѣ**, имѣвшаго, какъ думаетъ справедливо Востоковъ, носовой звукъ; и сейчасъ Русская рѣчь измѣняетъ чуждое ей окончаніе; оно переходитъ или какъ-бы невѣрно въ *е*, или просто въ Русское *и*, обыкновенно и въ старину у насъ употребляющееся (*отъ ладье, отъ ладѣ*) ⁽¹⁾.

И такъ сходство, которое находимъ мы въ неподвижности, въ сомкнутости формъ слова языка Русскаго съ церковно-Славянскимъ, кажется намъ самобытнымъ; мы заключаемъ отсюда, что собственно принадлежитъ языку церковно-Славянскому, какъ послѣдній приведенный нами примѣръ. Здѣсь это является какъ постороннее уже, чуждое вліяніе и часто искажается; но сходство Русскаго языка съ церковно-Славянскимъ вообще въ неподвижности, въ неразвитости формъ самобытно, и зависитъ, какъ намъ кажется, отъ точки времени, отъ періода. Сверхъ того, въ древнемъ Русскомъ языкѣ еще болѣе этой неподвижности, неразвитости, нежели въ языкѣ церковно-Славянскомъ, въ самыхъ чистыхъ, древнихъ его памятникахъ, что еще болѣе доказываетъ наше мнѣніе, что характеръ неподвижности принадлежалъ самобытно Русскому языку и что Русской языкъ былъ и въ древности самобытенъ. Такъ въ нашемъ древнемъ языкѣ, въ нашихъ старинныхъ грамотахъ встрѣчаемъ мы въ винительномъ падежѣ именъ женскаго рода форму на *а* и *я*; стало тамъ, гдѣ винительный могъ пріобрѣсти, и пріобрѣлъ въ послѣдствіи свою ясно образованную форму, форму падежа именительнаго; слѣдовательно здѣсь уже рѣзко является характеръ неподвижности. Но форма винительнаго падежа, и теперь употребляющаяся, встрѣчается и тамъ подлѣ этой формы, какъ-бы еще неутвердившись и показывая, что это та форма, которая можетъ измѣниться. Мы можемъ привести примѣры въ Новгородскихъ грамотахъ, напр: *А ту грамоту, Кня-*

(1) Собр. Гос. гр. и дог., ч. 1, грам. Новог.

же, отъялъ еси, а ты грамоша, Княже, дати ти назадъ. Дати тому исправа.... Великому Князю грамота изръзати, что докончали на городнѣ на Волзѣ и другая грамота Новоторзская, что въ Торъжску докончали.—А порука и целованіе свести. ⁽¹⁾ Примѣровъ много, и они доходятъ до самаго позднѣйшаго времени, до Петра Великаго; эта крѣпкая форма все еще сохранялась. Въ древнихъ пѣсняхъ Кириши Данилова встрѣчаемъ мы то-же употребленіе, несправедливо принимаемое Калайдовичемъ за сибирское. Напр: *хоть нога изломить, а двери вышибить*. ⁽²⁾ Въ народѣ до сихъ поръ въ пословицахъ и поговоркахъ сохранилась эта старинная форма; напр. поговорка: *рука подать*. Этого употребленія нѣтъ въ церковно-Славянскомъ языкѣ, нѣтъ въ Евангеліи Остромировомъ, нѣтъ и у Нестора и у другихъ. Въ нашихъ грамотахъ встрѣчаемъ мы также другое явленіе неразвитости. Въ родительномъ падежѣ множественнаго числа встрѣчается форма падежа именительнаго множественнаго-же числа; напр: *что свободѣ Дмитріевыхъ и Андреевыхъ, что селыца тягнуло къ тымъ свободамъ, или: а что головы поимано по всей волости Новгородской, а ты пойдуть къ Новгороду безъ окупа* ⁽³⁾. Здѣсь очевидно, не можетъ быть родительный падежъ единственнаго числа, ибо послѣдующія слова доказываютъ, что здѣсь говорится во множественномъ. Сверхъ того, въ подтвержденіе того, что мы сказали, мы встрѣчаемъ: *съ обѣ половины* ⁽⁴⁾, именительный падежъ двойственнаго числа, еще не утратившагося въ Русскомъ языкѣ въ то время, вмѣсто родительнаго. Также выраженіе не разъ встрѣчаю-

(1) Собр. Гос. грам. и догов., ч. 1. Грам. Новг. стр. 3, 4, 6. Грам. въ государств. В. К. Василія Дмитріевича, ст. 67.

(2) Древн. Росс. стих., собр. Киришою Даниловымъ, стр. 93.

(3) Собр. Гос. Грам. и даг., ч. 1. Грамоты Новгородскія, стр. 9, 15.

(4) Мы приводимъ здѣсь преимущественно Новгородскія грамоты, тѣмъ болѣе теперь, при общемъ обзорѣ, потому что въ нихъ всего болѣе яляется простой Русской языкъ, народная рѣчь, ибо грамоты шли отъ народа.

щееся: *а то поиде въ ту-же дванадцать тысячъ*. Известно, что всѣ числительныя начиная съ *пяти*—имена существительныя; это видно и теперь, но въ древности это было вполне ярко и всѣ эти имена числительныя склонялись и употреблялись прямо какъ существительныя; *дванадцать* сюда-же принадлежитъ и еще болѣе указываетъ на употребленіе какъ существительнаго, въ приведенномъ примѣрѣ, выраженіе: *въ ту-же дванадцать*. И такъ здѣсь надо бы родительный падежъ, но мы встрѣчаемъ именительный множественнаго. Это употребленіе повторяется. Вотъ еще слово, повторяющееся нѣсколько разъ въ каждой грамотѣ, появляющееся съ разными измѣненіями въ родительномъ падежѣ множественнаго числа: *волость, волости*. Если мы не видимъ прямо въ самыхъ древнихъ грамотахъ довольно твердо употребляющейся именительной формы въ родительномъ падежѣ множественнаго числа, хотя встрѣчаемъ ее всегда, какъ мы говорили выше, за то видимъ мы, какъ еще не вѣрна была родительная форма; мы застаемъ ее тутъ, какъ она еще образуется и бродитъ, если можно такъ сказать.

Въ первыхъ грамотахъ Новгородскихъ мы видимъ уже родительную форму, но такъ просто, такъ близко поставленную; видно, что она только что возникла; въ этой первоначальной формѣ ясно ее первое образованіе. Изъ *волости* именительнаго, образуется родительный чрезъ приближеніе той-же буквы *и* съ краткой, *волости* — *и* (вѣроятно прежде было безъ краткой, какъ видимъ мы иногда въ другихъ примѣрахъ), и эта первая, ближайшая форма встрѣчается въ иныхъ древнихъ грамотахъ Новгородскихъ до 1305 года. Далѣе: въ двухъ грамотахъ 1305 года, 6 и 7, видимъ мы, какъ и родительнаго падежа не имѣетъ уже той *краткой* ~, определяющей вѣсть его родительное свойство; оно имѣетъ полный звукъ; и предыдущее сокращается, и выходитъ новая форма, похожая на форму именительнаго падежа; можетъ быть именительная форма, форма, отъ которой не вполне освободилась роди-

тельная и которая не вполне уступила, может быть она преодолѣла и дала себѣ выраженіе. Мы читаемъ въ этихъ грамотахъ вездѣ: *волосты* (постоянное употребленіе не даетъ думать, что это описка); но вездѣ, гдѣ употребляется именительный падежъ, тамъ стоитъ: *волости*. Мы здѣсь опять видимъ, какъ именительная форма вновь даетъ себѣ выраженіе, но уже на самой формѣ родительнаго, и форма эта: *волосты*, различаясь внѣшне, употребляется всегда для родительнаго. Далѣе вновь мы видимъ, какъ возникаетъ предыдущая, болѣе опредѣленная, родительная форма; въ слѣдующихъ грамотахъ употребляется вновь: *волостій*, — если не обратить вниманіе на чистую въ томъ-же родительномъ падежѣ именительную форму *волости*, встрѣтившуюся въ грамотѣ 15-й 1327 года. *Что волости Новгородскихъ, тѣхъ ти волостій, Княже, и пр., и сомнительное употребленіе: А Новгородичемъ волости и оброкъ Княжихъ не таити.* Потомъ когда эта форма родительная, нами приведенная, утвердилась, то она развилась и измѣнилась, какъ уже родительная форма, — измѣнилась въ ней самой, и самобытная развитая родительная форма осталась за родительнымъ падежемъ. Въ грамотѣ 18-й 1426 года, и далѣе, встрѣчаемъ мы: *волостей* ⁽¹⁾, форма уже постоянно потомъ встрѣчаемая, оставшаяся за родительнымъ падежемъ, форма настоящая, теперешняя. Тоже самое встрѣчается не только въ этомъ словѣ, но и въ другихъ словахъ; по крайней мѣрѣ если не всѣ оттенки, то первообразная форма уже собственно родительнаго падежа: *ии*.

И въ другихъ мѣстахъ грамотъ и въ другихъ словахъ замѣчаемъ мы тоже употребленіе именительной формы вмѣсто формы родительной для родительнаго падежа. Многія слова, такъ употребленныя, могли-бы объясниться и иначе, т. е. такъ, что форма именительная употреблена совершенно справедливо, что слова находятся точно въ име-

(1) Собр. Гос. гр. и дог. -- Грамоты Новгородскія.

нительномъ падежѣ; но тѣ-же самыя слова въ другихъ грамотахъ и мѣстахъ, встрѣчающіяся въ тѣхъ-же самыхъ оборотахъ и употребленныя уже въ явственно родительной формѣ, даютъ право, по крайней мѣрѣ возможность думать, что соответствующая этому родительному падежу,—встрѣчающемуся въ одномъ мѣстѣ,—именительная форма,—находящаяся въ другомъ,—является, какъ употребленная для родительнаго падежа вмѣсто родительной формы. Но что касается до этихъ примѣровъ, то мы не утверждаемъ нашего объясненія и говоримъ только, что это даетъ возможность, какъ намъ кажется, очень достоверно предполагать нами сказанное.

И такъ, думаемъ, достаточно видно, что сходство церковно-Славянскаго съ древнимъ Русскимъ языкомъ, сходство въ этой неподвижности, неразвитости падежей, въ этой грубости,—совершенно самобытно и основано на времени, на періодѣ языка, именно на первоначальномъ его періодѣ. Мало того; въ языкъ Русскомъ въ древности видѣли мы несравненно большую неподвижность и неразвитость, что еще болѣе должно насъ убѣдить въ самобытности его сходства съ языкомъ церковно-Славянскимъ.

Но въ первомъ періодѣ, кромѣ этого характера неподвижности, отсутствія измѣняемости, мы встрѣчаемъ еще другой признакъ то-же первобытности языка. Въ этотъ древнѣйшій періодъ видимъ мы еще все образованіе словъ, какъ оно должно было произойти, видимъ посредствующія буквы (х), еще не стертыя употребленіемъ, находимъ звуки, при образованіи слова долженствовавшіе быть произнесенными,—еще не умолкнувшими, еще не поглощенными другими, или еще не измѣнившимися въ другіе; коротко: находимъ слово, почти только еще произнесенное, какъ оно вылетѣло изъ устъ челоуѣка, еще не увлеченное быстрымъ потокомъ разговора. По этому въ этотъ первый періодъ мы

(х) Подъ буквою мы разумѣемъ здѣсь не начертаніе, но опредѣленный звукъ, этимъ начертаніемъ выраженный.

встрѣчаемъ много буквъ, умолкнувшихъ въ послѣдствіи и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ-бы другія формы. Но это нисколько не противорѣчитъ первобытному характеру языка; неподвижность остается та-же; а эти лишнія противъ нынѣшняго буквы нисколько ея не измѣняютъ; онѣ, какъ сказали мы, необходимо должны были явиться и произвестись при образованіи слова, которое вмѣстѣ съ ними принимало неподвижную, неизмѣняемую форму. Когда слово разрѣшило свою неподвижность, когда въ немъ пробудилось и стало изъ него развиваться богатство новыхъ формъ, то многіе изъ этихъ звуковъ, изъ этихъ буквъ были утрачены въ быстромъ развитіи. Думаемъ, это никому не покажется противорѣчащимъ или страннымъ, что при развитіи были утрачены нѣкоторыя буквы, нѣкоторые звуки; это совершилось именно при развитіи, дальнѣйшемъ ходѣ и если было утрачиваемо нѣсколько буквъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ развивались новыя формы, возникло новое разнообразіе, и новыя буквы и звуки, новая жизнь. Слово на пути своемъ утратило, въ своихъ быстрыхъ переворотахъ и среди быстрой новой дѣятельности, нѣсколько буквъ, нѣсколько болѣе полныхъ употребленій, особенностей, свидѣтелей его образованія, его прежняго давняго времени, его перваго періода, въ которомъ сохранились они и въ которомъ самая неподвижность слова давала имъ возможность оставаться; эти особенности носили на себѣ его отпечатокъ и, само собою разумѣется, что слово, по мѣрѣ отдаленія своего отъ перваго періода, должно было отдаляться и отъ нихъ, или лучше ихъ оставлять, уничтожать. Здѣсь опять найдемъ мы сходство между нашимъ древнимъ языкомъ и языкомъ церковно-Славянскимъ. Въ языкъ церковно-Славянскомъ и вмѣстѣ въ памятникахъ нашего древняго языка находимъ опять совершенно самобытно и въ томъ и въ другомъ, какъ свойство періода, въ которомъ находился языкъ, то первообразное полногласіе, тѣ особенности, тѣ буквы, въ послѣдствіи утраченныя у насъ, о которыхъ мы говорили. Мы видимъ, напримѣръ, эти

окончанія глаголовъ въ неопредѣленномъ на *ти* въ языкѣ церковно-Славянскомъ: *дѣлати, ходити* и т. д.; ихъ мы встрѣчаемъ въ нашихъ грамотахъ, ихъ встрѣчаемъ въ пѣсняхъ Кирии Данилова и въ настоящихъ пѣсняхъ; это окончаніе сохранилось отчасти и въ нашемъ современномъ употребленіи во многихъ глаголахъ. Примѣровъ такъ много, что мы не считаемъ за нужное здѣсь приводить ихъ. — Въ грамотахъ встрѣчаемъ мы слово, употребляемое въ церковно-Славянскомъ языкѣ: *ино*: Напр: *а на него взговорятъ изъ Новгородскихъ волостей на Тферьскаго татя или разбойника, а възмолвятъ нѣтъ: ино ему и потомъ не бити во Тферьскихъ волостехъ; а будетъ, ино его безъ суда выдати по хрестному челованью, (1)* и пр.; но это слово и до нынѣ употребляетъ народъ; только буква *о*, первоначально явившаяся въ немъ, преобразовалась въ *ъ* — *инъ*: *инъ поди туда, инъ быть такъ*. По тому-же основанію употребляется *какъ* въ древнемъ языкѣ. — Въ церковно-Славянскомъ языкѣ, но надо прибавить: въ древнѣйшихъ памятникахъ, — прилагательныя, такъ называемыя неусѣченныя, или правильнѣе, производныя, сохраняютъ въ падежахъ окончанія болѣе полныя, окончанія долженствовавшія явиться при образованіи ихъ (*). Въ Евангеліи Остромировомъ, этомъ древнѣйшемъ памятникѣ церковно-Славянскаго языка, встрѣчаемъ мы такіе примѣры: *И буял рекоша мудрымъ (2)*. Въ грамотахъ Новгородскихъ и другихъ встрѣчаемъ мы также, хотя не всегда, такое употре-

(1) Собр. Гос. гр. и дог., ч. 1, стр. 23. Грам. Новгородскія. Гр. 18. См. древн. грамоты.

(2) Дальнѣйшее опредѣленіе, почему при образованіи слова являются такіе буквы, такіе формы, окончанія, удерживаемыя имъ предлагать я оставляемъ это до другаго труда.

(3) Остромирово Евангеліе. 1843. Ев. отъ Мат. XXV. 8, листъ 148. — Тамъ-же Ев. отъ Іоанна V. 30, л. 14: *Рече Господь къ пришедшимъ къ нему Іудеомъ*. — Тамъ-же отъ Луки VI. 35, л. 91: *аще благотворите благотворлицимъ вамъ*. — Тамъ-же отъ Марк. 1. 8, л. 56: *Азъ оубо крестилъ вы водою ате крестить вы духомъ святимъ*. — Это употребленіе твердо существуетъ въ Остромировомъ Евангеліи.

бленіе этихъ прилагательныхъ. Мы можемъ привести примѣры; въ грамотѣ 7-й Новгородской 1305 встрѣчается это часто; напр: такъ она начинается: *Поклонъ отъ посадника и отъ тысячкого и отъ всѣхъ старѣйшихъ и отъ всѣхъ мѣшчихъ*; также какъ въ двухъ договорныхъ грамотахъ Шемяки съ Василиемъ Темнымъ 1436 года встрѣчается почти вездѣ то-же употребленіе прилагательныхъ производныхъ; напр: *быти ти Господине со мною съ своимъ братомъ съ молодшимъ*, или также: съ *Московскими жребь* (1). Наконецъ въ древнихъ Русскихъ пѣсняхъ Кириши Данилова встрѣчаемъ мы то-же такіе примѣры:

Двумъ братцамъ родимымъ,
Двумъ удалымъ Борисовичамъ.

или:

А и звать Добрыня не долго въ нихъ
Въ тѣхъ ордахъ немирныхъ (2).

и проч.

Наконецъ: и теперь въ устахъ народа, въ его пѣсняхъ, употребляются эти прилагательныя съ полными окончаніями. Причина, почему эта первая форма сохранилась до сихъ поръ въ народномъ употребленіи, тогда какъ она была скоро оставлена и въ церковно-Славянской письменности,—во первыхъ та, что народъ вообще болѣе сохраняетъ языкъ, что рѣчь гласная, произносящаяся, болѣе дружна съ звуками, что и естественно, и болѣе удерживаетъ полногласіе; тогда какъ молчаливое письмо враждебно звукамъ, тѣмъ болѣе повторяющимся повидимому безъ нужды, — враждебно полногласію. Во вторыхъ вѣроятно, что эта полная форма прилагательныхъ шла хорошо къ

(1) Собр. Гос. грам. и дог., т. 1, Грамоты Новгородскія стр. 7. — Грамоты В. К. Г. стр. 124—30.

(2) Древн. Росс. стих., собр. Киршею Даниловымъ. 1818 г., стр. 36, 199.

протяжныхъ пѣсняхъ, изчерпывавшимъ каждый звукъ слова; въ пѣніи не пропадаютъ буквы, звуки; пѣніе не пренебрегаетъ ими, но заставляетъ раздаваться, — а эта полная форма такъ кстати и хороша въ пѣніи. По этому, можетъ быть, и теперь еще есть пѣсни, въ которыхъ раздается эта форма, пѣсни, въ которыхъ поется на примѣръ про:

Солдаты бѣглихъ, людей бѣднѣхъ.

Кромѣ этого полногласія, известнаго богатства звуковъ собственно, кромѣ этого еще очевиднаго образованія языка, когда части составныя сохраняютъ свою самостоятельность, есть еще его особенность, богатая принадлежность перваго періода, долженствовавшая однако исчезнуть вмѣстѣ съ нимъ, не вслѣдствіе обѣдненія языка ⁽¹⁾, но вслѣдствіе того, что эта особенность—свидѣтельница его перваго періода, родилась въ немъ и носитъ на себѣ, слѣдовательно, его характеръ. Мы говоримъ о двойственномъ числѣ. Двойственное число возникло очень естественно, явленіе его объяснить очень возможно, и мало того, оно, намъ кажется, необходимо должно было явиться въ первомъ періодѣ при образованіи языка и по этому другими словами въ языкъ древнемъ. Какъ скоро понятіе объ *единомъ* было отречено, такъ являлось—*неодно, другое*, и понятіе о другомъ, слѣдовательно о числѣ *два*, есть первое и ближайшее понятіе, могшее возникнуть при отреченіи *единого*; число *два* есть отреченіе *единого*, тутъ нѣтъ еще *множества*, здѣсь видимъ мы уже: *не-одно*. Далѣе является понятіе множественнаго, гдѣ уже не обращается вниманіе на *единое*; дальнѣйшій счетъ уже не можетъ быть отрицаніемъ *единого*, ибо *единое* прежде отречено; здѣсь является уже чистое количество (могущее явиться только послѣ отрицанія *единого*). По этому число двойственное и число множественное разнятся

(1) Мы не признаемъ этого обѣдненія, какъ единственнаго хода языка отъ начала, отъ прежняго богатѣйшаго состоянія, которое иначе намъ известно, какъ въ развалинахъ.

въ существѣ своемъ. Очень понятно, что когда это внутреннее логическое движеніе мысли, выражалось, какъ и все, въ языкѣ, слѣдовательно въ первомъ его періодѣ, тогда и языкъ, какъ языкъ, выразилъ это различіе; и понятіе числа: *два* приняло одну особенную форму — число двойственное, а понятіе числа: *множество*, другую — число множественное. По этому въ каждомъ коренномъ и древнемъ языкѣ двойственное необходимо; съ теченіемъ-же времени, съ отдаленіемъ отъ эпохи этого движенія и выраженія въ языкѣ мысли, число двойственное пропадало болѣе и болѣе и наконецъ утратилось; еще болѣе, потому что оно составляло необходимый переходъ, путь отъ единственнаго къ множественному: это число историческое. Впоследствии-же времени, единству просто противопоставлялось множество; двойственное число, доведшее до этого множества, согласно съ путемъ самой мысли, и выразившее этотъ путь, почлось уже ненужнымъ: множество уже было. Въ церковно-Славянскомъ языкѣ мы находимъ двойственное число; въ древнемъ Русскомъ самобытно находимъ мы его также; это доказывается: употребленіемъ двойственнаго въ древнихъ грамотахъ, въ письменныхъ народныхъ памятникахъ; самымъ искаженіемъ двойственнаго, его постепеннымъ уничтоженіемъ, что надѣемся мы изложить при историческомъ развитіи; сохранившимися до сихъ поръ употребленіями двойственнаго въ нѣкоторыхъ словахъ, отвердѣвшихъ въ языкѣ народномъ; напр: *двѣсть*, *въ очью* и пр.; и наконецъ нѣкоторыми грамматическими употребленіями, именно: склоненіемъ числительнаго *два*, числительнаго, которое имѣетъ форму совершенно прилагательнаго, какъ *три* и *четыре*. *Два*, *дѣть*, самый именительный падежъ имѣетъ уже окончаніе двойственнаго на *а* для мужескаго, на *ь* для женскаго и средняго; впоследствии, когда утратилось живое употребленіе двойственнаго, по сходству мужескаго съ среднимъ, во множественномъ числѣ *а* принято и для средняго. Родительный имѣетъ *двухъ*, гдѣ *хъ*, окончаніе мно-

жественнаго прибавлено просто къ правильному окончанію родительнаго двойственнаго: *дву, дву-хъ*; тогда какъ въ прилагательномъ родительный падежъ оканчивается на *ы-хъ*. Это окончаніе *дву*, обнаружившее первое ясно двойственное свойство, осталось уже какъ корень, къ которому прилагались окончанія прилагательнаго множественнаго; такимъ образомъ являются: дательный *дву-мъ*, винительный какъ именительный, или съ формою родительнаго: *два дву-хъ*; творительный хотя сохраняетъ тотъ-же корень *дву*, но въ окончаніи его опять видно двойственное окончаніе, хотя нѣсколько измененное: *дву-мя*, въ двойственномъ *двѣма*. Предложный какъ родительный: *дву-хъ*. Когда двойственное уничтожилось, то оно и въ измѣненіи было смѣшано съ подлѣстоящими прилагательными числительными: *три, четыре*, и уничтожаясь и смѣшиваясь, передало по сосѣдству окончанія свои имъ, принимая въ то-же время ихъ окончанія, т. е. прилагательныхъ множественнаго числа. *Три, четыре*, въ творительномъ падежѣ также оканчиваются: *тремя, четыремя* вмѣсто *треми, четырьми*, какъ и встрѣчается прежде въ эпоху броженія. Въ прочихъ падежахъ эти числительныя имѣютъ особенныя окончанія прилагательныхъ множественнаго числа. Сверхъ того окончаніе двойственнаго на *а* удержалось и сдѣлалось особеннымъ родомъ множественнаго, имѣющимъ особенный смыслъ, особенное значеніе, именно собирательнаго; это окончаніе, это особенное множественное употребляясь само по себѣ, смотря по характеру рѣчи, необходимо употребляется при числительномъ *два*, и такъ какъ числительныя *три* и *четыре* были смѣшивавшися въ свойствахъ своихъ, когда уничтожалось двойственное, съ числительнымъ *два*, то *два* перенесло свое двойственное свойство и на числительныя *три* и *четыре*, и окончаніе на *а* употребляется также и послѣ нихъ, тѣмъ болѣе, что за: *три* и *четыре*, числительными прилагательными, слѣдуютъ уже числительныя существительныя: *пять, шесть* и пр. Прежде-же, когда не установились отношенія

языка, когда двойственное число еще не уничтожалось въ дѣятельномъ своемъ значеніи двойственнаго, тогда употреблялось еще: *три, четыре города* и т. д. съ разными видоизмѣненіями. — Есть еще различіа, также происходящія отъ періода, въ которомъ находится языкъ, особенности, которыя находятся въ древнемъ и не находятся въ новомъ языкѣ, нося на себѣ отпечатокъ періода. Напр: въ глаголахъ возвратныхъ, явно образовавшихся изъ глагола и мѣстоименія *ся*, видимъ мы въ древности еще ясно это образованіе; *ся* не только сохраняетъ свою форму, но и отставляется; это видимъ мы въ церковно-Славянскомъ языкѣ и до сихъ поръ; примѣровъ много: мы можемъ ихъ и не приводить; это мы видимъ и въ древнемъ Русскомъ согласнѣ съ характеромъ періода, совершенно самобытно. Употребленіе возвратнаго глагола хранило на себѣ ясно причину и способъ его образованія. Мы можемъ привести примѣры. Въ Новгородскихъ грамотахъ употребляется: въ гр. 1-й Новгородской 1565: *А мы ти ся Княже Господине кланяемъ*, н.п.: въ гр. 12-й 1317: *Что ся учинило прѣмежи Князя и Новгорода розратья* ⁽¹⁾. Мало по малу употребленіе это исчезало и теперь исчезло; кажется, оно не сохранилось и въ народѣ. — Въ церковно-Славянскомъ языкѣ встрѣчаемъ мы еще употребленіе: *ти, тя*, хотя встрѣчается и *тебѣ, тебя* ⁽²⁾. *Ти* не было совершенно то-же что *тебѣ*; употребленіе это имѣло свое опредѣленіе и свои границы. *Ти* говорилось между словъ какъ прибавка, какъ дополненіе: не теряя своего смысла, оно примыкало къ другому слову какъ подчиненное; тогда какъ *тебѣ* всегда имѣло полный смыслъ, было самостоятельно и употреблялось одно; и тогда, когда смыслъ особенно падалъ на него, или самостоятельно оставался на немъ. Это употребленіе встрѣчаемъ мы и въ древнемъ Русскомъ языкѣ: *ти* и *тебѣ* или

(1) Собр. Гос. гр. и дог., т. 1. Грам. Новг. стр. 2, 15.

(2) Также почти употребляются, хотя рѣже, и другія личныя мѣстоименія.

тобѣ съ тѣмъ-же отличіемъ употребленія. Въ Древнихъ грамотахъ мы находимъ много примѣровъ. Напр: Новг. гр. 1305: *А что ти, Княже, пошло*, или: въ гр. Новг. 11-й 1317: *Тебѣ, Княже, не кѣрмити его Новгородскимъ хлѣбомъ* ⁽¹⁾. Примѣровъ много и потому мы ихъ не приводимъ, а отсылаемъ къ Собрانیю Государственныхъ грамотъ и договоровъ. У Кириши Данилова встрѣчаемъ мы также много примѣровъ. Въ употребленіи народномъ сохранилась и до сихъ поръ эта разнища, эта форма: *ти*; онъ употребляетъ ее и теперь только какъ: *ты*. Въ нашемъ языкѣ, собственно въ Великорусскомъ замѣтно сильное преобладаніе *ь* надъ *и*, преобладаніе, обнаруживающееся явственно съ ходомъ времени, отъ того-ли что болѣе опредѣлялся языкъ и болѣе обнаруживалось это свойство въ немъ лежащее; такъ *ты* вмѣсто *ти*, *всѣ* вмѣсто *еси* и пр.

Въ пѣсняхъ Кириши Данилова встрѣчаемъ мы то-же *ти*, согласно употребленію Русскаго народа, какъ *ты* (ишутъ обыкновенно *те*). Вотъ примѣры:

А и дамъ те Марина поученьце.

или:

Вотъ де те Дунаю будетъ паробочекъ ⁽²⁾.

и проч.

И такъ вотъ гдѣ и вотъ на чемъ основано сходство между церковно-Славянскимъ и Русскимъ, именно древнимъ языкомъ. Надѣюсь, мы показали, что это сходство совершенно самобытно и не есть слѣдствіе вліянія. Мы не говоримъ о церковно-Славянизмахъ въ Русскомъ и о руссизмахъ въ церковно-Славянскомъ; это уже не сходство:

(1) Собр. Гос. гр. и дог., т. 1. Грам. Новгород. стр. 11, 14.

(2) Древн. Росс. стих., собр. Киришо Даниловичемъ. Москва. 1818 г., стр. 70, 88.

это вносныя употребленія, возможныя взаимно при самобытности двухъ языковъ и остающіяся, отдѣльно, безъ настоящей связи и безъ участія; это уже смѣсь, а не сходство. По этому и надо отдѣлять примѣсь отъ самобытнаго сходства. Это сходство двухъ языковъ церковно-Славянскаго и древняго Русскаго зависитъ отъ извѣстнаго времени, періода языка, и современность языковъ относительно развитія или хода, составляетъ основаніе ихъ сходства. Судьба ихъ различна въ томъ, что церковно-Славянскій языкъ остался на той степени, на которой былъ, что согласнo было съ его назначеніемъ; а Русской языкъ двинулся путемъ своего развитія и оставилъ ту точку, на которой находился (современность, столь важная въ первомъ періодѣ, уже исчезла). Отсюда чѣмъ древнѣе Русской языкъ, тѣмъ сходиѣе онъ самобытно съ языкомъ церковно-Славянскимъ; и отсюда несходство съ послѣднимъ нынѣшняго Русскаго языка. Мы должны прибавить, что кромѣ причины несовременности, вообще языки, особенно соплеменные, чѣмъ ближе къ первому періоду, тѣмъ ближе между собою, потому уже, что не были развиты формы, что не развилось самое различіе. Языки современные, но уже находясь въ дальнѣйшемъ развитіи, не въ первомъ періодѣ, — разнятся болѣе между собою, сохраняя, въ томъ-же порядкѣ, относительное сходство; и такъ здѣсь и эта причина перваго, или если угодно, древняго, хотя-бы относительно древняго періода, конечно лежитъ въ основаніи сходства древняго Русскаго съ церковно-Славянскимъ и несходства съ послѣднимъ нынѣшняго Русскаго. По этому мы и сказали выше, что современность столь важна въ первомъ періодѣ.

И такъ мы можемъ сказать, что сходство Русскаго, и собственно древняго Русскаго, языка съ церковно-Славянскимъ нисколько не подчиненно, напротивъ совершенно самобытно. Оно основывается, при соплеменности языковъ, на характерѣ перваго періода языка, на современности ихъ въ

этомъ періодѣ, слѣдовательно на степени развитія историческаго хода языковъ, тогда болѣе или менѣе общей церковно-Славянскому и Русскому, — чѣмъ единственно и различается, какъ мы думаемъ, древній Русской языкъ отъ нынѣшняго Русскаго языка. Свойствомъ перваго періода является намъ неподвижность, неразвитость формъ слова; если мы узнаемъ слѣды этой неподвижности въ языкѣ церковно-Славянскомъ, то въ Русскомъ видимъ ихъ еще болѣе; что, по нашему мнѣнію, сильно говоритъ въ пользу самобытности Русскаго языка (въ самобытности котораго скорѣе возможно сомнѣніе). Нужно-ли, упоминать, что это въ то-же время два разныя нарѣчія. Мы не говоримъ, чтобъ не было вліяній и внѣшнихъ заимствованій; но это ничему не противорѣчитъ. Церковно-Славянскій языкъ является языкомъ также совершенно самобытнымъ, имѣвшимъ свои измѣненія въ падежахъ (именахъ) и во временахъ (глаголахъ), измѣненія, ни отъ кого не взятія и никому не указующія. Онъ оригиналенъ въ отношеніи къ Русскому во всѣхъ сторонахъ своихъ. Въ церковно-Славянскомъ языкѣ, въ древнемъ его состояніи, въ эпоху для него единственную, находимъ мы, сравнительно, гораздо болѣе развитія, нежели въ современномъ ему тогда Русскомъ. Стало быть этотъ языкъ, самъ въ себѣ оригинальный, успѣлъ уже развить въ себѣ ему свойственныя надлежащія формы, формы, изъ которыхъ нѣкоторыя въ нашемъ еще не существовали. Въ церковно-Славянскомъ языкѣ, правда не во всѣхъ случаяхъ, есть падежъ, и теперъ неимѣющій у насъ своей формы: это падежъ винительный во множественномъ числѣ. Но не успѣвъ еще развить всѣхъ своихъ формъ, не утративъ вообще характера первобытнаго періода, еще не потерявъ первобытной грандіозности, этотъ языкъ сдѣлался хранителемъ вѣчнаго, святаго, и остался самъ неизмѣняемъ, непреходящъ, чуждый развитія. Въ замѣнъ этаго живаго развитія, онъ проникнулся весь вѣчнымъ значеніемъ и всѣ слова его и звуки освятились; неразвивающееся-

ся слово, неизмѣняющійся оборотъ являлъ неподвижную истину; весь языкъ навѣки сталъ ея неколебимымъ выраженіемъ. Языкъ церковно-Славянскій не развивался и не могъ развиваться; всѣ измѣненія, которыя мы встречаемъ въ немъ у насъ въ теченіи времени, пришли къ нему извнѣ и ни сколько не плодъ его собственнаго движенія. Иначе и быть не можетъ; только въ народѣ и только жизненнымъ, живымъ образомъ можетъ развиваться языкъ; языкъ въ этомъ случаѣ слитъ съ народомъ; это его языкъ, однимъ словомъ; и если не возможно для народа говорить двумя языками, такъ точно не возможно, чтобъ онъ могъ развитъ другой языкъ; слѣдовательно и языкъ, принесенный къ другому народу, не можетъ развиваться; для того, чтобы онъ развивался, нужно, чтобы онъ былъ говоримъ, говоримъ народомъ, котораго вмѣстѣ сущность онъ выражаетъ. Церковно-Славянскій языкъ не былъ у насъ языкомъ, которымъ говорилъ народъ; многіе посвященные знали его у насъ, но онъ не дѣлался ихъ разговорнымъ языкомъ; у нихъ былъ свой уже языкъ, уста ихъ были уже заняты живою рѣчью, которая была ихъ рѣчь; это былъ другой народъ, однимъ словомъ; передъ ними были готовыя формы слова, которымъ они учились, но которыя не могли жить въ устахъ людей, имъ научившихся, людей, языковое развитіе которыхъ уже совершалось, уже имѣло мѣсто. Только народъ знаетъ живую тайну своего языка, только въ устахъ народа можетъ онъ развиваться. Не въ силахъ понять и взять на себя посторонніе люди его подвига; только жизнію внутреннею, жизнію даваемою народомъ, можетъ подняться эта громада словъ, могутъ двигнуться окончанія, пробудится всеобщее звучное движеніе, и новыя формы, измѣненія будутъ стройно рождаться, образовываться, развиваться изъ сомкнутыхъ дотолъ или изъ иначе устроенныхъ буквъ. Всѣ формы церковно-Славянскаго языка должны были оставаться такъ, какъ онъ суть, и только въ ихъ священномъ храненіи должно было состоять значеніе и изученіе церковно-

Славянскаго языка. Развитие церковно-Славянскаго языка, следовательно, у насъ быть не могло и мы его и не находимъ; это былъ языкъ не нашъ, и люди владѣвшіе имъ и знавшіе его говорили другою рѣчью. Но мы опираемся въ то же время всею силою на существенную причину отсутствія измѣняемости въ церковно-Славянскомъ языкѣ, на то, что сдѣлало такимъ этотъ языкъ; мы говоримъ о вѣчномъ содержаніи его освятившемъ; если-бы языкъ былъ проникнутъ имъ даже у своего народа, у народа имъ говорящаго, то и тогда слова, заключившія въ себѣ религіозную недоступную для народа святиню, освятились-бы во всехъ своихъ формахъ, и языкъ разговорный, преданный случайности, двинувшись впередъ, отделился-бы отъ языка письменнаго церковнаго вообще, который остался-бы въ своей первой формѣ, въ той формѣ, въ которой, однажды навсегда, застало его религіозное содержаніе и освятило. Если-бы въ послѣдствіи какъ нибудь, пользуясь единствомъ языка, и вкрадывались нововведенія въ языкъ церковный, то они являлись-бы въ немъ чужды, какъ если-бы принадлежали другому языку; связь была уже расторгнута, живой моментъ развитія ⁽¹⁾ упущенъ, и измѣненіе было-бы дико и насильственно.

Языкъ церковно-Славянскій не имѣлъ и не могъ следовательно имѣть у насъ развитія; мы можемъ его разсматривать и изучать въ его составѣ, единожды навсегда утвердившемся, но не можемъ и думать о его историческомъ движеніи. Мы встречаемъ измѣненія, въ него вошедшія, но вошедшія чисто внѣшнимъ, чуждымъ образомъ. Русскіе переписчики, а также и писатели, вносили въ него, пользуясь сродствомъ языка, образовавшіяся между тѣмъ безъ его вѣдома, въ отдаленіи отъ него, новыя формы слова въ языкѣ Русскомъ, формы, во всякомъ случаѣ

(1) Мы знаемъ мнѣніе, отвергающее развитіе языка; но слова наши въ этомъ случаѣ относятся собственно до дальнѣйшаго хода языка, не входя въ разсужденіе, развитіе-ли это или нѣтъ.

ему чуждыя. Такія измѣненія встрѣчаемъ мы постоянно; подъ конецъ они умножились. Какъ ни прекрасенъ слогъ и разсказъ на церковно-Славянскомъ языкѣ Св. Димитрія Ростовскаго, но мы должны сказать, что это не церковно-Славянскій языкъ, весь являющійся здѣсь изпещренный окончаніями, измѣненіями, которыя не ему принадлежать, ни коимъ образомъ изъ него не вытекали и не могли вытечь по существу вещи, а внесены въ него извнѣ изъ языка Русскаго. Но мы разумѣется обратимъ вниманіе и на это стороннее вліяніе, испытанное языкомъ церковно-Славянскимъ,—вліяніе, имѣющее свой интересъ въ общемъ развитіи языка у насъ. По нашему мнѣнію, языкъ церковно-Славянскій, чтобы явиться во всей чистотѣ и во всемъ величій своемъ, долженъ отрѣшиться и очиститься отъ всѣхъ этихъ измѣненій, принесенныхъ къ нему изъ другаго языка, которыя во всякомъ случаѣ не плодъ его развитія,—измѣненій, долетѣвшихъ до него изъ области случайности, отъ которой онъ навсегда оторвался.

Россія, находясь подъ опредѣленіемъ исключительной національности, приняла христіанство и вмѣстѣ общее; это было важнымъ моментомъ исторіи языка въ Россіи. Во времена принятія христіанства видимъ мы два языка или лучше, въ отношеніи къ содержанію, два слога: одинъ, языкъ народа какъ и самъ народъ, весь національно опредѣленный, — другой, оторванный отъ народа, вмѣщающій общее и весь проникнутый имъ. Это различіе не было одно внутреннее или случайное; нѣтъ, это выражалось чувственно въ языкѣ. Исключительная національность, опредѣляя все только жизнью народа, какъ народа, жила въ словахъ, оборотахъ, во всемъ языкѣ; это опредѣленіе обнимало весь языкъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлало его недоступнымъ для общаго, исключаящимъ своею національностью языка, общее, религиозное, содержаніе. На этой степени языка, слово по преимуществу выражаетъ національно опредѣленный духъ народа, на этой степени, гово-

ря собственно объ насъ, Русской духъ такъ силенъ, что одна фраза, одно выраженіе переноситъ насъ прямо въ глубину субстанціи народа, національно опредѣленной. Съ другой стороны, общее, принесенное народу въ христіанской религіи, общее, которое было ему недоступно по степени его опредѣленія, является заключенное въ языкъ церковно-Славянскій, о значеніи котораго мы говорили; на него оно положило печать свою; въ немъ, языкъ церковно-Славянскомъ, также чувственно, во всей жизни языка, выразилося его содержаніе. Думаемъ, что намъ не нужно здѣсь болѣе объ этомъ распространяться, что это, надѣмся, достаточно видно изъ предыдущихъ словъ нашихъ.

И такъ какъ народъ съ одной стороны былъ подѣленъ опредѣленіемъ національности, съ другой ему дано было уже общее въ христіанской религіи, котораго онъ понять былъ не въ состояніи,—такъ съ одной стороны въ устахъ у него былъ свой Русской національный языкъ, чувственно, какъ языкъ выражавшій опредѣленіе націи; съ другой на письмѣ языкъ церковно-Славянскій, понятный, но недоступный народу, заключавшій и выражавшій въ себѣ, какъ языкъ также, непонятное тогда общее. Задача того времени осуществляется, внутреннее содержаніе находитъ себѣ выраженіе. Это мы видимъ въ двухъ языкахъ, которые были тогда въ Россіи. Мы сказали уже объ отношеніи церковно-Славянскаго языка къ языку Русскому, о различіи ихъ, объ общемъ ихъ характерѣ. Это отношеніе лежитъ въ самомъ существѣ языковъ; должно, слѣдовательно, было имѣть мѣсто тогда, когда самобытность ихъ была въ цѣлости, — и такъ, въ первыя времена обоихъ языковъ. Языкъ церковно-Славянскій былъ неприкосновененъ въ своей самобытности, свободенъ отъ всякихъ измѣненій; языкъ Русской не входилъ въ языкъ церковно-Славянскій и самъ не имѣлъ еще многихъ, также внѣшнимъ образомъ въ него пришедшихъ словъ, выражений языка церковно-Славянскаго, которому онъ уступалъ въ

богатствъ формъ; Русской языкъ еще не развилъ своихъ формъ, не обозначилъ вполне своей личности, оставаясь въ то-же время совершенно самобытнымъ, словомъ сказать въ томъ отношеніи къ церковно-Славянскому языку, о которомъ мы говорили. Въ такомъ состояніи находимъ мы у насъ языкъ въ древнія времена. Теперь, сказавъ о языкъ вообще, о языкъ церковно-Славянскомъ и Русскомъ, постараемся, хотя несовершенно вполне, рассказать историческое движеніе языка въ нашемъ отечествѣ и именно: историческія судьбы языка церковно-Славянскаго и Русскаго, и взаимнос ихъ отношеніе.

Наши памятники языка церковно-Славянскаго простираются гораздо глубже въ древность, нежели памятники Русскаго. Русской языкъ былъ преданъ разговору, живому глашенію; за полную совершенную жизнь минуты, минуты настоящей, платилъ онъ длительностью въ будущемъ. Отсутствіе памятниковъ нисколько не полагаетъ отсутствія языка. Русской языкъ былъ всегда, когда былъ Русской народъ, и былъ всегда Русскимъ, тѣмъ-же языкомъ, которымъ говоримъ мы и теперь, только условленный временемъ, именно характеромъ первоначальнаго періода; но онъ не имѣлъ въ тѣ отдаленныя времена памятниковъ. Правда, не всякая живая рѣчь народа умираетъ; выраженія, въ которыхъ онъ слагаетъ свои практическія замѣтки, результаты своихъ наблюдений,—еще лучше, его пѣсни, также сказки, преданія, гдѣ поэтически являетъ онъ всю глубину своей сущности, не пропадаютъ по произнесенію; рождаются отзывъ, и, повторяясь въ теченіи долгихъ временъ, они доходятъ до позднѣйшихъ потомковъ. Но во первыхъ: очень трудно опредѣлить время пѣсенъ и пословицъ, если историческія событія не помогутъ положительно; во вторыхъ: самый языкъ пѣсенъ, повторяясь въ разныя времена, произносаясь живыми устами, невольно измѣняется и принимаетъ въ себѣ иногда отбѣнокъ или

слово, современныя эпохъ ихъ произношенія; но это только въ отношеніи къ языку, и то скорѣе къ вѣшной сторонѣ его; поэтическій характеръ и духъ языка также, большею частію и почти всегда, не мѣняется. *Черкесы пятигорскіе, Алюторы*, въ пѣсняхъ собранныхъ Киршею Даниловымъ, льно не измѣняютъ, древнѣйшаго этихъ словъ, характера пѣсни. Даже въ отношеніи къ языку можно устранить многое, неловко приставшее, къ древнему его виду, и если многое прибавилось, измѣнилось, утратилось, при живомъ повтореніи, то также многое сохранилось, потому что пѣсня, и также другія созданія народныя, *передавались*, и измѣненіе въ ней было развѣ невольное. Пословица говоритъ: *изъ пѣсни слова не выкинешь*.

Есть пѣсни, какъ кажется, очень древнія, восходящія можетъ быть къ баснословному періоду нашей исторіи; но, какъ мы сказали, очень трудно опредѣлить время живыхъ памятниковъ народнаго языка; и поздно, очень поздно пишутся онѣ на бумагу. И такъ памятниковъ опредѣленныхъ, памятниковъ письменныхъ Русскаго языка мы еще долго не встрѣчаемъ, когда уже довольно давно имѣемъ у себя памятники языка церковно-Славянскаго. Самое содержаніе этихъ памятниковъ объясняетъ и дѣлаетъ необходимымъ присутствіе языка церковно-Славянскаго. Мы не говоримъ уже о св. Евангеліи, переведенномъ Кирилломъ и Меѳодіемъ на церковно-Славянскій языкъ; кромѣ этого сюда же принадлежатъ житія святыхъ, поученія духовныхъ лицъ и сочиненія тому подобнаго содержанія, и наконецъ лѣтописи. И такъ, слѣдуя за ходомъ памятниковъ, сообразно съ вліяніемъ языка, съ временемъ появленія его въ сферѣ письменности и мѣстомъ имъ въ ней занимаемымъ, должны мы начать съ памятниковъ языка церковно-Славянскаго.

Древнѣйшій памятникъ языка церковно-Славянскаго у насъ, и языка церковно-Славянскаго вообще, есть переводъ

Евангелія Кирилломъ и Меѳодіемъ. Собственно мы имѣемъ его въ списокъ 1056—7 года. Этотъ истинно драгоценный памятникъ церковно-Славянскаго языка, всей его оригинальной жизни, можетъ быть, сохранившій безъ измѣненія всѣ формы, всѣ обороты, однимъ словомъ всю современную жизнь языка, на который сдѣланъ былъ переводъ св. книгъ, у насъ недавно изданъ ⁽¹⁾. Въ Евангеліи Остромировомъ находится языкъ Славянскій такимъ, какимъ его застало св. Писаніе, со всѣми падежами, разносклѣніями, измѣненіями, со всею оригинальностью, составляющей фیزیономію отдѣльнаго, самобытнаго языка. Въ Евангеліи Остромира правильность языка почти неизмѣнна, если нѣкоторыя отступленія мы станемъ считать за особенныя, дозволенныя, различающіяся употребленія. Это уже языкъ, развившій свои формы склоненія, спряженія, и сохраняющій всю тонкость и подробность различій; въ немъ видимъ мы все, о чемъ говорили мы выше, какъ о свойствахъ языка церковно-Славянскаго; въ немъ видимъ мы, вопреки мнѣнію Добровскаго, и форму родительнаго падежа въ именахъ мужескаго рода единственнаго числа для падежа винительнаго; видимъ это тонкое различіе то-же въ именахъ мужескаго рода множественнаго числа двухъ падежей именительнаго и винительнаго, находимъ эту, и въ послѣдствіи долго сохраняемую, особенность сродства родительнаго съ именительнымъ въ именахъ женскаго рода

(1) Я руководствовался до сихъ поръ отрывками изъ Остромирова Евангелія, помѣщенными въ *Собраніи Словенскихъ памятниковъ, находящихся въ Россіи*. Спб. 1827. Кеннежа; въ *Glagolita Clozianus*, Копитара; въ *Экзархъ болгарскомъ*; у Греча, въ *Исторіи Русской Литтературы*; у Шафарика. Разсужденіе это было уже окончено, какъ появилось изданіе Остромирова Евангелія, и по этому я не могу представить столь подробный стѣтъ и изслѣдованія, какъ-бы желалъ объ этомъ важномъ памятникѣ, чего во всей полнотѣ я-бы ни въ какомъ случаѣ не могъ сдѣлать, ибо тогда это составило-бы особое сочиненіе. Указанія свои дѣлаю я на недавно изданное Остромирово Евангеліе, которое изучилъ, сколько успѣлъ.

на я и пр.; сверхъ того именно въ этомъ, и почти только въ этомъ памятникѣ, находимъ мы полнѣйшую форму прилагательныхъ, еще неутратившихъ слѣда своего образованія, какъ напр: *добрыхъ*. Даже въ древнихъ памятникахъ языка, сохранившихся въ соплеменныхъ земляхъ Славянскихъ, какъ въ Судѣ Любуши и въ отрывкахъ Евангелія Іоанна, относимыхъ Шафарикомъ къ X столѣтію, не находимъ этой полной, явственно первообразно-древней формы прилагательныхъ; напротивъ тамъ всегда употребляется или обыкновенная настоящая форма, или даже не достаѣтъ этой полноты формы и тамъ, гдѣ она сохранилась и до сихъ поръ у насъ, и гдѣ этотъ выпускъ, этотъ недостатокъ чувствителенъ и ясно обозначается. Это встрѣчаемъ въ Судѣ Любушиномъ, напр: *Всяк от свои чeledи воіеводи, или: розеня для свего, или гласы по народу своему* ⁽¹⁾. Это ясно намекаетъ на позднѣйшее ихъ время въ сравненіи съ языкомъ Евангелія Остромирова. Мы не находимъ въ нихъ также того сходства, конечно произношеніемъ различающагося, именительнаго падежа съ родительнымъ единственнаго, и именительнымъ и винительнымъ множественнаго числа, въ именахъ женскаго рода извѣстнаго окончанія, гдѣ у нихъ становится *e* или *ie*, которыя приблизительно могутъ быть употреблены, какъ замѣна *ъ*, имѣвшаго носовой звукъ, по справедливому мнѣнію Г. Востокова; что видимъ и въ другихъ случаяхъ, гдѣ есть соответствіе съ церковно-Славянскимъ *ъ*. Въ Судѣ Любуши, напр: *по Сватослав от любви бѣле* ⁽²⁾, или въ Евангеліи Іоанна *i kto nenavidі duše svoje* ⁽³⁾. Также замѣчательно употребленіе въ Евангеліи Іоанна почти вездѣ въ винительномъ формы именительнаго, а не родительнаго падежа и именно тогда, когда въ

(1) Die Aeltesten Denkmähler der Böhmischen Sprache Kritisch beleuchtet von P. S. Safarik und Franz Palacky. стр. 34, 35, 36.

(2) Тамъ-же стр. 35.

(3) Тамъ-же, стр. 114.

Остромировомъ Евангеліи встрѣчается уже форма родительнаго падежа, что указываетъ также на неразвитость языка этихъ памятниковъ (во всякомъ случаѣ эта форма явилась впоследствии), не противорѣча первому свидетельству о позднѣйшемъ его времени; ибо то, о чемъ упомянули мы выше, отсутствіе полноты въ образованіи прилагательныхъ, есть уже всегда потеря формы, необходимо долженствовавшей существовать; тогда какъ употребленіе формы родительнаго падежа въ винительномъ могло еще долго не возникать. Надо не забывать между прочимъ, что мы говоримъ здѣсь о древности не рукописей, но языка, въ нихъ являющагося. Вотъ примѣры винительнаго падежа: *jeli že mnozi pron' chodiachu iz judev i verichu v Jesus* ⁽¹⁾. Въ Остромировомъ Евангеліи: *и въровааху въ Іисуса* ⁽²⁾. Или: *Vynide ze učennik drugy, jen-že bēde znat papeži, i reče dverny i vvede Petr* ⁽³⁾. Въ Остромировомъ Евангеліи: *въведи Петра* ⁽⁴⁾.

Въ Фрейзингенскихъ рукописяхъ ⁽⁵⁾ встрѣчается то-же отсутствіе полныхъ прилагательныхъ и въ такой-же степени, напр: *i me delo*, или *prideta otza mega izvuoleni* ⁽⁶⁾; но родительный падежъ въ именахъ женскаго рода на *я* и *пр.* сохраняетъ сходство съ именительнымъ, онъ встрѣчается въ рукописи только разъ: окончаніе его написано *а* латинскимъ, которое не различаясь отъ *а*, употребляемаго во всѣхъ другихъ случаяхъ, не выражало этого тонкаго различія между *ia* (или *а* послѣ *ч*, *ж*, *ц*, и *пр.*) и *я*; точно такъ-же, какъ у насъ безъ различія сохранялась эта форма родительнаго падежа, и буквы, принимаемыя за равногласныя, здѣсь и

(1) Тамъ-же, стр. 113.

(2) Ост. Евангеліе, 1843. л. 149 об. Ев. отъ Іоанна, II, 11.

(3) D. A. D. der Böhmischen Sprache и т. д. стр. 118.

(4) Остр. Ев. 1843. и. 178. Ев. отъ Іоан. XVIII. 16.

(5) Собраніе Славянскихъ памятниковъ, находящихся въ Россіи, книга 1, отдѣленіе 1.

(6) Тамъ-же, книги 1, отдѣленіе 1, стр. 5.

въ другихъ случаяхъ часто перемѣшивались. Вотъ этотъ примѣръ: *jli ese iesem ne zpasal nedela* ⁽¹⁾. Есть еще примѣръ подобнаго родительнаго въ прилагательномъ: *od szlaimi bosige* ⁽²⁾ (*отъ слови божіе*, какъ читаетъ Кеппенъ). Здѣсь мы видимъ на концѣ *e*, но нѣтъ носоваго звука; а такого рода измѣненіе возможно скорѣе въ прилагательномъ и послѣ гласныхъ (*и*, *думаемъ*, не противорѣчитъ сказанному нами и оставляетъ во всей силѣ приведенный примѣръ); мы также до сихъ поръ говоримъ: *ее, самое*. Это, вопреки Кеппену, наводитъ на мысль, что эти памятники не принадлежали собственно той землѣ, въ которой были написаны и вообще не были оригинальнымъ памятникомъ языка; одинаковость окончанія въ родительномъ и именительномъ падежѣ показываетъ присутствіе носоваго звука, ибо только такъ являлась эта видимая одинаковость, различаясь въ то-же время носовымъ звукомъ; теперь, въ памятникахъ, эта одинаковость падежа сохранена, а свойство *ея*, носовой звукъ (въ родительномъ падежѣ и пр.) не сохраненъ; только внѣшнее сходство, сходство буквъ схвачено. Ясно, что тамъ, гдѣ написана была рукопись, не было носоваго звука; но ясно также, что слова, которыя писались въ этой рукописи, имѣли носовой звукъ: слѣдовательно эти слова не принадлежали той странѣ, гдѣ писалась рукопись, не были тамошними. Однимъ словомъ, вѣроятно это былъ списокъ латинскими буквами съ церковно-Славянскаго подлинника, подлинника, написаннаго, по крайней мѣрѣ, кириловскими буквами, -- списокъ, во многихъ мѣстахъ исказившій оригиналъ, не смотря на то что языкъ церковно-Славянскій обозначается кажется явно; впрочемъ здѣсь въ древнія времена сходство могло быть само собою, (какъ напр: *Судъ Любуши*). Кеппенъ называетъ это исключеніемъ и напротивъ указываетъ на то, что буквы носовыя *ж* и *ѣ* выражаются не такъ какъ *у* и *я*

(1) Тамъ-же, стр. 5.

(2) Тамъ-же стр. 9.

но что пишущіе, не находя настоящихъ буквъ въ латинской азбукѣ для выраженія этихъ звуковъ, выражали разнo, стараясь приблизиться къ ихъ произношенію; впрочемъ (что онъ и самъ замѣчаетъ) жъ выражается болѣе чрезъ латинское: и (y); и: о, прибавляетъ онъ; но, какъ это очевидно, преимущественно чрезъ: и. Ксппенъ говоритъ далѣе въ защиту мнѣнія, что носовой звукъ принадлежалъ языку Фрейзингенскихъ рукописей; что лъ преимущественно выражается чрезъ е, и что л (*li*) черезъ латинское *ia*; это справедливо, но не совсѣмъ. Какъ могъ переписчикъ выразить смягченіе въ словахъ *мля* и *пр.* (гдѣ употребляется *л*), какъ не прибѣгая къ замѣненію его буквою *е*; тѣмъ болѣе, когда удареніе не обозначало и по его произношенію буквы: *а* въ двугласномъ: *я*; составная буква латинская *ia* совсѣмъ не то, что наша двугласная *я*, гдѣ нераздѣльно слышатся оба звука; это слитіе еще сильнѣе послѣ согласной. И такъ на этомъ основаніи, какъ намъ кажется, писалъ переписчикъ *ia* и *e*, ставя *e* послѣ согласныхъ и *ia* вначалѣ и послѣ гласныхъ, гдѣ звукъ этотъ слышится яснѣе и самостоятельнѣе, а не на основаніи различія *я* и носоваго *л*. Это доказывается тѣмъ, что когда *я* встрѣчается послѣ согласныхъ, то часто пишется *e*; напр: *do dineznego dine, patrovnechi, и vedechi, terechi* ⁽¹⁾; впрочемъ подѣ строгое правило подвести этого нельзя; послѣ согласной встрѣчается и *ia*, которое замѣняется иногда просто *а*; но зато оно пишется здѣсь и вмѣсто *л*; напр: *grechi vuasa* (*л*) ⁽²⁾. Если *e* считать приближенною замѣною *л*, потому что нельзя было выразить его латинскою буквою, то съ другой стороны зачѣмъ-же *я* не всегда писалось чрезъ *ia*, зачѣмъ-же писалось оно и чрезъ *e* и зачѣмъ-же встрѣчается и *л*, написанное чрезъ *а* даже? Также не вездѣ въ началѣ, *я* пишется чрезъ *ia*, но иног-

(1) Тамъ-же, стр. 8, 10, 11.

(2) Тамъ-же, стр. 11.

да чрезъ е; напр: *ese sunt dela sotovina*, или, въ сложномъ словѣ, *vlichogeden* ⁽¹⁾. Это съ другой стороны доказываетъ. перышительную замѣну а чрезъ е; но можетъ быть это сдѣлалось просто, также какъ и у насъ, безъ всякаго носоваго звука, перемѣнилось *ясть* въ *льсть*. Въ словѣ-же *недѣля* (*nedela*) латинскій выговоръ и безъ того мягокъ, и поэтому, такъ какъ (если принять это предположеніе) не было замѣтно разницы произношенія носоваго между *я* и *а*, написано было просто *а*. Наше предположеніе состоитъ въ томъ, что всѣ эти три рукописи были переписаны или передѣланы съ церковно-Славянскаго, отъ чего древность ихъ, X столѣтіе, ни сколько не теряетъ; впрочемъ все это одна гипотеза, которую далѣе мы не подтверждаемъ. Какъ-бы ни были точно древни эти рукописи, относимыя къ IX, къ X столѣтію, но языкъ ихъ не есть языкъ совершенно древній, о которомъ мы имѣемъ понятіе; мы видимъ утраченную полноту прилагательныхъ въ окончаніяхъ падежей и глаголовъ, также въ спряженіяхъ, хотя полнота глаголовъ не такъ очевидно необходима; стало быть Евангеліе Остромирово, какъ рукопись, принадлежа къ XI столѣтію, сохранило церковно-Славянский языкъ, а вмѣстѣ съ этимъ въ немъ языкъ Славянский вообще, во всей его чистотѣ, во всемъ его древнемъ полномъ видѣ, въ такомъ, смѣемъ сказать, въ какомъ засталъ его переводъ Священнаго Писанія.

И такъ лучший памятникъ языка церковно-Славянскаго и въ то-же время (такъ какъ здѣсь онъ представитель) языка Славянскаго вообще—это Остромирово Евангеліе. Чуждаго элемента, нарушающаго единство языка, мы не встречаемъ, и, списанное для посадника Остромира, Русскаго, оно не имѣетъ руссизмовъ. Евангеліе Остромирово представляетъ намъ

(1) Тамъ-же, стр. 9, 8.

церковно-Славянский языкъ во всей его чистотѣ; всѣ особенности его, о которыхъ хотя не вполне мы говорили, всѣ хранятся тамъ. Но и Евангеліе Остромирово представляетъ иногда исключенія изъ правилъ языка, въ немъ являющихся, — ошибки, если смѣть такъ сказать; это были можетъ быть видоизмѣненія, можетъ быть вслѣдствіе особенныхъ правилъ и основаній. Между прочимъ, не говоря о формѣ родительнаго падежа въ винительномъ, часто встрѣчающейся, мы укажемъ еще на одну особенность, ярко поражающую въ Остромировомъ Евангеліи. Глаголь: *есмы*, употребляющійся во временахъ сложныхъ, совсѣмъ не непременно присутствуетъ: не говоря о томъ, что онъ иногда не встрѣчается въ третьемъ лицѣ, не встрѣчается и во второмъ и въ первомъ: когда тутъ находятся личные мѣстоименія, (что мы увидимъ еще позднѣе и что надѣмся объяснить), — мы видимъ, что онъ не встрѣчается даже въ первомъ лицѣ, гдѣ нѣтъ личнаго мѣстоименія.

Въ концѣ Остромирова Евангелія есть приписка то-же на церковно-Славянскомъ языкѣ; но здѣсь, вдругъ встрѣчается намъ употребленіе несвойственное духу языка Остромирова Евангелія, употребленіе, принадлежащее Русской рѣчи, ворвавшейся въ языкъ церковно-Славянской, явившей, что подъ нимъ современно была самобытная живая рѣчь, и оставившей такимъ образомъ первый, хотя блѣдный, свой памятникъ: это предложный падежъ безъ предлога, который почти не встрѣчается въ Евангеліи Остромировомъ, именно при собственныхъ именахъ, гдѣ предложный падежъ употребляется почти всегда съ предлогомъ, употребленіе, носящее на себѣ признакъ юности, неразвитости языка, что и былъ нашъ языкъ въ отношеніи къ церковно-Славянскому. Здѣсь именно этотъ предложный падежъ употребленъ при именахъ собственныхъ. Переписчикъ, въ припискѣ своей (отъ себя) два раза употребляетъ его: *Кыевъ, Новъгородъ. Самъ-же Изяславъ Князь пра-*

вляаше столь отца своего Ярослава Киевъ. А брата своего столь поручи правити близокоу своему Остромироу Новъгородъ ⁽¹⁾. Что это не ошибка, доказывается во первыхъ: двукратнымъ употребленіемъ такого падежа; во вторыхъ: это употребленіе очень часто подкрѣпляется позднѣйшими памятниками и, даже и до сихъ поръ сохранившимися у насъ, выраженіями, которыя объясняются, какъ предложный безъ предлога. Сверхъ того само Остромирово Евангеліе можетъ служить намъ подкрѣпленіемъ. Предложный безъ предлога находится въ Остромировомъ Евангеліи, но встрѣчается очень рѣдко. Въ текстѣ, напримѣръ: *И отецъ твой, видѣи стайниъ, воздистъ тебѣ лѣвъ* ⁽²⁾, лѣвъ очевидно есть предложный падежъ, употребленный безъ предлога: *въ лѣвъ*. Но это показываетъ слѣды такого употребленія, которое уже не вездѣ встрѣчалось въ языкѣ церковно-Славянскомъ Евангелія Остромирова; что оно было въ этомъ языкѣ, это естественно и даже необходимо, и отсутствіе его въ немъ показывало-бы тогда, что языкъ перешелъ этотъ моментъ. И такъ въ Остромировомъ Евангеліи находится это употребленіе, но не въ такой силѣ, въ какой находится оно въ современномъ языкѣ Русскомъ; въ послѣднемъ встрѣчается оно особенно при именахъ городовъ, мѣстъ, которыя именно употребляются въ Евангеліи Остромировомъ вездѣ, или почти вездѣ, съ предлогомъ. Въ этомъ случаѣ, этотъ древнѣйшій памятникъ даетъ намъ возможность довольно ясно изслѣдовать въ немъ это употребленіе и оправдать слова наши, заключая въ себя святцы, гдѣ такъ часто встрѣчается мѣстный предложный падежъ, именно при именахъ собственныхъ. И такъ мы находимъ здѣсь только два исключенія изъ общаго употребленія, именно: *святцаго священномученика Петра Капепуляихъ и сѣтра*

(1) Остр. Евангеліе, 1843. листъ 291 об.

(2) Тамъ-же, листъ 192 об.

святаго мученика Климента Роумьхъ (1). Другихъ примѣровъ не находится, кажется; напротивъ, вездѣ предложенный мѣстный употребляется при именахъ съ предлогомъ. Въ этой припискѣ встрѣчаемъ мы также полное прилагательное, написанное безъ сохраненія полного своего произношенія, именно: *дароуи Богъ стяжавшоумоу* (2) и т. д. Но это произошло отъ того, что писцы наши, еще новыя въ знаніи азбуки, не понимали, какая польза будетъ въ томъ, какая разница звуковъ произойдетъ отъ того, если двѣ одинакія буквы напишутъ они рядомъ одну подлѣ другой; различіе это для нихъ исчезало и двѣ одинакія буквы сливались въ ихъ понятіи, они принимали ихъ за одну. Кромѣ этой приписки въ самомъ Остромировомъ Евангеліи, въ приписанныхъ къ тексту примѣчаніяхъ, о чтеніи Евангелій, встрѣчаются подобныя ошибки, описки, конечно; напримѣръ, часто попадутся: *новоумоу и новумоу лѣту и рѣдко какъ надобно: новоуоумоу*; также въ словѣ *святой*, часто встрѣчающемся, видимъ такого-же рода ошибки. Мы не выписываемъ мѣстъ и не указываемъ на страницы, ибо эти ошибки попадаютъ часто и это было-бы излишнимъ. Въ этихъ-же припискахъ встрѣчается приписанное съ боку: *и прочимъ пророкомъ* (3). Эти приписки были, вѣроятно, писаны не такъ тщательно; въ нихъ встрѣчается еще другая ошибка: въ родительномъ падежѣ употреблено *Богородици: и бѣ на погребени стѣла Бѣи* (4). Сверхъ того, даже въ самомъ текстѣ, находимъ мы такую-же ошибку; тамъ два раза употреблено: *мньшихъ: единомуу отъ сихъ малыхъ брать моихъ мньшихъ*, и далѣе: *единомуу отъ сихъ мньшихъ* (5). Изъ этаго-же неумѣнія от-

(1) Тамъ-же, лист. 238.

(2) Тамъ-же, лист. 299 об.

(3) Тамъ-же, лист. 128.

(4) Тамъ-же, лист. 228.

(5) Тамъ-же, лист. 151 об., 152.

дѣлать при написаніи одинакія или сходныя буквы, думаемъ мы, происходитъ и вообще то, что въ послѣдующихъ, даже почти непосредственно, памятникахъ, мы не встречаемъ полныхъ, написанныхъ прилагательныхъ: тогда, какъ гласно они сохранились и теперь въ устахъ народа; онъ не потерялъ этихъ полногласныхъ прилагательныхъ, въ иныхъ случаяхъ, по крайней мѣрѣ; онъ употребляетъ ихъ и теперь въ своихъ старинныхъ пѣсняхъ, въ пѣсняхъ современныхъ, и даже иногда въ своемъ разговорѣ. Другое дѣло рукописи иностранныя; тамъ это употребленіе, если-бы было оно въ самомъ языкѣ, могло-бы прорваться, какъ прорывалось и у насъ и въ позднѣйшихъ рукописяхъ; но тамъ не встрѣчается этого употребленія; если-же такого основанія для заключенія было-бы недостаточно, то выразенія: *свему* и т. п. (примѣры приведены выше) доказываютъ уже отсутствіе въ живой рѣчи этой формы прилагательныхъ. Потому въ написаніи прилагательныхъ, сокращенная ихъ форма, или лучше, сокращенное ихъ изображеніе нисколько не есть вліяніе Русской рѣчи, въ которой, вмѣстѣ съ тѣмъ, эти прилагательныя то-же самобытно существовали, по крайней мѣрѣ не были ей чужды.

И такъ Остромирово Евангеліе представляетъ намъ самый древній, самый чистый памятникъ церковно-Славянскаго языка и вообще языка Славянскаго; въ немъ является весь языкъ церковно-Славянскій со всеми своими особенностями, измѣненіями, своимъ существомъ и устройствомъ, какъ языкъ. Изученіе Остромирова Евангелія есть изученіе языка церковно-Славянскаго, который хотя и имѣетъ другіе памятники, но чище и древнѣе не имѣетъ.

Послѣ этого перваго памятника письменности у насъ, своимъ языкомъ восходящаго въ самую отдаленную древность, спискомъ-же относящагося къ 1056 — 57 году, является уже памятникъ оригинальный по содержанію, памятникъ писанный, а не списанный, но разумется на томъ-

же церковно-Славянскомъ языкѣ, исключительномъ языкѣ письма, которое само по себѣ было чуждо народу, чуждо его тогдашней національной жизни, и, вмѣстѣ съ общимъ содержаніемъ религіознымъ и церковно-Славянскимъ языкомъ, было принесено къ нему. Письмо стало, следовательно, (согласно и съ существомъ своимъ) на сторонѣ общаго, недоступнаго для народа, и каждое слово уже, касаясь бумаги, должно было становиться церковно-Славянскимъ или принимать по крайней мѣрѣ отпечатокъ языка церковно-Славянскаго; переходъ этотъ, это преобразование было возможно, по сродству языковъ. — Мы говоримъ теперь о Ярославовой Правдѣ, относимой ко времени отъ половины XI до начала XII вѣка включительно, и по этому отчасти современной съ припискою Остромирова Евангелія. Какъ и все тогда, писана она на языкѣ церковно-Славянскомъ; но опять мы видимъ, какъ Русская рѣчь врывается иногда въ него; онъ становится то неправиленъ, то допускаетъ чуждыя ему формы, и только по этимъ неправильностямъ и измѣненіямъ въ церковно-Славянскомъ языкѣ, можемъ мы видѣть или лучше чувствовать темно, угадывать присутствіе иной живой рѣчи, Русской рѣчи, которая сама скрыта за языкомъ церковно-Славянскимъ, — только такъ и не болѣе. Русская Правда писана на языкѣ церковно-Славянскомъ, писана правильно, но здѣсь уже часто сквозь языкъ церковно-Славянскій пробиваются новыя чуждыя ему употребленія слова: ибо Русская Правда была собственное сочиненіе, а не списокъ, и въ то-же время имѣла содержаніе народное, была памятникъ народный. Въ Русской Правдѣ мы встрѣчаемъ не менѣе, если не болѣе формы именительнаго падежа, употребленной въ винительномъ единственнаго числа въ именахъ мужескаго рода. Напр: *Аже кто познаеть челядинъ свои украденъ. Аже кто переиметь чужъ холопъ. Полти у него отрокъ. Аже кто не въдая чюжъ холопъ оусрячетъ. Аже кто крнетъ чюжъ холопъ.*

Холопъ пояти (¹) и пр. Далѣе: измѣняется склоненіе церковно-Славянскаго языка; извѣстно, что слова женскаго рода кончащіяся на *я*, на *жа* и проч., должны были имѣть въ извѣстныхъ падежахъ то-же *я*, писавшееся чрезъ *а*, имѣвшее носовое произношеніе; это различіе не существуетъ въ Русскомъ языкѣ и родительный падежъ имѣетъ и въ именахъ женскаго рода, такъ кончащихся, такое-же, свое собственное окончаніе, какъ и въ именахъ, обыкновенно кончащихся на *а*. Въ церковно-Славянскихъ памятникахъ иногда свято соблюдается въ склоненіи это сходство и вмѣстѣ различіе *я*, (*ia*—*а*), что впрочемъ сдѣлалось у насъ однимъ буквеннымъ сходствомъ, ибо *ia* и *а*, не разнились у насъ: носовой звукъ былъ намъ чуждъ. Въ Русской Правдѣ напротивъ видимъ мы, какъ уже нарушается или лучше вовсе не исполняется непонимаемое сходство, какъ измѣняется употребленіе, что очень важно и придаетъ Русской Правдѣ особенный характеръ; видно, что она писана для народа, памятникъ народный; нѣтъ ни одного примѣра окончанія въ родительномъ и другихъ падежахъ въ извѣстномъ случаѣ на *а*, или даже, по ошибкѣ, на обыкновенное *я* (*ia*). Но чтобы на письмѣ выразить неясное и въ именахъ женскаго рода на *я* и пр.—окончаніе родительнаго и другихъ падежей,—которому не соответствовала буква *а*, рука, какъ будто была невѣрна, ошибалась и писала *е*, измѣняя церковно-Славянское окончаніе, и наконецъ *и*. То встречаемъ мы въ Русской Правдѣ. Вотъ примѣры: *Ві гривне продаже* и вездѣ, гдѣ встрѣчается слово: *продажа*, въ томъ-же падежѣ. Также: *Аже крадетъ скотъ на поли или овци или козы или свинье*. — *А дѣтемъ не дати воле* (²). Но далѣе находимъ мы: *а от бортьюи земли*, два раза—и *от ролеиной земли* (³) и пр. Еще но-

(¹) Русскія достопамятности, ч. 1, стр. 36, 56, 57. Русская Правда.

(²) Русская достопамятности, ч. 1, стр. 32, 37, 45. Русская Правда.

(³) Тамъ-же, стр. 46.

вость, невиданнаго досель употребленія, встречаемъ мы въ Русской Правдѣ и, надобно замѣтить, съ Правды Владиміра; мы читаемъ: *томуу взяти гривна купъ. Закладающе городъня купъ взяти, а кончавше, ногата* (1) и пр. Форма именительнаго падежа въ винительномъ, явленіе не церковно-Славянскаго языка, явленіе языка Русскаго, которое часто и долго будетъ намъ встрѣчаться. Какъ объяснить это? Мы сказали прежде, что неподвижность слова въ падежахъ есть характеръ перваго періода языка; что въ ту минуту, когда еще не выработались формы падежей, именительный падежъ, какъ тотъ, изъ котораго они потомъ вытекаютъ, есть главная, на мѣстѣ и другихъ падежей встречающаяся, ихъ вначалѣ замыкающая падежная форма, изъ которой потомъ они освобождаются. Кажется, здѣсь видимъ мы подобный примѣръ; но мы должны еще болѣе вникнуть. Значеніе винительнаго падежа, въ отношеніи къ именительному, совершенно отлично отъ другихъ; винительный падежъ не измѣняетъ именительнаго; онъ только выводитъ его изъ его непосредственнаго состоянія спокойствія, ставитъ его предметомъ, объективируетъ его однимъ словомъ; по этому, одно отношеніе именительнаго и винительнаго можетъ назваться прямымъ, тогда какъ всѣ другія косвенны. И такъ, въ винительномъ падежѣ мы не встречаемъ ничего новаго; это есть просто движеніе падежа именительнаго, только разрѣшеніе имъ своего непосредственнаго состоянія;—и развитіе чисто буквенное, звуковое выражаетъ это. Отсюда это сходство падежей именительнаго и винительнаго. Что новаго въ звукахъ слова встречаемъ мы въ падежѣ винительномъ? Онъ ничего намъ не приноситъ и не можетъ принести; по этому форма именительнаго падежа сохраняется въ винительномъ, какъ именительный падежъ сохраняется въ винительномъ; но тамъ онъ объективировался, тамъ двинулся онъ, если можно такъ

(1) Тамъ-же, стр. 46, 53.

сказать; это, только, его прямое движеніе выражается въ склоненіи въ формахъ падежей; отсюда, какъ мы сказали уже, во первыхъ: сходство падежей именительнаго и винительнаго; отсюда совершенное тождество этихъ падежей въ именахъ средняго рода, рода, опредѣляющаго собственно предметы неодушевленные, вообще лишеныя прямого собственнаго опредѣленнаго движенія, предметы неизмѣнныя, гдѣ невозможно слѣдовательно объективированіе, ибо: все объектъ. Но во вторыхъ: въ именахъ другихъ родовъ, именно женскаго въ языкъ церковно-Славянскомъ, это объективированіе именительнаго выражается; какъ значеніе падежей, такъ и самая форма ихъ при переходѣ изъ именительнаго въ винительный, сохраняясь тою-же, только выражаетъ движеніе въ ней самой; это обозначается носовымъ звукомъ, почти вездѣ встречающимся; таково окончаніе *ъ*, въ языкъ церковно-Славянскомъ, *ѣ* въ Польскомъ въ именахъ женскаго рода. Но въ именахъ мужскаго рода, въ языкъ Славянскомъ вообще, встречаемъ мы ту-же именительную форму именительнаго падежа въ винительномъ въ древнихъ памятникахъ. Если смотрѣть на буквенное опредѣленіе родовъ въ словѣ, не какъ на безсмысленное и случайное, но какъ долженствующее выражать сущность рода; если находить въ словѣ опредѣленіе внутреннее, то мы можемъ сказать, что, если въ среднемъ родѣ невозможна была потому разница, что онъ выражаетъ только объектъ, не допуская самобытнаго движенія, то въ именахъ мужскаго рода преобладать другая сторона, именно сторона субъективнаго, тоже недопускающая разницы, — такъ, что когда *мужъ*, напримѣръ, употребляется въ винительномъ падежѣ; напр: *посла свой мужъ*; то, кажется, онъ не терять своего субъективнаго, личнаго достоинства, не склоняется, не повинуются и идетъ самъ. Да и самый *ъ* не допускаетъ этаго; онъ не можетъ измѣниться въ букву; къ нему надо прибавить, а прибавка

въ винительномъ невозможна. Родительный падежъ, замѣняющій здѣсь винительный и потомъ опредѣленно его замѣняющій, еще болѣе указываетъ, что причина здѣсь сходства и различія падежей чисто внутренняя; ибо теперь, когда родительный падежъ опредѣленно замѣняетъ винительный, имена одушевленные становятся, въ случаѣ винительнаго, въ родительномъ падежѣ, а имена неодушевленные, по существу своему относящіяся къ среднему роду, сохраняютъ, какъ имена средня, и въ винительномъ формѣ именительнаго падежа; тогда какъ видимъ другое въ именахъ женскаго рода, гдѣ есть именно форма падежа винительнаго. Родительный падежъ пришѣлъ здѣсь на помощь: *посла своего мужа*; здѣсь косвенно падаетъ дѣйствіе на имя: *мужъ*, какъ-бы: *отъ своего мужа*; но *мужъ* не склонился. Это уступки со стороны усилія покорить мужа, или поставить въ винительномъ падежѣ имя мужскаго рода. Такъ въ нашемъ Русскомъ и вообще Славянскомъ языкѣ. Въ именахъ женскаго рода, составляющихъ средину между мужскимъ и среднимъ, субъектомъ и объектомъ, и выражающихъ полноту, винительный падежъ имѣетъ свое образованіе, какъ мы упомянули уже, образованіе, которое мы опредѣлили; въ нашемъ языкѣ онъ имѣетъ его довольно явственно, о чемъ намѣрены мы говорить дальше. Во множественномъ числѣ то-же, невидное почти различіе именительнаго и винительнаго, встрѣчается въ церковно-Славянскомъ языкѣ въ именахъ мужскаго рода: *ве* (*Татарове*) явная прибавка; ибо иногда сохраняется во всѣхъ падежахъ; впрочемъ *ве* не вездѣ и является. *Іе* кажется одна изъ формъ, сверхъ имѣющейся формы множественнаго, форма съ характеромъ существительнаго, соответствующая, можетъ быть, нѣмецкому *ge*. Напр: *сухъ*, мн. *суки*, по церковно-Славянски *суци* или *сучи*, и: *сучіе*, *сучья*, *сучье*. Подобная форма встрѣчается даже въ женскомъ: *бабье*. *Ы* вмѣсто *и*—лишь грубо произнесенный звукъ; тотъ-же па-

дежь видѣтъ ясно; сверхъ того иногда винительный падежь имѣть форму совершенно особенную отъ именительнаго; напр: *Кнѣза*. Во множественномъ числѣ нѣтъ субъективной силы; количество ее уже умѣряетъ; по этому и въ именахъ женскаго рода нѣтъ различія винительнаго отъ именительнаго; но въ именахъ мужскаго рода, гдѣ преобладаетъ субъективная сила, во множественномъ, когда она умѣряется количествомъ, появляется различіе, соответственное съ значеніемъ и отношеніемъ падежей. И этотъ законъ о сходствѣ этихъ двухъ падежей и о различіи ихъ безъ существеннаго измѣненія ихъ формы, т. е. большею частью чрезъ носовой звукъ, едва-ли не общій. Въ языкѣ Греческомъ въ именахъ женскаго рода находимъ это; напр: *Μοῦσα—Μουσᾶν*. Здѣсь новый звукъ является только опредѣленіе, какъ *ν*. Въ Латинскомъ языкѣ видимъ *mensa—mensas*, гдѣ носовой звукъ перешелъ уже въ *m*; но въ Латинскомъ языкѣ и имена мужскаго рода имѣютъ это носовое окончаніе; въ Греческомъ тоже во второмъ склоненіи (надо разсматривать, мнѣ кажется, собственно въ единственномъ числѣ, почему?—мы уже упомянули объ этомъ). Сходство не прекращается и во множественномъ числѣ въ Латинскомъ языкѣ, именно въ третьемъ склоненіи, гдѣ уже является тождество. Вотъ образованіе винительнаго падежа; вотъ необходимость, какъ намъ кажется, сродства его съ падежемъ именительнымъ, и вмѣстѣ опредѣленіе этаго сродства. Въ церковно-Славянскомъ языкѣ это сходство выражалось: *ж*, имѣвшимъ носовой звукъ; но въ языкѣ Русскомъ, которому носовые звуки противны до того, что *гнусный* у насъ значитъ брань,—это сходство и сродство двухъ падежей выражалось просто сходствомъ или лучше тождествомъ двухъ окончаній. Такъ какъ винительный падежь вытекаетъ прямо изъ именительнаго, то онъ болѣе чѣмъ всякой другой могъ имѣть форму именительнаго, форму, какъ сходную, всегда ему болѣе принадлежащую, но изъ-

тннвшуюся, какъ мы показали выше. У насъ-же первоначально это сходство не могло выразиться иначе; эта форма именительнаго, вмѣсто юса встрѣчаемая, совершенно принадлежитъ Русскому языку, который не понималъ юса и вмѣсто него вносилъ свои формы падежей. Рядомъ съ этой тождественной формой вытекала и другая: у; случается, что одно и тоже слово употребляется (въ винительномъ падежѣ) и съ а и съ у; у — форма, въ которую должна была перейти первая, то измѣненіе, которое должно было совершиться въ формѣ первоначальной и тождественной; въ окончаніи: у лежало что-то соответствующее носовому звуку а въ винительномъ падежѣ въ другихъ соплеменныхъ языкахъ; тѣмъ болѣе, что у насъ въ другихъ случаяхъ, гдѣ нѣтъ церковно-Славянскаго а. или вообще носоваго ему соответствующаго звука другихъ языковъ, звукъ носовой замѣняется просто у. Стало быть, было что-то общее между юсомъ, который вмѣстѣ выражалъ падежъ винительный, между а, всегда полнымъ звукомъ именительнаго и употреблявшимся у насъ въ падежѣ винительномъ, по существенному отношенію этихъ падежей и при отсутствіи у насъ носоваго звука (выражавшаго почти тоже), и у, которое потомъ сдѣлалось господствующею формою винительнаго падежа. Очень можетъ быть, что юсъ, принесенный къ намъ и принятый нами за у, прежде времени раскрылъ въ языкѣ форму у въ винительномъ падежѣ; по крайней мѣрѣ можемъ сказать, что въ тоже время, съ формою именительнаго падежа въ винительномъ, встрѣчается и эта послѣдняя; не смотря на то форма на а, т. е. форма именительнаго падежа въ винительномъ, постоянно и упорно является въ памятникахъ письменности именно народныхъ, и хотя уже образовалась и утвердилась определенная форма на у, но она долго сохраняетъ свою силу и доходить до временъ Петра Великаго. Въ письменности его времени встрѣчаемъ мы такіе примѣры; эта форма даже теперь употребляется въ иныхъ губерніяхъ, что доказываетъ, что

это употребленіе глубоко лежитъ въ языкѣ, и подтверждаетъ слова наши объ отношеніи и буквенномъ выраженіи отношенія, именительнаго и винительнаго падежей; хотя и опредѣленна форма винительнаго, но за то встрѣчаемъ мы продолжительное и упорное употребленіе формы сходной или лучше тождественной. Съ другой стороны это позволяетъ предполагать, что, въ самомъ дѣлѣ, преждевременно, изъ церковно-Славянскаго языка, чрезъ непомысленный юсъ перенесена была къ намъ форма на у; во всякомъ случаѣ въ древнихъ памятникахъ мы видимъ, что опредѣленная форма винительнаго падежа еще не утвердилась; и та и другая формы встрѣчаются вмѣстѣ; значеніе ихъ мы показали; одна должна была уступить другой. Мы сказали, какъ мы объясняемъ форму на а; она есть древнѣйшая и настоящая Русская; ее не встрѣтишь въ церковно-Славянскомъ языкѣ; она въ него насильственно вторгается, есть всегда признакъ, слѣдъ Русской рѣчи, и здѣсь разумѣется буква не обманываетъ звука, выражаетъ звукъ, ибо здѣсь звукъ вводитъ букву; вмѣсто а могли написать оу по ошибкѣ, но никакъ, вмѣсто его, а. Въ хорошихъ, настоящихъ памятникахъ церковно-Славянскаго языка встрѣчается а или оу въ винительномъ падежѣ; но въ памятникахъ, близкихъ по языку или по содержанію даже, къ рѣчи народной, встрѣчаете вы и эту форму на а, намекающую на живое современное употребленіе; слѣдовательно она собственно принадлежала народу; ея существованія, и живаго, разумнаго существованія, отрицать вѣдь нельзя; присутствіе формы на у показывало только, что возникала новая форма, но еще нисколько не имѣла полной силы; въ тоже время сохранилась первая форма, еще неуступившая своего мѣста, форма, выражавшая первое буквенное опредѣленіе винительнаго падежа и въ тоже время форма, имѣвшая жизнь, опиравшаяся на живое употребленіе. — Въ Русской Правдѣ встрѣчаемъ мы еще важную ошибку,

именно противъ различія между именительнымъ и винительнымъ во множественномъ числѣ въ именахъ мужскаго рода; тамъ сказано; *оже намъ выведетъ по-слоуси* ⁽¹⁾. За простую описку это трудно принять: здѣсь перемѣнена не одна буква, здѣсь перемѣшанъ падежъ, что можетъ служить доказательствомъ, что это употребленіе и это различіе было намъ чуждо, было выучено и извнѣ принято. И такъ вотъ какъ проявилась здѣсь, въ Русской Правдѣ, Русская рѣчь сквозь языкъ церковно-Славянской; вотъ какъ въ самомъ церковно-Славянскомъ языкѣ, нарушая его цѣлость и правильность, слѣдовательно еще отрицательно, незаконно, являлась она и оставила себѣ памятники. Само содержаніе Русской Правды, законы, слѣдовательно вмѣстѣ и приложеніе ихъ къ народной живой жизни, давало возможность пробиться и рѣчи Русской, но только такъ, какъ мы видѣли, отрывочно, слабо, почти какъ ошибки въ языкѣ церковно-Славянскомъ. Памятниковъ Русской рѣчи въ это время еще нѣтъ предъ нами, и только по памятникамъ церковно-Славянскаго языка отрицательно, по измѣненіямъ, по ошибкамъ въ этомъ языкѣ, можемъ мы угадывать и слѣдить Русскую рѣчь. (Мы говорили уже, что въ Русскомъ древнемъ языкѣ, сверхъ того, было и самобытное сходство съ языкомъ церковно-Славянскимъ).

Памятники церковно-Славянскаго языка не прекращаются; они сохраняютъ намъ выраженія, если и не въ Русскомъ словѣ, Русскаго духа. Въ самомъ началѣ XII столѣтія является замѣчательный во всѣхъ отношеніяхъ памятникъ: Лѣтопись Нестора, писанная монахомъ, писанная о дѣлахъ житейскихъ, но не среди нихъ, не современнымъ ихъ участникомъ, а въ кельи монастыря, смиреннымъ отшельникомъ. Лицо писателя и содержаніе рукописи, т. е. историческое повѣствованіе о дѣлахъ минувшихъ міра

(1) Русскія Достопамятности, ч. 1, стр. 38. Русская Правда.

сего, упрочиваютъ еще болѣе за ней языкъ церковно-Славянскій. И вся лѣтопись Нестора (мы беремъ Лаврентьевской списокъ) написана, правильнымъ церковно-Славянскимъ языкомъ, священнымъ языкомъ монаха. Грубая, буйная, живая жизнь, и вмѣстѣ Рускя рѣчь, какъ ея выраженіе, не проторгается сквозъ стройныя формы и фразы языка церковно-Славянскаго. (Развѣ въ тѣхъ мѣстахъ и то болѣе синтаксически, гдѣ приводятся чьи нибудь слова). Всѣ грамматическіе отбѣнки языка соблюдаются строго, не смѣшиваются во множественномъ числѣ въ именахъ мужскаго рода падежи именительный и винительный, чему одинъ примѣръ видѣли мы въ Русской Правдѣ ⁽¹⁾; ни разу не встрѣчается признакъ рѣчи народной: форма именительнаго падежа на *а* въ винительномъ въ именахъ женскаго рода единственнаго числа, какъ часто въ Русской Правдѣ; въ сложныхъ прошедшихъ временахъ глагола, и въ третьемъ лицѣ, болѣею частію сохраняется вспомогательный глаголѣ, что не такъ часто встрѣчается въ Русской Правдѣ; впрочемъ это не есть употребленіе, необходимо требуемое церковно-Славянскимъ языкомъ. Но не смотря на эту правильность, мы замѣчаемъ постоянно сохраняющійся и часто попадающійся, одинъ отбѣнокъ, признанный нами за отбѣнокъ Русской рѣчи, — именно то, что въ первый разъ встрѣтилось въ припискѣ Остромирова Евангелія: это отсутствіе предлоговъ въ падежѣ предложномъ и даже вообще отсутствіе предлоговъ при падежахъ, собственно при дательномъ вмѣсто предлога: *къ*, и при родительномъ вмѣсто *отъ*, особен-

(1) Есть изключеніе: *три отроци отъ печи*. Лѣт. Нест. по древнѣйшему списку мнѣха Лаврентія. 1824. стр. 33. Но здѣсь отдаленъ винительный отъ глагола; къ тому-же это можно принять за описку, ибо это различіе именительнаго и винительнаго строго и долго сохраняется и въ позднѣйшихъ памятникахъ, не говоря уже о Лѣтописи Нестора. Есть еще изключеніе: тамъ-же 61 стр: *во сны днѣ*; но это поправилъ издатель Тимковскій; въ подлинникѣ *днѣ*, что скорѣе можно допустить какъ описку, какъ ошибочное повтореніе *и*, и какъ-бы то ни было скорѣе нежели *днѣ* — положительно падежъ именительный.

но когда говорится о городахъ или мѣстахъ. Напр: *Святославъ бѣше Перелаславци. —Иде Волга Новугороду*

(¹). Примеровъ много, и не только для собственныхъ именъ городовъ или мѣстъ. Такъ объясняются и теперь встрѣчающіяся употребленія: *горѣ, долу и пр.* Въ лѣтописи Нестора встрѣчаемъ еще выраженіе: *идите съ данью долови* (²); то-же дательный падежъ безъ предлога, который потомъ перешелъ черезъ *домовъ* въ *домой* и употребляется и теперь; какъ *домови* чрезъ *домовъ*, встрѣчаемое въ грамотахъ (³), перешло въ употребительное и теперь *домой*. Сверхъ того, при сохраненіи всѣхъ законовъ и формъ языка церковно-Славянскаго, могущихъ выразиться буквенно, мы видимъ, что нѣсколько разъ нарушается правило употребленія *а* въ извѣстныхъ случаяхъ въ склоненіи, и пишется вмѣсто него *е* или даже *и*, вѣроятно потому, что это была буква, намъ непонятная, особенно посвященная на выраженіе звука, у насъ не существовавшего; ее смѣшивали съ *я* (*ia*), буквою совершенно чуждою для родительнаго и другихъ падежей, у насъ, да и въ самомъ языкѣ церковно-Славянскомъ (⁴). Вотъ примѣры нарушенія этого правила, нарушенія, которое всего чаще и всего скорѣе встрѣчается даже и въ самыхъ правильныхъ рукописяхъ: *Аще Богъ хоцетъ помиловати рода моего и*

(¹) Лѣтопись Нестора по древнѣйшему списку мняха Лаврентія, 1824. стр. 36, 31.

(²) Тамъ-же, стр. 27.

(³) Собр. Госуд. грам. и догов. ч. 1. стр. 25. Грам. Новогород. гр. 19: *А се насъ правда доловъ*, и др.

(⁴) Юсь другое дѣло; юсь смѣшивали съ *у*; но *у* была у насъ возможная и, въслѣдствіе, образовывавшаяся форма изъ тождественнаго съ именительнымъ окончаніемъ; и такъ буква выражала по-крайней-мѣрѣ то, что подъ ней подразумѣвали; здѣсь правильность (если назвать правильно-стью смѣшиваніе *оу* и *ю*) языка церковно-Славянскаго и отсутствія формы на *а* понятнѣе, ибо подъ буквой понимали то, чему современное употребленіе хотя и противорѣчило, но что не было чуждо языку, а можетъ быть только предупреждало его форму.

замалъ Русомѣ. Повелѣ моковати лжицѣ, чужелъ вѣдѣи
ищѣши и блудѣши ⁽¹⁾, и пр. Вслѣдствіе этого непонима-
нія а нарушается и различіе между именительнымъ и ви-
вательнымъ падежами множественнаго числа въ именахъ
мужескаго рода; напр: *Созва Володимерь боялары своя и*
старци градскіи. Но дальше правильно: *Созва Килъ бо-*
лары своя и старца. Еще: *и поча нарубати мужъ лучиша*.
(2). Это можетъ быть и вина переписчика, но конечно
не описка его пера. Списокъ принадлежитъ къ XIV вѣ-
ку; но можетъ быть и самъ Несторъ невольно, ошибаясь,
уступалъ употребленію своей Русской рѣчи. Не надо за-
бывать, что тутъ-же рядомъ встрѣчается и правильная
форма церковно-Славянскаго языка, очевидно извѣстная
писавшему, такъ, что иное употребленіе является какъ
исключеніе, какъ нарушеніе правила. Замѣчательно, что
въ Русской Правдѣ вовсе не встрѣчается формы на *а*, или
на замѣнявшіе эту букву *я* или просто *а* въ должныхъ
случаяхъ, но вездѣ *е* или *и*. Есть еще одно очень стран-
ное употребленіе въ Несторовой летописи именительнаго
падежа множественнаго числа въ именахъ женскаго рода
вмѣсто творительнаго, употребленіе, не встрѣчающееся и въ
Русскихъ послѣдующихъ памятникахъ, но, и то очень рѣдко,
только въ гораздо позднѣйшихъ, и въ пѣсняхъ Кирии Да-
нилова. Вотъ примѣръ: *съ малыми дружины* (3). Это упо-
требленіе такъ рѣдко и такъ здѣсь странно, что можно
подумать, не родительный-ли это падежъ единственнаго
числа. Особенность церковно-Славянскаго языка, его устрой-
ство, склоненія и спряженія, соблюдаются правильно въ
Несторовой летописи; склоненіе женскаго рода, какъ *мать*,

(1) Летопись Нестора по древнѣйшему списку мнѣ Лаврентія, 1894
стр. 35, 37, 89.

(2) Тамъ-же, стр. 73, 74, 85.

(3) Лѣт. Нест. по др. см. мѣ. Лаврентія, 1894. стр. 43.

церковъ и др. сохраняется правильно съ своими отглагольными; но полногласія въ прилагательныхъ и глаголахъ нѣтъ. Впрочемъ въ предѣлы нашего разсужденія не входитъ подробное изслѣдованіе и разборъ Несторовой лѣтописи. И такъ мы ограничимся этими замѣчаніями, которыя считаемъ достаточными для нашей цѣли.

Лѣтопись Нестора важна еще, какъ первое сочиненіе оригинальное, собственное, а не переводъ на языкъ церковно-Славянскомъ, нашемъ, потому что онъ былъ у насъ выраженіемъ известнаго великаго содержанія; и если языкъ церковно-Славянскій не былъ живымъ языкомъ писателя, то въ этомъ сочиненіи видимъ мы по-крайней-мѣрѣ Русскую мысль, Русской умъ, въ немъ выражающійся. Драматичность разсказа еще болѣе оживляетъ рѣчь; нѣкоторые обороты, если согласны съ духомъ языка церковно-Славянскаго, то въ тоже мгновеніе живо указываютъ, или являютъ коренные Русскіе обороты. Здѣсь возникаетъ вопросъ, въ какой мѣрѣ языкъ Греческій имѣлъ вліяніе на синтаксисъ языка церковно-Славянскаго, собственно языка Нестора; но этотъ вопросъ, не смотря на весь его интересъ и на все желаніе дать обстоятельный на него отвѣтъ, мы отстраняемъ; онъ могъ-бы быть предметомъ обширнаго изысканія и вѣроятно завлекъ-бы насъ далеко. Скажемъ только, что часто напрасно приписываютъ вліянію то, что самородно возникаетъ въ языкѣ; что въ церковно-Славянскомъ языкѣ, многіе, хотя и не всѣ, такъ называемые Греческіе обороты, если съ ними и сходны, то въ тоже время самостоятельно принадлежатъ и языку церковно-Славянскому, и что наконецъ переводъ Остромирова Евангелія несравненно свободнѣе позднѣйшихъ переводовъ и вообще сохраняетъ почти вездѣ, если не вездѣ, самобытность оборотовъ языка и не носитъ на себѣ слѣдовъ робкой подражательности. Въ дальнѣйшемъ ходѣ нашего изслѣдованія будемъ мы называть обороты письменныхъ памятниковъ на церковно-Сла-

вянскомъ языкѣ, оборотами церковно-Славянскими, не разбирая, были-ли которые изъ нихъ перенесены въ языкъ съ Греческаго слѣдствіемъ вліянія, или принадлежать самому языку самобытно по такому-же праву собственности, какъ и языку Греческому; тѣмъ болѣе, что церковно-Славянскій языкъ не есть языкъ рѣчи живой, и всѣ обороты его могутъ и должны принять его наименованіе.

Въ другихъ памятникахъ современныхъ встрѣчаемъ мы тотъ-же характеръ, тотъ-же церковно-Славянскій языкъ и тѣ-же ошибки, производимыя живою Русскою рѣчью; но, сохраняя одинъ характеръ, всѣ вообще памятники того времени раздѣляются между собою. Въ однихъ памятникахъ, собственно церковныхъ, видимъ мы церковно-Славянскій языкъ, принимаемый, какъ соразмѣрное единственное выраженіе писателя, языкъ, который вмѣстѣ и цѣль его, какъ языкъ, цѣль не всегда вѣрно имъ достигаемая, но къ которой очевидно онъ стремится; ошибки здѣсь противъ языка могутъ быть и тѣ-же, но за то множество оборотовъ, выраженій, отгѣнковъ языка церковно-Славянскаго (собственно ему принадлежащихъ) сохранено, поставлено на видъ, такъ какъ-бы языкъ этотъ былъ природнымъ языкомъ писателя; встрѣчается ошибка, но въ то же время и правильное употребленіе, такъ что къ незнанію вы не можете относить ошибку. Въ другихъ памятникахъ, гдѣ напротивъ народный интересъ долженъ былъ явиться письменно, въ памятникахъ собственно т. с. *народныхъ*, жизненныхъ, церковно-Славянскій языкъ является только средствомъ; слово, касаясь бумаги, непременно должно было явиться церковно-Славянскимъ, словомъ языка, соединявшаго письмо и письменность съ собою. И Русская живая рѣчь, переходя въ письменную, опредѣлялась церковно-Славянски; но здѣсь языкъ былъ только внѣшнимъ опредѣленіемъ, здѣсь все, что являлось, являлось въ его сферѣ, имъ условленное; но самый языкъ церковно-Сла-

вянскій здѣсь не могъ выступать съ своими оборотами, съ своею собственною жизнію языка, давая только чуждому языку свои формы по столько, по скольку нужно было выразиться. По этому совсѣмъ другой характеръ имѣютъ эти народныя памятники; здѣсь вы встрѣчаете полное отсутствіе иныхъ формъ церковно-Славянскаго языка, которыхъ не было въ языкъ Русскомъ, которыя не нужны были для того, кто только свои слова славянизировалъ и не заботился о томъ, есть-ли еще ниня грамматическія формы въ языкъ, и когда-бы, согласно съ духомъ языка, надобно ихъ употребить. Формы языка писателя опредѣлены по церковно-Славянски; другія формы, хотя-бы для того-же отношенія, находящіяся еще въ языкъ церковно-Славянскомъ, ему не нужны; жизнь этого языка съ его отбѣнками до него не касается; если что принято, то принято только необходимое отъ него опредѣленіе. Здѣсь языкъ не является съ своею роскошью; здѣсь онъ средство, а не цѣль; а для того, чтобы писать совершенно въ духъ языка церковно-Славянскаго, не могъ онъ быть иначе, какъ цѣлью, ибо онъ былъ языкъ чуждый. Здѣсь встрѣчаете вы постоянную ошибку, постоянно производимую живымъ присутствіемъ элемента другаго языка, ошибку не поглощаемую ученою памятью и цѣлью писать по церковно-Славянски; здѣсь встрѣчаете ошибки, вовсе не входящія въ памятники церковныя, какъ скоро была возможность и въ Русскомъ языкъ не ошибаться. Говоря подробно, главныя отличія народнаго памятника отъ церковнаго — это отсутствіе собственно прошедшаго (несложнаго) времени, не свойственнаго ни сколько Русскому языку, и присутствіе окончанія именительнаго падежа на *а* въ винительномъ въ именахъ женскаго рода единственнаго числа. Прочія измѣненія, формы, волнуются и могутъ быть и тамъ, и здѣсь. Два письменные памятника, на которые мы указали, отражаютъ въ себѣ порознь оба эти характера языка: 1-й

топись Нестора и Русская Правда; мы уже сказали о ихъ языкѣ; но сравнивъ, мы, еще яснѣе опредѣлимъ ихъ и выѣсть разницу самихъ языковъ. И такъ, главное отличие, о которомъ мы сейчасъ упомянули, разделяетъ эти два памятника; въ Русской Правдѣ находимъ мы отсутствіе прошедшаго и форму въ винительномъ падежѣ на *а* въ известныхъ случаяхъ. Далѣе, въ сложномъ прошедшемъ времени въ третьемъ лицѣ, не является глаголѣ *есть*, сохраняющійся только во второмъ и первомъ: *еси, есмь*. Это употребленіе глагола въ прошедшемъ времени съ отглагольнымъ прилагательнымъ не чуждо Русскому языку, хотя въ употребленіи его, относительно церковно-Славянскаго языка, есть выше указанная разница; но о глаголѣ *есмь*, въ сложномъ прошедшемъ, надѣмся поговорить ниже. Въ Русской Правдѣ видимъ мы постоянную ошибку противъ языка церковно-Славянскаго въ словахъ женскаго рода, кончащихся на *я* и *пр.*; нигдѣ не употреблено въ склоненіи непонятное для насъ *а* или *я* (*ia*), съ которымъ однозначно оно для нашего слуха, но *е* и потомъ *и*. Въ ней хотя и однажды, но нарушено различіе именительнаго и винительнаго въ именахъ мужскаго рода множественнаго числа, именно: *послоуси*, что мудрено считать просто за опisku; различіе это впрочемъ въ ней строго сохраняется и есть одно изъ необходимыхъ церковно-Славянскихъ употребленій, которыя принималъ нашъ языкъ, являющійся церковно-Славянскимъ на бумагѣ, но столько, сколько ему нужно. Все это даетъ языку Русской Правды свой особенный отпечатокъ. — Въ тописи Нестора имѣетъ другой характеръ; здѣсь уже языкъ церковно-Славянскій является съ своею жизнью. Первое отличительное свойство этого языка — присутствіе всѣхъ формъ, хотя-бы и употребляемыхъ ошибочно и съ ограниченіями, языка церковно-Славянскаго. На оборотъ, здѣсь встречаемъ мы настоящее прошедшее время глагола, отсутствіе винительнаго падежа

на *а*; *есть*, почти всегда послѣ третьяго лица въ сложномъ прошедшемъ времени; *а* или *я* въ склоненіи, окончаніе, которому однако часто измѣняетъ рука Русскаго писателя; твердое, почти безошибочное, различіе именительнаго и винительнаго падежей во множественномъ числѣ въ именахъ мужескаго рода. Все это даетъ намъ другое представленіе. Ошибки противъ правильнаго употребленія встрѣчаются и въ Несторѣ: мы привели выше примѣры; въ позднѣйшихъ памятникахъ этого рода—еще болѣе; но онѣ не уничтожаютъ характера слога. Въ памятникахъ этого рода всздѣ видимъ мы хотя и неправильный, но все церковно-Славянскій языкъ съ его характеромъ.

Изъ начала XII столѣтія сохранился до насъ драгоценный письменный памятникъ, долженствующій быть отнесеннымъ къ народнымъ памятникамъ (на церковно-Славянскомъ языкѣ, разумѣется). Это грамота Мстислава и Всеволода, данная Юрьеву монастырю. Она очень коротка, и въ ней не встрѣчается случаевъ, которые-бы опредѣляли точнѣе языкъ ея; но все мы должны скорѣе отнести его къ языку Русской Правды, къ народнымъ памятникамъ въ языкѣ церковно-Славянскомъ. Въ ней отсутствуетъ прошедшее несложное время; встрѣчается даже *я* (а не *азъ* или *азѣ*, въ которое оно переходитъ), употреблено *за мотъ дѣти*, но эта ошибка попадаетъ и въ церковно-Славянскихъ памятникахъ (*). Самое содержаніе еще болѣе упрочиваетъ ее за памятниками, съ Русской Правдой однородными. Къ этой грамотѣ, по времени, должно отнести и другую, Князя Всеволода, данную Новгородской церкви Іоанна Предтечи; въ ней мы находимъ всѣ признаки, нами указанные, языка Русской Правды и вообще народныхъ памятниковъ; даже слишкомъ много видимъ мы тамъ неправильностей противъ церковно-Славянскаго языка, ошибокъ, употребленій, встрѣчающихся уже гораздо

(*) Труды Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, ч. III, кн. 1, стр. 26.

позднѣе. Это заставляетъ насъ даже думать, что причиною этому то, что грамота существуетъ въ спискѣ XVI столѣтія. Не смотря на то, приведемъ примѣры: *Имати с коупецъ тая старина. Оу святого Захарыи, вѣроятно отъ именительнаго Захарѣя* ⁽¹⁾. До сихъ поръ мы еще не видимъ ничего, выходящаго за предѣлы этого времени, но перемѣшанное двойственное число, но дательный падежъ множественнаго числа въ именахъ мужескаго рода на *амъ* или *ямъ*, а не на *омъ* или *емъ*, какъ напр: *отъ двоу бѣрковска воцаннѣхъ. А сторожомъ три гривны серебра. Ино коупцамъ положить* ⁽²⁾ и пр.—явленія позднѣйшаго времени. Сюда-же по языку и времени подходитъ уставъ Новгородскаго Князя Святослава Ольговича; списокъ его гораздо древнѣе предыдущаго письменнаго памятника; онъ находится въ древней рукописи XIII вѣка, именно Кормчей, гдѣ находятся и другіе многіе памятники нашей письменности. Мы не встрѣчаемъ уже въ этомъ памятникѣ ошибокъ, на которыя указали выше, какъ на позднѣйшія; напротивъ: и двойственное соблюдается, и дательный оканчивается на *омъ* въ именахъ мужескаго и средняго рода множественнаго числа. Это также памятникъ народный и странно встрѣчается: *обрѣтохъ*, въ немъ, написанномъ совершенно языкомъ Мстиславовой грамоты и Русской Правды; вспомнимъ, что онъ списанъ позднѣе; кромѣ духа языка, вездѣ, по-крайней-мѣрѣ, гдѣ употребленіе должно обнаружиться, мы видимъ единство атихъ слоговъ; напр: *отъ всеи земли*, и даже, какъ въ Мстиславовой грамотѣ, встрѣчается *я* вмѣсто *азъ* или *язъ*: *что я оурядилъ*; сверхъ того здѣсь встрѣчаемъ прошедшее сложное въ первомъ лицѣ безъ *есмь* и также безъ *я*, безъ личнаго мѣстоименія; при мѣстоименіи глаголь *есмь*, и въ первомъ и во второмъ лицѣ, обыкновенно отсутствуетъ, но безъ мѣстоименія, какъ

(1) Русскія Достопамятности, 1815. ч. 1, стр. 81. 78.

(2) Тамъ-же, стр. 79, 78, 78.

замѣна его, онъ выступать обыкновенно наружу. Здѣсь видимъ мы противное последнему, очень замѣчательное, очень рѣдкое употребленіе: *толико отъ виръ и продажъ десятины зръльъ*; ⁽¹⁾ первого личнаго мѣстоименія нѣтъ и подлѣ; правда употреблено въ первомъ лицѣ, въ предыдущей фразѣ: *обрѣтохъ*; но отношеніе все кажется намъ далеко для того, чтобъ перенести силу личнаго характера на глаголь: *зръльъ*.

Поученіе Владиміра Мономаха, сохранившееся въ Лаврентьевскомъ спискѣ и напечатанное отдѣльно, написано языкомъ церковно-Славянскимъ. Слогъ его, особенно въ началѣ, очень правиленъ, и пелена церковно-Славянскаго языка такъ густа, что подъ нею и не заметишь Русской рѣчи, если иногда ошибка не напомнитъ вамъ, что это не разговорный языкъ пишущаго лица; развѣ иногда синтаксическій оборотъ живой и простой, не противный впрочемъ и языку церковно-Славянскому, пахнѣтъ на васъ живымъ, звучащимъ словомъ. Искусно и вѣрно по церковно-Славянски написано поученіе Владиміра Мономаха. Есть нѣкоторыя ошибки; напр: *птицы небесныя*, далѣе: *и ты же птицѣ* и пр., *да не преступни погубите* душе свое *отъ всякоя крови*; *не хотѣхъ бо крови твоея видѣти* ⁽²⁾ и пр. Но въ слогъ очень соблюдается характеръ церковно-Славянскаго языка, его выраженія, тонкости, особенности, обороты, и вообще онъ правиленъ. — Къ Владиміру Мономаху, какъ къ ученому и любознательному челоѣку, сохранились два посланія Никифора Митрополита, тѣмъ-же слогомъ, разумеется, написанныя: *Посланіа объ отступленіи Литвы отъ православной церкви* и *О постѣ и душѣ*. Языкъ этихъ посланій болышею частію правиленъ; ошибки могли встрѣтиться отъ переписчика, ибо онъ со-

(1) Русскія Достопамятности, 1815. ч. 1, стр. 83, 85, 84, 83.

(2) Духовная В. К. Владиміра Всеволодовича Мономаха, 1793, стр. 18, 13, 17, 56.

хранились намъ въ рукописи XVI столѣтія; но не смотря на позднѣйшій списокъ, ошибки не важны, ошибки почти всизбѣжныя. Напр: *отъ црсков и Княжское крови* ⁽¹⁾ вм. *крове*; *церкви* вм. *церкве*; *развъ единоя суботы великое*; ⁽²⁾ *въ змве* ⁽³⁾. Другихъ ошибокъ, кажется, нѣтъ. На этихъ посланіяхъ (въ подтвержденіе ихъ времени) лежитъ печать собственно церковно-Славянскаго языка древняго; онъ является съ своими тонкостями, съ изумительною правильностію. Въ немъ находимъ мы употребленіе въ разныхъ падежахъ прилагательнаго первообразнаго или устѣннаго,—свойство древности церковно-Славянскаго языка; напр: *и телчи главъ поклонишяся, златомъ и серебромъ въ пеши огнемъ съіанъ* ⁽⁴⁾. Имена числительныя, начиная съ пяти, употреблялись какъ существительныя въ древности; это употребленіе сохраняется здѣсь; напр: *пятью слоужъ своихъ; на семи соборовъ* ⁽⁵⁾. Встрѣчается предложный падежъ безъ предлога,—употребленіе, какъ вообще отсутствіе предлоговъ при падежахъ, встрѣчающееся только въ давнія времена и даже не часто уже въ языкъ Остромирова Евангелія, употребленіе, считаемое нами въ этомъ случаѣ принадлежностью собственно Русскаго языка и признакомъ его древности и неразвитости. Напр: *оставивъ долъ люди* ⁽⁶⁾. Употреблено правильно я ⁽⁷⁾ въ винительномъ падежѣ множественнаго числа мужескаго рода, въ известномъ случаѣ; напр: *иныя жръца стодудныя Вааловы изрѣзавъ* ⁽⁷⁾. Въ этихъ посланіяхъ сохранено много и другихъ тонкостей и особенностей церковно-Славянскаго языка, о которыхъ говорить далѣе мы не считаемъ нуж-

(1) Русск. Дост. 1815. ч. 1, стр. 65.

(2) Памяти Россійск. Словесности XII вѣка 1821. стр. 159.

(3) Русск. Дост. ч. 1, 1815. стр. 65.

(4) Тамъ-же, стр. 66.

(5) Русск. Дост., стр. 68. Пам. Рос. Сл. XII в. 1821. стр. 157.

(6) Русск. Дост. 1815. ч. 1, стр. 66.

(7) Тамъ-же, стр. 66.

нымъ. Нельзя не сказать здѣсь кстати, что оба эти посланія прекрасны, особенно о *постѣ* и потомъ о *душѣ*, писанное во время Великаго поста, какъ изъ самаго посланія видно.

Намъ извѣстны, во второй половинѣ XII вѣка, сочиненія Кирилла Туровскаго. Взглянемъ на нихъ въ отношеніи къ языку. Эти проповѣди, истинно прекрасныя сами по себѣ, и другія сочиненія Св. Кирилла Туровскаго, писанныя церковно-Славянскимъ языкомъ, чрезвычайно замѣчательны въ этомъ отношеніи. Они писаны необыкновенно правильно; это языкъ Остромирова Евангелія; изъ нихъ большая часть сохранилась въ двухъ спискахъ XIII столѣтія, другія-же въ спискахъ XIV ⁽¹⁾. Разница въ спискахъ кладеть нѣкоторую, но впрочемъ небольшую, разницу въ языкѣ; эта правильность говорить въ пользу подлинности и древности сочиненій Св. Кирилла Туровскаго, и потомъ, эта малая разница, налагаемая разницею времени списковъ, говорить въ пользу правильности самаго оригинала. При такой необыкновенной, почти современной правильности языка, нѣкоторыя немногія ошибки можно считать чисто описками. Совсѣмъ тѣмъ упомянемъ о нѣкоторыхъ, кажутся намъ болѣе важными. Напр: *и въ одежи различныя облечемся. Не положилъ ему будетъ опитемы. Вложи въ избранные старць. Или, что уже безъ сомнѣнія описка, употреблено: Патріарси, въ винительномъ падежѣ; но далѣе очень правильно употреблено въ томъ-же падежѣ: и вся церковныя (я) учителя. Или: и изиде крѣвь* ⁽²⁾ и пр. Не будемъ приводить примѣры правильного употребленія, какъ того не дѣлали мы, говоря объ Остромировомъ Евангеліи; укажемъ только на нѣкоторыя особенности. Числительное *пять* и слѣдующія употребляются

(1) Памяти. Росс. Слов. XII вѣка. М. 1831. Предисловіе, XXV, VII, VIII, IX, XXX.

(2) Памяти. Росс. Словесн. XII вѣка 1831. стр. 92, 98, 106, 3, 25.

какъ существительныя, напр: *болѣ плѣти сохъ братѣя* *лвися Господь* ⁽¹⁾. Сохраняется двойственное число, но есть и опѣбки; вотъ примѣры и того и другаго: *азъ и отецъ придевъ и обитель въ тобѣ створимъ* ⁽²⁾; *придевъ* вопреки грамматики Добровскаго ⁽³⁾ и согласно съ Остромировымъ Евангеліемъ ⁽⁴⁾. Первообразное прилагательное сохраняется въ разныхъ падежахъ: *два ангели въ бѣлахъ ризахъ; въскресе цѣломъ печатемъ; на колесницѣ огнь* ⁽⁵⁾ и пр. Полногласіе, находимое въ Остромировомъ Евангеліи, встрѣчается и здѣсь, хотя не вездѣ; напр: *въскрѣсшааго, показавшааго, пришѣдѣшааго; зрящихъ, върыныхъ, благимъ; подобааше, служааху, глаголааше* ⁽⁶⁾ и пр. Встрѣчается также предложный безъ предлога, какъ и въ Остромировомъ Евангеліи; напр: *давъ*, что и до сихъ поръ употребляетъ Русской народъ, *долъ* ⁽⁷⁾ и пр. Какъ признакъ древности языка можно замѣтить *забыло* употребляемое въ смыслъ: *забылось*; или также употребленіе, впрочемъ сомнительное, неопредѣленнаго *на нѣ* въ извѣстныхъ случаяхъ; такъ называемый супинутокъ: *приде обновитъ тварь и спсѣтъ челоука*. Но ограничимся этими замѣчаніями и не будемъ болѣе распространяться объ этомъ чрезвычайно важномъ и замѣчательномъ памятникѣ относительно языка; не наше дѣло изслѣдовать его; дальнѣйшее изслѣдованіе было-бы лишнее.

Лыбопытный памятникъ имѣемъ мы въ вопросахъ Кюрика черноризца, памятникъ, представляющій стѣлкѣе двухъ, въ XII вѣкѣ возможныхъ, языковъ. Писаны они собственно на языкѣ церковно-Славянскомъ, и принадле-

(1) Памяти. Росс. Словеси. XII в. стр. 68.

(2) Тамъ же, стр. 107.

(3) Грамм. Добровск. 1833. ч. II. гл. II.

(4) Остр. Еванг. Грамматическія правила, стр. 21.

(5) Памяти. Росс. Слов XII в. 1821. стр. 13. 39.

(6) Тамъ же, стр. 27, 28, 73, 6, 18, 24.

(7) Тамъ же, стр. 15, 111.

жать къ памятникамъ собственно этого языка. Здѣсь, при сохраненіи многихъ законовъ этого языка, сохранено довольно строго различіе именительнаго и винительнаго падежей въ именахъ мужескаго рода множественнаго числа, хотя встрѣчается яркая ошибка, если не объяснить ее иначе: *того ради взбраниваю инѣмъ, атъ и другиѣ бояся того же, аже безъ ризъ покаются* ⁽¹⁾. Еще встрѣчается древнее между прочимъ употребленіе: *надъ младомъ дитятемъ* ⁽²⁾; встрѣчаются впрочемъ и ошибки, какія находятся и въ другихъ подобныхъ памятникахъ; напр: *разлюжи свѣчи; безъ опитемы* ⁽³⁾ и пр. Кроме этого здѣсь видимъ руссизмы, находящіеся только въ памятникахъ народныхъ того времени, именно форма именительнаго на *а* и *я* (что все равно) въ винительномъ падежѣ въ именахъ женскаго рода; напр: *молитва творити всякая; ясти проскурмисана проскура* ⁽⁴⁾ и пр. Сверхъ того въ этомъ памятникѣ также встрѣчаемъ мы чрезвычайно частое употребленіе предложнаго падежа безъ предлога, что почитаемъ мы тоже болѣе свойствомъ Русскаго языка; напр: *томъ дни не раздрѣшати* (много разъ); *ополоснутися вечеръ, друзмъ мьсть* и пр.; также при именахъ: *Царигородъ* ⁽⁵⁾ и пр. Почти такой-же характеръ, какъ и этотъ памятникъ, имѣетъ посланіе Іоанна, Митрополита Русскаго, Іакову черноризцу. Такое-же сохраненіе правилъ церковно-Славянскаго языка, такое-же употребленіе первообразнаго прилагательнаго: *съ вслкомъ храненіемъ* ⁽⁶⁾; такія же ошибки, напр: *бес корѣмъ* ⁽⁷⁾; странное ошибочное употребленіе: *святии правила взбраняють* ⁽⁸⁾ (не

(1) Памяти. Росс. Слов. XII в. 1821. стр. 183.

(2) Тамъ же, стр. 184.

(3) Тамъ же, стр. 174, 182—3.

(4) Тамъ же, стр. 178, 199.

(5) Памяти. Росс. Слов. XII в. 1821. стр. 176, 182, 188.

(6) Русскія достопамятности, ч. 1. 1815. стр. 93.

(7) Тамъ же, стр. 90.

(8) Тамъ же, стр. 15.

ошибка-ли, не такъ-ли: *правили*, придавая другой оборотъ смыслу?); встрѣчаемъ еще странную, рѣдкую ошибку, даже и въ позднѣйшихъ памятникахъ не часто являющуюся; это одинъ изъ случаевъ, гдѣ особенно упорно долго сохраняется церковно-Славянское употребленіе, именно въ формѣ творительнаго падежа; въ этомъ памятникѣ употреблено: *моужами* ⁽¹⁾. Здѣсь встрѣчается также, хотя не ясно, предложный падежъ безъ предлога; напр: *или подѣяконѣхъ на прочее потицися; законъ божествєныхъ церквахъ* ⁽²⁾ и пр. Но здѣсь въ этомъ памятникѣ нѣтъ рѣшительнаго руссизма, нѣтъ формы на *а* или *я* въ именахъ женскаго рода въ винительномъ падежѣ. Въ этихъ двухъ письменныхъ памятникахъ видно, что въ первомъ простое лице, черноризецъ Кюрикъ, относился къ лицамъ высшимъ и самъ написалъ свои вопросы и на нихъ отвѣты; во второмъ-же высшее лице, Митрополитъ Іоаннъ, отвѣчаетъ черноризцу Іакову на полученные вопросы и отвѣчая упоминаетъ о вопросахъ его; отсюда и отбѣнокъ рѣчи между этими двумя сочиненіями; отсутствіе въ посланіи Митрополита, высшаго духовнаго лица, образованнаго, и по мѣсту своему уже болѣе знакомаго съ языкомъ церковно-Славянскимъ, — этого уже чисто Русскаго, положительнаго употребленія формы падежа именительнаго какъ винительнаго; и отсюда-же, вѣроятно, болѣе рѣдкое употребленіе предложнаго безъ предлога. Мы можемъ указать еще и на коротенькое прибавленіе къ церковному уставу Архіепископа Новгородскаго Ильи и Бѣлгородскаго Епископа, написанное языкомъ церковно-Славянскимъ и заключающее въ себѣ однако признакъ Русской рѣчи, именно: *и вземше одна потирь* ⁽³⁾.

Къ этой-же эпохѣ относится известное Слово Даниїла

(1) Русск. Дост. ч. 1. 1815. стр. 38.

(2) Тамъ же, стр. 92. 101.

(3) Памятн. Росс. Слов. ХЦ в. 1821. стр. 223.

Заточника, весьма интересное въ отношеніи къ языку. Писатель былъ человѣкъ свѣтской, но писалъ по церковно-Славянски; его языкъ не только языкъ определенный церковно-Славянскій, какъ языкъ Русской Правды и т. п.; нѣтъ, онъ беретъ намеренно, собственно языкъ церковно-Славянскій съ его оборотами и оригинальнію, и дѣлаетъ его орудіемъ выраженія своихъ мыслей. Это не то, что мы видимъ у лицъ духовныхъ; тамъ языкъ церковно-Славянскій былъ языкомъ совершенно приличнымъ, соответственнымъ вполне всему существу той сферы, служителями которой они являются, и потому, предаваясь исключительно этому языку, они стараются писать на немъ, сохраняя и пользуясь его оборотами, что и естественно и необходимо; но здѣсь у Данила Заточника, человѣка свѣтскаго, для котораго достаточно было-бы опредѣлить собственный свой языкъ церковно-Славянскимъ, является церковно-Славянскій съ его оборотами и оригинальнію — чистымъ притязаніемъ; здѣсь видимъ мы, въ какое уже отношеніе становится языкъ церковно-Славянскій, языкъ книжный, ученый; знаніе и употребленіе его — признакъ образованнаго человѣка. И Слово Данила Заточника писано, или предполагалось быть написано на языкъ церковно-Славянскомъ; сфера этого языка видна съ перваго взгляда; но что пріобрѣтается, то можетъ и не вполне быть пріобрѣтено; можно учиться и не доучиться: на пути знанія живутъ ошибки; и языкъ церковно-Славянскій, употребленный здѣсь съ претензіей, безпрестанно страждетъ, и въ границахъ его безпрестанно проявляется Русская рѣчь, искажая его правильность и стройное теченіе. Но потому самому слово это очень интересно. *Начнемъ бити сребренныя органы* ⁽¹⁾, говоритъ Данилъ Заточникъ, и въ этихъ первыхъ строкахъ уже видна ошибка, непониманіе языка церковно-Славянскаго. Можно сказать *сребре-*

(1) Памят. Росс. Росс. Слов. XII в. стр. 234.

ны органы, взявши первообразное прилагательное и сохранить тогда нѣкоторое сходство творительнаго падежа *сребрени* съ именительнымъ: *сребрени*; но если уже взято полное прилагательное *сребренни*, или *сребренныя*. то падежъ уже не можетъ имѣть своего тѣснаго, сходнаго съ именительнымъ характера и долженъ окончиться на ми: *сребренными* или правильнѣе: *сребренными*. Впрочемъ это можетъ быть просто падежъ винительный, или-же можетъ быть здѣсь отсутствіе предлога, что будетъ согласно съ духомъ Русскаго языка, собственно въ древности. Далее, встрѣчается множество ошибокъ, въ болѣешемъ количествѣ, нежели прежде, которыя мы видѣли въ другихъ памятникахъ и которыя получили какъ будто силу общаго, какою-то законности; не считавъ нужнымъ приводить примѣры. Встрѣчается, разумѣется, и правильное употребленіе; напр: и *разбихъ зль, аки древняя младенца о камень*; мы уже не говоримъ, что не поставлено *а*, но *а*, это все таки показываесть знаніе окончанія падежа; также: *подъ лотомъ капля* (1). Сверхъ того попадаются множество ошибокъ, не встрѣчавшихся прежде, имѣющихъ особенный характеръ, показывающихъ уже незнаніе церковно-Славянскаго языка и вмѣстѣ притязаніе на него: первое лицо глагола употреблено вмѣсто третьяго; напр: *умъ мой, яко мощны ермъ на мырици забдѣхъ* (2), если тутъ не скрыто какъ нибудь первое лицо. Или такое выраженіе: *свое бѣже написахъ* (3). Еще: *припекохъ ко обынной моеей любви* (4). Въ другихъ памятникахъ есть ошибки въ этомъ-же склоненіи, но тамъ въ родительномъ падежѣ *е* замѣнено и подъ вліяніемъ Русскаго языка, а здѣсь напротивъ въ дательномъ не впасть (какъ-бы въслѣдствіе вліянія церковно-

(1) Памятн. Росс. Слов. XII в. стр. 229, 235.

(2) Памятн. Росс. Слов. XII в. 1821. стр. 229.

(3) Тамъ же, стр. 230.

(4) Тамъ же, стр. 230.

Славянскаго языка) становится *е*, гдѣ и на церковно-Славянскомъ должно быть *и*; эта ошибка является какъ-бы неудачной претензіею. Смѣшанъ, чему такъ рѣдко есть примѣры, именительный съ винительнымъ, такъ что различіе удержано, но неправильно употреблено: напр: *такѡ и добрыя полки безъ добраго Князя погибають*, тогда какъ за нѣсколько строкъ правильно употреблено: *полцы*; но здѣсь еще ошибка проста, ибо мы думаемъ, что этого различія не существовало въ языкъ Русскомъ; но вотъ: *богатъ мужъ.... и въ чужей земль дружи имѣтъ* (впрочемъ можетъ быть тутъ есть сродство съ Русскимъ: *друзья*); или: *напаяюще не токмо челоуѣцы* ⁽¹⁾; это ошибка съ претензіей, потому что эта форма и противъ Русскаго языка, какъ мы думаемъ, и въ тоже время не впадаетъ употреблена противъ церковно-Славянскаго. Или еще: *служи* ⁽²⁾, тогда какъ надо *служы*, ибо это слово женскаго рода, кончающееся на чистое *а*. Здѣсь встрѣчается также ошибка чрезвычайно рѣдкая: употреблено настоящее Русское современное окончаніе дательнаго падежа множественнаго числа въ именахъ мужескаго и средняго рода: *жерновамъ* ⁽³⁾ вмѣсто *жерновомъ*. Въ тоже время разумѣется здѣсь есть и собственно руссизизмы: отсутствіе предлога въ предложномъ падежѣ; напр: *разбихъ зль; да не выплачуся рыдая, яко Адамъ раю* ⁽⁴⁾. Последний примѣръ можно и просто объяснить дательнымъ падежемъ. Также встрѣчается употребленіе формы именительнаго какъ винительнаго; напр: *злая жена поняти* ⁽⁵⁾ и пр. Что касается до самаго слова, то вездѣ въ немъ видна живая Русская мысль, Русской толкъ и соображеніе; самый языкъ, не смотря на неправильность и неровность, имѣетъ однако-же одинъ

(1) Пам. Росс. Слов. XII в. 1831, стр. 234, 231, 235.

(2) Пам. росс. Слов. XII в. 1831. стр. 234.

(3) Тамъ же, 239.

(4) Тамъ же, стр. 229. 231.

(5) Тамъ же, стр. 237.

характеръ, живъ и отрывистъ. Если-бы мы стали сомнѣваться въ древности этого сочиненія, то все должны-бы мы были признать въ немъ живую, самобытную Русскую мысль и рѣчь, въ подлинности которыхъ нельзя сомнѣваться. На самомъ сочиненіи лежитъ печать истины и неподдѣльности.

Намъ слѣдуетъ упомянуть объ одномъ памятникѣ, относимомъ къ XII столѣтію, а именно о *Словѣ о полку Игоревѣ*. Намъ должны быть ясны теперь условія, подъ которыми могъ образоваться языкъ какого-бы то ни было сочиненія въ то время. Или должно оно быть писано на языкѣ церковно-Славянскомъ, т. е. когда онъ, собственно, какъ языкъ принимается за соразмѣрное выраженіе мысли — памятники духовные; или-же на языкѣ, принявшемъ необходимое опредѣленіе языка церковно-Славянскаго, безъ присутствія самаго этого языка, какъ самобытнаго, съ собственно ему сродными оборотами, отгѣнками и такъ далѣе — памятники, которые могутъ быть названы народными. И тамъ и здѣсь встрѣчаемъ мы ошибки противъ языка, налагающаго на мысль и на другой языкъ свои формы, языка церковно-Славянскаго, — ошибки, какъ мы сказали, необходимое слѣдствіе присутствія иной рѣчи, живой рѣчи Русской, могшей тогда проявляться только ошибками противъ языка церковно-Славянскаго. Эти два языка или лучше два слога, смѣшивались иногда, когда смѣшивалось и самое содержаніе, какъ въ вопросахъ Кюрика, и производили новую пестроту. Въ *Словѣ Даниила Заточника* по особеннымъ причинамъ: именно потому, что это было лицо свѣтское, намѣренно писавшее на собственно церковно-Славянскомъ языкѣ, — произошли и новыя ошибки противъ языка церковно-Славянскаго. Эти ошибки вообще составляютъ жизнь языка, отрицательную, если угодно, въ то время; живая цѣпь ошибокъ охватываетъ слогъ со всѣхъ сторонъ и видоизмѣняясь безпрестанно, то являясь, то

исчезая, показываетъ она живое волненіе слога, жизнь его, определенную эпохою времени, жизнь, которая непосредственно такимъ образомъ предстаетъ вамъ при обращеніи вниманіи. Именно этой-то жизни языка не видимъ мы въ Словѣ о полку Игоревѣ; мы видимъ въ немъ какую-то холодность, безучастіе слога къ жизни языка. Слово о полку Игоревѣ не можетъ быть отнесено къ народнымъ памятникамъ языка; церковно-Славянскія формы глаголовъ встрѣчаются съ перваго разу и продолжаютъ во всю пѣснь. Ни по содержанію, ни также по языку не можетъ быть оно отнесено къ сочиненіямъ, собственно на церковно-Славянскомъ языкѣ писаннымъ. Мы видимъ въ немъ и нѣкоторые законы, нѣкоторые обороты собственно языка церковно-Славянскаго, правильно, почти безошибочно употребленные, и въ тоже время видимъ безошибочно употребляемое собственно Русское выраженіе или окончаніе, которое противорѣчитъ иногда требованію языка церковно-Славянскаго, является ошибкой противъ него, но такъ постоянно, что это уже представляется не ошибкой, а самобытнымъ законнымъ употребленіемъ. Языкъ былъ въ періодъ борьбы и волненія, и этой борьбы и волненія не видимъ мы въ Словѣ о полку Игоревѣ. И тотъ и другой элементы въ немъ присутствуютъ, но холодно, безъ участія другъ къ другу; они, не возмущаясь, проводятся сквозь всю пѣсню, такъ что можно подуматъ, что тотъ, кто писалъ, имѣлъ возможность выбора. И тотъ и другой элементъ признается, и въ тоже время видно, что признается. Указанія наши должны подтвердить это. — Въ продолженіи всей пѣсни, элементъ церковно-Славянскій по столько, по сколько онъ взошелъ, сохраняется строго; различіе именительнаго и винительнаго падежа соблюдается съ точностію даже тогда, когда вся разница въ и и ы, (что часто не сохранялось въ церковно-Славянскихъ довольно правильныхъ памятникахъ); — и не только въ именахъ су-

ществительныхъ, но и въ именахъ прилагательныхъ; напр: *вътри Стрибожи вѣуци вѣють; ту Нѣмци и Венедици, ту Греци и Морава поють; ту пирь докнчаша хрибѣи Русичи; а погани съ вѣсѣхъ странъ приходяду* (¹). Здѣсь есть исключенія, но они теряются во множествѣ правильно употребленныхъ окончаній. Мы можемъ указать на единственно яркое исключеніе: *имѣ луци спряже* (²). Положимъ, что эта разница (между именительнымъ и винительнымъ множественнаго числа) должна была-бы встрѣтяться и въ народномъ памятникѣ, какъ необходимое опредѣленіе со стороны церковно-Славянскаго языка, хотя не такъ правильно; но потомъ видимъ, что въ Словѣ о полку Игоревѣ входятъ формы церковно-Славянскихъ временъ, безъ чего всегда обходились памятники народные — элементъ, чисто церковно-Славянскій. Тоже должны мы сказать о другихъ отбѣнкахъ церковно-Славянскаго языка, о падежахъ творительномъ и дательномъ множественнаго числа въ именахъ мужескаго и средняго рода — отличіе, соблюдаемое впрочемъ и въ другихъ (даже народныхъ) памятникахъ. Но съ другой стороны, этотъ элементъ, присутствуя, не возмущилъ элемента Русскаго, который является въ постоянно правильномъ употребленіи многихъ руссизмовъ. Нѣтъ церковно-Славянскаго окончанія: а вмѣсто Русскаго: и, въ склоненіи въ извѣстныхъ случаяхъ, что должно было-бы произойти у того, въ области вѣденія котораго лежалъ и церковно-Славянскій языкъ, кто имѣлъ его въ своемъ знаніи, живомъ представленіи языка; а таковъ былъ сочинитель Слова о полку Игоревѣ, ибо языкъ церковно-Славянскій входитъ (что видно особенно изъ временъ глаголовъ) въ слогъ его сочиненія. Между тѣмъ почти ни одной ошибки противъ Русскаго языка; какъ-бы

(¹) Пѣснь о полку Игоревѣ, изданная Михаиломъ Максимовичемъ, стр. 14, 24, 30, 32.

(²) Тамъ-же, стр. 42.

совершенно вѣшнимъ образомъ и равнодушно тутъ-же находится другой элементъ языка. Приведемъ примѣры, правильнаго употребленія и нѣкоторыхъ ошибокъ: *а всадѣмъ, бра-тіе, на свои (▲) бързыи (▲) комони (▲); галици (▲) стады бѣ-жятъ; лисици (▲) брешуть; изъ земли (▲) Половецъкои (и▲); ни на ми красны дѣвици (▲); почнутъ наю птици (▲) биши (¹)* и пр. Но вотъ нѣкоторыя ошибки (противъ Русск. употребле-нія): *чърныя тучя съ моря идуть; и видѣ.... вся своя воя прикрыты (²).* Впрочемъ здѣсь есть различіе именительнаго и винительнаго, которое вообще такъ соблюдается въ Словѣ о полку Игоревѣ; къ тому-же здѣсь разнища *▲ (я)* и *и* не такъ ощутительна. Отгѣнки склоненія въ прилагательныхъ, т. е. окончанія на *а* и *ая*, *ыя*, относительно винительнаго и рѣдительнаго и другихъ падежей, не довольно постоянны, измѣняются; но они сами по себѣ мало имѣютъ разницы въ обоихъ языкахъ и потому не составляютъ важности. Мы видимъ въ прилагательныхъ тѣ же ошибки, какія и въ именахъ существительныхъ, въ подобныхъ случаяхъ; сверхъ того ошибки собственно свойственныя прилагательнымъ. Примѣры приведены выше въ другихъ примѣрахъ; считаемъ это достаточнымъ. Замѣтимъ, что двойственное число, часто встрѣчающееся, соблюдается вѣрно; напр: *оба есѣ Святъславичя (³)* и пр.; изключенія очень рѣдки; напр: говорится объ Игорѣ и Всеволодѣ: *нѣ нечестно одолѣсте (⁴)* и пр. Первообразное прилагательное употребляется также; напр: *земли не-знаемъ, неготовами дорогами (⁵)* и пр. Мы встрѣчаемъ также отсутствіе предлога предъ падежами, но не такъ какъ въ другихъ памятникахъ; вездѣ передъ именами соб-

(¹) Пѣснь о полку Игоревѣ, изданная Михаиломъ Максимовичемъ. Кіевъ, стр. 6, 8, 10, 42, 46, 48.

(²) Тамъ-же, стр. 14, 6.

(³) Пѣснь о полку Игоревѣ, изд. М. Максимовичемъ, Кіевъ, стр. 8.

(⁴) Пѣснь о полку Игоревѣ, изд. М. Максимовичемъ, Кіевъ, стр. 28.

(⁵) Тамъ-же, стр. 10, 10.

ственными (въ предложномъ падежѣ) находится предлогъ въ *Чрънѣговѣ*, въ *Киевѣ*, въ *Полотѣскѣ*, въ *Путивлѣ* и пр.: но, передъ именами несобственными предлогъ иногда отсутствуетъ; напр.: *Копіе преломити конецъ поля Половецкаго*; *конецъ копія въскърмленіи* ⁽¹⁾; *объсися синѣ мгла*, *уношу Князю Ростиславу затвори Днѣпръ темнѣ березѣ* ⁽²⁾. Не думаемъ, чтобъ это была ошибка, чтобы темнѣ березѣ былъ винительный падежъ, что было-бы слишкомъ яркая и несообразная съ языкомъ пѣсни Игоря ошибка; къ тому-же *уношу* винительный падежъ; надо думать, что и *Князю Ростиславу* должно было быть употреблено въ винительномъ падежѣ; и что значить: *затворилъ темныя берега*?—тогда какъ затворилъ въ темномъ берегу имѣетъ смыслъ; подобный образъ видимъ мы въ пѣсни о Добрынѣ: *Добрыня купался, змѣй унесъ* ⁽³⁾. Замѣчательно въ *Словѣ* о полку Игоревѣ употребленіе падежа дательнаго, согласно съ духомъ Русскаго языка, но здѣсь особенно ярко выступающее; напр: *въсплыша на брезѣ синему морю*; *одѣвавшу его темными мглами подѣ спыню зелену древу* ⁽⁴⁾ и пр. Считаёмъ достаточнымъ сказанное нами о *Словѣ* о полку Игоревѣ.

Изъ сказаннаго нами, кажется, намъ должно вывести, что языкъ этого Слова былъ составной, не живой языкъ того времени, котораго условіе, жизнь и движеніе обнаруживалось тогда необходимо ошибками. Въ такомъ случаѣ намъ

(1) Въ позднѣйшихъ памятникахъ мы встрѣчаемъ подтверждающее это употребленіе; такъ въ грамотахъ XV столѣтія находимъ: *Дубъ что стоитъ конецъ Парфеньевского болота*; еще: *мои купли конецъ Боровицкого моста*. (Собр. Гос. гр. и дог. М. 1819 г., ч. 1. стр. 333, 337). Здѣсь слово безъ предлога *конецъ* употребляется какъ-бы предлогъ. Впрочемъ не является-ли здѣсь можетъ быть именительный вмѣсто творительнаго вслѣдствіе первобытной неподвижности?

(2) Пѣснь о полку Игоревѣ, изд. М. М., стр. 6, 8, 38, 46.

(3) Там-же, стр. 38, 44.

(4) Древнія Россійскія стихотворенія, собранія Киршеномъ Даниловымъ. 1818 г. стр. 345, 357.

надо-бы усомниться въ современности этого Слова; но такъ какъ въ немъ есть подробности, указывающія особенно на современность, и вообще отъѣнокъ современности, если не въ языкѣ, то въ самомъ сочиненіи, то мы несомненно должны дойти до другаго результата. Если въ языкѣ Слова о полку Игоревѣ не видимъ живаго, современнаго движенія языка, его внутренней жизни, известнымъ образомъ проявляющейся, то мы должны сказать, что сочинитель былъ не самобытный участникъ въ этой жизни языка, что судьбы языка не были для него судьбами его собственнаго слова; другими словами, что сочинитель не былъ Русскимъ, природнымъ, по-крайней-мѣрѣ. Самое употребленіе языка это доказываетъ; найдя у насъ два элемента рѣчи, сочинитель воспользовался и тѣмъ и другимъ, не въ смыслѣ того, что онъ употребилъ ихъ какъ богатство, слога ради; но видя ихъ необходимое въ письменной рѣчи присутствіе, онъ не могъ не взять и того и другаго: эти элементы остались у него равнодушны другъ къ другу и рядомъ прошли сквозь все его сочиненіе (1). Жизнь ошибки

- (1) Только помня различіе именительнаго съ винительнымъ во множественномъ числѣ и сохраненіе этого различія въ Словѣ о полку Игоревѣ, можемъ мы объяснить такое мѣсто (стр. 40 того же изданія) *нѣ рози нося имѣ хоботы пашуть*. Объяснители думали, что: *нослятъ рога*; следовательно принимали *рози* за падежъ винительный, тогда какъ винительный будетъ *роги*, и если гдѣ можемъ мы основательно принимать въ соображеніе разницу именительнаго и винительнаго падежа, такъ въ Словѣ о полку Игоревѣ, гдѣ именно эта разница соблюдается строго. *Нося* вѣроятно относится къ *рози*, какъ къ подлежащему; *нося* есть причастіе единственнаго числа, но оно могло быть употреблено вмѣсто множественнаго; въ Словѣ же о полку Игоревѣ находимъ: *Се бо Готы-скыя красныя дѣвы... Звоня Руськимъ златомъ, поють время Бусово* (стр. 28 того же изданія), что доказываетъ, что въ Словѣ о полку Игоревѣ это причастіе такъ употреблялось и что въ настоящемъ случаѣ можно принимать его также. Такимъ образомъ грамматическое объясненіе будетъ слѣдующее: *рози нося имѣ хоботы пашуть* — рога носящіе (нося) имѣ (это слово можно отнести или къ ротамъ или къ хвосту: *себѣ*, или *Князюмъ*) носящіе имѣ хвосты (хоботы) пашуть. И такъ: *рога носящіе хвосты пашуть*. Вотъ грамматическое объясненіе;

принадлежитъ только природному обладателю языка; онъ только можетъ и имѣть право, и смѣетъ ошибаться и разумѣется, въ известномъ случаѣ, ошибка его можетъ имѣть важный смыслъ, тогда какъ иностранецъ боится ошибки, и приобретая языкъ, хотя-бы и отъ навыка, и не черезъ грамматику, но непременно чрезъ рефлексію. — говорить иногда правильнѣе кореннаго жителя. Разумѣется иностранецъ можетъ ошибаться и ошибается, но его ошибки происходятъ отъ незнанія. Мы представляемъ себѣ здѣсь иностранца, дошедшаго своимъ путемъ до совершеннаго, полнаго знанія языка изъ ученія или изъ опыта; тогда языкъ его долженъ имѣть болѣе бояливой холодной правильности, нежели языкъ туземца. Мы говоримъ не въ отношеніи къ живости слога, но чисто въ языковомъ отношеніи. Это находимъ мы въ Пѣсни о полку Игоревѣ, гдѣ именно ошибки должны были-бы явиться, какъ современное движеніе, жизнь языка; именно въ то время происходила для пишущаго Русскаго та борьба между двухъ языковъ, которая и отражалась у него въ слогѣ; и именно этой борьбы мы не видимъ въ разсматриваемомъ произведеніи; видимъ напротивъ равнодушное присутствіе, равнодушное и для самого писателя, двухъ этихъ языковыхъ элементовъ, и вмѣстѣ правильное ихъ употребленіе; слѣдовательно только мертвое, холодное ихъ знаніе: такое знаніе обличаетъ иностранца. И такъ въ самомъ языкѣ находимъ свидѣтельство, что это писалъ не Руской, подѣ перомъ котораго языкъ непременно принялъ-бы другой видъ. Теперь, кромѣ языка, самое содержаніе пѣсни, внутреннее ея значеніе приводитъ насъ опять въ недоразумѣніе, которое можетъ

другаго кажется сдѣлать нельзя. Но что-же это значить? Мы знаемъ, что есть въ народѣ подобное фигуральное изображеніе коровы: *четыре ходаста, два бодаста, да седьмой хлебестунъ*. Есть и другое подобное. И такъ и здѣсь не есть-ли это фигуральное изображеніе коровы или быка? *быки пашутъ*. Это кажется намъ, пока, единственною вѣроятною догадкою.

разрѣшиться или предположеніемъ, что это не подлинное сочиненіе, или другимъ, что это писалъ не Руской. (Мы сказали, что принимаемъ послѣднее, и почему). — Во всей пѣсни нѣтъ ни сколько элемента религіознаго, кромѣ словъ на концѣ, что Игорь ѣдетъ къ *Божіей Матери Пирогощій*. Это совершенно несогласно съ характеромъ Русскимъ, и особенно того времени. Въ Словѣ Данила Заточника безпрестанно ссылки на Св. Писаніе; во всѣхъ позднѣйшихъ памятникахъ сильно присутствуетъ элементъ религіозный, и отсутствіе его въ Словѣ о полку Игоревѣ сильно заподозриваетъ это сочиненіе. Сверхъ того самыя поэтическія образы, тамъ встрѣчающіеся, такъ мало имѣютъ народнаго Русскаго характера, такъ часто отзываются фразами, почти современными, такъ кудреваты иногда, что никакъ нельзя въ нихъ признать Русской народной поэзіи, если и нельзя отказать сочинителю въ поэтическомъ талантѣ, которому придалъ онъ только оттънокъ руссизма. Въ этой Пѣсни выдается сочинитель, индивидуумъ, еще не могшій возникнуть въ Русской землѣ, гдѣ пѣлись тогда народныя пѣсни. Кто-же былъ этотъ сочинитель, откуда пришелъ онъ? Церковно-Славянскій языкъ былъ ему хорошо извѣстенъ, Русской языкъ тоже; оба языка вошли въ его сочиненіе, и мы уже опредѣлили, какой характеръ, какое отношеніе приняли они тамъ; мы сказали, что это отношеніе обличаетъ иностранца; но кто-же былъ этотъ иностранецъ? На это отвѣчать разумѣется мудро; вѣроятно Гречинъ, знавшій церковно-Славянскій языкъ еще прежде (что Греки могли знать церковно-Славянскій языкъ, не бывши въ Россіи, это увидимъ ниже) и въ Россіи научившійся Русскому. Свои кудреватости и хитросплетенія вложилъ онъ въ сочиненіе, не имѣющее ни сколько того грандіознаго вида народной Русской поэзіи, какой видимъ въ древнихъ Русскихъ стихотвореніяхъ, собранныхъ Киришемъ Даниловымъ; — сочиненіе, оставшееся изолированнымъ и не перешедшее въ уста и въ введеніе на-

рода, которому, не смотря на церковно-Славянской языкъ, довольно извѣстно *Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ* ⁽¹⁾. Отсутствіе религіознаго элемента не уничтожаетъ предположенія, что сочинитель былъ Грекъ. Мы приняли отъ нихъ христіанскую вѣру, но религіозность была собственнымъ элементомъ Русской жизни, и Грекъ могъ и не имѣть ея. Языкъ-же витіеватый, который нравиться могъ, но не вошелъ въ народную жизнь, вѣроятно принадлежитъ Греку. Еще Владиміръ говоритъ у Нестора о Грекахъ: *суть же хитро сказующе и чудно слушати ихъ* ⁽²⁾.

Въ концѣ XII, или въ самомъ началѣ XIII вѣка, имѣемъ мы прекрасное посланіе Симеона Епископа Суздальскаго къ Поликарпу; оно написано на языкъ церковно-Славянскомъ; посланіе написано правильно; но въ немъ, какъ и въ другихъ сочиненіяхъ, встрѣчаются нѣкоторыя ошибки; ихъ немного; напр: *азъ желаю единоа крупницъ*; или: *отъ послушанія отца и братіи своей* ⁽³⁾. Двойственное число вездѣ сохранено. Встрѣчается полногласное употребленіе глагола: *не въспрещаше* ⁽⁴⁾. Языкъ вообще въ его оборотахъ церковно-Славянской. Что касается до самого содержанія, то въ немъ видно глубокое религіозное чувство со всею его умилительною простотою, проникающее все это прекрасное посланіе.

Въ XIII вѣкѣ имѣемъ мы еще памятникъ, интересный чрезвычайно и потому, что современность списка совпадаетъ съ его современностью. Это *Правила Кирилла, Митрополита*, памятникъ церковный и писанный на языкъ церковно-Славянскомъ. Языкъ правильный, всѣ особенности его

(1) Находятъ сходство между этими двумя произведеніями; но если сходство и есть, то выраженія Слова о полку Игоревѣ перешли сперва въ другое сочиненіе и тамъ уже удержались въ народѣ.

(2) Лѣтопись Несторова по древнѣйшему списку мниха Лаврентія. 1824. Москва. стр. 73.

(3) Памятники Россійской Словесности XII вѣка М. 1821. стр. 251, 253.

(4) Тамъ-же, стр. 252.

соблюдемы тщательно; и едва замѣтно пробивается неправильность сквозь строго сохраняемыя формы языка. Мы находимъ примѣръ предложнаго безъ предлога: *неоустрое-
ніе церквахъ* ⁽¹⁾. И вмѣсто *е* поставлено однажды, въ сло-
вахъ: *кровь*, также въ словѣ: *время* ⁽²⁾. Встрѣчаются въ
извѣстныхъ случаяхъ склоненія: *и* вмѣсто *а*, или, что для
Русскихъ было равно, *я*; напр: *то ни приношенія ѿ нихъ
принимати рекше просфоруы и коуты ни свѣчи*. Въ
другихъ мѣстахъ въ томъ-же случаѣ *ь* замѣняетъ это не-
умѣстное для Русскихъ *я*; напр: *отъ проскоурницъ; отъ
свѣтлыя недѣль* ⁽³⁾.

Въ XIII-же столѣтіи встрѣчаемъ мы весьма замѣчатель-
ныя проповѣди Епископа Владимѣрскаго Серапіона. Цер-
ковно-Славянскій языкъ, которымъ онъ писаны, чрезвычай-
но правленъ; тонкія особенности его соблюдаются вѣр-
но; какъ: окончаніе на *и* въ предложномъ падежѣ един-
ственного числа въ извѣстныхъ случаяхъ, напр: *въ солн-
ци*;—окончаніе на *а* (*я—а*) въ винительномъ и другихъ па-
дежахъ, напр: *отци и братью нашу избииши, матери на-
ши и пр.; виждю вы премънившася; вскрай земля наша;*
чародѣици и чарѣдѣици; также соблюдается отличіе жен-
скаго рода въ причастіи, напр: *мати, видѣици* ⁽⁴⁾, и др.
т. п. Мы не приводимъ примѣровъ не столько тонкаго и
болѣе обыкновеннаго, правильнаго, вѣрно соблюдаемаго
употребленія. Изрѣдка попадаются и нѣкоторыя ошибки;
напр: *ажь*; *овцы*; *съ небеси* ⁽⁵⁾ Полногласіе сохраняется
въ одномъ словѣ: *живущимъ* ⁽⁶⁾. Встрѣчается предлож-

(1) Русскія Достопамятности. Москва. 1815. стр. 107.

(2) Тамъ-же, стр. 114, 109.

(3) Тамъ-же, стр. 115, 112, 116.

(4) Творенія Святыхъ Отцевъ въ Русскомъ переводѣ. М. 1843. книжка
1, стр. 99. 99. кн. 2 стр. 103, кн. 3 стр. 194. 200, кн. 2 стр. 103.

(5) Творенія Святыхъ Отцевъ въ Русскомъ переводѣ. Москва. 1843. книж-
ка 1, стр. 100, кн. 3 стр. 204. 195.

(6) Тамъ-же, книжка 3 стр. 194.

ный безъ предлога: не прикасайтесь дѣлъхъ злыхъ и темныхъ (1). Замѣчательно употребленіе: волхвовъ (2) женскаго рода отъ волхвъ, какъ: свекоръ — свекровь. — Вообще эти, прекрасныя по содержанію и по слогу также, проповѣди написаны чрезвычайно правильно по церковно-Славянски, съ отѣнкомъ и особенностями древняго языка.

До сихъ поръ, не имѣя, какъ мы сказали уже прежде, памятниковъ Русской рѣчи, имѣя памятники только церковно-Славянскаго языка, что могли мы сказать о Русскомъ? Но по ошибкамъ въ церковно-Славянскомъ языкѣ, ошибкамъ, производимымъ другою, подъ нимъ скрытою живою. рѣчью, могли мы узнавать, слѣдить Русскую рѣчь, являющуюся для насъ въ первомъ періодѣ, именно, какъ живая связь ошибокъ въ языкѣ церковно-Славянскомъ. Уже такія ошибки сами по себѣ показываютъ, что это языкъ не живой; показываютъ присутствіе другаго элемента живаго языка и даютъ возможность слѣдить его, ибо въ нихъ онъ является иногда и положительно. Мы старались исполнить это; по этому до сихъ поръ разсматривали мы такъ подробно каждый памятникъ письменности, не упуская ни одного, наблюдая зданіе церковно-Славянскаго языка и замѣчая всѣ минуты его колебанія отъ невидимой будто-бы причины; это была Русская рѣчь, подъ нимъ скрытая и разнообразно его потрясавшая; и по этому чрезвычайно интересны и важны всѣ памятники письменности того времени. Но Русская рѣчь является здѣсь все еще какъ ошибки въ церковно-Славянскомъ языкѣ; только въ нихъ она открывается; до сихъ поръ не иначе какъ такъ могли мы видѣть ее; церковно-Славянскій языкъ былъ постоянно и вездѣ передъ нами, гдѣ только

(1) Тамъ-же, книжка 3, стр. 196.

(2) Тамъ-же, книжка 3, стр. 202.

встрѣчалась написанная бумага. Что-же наконецъ могло вызвать языкъ нашъ народный на бумагу, заставляя его явиться въ своемъ самобытномъ видѣ, развѣ съ малыми, ничего незначащими оттенками церковно-Славянскаго языка?—Живыя юридическія отношенія, грамоты и договоры. Здѣсь найдемъ мы оправданіе многому тому, что какъ ошибка являлось намъ въ языкъ церковно-Славянскомъ. Здѣсь увидимъ мы живой источникъ того, что было намъ знакомо досель, какъ неправильность,—источникъ, откуда шли живыя струи слова, смущавшія теченіе языка церковно-Славянскаго. Мы подойдемъ къ самому источнику, и многое переименуемъ свой видъ; какъ истинное, какъ стройное, какъ органическое явится намъ то, что казалось прежде неправильнымъ, ошибкою. Въ началѣ, или собственно съ половины XIII столѣтія, начинается это новое проявленіе рѣчи, новые памятники языка, — начинаются грамоты и договоры.

Въ началѣ XIII столѣтія имѣемъ мы подлинную грамоту: это договоръ Мстислава Князя Смоленскаго съ Ригюю и Готскимъ берегомъ, 1229 года. Древнѣйшая, намъ известная, грамота Новгородская является въ началѣ второй половины XIII столѣтія: это договорная грамота Новгорода съ Великимъ Княземъ Тверскимъ Ярославомъ Ярославичемъ, 1265 года. Мы читаемъ ихъ, и еще невиданная самобытность новаго языка поражаетъ насъ; вотъ наконецъ рѣчь, такъ долго скрывавшаяся и темно дававшая знать о своемъ присутствіи; мы узнаемъ ее, мы узнаемъ и это и вмѣсто *а*, и потомъ эту неподвижность винительнаго какъ именительнаго на *а* въ известномъ случаѣ, уже знакомыя намъ и прежде. Съ другой стороны, мы узнаемъ ее, какъ нашу живую рѣчь, которою и теперь говоримъ; мы слышимъ даже этотъ Русской разговоръ, въ Новгородскихъ грамотахъ особенно. Что-же мы видимъ,

что является намъ въ этихъ грамотахъ особенностью именно того времени, что кладетъ на эту рѣчь печать известнаго опредѣленія, привязывающаго ее къ известной эпохѣ и вмѣстѣ дающаго ей жизнь современности? — Мы можемъ сказать вообще прежде всего, (подробный отвѣтъ заключается въ самомъ разсматриваніи грамотъ) что всѣ эти неровности слова, всѣ эти оттѣнки, какіе можемъ мы отыскать въ грамотахъ, различающіе ихъ отъ настоящаго времени, суть чисто Русскіе въ то же время, принадлежатъ къ исторіи Русской рѣчи, къ ея известной эпохѣ, имѣющей, въ этомъ смыслѣ, и различіе отъ настоящей Русской рѣчи, носящей на себѣ также печать эпохи. Оттѣнокъ языка незначителенъ. Мы сказали прежде, какъ просто уже время налагаетъ свой характеръ на языкъ; какъ уже предшествованіе одно даетъ ему необходимо такой видъ, такую фizioгномію; есть звуки, которые должны замолкнуть, есть звуки, которые должны возникнуть теченіемъ времени. И такъ уже это различіе, различіе времени должно лежать между языкомъ грамотъ и нашимъ современнымъ; и тотъ и другой составляютъ моменты развитія языка Русскаго вообще; но это различіе принимаетъ опредѣленность, обозначается степенью развитія, является подъ многими условіями, все это вмѣстѣ даетъ языку полный известный характеръ. Самый легкій оттѣнокъ языка церковно-Славянскаго лежитъ на языкѣ грамотъ.

Грамота, *Договоръ Мстислава съ Рогою и Готскимъ берегомъ*, заслуживаетъ отдѣльнаго взгляда по превосходящей своей древности и по нѣкоторому особенному оттѣнку языка. Въ ней видимъ мы употребленіе, свойственное языку Малороссійскому или Бѣлорусскому, именно: *оу Ризѣ, оу Роусѣ*, и пр.; многія буквы явнымъ образомъ ошибочно поставлены вмѣсто другихъ; ѣ часто замѣняется, вѣроятно по сходству начертанія. Здѣсь видимъ мы однажды употребленное прошедшее время церковно-Славян-

скаго языка: *оже быхъмъ что тако учинили* ⁽¹⁾. Двойственное число соблюдается вѣрно: *оже не боудѣтъ двою послуху; та два была* ⁽²⁾ и проч. Склоненіе вообще соблюдено согласно съ языкомъ церковно-Славянскимъ; но здѣсь не встрѣчается однако окончанія на *а* (*я*), и вмѣсто него *ь* или *е*; напр: *Тиоуноу на Вѣлцѣ дати роукавицѣ; оу ѣтоѣ Бѣе*; также *оу Латинскои церкви* ⁽³⁾. Очень часто встрѣчается винительный на *а*; напр: *такова правда оузяти Роусиноу; дати ѣмоу на събѣ порука; дати ѿ двою капию въску въсцю коуна Смольнескаѣа* ⁽⁴⁾ и пр. и пр. Грамота едва-ли не была переведена съ Нѣмецкаго; по крайней мѣрѣ одно употребленіе на это намекаетъ, именно счетъ лѣтъ, когда написана грамота: *а лѣто и ѿ лѣто и ѿ лѣто и ѿ лѣто и ѿ* ⁽⁵⁾. Предложнаго падежа безъ предлога не встрѣчается; полногласія также. Къ тому-же мы должны сказать, что отношенія языка Малороссійскаго и Бѣлорусскаго вѣроятно были другія къ церковно-Славянскому языку; мы-же припущи о языкѣ Русскомъ вообще, а не о нарѣчійхъ его въ отдѣльности, обращаемъ собственнo вниманіе на языкъ Великорусскій. Теперь перейдемъ къ Новгородскимъ грамотамъ и вмѣстѣ вообще къ грамотамъ XIII столѣтія.

Языкъ грамотъ XIII вѣка—языкъ совершенно Русской, но языкъ, въ которомъ еще не совершились явленія дальнѣйшаго движенія. Мы встрѣчаемъ много формъ, окончаній, носящихъ на себѣ характеръ, если не первобытный, то ранній; мы видимъ, какъ при всѣхъ своихъ общихъ

(1) Собраніе Государственныхъ грамотъ и договоровъ. Москва. 1819 года. часть 2, стр. 2.

(2) Тамъ-же, стр. 2, 4.

(3) Собраніе Государственныхъ грамотъ и договоровъ, М. 1819. ч. 2, стр. 4.

(4) Тамъ-же, стр. 3, 3, 4, 4.

(5) Тамъ-же, стр. 4.

коренныхъ Русскихъ началахъ, Русской языкъ имѣеть здѣсь на себѣ особенности времени и именно времени ранняго. Взглянемъ-же на эти особенности, на то, что собственно составляетъ свойство того времени и различаетъ тогдашнюю Русскую рѣчь отъ нынѣшней. Мы находимъ, уже знакомый намъ, неподвижный падежъ винительный на *а*; напр: *а та грамота Княже дати ти назадъ* ⁽¹⁾ и пр. падежъ, уже нами объясненный прежде. Это употребленіе будемъ мы встрѣчать долго. Въ грамотахъ, хотя гораздо менѣе, нежели въ памятникахъ церковно-Славянскаго языка, встрѣчаемъ мы однако-же глаголь *есмь*, собственно въ первомъ и во второмъ лицѣ, но не въ третьемъ. Здѣсь можно кстатіи объяснить причину такого различія въ употребленіи. Всякой предметъ, самъ по себѣ взятый, есть третье лицо, *онъ*; всякое прилагательное, какъ опредѣленіе предмета, тѣмъ болѣе въ первообразномъ видѣ (усѣченное, такъ называемое) есть тоже третье лицо. *Есмь* же у насъ употреблялось совсѣмъ не какъ вспомогательный глаголь съ причастіемъ, а просто какъ глаголь съ прилагательнымъ; напр: *онъ добръ есть человекъ*. Лучшимъ доказательствомъ служить то, что и въ церковно-Славянскомъ языкѣ, когда употребляется *я* или *ты*, глаголь *есмь* отсутствуетъ какъ ненужный, и наоборотъ, является при отсутствіи этихъ личныхъ мѣстоименій. И такъ глаголь *есмь* былъ просто замѣною личныхъ мѣстоименій; такъ является онъ въ звательномъ въ Русскихъ пѣсняхъ: *гой еси добрый молодецъ*. По этому очень понятенъ выпускъ его въ третьемъ лицѣ, гдѣ само по себѣ прилагательное есть или имѣетъ въ себѣ третье лицо; тогда, какъ естественно выступить глаголу съ силою личности тамъ, гдѣ уже не третье лицо, гдѣ является лицо второе: *ты*; отъ этаго во второмъ лицѣ мы почти всегда

(1) Собраніе Государственныхъ грамотъ и договоровъ. М. 1812. ч. 2, стр. 2.

встрѣчаемъ глаголь *есмь*. Но и второе лицо еще не такъ далеко отъ предмета, не столько субъективно какъ первое, и потому въ сочетаніи перваго лица съ прилагательнымъ вообще, или отглагольнымъ, встрѣчаемъ мы всего чаще глаголь *есмь*. — Характеръ неразвитости, характеръ ранняго періода, имѣющій въ себѣ въ то-же время и нѣкоторое полногласіе, лежитъ на этомъ нашемъ языкѣ грамотъ XIII и XIV вѣка. — Именительный часто въ именахъ мужескаго рода встрѣчается въ винительномъ, вмѣсто употребляемаго въ наше время родительнаго, напр: *а держати ти свой тивунъ; а холопы и должники и подручники выдавати* ⁽¹⁾ и пр. и пр. — Именительный множественнаго употребляется вмѣсто родительнаго множественнаго-же числа; напр: *что селца тягнуло къ тымъ свободамъ; въ другомъ такомъ-же мѣстѣ: что селыцъ; — а что головы поимано; съ обѣ половинъ* ⁽²⁾. — Употребленіе *ти*; напр: *а то ти Княже, не надобе* ⁽³⁾. *Ти* не исчезло и теперь въ народѣ; оно употребляется какъ: *тъ*, и, какъ и въ древнихъ грамотахъ, различается отъ *тебѣ* или *тобѣ*; послѣднее употребляется тогда, когда на немъ болѣе опирается значеніе. — Есть употребленіе: предложнаго безъ предлога: *лѣтъ* ⁽⁴⁾; но и до сихъ поръ сохраняется это употребленіе въ устахъ народа; народъ говоритъ: *утрѣ* вмѣсто *позутру*; также употребленіе: *молодецки*, *братски* и пр. можно только объяснить предложнымъ безъ предлога, отъ первообразнаго прилагательнаго неупотребительнаго въ именительномъ: *молодецкъ*; у Нестора есть такое прилагательное: *бѣ бо дѣтескъ*; отсюда также: *дѣтски*; здѣсь только и замѣняетъ *тъ*, что часто взаимно случается. — Полногласіе видимъ мы еще тогда-же въ недавно образованныхъ

(1) Собр. Гос. гр. и дог. М. 1815. ч. 1, стр. 2. и 5.

(2) Собр. Гос. грд. и дог. М. 1815. ч. 1, стр. 9. 6. 15. 22.

(3) Тамъ-же, стр. 4.

(4) Тамъ-же, стр. 8. 10 и пр.

имо (инѣ, ина, ино) како ⁽¹⁾, вмѣсто котораго народъ употребляетъ *инъ, какъ*.—Встрѣчаемъ также полное неопредѣленное на *ти*; напр: *людий нѣ выводити; а грамотъ ти не посужати* ⁽²⁾ и пр. и пр.; также досихъ поръ сохранившееся и въ пѣсняхъ и въ рѣчи народа и даже и въ нашемъ разговорѣ въ иныхъ случаяхъ.—Видимъ полногласное прилагательное, уже утратившееся въ памятникахъ церковно-Славянскихъ въ то время; напр: и *отъ всѣхъ старпѣишихъ и отъ всѣхъ мѣишихъ; Новогородскихъ* ⁽³⁾.—Видимъ первоначально образовавшійся родительный мн. ч., какъ: *волостий, свиный*, и его видоизмѣненіе, объясненное нами выше въ словѣ: *волость*.—Также первообразный краткій родительный; какъ напр: *мужъ; что твое и твоихъ мужъ пошло* ⁽⁴⁾; этотъ родительный и теперь еще существуетъ у насъ въ нѣкоторыхъ словахъ; напр: *пять пудъ*.—Видимъ также первообразно являющійся возвратный глаголь, гдѣ *ся* еще отдѣляется отъ глагола, что явно на себѣ носить характеръ первообразности и составляетъ собственное различіе одной и той-же рѣчи, не мѣшая ея тождеству и единству, напр: *а что ся дѣяло* ⁽⁵⁾ (объ этомъ тоже говорили мы прежде). Двойственное число встрѣчается также въ грамотахъ; оно также намъ принадлежало и должно было утратиться въ теченіи развитія; напр: *по в кунѣ; а за волокъ ти слати своего мужа изъ Повагорода въ дву насиду; а срокъ тремъ тысячамъ и двема стома* ⁽⁶⁾, и пр.

Вотъ отгѣнки, характеризующіе Русскую рѣчь XIII в.

(1) Собр. Госуд. гр. и дог. Москва. 1815. ч. 1. стр.

(2) Тамъ-же, стр. 3 и пр.

(3) Тамъ же, стр. 7.

(4) Собр. Гос. гр. и дог. Москва. 1815. ч. 1. стр. 3.

(5) Тамъ-же, стр. 19.

(6) Собр. Гос. гр. и дог. Москва. 1815. ч. 1. стр. 4, 10, 15.

XIV столѣтій; ни одинъ изъ нихъ не случаенъ; всѣ напротивъ являются ясно и законно, выражая собою известную степень развитія собственно нашей рѣчи, известное время; такъ что появивъ ихъ во времени, мы имѣемъ передъ собою нашу Русскую родную рѣчь, полную и свободную. Это доказывали мы и прежде, говоря объ отношеніяхъ церковно-Славянскаго языка къ Русскому; мы основывались на тѣхъ-же фактахъ. Всѣ отгѣнки церковно-славянизма слабы; то, что главное даетъ ихъ еще слогу грамотъ, это письмо, которое, знакомое намъ чрезъ церковно-Славянскій языкъ, еще долго удерживало, по крайней мѣрѣ отчасти, права свои; орѳографія грамотъ церковно-Славянская. Укажемъ на отгѣнки церковно-Славянизма. Мы встрѣчаемъ *е* вмѣсто *я* (я) церковно-Славянскаго: еще не твердое слѣдовательно употребленіе; но встрѣчается также и *и*, Русское окончаніе; напр: *отъ лодье*; *а судье слати тебѣ свое*; *земле* ⁽¹⁾ и пр. Далѣе это исчезаетъ, и мы видимъ: *отъ лады*; *а судыи слати тебѣ свои*; *а Новгородѣской ти души блюсти*; *а съ Суждальской земли* ⁽²⁾ и пр. За церковно-Славянизмъ принимаемъ мы дательный падежъ множественнаго числа въ именнхъ мужескаго и средняго рода на *омъ*: *болярѣмъ*, *дворяномъ* ⁽³⁾ и пр., встрѣчающійся въ Новгородскихъ грамотахъ; намъ скажутъ, можетъ быть, почему-же не предположить и въ Русскомъ языкѣ возможность существованія прежде такого окончанія; но являющееся въ то же время другое окончаніе не письменное и согласное съ настоящимъ, обнаруживаетъ, что въ устахъ народа была другая буква; напр: *по постолиямъ* ⁽⁴⁾. Еще болѣе подтверждаетъ это то, что между Новгородскими грамотами есть двѣ (подлинныя),

(1) Собр. Госуд. грам. и догов. М. 1815. ч. 1, стр. 2. 4. 7 и пр.

(2) Тамъ-же, стр. 7. 10. 11. 14 и пр.

(3) Собр. Гос. гр. и дог. М. 1815. ч. 1, стр. 14. 12. 13 и пр.

(4) Тамъ-же, стр. 14.

въ которыхъ почти вездѣ употреблено окончаніе на *амъ*; напр: *боярамъ, дворянамъ, намѣстникамъ, купцамъ* ⁽¹⁾. Вѣроятно это произошло отъ писавшаго грамоты. Откуда же-бы онъ взялъ такое употребленіе противъ другаго, узаконеннаго письменностью, еслибъ не изъ устъ народа? Положимъ, могли-бы сказать, что здѣсь явилось уже употребленіе новой образовавшейся формы; но въ слѣдующихъ грамотахъ падежъ на *омъ* удерживаетъ опять права свои; и такъ это дѣйствіе церковно-Славянской орфографіи. Къ этому-же роду церковно-Славянскаго употребленія причисляемъ мы предложный падежъ множественнаго числа въ именахъ мужескаго и средняго рода, оканчивающійся на *ѣхъ*. — Какъ доказательство, что здѣсь было чуждое вліяніе языка церковно-Славянскаго, можемъ мы привести употребленіе родительнаго падежа въ словѣ *Владыка*: въ грамотахъ много разъ написано: *отъ владыцъ* ⁽²⁾, тогда какъ здѣсь этой перемѣны не нужно; это будетъ падежъ дательный; падежъ-же родительный: *отъ владыкы*. Также спутанно является въ грамотахъ различіе падежей именительнаго и винительнаго во множественномъ числѣ въ именахъ мужескаго рода; напр: *почие пословъ свои слати. Повелѣ Юрью и Якиму пословъ Михайловъ помяти* ⁽³⁾. Здѣсь именительный падежъ съ его различіемъ употребленъ вмѣсто винительнаго. Но въ грамотахъ нѣтъ прошедшаго времени церковно-Славянскаго языка. Впрочемъ между Новгородскими грамотами есть одна, въ которой встрѣчаемъ церковно-Славянскія формы глагола. Это легко объяснить вѣнскимъ вліяніемъ; но все можетъ представиться вопросъ, не явились-ли эти церковно-Славянскія формы, какъ исчезающія, какъ угасающій и вспыхивающій

(1) Собр. Гос. гр. и дог. М. 1815 г. ч. 1. стр. 10. 11. 12.

(2) Тамъ-же, стр. 6, 7, 19 и пр.

(3) Тамъ-же, ч. 1. стр. 17.

природный элементъ языка. Мы сказали наше мнѣніе объ этомъ; но теперь эта грамота еще болѣе подтверждаетъ его. Вѣроятно писавшій захотѣлъ пощеголить церковно-Славянскимъ языкомъ, имѣлъ намѣреніе такимъ образомъ изказать, оклеветать Русскую настоящую рѣчь, и былъ за это наказанъ; въ самомъ дѣлѣ, сама грамота его изобличаетъ: церковно-Славянскія формы глагола перепутаны и неправильны, знакъ, что они были ему чужія, только знакомы, и плохо въ тоже время знакомы. Эта грамота очень напоминаетъ невѣжественное употребленіе, иногда и въ наше время, формъ церковно-Славянскаго языка въ простомъ народѣ, когда почти къ каждому глаголу прикладываетъ онъ *ше*. Въ грамотѣ употреблено ошибкою: *послаше*;—*послаше Новгородъ*, тогда какъ надобно: *посла*, если въ единственномъ, въ множественномъ-же: *послаша*; можно-бы подумать, что здѣсь поставлено множественное (разница была-бы не велика), которое часто соединяется съ именемъ собирательнымъ въ единственномъ числѣ, что не противно нисколько духу Русскаго языка; но въ другихъ явственныхъ случаяхъ Новгородъ соединяется съ глаголомъ въ единственномъ числѣ; напр: *Новгородъ всь крестъ цѣлуе* ⁽¹⁾ и въ этой грамотѣ даѣе: *весь Новгородъ велѣлъ*, что показываетъ, что выше ошибочно употребленъ глаголъ въ единственномъ числѣ. Далѣе: *повелѣше весь Новгородъ*, опять ошибочное употребленіе прошедшаго отъ глагола: *повелѣти*; въ единственномъ надобно-бы: *повелѣ* и во множественномъ опять: *повелѣша* (). Далѣе чрезъ нѣсколько строкъ употреблено, кажется, безлично: *а повелѣша печати приложити*. Наконецъ упо-

(1) Собр. Гос. гр. и дог. М. 1815. ч. 1, стр. 9.

(2) По Добровскому должно сказать: *повелѣсте*. См. его Грам. ч. 11, стр. 88. Но мы следуемъ здѣсь Остр. Евангелію (см. Остр. Еа. грам. правила стр. 232), которое съ нимъ разнствуетъ.

треблено правильно: *Новгородъ повелъ* (¹). И такъ здѣсь прошедшее отъ *повелѣти*, употреблено три раза и вслѣдствіе разъ различно. Надо прибавить, что въ этой-же грамотѣ перепутаны именительный и винительный падежи съ ихъ различіемъ въ известномъ случаѣ, на что указали мы выше и привели примѣры. И такъ есть одна между Новгородскими грамотами XIII и XIV столѣтій, гдѣ явились церковно-Славянскія формы глагола и явились, какъ доказательство того, что онѣ чужды нашему языку—неправильно, искаженными. Другаго вліянія церковно-Славянскаго языка нѣтъ; все что есть—объясняется и отдѣляется слѣдовательно какъ чужое, и мы имѣемъ передъ собою нашу Русскую рѣчь XIII и XIV столѣтій. Далѣе мы увидимъ, какъ церковно-Славянскій языкъ вновь, но ученымъ образомъ, намѣренно, какъ притязаніе входитъ въ позднѣйшія грамоты; такъ что въ этомъ отношеніи чѣмъ древнѣе грамота, тѣмъ чище въ ней Русской языкъ, хотя съ другой стороны въ позднѣйшихъ грамотахъ болѣе замѣчается нечаянное освобожденіе въ Русской рѣчи, при дальнѣйшемъ ея ходѣ. Мы обратили здѣсь вниманіе собственно на грамоты Новгородскія, договорныя, писанныя отъ лица народа и потому болѣе народнымъ языкомъ; но и другія грамоты того-же времени Русскихъ Князей: *Смоленскаго*, *Владимірскаго*, *что на Волыни*, и *Луцкаго*, и также одна грамота Князя *Литовскаго*, и наконецъ грамоты *Московскія* не измѣняютъ общему характеру; но писанныя Князьями, а не народомъ и не для народа, они не представляютъ той полной, по тогдашнему, національности языка, какую видимъ мы въ грамотахъ Новгородскихъ. Первыхъ немного; Московскихъ-же имѣемъ мы довольное число; мы будемъ говорить, слѣдовательно, собственно о Московскихъ; но мы укажемъ при этомъ и на грамоты другихъ Князей. —Гра-

(¹) Собр. Гос. гр. и дог., ч. 1, гр. XIII, стр. 16—17.

моты Московскія, относящіяся уже къ XIV столѣтію (грамоты другихъ Князей восходятъ нѣкоторыя къ XIII)—или духовныя, или договорныя. Здѣсь можемъ мы положить тонкое отличіе: грамоты духовныя, при которыхъ почти всегда выставляется имя писавшаго грамоту, болѣе имѣютъ на себѣ этихъ знаковъ, слѣдовъ церковно-Славянскаго языка, нежели грамоты свѣтскія. Мы можемъ указать на форму церковно-Славянскаго прошедшаго времени въ духовной грамотѣ Владимірскаго Князя: *создахъ* ⁽¹⁾; также на употребленіе Русское въ предложномъ падежѣ множественнаго числа въ именахъ мужескаго и средняго на *ахъ* вмѣсто *ьхъ*, въ свѣтской грамотѣ Владимірскаго и Луцкаго-же Князя: *а на горажаныхъ* ⁽²⁾; но объ эти грамоты въ спискѣ. Духовная грамота Іоанна Даниловича, 1528 года, писанная дякомъ Костромою, также и другая его-же духовная грамота, того-же года написанная, какъ и всѣ, по Русски,—сохраняютъ въ себѣ правильное употребленіе церковно-Славянскаго языка, почти во всѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ соприкасался съ Русскимъ; такъ сохранено различіе именительнаго и винительнаго падежа во множественномъ числѣ въ извѣстномъ случаѣ; не встрѣчается винительный на *а*, въ именахъ женскаго рода; дательный во множественномъ числѣ въ именахъ мужескаго и средняго рода на *омъ*, а не на *амъ*. Встрѣчается также ирѣшительное употребленіе падежей на *а*, которое замѣняется *е*; напр: *моее, наше* ⁽³⁾. Въ договорной грамотѣ Симеона Іоанновича видимъ мы уже слабѣйшій отгѣнокъ церковно-Славянскаго языка; встрѣчается Русское народное употребленіе падежа винительнаго на *а*; напр: *исправа ны учинити*; не сохраняется различіе въ падежѣ име-

(1) Собр. Госуд. грам. и догов. М. 1845., ч. 1, стр. 7.

(2) Тамъ-же, стр. 8.

(3) Тамъ-же, стр. 31. 32. 33. 34. 35.

ительномъ и винительномъ множественнаго числа въ известномъ случаѣ; какъ: *въ болре* ⁽¹⁾. По вслѣдъ за этою грамотою является духовная того-же Князя, и въ ней видимъ мы тотъ-же самый слогъ, видимъ явственно смѣшанное употребленіе именительнаго и винительнаго падежа во множественномъ числѣ въ известномъ случаѣ; напр: *ключники*; встрѣчаемъ также и рѣшительно употребленный родительный падежъ на и вмѣсто *а* (*я*); напр: *своее купли*, и даже предложный безъ предлога, очень рѣдко уже встрѣчающійся; напр: *а что буди судилъ когда великомъ Княженъ*. Этотъ слогъ болѣе Русской, особенное участіе, которымъ проникнута грамота, наконецъ отсутствіе имени писца, и еще послѣднія строки, являющія какое-то личное чувство, красивый оборотъ, которымъ какъ-бы хотѣло выразиться само лицо: *а пишу вамъ се слово того дѣла, чтобы не перестала память родителей нашихъ и наша, и свѣча бы не угасла* ⁽²⁾, — все это намекаетъ на то, что писалъ грамоту самъ Великій Князь Симеонъ, а не писецъ, вѣроятно болѣе знакомый съ письменнымъ языкомъ. Слѣдующая духовная грамота Іоанна Іоанновича уже не имѣетъ этихъ особенностей ⁽³⁾. Такимъ образомъ въ духовныхъ и свѣтскихъ грамотахъ Московскихъ XIV столѣтія, видимъ мы основной характеръ языка Русской и въ то же время при немъ видимъ, какъ переливается отбѣнокъ языка церковно-Славянскаго, выступаетъ то ярче, — въ грамотахъ духовныхъ, то блѣднѣе, — въ грамотахъ договорныхъ; но чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе спутывается намѣренное употребленіе особенностей церковно-Славянскаго языка, тѣмъ сильнѣе одолеваетъ Русской элементъ, собственно въ Русской рѣчи, хотя-бы съ другой стороны могли уч-

(1) Собр. Гос. грам. и догов. Москва. 1815. г. гр. XXIII. стр. 35. 36. 37.

(2) Тамъ-же, гр. XXIV. стр. 37. 38.

(3) Тамъ-же, гр. XXV, стр. 34, 40, 41.

нымъ образомъ входить церковно-Славянизмы, искажаясь въ тоже время отъ неумѣнья и незнанія, но все-же входя въ рѣчь вслѣдствіе притязанія. Тверже пишется и вмѣсто *а* (*ia*) въ извѣстныхъ случаяхъ. Что касается до *и*, то оно начинаетъ являться теперь и тамъ, гдѣ долго постоянное употребленіе постоянно встрѣчавшагося слова мѣняло ему явиться; напр: *а что ихъ села или земли; сабли золотыя; судьи наши* ⁽¹⁾ и пр. и пр. Забывается и смѣшивается различіе именительнаго и винительнаго въ извѣстномъ случаѣ въ множественномъ числѣ, напр: *предъ нами намѣстницы; а коли, Господине, имей славы дщищи; а что наши дщищны сберутъ, и ни исправу учинятъ, а твои намѣстники съ ними* ⁽²⁾ и пр. и пр. Какъ особенности Русскаго языка, встрѣчаемъ мы часто винительный единственнаго числа въ извѣстномъ случаѣ, на *а*; напр: *знати своя служби; порука и цѣлованье свести* ⁽³⁾ и пр. и пр.. Также имѣющееся въ Новгородскихъ грамотахъ употребленіе именительнаго падежа множественнаго числа вмѣсто родительнаго того-же числа; напр: *съ обѣ половины* ⁽⁴⁾; предложный падежъ безъ предлога также встрѣчается; напр: *борщницы купленыя подъ вѣчныя варяхъ* ⁽⁵⁾; падежъ нѣсколько теменъ, но кажется это предложный падежъ безъ предлога. Русская рѣчь обозначается лѣственнѣе и лѣственнѣе. Въ ней самой независимо отъ вліянія церковно-Славянскаго языка, въ ней самой есть движеніе; двойственное число, свойственное также и Русскому языку, исчезаетъ мало по малу, сохраняясь въ словѣ *два*, какъ оно и теперь сохранилось въ родительномъ: *двухъ*, гдѣ къ *два* прибавилось еще окончаніе *хъ* (см. выше),—въ сло-

(1) Собр. Гос. гр. и дог. М. 1815. ч. 1, стр. 47. 51. 54.

(2) Тамъ-же, стр. 48. 50. 56.

(3) Тамъ-же, стр. 44. 64.

(4) Тамъ-же, стр. 48.

(5) Собр. Гос. гр. и дог. М. 1815 ч. 1, стр. 33, 41.

въ, числомъ самимъ указывающимъ на двойственность, — и не сохраняется иногда въ стоящихъ съ нимъ рядомъ и съ нимъ должныхъ согласоваться именахъ; напр: *изъ дву жеребьевъ; двумя жеребьи* ⁽¹⁾ и пр. Мы видимъ, что *е* начинается, но очень слабо и рѣдко, замѣнять первообразное и въ родительномъ падежѣ множественнаго числа; напр: *моихъ дѣтей* ⁽²⁾; впрочемъ подлинная грамота по ветхости дополнена спискомъ, и вѣроятно это слово взято изъ списка (ибо это единственный кажется примѣръ).—И такъ XIII и XIV вѣкъ являетъ намъ въ грамотахъ Русскую народную рѣчь; такъ говорилъ народъ (отгѣнки письменности легко отдѣляются) и такъ клалъ ее на бумагу, съ нѣкоторыми ясно опредѣляющимися условіями. Это была та рѣчь, тотъ языкъ, который и какъ языкъ, вполне выражалъ опредѣленіе національности, въ которомъ находился народъ; тогда какъ общее, для него недоступное, выражалось въ отвлеченномъ отъ него, языкѣ церковно-Славянскомъ; самими языками уже опредѣлялись извѣстныя формы жизни духа народа. Не то, чтобы Русскій языкъ былъ уже по существу своему непременно націоналенъ, но Русской языкъ, какъ Русской народъ, былъ опредѣленъ тогда національно, а не иначе, и по этому Русской языкъ былъ тогда національный уже потому, что былъ Русской; сторону его видѣли мы въ грамотахъ и договорахъ, извѣстно опредѣленную. Языкъ-же церковно-Славянскій, какъ языкъ чуждый и заключившій въ себѣ общее, принесенное для насъ, еще чуждое, содержаніе, былъ языкомъ проникнувшимся, какъ языкъ, этимъ значеніемъ; языкомъ, уже и потому отвлеченнымъ для насъ, что это былъ не нашъ языкъ, который или могъ вовсе для насъ не существовать или, если содержаніе его уже

(1) Тамъ-же, стр. 42. 68.

(2) Собр. Гос. гр. и дог. М. 1815. ч. 1, стр. 67.

связывало его съ нами, могъ существовать для насъ только какъ языкъ общій, весь условленный содержаніемъ, доставшимся ему въ удѣлъ.—Мы имѣемъ давно письменные памятники языка церковно-Славянскаго, но собственно памятники другаго языка, языка національнаго, Русскаго имѣемъ мы только съ XIII столѣтія въ грамотахъ и договорахъ, нами указанныхъ. Эта національность языка, кромѣ различія этимологическаго, различія важнаго и замѣтнаго, имѣетъ, само собою разумѣется, различіе въ синтаксисъ, въ строеніи рѣчи. Въ синтаксисъ открывается духъ языка, степень его развитія, въ немъ его субъективная сторона; объективная является въ его этимологій. Здѣсь, только въ синтаксисъ, приводятся въ движеніе всѣ силы слова, которыя видѣли мы въ предыдущей сферѣ; тутъ получаютъ живое отношеніе всѣ формы языка, имѣя себѣ прежде данныя, и является рядъ движеній языка чисто внутреннихъ, субъективная его эпоха, гдѣ онъ уже не творитъ новыхъ формъ, но дѣйствуетъ духовно такъ сказать. Только на письмѣ, только въ письменномъ слогѣ, вполне является синтаксисъ, только тамъ развивается онъ всѣ свои стороны, все богатство и разнообразіе оборотовъ, чего не можетъ допустить разговоръ, гдѣ языкъ находится въ сферѣ случайности и ею обуславливается; и въ самомъ дѣлѣ, что хлопотать о фразѣ, когда жестъ, движеніе, голосъ, все дополняетъ смыслъ ея. Письмо освобождаетъ языкъ отъ голоса, отъ произношенія, отъ всѣхъ случайныхъ отношеній, условій. И съ этой стороны является намъ большая разница между языкомъ церковно-Славянскимъ и языкомъ Русскимъ. Съ одной стороны,—въ письменности церковно-Славянской, видимъ мы синтаксисъ съ его разнообразіемъ, съ стройнымъ теченіемъ рѣчи; здѣсь можетъ явиться вопросъ, не Греческій-ли это синтаксисъ? Не вдаваясь въ рѣшеніе этого вопроса, который повелѣ-бы насъ очень далеко и на которой-бы мы вѣроятно отвѣча-

ли отрицательно, скажемъ (что мы сказали уже выше), что въ синтаксисѣ церковно-Славянской письменности не находимъ мы ничего, противорѣчащаго духу Русскаго или вообще Славянскаго языка. Для нашей цѣли довольно, если мы просто назовемъ этотъ синтаксисъ синтаксисомъ языка церковно-Славянскаго. Первое, что видимъ мы въ письменности языка церковно-Славянскаго — это освобожденіе отъ разговора, свободное теченіе самой рѣчи; здѣсь можетъ не быть даже не только вліянія Греческаго, но и вообще вліянія чуждаго языка; синтаксическая сторона языка, имѣя разумѣется свои законы, всего болѣе связана съ духомъ самаго пишущаго, особенно когда языкъ сроденъ, и по этому, будучи управляема Русскимъ писателемъ, она не становилась чуждою духу Русскаго языка; напротивъ выражала его въ себѣ, но, какъ сказано, освобождалась своею сферою отъ оковъ случайности разговорной и представляла уже стройное синтаксическое теченіе рѣчи. Одно можемъ мы сказать о синтаксисѣ церковно-Славянскомъ, встрѣчаемомъ нами въ сочиненіяхъ, нами уже указанныхъ: —мы видимъ полную свободу синтаксиса; мы видимъ здѣсь и длинный періодъ, и глаголь на концѣ, свойство синтаксической, письменной, къ тому же еще отвлеченной письменной, сферы языка, —и вмѣстѣ съ тѣмъ видимъ много оборотовъ, собственно этой письменности принадлежащихъ, оборотовъ живыхъ, открывающихъ духъ языка, но не могшихъ естественно перейти тогда къ народу въ его вѣденіе ⁽¹⁾. И такъ какъ общее

(1) Мы замѣчаемъ въ языкѣ церковно-Славянскомъ оборотъ, котораго свойственность Русскому языку, по общему мнѣнію, сомнительна; это такъ называемый *дательный самостоятельный*. Конечно, дико показалося-бы намъ теперь его употребленіе; но намъ кажется, что онъ нисколько не противорѣчитъ духу Русскаго языка и вытекъ изъ значенія падежа дательнаго, и изъ того мѣста, которое онъ у насъ занимаетъ. Вспомнимъ, какъ много употребляется у насъ дательный падежъ, какой широкой дается ему объемъ, что выражается имъ. Дательный падежъ выражаетъ не прямое отношеніе предмета, но присутствіе его, соединенное съ

являлось удѣломъ будущимъ жизни народной, — такъ-же точно, какъ удѣлъ будущаго для жизни слога, жизни языковой, являлся языкъ церковно-Славянскій, съ своимъ общимъ значеніемъ языка, съ своею синтаксическою стороною. Лѣтопись Нестора, просто написанная, Слова Кирилла Туровскаго и немногія посланія духовныхъ лицъ не представляютъ еще сильнаго синтаксическаго развитія; его намѣрены мы разсмотрѣть впослѣдствіи. Съ другой стороны, съ тѣхъ поръ, какъ только появились памятники Русской рѣчи, видимъ мы напротивъ въ нихъ языкъ совершенно взятый изъ устъ народа, и только что не произнесенный, а написанный. Совершенно какъ въ разговорѣ, слова повторяются, синтаксическое движеніе прерывается, и, такъ какъ въ разговорѣ, начавшійся оборотъ переби-

принятіемъ участія; однимъ словомъ: *участвующее присутствіе предмета* выражаетъ дательный. Какъ понятно, что онъ часто замѣняетъ родительный; мы не говоримъ уже о примѣрахъ, гдѣ онъ такъ поразительно, резко замѣняетъ родительный, мы приводили ихъ выше изъ Слова о полку Игоревѣ; но не только тамъ встрѣчаются такіе примѣры, дательный замѣняетъ и другіе падежи и является въ другихъ случаяхъ, гдѣ тѣсно-правильное употребленіе не позволяетъ ему явиться; напр: говорится: *поди мнѣ туда*, у Нестора: *Володимѣрь ти идеть на тѣ* (Лѣт. Нест. по древ. списку мниха Лаврентія. Москва. 1824. стр. 44) и проч. Этотъ дательный падежъ легко могъ развиваться и изъ него образоваться оборотъ; такимъ образомъ: *мнѣ хотѣшу или хотѣщему иди*; и вотъ имѣемъ мы уже дательный самостоятельный, по-крайней-мѣрѣ одинъ изъ его видовъ. Мы не говоримъ о случаяхъ, гдѣ дательный употребляется согласно съ смысломъ глагола; напр: *напиши мнѣ*; но о тѣхъ, гдѣ глаголъ его не допускаетъ, какъ въ приведенномъ примѣрѣ; — выраженіе очень употребительное, совершенно Русское, гдѣ, какъ намъ кажется, скрытъ дательный самостоятельный. Тогда конечно нельзя его уже называть самостоятельнымъ; намъ кажется, что это такъ и есть. Вообще если принимать опредѣленіе дательнаго самостоятельнаго у насъ, какъ падежа самостоятельнаго другихъ языковъ, то онъ не слѣдуетъ этому опредѣленію, употребляется сбивчиво. Приведемъ изъ Нестора примѣры дательнаго самостоятельнаго, которые кажется должны показать, что онъ свойственъ Русскому языку, что онъ не дательный самостоятельный и что вообще онъ не слѣдуетъ по-крайней-мѣрѣ опредѣленію и употребленію грамматическому падежа самостоятельнаго; напр: *Онѣдрю*

вается другимъ, не будучи dokonченъ, (какъ видимъ это у Геродота): всѣ фразы произнесены отрывочно, стоятъ отдѣльно одна подлѣ другой, и для того, чтобы представить нѣчто цѣлое и вмѣстѣ продолженное, скрѣпляются между собою или т. с. свинчиваются союзами: *а, ино* и *пр.*; нѣтъ синтаксическаго стройнаго движенія. Однимъ словомъ, печать разговора, этой живой сферы языка въ народѣ, опредѣленномъ какъ нація, лежитъ на памятникѣхъ его, на его грамотахъ и договорахъ, и такимъ образомъ языкъ этотъ составляетъ яркую противоположность языку церковно-Славянскому; — отношеніе, которое выражаетъ взаимно внутреннее ихъ значеніе. Такъ какъ синтаксисъ не столько привязанъ къ извѣстному времени, то мы намѣрены въ послѣдствіи подробнѣе рассмотреть его, и вмѣстѣ это синтаксическое значеніе и отношеніе языковъ церковно-Славянскаго и Русскаго, и привести примѣры, хотябы и изъ предыдущаго времени.

*отчащу въ Синапѣи и пришедшу ему въ Корсунь, оувидѣ. — Идущу же ему опять, приде къ Дунаевѣ. — Во время же хотѣющимъ родити аще родится отроча, погубитъ. — Сънемѣшемъ оубѣма полкама накупъ, суну копѣемъ Святославъ на Деревляны. Влекому же іему по ручаю къ Днѣпру, плакахуся іего невѣрнии людѣ, и проч. Какъ указаніе значенія дательнаго, приведемъ слѣдующій примѣръ: *хотѣа отмстити сыну своему* (т. е. за сына своего). Но столько же или еще чаще употребляется дательный самостоятельный, относясь къ подлежащему глагола; тогда конечно онъ не дательный самостоятельный; напр: *Князю Святославу възростѣшу и възмужавшу, нача вои совкупляти*. Здѣсь можно объяснить дательный самостоятельный употребленіемъ Русскимъ; напр: *онъ пошелъ себѣ*. Опять это также можетъ быть, распространено, какъ въ подобномъ примѣрѣ, приведенномъ нами выше. Вообще дательный самостоятельный употребляется сбивчиво, что говорить также противъ его употребленія и значенія, какъ дательнаго самостоятельнаго; напр: *Подем же жившемъ оsobѣ и володѣющемъ роды своими, иже и до сее братьѣ бляху Поляне и живяху кождо съ своимъ родомъ, и пр. Единою бо ми и сваряшу и аному мѣнушо оусние разнѣвався на мѣ, преторже черевѣ рукама, и пр. и пр.* — (Автопись Нестора по древнѣйшему списку мнѣха Лаврентія. Москва. 1824. стр. 29. 81. 43. 4. 6. 9. 35. 5. 87).*

Въ XIV вѣкѣ имѣемъ мы посланія къ народу духовныхъ лицъ; и въ этихъ посланіяхъ видимъ, какъ сильно вошелъ Русской элементъ языка даже и въ область дѣятельности пастырей церкви. Правда, именно въ ту ихъ дѣятельность, которая направлена къ мірянамъ, но которая все таки условливалась религіознымъ тономъ, языкомъ. Здѣсь въ посланіяхъ духовныхъ лицъ видимъ мы даже рѣшительное преобладаніе Русской рѣчи. Рѣдко встрѣчаются формы собственно церковно-Славянскаго языка, какъ: прошедшее время, ему свойственное, и слова и выраженія именно ему принадлежація; встрѣчаются ошибки противъ языка церковно-Славянскаго, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ необходимо съ нимъ соприкасается Русской языкъ, ошибки, какія свойственны памятникамъ народнымъ, Русскимъ. Въ посланіи Митрополита Теогноста встрѣчаемъ мы постоянно и вмѣсто *а* (*я*); напр: нѣсколько разъ попадаетъ: *браты моей*; также: *а милость Божія и святой Богородицы* ⁽¹⁾; въ послѣднемъ случаѣ обыкновенно сохраняется церковно-Славянская форма. Въ посланіи Митрополита Алексія видимъ тоже; однажды употреблено тамъ согласно съ церковно-Славянскимъ языкомъ: *ибо овца словесныя Христовы* ⁽²⁾. Но всего болѣе является это въ простыхъ посланіяхъ Кипріана Митрополита; кромѣ употребленія *и*, напр: *земли, никакой опитемы, или: милость Божія и пречистыя его матери* ⁽³⁾ и пр. — мы встрѣчаемъ у него народный Русскій падежъ на *а*, напр: *Великаго Василья служба служити* ⁽⁴⁾ и пр. Мы находимъ у него и правильныя употребленія церковно-Славянскаго языка, особенно въ одномъ посланіи его къ игумену Аеоносію; тамъ встрѣчамъ мы и руссизмы также, о ко-

(1) Акты историческіе. Спб. 1841. т. 1, стр. 1, 2.

(2) Акты историческіе. Спб. 1841. т. 1, стр. 4.

(3) Тамъ-же, стр. 17, 20, 17.

(4) Тамъ-же, стр. 19.

торыхъ упомянули выше; напр: окончаніе на *а: трапеза же святая помывати* ⁽¹⁾. Именно въ этомъ посланіи находимъ мы весьма рѣдкое и даже странное употребленіе Русскаго предложнаго падежа: *о черныцахъ же* ⁽²⁾. Самое строеніе рѣчи въ этихъ посланіяхъ, особенно у Кипріяна Митрополита, становится просто, и почти такое-же какъ въ грамотахъ; хотя мы и не говорили еще собственно о синтаксической сторонѣ языка и не сравнивали рѣчи Русской съ рѣчью церковно-Славянскою, но думаемъ, что и теперь, тонъ рѣчи, ея теченіе, понятно будетъ въ своей простотѣ и народности; по этому приведемъ примѣры: *А что Денисій Владыка възплелъ ся не во свое дѣло, да списалъ неподобную грамоту, и язъ тую грамоту рушаю, или далѣе: а что владычня грамота Денисьева, и ту грамоту пошлите ко мнѣ, да то е я самъ подеру: та грамота не въ грамоту* ⁽³⁾, и пр. Эта грамота (Митрополита Кипріяна Псковичамъ) особенно отличается простотою слога и склада рѣчи. Правильнѣе, хотя безъ особенной характеристики церковно-Славянскаго языка, написано посланіе Кирилла игумена Бѣлозерскаго монастыря ⁽⁴⁾. Оно написано стройнѣе и довольно связано и въ синтаксическомъ отношеніи, хотя тоже безъ особенной характеристики синтаксиса церковно-Славянской письменности, какъ и посланіе Кипріяна Митрополита къ игумену Аѳонасію, тоже написанное стройнѣе другихъ — Казалось-бы, что совершается преобладаніе Русской рѣчи; хотя всѣ эти сочиненія—посланія къ народу, но все-же посланія духовныя, и могли-бы, какъ послѣ увидимъ, быть писаны на церковно-Славянскомъ языкѣ съ возможнымъ соблюденіемъ

(1) Акты историч. Спб. 1841. т. 1. стр. 478.

(2) Тамъ-же, стр. 479.

(3) Акты историч. Спб. 1841. т. 1. стр. 19.

(4) Тамъ-же, стр. 21.

формъ его;—но нѣтъ, это только вторженіе, вторженіе временное. Русская рѣчь не могла получить еще права гражданства въ національной сферѣ, и то, что мы видимъ въ XIV столѣтіи, показываетъ только это взаимное внѣшнее вліяніе, возникшее между Русскимъ и церковно-Славянскимъ языкомъ, въ случаяхъ ихъ соприкосновенія; такъ и въ XIV столѣтіи преобладаніе Русской рѣчи—внѣшній временный фактъ. Скоро мы увидимъ, какъ церковно-Славянский языкъ, опираясь на права свои, возьметъ опять верхъ, опять наложитъ печать свою на языкъ Русской, преимущественно въ тѣхъ сферахъ, гдѣ является притязаніе далѣе національной только жизни. Самъ въ тоже время не сохранялся въ чистотѣ своей, искажаясь напротивъ болѣе и болѣе, онъ только закуетъ, спутаетъ Русскую рѣчь, неизбежно, необходимо долженствующую принимать его формы, внѣшнимъ для нея образомъ, ибо выступая за предѣлы національной жизни, она перепадаетъ въ его сферу. Мы говоримъ здѣсь о церковно-Славянскомъ языкѣ въ соприкосновеніи съ Русскою рѣчью, тогда какъ объ эти сферы, внѣ ихъ соприкосновенія: церковно-Славянской языкъ съ своимъ общимъ, вѣчнымъ, религіознымъ содержаніемъ, и языкъ Русской съ содержаніемъ волнующейся народной жизни, сохраняютъ все въ нихъ заключающееся значеніе, и въ крайнихъ предѣлахъ своихъ соблюдаютъ въ своей особенностяхъ, не смѣшиваются и имѣютъ только развѣ слабое на себѣ взаимное вліяніе; но языкъ церковно-Славянской имѣетъ его нѣсколько болѣе, какъ языкъ все таки чуждый и только ученому знанію доступный.

И такъ въ XIV столѣтіи, въ посланіяхъ духовныхъ лицъ, видимъ мы сильное вліяніе Русской рѣчи; и вдругъ среди этихъ почти Русскихъ посланій, встрѣчаются нѣкоторыя, написанныя въ строжайшихъ правилахъ языка церковно-Славянскаго. Откуда-же идетъ среди этихъ Русскихъ памятниковъ, среди слабыхъ только отблесковъ языка цер-

ковно-Славянскаго, вдругъ этотъ приливъ церковно-Славянскаго языка? Изъ Цареграда, отгуда, откуда пришла къ намъ христіанская вѣра, христіанское ученіе на языкъ церковно-Славянскомъ. Посланіе Константинопольскаго Патріарха Нила Псковичамъ написано самымъ чистымъ церковно-Славянскимъ языкомъ; ошибки, ярко бросающіяся въ глаза въ посланіяхъ Русскихъ духовныхъ лицъ, здѣсь удалены, и являются едва замѣтныя: *церкви* въ р. и др.; однажды встрѣчается и вмѣсто **а** (**я**) въ цитатѣ: *въ домъ вшедшу ему Маріи*. (Впрочемъ, не дательный-ли это?). Здѣсь синтаксисъ уже вполне согласуется съ языкомъ этого посланія, уже вполне независимо выражается въ теченіи рѣчи. Замѣчательно въ этой грамотѣ неупотребленіе звательнаго: *сынъ мой посадникъ* ⁽¹⁾. Такимъ-же тономъ и такъ-же правильно по церковно-Славянски написаны: грамота того-же Патріарха Суздальскому Епископу Діонисію, настольная грамота Константинопольскаго Патріарха Антонія Митрополита Фотію; сюда-же должны мы отнести уставную грамоту Архіепископа Діонисія, писавшаго явно подъ вліяніемъ Патріарха Константинопольскаго, тѣмъ-же тономъ и такъ-же правильно. Наконецъ находимъ еще посланіе Псковичамъ Патріарха Константинопольскаго Антонія, написанное также какъ и предыдущее, по церковно-Славянски, хотя не совѣтъ также правильно; чаще встрѣчается и вмѣсто **а** (**я**); напр: *отъ мытници; сіи учителя піаници суть*; находимъ несоблюденіе двойственного числа; напр: *предъ ногами Апостола Петра*; странно, вѣроятно ошибкою уже переписчика, встрѣчается Русской винительный падежъ на **а**; *понахида по нихъ пѣти*; встрѣчается также несоблюденіе звательнаго: *ты же благородный посадникъ* ⁽²⁾; впрочемъ здѣсь сила звательнаго могла опе-

(1) Акты историч. Спб. 1841 г. т. 1. стр. 6. 6.⁵.

(2) Тамъ же, стр. 12. 13. 15. 9.

реться на ты. И такъ среди преобладанія рѣчи Русской въ церковныхъ посланіяхъ XIV вѣка, вдругъ совершился приливъ языка чисто церковно-Славянскаго, напомнившего тѣмъ о правахъ своихъ, основанныхъ на его великомъ значеніи.

Мы должны упомянуть еще объ одномъ сочиненіи, относимомъ къ XIV вѣку: это Сказаніе о *Мамаевомъ побойшѣ*. Оно написано церковно-Славянскимъ языкомъ со многими и большими ошибками, ошибками противъ такъ строга въ то время, и вообще долго, соблюдаемыхъ употребленій; напр: *Нача.... полѣи оураживати; Титаровъ же мнози стязи Великаго Князя подстыкоша*, и пр: *Съ Татарскими полками; полковникам* ⁽¹⁾ и др. т. п. Мы не говоримъ уже о другихъ болѣе обыкновенныхъ ошибкахъ, какъ: *со всей Русской земли* ⁽²⁾ и пр. Встрѣчается иногда и правильное употребленіе, но очень рѣдко; сохраняется иногда именительный множественнаго съ его отличіемъ, напр: *въспитицы и кѣ*; также видимъ: *святѣя Богородица; душа своя* ⁽³⁾ и пр. Но тутъ-же и нарушается правильное употребленіе. Мало того, здѣсь встрѣчаемъ мы ошибки противъ употребленія временъ глаголовъ; напр: *Димитрей же.... слышахъ; воздвигошеся Велицы Князи* ⁽⁴⁾ и пр. Двойственное много разъ и вовсе не соблюдается; напр: *во обоихъ рукахъ; отъ обоихъ странъ* ⁽⁵⁾ и пр. Употребляется предложный безъ предлога, напр: *воображенъ хрестіянскихъ знаменіихъ* ⁽⁶⁾. Замѣчательно употребленіе именительнаго на *ы* какъ творительнаго въ

(1) Древнее сказаніе о побѣдѣ В. К. Димитрія Іоанновича Донскаго надъ Мамаемъ. М. 1899. стр. 43. 57. 33. 49.

(2) Тамъ-же, стр. 31.

(3) Тамъ-же, стр. 18. 53.

(4) Тамъ-же, стр. 46. 30.

(5) Тамъ-же, стр. 49, 50.

(6) Тамъ-же, стр. 44.

именахъ жевскаго рода, то, чего мы не встрѣчаемъ еще, кажется, въ этомъ столѣтіи; со *всѣми Русскими Князи и воеводы; подѣ южными окмы* (1). Это сказаніе не лишено поэтическихъ мѣстъ, имѣетъ какой-то общій, отличительный, важный характеръ и въ тоже время все проникнуто духомъ религіознымъ. Вообще надо замѣтить, что языкъ этого сочиненія, исполненный ошибокъ можетъ быть и самъ по себѣ, искаженъ очевидно переписчикомъ, такъ, что во многихъ случаяхъ нѣтъ грамматическаго смысла; впрочемъ, такого искаженія мы не находимъ въ другихъ памятникахъ, также дошедшихъ до насъ въ позднѣйшихъ спискахъ; это заставляетъ думать, что не все виновато переписчикъ, хотя иныя ошибки конечно описки. Сочиненіе это по ошибкамъ, по языку и по выраженіямъ принадлежитъ кажется несомнѣнно къ гораздо позднѣйшему времени. На словахъ: *Се же слышахомъ отъ вѣрнаго самовидца*, думаемъ, нельзя еще основывать мнѣнія о времени сочиненія этаго Сказанія. Странно при этомъ Слово о полку Игоревѣ, съ такою правильностію и единствомъ языка дошедшее до насъ въ списокъ XVI вѣка.

Въ XV вѣкѣ встрѣчаемъ мы тѣже памятники, т. е. по тѣмъ-же путямъ и въ такомъ-же родѣ, только несравненно многочисленнѣе. Взглянемъ на языкъ. Народная рѣчь продолжала переходить на бумагу въ грамотахъ, особенно договорныхъ; въ ней замѣчаемъ мы свое грамматическое движеніе, видимъ необходимый ходъ языка по путямъ его вслѣдствіе причинъ, въ немъ сокрытыхъ. Мы сказали прежде, что въ языкѣ нашемъ было самобытное сходство съ языкомъ церковно-Славянскимъ, условливаемое современностію, и именно тамъ языкъ отклонился отъ формъ церковно-Славянскихъ, увлекаясь своимъ движеніемъ, гдѣ формы эти принадлежали и ему; это было собственностью

(1) Тамъ-же, стр. 18. 38.

и потому измѣнялось легче, незамѣтнѣе, какъ свое. Русской языкъ отклонялся также болѣе и болѣе тамъ, гдѣ слишкомъ противорѣчили ему формы церковно-Славянскія. Такъ въ извѣстныхъ падежахъ въ именахъ женскаго рода извѣстнаго окончанія, окончаніе на **а** (я) вмѣсто **и**, становилось рѣже **и** рѣже и наконецъ почти уступило мѣсто **и**, исключая тѣхъ немногихъ случаевъ, гдѣ слово по характеру своему или принадлежало сферѣ религіозной или уже успѣло пріобрѣсти нѣкоторую официальность; но и здѣсь употребленіе колеблется и пишется разное; на пр: въ началѣ грамотъ пишется: *во имя святыхъ и живоначальныхъ Троица* ⁽¹⁾; но встрѣчается также и здѣсь нарушеніе этого употребленія; напр: *во имя святыхъ и живоначальныхъ Троицы* ⁽²⁾ и пр. Странную пестроту представляютъ грамоты наши при этомъ употребленіи; существительныя имена, будучи опредѣленны въ окончаніяхъ, менѣе представляютъ разницы и скорѣе уступаютъ окончанію **и**; но имена прилагательныя, т. е. полныя, измѣняющіяся въ двухъ послѣднихъ буквахъ, пишутся чрезвычайно различно, подчиняясь тѣмъ же условіямъ, которыя мы указали выше; хотя можно сказать, что и здѣсь вообще Русская форма болѣе и болѣе одолеваетъ. Приведемъ примѣры: *безъ всякия хитрости*, *безъ всякое хитрости*, *безъ всякіе хитрости* и пр.; *твоеѣ матери великиѣ Княгини*; *пречистыхъ его Богоматери* и *изъ меншии мои братьи* ⁽³⁾ и пр. Есть и правильное употребленіе; напр: *казны твоей*; *ино на томъ на виноватомъ не будетъ милости Божьей* ⁽⁴⁾ и пр. Все колеблется и все еще не можетъ установиться падежъ. Падежи имени-

(1) Собр. Госуд. грам. и догов. М. 1813 г. ч. 1, стр. 270.

(2) Тамъ же, стр. 202.

(3) Собр. Госуд. грам. и дог. Москва. 1813 г. ч. 1, стр. 99. 109. 115. 101. 124. 172.

(4) Собр. Госуд. грам. и дог. М. 1813 г. ч. 1, стр. 161. 139.

тельный и винительный продолжают смѣшиваться безпрестанно; видно здѣсь, также какъ и въ другихъ мѣстахъ, что слово, получившее официальность, уже готовое въ употребленіи, уже не новое, сохраняетъ окончаніе съ нимъ сроднившееся; но новое такое-же слово тутъ-же оканчивается иначе. Случается, что одво и то же слово, черезъ строку, разво употребляется; напр: *а што зберутъ наши данички; и тѣ суды судятъ наши намѣстники; а ꙗко то послуши; а намѣстницы мои Звенигородичи*; черезъ строку далѣе: *и Рускии мои намѣстники* (1). Мы должны сказать, что въ этомъ вѣкѣ, особенно въ концѣ вѣка, именительный падежъ становится сходенъ съ винительнымъ, въ чемъ собственно онъ и смѣшивается, но не наоборотъ; попадаетъ довольно рѣдко именительный падежъ, съ отличающеюся своею церковно-Славянскою формою. Вообще мало по малу уничтожаются тонкости церковно-Славянскаго склоненія; такъ напр: и въ предложномъ падежѣ и дательномъ въ извѣстныхъ случаяхъ вмѣсто *ѣ*; напр: *на моей Княгинѣ; раздѣлъ земель* (2) и пр. Совсѣмъ уже почти не встрѣчается родительный множественнаго на *и*; напр: *моихъ дѣтей; а Князей; людей* (3) и пр. Исключенія очень рѣдки; напр: *людей* (4) и нѣк. др. Вообще надо сказать, что буква *и* переходила въ *е*, и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ она и теперь не сохраняется; напр: *Василей; Дмитрей; въ великомъ Княженіи; Княженей* (5). Это, кажется, было особеннымъ свойствомъ Велико-Русскаго нарѣчія. Двойственное число, собственно существующее въ коренныхъ языкахъ, каковъ языкъ Славянскій, вообще существовало ко-

(1) Тамъ же, стр. 158. 197. 250.—Акты ист. Спб. 1841. ч. 1. стр. 24.

(2) Собр. Гос. гр. и дог. М. 1813. ч. 1, стр. 138, 143.

(3) Тамъ же, стр. 138. 150. 160.

(4) Акты ист. Спб. 1841. ч. 1, стр. 130.

(5) Собр. Госуд. грам. и догов. М. 1813. ч. 1, стр. 124. 144. 224. 311.

нечно и въ языкѣ Русскомъ; это было также его собственное сходство съ языкомъ церковно-Славянскимъ (см. выше); но опять условливаемое тѣмъ-же движеніемъ языка, оно исчезало мало по малу; именно числительныя: *два, оба*, сохраняли его; но рядомъ съ ними стоящее существительное уже было просто во множественномъ; это видѣли мы и выше; напр: *на обѣ стороны; въ дву тысячахъ рублехъ; дву бояриновъ* ⁽¹⁾; рѣдко встрѣчаются исключенія; напр: *съ городскимъ или съ волостнымъ челоукомъ* ⁽²⁾; но однако двойственное только еще уничтожалось, еще не было совершенно забыто въ языкѣ и это доказывается тѣмъ, что хотя двойственное окончаніе и не употреблялось при двойственномъ числѣ и при двойственныхъ числительныхъ, но за то не употреблялось уже вовсе въ другихъ случаяхъ,—какъ теперь въ именительномъ множественнаго числа мужескаго рода,—замѣняя множественное или дѣлаясь его особеннымъ видоизмѣненіемъ; это показывало, что хотя двойственное и переставало употребляться, но въ то же время чувствовалась его разность отъ множественнаго, его отличіе, и первое никогда не употреблялось, какъ послѣднее; напр: если можно было не сказать *два города*, а *два городы*, то за то никакъ окончаніе двойственное на *а* не говорилось при множественномъ числѣ и при множественныхъ числительныхъ; не говорилось *города* или *три города, рубл*, но *три городы, рубли*; явный опять признакъ, что двойственное существовало у насъ самобытно и въ то время еще не было забыто; но мало по малу исчезло вовсе употребленіе двойственнаго, народъ забылъ его наконецъ, и окончаніе его перешло во множественное число, гдѣ имѣетъ оно особенный характеръ, сообщая какую-то замкнутость и цѣлость множеству предметовъ, но составляя

(1) Собр. Госуд. грам. и догов. М. 1813. ч. 1. стр. 211. 251. 115.

(2) Акты, собр. Арх. Эксп., стр. 27.

уже видъ множественнаго, слѣдовательно не различаясь уже отъ него, потерявши эту разность, которую видимъ еще въ XV столѣтіи. Оно сохранилось слѣдовательно и теперь въ особенномъ смыслѣ, въ окончаніи множественнаго, придающаго особенный характеръ совокупности множественному числу, и въ словахъ, употребляемыхъ народомъ въ поговорку, и изъ темныхъ, дальнихъ временъ перешедшихъ неприкосновенно, по преданію, даже до временъ нашихъ; напр: *вочью*, или въ сложныхъ, напр: *двѣсть* (слова, которыя отъ слишкомъ большаго употребленія, такъ сказать, затвердились народомъ и не успѣли измѣниться), — и вообще въ словахъ, изъятыхъ почему нибудь отъ измѣненія. Все это служитъ доказательствомъ, что у насъ самобытно было двойственное число. Наконецъ самое теперешнее склоненіе множественнаго числительнаго: *два*, уже показываетъ нѣкогда его двойственное окончаніе, окончаніе множественнаго: *хъ* только присоединено къ родительному двойственнаго: *дву*, и составилъ: *двухъ*; творительный опять имѣетъ другой характеръ, именно двойственнаго падежа, который принимаетъ въ окончаніи: *двумя* (*двѣма*), а не *двуми*; это-же окончаніе на *мя* перенесено и на слова: *три*, *четыре*, по своему характеру отличающіяся отъ дальнѣйшихъ: *пять*, *шесть* и т. д. (существительныхъ единственнаго числа женскаго рода), и въ этомъ случаѣ близкія съ числительнымъ *два*; окончаніе на *мя* перенесено такимъ-же образомъ, какъ потомъ стали говорить: *три города* и т. д. Дательный, слишкомъ различаясь во множественномъ отъ двойственнаго окончаніемъ, не сохранилъ съ нимъ сходства въ числительномъ *два*, и былъ произведенъ отъ *дву*, падежа двойственнаго родительнаго (какъ и всѣ другіе падежи), принявъ окончаніе множественнаго: *мъ*: *двумъ*. Мы видели, въ какой мѣрѣ находилось двойственное число въ XV столѣтіи; скажемъ еще, что въ то время уже прибавлялось иногда множест-

венное: *хъ* даже и къ числу два, — *дву*, и писалось уже какъ и нынче: *двухъ* (впрочемъ примѣровъ не много). Въ тоже время встрѣчаются ошибки въ двойственномъ числѣ, показывающія, что оно забывалось мало по малу. Напр: *а о двухъ станьхъ*; *у обонхъ* (отъ обою) ⁽¹⁾.

Мы сказали, какъ измѣнялось и слабѣю различіе, вѣроятно чуждое, именительнаго и винительнаго падежей; мы видѣли, какъ уже совсѣмъ исчезли другія тонкія особенности церковно-Славянскаго склоненія; но надо сказать, что долго и упорно еще держались въ этомъ отношеніи другіе падежи, именно: въ именахъ мужескаго рода, также въ именахъ женскаго на *ь*, дательный на *омъ* или *емъ*, предложный на *ьхъ*, или *охъ*; также творительный на *ы*, въ именахъ только мужескаго и средняго рода; также долго сохранялось измѣненіе согласныхъ въ падежахъ дательномъ и предложномъ обонхъ чиселъ. Исключеній есть достаточно; напр: въ подлинной жалованной Новгородской грамотѣ Соловецкому монастырю встрѣчается очень часто употребленіе дательнаго на *амъ*, творительнаго на *ами* и предложнаго на *ахъ*: *посадникамъ*, *боярамъ*; *ловищами*; *въ тыхъ островахъ* ⁽²⁾. Встрѣчаются въ другихъ памятникахъ такія-же исключенія: *боярамъ*, *ловищами*, *дѣтямъ*, ⁽³⁾. Еще встрѣчается правильное употребленіе по церковно-Славянски: на *ихъ приказницъ*; *о празницъхъ*; *по дензъ*; *по рецъ*; *по Оцъ*; *о листъ* ⁽⁴⁾. Эти слова, особенно послѣднія, получившія оффиціальное значеніе, долго постоянно такъ употреблялись, по крайней мѣрѣ до конца XV вѣка. Есть исключенія противъ этого употребленія; напр: *на его прикащикъ*; *по денгъ*; *на его прикащикъхъ*; *о лихъ*; *сно-*

(1) Собр. Гос. грам. и догов. М. 1813. ч. 1, стр. 207. 29.

(2) Акты, соб. Арх. Эксп., т. 1. стр. 47.

(3) Собр. Гос. грам. и догов. М. 1813. ч. 1, стр. 238. — Акты исг., ч. 1, стр. 26.

(4) Акты, собр. Арх. Эксп., т. 1, стр. 46. 52. 100. Собр. Гос. гр. и дог. М. 1813. ч. 1, стр. 143. 234.

хъ своей; по *Окль рѣкъ* (¹). Эти исключенія даютъ намъ основаніе полагать, что встрѣчаясь противъ употребленія господствующей письменности, они могли имѣть опору только въ народѣ въ его живой рѣчи, въ иныхъ случаяхъ сильнѣе, въ иныхъ слабѣе обнаруживавшейся сквозь церковно-Славянскій языкъ. Мы не можемъ считать ошибками эти исключенія, совершенно согласныя съ настоящимъ употребленіемъ; намъ могутъ сказать, что здѣсь могли быть древнія первыя опредѣленія языка, которыя преобразовались мало по малу. Мы сами признали въ немъ самобытно сходный съ церковно-Славянскимъ древній характеръ его во многихъ случаяхъ, который исчезалъ въ немъ понемногу; но измѣненіе собственныхъ его окончаній и отгнѣковъ имѣетъ другой ходъ, другой характеръ; мы можемъ показать, какъ, или уничтожалось то, что необходимо должно было существовать въ языкъ во время его древности, или развивалось то, что не могло еще прежде развиться; въ этихъ-же случаяхъ, не смотря на силу употребленія, мы видимъ только внѣшнее опредѣленіе, данное нашему языку церковно-Славянскимъ, отъ котораго съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ елился онъ освободиться, особенно на поприщѣ, принадлежащемъ народу, въ его грамотахъ. Такія внѣшнія опредѣленія видимъ мы въ приведенныхъ нами падежахъ, которыхъ не измѣненіемъ, но замѣною являются другія окончанія, вдругъ, нечаянно, чтобы снова потомъ, уступая обычаю, почти обратившемуся въ привычку, особенно у людей, знакомыхъ съ религіозною сферою, дать мѣсто окончаніямъ церковно-Славянскаго языка. Подкрѣпимъ примѣрами слова наши. Мы сказали уже, что совершенно намъ чуждыя прошедшія времена глаголовъ церковно-Славянскаго языка, не встрѣчались

(¹) Акты, собр. Арх. Эксп., т. 1, стр. 85. 92. 94.—Собр. Гос. грам. и дог. М. 1813. т. 1., стр. 249. 294. 301. 322.

въ самомъ началѣ нашей народной письменности; и именно въ Новгородскихъ грамотахъ видѣли мы, при полномъ отсутствіи этихъ временъ, силу народной рѣчи; но здѣсь (въ XV столѣтіи, въ Новгородскихъ и другихъ грамотахъ) встрѣчаемъ мы ихъ употребленіе, въ которое опять вкрадываются ошибки, служащія доказательствомъ ихъ несвойственности нашему языку; напр: *се приѣхаша; се пожаловаша посадникъ...* и *все старые посадники* (¹) и пр. Замѣчательно, что именно въ XV столѣтіи и особенно въ Новгородскихъ грамотахъ встрѣчаются окончанія церковно-Славянскія прошедшаго времени, какъ: *се дахомъ; сложиша; отпустиша; заплатиша* (²). Но освобождаясь отъ церковно-Славянскаго языка и подвигаясь въ тоже время впередъ, языкъ нашъ уничтожалъ въ себѣ много древнихъ своихъ оборотовъ и отгѣнковъ (такъ напр. двойственное число). Что касается до употребленія такъ называемаго вспомогательнаго *есмь*, мы говорили уже, что это собственность нашего языка и опредѣлили выше смыслъ этого употребленія; здѣсь при множествѣ памятниковъ, можемъ мы яснѣе видѣть, когда и какъ онъ употреблялся, и это еще болѣе подтверждаетъ сказанное нами выше. Мы говорили, что это не вспомогательный глаголь, но что при употребленіи съ прилагательнымъ отглагольнымъ, не имѣющимъ лица или лучше имѣющимъ, какъ всякой предметъ, третье лице (*онъ*), употреблялся этотъ глаголь, какъ опредѣляющій личность, къ которой относилось наше отглагольное прилагательное, единственно замѣняющее намъ прошедшее время глагола. Употребленіе *есмь* во временахъ глагола равняется употребленію его при прилагательныхъ (*есмь въренъ, еси въренъ*); въ третьемъ лицѣ встрѣчается онъ рѣже и рѣже, даже въ памятникахъ достаточно правиль-

(¹) Собр. Гос. гр. и дог. ч. 1, стр. 26. Акты, собр. Арх. Эксп., т. 1. 1836 г. стр. 32.

(²) Акты, собр. Арх. Эксп., 1836 г. т. 1. стр. 24. 41. 45.

ныхъ церковно-Славянскаго языка, что опредѣлили мы еще яснѣе выше; наше заключеніе подтверждается еще болѣе употребленіемъ *есмы*, встречаемаго нами въ грамотахъ. *Есмы* и *еси*, *есмы* и *есте*, не употребляется тогда, когда при предложеніи стоитъ я или ты, мы или вы, не употребляется, какъ ненужный глаголъ; какъ-же скоро при предложеніи, хотя-бы рядомъ идущемъ, оно отсутствуетъ, тогда сейчасъ является глаголъ этотъ, указывающій, къ какому лицу должно относиться прошедшее время или отглагольное прошедшее прилагательное, иногда даже просто прилагательное, это дѣлается съ правильностію, подтверждающею наше заключеніе; примѣровъ много, — приведемъ ихъ. *А писати ми ся съ нимъ въ дѣкончанную грамоту, что есми съ тобою одинъ человекъ. А что есмы взялъ Царевъ ярлыкъ. А которыхъ суды судилъ азъ. Чѣмъ, брате, азъ тебя пожаловалъ далъ ти есми. Или что еси собѣ примыслилъ, или что собѣ примыслишь или что ты Князь, Великъ взялъ* ⁽¹⁾. Считаеиъ эти примѣры достаточными. Въ XV вѣкѣ встречаеиъ мы въ именахъ женскаго рода тотъ-же падежъ именительный, употребляеиъиъ какъ винительный, не только въ существительныхъ, но и въ прилагательныхъ; здѣсь могло-бы возникнуть мнѣніе, что этотъ оборотъ получилъ офиціальность въ выраженіяхъ юридическихъ актовъ и потому уже такъ сохраняется; такъ напр: въ оборотахъ: *исправа дати, порука свести, орда знати, знаютъ своя служба* и т. д.; но тотъ-же падежъ находимъ мы въ словахъ, встречающихся нечаянно или рѣдко въ грамотахъ; напр: *знать тебѣ своя черна куна; взяти отъ поля гривна; имати тамга; вѣдать та вотчина* ⁽²⁾. Но что касается до падежа винительнаго мужскаго рода, то мы должны ска-

(1) Собр. Гос. грам. и догов. ч. 1. Москва. 1833. стр. 96, 100, 101, 108, 110.

(2) Акты, собр. Арх. Эксп. 1836 г. т. 1. стр. 63. 100. Акты историч. 1841 г. т. 1. стр. 130.

зять, что рѣже встрѣчается въ немъ форма именительная; падежъ родительный за невозможностію внутреннею формы винительнаго падежа, замѣняетъ его; мы говорили о значеніи винительнаго падежа и о естественной замѣнѣ его родительнымъ при именахъ мужескаго рода; здѣсь считаемъ нужнымъ сказать объ этомъ подробнѣе. — Родительный падежъ указываетъ всегда на источникъ, на начало, откуда происходитъ вещь; онъ естественно замѣняетъ винительный падежъ въ именахъ мужескаго рода, гдѣ винительный съ своею формою существовать не могъ, гдѣ ѣ не могъ склониться. Мало по малу этотъ родительный падежъ, при развитіи языка и вмѣстѣ съ тѣмъ при отсутствіи особенной винительной формы, совершенно удержался, вмѣсто винительнаго, въ именахъ одушевленныхъ, а древній винительный, или именительный въ винительномъ, остался въ именахъ неодушевленныхъ. Это употребленіе, образовавшееся со временемъ, образовалось не безъ причины; имена мужескаго рода, слишкомъ субъективны по характеру своему, не могли прямо склониться, объективироваться, и потому приняли косвенное склоненіе, падежъ выражающій косвенное отношеніе; такъ мы говоримъ: *я послалъ мужа*; это имѣетъ другой характеръ, не то что: *я послалъ мужъ*, гдѣ нѣтъ-таки падежа винительнаго, но гдѣ по крайней мѣрѣ дѣйствіе устремлено прямо на предметъ; но когда вы говорите: *я послалъ мужа*, то вы какъ будто посылаете не именно своего мужа, или лучше: какъ будто для васъ существуетъ этотъ мужъ (или что-бы то ни было) какъ что-то общее, и вы говорите объ этомъ такъ, или въ такомъ-же родѣ, какъ сказали-бы: *дай мнѣ воды* и т. д. Употребленіе оставило за именами одушевленными, въ которыхъ разумѣется само значеніе еще рѣже выдаетъ характеръ этихъ именъ мужескаго рода, падежъ родительный вмѣсто винительнаго падежа, который не образовался и не могъ образоваться при развитіи и ходѣ языка; этотъ ро-

дительный постоянно теперь употребляется. Имена-же неодушевленные имѣютъ свой винительный, который есть ни что иное, какъ именительный; значеніе ихъ позволило имъ не выходить, при развитіи языка, изъ предѣловъ этого сходства именительнаго съ винительнымъ; и какъ родительный падежъ сдѣлался винительнымъ именъ одушевленныхъ мужескаго рода, такъ въ именахъ неодушевленныхъ напротивъ осталось сходство именительнаго съ винительнымъ. Сходство это теперь съ теченіемъ времени получило кажется характеръ того сходства именительнаго съ винительнымъ, какое находится въ именахъ средняго рода. Сверхъ того, родительный падежъ является самобытно и тамъ, гдѣ существуетъ падежъ винительный; онъ составляетъ особенный отбѣнокъ предмета дѣйствія, особенное косвенное отношеніе, ихъ соединяющее; слѣдовательно онъ и никогда не составляетъ собственно замѣну, но конечно выказывается тамъ преимущественно, гдѣ можетъ существовать, по созерцанію грамматическому, только косвенное отношеніе и гдѣ прямое трудно; — тамъ, при невнимательномъ употребленіи, гдѣ только этотъ одинъ родительный падежъ и встрѣчаете вы на мѣстѣ винительнаго, какъ въ склоненіяхъ именъ мужескаго рода, — тамъ употребляете вы его просто какъ замѣну винительнаго; и не видать его отбѣнка собственно какъ родительнаго падежа. Но тамъ, гдѣ существуетъ и падежъ винительный, тамъ употребленіе родительнаго на его мѣстѣ не терять своего характера и отсюда можетъ быть много уясняется, почему въ мужескомъ родѣ въ винительномъ и нѣтъ другаго падежа, кромѣ родительнаго. Это видимъ мы въ именахъ напр. женскаго рода единственнаго числа. Здѣсь ясно, что родительный не означаетъ самого опредѣленнаго предмета, но предметъ какъ общее, въ его сущности, идеаль предмета, такъ сказать. Самый обыкновенный примѣръ можетъ намъ показать это: дай воду, дай воды; или въ сред-

немъ, гдѣ винительный и именительный все равно: *дай ведро*, *дай ведра*; или также въ именахъ одушевленныхъ муж. р. гдѣ опять винительн. и имен.—одно. Съ одной стороны видите вы предметъ опредѣленный, съ другой предметъ, какъ общее, отвлеченное, такъ что дѣйствіе касается здѣсь не прямо извѣстнаго предмета и не прямо общаго, но какого-бы то ни было осуществленія этого общаго; это называютъ *genitivus partitivus*; но такого рода опредѣленіе слишкомъ сжато и не точно и не можетъ быть примѣнено всюду. Такъ напр. оборотъ встречающійся еще въ Русской Правдѣ: *чинить мостовъ*, а не *мосты*; здѣсь нѣтъ отношенія части къ целому, здѣсь разумѣется: чинить всѣ мосты безъ исключенія; но здѣсь родительный показываетъ, что дѣйствіе устремлено не на извѣстные мосты, но на мосты вообще, на мостовую починку; здѣсь мосты взяты въ общемъ отвлеченномъ смыслѣ, относительно къ которому всѣ мосты, какіе-бы ни встрѣтились, должны быть чинены — всѣ они осуществленіе этого общаго.— Надо замѣтить, что употребленіе родительнаго въ случаѣ нами показанномъ и вмѣстѣ различіе его съ винительнымъ встрѣчается и въ Остромировомъ Евангеліи.— Вотъ еще примѣръ изъ XV столѣтія: *сѣя грамоты слушалъ*; здѣсь не сказано *сво грамоту*, и тонкое едва замѣтное различіе выражается въ оборотѣ; дѣло въ томъ, извѣстна-ли была Государю эта грамота, т. е. не сама она, но существованіе ея и вмѣстѣ смыслъ, который она въ своемъ существованіи заключаетъ и, *сѣя грамоты* указываетъ, намъ кажется, на содержаніе и сущность грамоты, но не именно на самую грамоту. И такъ это тонкое различіе и тонкой смыслъ родительнаго падежа, употребляемаго какъ винительный, былъ у насъ всегда; это значеніе родительнаго служитъ объясненіемъ, почему наконецъ всѣ имена мужескаго рода одушевленные, при которыхъ не могъ развиваться необходимый для нихъ па-

дежъ винительный (формою именительнаго въ винительномъ, не могли они довольствоваться, какъ имена среднія одушевленные и неодушевленные) приняли, мало по малу, рѣшительно родительный падежъ, также и во множественномъ числѣ, гдѣ тоже не развился и не могъ развиваться падежъ винительный;—а неодушевленные отнесли къ категоріи именъ среднихъ. Такая нравственная причина различія достаточно, кажется, доказываетъ, что въ вѣ им. м. р. это не падежъ винительный, и подтверждаетъ слова наши, что это падежъ родительный, замѣняющій сдѣсь, какъ и слѣдуетъ, винительный. Смыслъ этого падежа, какъ родительнаго въ случаѣ винительнаго, не потерянь для насъ и теперь, владѣющихъ возможностью употреблять его, и при падежѣ винительномъ съ собственною формою, или при падежѣ именительномъ, употребляющемся какъ винительный. Онъ еще менѣе былъ потерянь для нашихъ предковъ, какъ показываютъ многіе примѣры, и то самое, что еще родительный падежъ не исключительно занялъ мѣсто винительнаго въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ теперь занимаетъ. Въ XV столѣтіи мы уже видимъ, какъ родительный, при неудовлетворительности въ именахъ мужескаго рода (одушевленныхъ) простаго сходства винительнаго съ именительнымъ (сходства нѣкогда первоначальнаго для всѣхъ именъ), болѣе и болѣе является въ случаяхъ винительнаго. Напр: сына Богъ дастъ; послати своего данищика; хрестьянъ ихъ судити; въдаетъ игуменъ своихъ людей; посылаютъ своихъ старцевъ ⁽¹⁾ и пр. и пр. Впрочемъ говорится иногда и именительная форма; напр: судитъ тѣ свои люди; а въдаетъ и судитъ свои люди ⁽²⁾. — Мы видимъ еще употребленіе родительнаго въ случаяхъ

(1) Собр. Гос. гр. и дог. 1813 г. т. 1, стр. 147, 161. Акты ист. 1841 г. т. 1, стр. 106. Акты, собр. Арх. Эксп. 1836 г. т. 1, стр. 70.

(2) Акты ист. 1841 г. т. 1, стр. 98. Акты, собр. Арх. Эксп. 1836 г. т. 1, стр. 35.

винительнаго тамъ, гдѣ и теперь признаемъ его какъ правило, именно въ отрицательныхъ предложеніяхъ; употребленіе, согласное съ духомъ родительнаго въ этомъ случаѣ, употребленіе вполне и глубоко логическое. Въ отрицательномъ предложеніи напримѣръ: *я не видалъ жены*, отрицается самое дѣйствіе (*видѣть*); если-же отрицается самое дѣйствіе, то естественно, что предметъ, о которомъ идетъ рѣчь, не могъ испытать этого дѣйствія и не можетъ стать слѣдовательно простымъ предметомъ дѣйствія, падежемъ винительнымъ; онъ связанъ отвлеченно съ нимъ, съ отрицательнымъ дѣйствіемъ. Въ такомъ случаѣ предметъ является общимъ отвлеченнымъ, существуетъ только въ мысли, въ воображеніи, какъ скоро потеряна живость и конкретность явленія: сама отрицательная фраза уничтожаетъ ее, и, становя общимъ образъ предмета, какъ-бы даже ни былъ онъ опредѣленъ, показываетъ, что это общее, эта сущность, всегда существующая, не нашла себѣ проявленія, не конкретировалась. И такъ здѣсь является необходимо то отношеніе неопредѣленнаго (въ этомъ случаѣ неопредѣленнаго, потому что не конкретировавшагося) общаго предмета къ дѣйствию, которое само будучи отречено, ставитъ въ такомъ свѣтѣ и предметъ, не уничтожая того косвеннаго отношенія, которое выражается падежемъ родительнымъ. Надо сказать, что это такъ глубоко лежитъ въ разумной природѣ Русскаго языка (синтаксиса), что употребляется всегда, постоянно, правильно, за очень—очень немногими, двумя-тремя исключеніями. И такъ значеніе и употребленіе родительнаго падежа,—при формѣ или безъ формы винительнаго въ склоненіи, словомъ сказать вездѣ въ случаяхъ винительнаго, встречаемое нами съ самыхъ древнихъ временъ,—у насъ не случайно, но очень важно и имѣетъ глубокое основаніе. — Что касается до склоненія мѣстоименій личныхъ, то скажемъ опять, что мы, всѣ измѣненія ихъ считаемъ находящимися въ Русскомъ языкѣ

(и даже досель сохранившимися); такъ краткія, въ скорой рѣчи ставящіяся *ти, ми*, также соответствующія имъ *ны, вы*, въ дательномъ падежѣ, служили естественными отгѣнками рѣчи; до сихъ поръ всего болѣе въ употребленіи, особенно въ народномъ языкѣ, *ти*, перешедшее у насъ въ *тъ*, по преимуществу въ нашемъ Велико-Русскомъ языкѣ буквы *ль*, иногда доходящему до крайности въ нашихъ народныхъ памятникахъ, чему мы привели уже примѣры выше. *Мя, тѣя*, падежъ винительный, также принадлежалъ намъ (не есть-ли это только видъ родительнаго?), и послѣднее: *тѣя*, также употребляется нынѣ, особенно у народа, хотя съ сомнительнымъ произношеніемъ послѣдней буквы. Родительный, что допускаетъ и Добровскій ⁽¹⁾, и здѣсь часто употребляется въ случаяхъ винительнаго; но часто окончанія церковно-Славянскія замѣняются окончаніями: *меня, тебя* и даже *тобя*, также и въ возвратномъ *себя, собя*, что бываетъ и въ другихъ падежахъ этихъ мѣстоименій. Впрочемъ здѣсь кажется нѣтъ того различія между *тѣя* или *тебя* и пр., какое между родительнымъ и винительнымъ; первое относится ко второму, какъ *ти* къ *тебѣ (тобѣ)*, т. е. употреблялось тамъ, гдѣ не на немъ собственно останавливается смыслъ фразы; напр: *целуй ко мнѣ крестъ; а держати ми тебя; быти ти брате со мною; то и тебѣ недругъ; а что мя еси.... пожаловалъ; имѣти ти меня себѣ братомъ; что тѣя есмь брате пожаловалъ; а гдѣ ми брате будетъ тобѣ послати* ⁽²⁾.— Между памятниками XV столѣтія встрѣчается иногда нѣсколько разъ полногласное прилагательное окончаніе, какъ-бы въ доказательство, что въ устахъ народа оно жило и тогда, и прорвавшись на бумагу, дало знать о своемъ су-

(1) Грамматика языка церковно-Славянскаго.

(2) Собр. Госуд. грам. и догов. Москва. 1813 года, томъ 1, стр. 99, 100, 107, 134, 142, 153, 158.

пеществованіи; оно перешло и къ намъ въ пѣсняхъ, и теперь въ употребленіи у народа; напр: *молодишимъ; Московскими; волнымъ; въ которыхъ* ⁽¹⁾ и пр. Особенность стариннаго окончанія: *ти* въ неопредѣленномъ наклоненіи, употребляемая и донынѣ во многихъ случаяхъ, встрѣчается уже не такъ повсемѣстно какъ прежде, и вмѣсто него становится: *тъ*; вообще два вида этого окончанія условливаются теченіемъ рѣчи, въ которой употребляются они. Большею частію встрѣчается окончаніе на *ти*, особенно постоянно въ договорныхъ грамотахъ, которыя пишутся почти одинакимъ образомъ. Впрочемъ есть исключенія; напр: *призовутъ жить людей; ни череновъ не наряжати, ни льсовъ не польсовать никому же; мои пьздоки имутъ ставитъся; и ты тое пошлѣны имать не вели* ⁽²⁾. *Ся*, въ сложныхъ, встрѣчаемъ мы иногда отдѣльно употребляющееся, иногда въ соединеніи съ глаголомъ; послѣднее встрѣчается чаще, нежели прежде. Эта разница также зависитъ отъ теченія рѣчи и разумѣется отъ движенія языка во времени. Чаше пишется *ся* вмѣстѣ съ глаголомъ и, какъ во многихъ другихъ случаяхъ, пишется отдѣльно болѣе тамъ, гдѣ выраженіе становится официальнымъ. Вотъ примѣры такого различнаго употребленія: *а оже ся сопрутъ; отступилъ ти ся есмь; и ты мой брате тое мое отчины отступилъ; а въ то ся тебѣ честному Королю не вступати; а кто ся ослушаетъ сіе мое грамоты; не вступаются; а случитца судъ; архимандритъ въ ихъ челоука не вступаетъ; архимандритъ ся не вступаетъ* ⁽³⁾.— Вотъ тѣ случаи, въ которыхъ проявляется движеніе нашего языка, его жизнь,— съ одной стороны борясь

(1) Собр. Госуд. гр. и дог. 1813. т. 1. стр. 124, 125, 126, 128.

(2) Акты, собр. Арх. Эксп., т. 1, стр. 45, 47, 76. Акты вст. стр. 144.

(3) Собр. Гос. гр. и дог. т. 1, стр. 28, 178, 222. Акты, собр. Арх. Эксп., т. 1, стр. 63, 85, 94. Акты вст. стр. 157, 158.

и побуждая вліяніе церковно-Славянскаго языка, съ другой двигаясь впередъ самобытно въ самомъ языкѣ. Мы привели выше тому примѣры. И такъ мы видимъ, какъ съ одной стороны языкъ освобождается отъ формъ церковно-Славянскаго языка, съ другой въ тоже время, при своемъ движеніи впередъ, оставляетъ и свои формы, самобытно сходныя съ формами церковно-Славянскаго языка. Это самое дало нѣкоторымъ возможность думать, что нашъ языкъ въ древности былъ церковно-Славянскій, потому что въ нынѣшнемъ Русскомъ языкѣ не находятъ они тѣхъ формъ, которыя есть въ языкѣ церковно-Славянскомъ, и видя ихъ существованіе въ послѣднемъ, и въ тоже время находя ихъ и въ древнихъ Русскихъ памятникахъ, относить всѣ эти особенности къ церковно-Славянскому языку, смѣшивая то, что принадлежитъ самобытно Русскому языку, и то, что внѣшнимъ образомъ вошло въ него; потому что Русской языкъ оставляя формы церковно-Славянскаго, оставлялъ въ тоже время и сходныя съ ними свои собственныя древнія формы, которыя, будучи сохранены въ церковно-Славянскомъ вмѣстѣ съ чисто церковно-Славянскими формами языка, кажутся для многихъ принадлежащими именно церковно-Славянскому языку. И такъ пестроту и ошибки, нетвердость въ употребленіи буквъ и окончаній до такой степени, что одно и тоже слово сряду пишется разное, видимъ мы и въ XV столѣтіи. Живая рѣчь — разговоръ, и духовная письменность — преимущественно священныя книги, составляютъ двѣ крайнія стороны нашего слова; на каждой свободно раздается оно, вполне оригинально опредѣленное; но какъ опредѣленіе самого народа, его національная жизнь и вмѣстѣ значеніе общаго, встрѣчаются между собою, хотя оставаясь каждое въ своихъ предѣлахъ, — такъ и языки, служащіе тому и другому, языкъ церковно-Славянскій и Русской національный, встрѣчаются между собою и невольно производятъ взаимное вліяніе. Эта

борьба собственно происходит тамъ, въ отношеніи къ языку, гдѣ встрѣчаются невольно два языка, тамъ, гдѣ живая произносимая рѣчь переходитъ на бумагу, въ письменность, отъ начала собственное достояніе языка церковно-Славянскаго, гдѣ слѣдовательно перестаетъ уже она быть живою, звучащею рѣчью; и это представляютъ намъ памятники народной письменности. Но не только здѣсь, еще далѣе въ собственныхъ сферахъ этихъ двухъ слоговъ отдается ихъ взаимное вліяніе; въ самой живой народной рѣчи сохранились до нашихъ временъ церковно-Славянизмы, вошедшіе туда, какъ поговорка, какъ набожное восклицаніе; напр: *подъломъ! Боже! Царю мой небесный!* (хотя все опредѣлительно нельзя сказать, чтобы звательный падежъ, съ формою какъ *Боже*, не былъ и въ Русскомъ языкѣ). *Темна вода во облацѣхъ воздушныхъ* и пр. Съ другой стороны, въ самомъ церковно-Славянскомъ языкѣ, не принимавшемъ вліянія, не развивавшемся, но оставшемся какъ онъ былъ, вслѣдствіе вѣчнаго содержанія, — въ самыхъ священныхъ книгахъ, при перепискѣ, постепенно исчезали формы несродныя съ Русскимъ языкомъ, что впрочемъ ни сколько не измѣняло его самобытнаго характера и независимости. Въ памятникахъ-же народной рѣчи, какъ сказали мы, видимъ мы особенно борьбу этихъ двухъ языковъ, которая не могла быть равна, ибо не равны были борющіяся стороны, и состояла въ освобожденіи живаго языка отъ налагаемыхъ на него формъ языка, отвлеченнаго отъ живаго движенія и развитія; эту борьбу старались мы показать въ слогѣ нашихъ народныхъ памятниковъ, пестряющихъ разностью употребленія. Такъ колебался церковно-Славянскій языкъ, потрясаемый живою рѣчью, еще незнакомою съ бумагою и не завладевшюю ею вполне; и множество ошибокъ, различій въ употребленіи, неровностей, разнообразный безпорядокъ являются намъ въ слогѣ XV столѣтія; но этотъ хаосъ грамматическій не без-

смысленно предстаётъ предъ нами; онъ условливается внутренними причинами, положеніями, значеніемъ необходимыхъ для Россіи языковъ, и отъ великой, глубокой, свѣтлой идеи ведетъ свое начало. Все, что мы видимъ передъ собою, въ самыхъ мелкихъ, крайнихъ точкахъ языка, все это броженіе, вся пестрота, являющаяся повидимому въ простыхъ мелочахъ, въ самыхъ пустыхъ бездѣлицахъ, все это имѣетъ смыслъ. Такъ бываетъ въ развитіи, но не всегда такъ смотрять на неважныя и мелкія движенія предмета, считая ихъ пустыми и скучными, и не видятъ въ нихъ движенія той-же великой мысли, которая поражаетъ сама собою. Но между тѣмъ это ея движенія, и только тутъ, при поворотѣ песчинокъ, видимъ, какъ все проникаетъ электрическая ея сила; только тутъ видимъ мы ее вполнѣ, и тогда великимъ становится созерцаніе песчинокъ и даетъ великое наслажденіе; не скучны, не пусты становятся мелкія ихъ движенія, но получаютъ живой, великій, серьезный интересъ, и радуютъ созерцающій умъ, проникнутыя той-же великою идеею и служащія той-же великой идѣ.

Мы разсматриваемъ здѣсь, какъ это видно, языкъ въ грамматическомъ отношеніи, которое выражало, сколько надо было, состояніе нашего языка, отражало въ себѣ вліяніе имъ испытываемое, однимъ словомъ все, что заключалось въ современной судьбѣ его. Что касается до другаго отношенія, до субъективнаго духа языка, до его синтаксиса, то здѣсь рѣзко и просто раздѣляются національный и церковно-Славянскій языки. Намъ рѣзаясь здѣсь дать подробный отчетъ о синтаксисѣ, мы должны припомнить, что мы сказали выше. Живая рѣчь, обитая въ области произношенія, въ области разговора и случайности, не могла разумѣется развить въ себѣ синтаксиса, его настоящихъ силъ, развивающихся только на бумагѣ, въ письменности; фразы говорились, и такъ слово, какъ сло-

во, не было предоставлено самому себѣ и не развивало предѣ мыслію, уединенно присутствующею, всѣ свои тайные обороты, все богатство свое, чтобы достойно воплотить ее. Въ разговорѣ, голосъ, движенія, все помогало слову, и само оно, являясь зависимымъ слугою, живою рѣчью известнаго лица, покорялось его движеніямъ; фразы перебывались, не доскачивались, повторялись; однимъ словомъ, съ синтаксической стороны своей, слогъ въ живой рѣчи преданъ былъ въ жертву случайности и былъ въ зависимости отъ множества постороннихъ обстоятельствъ. Эту живую рѣчь видимъ мы въ народныхъ памятникахъ, въ договорахъ, жалованныхъ и прочихъ грамотахъ; эта рѣчь, касаясь бумаги, конечно оставалась, такъ сказать, и невольно устроивалась; она не переносила туда того, чего не могла перенести, ни движеній, ни голоса; все это оставалось за предѣлами письменности, какъ и всѣ мелкія отбѣжки; но синтаксическій ея характеръ сохранялся сколько могъ, и она становилась неловка на бумагѣ, нося на себѣ явные признаки рѣчи произнесенной, но неимѣющей уже сопровождающихъ ее вѣшнихъ обстоятельствъ и лишенной слѣдовательно своей живости. Въ національныхъ памятникахъ видимъ мы именно, какъ фраза перебываетъ одна другую, нарушая ея синтаксическое теченіе, какъ повторяется она часто, какъ фразы соединяются союзами предложеній, или свинчиваются, какъ выразились мы выше; видно часто, что въ періодѣ всѣ фразы выставляются, такъ сказать, рядомъ, потомъ уже дѣлается заключеніе; ибо нѣтъ еще синтаксической силы, которая-бы могла связать всѣ предложенія въ одно цѣлое; вся рѣчь является раздѣленною по своимъ предложеніямъ. Напр: *А ордынцы и делюи, а тѣ знаютъ своя служба по старинѣ, а земель ихъ не купити; А городная осада гдѣ кто живетъ тому тутю и състи въ осаду опроче путныхъ бояръ; А которые господине слуги потягли къ дворяско-*

му и черные люди къ соцькому при твоємъ отцы Великомъ Князи и мнѣ тѣхъ не примати также господине и тобѣ тѣхъ не примати; А Князя Данила въ своей винѣ искати Великому Князю собѣ, а животы и селя и състатки Князи Даниловы всѣ, а то Великому Князю; Приѣдетъ мой даныщикъ или поимщикъ на Бѣлоозеро, въ мою вотчину, и изуменъ моему даныщику дани не даетъ, ни описыватися не даетъ, а то изумену безпено; На которую грамоту грамоту свою дамъ, а на сию грамоту грамоты моеи нынѣ; А приѣдетъ мой приставъ Великіе Княгини по тѣ люди по монастырскіе, ино имъ срокъ одинъ въ году, двѣ недѣли по крещеньи (1). Не видать еще въ рѣчи того господина-періода, который единовластно управлялъ-бы всѣми частями, покорный одной чистой мысли, нѣтъ того синтаксиса, который тогда весь предоставленъ былъ другому языку, языку церковно-Славянскому, языку въ свою очередь только книжному, въ которомъ отвлеченно долженъ былъ храниться и пребывать синтаксисъ. Но не смотря на то, мы можемъ уже видѣть тѣ элементы синтаксиса, изъ которыхъ долженъ нѣкогда онъ создаться и развиваться вполне въ языкѣ; живая рѣчь не чужда слогу письменному: и тамъ и здѣсь одинъ и тотъ-же языкъ; но въ последнемъ случаѣ является онъ очищеннымъ, свободнымъ вполне отъ случайности, во всей силѣ и красотѣ своего выраженія. И такъ во столько, во сколько является синтаксисъ въ живой рѣчи и потомъ въ той-же рѣчи перенесенной на бумагу, во столько можемъ мы видѣть, уже и здѣсь, его начала и элементы. Следовательно въ народныхъ памятникахъ мы ихъ уже видимъ; мы видимъ уже свободу синтаксиса и тамъ; видимъ въ конструкціи фразы не только простое сцѣпленіе словъ на

(1) Собр. Гос. гр. и дог. ч. 1, стр. 91, 95, 200, 250. — Акты, собр. Арх. Эксп., т. 1, стр. 23, 31.

основаніи ближайшаго отношенія ихъ между собою; напротивъ, часто бываютъ они расположены вслѣдствіе мысли, современно объемлющей всѣ части фразы, которая потому получаетъ нѣкоторую замкнутость; напр: *А пошлю своихъ Воеводъ, и тобъ съ ними послати своихъ Воеводъ. А вотчины ти нашей Москвы и Коломны, и всѣхъ волостей Московскихъ и Коломенскихъ, что потягло къ Москвѣ и хъ Коломнѣ по реку по Оку, и всего моего Княженія Великаго подъ нами не обидѣти, не вступатися ни которою хитростію. Также ти, брате, въ нашу отчину въ Великій Новгородъ и во вся Новгородская мѣста не въступатися, и блюсти и не обидѣти, ни подыскивати всего нашего Великаго Княженія подо мною подъ Великимъ Княземъ, и подъ моимъ сыномъ подъ Великимъ Княземъ, и подъ меньшими моими дѣтьми никоторою хитростію* (¹). И въ живой рѣчи встрѣчаемъ мы такіе обороты, которые казалось-бы удобнѣе написались на бумагѣ; напр: мы видимъ часто глаголѣ на концѣ, замыкающій все предложеніе: *А чѣмъ тл, Господине, благословилъ отецъ твой Князь Велики Василей Васильевичъ своего отчиною Великимъ Княженіемъ въ Москвѣ и Коломною съ волостями, и всѣмъ Великимъ Княженіемъ; и что еси собѣ промыслилъ, или что собѣ промыслите: и мнѣ того всего подъ тобою подъ Великимъ Княземъ, и подъ твоимъ сыномъ подъ Великимъ Княземъ, и подъ меньшими твоими дѣтьми блюсти и не обидѣти, не въступатися. — И Господинъ бы Князь Велики пожаловалъ тѣхъ земель монастырскихъ Спаскихъ всѣхъ писцамъ писати и дани съ нихъ имати не велѣлъ* (²). Видимъ, какъ опредѣляющія слова становятся предъ опредѣляемымъ (что есть и въ Нѣмецкомъ языкѣ и что въ тоже время

(¹) Собр. Гос. гр. и дог. ч. 1, стр. 143, 280.

(²) Собр. Гос. гр. и дог. ч. 1, стр. 283, 272.

основано совершенно на духъ Русскаго языка); напр: *А съ кѣмъ будетъ мнѣ Великому Князю Василью Васильевичю любовь.*—*И о его дѣтѣхъ о добрѣ или о лихѣ* ⁽¹⁾. Видимъ оборотъ, который встрѣчается развѣ только у Римлянъ и котораго нѣтъ въ языкахъ современныхъ: *Что къ тѣмъ потягло и старины мѣстамъ; — а кто, Господине, иметъ жити твоихъ бояръ* ⁽²⁾. Такъ и теперь говоритъ народъ; напр: *не твоего дѣло ума*. Вообще одно скажемъ мы: не находя здѣсь еще полнаго періода въ конструкции фразы, мы видимъ уже полную свободу синтаксиса, ни сколько не запутывающаго смысла,—свойство важное въ Русскомъ языкѣ; эта возможность сосредоточивать силою мысли слова въ одно цѣлое, какъ-бы по видимому ни произвольно расположились онѣ, и отсюда возможность выражать невыразимые въ другихъ языкахъ оттенки—эта возможность, великое свойство синтаксиса, встрѣчается намъ и въ нашихъ народныхъ памятникахъ, въ которыхъ видимъ живую рѣчь. Вотъ примѣръ свободнаго оборота, идущій и къ послѣднимъ приведеннымъ сейчасъ примѣрамъ: *И отчина ти, Господине, наша Великому Князю держати подѣ нами* ⁽³⁾.

Таковы намятники нашего народнаго національнаго языка и слога національной сферы; взглянемъ на памятники другой сферы и другаго языка и слога. Въ прошедшемъ столѣтїи видѣли мы, какъ народная рѣчь сильно проторглась и въ эту сферу; но нѣсколько посланій, писанныхъ довольно строгимъ церковно-Славянскимъ языкомъ, показали намъ, что онъ не потерялъ правъ своихъ въ письменности. И точно; это явленіе не обмануло. Въ XV столѣтїи, въ посланїяхъ Митрополитовъ, Епископовъ, Игумен-

(1) Тамъ-же, стр. 143, 249.

(2) Собр. Гос. гр. и дог. ч. 1, стр. 134, 141.

(3) Собр. Гос. гр. и дог. ч. 1, стр. 134.

новъ является вновь церковно-Славянскій языкъ, строго храня (за небольшими изключеніями) свои освященныя формы и рѣзко различаясь отъ Русской рѣчи, уже обильно изливавшейся на бумагу.—Первое, что намъ встрѣчается еще на границѣ этого столѣтія,—это посланія Кирилла, игумена Бѣлозерскаго монастыря; они написаны правильно церковно-Славянскимъ языкомъ, соблюдены родительные падежи на *я* (*а*), даже не на *е*, и пр., хотя иногда встрѣчается ошибка противъ тутъ-же соблюдаемаго правила; здѣсь является, впрочемъ очень слабо, глагольное время, котораго отсутствіе такъ замѣтно въ народныхъ памятикахъ. Вотъ примѣры правильнаго употребленія и ошибокъ: *всѣя земля Русскія*; — *отъ всѣя душа своя*; — *Пречистыя Госпожа Богородица Матере своя*; — *любве ради*; — *Пречистый его Матери Госпожи Богородицы*; — и потомъ: *Пречистыя Богородицы*; — *а души гибнуть*; — *церковь наречетъ*; — *дѣткахъ* ⁽¹⁾. Всѣ посланія Кирилла и духовныя грамоты имѣютъ тотъ-же характеръ; видѣть съ тѣмъ они отличаются какою-то простотою рѣчи.— Въ началѣ-же XV столѣтія является цѣлый рядъ посланій Фотія Митрополита, посланій духовныхъ увѣщательныхъ; въ нихъ раздается голосъ церкви и въ то же время содержаніемъ, возвышаясь надъ національною сферою, является онъ въ формахъ языка церковно-Славянскаго. Фотій былъ Грекъ, человекъ, который только *върою* посланъ былъ въ Россію и пришелъ съ нею въ соприкосновеніе, который можетъ быть зналъ церковно-Славянскій языкъ прежде, нежели Русской; и потому слогъ его посланій, вся рѣчь его проникнута характеромъ языка церковно-Славянскаго, и, всѣмъ тѣмъ, именно въ посланіяхъ Фотія, при рѣшительномъ господствѣ языка церковно-Славянскаго, при употребленіи всѣхъ его формъ, опускаемыхъ, обходимыхъ мимо

(1) Актъ ист. стр. 21, 22, 25, 26. — Тамъ-же, стр. 22, 25, 26.

другими духовными писателями, правильно впрочемъ на немъ писавшими, — при всемъ этомъ у Фотія встрѣчается болѣе руссизмовъ, нежели у другихъ духовныхъ писателей. Вотъ примѣры въ доказательство словъ нашихъ. Мы встрѣчаемъ различіе именительнаго и винительнаго; напр. *нечюдителся, възлюбленіи о Господь, аще пастыріе образомъ суще, паче-же волци быша;—се убо сборная и апостольская церкви;—нынѣшняго времени;—душа своя положиша за овца* ⁽¹⁾; и въ тоже время встрѣчается: *Еу-ангеліамъ, дѣламъ, Христову церкву, волки суще, литургія пѣти* ⁽²⁾, (вѣроятно не родительный). Замѣчательно употребленіе: *правили, духми, велѣни* ⁽³⁾ и пр., очень часто у Фотія встрѣчающееся. Видно, какъ отсюда можетъ образоваться падежъ творительный на *ами*, что вѣроятно доказываетъ прежде сказанную мысль нашу, и вѣроятно не есть уступленіе формы мужеской и средней формъ женской, иначе было-бы сейчасъ на *ами*, но есть развитіе падежа въ окончаніи. Есть также народное употребленіе полногласнаго прилагательнаго; напр: *сборныхъхъ, нѣкихъхъ* ⁽⁴⁾. Двойственное число начинаетъ и здѣсь колебаться; напр: *на двою церквахъ; духовныхъ очію* ⁽⁵⁾. Употребляется такъ называемое усѣченное прилагательное; напр: *словъ блазъ* ⁽⁶⁾. Въ посланіяхъ Фотія встрѣчаемъ мы чрезвычайно замѣчательное употребленіе звательнаго падежа: это форма родительнаго въ звательномъ падежѣ; напр: *О безмѣрной дерзости! о мерзкаго починанія! о безмѣстію и погыбели вашей!* ⁽⁷⁾, — употребленіе понятное по смыслу, который имѣетъ родительный падежъ, выражаю-

(1) Акты ист. т. 1. стр. 28. 31. 34. 35.

(2) Тамъ же, стр. 28. 29. 46. 65.

(3) Тамъ же, стр. 31. 35.

(4) Акты ист. т. 1, стр. 36. 39.

(5) Тамъ-же, стр. 47. 63.

(6) Тамъ-же, стр. 54.

(7) Тамъ-же, стр. 30. 31.

щій общее и вмѣстѣ съ тѣмъ часть его, прикосновеніе его къ дѣйствительности. Мы имѣемъ теперь употребляющійся въ Русскомъ народѣ и особенно въ простонародьи замѣчательный звательный, употребляющійся какъ похвальное восклицаніе, который можемъ мы объяснить родительнымъ падежемъ въ звательномъ, нами здѣсь въ древнихъ памятникахъ встрѣчаемымъ; это: *молодца!* — Народный винительный падежъ на *а* отсутствуетъ. Руссицизмы не странны въ писаніяхъ, приближающихся къ народному языку, гдѣ едва мелькаетъ слабою тѣнью языкъ церковно-Славянскій, какъ напр: отчасти въ посланіяхъ Кирилла и большею частію Геннадія (см. ниже); но тамъ, гдѣ выказывается онъ наиболѣе, какъ объяснить это обильное присутствіе руссицизмовъ, чего нѣтъ, какъ мы видѣли, у другихъ духовныхъ писателей, у которыхъ не всѣми формами присутствуетъ языкъ церковно-Славянскій? Объясненіе кажется намъ возможнымъ, и оно заключается въ томъ, что Фотій былъ не Русской, — Грекъ. Для всякаго Русскаго существовала въ то время живая борьба этихъ двухъ языковъ, борьба, составившая особенную среду слога, всякой Русской зналъ извѣстныя выраженія, которыя обѣгалъ онъ, пишучи на церковно-Славянскомъ языкѣ. Русская рѣчь вторгалась живо въ его слогъ; но зная ее какъ Русской, имѣя для себя живую борьбу языковъ, онъ умѣлъ удержать Русскую рѣчь въ извѣстныхъ случаяхъ; къ тому же для него имѣла смыслъ сама эта образовавшаяся письменность, уже такъ давно продолжавшаяся въ Россіи. Но Фотій былъ иностранецъ; отвлеченно изучивши языкъ церковно-Славянскій, потомъ выучившись языку Русскому, онъ не могъ такъ какъ Русской знать эту борьбу языковъ, такъ сочувствовать ей; и потому въ его писаніяхъ, при преимущественномъ болѣе нежели гдѣ нибудь присутствіи языка церковно-Славянскаго, прорывается Русская рѣчь, становясь рядомъ подлѣ строгихъ церковно-Славянскихъ

формъ, въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ никогда не прорывается она у Русскихъ духовныхъ писателей, знающихъ и пишущихъ по церковно-Славянски. Будучи иностранцемъ, не могъ онъ чувствовать этой живой борьбы; не могъ найти той среды слога, которая образовалась у насъ для писаній духовнаго содержанія; онъ не зналъ мѣры словъ, оборотовъ, употребленій Русскихъ окончаній, что доступно только для Русскаго, знающаго какъ Русской свою рѣчь, онъ не зналъ жизни языка, этой жизни ошибокъ, явившейся и въ XV столѣтіи въ письменности духовной, не зналъ этого живаго участнаго соприкосновенія двухъ языковъ; и по этому мы можемъ здѣсь употребить опять, какъ и прежде, выраженіе: въ писаніяхъ Фотія видно *равнодушіе* языковъ между собою, элементовъ нашего слога въ то время, т. е. національно Русскаго и отвлеченно общаго церковно-Славянскаго, — равнодушіе понятное, вытекающее изъ указанной нами причины. Мы замѣчали уже это отношеніе въ Словѣ о полку Игоревѣ и употребили уже тамъ это выраженіе. Слогъ посланій Фотія еще болѣе кажется убѣждаетъ насъ въ нашемъ мнѣніи о Словѣ о полку Игоревѣ.

Во время Фотія находимъ мы посланіе Новгородскаго Архіепископа Симеона, написанное простымъ слогомъ по церковно-Славянски, но съ ошибками, большими противъ другихъ такихъ-же посланій, ошибками довольно важными; между правильными употребленіями, какъ напр: *святѣя Богородица; тыя.... судѣя*, и пр., встрѣчаются ошибки, какъ: *почметъ.... міръстѣи люди подымати или судѣи* (1) и пр. Сверхъ того имѣемъ посланіе другаго Новгородскаго Архіепископа Евѣмія, написанное также просто на языкѣ церковно-Славянскомъ съ небольшими обычными противъ него ошибками; соблюденъ дательный падежъ на и въ именахъ женскаго рода извѣстнаго оконча-

(1) Актн вст. ч. 1, стр. 50.

нія; напр: къ *сбору святѣй Троици*; къ *сбору святѣй Со-
фїи* ⁽¹⁾. Здѣсь это считаемъ мы дательнымъ, а не роди-
тельнымъ, по преимущественному употребленію перваго въ
Русской и вообще въ Славянской рѣчи. Примѣры такого
употребленія попадаются, мы видѣли ихъ выше. Впро-
чемъ падежъ на *а* (*я*) не встрѣчается; вмѣсто него пишется
Русское окончаніе *и*; напр: съ *Русской земли* ⁽²⁾. Рус-
ское первообразное прилагательное соблюдено не только въ
именительномъ падежѣ; напр: *во всякомъ дѣлѣ блзѣ* ⁽³⁾.
Тоже должны мы сказать и о Исповѣданіи православной
вѣры того-же Новгородскаго Архіепископа Евѣмїя, кро-
мѣ того, что тамъ, при несоблюденіи, встрѣчается и пра-
вильное окончаніе церковно-Славянское на *а* (*а*); напр: *сѣя
Епископіа* ⁽⁴⁾; замѣчательно также употребленіе, ошибоч-
ное конечно, числительнаго *седьмъ*; напр: *святыхъ все-
ленскихъ седмихъ сборовъ* ⁽⁵⁾. Вообще какъ то, такъ и
это посланіе, хотя въ нихъ не выказывается особенно цер-
ковно-Славянская рѣчь съ своимъ характеромъ и формами,
написаны довольно правильно, такъ какъ писали въ этомъ
духѣ Русскіе духовные писатели, безъ особенныхъ отъѣн-
ковъ Русской рѣчи, каковы посланія Кирїлла и Іумена
Бѣлозерскаго, Кипріана Митрополита (собственно нѣкото-
рыхъ) и пр.

За посланіями Фотія, проникнутыми, дышущими глу-
боко характеромъ рѣчи церковно-Славянской, не смотря
на указанное и объясненное нами присутствіе Русской
рѣчи, слѣдуютъ посланія заступившаго его мѣсто Митро-
полита Іоны. Здѣсь мы видимъ рѣшительное тоже господ-
ство языка церковно-Славянскаго, утвердившагося вновь

(1) Тамъ-же, стр. 6.

(2) Актн цст., ч. 1, стр. 61.

(3) Тамъ-же, стр. 61.

(4) Актн, собр. Арх. Эксп., ч. 1, стр. 463.

(5) Тамъ-же, стр. 463.

въ XV столѣтіи въ посланіяхъ. духовнаго содержанія; но Іона былъ Русской и въ его посланіяхъ не видимъ мы уже такихъ проявленій Русской рѣчи, какія есть у Фотія: не видимъ напр: окончанія въ дательномъ множественнаго числа на *амъ*, какъ *дѣламъ* и пр. (см. выше у Фотія). Мы встречаемъ различіе именительнаго отъ винительнаго въ посланіяхъ Іоны; напр: *тые честніи старци; отступници* ⁽¹⁾. Встрѣчается также разница именительнаго единственнаго числа (въ нѣкоторыхъ случаяхъ); напр: *Богомати* ⁽²⁾. Творительный падежъ на *ми* встрѣчается, также какъ и у Фотія, очень часто: *запечатлѣнми; мужми* ⁽³⁾ и пр. Встрѣчается довольно постоянно и *я* ⁽⁴⁾ въ извѣстныхъ случаяхъ, какъ напр: *всѣя Русскія земля; душа ваша насладятся* ⁽⁴⁾ и пр. Но есть довольно и ошибокъ противъ такого употребленія; напр: *нашіе земли* ⁽⁵⁾ и пр. Большею частію встрѣчается *и* въ родительномъ падежѣ въ извѣстномъ случаѣ вмѣсто *е*, какъ *словеси востребуете; отъ святыхъ сборныхъ церкви* ⁽⁶⁾ и пр. Рѣдко *е* вмѣсто *и*, какъ: *Богоматере* ⁽⁷⁾. Въ родительномъ множественнаго числа утвердилось и здѣсь въ духовной письменности *е* вмѣсто *и*; такъ напр: *обителѣй, Государей, дѣтей, людей* ⁽⁸⁾ и пр. и пр. Исключенія есть, по ихъ не много; напр: *писаній, ересій, звѣрій* ⁽⁹⁾. Довольно строго соблюдается и въ извѣстныхъ падежахъ; напр: *о единой душѣ; святѣй Живоначальной Троици; Богородици.... Маріи* ⁽¹⁰⁾.

(1) Акты ист., ч. 1, стр. 92. 111.

(2) Тамъ-же, стр. 93, 3.

(3) Тамъ-же, стр. 74, 95.

(4) Акты, ист., ч. 1, стр. 95. 115.

(5) Тамъ-же, стр. 86.

(6) Тамъ-же, стр. 108. 109.

(7) Тамъ-же, стр. 116.

(8) Тамъ-же, стр. 92. 100. 104.

(9) Тамъ-же, стр. 91. 114. 115.

(10) Акты ист., ч. 1, стр. 91. 107.

Исключенія довольно рѣдки: напр: *Владычицѣ* ⁽¹⁾. Сохраняется измѣненіе буквъ въ падежахъ, свойственное языку церковно-Славянскому; напр: *вѣцѣ*; *владыцѣ* ⁽²⁾, также и въ прилагательныхъ именахъ: *Русскій*; *апостольскій* ⁽³⁾ и пр. и пр. Есть и ошибки противъ этого употребленія въ прилагательныхъ, впрочемъ очень мало; напр: *апостольской* ⁽⁴⁾. Такъ называемое уѣченное прилагательное встрѣчается и здѣсь тоже; напр: *отъ чиста сердца* ⁽⁵⁾. Что касается до предложнаго безъ предлога, то онъ встрѣчается только въ прилагательныхъ въ формѣ нарѣчій; напр: *душевнѣ*, *тѣлеснѣ*, *воинѣ*, *добрѣ* ⁽⁶⁾ и пр. и пр. Въ посланіяхъ Митрополита Іоны часто встрѣчается полногласное прилагательное; напр: *отъ многихъ*; *прочими* *преподобными*; *духовными*; *нашими*; *Константиноградскими*; *святыми* ⁽⁷⁾ и пр. и пр. Что касается до двойственного числа, то оно хотя является и правильно, какъ напр: *съ обою страну*; *двѣ началъ*; ⁽⁸⁾ и пр. и пр., за то исчезаетъ иногда даже и въ числительномъ; напр: *съ обоихъ странъ*; *обѣихъ тѣхъ Великихъ Государей* ⁽⁹⁾. Числительное *четыре* является въ творительномъ, такъ какъ и слѣдуетъ, на ми: *четырьми* ⁽¹⁰⁾; оно еще не приняло общаго потомъ окончанія для числительныхъ прилагательныхъ въ этомъ падежѣ, отразившагося на нихъ отъ числительнаго: *два*,—окончанія двойственного искаженнаго. Числительное существительное (*съ пяти*) встрѣчается мы

(1) Тамъ-же, стр. 107.

(2) Тамъ-же, стр. 92.

(3) Тамъ-же, стр. 95. 110.

(4) Тамъ-же, стр. 94.

(5) Тамъ-же, стр. 102.

(6) Акты ист., ч. 1, стр. 94. 95. 111.

(7) Тамъ-же, стр. 93. 94. 104. 113.

(8) Тамъ-же, стр. 88. 110.

(9) Тамъ-же, стр. 89. 100.

(10) Тамъ-же, стр. 111.

здѣсь употребленнымъ уже не какъ существительное; напр: на всѣхъ Святыхъ седми Сборѣхъ; по седми Святѣишихъ и Вселенскихъ Сборѣхъ ⁽¹⁾. Замѣчательны слова: посполно ⁽²⁾, которое напоминаетъ польское слово *посполитый* и происходитъ кажется отъ Русскаго слова *полный, сполна*; также замѣчательно выраженіе въ посланіи Іоны, гдѣ онъ жалуется на то, что конюшаго и дворянъ его перебили, что милостію Божіею всѣ живы, а въ прокъ два ихъ и три безъ вѣка ⁽³⁾, т. е. вѣроятно лишены вѣка, полного вѣка, не доживутъ вѣка; отсюда кажется объясняется слово *увѣчить, увѣчный*, лишить вѣка, лишенный вѣка.—Посланія Іоны вообще писаны церковно-Славянскимъ языкомъ, сохраняющимъ явственно свой характеръ съ нѣкоторыми ошибками противъ него, постоянно обличающими, что, не смотря на полное знаніе языка, это не былъ языкъ Русской, живой, которымъ говорилъ пишущій; словомъ сказать, мы здѣсь видимъ ту же живую цѣпь ошибокъ, которую замѣтили прежде, но при рѣшительномъ господствѣ и въ предѣлахъ церковно-Славянскаго языка. Слогъ пестрѣтъ; рядомъ съ правильнымъ употребленіемъ окончаній и формъ церковно-Славянскаго языка, показывающимъ его знаніе, встрѣчается ошибочное противъ него употребленіе, взятое изъ живой рѣчи.

Кромѣ посланій Іоны находимъ мы и другіе памятники религіозной письменности въ его время, и встрѣчаемъ въ нихъ тотъ-же церковно-Славянскій языкъ, хотя не такъ выдающій свои собственныя формы, и тѣ-же ошибки. Мы находимъ въ это-же время письма Великаго Князя Ва-

(1) Акти ист., ч. 1, стр. 92. 94.

(2) Тамъ-же, стр. 97.

(3) Тамъ-же, стр. 99.

силія Васильевича къ патріарху и царю Константинопольскому, написанныя правильно, по крайней мѣрѣ съ знаніемъ всѣхъ тонкостей церковно-Славянской грамматики, и въ тоже время съ ошибками, почти всегда присутствующими въ ту эпоху, противъ тутъ-же соблюдаемыхъ правилъ. Напр: *отъ своѣя землѣ; отъ тоя сборныя церкви* ⁽¹⁾; встрѣчается: *братій* ⁽²⁾; правильно употреблено двойственное: *двѣ началѣ* ⁽³⁾. Правильно соблюденъ именительный падежъ во мн. ч., съ его различіемъ: *малии же и велиции, убози и богати* ⁽⁴⁾; полногласіе: *писааше* ⁽⁵⁾; также окончаніе на *и* вмѣсто нашего *ль* въ извѣстномъ случаѣ и перемѣна буквъ въ падежахъ; напр: *во многочеловѣчьнѣй Рустѣй земли* ⁽⁶⁾ и пр. и пр. Замѣчательнѣе винительный: *во вся.... градовы* ⁽⁷⁾. Ошибокъ вообще мало, и онѣ встрѣчаются собственно въ другомъ посланіи позднѣйшаго списка; напр: *Пречистыя Владычица нашия Богородици; Русскія земли; любви.... хощемъ* ⁽⁸⁾ и пр. Въ исповѣданіи Ростовскаго Архіепископа Феодосія находимъ мы и тѣже правильныя употребленія (*отъ пища* ⁽⁹⁾ и пр.) и тѣже ошибки. Одна ошибка замѣчательна: *глаголамъ* ⁽¹⁰⁾; замѣчательно также встрѣчающееся полногласіе: *божественными* ⁽¹¹⁾.—Окружная грамота Архіепископа Феодосія написана вообще правильнѣе церковно-Славянскимъ языкомъ; одна ошибка противъ правильнаго

(1) Акті ист., ч. 1, стр. 72. 73.

(2) Акті, историческіе, томъ 1, стр. 73.

(3) Тамъ-же, стр. 74.

(4) Тамъ-же, стр. 72.

(5) Тамъ-же, стр. 74.

(6) Тамъ-же, стр. 72.

(7) Тамъ-же, стр. 72.

(8) Акті ист., ч. 1, стр. 83. 85.

(9) Тамъ-же, стр. 105.

(10) Тамъ-же, стр. 108.

(11) Тамъ-же, стр. 106.

употребленія существительнаго въ р: *Архієпископѣ* (¹). Есть еще нѣсколько другихъ подобныхъ ошибокъ, какъ напр: *нашіе Ростовскіе* (²) и пр.—Присяжная грамота Тверскаго Архієпископа Геннадія (³) написана совершенно правильно.—Но не смотря на всѣ эти ошибки, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ встрѣчается Русская рѣчь съ церковно-Славянской, языкъ церковно-Славянскій совершенно сохраняетъ свой характеръ, особенно тамъ, гдѣ въ употребленіяхъ своихъ онъ не встрѣчается съ Русскою рѣчью, именно въ употребленіи временъ; вообще видно, что эти ошибки—ошибки въ предѣлахъ церковно-Славянскаго языка, которыя твердо обозначены. Безпрестанно встрѣчающіеся тонкости языка, иногда строго соблюдаемыя; отсутствіе народныхъ иныхъ окончаній (падежа на *а*) (впрочемъ въ посланіи Великаго Князя Василія Васильевича встрѣчается: *нужа имамъ* (⁴).—и наконецъ синтаксисъ, кладутъ рѣзкое различіе между памятниками народной и религіозной письменности. Особенно является это въ общемъ посланіи Россійскаго Духовенства Углицкому Князю Димитрію Юрьевичу, гдѣ приводятся мѣста изъ грамоты. Это посланіе написано церковно-Славянскимъ языкомъ, какъ и другія разсмотрѣнныя нами посланія, съ большими, можетъ быть, сравнительно ошибками. Здѣсь встрѣчается правильно двойственное число: *отъ твоею руку* (⁵); также употребленіе числительнаго существительнаго, уже не какъ существительнаго: *въ пяти челоуцѣхъ* (⁶); но языкъ вообще церковно-Славянскій;—и вдругъ среди этого является: *а орда управливати* (⁷), и вообще

(¹) Тамъ-же, стр. 114.

(²) Тамъ-же, стр. 114.

(³) Тамъ-же, стр. 500.

(⁴) Акты ист., ч. 1, стр. 73.

(⁵) Акты ист., ч. 1, стр. 77.

(⁶) Тамъ-же, стр. 76.

(⁷) Тамъ-же, стр. 78.

народный строй речи: это выписки изъ грамотъ. — Другія посланія Русскаго Духовенства: соборныя грамоты Русскихъ Епископовъ ⁽¹⁾, написаны съ обыкновенными соблюденіями правильнаго употребленія и обыкновенными ошибками, что мы уже видѣли и рассмотрѣли въ другихъ памятникахъ языка. Посланіе Русскихъ Епископовъ къ Литовскимъ все написано по церковно-Славянски, но ошибочно; кромѣ другихъ ошибокъ, не соблюденъ даже именительный церковно-Славянскій: а они сами *отмытъники и отступники* ⁽²⁾. — Что касается вообще до ошибокъ, то иногда видимъ строго соблюденныя тонкости, иногда почти вслѣдъ за ними ошибки; (выше были уже приведены примѣры такихъ и правильныхъ и ошибочныхъ употребленій). Мы должны замѣтить, что скорѣе кажется измѣняются тѣ обороты, формы и вообще употребленія въ церковно-Славянскомъ языкѣ, въ которыхъ онъ самобытно и свободно сходится съ языкомъ Русскимъ, разумеется по мѣрѣ того, какъ измѣнялись они въ Русскомъ языкѣ; это понятно: ибо здѣсь не чувствовалась разница языковъ и движеніе и измѣненіе въ формахъ сходныхъ съ церковно-Славянскимъ языкомъ, было перенесено и въ церковно-Славянскій языкъ, что могло казаться движеніемъ этихъ самыхъ формъ вообще, и въ церковно-Славянскомъ слѣдовательно языкѣ. Тогда какъ тѣ формы, въ которыхъ онъ отличался отъ Русскаго, были долго и упорно хранимы, ибо здѣсь на различіи была основана особенность, самобытность языка; какъ напримѣръ: падежи на *омъ* и *ехъ*, именительный въ именахъ мужскаго рода съ его различіемъ, и пр., за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, гдѣ или было нѣкоторое сходство или слабое различіе, или же употребленіе совершенно противорѣчало

(1) Акты ист., ч. 1, стр. 108, 110.

(2) Тамъ-же, стр. 503.

духу Русскаго языка. Въ примѣръ первыхъ, изменяемыхъ формъ, мы можемъ указать на изменение двойственного числа, на употребленіе числительныхъ существительныхъ не какъ существительныхъ, на перемену родительнаго на *й*—въ *ей*, что уже очень сильно преобладало въ XV столѣтіи; на присоединеніе *ся* въ глаголахъ возвратныхъ; напр: *а надѣмся; тицатися* (1), что является, не исключая и раздѣльнаго употребленія, въ нашей церковно-Славянской письменности, и пр. Въ посланіяхъ Іоны (какъ и въ другихъ) замѣчаемъ мы употребленіе полногласія въ прилагательныхъ и даже въ глаголахъ (чему мы видѣли примѣры); это полногласіе согласуется съ древнимъ церковно-Славянскимъ языкомъ, но вѣроятно взято изъ Русской рѣчи (въ церковно-Славянскихъ памятникахъ оно уже перестало встрѣчаться), въ которой оно и до сихъ поръ сохранилось собственно въ прилагательныхъ.

Въ слѣдующихъ памятникахъ XV столѣтія, въ посланіяхъ Митрополита Θεодосія, замѣчаемъ тотъ-же характеръ, тотъ-же слогъ, если, въ нѣкоторыхъ впрочемъ посланіяхъ, не болѣе ошибокъ противъ церковно-Славянскаго и не болѣе простоты рѣчи; такъ напримѣръ встрѣчаются въ посланіяхъ его ошибки противъ именительнаго: *и котории посадники; аще ли будете.... преобидники; и въ томъ поручники* (2) и пр.; но въ то же время встрѣчается разумѣется и правильное употребленіе; напр. *прежнии святии велицѣи исповѣдници* (*). Грамотъ Θεодосія не много.—Грамоты Филиппа Митрополита, наслѣдовавшаго Θεодосію, написаны краснорѣчиво и чрезвычайно правильно по церковно-Славянски за нѣкоторыми исключеніями въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ различіе, тоныше и ошибкамъ про-

(1) Актъ ист., ч. 1, стр. 73, 110.

(2) Актъ ист., ч. 1, стр. 124, 127.

(*) Тамъ-же, стр. 507.

изойдти легче. Такъ напр. *пріятъ многихъ душы и старца и уноты и младенца* ⁽¹⁾; соблюдено двойственное: *кобъмянадесять кольнома Израелевыми* ⁽²⁾; именительный является очень строго-правильно: *вси благочестіа държателіе приснопамятніи Велиции Князи* ⁽³⁾; также въ единственномъ числѣ: *церкви.... есть небо* ⁽⁴⁾ и въ другомъ мѣстѣ: *царьствующій градъ и церкви Божіа Костянтинополъ доколь.... стоялъ* ⁽⁵⁾ и пр.. Особенно правильно написано посланіе Новгородскому Архіепископу Іонъ и Новгородцамъ ⁽⁶⁾. Въ другихъ посланіяхъ его мы не видимъ такой строгой правильности; но посланія эти касаются свѣтскихъ отношеній; сюда входятъ уже слова получившія постоянное употребленіе не согласно съ правилами церковно-Славянскаго языка (остоявшіяся), сохраняющіяся и въ письменности духовной. Самыя выраженія, принадлежащія національной сферѣ, вносятся сюда съ своимъ характеромъ и отличаются рѣзко отъ другихъ окружающихъ ихъ оборотовъ, отъ самого посланія; напр. *а въ земли и въ воды.... не вступатися* ⁽⁷⁾; не соблюдено двойственное: *двою мѣсяць* ⁽⁸⁾ и пр. и пр.. Въ посланіяхъ Филиппа встрѣчаются ошибки, замѣчательныя относительно почти постояннаго ихъ отсутствія, даже и не въ церковно-Славянскихъ памятникахъ; напр. *о тѣхъ.... исправленіяхъ* ⁽⁹⁾; вотъ еще примѣръ такой-же ошибки и мѣстѣ употребленія существительнаго числительнаго не какъ существительнаго, которое встрѣчается у Филиппа

(1) Акти ист., ч. 1, стр. 131.

(2) Тамъ-же, стр. 131.

(3) Тамъ-же, стр. 131.

(4) Тамъ-же, стр. 131.

(5) Тамъ-же, стр. 513, 514.

(6) Тамъ-же, стр. 130, 133.

(7) Тамъ-же, стр. 513.

(8) Тамъ-же, стр. 517.

(9) Тамъ-же, стр. 513.

Митрополита и которое видѣли мы уже прежде: *въ тѣхъ прежнихъ пяти съборахъ* (¹). Замѣчательно употребленіе, которое считаемъ мы народнымъ и являющимъ ту неподвижность падежей, которую мы видѣли и о которой говорили выше: *съ конь сплъ* (²). Въ одномъ мѣстѣ встречаемъ мы выраженіе: *сто и два служителей церковныхъ* (³); но здѣсь мы не находимъ ошибки, т. е. въ томъ, что *съ два*, множественнымъ, или лучше двойственнымъ числомъ въ именительномъ, не согласовано: *служители церковные*; это употребленіе возможно, оно составляетъ только особый отгѣнокъ, показываетъ особенное отношеніе, въ которомъ здѣсь числительное *два* находится къ послѣдующимъ существительному и прилагательному; это отношеніе состоитъ, какъ мы думаемъ, въ томъ, что здѣсь число не объемлетъ всѣ предметы, но относится къ нему, какъ опредѣленная часть къ неопредѣленному цѣлому, т. е. не *два или сто два церковные служителя*, но *сто два церковныхъ служителей*, то есть: *изъ, отъ церковныхъ служителей*; точно также, какъ и само прилагательное, напр. *добрый*, можетъ быть въ такомъ-же отношеніи къ существительному; напр. *добрые люди, добрые людей*, т. е. *изъ, отъ людей*, — оборотъ, встречающійся часто въ древнихъ памятникахъ нашихъ; напр. *а кто мѡихъ Князей служебныхъ; а хто иметъ жити твоихъ бояръ и дѣтей боярскихъ и слугъ* (⁴). Въ XV столѣтіи, кромѣ разныхъ грамотъ, находимъ мы еще памятники замѣчательные, другаго рода церковно-Славянской письменности; это *чинъ поставленія Епископа*, 1456 года (списокъ очень близокъ къ сочиненію: принадлежитъ къ концу XV или началу XVI вѣка). Языкъ этого памятника

(¹) Акты ист., ч. 1, стр. 519, 520.

(²) Тамъ-же, стр. 515.

(³) Тамъ-же, стр. 519.

(⁴) Собр. Гос. грам. и догов. ч. 1, стр. 212, 217.

очень правильны; соблюдены многія тонкости и рѣдко встрѣчаются ошибки; такъ напр. соблюдено двойственное число: обою страну; двѣма дѣлкамима ⁽¹⁾; но передъ этими словами, въ согласующемся причастіи тутъ-же ошибка: предъидущимъ ⁽²⁾; какъ и далѣе: съ инѣми двѣма ⁽³⁾; соблюдается ѡ (а): пророка Предтеча; душа ѡвѣрєнныа; священныа одежда ⁽⁴⁾; исключеній очень мало: нѣкто-рыа нужди; братьи своеа ⁽⁵⁾. Встрѣчается: дверій ⁽⁶⁾; также предложный безъ предлога: долъ ⁽⁷⁾; вообще, какъ мы сказали, все написано правильно, — исключеній не много. Памятники церковно-Славянскаго языка послѣ Филиппа Митрополита не измѣняютъ своему характеру. Грамота Архіепископа Теофила, 1477 года, — грамота написанная просто, не выказывающая и не блестящая формами церковно-Славянскаго языка (въ ней нѣтъ его глагольнаго прошедшаго); въ остальномъ она, то согласуется съ этимъ языкомъ, то тутъ-же нарушаетъ его правила; словомъ сказать, изобилуетъ обыкновенными ошибками того времени и такихъ грамотъ, въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ формы и окончанія церковно-Славянскаго языка разнствуютъ съ формами Русскаго языка, изъ предѣловъ котораго не выходятъ эти грамоты, имѣющія юридическій характеръ; напр. *святѣа...* Троици; *всел Русѣи* ⁽⁸⁾ и пр.; замѣчательно употребленіе: *Князѣи* ⁽⁹⁾. — Но около того времени встрѣчается памятникъ очень замѣчательный, особенно потому, что это подлинникъ: это завіщаніе Преподоб-

(1) Акти, соб. Арх. Эксп., ч. 1, стр. 471.

(2) Тамъ-же, стр. 471.

(3) Тамъ-же, стр. 471.

(4) Тамъ-же, стр. 467, 468, 472, 473.

(5) Тамъ-же, стр. 467.

(6) Тамъ-же, стр. 468.

(7) Тамъ-же, стр. 471.

(8) Акти вст., ч. 1, стр. 520.

(9) Тамъ-же, стр. 520.

наго Евросина Пошевскаго; въ этомъ простомъ записаніи видно однако-же, какую силу имѣлъ языкъ церковно-Славянскій, какъ прочно уже утвердился онъ (въ XV столѣтіи), основываясь на правахъ своихъ, на своемъ высокомъ значеніи и, какъ увидимъ, уже утвердился на все продолженіе національнаго періода, не смотря на измѣненія и ошибки, происходившія въ предѣлахъ его. При пестротѣ рѣчи вообще, находимъ мы прошедшее время глагола, принадлежность языка церковно-Славянскаго, что встрѣчается во всѣхъ памятникахъ церковно-Славянскихъ; здѣсь замѣчаемъ мы это употребленіе особенно по простотѣ рѣчи и отчасти по юридическому характеру памятника; напр. *учинихъ* ⁽¹⁾; видимъ соблюденными многія правила, хотя иногда по естественному и живому опредѣленію языка въ то время, есть ошибки; такъ: *спасеніа ради душа своа; добрые воли; шь мыли держати* ⁽²⁾ и т. п. Замѣчательно употребленіе, послѣ разнаго изчисленія: *и всему епоу* ⁽³⁾, что согласно опять съ словомъ: *спома*.—Отреченная грамота Архіепископа Теофила написана довольно правильно и имѣетъ характеръ церковно-Славянской рѣчи, съ извѣстными ошибками; напр. *безсмертныя души; будущаго страшнаго... суди* ⁽⁴⁾; замѣчательно здѣсь употребленіе *ей* вмѣсто *ей* въ родительномъ числѣ множественнаго числа въ такихъ словахъ, гдѣ оно рѣже встрѣчается: *писаней; предаей* ⁽⁵⁾.—Соборное посланіе Россійскаго Духовенства, отреченная грамота Суздальскаго Архіепископа Феодора и потомъ посланія Митрополита Геронтія написаны тѣмъ-же церковно-Славянскимъ языкомъ, являющимся иногда съ своими тонкими особенно-

(1) Акти, собр. Арх. Эксп., ч. 1, стр. 83.

(2) Тамъ-же, стр. 83.

(3) Тамъ-же, стр. 83.

(4) Тамъ-же, стр. 477.

(5) Тамъ-же, стр. 477.

стями; напр. *церкве; отъ душа* ⁽¹⁾ и пр., но въ тоже время: *пречистые Богородици; праведнаго судьи* ⁽²⁾, и даже не соблюденъ именительный: *наслѣдники будутъ* ⁽³⁾; — это въ соборномъ посланіи Россійскаго Духовенства (отъ Геронтія и отъ другихъ духовныхъ особъ). Отреченная грамота Суздальскаго Архіепископа Θεодора (она очень кратка) не представляетъ правильнаго употребленія на *а*; въ ней мало соблюдены отбѣнки церковно-Славянскаго языка. Въ посланіяхъ Митрополита Геронтія встрѣчается правильно именительный множественнаго съ его отличіемъ: *зовущеся священници и учителя христіанстѣи* ⁽⁴⁾ и пр.; находятся и другія особенности церковно-Славянскаго языка, обыкновенно встрѣчаемыя; замѣчательно употребленіе: *язъ его богомодецъ уже то нынѣ конечнѣ послалъ есми* ⁽⁵⁾, — *язъ* впрочемъ отдалено отъ глагола, но все кажется довольно прямо съ нимъ связуется. Впрочемъ посланія эти вообще написаны просто; въ нихъ встрѣчается довольно ошибокъ; какъ: *Рускіа митрополии; изъ земли* ⁽⁶⁾ и пр.; также: *спискъхъ* ⁽⁷⁾, и также не соблюденъ именительный церковно-Славянскій множественнаго числа: *намѣстники.... казнятъ* ⁽⁸⁾; послѣдніе два примѣра въ грамотѣ, которая написана не строже другихъ и проще. Въ концѣ XV столѣтія находимъ мы посланія Новгородскаго Архіепископа Геннадія, ревнителя православія; эти посланія писаны, вопреки всѣмъ современнымъ посланіямъ, почти простою Русскою рѣчью. Церковно-Славянскій языкъ даетъ рѣчи свое опредѣленіе, но оно безпрестанно

(1) Акті ист., ч. 1, стр. 137, 138.

(2) Тамъ-же, стр. 137, 138.

(3) Тамъ-же, стр. 138.

(4) Акті, собр. Арх. Эксп., ч. 1, стр. 141.

(5) Тамъ-же, стр. 142.

(6) Тамъ-же, стр. 142, 143.

(7) Тамъ-же, стр. 532.

(8) Тамъ-же, стр. 532.

нарушается живою народною рѣчью, со всѣмъ характеромъ своимъ выступающею на бумагу; въ его посланіи нѣтъ формъ прошедшаго церковно-Славянскаго; почти постоянно уже наблюдается различіе въ именительномъ множественнаго мужескаго рода отъ винительнаго; встрѣчается падежъ Русской винительный на *а*, и иногда вовсе исчезаетъ опредѣленіе церковно-Славянскаго языка и слышится настоящая живая Русская рѣчь. Вотъ примѣры нами сказаннаго: *мужики.... поютъ; побѣждали ставленники; каковы тѣ списки; и тѣ еретики сбѣжали; божественная служба совершати; принести каша да гривна; та грамота свести* ⁽¹⁾; не соблюдается измѣненіе буквъ въ падежахъ: *въ подлинникъхъ; въ подлинникъ* ⁽²⁾; Великорусское *е* замѣняетъ и церковно-Славянское даже и тамъ, гдѣ мы и теперь говоримъ *и*; напр: *Генадей; третьей годъ* ⁽³⁾; мы не говоримъ уже о другихъ несоблюденіяхъ формъ и окончаній церковно-Славянскаго языка. Замѣчательна ошибка противъ творительнаго: употребленіе, уже и прежде не разъ встрѣчавшееся въ народныхъ памятникахъ, Русскаго окончанія: *съ своею братьею Архиепископомъ и Епископами* ⁽⁴⁾; замѣчательно употребленіе Русскихъ простыхъ словъ и оборотовъ: *а подьяки вѣтъ робята глупые; по мнѣ ино тѣ не пригожи въ попы; теперво; а тутощнимъ* ⁽⁵⁾ и пр. и пр.. Такой-же характеръ имѣетъ и отписка Филиппа Петрова; тѣже встрѣчаемъ ошибки, или, лучше, тѣже употребленія Русской рѣчи; напр. *священники.... помстязани* и пр. *Влады-*

(1) Акты ист., ч. 1, стр. 147, 148. Акты, собр. Арх. Эксп., ч. 1, стр. 478. Акты ист., ч. 1, стр. 147, 148. Акты, собр. Арх. Эксп., ч. 1 стр. 482.

(2) Акты, собр. Арх. Эксп., ч. 1, стр. 486.

(3) Акты ист., ч. 1, стр. 144. Акты, собр. Арх. Эксп., ч. 1, стр. 482.

(4) Акты, собр. Арх. Эксп., ч. 1, стр. 482.

(5) Акты ист., ч. 1, стр. 147. Акты, собр. Арх. Эксп., стр. 478, 482.

къ (1). Употреблено, рѣдко встрѣчавшееся, я вмѣсто язь, которое конечно самобытно принадлежало Русскому языку: и я тутъ же былъ (2); соблюдено двойственное, впрочемъ въ приводимыхъ словахъ священниковъ: двѣ началъ (3); интересно употребленіе слова: извонъ (извнѣ): извонъ божественныхъ Правилъ и Съборъ (4); употреблено простое слово въ собственныхъ уже словахъ того, кто писалъ, т. е. Филиппа Петрова: отмолили (5).—Посланіе Митрополита Симона, писанное около этого-же времени (1495—1505), не имѣетъ характера церковно-Славянскаго языка; въ немъ почти не встрѣчается прошедшее церковно-Славянское, и правила, особенности языка не строго соблюдаются; напр: отъ всей братъи; прося милостыни (6); не встрѣчается вовсе окончанія на л въ известныхъ случаяхъ въ существительномъ. Въ прилагательномъ тоже ошибки: той честной обители (7) и т. п.; встрѣчается и правильное употребленіе: пречистыя; Владыцъ (8) и т. п.—Въ концѣ-же XV вѣка имѣемъ мы два письменные памятника: чинъ поставленія на митрополию Симеона и также чинъ вѣнчанія Князя Димитрія Іоанновича. Они также написаны церковно-Славянскимъ языкомъ; описаніе перваго не важно и не заключаетъ въ себѣ ничего особеннаго; довольно правильно соблюдены нѣкоторые отбѣнки церковно-Славянскаго языка; встрѣчаются обыкновенныя ошибки; какъ: всея Руси (9) и т. п.; употреблено впрочемъ правильно и въ предложномъ: на

(1) Акти ист. ч. 1, стр. 523. 522.

(2) Акти ист., ч. 1, стр. 523.

(3) Тамъ-же, стр. 523.

(4) Тамъ-же, стр. 523.

(5) Тамъ-же, стр. 523.

(6) Тамъ-же, стр. 146.

(7) Акти ист., ч. 1, стр. 146.

(8) Тамъ-же, стр. 146.

(9) Собр. Гос. гр. и дог. 1819. ч. 2, стр. 28.

сѣдалищи ⁽¹⁾; не соблюденъ также именительный церковно-Славянскій множественнаго: *дѣяки* ⁽²⁾. Описаніе втораго довольно пространно и больше являетъ церковно-Славянскій языкъ; здѣсь также встрѣчаются обыкновенныя, приведенныя выше нами много разъ ошибки, какъ: *одежи* ⁽³⁾; въ существительномъ не встрѣчается окончанія на *а*; въ прилагательномъ встрѣчается: *святѣя твоя соборныя* ⁽⁴⁾ и пр. Здѣсь также соблюдены обыкновенныя отбѣнки, какъ предложный на *ѣхъ*: *мѣстѣхъ* ⁽⁵⁾ и пр.; не соблюденъ именительный множественнаго: *священники и дѣяки* ⁽⁶⁾; двойственное число соблюдено не вполне: *двѣма Архимандритомъ* ⁽⁷⁾, и наконецъ вовсе не соблюдено: *ѡбѣихъ Вѣликиѣхъ Князей* ⁽⁸⁾; замѣчательно также употребленіе дательнаго *ти* вмѣсто *твоего*; это употребленіе встрѣчается почти во всѣхъ посланіяхъ, и совершенно согласно съ тѣмъ, что мы говорили о дательномъ вообще; напр. здѣсь: *и наследникъ будетъ небеснаго ти царствія* ⁽⁹⁾ и пр. Нельзя навѣрное сказать, чтобы звательный падежъ былъ совершенно чуждъ языку Русскому, по крайней мѣрѣ Велико-Русскому, хотя скорѣе можно заключить, что его у насъ не было, и что это былъ церковно-Славянизмъ; удерживать его у насъ могло официальное употребленіе; такъ, въ договорныхъ грамотахъ встрѣчается: *Господине и брате*; но за этимъ слѣдующія слова не находятъ въ звательномъ падежѣ, что впрочемъ объяснить можно тѣмъ, что дальнѣйшія слова являются уже какъ

(1) Акти вст., ч. 1, стр. 26.

(2) Тамъ-же, стр. 26.

(3) Собр. Гос. гр. и дог. 1819. ч. 2, стр. 27.

(4) Тамъ-же, стр. 28.

(5) Тамъ-же, стр. 27.

(6) Собр. Гос. гр. и дог. 1819, ч. 2, стр. 28.

(7) Тамъ-же, стр. 28.

(8) Тамъ-же, стр. 29.

(9) Тамъ-же, стр. 28.

опредѣленія: *господине и брате старѣйшій Князь Велики Иванъ Васильевичъ* ⁽¹⁾ и пр. и пр.; но безъ оффиціаль-ныхъ выраженій слово не находится въ звательномъ; напр: *а на семъ на всемъ Князь Велики Иванъ Васильевичъ цр-луй* () и пр. (если это не пропускъ). Также набожное значеніе слова, набожное восклицаніе могло удержать звательный падежъ; какъ: *Боже!* и т. п. (выше мы приводили еще тому примѣры). Здѣсь въ разсматриваемомъ нами памятникѣ мы видимъ звательный въ словахъ Митрополита, въ словахъ молитвы, гдѣ слово имѣетъ религіозное, священное значеніе: *Господи Боже нашъ! Госпоже Дѣво Богородице!* ⁽²⁾ что совершенно понятно, ибо здѣсь является этотъ священный церковно-Славянскій языкъ, проникнутый вѣчнымъ, религіознымъ содержаніемъ. Мы видимъ также звательный падежъ въ словахъ Великаго Князя къ Митрополиту: *отче Митрополите!* ⁽³⁾ видимъ въ словахъ Митрополита къ Великимъ Князьямъ Ивану Васильевичу: *преславнии Царю Иванъ Вѣликии Князь!* ⁽⁴⁾ и Дмитрію Іоанновичу: *Господинъ сыну мои Князь Вѣликии Дмитреи Ивановичь!* ⁽⁵⁾ Но въ словахъ Великаго Князя Ивана Васильевича къ его внуку Дмитрію Ивановичу видимъ: *внукъ Князь Дмитреи!* ⁽⁶⁾ что намекаетъ кажется на то, что въ простой рѣчи (покрайней мѣрѣ тогда) звательный падежъ съ его отличіемъ не употреблялся. — Наконецъ въ самомъ концѣ XV вѣка, около 1500 года, видимъ мы *Уставную и Наказную* грамоты о общежитіи монастырскомъ, написанныя на церковно-Славянскомъ языкѣ,

(1) Собр. Гос. гр. и дог. 1819. ч. 1, стр. 278.

(2) Тамъ-же, стр. 283.

(3) Собр. Гос. грам. и догов. 1819. ч. 2, стр. 28.

(4) Тамъ-же, стр. 28.

(5) Тамъ-же, стр. 29.

(6) Тамъ-же, стр. 29.

(7) Собр. Госуд. грам. и догов. 1819. ч. 2, стр. 29.

но безъ строгаго соблюденія отгѣнковъ, безъ особеннаго присутствія его характера; правильно соблюденъ именительный множественнаго церковно-Славянскій: *иноци; священници* ⁽¹⁾; не соблюдается окончаніе на *а* собственно въ существительныхъ именахъ: *кромѣ своей кельи; кромѣ братьи* ⁽²⁾, и въ то-же время является правильное употребленіе: *духовныя любви* ⁽³⁾; замѣчательно уже употребленіе двойственнаго окончанія въ числительномъ *три*: при сохраненіи его въ числительномъ *два*: *передъ двумя или тремя послухи* ⁽⁴⁾.—Около 1499 г. находимъ мы замѣчательные памятники церковно-Славянской письменности: *поученія церковно-служителей*. Здѣсь церковно-Славянский языкъ сохраняетъ свой собственный характеръ; онъ ясно выражается здѣсь; многія особенности и отгѣнки строгаго соблюденія; здѣсь сама рѣчь носитъ на себѣ его характеръ; напр: *а* соблюдается: *за тѣхъ душа; лишились... лжа; развѣ великія нужда* ⁽⁵⁾; именительный сохраняется даже и тамъ, гдѣ различіе въ *и* и *ы*, даже и въ прилагательныхъ; напр: *недостойни; ангели; немощни* ⁽⁶⁾ и *пр.* и *пр.*; встрѣчается разница именительнаго въ единственномъ числѣ въ извѣстныхъ случаяхъ: *да будетъ свята церква* ⁽⁷⁾; первообразное прилагательное употребляется также: *въ будущемъ вѣцѣ горцѣ; на мѣстѣ святѣ* ⁽⁸⁾; двойственное число употребляется правильно: *руцѣ отъ лихоиманія очищенъ; своими руками* ⁽⁹⁾; *и* замѣняетъ *е* очень часто не только въ родительномъ множественнаго, но и въ дру-

(1) Акты, собр. Арх. Эксп., т. 1, стр. 483.

(2) Тамъ-же, стр. 483.

(3) Акты, собр. Арх. Эксп., ч. 1., стр. 483.

(4) Тамъ-же, стр. 484.

(5) Акты ист., ч. 1., стр. 160. 163.

(6) Акты историческіе, томъ 1, стр. 159. 162. 163.

(7) Тамъ-же, стр. 162.

(8) Тамъ-же, стр. 159.

(9) Тамъ-же, стр. 159. 162.

гихъ случаяхъ: *писаній; сластій; ни бій* ⁽¹⁾ и пр.; употреблено правильно въ родительномъ: *отъ церкви* ⁽²⁾ и т. п.; и соблюдено въ дательномъ единственнаго въ извѣстныхъ случаяхъ; напр: *души бо чловѣчстѣй* ⁽³⁾ и т. п.; соблюдена тонкость церковно-Славянскаго языка въ причастіи, различіе окончаній на *я*, на *щи* и *ще*; напр: *сія твоя самъ ся спасеши; лѣнящеся не дѣлаемъ; и вы сынове и чада послужите Богови вѣрою не престающе.... славяще; водѣ несущи* ⁽⁴⁾.—Есть впрочемъ ошибки, напр: *развѣ.... овпици; безъ воли; отъ церкви; безъ времени* ⁽⁵⁾ и пр.; встрѣчается въ родительномъ окончаніе на *ей* вмѣсто *ей*: *строителей; отъ.... дѣтей* ⁽⁶⁾ и пр. и нѣк. др. Повторяемъ, исключеній очень немного; вообще въ этомъ сочиненіи видимъ мы церковно-Славянскій языкъ съ его собственнымъ характеромъ, съ его особенными оттѣнками.

Памятники юридической письменности духовной сферы писаны языкомъ юридической письменности свѣтской, вообще тѣмъ языкомъ, которымъ писаны письменные памятники національной сферы; грамоты договорныя, жалованныя и прочія.

Таковы были измѣненія и состояніе церковно-Славянскаго языка собственно въ отношеніи къ его грамматическимъ формамъ; но то, что рѣзко различало его отъ языка Русскаго, отъ народной рѣчи, какъ мы видимъ ее и въ то время во многихъ ея памятникахъ—это синтаксисъ или лучше присутствіе синтаксиса, развитаго въ памятникахъ церковно-Славянскаго языка. Въ письменности этого языка вообще, отдѣленнаго отъ случайности разговора, далекаго отъ произвольнаго произношенія, языка собственно

(1) Тамъ-же, стр. 160.

(2) Акті историческіе, томъ 1, стр. 160.

(3) Тамъ-же, стр. 160.

(4) Тамъ-же, стр. 161. 163.

(5) Тамъ-же, стр. 162. 163. 160. 162.

(6) Тамъ-же стр. 161. 163.

книжного, должна была преимущественно, въ ущербъ другой, развиться та сторона языка, которой мышала случайность разговора и которая развивается тогда, когда языкъ получаетъ общее значеніе, наполняясь общимъ содержаніемъ, чего не могло быть тамъ, гдѣ рѣчь опредѣляется исключительно національностью. Это развитіе совершается преимущественно на бумагѣ, когда не просто рѣчь на нее только записывается, но когда пишется то, что собственно назначено для бумаги. Мы сказали, что надъ національнымъ опредѣленіемъ народа у насъ была цѣлая сфера общаго, отвлеченная сфера, имѣвшая также отвлеченный отъ народнаго устнаго употребленія языкъ, слѣдовательно назначенный для письменности (книжный); въ немъ, въ этомъ языкѣ письменномъ долженъ былъ развиваться синтаксисъ, должны были развиваться его силы; и мы встречаемъ этотъ синтаксисъ развившійся въ церковно-Славянской письменности и такъ резко отличающій ее отъ памятниковъ рѣчи народной. Противорѣчіе является явственно: нѣтъ отрывочныхъ краткихъ фразъ рѣчи народной, связываемыхъ безпрестанно союзами; одна фраза не вмѣшивается въ другую, нарушая синтаксическое теченіе; напротивъ является длинный, связанный во всѣхъ частяхъ періодъ, всѣ предложенія относятся одно къ другому, вытекая одно изъ другаго; но этотъ синтаксисъ, который мы здѣсь видимъ, есть синтаксисъ въ языкѣ отвлеченномъ, языкѣ чисто книжномъ, и потому отвлеченно развившійся, что еще рѣзче отличаетъ его отъ народной рѣчи. Таковъ синтаксисъ въ письменности церковно-Славянской. Періодъ растягивается иногда чрезвычайно; отношенія предложенія къ другому иногда слишкомъ отдаленны; является темнота, туманность. Что касается до отдѣльных синтаксическихъ оборотовъ, то они мало отличаются отъ оборотовъ языка Русскаго; мы находимъ развѣ только то, что въ церковно-Славянской письменности являются такіе

обороты, которые отсутствуют въ письменности народной; но конечно тамъ являются и обороты такіе, которыхъ нѣтъ можетъ быть въ Русскомъ языкѣ, которыхъ онъ м. б. и не допускаетъ, каковы дательный самостоятельный, или винительный вмѣсто Русскаго творительнаго; напр: *оего ради помраченики назвати ми убо васъ, а не просвѣтителем* (¹) и пр. Но мы говоримъ здѣсь собственно о синтаксическомъ теченіи, объ *ordo verborum*, о цѣломъ періодѣ, который есть полное выраженіе синтаксическаго духа, но который является вполне собственно тамъ, гдѣ языкъ освобождается отъ случайности; его именно видимъ мы въ письменности церковно-Славянскаго языка, но (какъ мы сказали) являющимся отвлеченно. Церковно-Славянская письменность XV столѣтія именно замѣчательна тѣмъ, что представляетъ намъ этотъ синтаксисъ, такимъ образомъ развившійся. Въ XIV столѣтіи мы того не видимъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ посланій; мы видимъ тамъ преимущество народной рѣчи даже и въ этой сферѣ. Но въ XV столѣтіи находимъ мы вновь церковно-Славянской языкъ, возставшій въ силѣ своей. Въ XV столѣтіи въ началѣ видимъ мы, Фотія, Грека, который овладѣлъ церковно-Славянскимъ языкомъ, и не удержанный ничѣмъ въ уединенной своей мысли, вдался весь въ синтаксическое развитіе языка церковно-Славянскаго, отвлеченнаго, новаго, замѣчательнаго свободой своего синтаксиса, языка, который могъ принять въ себя всякую конструкцію и такимъ образомъ воспитывался въ духѣ отвлеченно-синтаксическомъ. Онъ покорялся мысли Фотія, одѣвая ее въ свои формы, не въ томъ смыслѣ, чтобы онъ принималъ формы языка Греческаго, но въ томъ, что онъ послушно облекалъ собственно мысль Фотія (мысль уединенную, какъ мы сказали), выражалъ отвлеченную ея дѣятельность согласно съ своимъ отвлеченнымъ значеніемъ какъ

(¹) Акти ист., ч. 1, стр. 31.

языка, выразившаго одно вѣчное, общее, тогда отвлеченное содержаніе. И такъ, отвлеченно развивался въ немъ синтаксисъ; эта отвѣченность, и слѣдствія ея, темнота, запутанность и неясность, особенно выдаются въ посланіяхъ Фотія. Мы можемъ привести замѣчательныя примѣры: *И о семъ же убо о всемъ, любимѣмъ о Господѣ, по долгу духовнаго ми настоятельства, прежде убо многъ картъ отъ самыя истины Евангелія, и отъ Апостолъ же и отъ Пророкъ, и отъ божественныхъ Отецъ преда- нія и отъ всего божественнаго Писанія, прежде и про- странно словесами духовными и учительными писавъ къ вамъ о вашей пользѣ духовной, предлагая вашей любви трапезу, не брашна гибнущаго, но пребывающаго въ жи- вотѣ вѣчнѣмъ, улаждающаго и просвѣщающаго душу. И о семъ же убо и нынѣ, по призожденію ми духовному къ вашей любви, еще и отдаленіемъ мѣста отъ васъ уда- ленъ есмь, но изначалства вашего, великія ради вѣры къ Богу и теплоты духовныя, и вашего о всемъ благочинія и попеченія и благостоянія истиннаго православныя ва- шей державы, и о всемъ есть всегда духомъ яко нераз- лучно наше смиреніе съ благовѣріемъ вашимъ; и якоже слышавъ того всегда о благопреспѣяніи всякомъ право- славнаго вашего пребыванія, и духовно о семъ радуясь бѣхъ* (1). Тотъ-же характеръ видимъ мы въ посланіяхъ Іоны, тоже, хотя не столь сильное отвлеченное развитие синтаксическаго духа языка; напр: *О томъ тобѣ своему сыну воспоминаемъ, а самъ испытна вѣси, како божест- венная и священная правила святыхъ и верховныхъ Апо- столъ и святыхъ и богоносныхъ Отецъ повѣлываютъ, а запрещаютъ нашему смиренію и сущимъ настоятелямъ и окръмителямъ и учителямъ, отъ Бога устроеннымъ свя- тымъ Божиимъ великимъ и сборнымъ церквамъ и всему*

(1) Актъ ист., ч. 1, стр. 58.

православному великому христiянству, комуждо намъ своеа паствы, каково великое смотренiе и попеченiе намъ имъти о святѣй православный и христiянскѣй вѣрѣ, юже приахомъ отъ Седми святыхъ и вселенскихъ Соборовъ и отъ Царствующаго града, и отъ нашеа Руссiйскiа земля просвѣтителя и учителя, святаго и равнаго Апостоломъ Великаго Князя Владимира, просвѣтившаго Русскую землю святымъ крещенiемъ, и како намъ святое преданiе съблюдати и имъти крѣпцѣ неподвижно, и душу свою полагати за то, а къ новинѣ не приставати никакоже, по великаго святаго верховнаго Апостола Павла словеси: «паче преданнаго отъ него аще и ангелъ благовѣститъ, или и самъ той иже что възглаголетъ, анаѣма да будетъ, еже есть, проклятъ!» (1) Здѣсь образовывалась эта необходимая для мысли, такъ называемая тяжелая конструкцiя, конкретная, органическая, которая уже составомъ своимъ воплощаетъ мысль и ея движенiе; конструкцiя, которую, въ такомъ родѣ покрайней мѣрѣ, встречаемъ мы у Римлянъ, у Нѣмцевъ, и которой нѣтъ у Французовъ, не ставшихъ выше языка разговорнаго и въ письменности.—Въ посланiяхъ другихъ духовныхъ лицъ не встречаемъ такого длиннаго періода, такого развитiя отвлеченнаго синтаксической стороны языка; но нѣтъ и отрывистой народной рѣчи,—и предложенiя являются стройно и связно между собою; напр: въ посланiи Кирилла, игумена Бѣлозерскаго монастыря, написанномъ прекрасно: егда възхощетъ Богъ кую землю показити за нечестiе, посылаетъ преждѣ проповѣдники, дабы обратились, и аще обратятся, отводитъ Господь отъ нихъ свой гнѣвъ, мимоводитъ скорбь, и прелагаетъ печаль на радость и показуетъ на нихъ свою милость (2). Также въ другомъ

(1) Актъ вст., ч. 1, стр. 116.

(2) Актъ вст., ч. 1, стр. 25.

его посланіи: и аще, господине, сице обратитесь къ Богу, и азъ грѣшный поручаюся, яко проститъ вамъ, благодатию своею, вся съгрѣшенія ваша и избавитъ васъ отъ всякія скорби и бѣды, а Княгиню твою здраву сътворитъ ⁽¹⁾. Далѣе: О всѣхъ же сихъ, господине, мы грѣшнымъ ничто же можемъ въздати тебѣ, но Пречистая Богородица воздастъ ти множае и въ сей вѣкъ и въ будущій; а азъ, господине, грѣшный съ твоею братицею радъ Бога молити и Пречистую Его Матерь о твоёмъ здравіи и спасеніи и твоея Княгини, и о твоихъ дѣткахъ и о всѣхъ крестьянѣхъ порученныхъ тебѣ ⁽²⁾. Въ исповѣданіи Ростовскаго Архіепископа Θεодосія мы встрѣчаемъ тоже простую связность рѣчи: мнози же прилучишася тогда ту, отъ священниковъ и иноковъ, и отъ мірскихъ благоумныхъ челоуѣкъ, много возбраняху ми таковыхъ не творити; азъ же, объятъ діаволскимъ искушеніемъ, а своимъ грѣхомъ, не послушахъ ихъ, ни внимахъ глаголамъ ихъ, и отвѣщахъ имъ токмо единою рѣчью, недѣльнымъ днемъ, не ставя себѣ грѣха ⁽³⁾. Въ другихъ памятникахъ церковно-Славянской письменности встрѣчается, при церковно-Славянскомъ синтаксисѣ полная простота рѣчи, иногда особенно подходящая даже къ рѣчи народной; таково особенно мѣстами духовное завѣщаніе Преподобнаго Евфросина Псковскаго ⁽⁴⁾; также исповѣданіе православной вѣры Новгородскаго Архіепископа Евфимія, предъ посвященіемъ его въ санъ Архіерейскій ⁽⁵⁾, по содержанію своему (хотя строинѣ) имѣющее характеръ нѣсколько официальный, и многія другія.—Въ посланіяхъ Великаго Князя Василія Васильевича видимъ мы болѣе,

(1) Актн ист., ч. 1, стр. 55.

(2) Тамъ-же, стр. 56.

(3) Актн ист., ч. 1, стр. 105.

(4) Актн, собр. Арх. Эяси, ч. 1, стр. 83.

(5) Тамъ-же, стр. 463.

нежели простую стройность рѣчи, видимъ то синтаксическое развитіе, которое является какъ-бы притязаніемъ; напр: *И того ради просимъ святое ти владычество, посылте къ намъ честнѣйшее ваше писаніе, яко да помощію Божіею и благодатію Святаго Духа, и споспѣшеніемъ святаго Царя и съ благословеніемъ святаго ти владычества и божественнаго и священнаго Собора, по святѣмъ правиламъ, събравше въ отечествіи нашемъ, въ Рускій земли, боголюбивыя епископы отечества нашего, и по благодати Святаго Духа избравше кого человека добра, мужа духовна, вѣроу православна, да поставятъ намъ Митрополита на Русь (1). Слышахомъ отъ приходящихъ къ намъ отъ вашихъ странъ отъ нашихъ тоземцевъ и отъ иныхъ туждыхъ странъ пришелцовъ, про ваше великое царство (его же изъ первыхъ временъ отъ Бога желаемъ), яко Божіею волею и тою крѣпкою помощію и многимъ милосердіемъ, и Пречистыя Владычица нашія Богородица и приснодѣвы Марія ежѣ къ Сыну ея Господу нашему Иисусу Христу моленіемъ и ходатайствомъ и предстательствомъ, и по изначальству великихъ вашихъ святыхъ прародителей и родителей, благочестивыхъ и приснопамятныхъ и блаженныхъ Царей, по сродству, воспріялъ еси свой великій царскій скипетръ, свое отечество, во утвержденіе всему православному христіанству вашихъ дѣржавъ, и нашимъ владѣтельствамъ Русскія земли и всему нашему благочестію въ великую помощь (2).—Замѣчательно посланіе Россійскаго Духовенства Углицкому Князю Димитрію Юрьевичу; въ немъ есть иногда этотъ-же отвлеченно развившійся синтаксисъ, есть стройность рѣчи; съ этимъ представляетъ сильное противорѣчіе народная рѣчь, приводимая въ выпискахъ изъ до-*

(1) Акты вст., ч. 1, стр. 75.

(2) Акты вст., ч. 1, стр. 88.

говорящих грамотъ; напр: и о томъ тобѣ своему господину воспоминаемъ, не отъ себе свое, но отъ божественнаго Вѣтхаго Писанія, токмо воспоминающе тобѣ, самовѣдущему: преждебывшее, како по изначальству вражды общаго нашего душегубнаго супостата и врага всему человѣчьскому роду діавола, козньми его и навѣты, како праотцу нашему Адаму позавидѣ и положи ему въ сердци равнобожество, яко да будетъ яко и Богъ, разумывая добро и зло ⁽¹⁾.—Но, господине, узрѣли есмы въ вашихъ докончальныхъ грамотахъ писаныя строки, по чему вамъ межи себѣ жити и правити, по крестному цѣлованью. Первое у васъ въ началѣ написано: быти съ своимъ братомъ, съ Великимъ Княземъ Васильемъ Васильевичемъ вездѣ за одинъ и до своего живота, а кто будетъ Великому Князю другъ, то и тобѣ другъ, а кто будетъ Великому Князю недругъ, то и тобѣ недругъ; а съ кѣмъ будешь въ цѣлованьи, а къ тому ти цѣлованье сложити ⁽²⁾. Въ посланіяхъ Митрополита Феодосія, въ нѣкоторыхъ крайней мѣрѣ, встрѣчаемъ мы тотъ-же характеръ синтаксиса. Но особенно видимъ его въ краснорѣчивомъ посланіи Митрополита Филиппа; напр: И того ради, сыну, писавъ тобѣ Іонъ Архіепископу, что же твои дѣти, нѣкоторіи посадници, и тысяцкіи, да и отъ Новгородцовъ мнози въставляютъ нѣкая тщетная словеса, мудрствующе себѣ плотска, а не душевна, яко забывши Божіа страха и казни его, и нещюя ничтоже, ни поминяюще скорбныхъ и печальныхъ, еже имъ бывшимъ во время се, мнящися сами яко безсмертны суще, да хотятъ грубость чинити Божіей церкви и грабити святыя церкви и монастыри ⁽³⁾. Тоже находимъ, хотя не столько, и

(1) Актн вст., ч. 1, стр. 76.

(2) Тамъ-же стр. 78.

(3) Тамъ-же, стр. 132. 133.

въ другихъ его посланіяхъ; въ нѣкоторыхъ видимъ мы ту же противоположность церковно-Славянской и народной рѣчи, когда приводятся слова, взятые изъ сей послѣдней; напр. въ посланіяхъ Митрополита Новгородца, слова, взятые (хотя не цѣлкою) изъ грамоты: *а жалуютъ, держутъ васъ, свою отчину, въ докончаніи и въ крестномъ цѣлованіи въ старинѣ, а вамъ ихъ, господъ своихъ, держати имя ихъ честно и грозно безъ обиды, а въ земли и въ воды и въ пошлыны ихъ не вступатися* ⁽¹⁾. Или слова явно простой рѣчи: *Отчина моя Великій Новгородъ не правитъ, учнетъ ми бити челомъ, а исправится, и азъ жаловати хочу; а не учнетъ ко мнѣ посылати бити челомъ, а не учнутъ ми правити, и вы бы на нихъ были съ мною.*—*А въставляють деи ваши не добрые, на моего господина сына на Великаго Князя то и слово: «о-пасъ господинъ нашъ Князь Великій намъ давши, а Псковъ на насъ подымаетъ, а хочетъ на насъ идти».*—*И Василий Ананьевъ о вашемъ неисправленіи ни сякова слова не молвилъ, ни челобитья его о томъ не было, а молвчи такъ: «о томъ Великій Новгородъ съ мною не приказалъ»* ⁽²⁾. Очень замѣчательно, что встрѣчается въ прилагательномъ народный винительный падежъ на *а*: *такова грубость чинитъ* ⁽³⁾. Тоже синтаксическое развитіе видимъ мы въ соборномъ посланіи Россійскаго духовенства (отъ Геронтія Митрополита и всего духовенства); напр. (мы приводимъ это мѣсто въ примѣръ длиннаго, вяжущагося въ своихъ частяхъ періода, думая, что оно здѣсь яснѣе, нежели гдѣ нибудь его выказываетъ; мы начинаемъ его еще не сначала, ибо оно и такъ имѣетъ цѣлость): *И молимъ, Всемилостиваго Господа Бога всѣхъ Творца и Зиждителя и его Пречистую Богоматерь о благостояніи свя-*

(1) Акты вост., ч. 1, стр. 512.

(2) Тамъ-же стр. 513. 515.

(3) Тамъ-же, стр. 132.

ныхъ Божіихъ церквей, и о многолѣтнемъ здравіи великаго твоего господства, и сына твоего благороднаго и благовѣрнаго Великаго Князя Ивана Ивановича всеа Руси, и о твоей братѣ молодой, о благовѣрныхъ Князяхъ, Андреи, и Борисъ, и Андреи Васильевичъхъ, и о всѣхъ вашихъ Князяхъ и о боярѣхъ и воеводахъ, и о всемъ вашему христіанобивѣмъ воинству, людѣхъ православныхъ, и о подвижѣ вашему, еже съ Божіею помощію и заступленіемъ, мужественъ, добръ стоите за домъ Святыхъ и Живоначальныхъ Троица, Отца и Сына и Святаго Духа, и за домъ Пречистые Богородица и великаго чудотворца Петра Митрополита, и за вся Божія святыхъ церкви всеа Русскія земля, и за свою святую чистую нашу пречестнѣйшую вѣру, яже во всей поднебесной, якоже солнце, сіяше православіе въ области и дръжавѣ вашего отчества и дѣдства и прадѣдства великаго твоего господства и благородія, на тоже свирѣпуетъ гордый онъ змій, вслукавый врагъ діаволъ, и воздвизаетъ на то мую брань поганымъ царемъ и его пособники поганыхъ языкъ, ихъ же послѣдняя зря.... во дно адово, идѣже имутъ наслѣдовати огнь неугасимый и тму кромѣшную (*). Въ другихъ посланіяхъ Геронтія Митрополита (²) видимъ мы, хотя не столько, это отвлеченное синтаксическое развитіе, но также стройность рѣчи.—Опять, среди всѣхъ этихъ посланій, отличаются своею народностью, и въ синтаксическомъ отношеніи, посланія Архіепископа Геннадія; мы слышимъ въ нихъ народную, прерывистую, разговорную рѣчь; находимъ почти полное отсутствіе стройности и связи синтаксической; рѣчь, которая сходна съ простымъ слогомъ грамоты и которая иногда своею живостью отличается отъ ихъ слога, имѣющаго нѣсколько оффиціальнѣй, затвер-

(¹) Акты вст., ч. 1, стр. 137.

(²) Акты вст., ч. 1, стр. 141. 143. 521. 522.

женный характеръ; напр. (мы приведемъ здѣсь нѣсколько примѣровъ, ибо слогъ этихъ грамотъ кажется намъ чрезвычайно важенъ и интересенъ, и до сихъ поръ встрѣчается только у одного Геннадія; это наша живая Русская рѣчь): *Діаки вѣдь у церкви вельно ставленые дрѣжати, просто-му не вельно на амбонѣ ни чести ни плѣти; а се и священники ставиши ты, господинъ Отецъ нашъ, первое въ священосици, сирѣчь, въ пономари, тоже опять въ діаки, въ чтеци и въ пѣвци, да послѣ въ подіаконы* (1). — *А хотѣлъ есми того вельми, чтобъ мнѣ быть на твоємъ поставленіи, господина отца нашего; а здѣсь паки господине, наказъ Государя Великаго Кнзя о его великихъ дѣльхъ, а вельмѣ ми того беречи, а къ Москвѣ пѣхати не вельмѣ за своими дѣль; да и владыки ми писали въ своей грамотѣ, что тебе уже избрали да и на митрополичъ дворъ возвели, а за конми дѣльи будетъ ти нелѣзъ пѣхати и тыбъ де къ намъ прислалъ грамоту свою новомую. А нынѣ бѣда стала земская да нечестъ государская великая: церкви старыя извѣчныя выношены изъ города вонъ, да и монастыри старыя извѣчныя съ мѣста переставлены. — Здѣсь прѣзжалъ жидовинъ новокрещеной, Даниломъ зовутъ, а нынѣ хрестьянинъ, да мнѣ сказывалъ за столомъ во всѣ люди: понарядился де есми изъ Кіева къ Москвѣ, ино де мнѣ почали Жидова лаять: «собака де ты, куды нарядился? Князь де Великій на Москвѣ церкви всѣ вымѣталъ вонъ»; а сказывалъ то предъ твоимъ сыномъ боярскимъ предъ Вяткою: ино како то безчестіе и нечестъ государству великому учинена? — А церкви Божіи стояли колико лѣтъ, а гдѣ священникъ служилъ, руки умывалъ, и то мѣсто бываетъ непроходно, а гдѣ престолъ стоялъ да и жертвенникъ и тѣ мѣста неогорожены, ино и собаки на то мѣсто ходятъ и всякой скотъ. А что дворы*

(1) Акты ист., ч. 1, стр. 144.

отдвинуты отъ гради, ино то и съ мѣпоту; а церкви бѣ стояли вокругъ города, еще бы честь граду большая была (¹). — «А се приведуть ко мнѣ мужика, и азъ велю ему апостолъ дати чести и онъ не умѣетъ ни ступити, и азъ ему велю псалтырю дати и онъ и потому едва бредетъ, и азъ его оторку, и они извѣтъ творять: «земля, господине, такова, не можемъ добыти кто бы гораздъ грамотъ;» ино де вѣдь-то всю землю измаялъ, что нѣтъ человѣка въ землѣ, кого бы избрать на поповство. Да мнѣ быють челомъ: «пожалуй деи, господине, вели учить;» и азъ прикажу учить ихъ октеніи, и онъ и къ слову не можетъ пристати, ты говоришь ему то, а онъ иное говоритъ; и азъ велю имъ учить азбуку, и они поучивъ мало азбуки да просятъ прочъ, а и не хотятъ ее учить.» (²). — Отписка Филиппа Петрова, въ отношеніи къ синтаксису, сходна съ посланіями Архіепископа Геннадія. Памятники письменности другаго рода, не посланія, но описанія, такъ сказать, какъ напр: Чинъ постановленія Епископа, Митрополита, чинъ вѣнчанія на Великое Княженіе, писанные не отъ лица, не заключаютъ въ себѣ такого развитія синтаксическаго, отвлеченнаго; но они написаны стройно и связно, какъ сочиненія письменныя, въ которыхъ присутствуетъ синтаксисъ; напр: «И егдажъ совершися Бжествѣнная служба и приспе время, ижъ возвести на мѣсто Митрополита, ѿлетѣ Князь Великий. — Быѣ же посаженіе его сице: въ Пречистои, среди цркви уготоваша мѣсто большое, идѣжъ стѣители ставятъ, и учиниша на томъ мѣстѣ три стулы: Великому Кнзю Ивану, да внуку его Кнзю Дмитрью, да Митрополиту. И егда приспѣ время, облечесъ Митрополитъ, и Архидіаконы, и Епископы, и Архимандриты, Игумены,

(¹) Акты, собр. Арх. Экст., ч. 1, стр. 478. 481.

(²) Акты вст., ч. 1, стр. 147.

и весь соборъ во ѿщениа одежи, и посреди цркви поставиша налон, а на немъ положиши шапку Манамахову, да бармы:» (¹). Особенно замѣчательнъ чинъ постановленія Епископа, въ которомъ является болѣе синтаксисъ; напр: «Съзываетъ Митрополитъ всѣхъ Епископовъ, елци суть подъ нимъ во всемъ предѣлѣ его; аще ли жъ немощно будетъ нѣкоторому отъ нихъ принти къ тому избранью, на уреченый рокъ и день, или немощи ради великіа, или пакы нѣкой великой нужди належащи, иже имутъ вси людье вѣдати, и тѣмже посылаетъ грамоту своа руки, да еже аще что сътворитъ съборъ, или кого изберутъ събравшіися боголюбивіи Епископи на поставленіе, но и тому того жъ избранія держатися и не разлучену быти своа братья, а еже аще что они съдѣютъ по преданію святыхъ Апостолъ и богоносныхъ Отецъ.» (²). Мы не приводимъ болѣе примѣровъ; думаемъ, мы уже достаточно привели ихъ выше, и что изъ вышеприведенныхъ можно имѣть ясное понятіе о слогъ и синтаксисъ. Сюда же надо отнести уставную и наказную грамоты, написанныя нѣскольکو сухимъ, скорѣе юридическимъ тономъ, какъ и самый предметъ это допускаетъ, и въ языкъ и въ синтаксисъ, имѣющія тотъ же народный оттѣнокъ; напр: «А кто данныя сеа нашея грамоты уставленія порушитъ и о семъ нашемъ писаніи нерадити начнетъ, а не Бога ради житѣ иметъ жити, соединенія и союзу духовныя любве межи собою не иметъ держати, или который братъ иметъ безъ Архимандрича слова и благословенія и безъ братіискаго вѣданія иметъ торговати или села строити собъ на собину, и азъ (имярекъ) Митрополитъ всеа Руси приказалъ Архимандриту того, яко чиноразруши-

(¹) Акты, собр. Арх. Эксп., ч. 2, стр. 26. 27.

(²) Акты, собр. Арх. Эксп., ч. 1, стр. 467.

тогда и развратника общему иноческому житію, обоемать на монастырьскую потребу, а самого изъ монастыря выслати.»⁽¹⁾, и пр. Также сюда относятся поученія священнослужителямъ; это сочиненіе, напротивъ, касается внутреннихъ обязанностей духовныхъ лицъ, написано правильно по церковно-Славянски, за исключеніемъ небольшихъ ошибокъ, какъ мы уже замѣчали, и въ то же время написано очень стройно и связно; хотя здѣсь нѣтъ того излишества, того изступленія синтаксическаго, какое замѣчаемъ мы въ иныхъ посланіяхъ, тамъ, гдѣ говоритъ лицо, личная мысль; но въ то же время здѣсь является уже синтаксическая сторона языка, какъ она развивается въ письменности, въ сферѣ языка, оторванной отъ случайности; это скорѣе правила, написанныя, какъ бы, не отъ лица, а какъ бы, сами по себѣ составленныя. Вотъ примѣры: «Потщися, о пресвитере, представи себѣ дѣлателя непостыдна, правяща слово истинно: николи же да не станиши, вражду имѣя на кого, паче же въ время святаго приношенія, да не отженши Духа Святаго, но всегда въ церкви пребывай, молвы не твори, молися и почитай святыхъ книги до часа, въ онъ же подобаетъ ти свершити божественную службу, и тако предстань, съ страхомъ и съ умиленіемъ и чистымъ сердцемъ святому жертвенику, не озираася сѣмо и овамо, но въ страхъ и трепетъ предстоя небесному Царю. — Слыши, о іерею, къ тобѣ ми есть слово: понеже нареклъся еси земный ангелъ и небесный чловѣкъ, ты съ Ангелы предстоиши, ты съ Серафимы носиши Господа, тыводиши Духъ Святый съ небеси, и претвориаши хлѣбъ въ плоть и вино въ кровь Божию. — Ты же, брате, въ сихъ пребывай, въ сихъ непрестанно поучайся, лѣность всякую оттряси. — Се тебѣ, чадо, Господь поручи священія служ-

(1) Акти, собр. Арх. Экав., ч. 1, стр. 483.

бу страшнѣй тайнѣ, рукоположеніемъ Вселенскихъ Соборъ и послушествомъ разумныхъ силъ, въ нлже желаютъ Ангели и сами приникнути. — А на соборъ приходи, и на исправленіе церковныхъ вещей, и на пріятіе истиннаго разума, да можеша дати благодать слушающимъ тебе и явитися всѣмъ, по имени твоему, свѣтъ міру. — Въсть бо Богъ, колико немощни можемъ, лѣнящеся не дѣлаемъ »⁽¹⁾ — Въ этомъ синтаксическомъ движеніи церковно-Славянскаго языка, развивался отвлеченно синтаксисъ языка Русскаго; движенія своего, какъ языка, церковно-Славянской языкъ не могъ имѣть; на немъ писали Русскіе; дѣло въ томъ, что здѣсь тогда дѣйствовала одна личная, отвлеченная, но Русская мысль; синтаксисъ приготовлялся (для Русскаго языка) въ этихъ отвлеченныхъ, чистыхъ формахъ языка церковно-Славянскаго. Здѣсь возникала эта тяжелая конструкція, глаголь на концѣ; мы не приводимъ особенныхъ примѣровъ, потому что въ приведенныхъ примѣрахъ (см. выше) является и эта конструкція; начало, элементъ ея видимъ мы въ грамотахъ (см. выше). Употребленіе опредѣляющаго слова, прежде опредѣляемаго, также встрѣчается въ языкѣ церковно-Славянскомъ; напр: «аще убо онъ великій еже Божіею рукою созданный первый человекъ»⁽²⁾ и т. п. (Примѣровъ можно найти много). И такъ эту конструкцію, этотъ порядокъ словъ видимъ мы въ нашихъ памятникахъ; но главнымъ остается свобода синтаксиса, конструкціи. Вотъ примѣръ между прочимъ: «И намъ видится, что се велики непригоже тому смятенію у васъ такъ быти церковному»⁽³⁾. — Мы сказали уже, что мы встрѣчаемъ въ письменности церковно-Славянскаго языка вмѣстѣ и обороты, свойственные ему.

(1) Акты ист., ч. 1, стр. 159. 160. 161. 162. 163.

(2) Акты ист., ч. 1, стр. 76.

(3) Акты ист., ч. 1, стр. 132.

можетъ быть, собственно, и встрѣчающіеся въ немъ въ самыя древнія времена; напр: дательный самостоятельный, употреблявшійся впрочемъ съ тою особенностью, съ которою мы находимъ его у Пестора и вообще въ нашихъ памятникахъ церковно-Славянскаго языка; можетъ быть еще и другіе обороты, особенности синтаксическія языка церковно-Славянскаго, какъ употребленіе *ѡже, яже, еже*, сочиненія въ одномъ падежѣ двухъ винительныхъ, когда въ Русскомъ языкѣ употребляется одинъ изъ падежей въ творительномъ; напр: «вась постави стража и пастуха» ⁽¹⁾, и пр. Впрочемъ мы не находимъ въ этомъ употребленіи прямого противорѣчія съ языкомъ Русскимъ. Замѣтельно употребленіе причастія, какъ прилагательнаго, что также мы нисколько не находимъ противорѣчающимъ языку Русскому и что могло быть и въ немъ: «Къ сему же предахомъ вамъ и херотонію, церковнаго ради исправленія и вашего ради священства чистоты, и за мірское спасеніе, да сихъ смотряюще, обрящете путь правый, ведущій въ животь вѣчный, и стадо паствы вашіа предпущающе» ⁽²⁾. И можетъ быть еще другіе, тому подобныя обороты; вообще различія въ синтаксисѣ церковно-Славянскаго языка и Русскаго весьма мало, какъ въ сочиненіи падежей, такъ еще менѣе въ синтаксисѣ собственно или въ оборотахъ. Мы встрѣчаемъ въ то же время обороты чисто Русскіе; напр: «а ему было.... послушну быти» ⁽³⁾, или: «идѣже будетъ ему съѣсти; и вьегда състи имъ исти; а Князю былю Дмитрію прислати своего посла; малымъ гласомъ, елико слышати предстоящимъ Святителемъ и отвѣщавати» ⁽⁴⁾—оборотъ, вѣроятно народный и тогда. Замѣ-

(1) Акты ист., ч. 1, стр. 160.

(2) Тамъ-же, стр. 115.

(3) Акты, ист., ч. 1, стр. 104.

(4) Акты, собр. Арх. Эксп., ч. 1, стр. 470, 473. Акты ист., ч. 1, стр. 101. Акты, собр. Арх. Эксп., ч. 1, стр. 472.

чательное употребленіе неопредѣленнаго: «Господи Боже нашъ, за еже немощи челоувѣческому естеству Божества понести существо, твоиѣмъ смотрѣніемъ подобострастны намъ учителя оставивъ, твой предержащій престолъ, въ еже приносить тебѣ жертву и приношеніе о всѣхъ людехъ твоихъ» (¹). — Синтаксическія начала и обороты лежатъ всегда въ народной рѣчи. Нашъ языкъ очень любитъ употребленіе неопредѣленнаго наклоненія; оборотъ будущаго сложнаго, встрѣчающійся въ церковно-Славянскомъ языкѣ, не чуждый и намъ, напр: *имѣю дѣлатъ*, также образованъ съ помощію неопредѣленнаго наклоненія; встрѣчается употребленіе будущаго въ настоящемъ, которое такъ любитъ Русская рѣчь (напр: въ древнихъ стихотвореніяхъ Кирши Данілова: «А и будетъ онъ середѣ двора», или: «Какъ возговоритъ Царь Иванъ Васильевичъ»); напр: «Святитель же прочитаетъ писаніе» (²) и пр.; мы думаемъ, что будущее здѣсь употреблено въ смыслѣ настоящаго, ибо во всемъ разсказѣ употребляется настоящее, что указываетъ на совершенную особенность и самобытность временъ глагола. Находятся и еще можетъ быть тому подобныя обороты, особенности синтаксическія языка Русскаго, народнаго подъ національнымъ опредѣленіемъ, или если самобытно принадлежавшія церковно-Славянскому языку, то не чуждыя и Русскому по крайней мѣрѣ. Главное, повторяемъ, что встрѣчаемъ мы въ церковно-Славянскихъ памятникахъ—это свобода синтаксиса, свойство Русскаго языка; въ синтаксисѣ церковно-Славянскаго языка выражается Русская мысль; церковно-Славянскій языкъ не чуждъ и не упоренъ (его свойство—отвлеченность) и потому можетъ выражать, облекать въ свои формы чисто отвлеченное ея движеніе;

(¹) Агты, собр. Арх. Эксп., ч. 1, стр. 472.

(²) Агты, собр. Арх. Эксп., ч. 1, стр. 471.

но Русской языкъ — родственный языку церковно-Славянскому, такой-же Славянской какъ и онъ; и потому свобода синтаксиса, то, что вообще мы въ Русскомъ языкъ находимъ, можетъ и самобытно принадлежать языку церковно-Славянскому.

Мы сказали, что памятники юридической письменности духовной сферы писаны языкомъ народной письменности въ этимологическомъ отношеніи; мы находимъ тоже самое и въ синтаксическомъ отношеніи.

Итакъ сдѣлаемъ общее заключеніе о языкъ нашемъ въ XV столѣтіи. Въ XV столѣтіи видимъ мы вновь церковно-Славянской языкъ, утверждающій свое мѣсто въ письменности, на основаніи своего глубокаго значенія, великихъ, священныхъ правъ своихъ. Мы видимъ памятники народной рѣчи, въ которыхъ находимъ и узнаемъ народную рѣчь подъ извѣстнымъ опредѣленіемъ. Волненіе ошибокъ продолжается; но въ тоже время замѣчаемъ движеніе впередъ Русскаго языка и видимъ измѣненіе въ этомъ присутствіи ошибокъ; ошибки уже не тѣ самыя (выше мы разсмотрѣли подробно языкъ этого столѣтія). Въ тоже время, какъ народная рѣчь является и на бумагѣ какъ разговоръ, въ своей случайности, и еще не пробудилось въ ней синтаксическое развитіе, — видимъ мы, какъ отвлеченно развивается синтаксисъ въ языкъ, отторгнутомъ отъ разговора, отъ случайности; съ одной стороны Русской языкъ, народная рѣчь, какъ и народъ, національно опредѣленная, не наполняемая общимъ содержаніемъ и неразвивающаяся еще въ себѣ общаго въ языкъ, не выходитъ изъ своей національной сферы и отзывается живымъ разговоромъ; съ другой стороны языкъ церковно-Славянской, языкъ того общаго, недоступнаго, возвышающагося надъ народомъ въ святѣхъ церкви, далекий отъ всякой случайности, проникаемый общимъ содержаніемъ, развиваетъ въ себѣ общія си-

лы языка, недоступныя тогда для языка народнаго, вѣрнаго одному съ народомъ опредѣленію; развивается ихъ въ себѣ, въ своей чистой сферѣ, отвлеченно. Въ священномъ отвлеченномъ языкѣ отвлеченно движется, воспитывается и хранится синтаксисъ собственно до того времени, когда уничтожится опредѣленіе національности, общее станетъ содержаніемъ народа, и языкъ его, освободясь отъ исключительно-національнаго опредѣленія, проникнется общимъ содержаніемъ, найдетъ для него выраженія и формы, и тогда необходимо возникнетъ въ немъ общее языка—синтаксисъ въ собственномъ значеніи. Но еще не близко это время.

Таково было состояніе языка у насъ въ XV столѣтіи.

Мы особенно подробно рассмотрѣли языкъ XV столѣтія, потому именно, что въ немъ онъ видимо опредѣляется, и состояніе его, въ отношеніи языковъ церковно-Славянскаго и Русскаго, выступаетъ явственно; дальнѣйшій ходъ языка представляетъ дальнѣйшее движеніе этого отношенія, нами выше указаннаго. Въ XVI столѣтіи видимъ мы тотъ-же церковно-Славянскій языкъ, отдѣленный отъ Русскаго, и тотъ-же Русской, живой языкъ, выражающій только національную жизнь народа; при дальнѣйшемъ развитіи дѣятельности, при большемъ количествѣ лицъ, выступающихъ на поприще письменности, видимъ мы, что столкновеніе двухъ языковъ и взаимное ихъ вліяніе также измѣняется; языкъ церковно-Славянскій остается, какъ и прежде, при тогдашнемъ національномъ опредѣленіи, отвлеченнымъ выраженіемъ всего, что возвышается надъ жизнію народною; но тѣ руссизмы, которые встрѣчали мы въ немъ, являются въ большемъ количествѣ, чаще, не измѣняя совсѣмъ тѣмъ ни сколько отвлеченности, отдаленности и характера его сферы, оста-

ющейся по прежнему не народною; умноженіе руссизмовъ ни сколько не есть шагъ къ языку Русскому, напротивъ они входятъ туда какъ невольныя ошибки, портятъ языкъ; но онъ самъ сохраняетъ свою самостоятельность и становясь дурнымъ языкомъ, все-же остается именно самимъ собою; самое то, что онъ дѣлается испорченнымъ, а не поглощаемымъ непримѣтно, показываетъ его самостоятельность, ибо показываетъ нарушение ему именно свойственнаго существа; перехода и разрѣшенія въ немъ нѣтъ; сохраняется его ограда, внутри которой дѣлаются искаженія; но сама ограда, сфера соблюдается, остается, и часто искаженіе языка не уничтожаетъ, но смѣшиваетъ его формы, неправильно употребляетъ ихъ и все же эти формы остаются чуждыми другому языку, причинъ искаженія перваго. Измѣненія эти, ошибки стали чаще, испорченность сильнѣе. Кромѣ того, что тамъ наконецъ, гдѣ формы языка церковно-Славянскаго встрѣчаются съ формами языка Русскаго, т. е. въ народныхъ письменныхъ памятникахъ, тверже и сильнѣе выступаютъ формы Русскаго языка; кромѣ этого, внутри сферы самаго языка церковно-Славянскаго видимъ мы болѣе встрѣчающихся формъ языка Русскаго и болѣе искаженія собственныхъ формъ языка церковно-Славянскаго, но безъ нарушенія, какъ сказали мы, его отвлеченной самобытности. Въ народныхъ памятникахъ, дѣлающихся многочисленнѣе, встрѣчаемъ мы болѣе Русскую рѣчь; чаще становится окончаніе Русскаго падежа на *ахъ*, на *амъ*, (собственно съ половины XVI столѣтія), до сихъ поръ еще рѣдко являвшееся; напр: *ихъ дѣтямъ*; *ихъ государствамъ*; на *поручникахъ*; съ половины XVI столѣтія (1553 года), слова уже почти постоянно утверждающіяся въ этомъ употребленіи:—*болярамъ*; *людямъ*; на *подворьяхъ*; при *великихъ чудотворцахъ*; въ *починкахъ*; *правит*

ламъ; *волостяхъ* (это слово, со второй половины XVI вѣка, начинаетъ также постоянно такъ употребляться) *крестьянамъ* ⁽¹⁾; встрѣчается часто творительный на *ами*; напр: *живуть о себѣ дворцами; Кнзьями; со всѣми угодыями* ⁽²⁾; встрѣчаются уже многія измѣненія, доселѣ не встрѣчавшіяся или встрѣчавшіяся рѣдко; напр: *вмѣсто ти—ть: торговать; платить* ⁽³⁾; старинное слово *послухъ* употребляется въ именительномъ нѣсколько разъ: *послухи*, въ Судебникѣ Иоанна IV; тутъ-же замѣчательна ошибка, уже почти не встрѣчающаяся, употребленіе именительной, отличительной формы въ винительномъ (ибо именительный въ этомъ столбѣ и въ предыдущемъ не имѣетъ уже различія съ винительнымъ); напр: *пошлется на послуши* ⁽⁴⁾; выраженіе: *о мисѣ* употребляется уже въ этомъ столбѣ: *о мисѣ* ⁽⁵⁾; двойственное число уже перешло въ современную форму; т. е. оно относится и къ числительнымъ *три* и *четыре*; напр: *четыре алтына; три столбца; три алтына* ⁽⁶⁾; замѣчательно употребленіе двойственного окончанія въ числительномъ *четыре*, окончаніе, которое теперь не употребляется, именно въ дательномъ: *четырма челоукомъ* ⁽⁷⁾; это показываетъ, какъ измѣнялось оно, какъ колебалось, и какъ наконецъ числительныя могли принять современную форму, которую они теперь имѣютъ; что касается до числительныхъ существительныхъ,

(1) Собр. Гос. гр. и дог., ч. 1, стр. 460. 465. 479. 490. Акты, собр. Арх. Эксп., ч. 1, стр. 107. 119. Акты ист., ч. 1, стр. 275. 314. 331. 339. 428.

(2) Акты, собр. Арх. Эксп., ч. 1, стр. 209. 341. Акты ист., ч. 7. стр. 461.

(3) Собр. Гос. гр. и дог., ч. 1, стр. 595.

(4) Акты ист. ч. 1, стр. 223.

(5) Собр. Гос. гр. и дог., ч. 1, стр. 404. 422. 427. 435. и пр.

(6) Акты ист., ч. 1, стр. 276. 285. Акты, собр. Арх. Эксп., ч. 1, стр. 177.

(7) Акты, собр. Арх. Эксп., ч. 1, стр. 351.

то они употребляются все еще какъ существительныя; напр: *восмь рублевъ Московская*; *десять денегъ Московская* ⁽¹⁾; но это-же прилагательное встрѣчается и съ числительными: *два, три, четыре*; напр: *далъ четыре рублѣи Ноугородскую*; *по двѣ денги по Московскую* ⁽²⁾ и пр.; замѣчательно употребленіе существительныхъ числительныхъ, какъ прилагательныхъ числительныхъ съ двойственнымъ окончаніемъ; напр: *да крестьяномъ пѣтма или шестма* ⁽³⁾, что все показываетъ нетвердость еще не установившагося употребленія числительныхъ; находится, встрѣчавшееся прежде въ грамотахъ, употребленіе: *домовъ* (*домови*): *поѣхалъ вонъ домовъ* ⁽⁴⁾; слова, получившія официальный характеръ, сохраняютъ иногда, но гораздо рѣже, свое прежнее церковно-Славянское употребленіе; напр: *намиѣстницы* ⁽⁵⁾ и пр. и т. п. Вообще употребленія Русскія, нами выше указанныя, замѣняющія церковно-Славянскія употребленія, встрѣчаются видимымъ образомъ чаще и постояннѣе въ XVI столѣтіи.

Съ другой стороны въ сферѣ языка церковно-Славянскаго, какъ сказали мы, встрѣчаемъ мы уже болѣе руссизмовъ, ошибокъ и искаженій. Мы видимъ это въ посланіяхъ духовныхъ; напр: *а есть.... 4 священники; а вкладчики которые прійдутъ; сказывали.... десятники; что де и вы.... священники* ⁽⁶⁾ и пр.; замѣчательно ошибочное употребленіе, уже рѣдко встрѣчающееся, именительнаго съ отличительною формою, въ творительномъ:

(1) Акты ист., ч. , стр. 230. Акты, собр. Арх. Эксп., ч. , стр. 361.

(2) Акты ист. ч. 1, стр. 304. Акты, собр. Арх. Эксп., ч. 1, стр. 209.

(3) Акты, собр. Арх. Эксп., ч. 1. стр. 284.

(4) Акты ист., ч. 1, стр. 451.

(5) Акты, собр. Арх. Эксп., ч. , стр. 135. 136 и др.

(6) Акты ист., ч. 1, стр. 195. 196. 543.

съ священники (1); также: другоженцами и трезженцами; лучами (2) и пр.; въ лѣтахъ; въ.... житіяхъ; въ кубкахъ; въ сердцахъ (3) и пр.; по подворьямъ; по божественнымъ правиламъ (4) и т. п. Въ одномъ посланіи Митрополита Макарія, въ посланіяхъ котораго вообще встрѣчаются собороденными многія тонкости языка церковно-Славянскаго, находится употребленіе падежа на а: *имѣти истинная правда и непорочная и теплая въра* (5) и пр. Замѣчательно употребленіе формы именительной въ звательномъ въ такихъ словахъ, которыя освящены своимъ религіознымъ значеніемъ и которыя приводятся какъ выписка: *благый мой рабъ и върный* (6); замѣчательно явленіе предлога при употребленіи предложнаго падежа въ тѣхъ словахъ, въ которыхъ онъ обыкновенно употребляется безъ предлога, что вмѣстѣ объясняетъ это употребленіе, т. е. именно, какъ употребленіе предложнаго безъ предлога: *вдоховиъ* (7); впрочемъ здѣсь можетъ быть это имѣть смыслъ на единъ, наисповѣди: *вдоховиъ заперся*; но въ дальнѣйшемъ примѣръ это, можетъ быть, имѣть обыкновенный смыслъ: *и ты бы его.... духовниъ наказалъ* (8); далѣе это употребленіе имѣетъ кажется опять первый смыслъ: *и ты бы.... того священника.... надуховниъ.... испыталъ* (9). Вообще среди ошибокъ, умножающихся въ религіозной письменности, встречаемъ мы употребленія и правильныя; напр: *мнози бо правед-*

(1) Тамъ-же, стр. 537.

(2) Акты ист., ч. 1, стр. 843. Акты, собр. Арх. Эксп., ч. 1, стр. 430.

(3) Акты, собр. Арх. Эксп., ч. 1, стр. 530. 532. 100. Акты ист., стр. 431.

(4) Акты, собр. Арх. Эксп., ч. 1, стр. 161. Акты ист., ч. 1, стр. 331.

(5) Акты ист., ч. 1, стр. 288.

(6) Акты ист., ч. 1, стр. 834.

(7) Акты, собр. Арх. Эксп., стр. 278.

(8) Тамъ-же, стр. 275. 276.

(9) Тамъ-же, стр. 276.

ницы и сильни и хабрии и святѣи цари; апостольстѣи послѣднѣи; отъ всея души; разорены алтаря моя создасте ⁽¹⁾ и т. п. Особенно встрѣчается правильное употребленіе церковно-Славянскаго языка въ посланіяхъ Константинопольскихъ и вообще Греческихъ Патріарховъ и духовныхъ; преимущественно правильно написано посланіе Александрійскаго Патріарха Іоакима (прекрасное посланіе объ освобожденіи Максима Грека) ⁽²⁾. Очень замѣчательно дѣяніе собора, бывшаго въ Вильнѣ, которое написано довольно правильно церковно-Славянскимъ языкомъ, хотя есть ошибки, какъ напр: *о священникахъ* ⁽³⁾ и т. п. Это сочиненіе носитъ на себѣ отпечатокъ Польскаго языка; напр: *святыхъ отецъ зряженіемъ; вчинихомъ; маемъ; нехай* ⁽⁴⁾ и пр.—Самъ Іоаннъ, лицо свѣтское, но когда вступаетъ въ сферу духовную или даже вообще въ сферу мысли, сферу общую, отвлеченную отъ народа и заключенную въ предѣлахъ языка церковно-Славянскаго, пишетъ уже этимъ необходимо здѣсь являющимся языкомъ. Посланія его писаны очень хорошо, искусно и краснорѣчиво и вообще правильно; много особенностей и тонкостей церковно-Славянскаго языка соблюдено, болѣе нежели у другихъ; прекрасенъ отвѣтъ его Макарію на посланіе послѣдняго къ нему, гдѣ онъ говоритъ: *на твоємъ жалованьѣ челомъ бьемъ на просвященныхъ словесехъ* ⁽⁵⁾; очень правильно написано посланіе его къ Максиму Греку, съ сохраненіемъ въ немъ многихъ тонкостей церковно-Славянскаго языка; въ немъ находится одна странная и яркая ошибка; употреблена

(1) Акты, ист., ч. 1, стр. 293. 329. 289. 534.

(2) Тамъ-же, стр. 194—195.

(3) Акты ист., ч. 1., стр. 527.

(4) Тамъ-же, стр. 528. 526. 527. 528.

(5) Акты ист., ч. 1, стр. 296.

въ именительномъ множественнаго форма винительнаго множественнаго церковно-Славянскаго языка (по крайнѣй мѣрѣ иначе нельзя объяснить это): *съпрестолники, святѣа и богоноснѣа Отца, лсно предаша* ⁽¹⁾ и пр., тогда какъ встрѣчается въ другихъ мѣстахъ правильное употребленіе именительнаго падежа церковно-Славянскаго множественнаго числа. Особенно замѣчательно длинное посланіе Царя Іоанна Васильевича въ Кирилло-Бѣлоозерскій монастырь игумену Козмѣ съ братією; здѣсь встрѣчаются ошибки, но мало; напр: *святѣа же мірянѣа иноки; вси жеа легки яко странники; началники уставили* ⁽²⁾ и пр.; замѣчательно употребленіе падежа народнаго на *а* или *я*; *дати воля Царю* (вѣроятно это единственное, а не множественное число); *опала своя положити* ⁽³⁾ и т. п.; въ этомъ посланіи видимъ мы церковно-Славянскій языкъ, особенно въ иныхъ мѣстахъ являющійся очень правильно, со всѣми своими тонкостями (*тацижеа и унии мниси по нихъ суще; одежда брачныа имущи; на нныа стезя* ⁽⁴⁾ и пр.); но иногда языкъ становится простѣе, слышится народная рѣчь и тогда является этотъ народный падежъ на *а*, который указали мы выше. Замѣчательно употребленіе родительнаго падежа согласно съ *тѣмъ*, какъ мы опредѣлили его прежде: *плакатисѣа грѣховѣа своихъ* ⁽⁵⁾. Есть еще два коротенькихъ посланія Івана Васильевича, но они написаны просто почти народнымъ языкомъ и носятъ на себѣ его характеръ.

Мы должны упомянуть также о сочиненіяхъ и посланіяхъ св. Іосифа Волоцкаго (жившаго въ концѣ XV и въ

(1) Тамъ-же, стр. 297.

(2) Акты ист., ч. 1, стр. 372. 376. 380.

(3) Тамъ-же, стр. 380, 384.

(4) Тамъ-же, стр. 388. 377. 391.

(5) Акты ист., ч. 1, стр. 372.

началь XVI вѣка); онъ написалъ сказаніе о жиновской ереси и шестнадцать краткихъ словъ противъ нея ⁽¹⁾; сказаніе написано правильно, за исключеніемъ нѣкоторыхъ немногихъ ошибокъ. То-же мы должны сказать и о посланіяхъ его ⁽²⁾, хотя они въ тоже время написаны простымъ языкомъ; ошибокъ немного; встрѣчается: въ *трехъ лицахъ*; въ *ангелахъ* ⁽³⁾; *херувимами* ⁽⁴⁾. Все, что только возвышается надъ народною жизнью, что является, какъ сфера мысли, общаго, необходимо принимаетъ формы языка церковно-Славянскаго, хотя-бы они и искажались; это, какъ мы объяснили выше, не вредитъ его самобытности. Такъ Исторія Князя Курбскаго, переписка его съ Іоанномъ написаны на томъ-же языкѣ. Въ этой Исторіи Князя Курбскаго и другихъ сочиненіяхъ его, среди правильныхъ употребленій церковно-Славянскихъ тонкостей встрѣчаются ошибки, яркія употребленія Русскихъ окончаній, формъ Русскаго языка; напр: въ *военныхъ вещахъ*; по *коликыхъ дняхъ*; *при дѣлахъ*; *торжествахъ* ⁽⁵⁾ и пр.; по *стогнамъ*; по *торжищамъ*; по *другимъ градамъ*; *сердцамъ* ⁽⁶⁾ и т. п. Въ Исторіи его замѣтно вліяніе иностранныхъ языковъ и языка Польскаго: *бають бабулы*; въ.... *каморахъ* ⁽⁷⁾; онъ употребляетъ слово: *шляхта*: *отъ Рязанскія шляхты* ⁽⁸⁾; онъ говоритъ даже, какъ измѣнникъ, отчуждаясь отъ Россіи: *величые гордые паны по ихъ языку боярове* ⁽⁹⁾.

(1) Древн. Росс. Вѣст. изд. 2. М. 1790. ч. XVI, стр. 429, 423, ч. XIV стр. 128, 147.

(2) Древн. Росс. Вѣст., чч. XIV и XVI.

(3) Тамъ-же, ч. XIV, стр. 221. 222.

(4) Тамъ-же, стр. 224.

(5) Сказанія Князя Курбскаго. Слб. 1823. ч. 1, стр. 159. 120. ч. 2. стр. 4.

(6) Тамъ-же, ч. 1, стр. 6. 15. ч. 2. стр. 5.

(7) Тамъ-же, ч. 1. стр. 85. 143.

(8) Тамъ-же, стр. 147.

(9) Тамъ-же, стр. 5.

То-же самое должны мы сказать о перепискѣ, особенно о позднѣйшей, Курбскаго съ Іоанномъ Грознымъ; опять то-же непріятное впечатлѣніе производитъ употребленіе Польскихъ и другихъ иностранныхъ словъ въ посланіяхъ Курбскаго: *предъ маестатомъ Христия моего; трудные декреты* (¹). Въ другихъ посланіяхъ къ иностранцамъ Андрея Курбскаго это встрѣчается еще сильнѣе: *людей зацныхъ; елоуцую; шкода* (²) и пр. и пр. Въ посланіяхъ Іоанна къ Князю Курбскому мы, какъ и въ другихъ его посланіяхъ, видимъ правильный церковно-Славянскій языкъ, съ его особеннымъ характеромъ, болѣе нежели у Курбскаго и тѣ-же, хотя не въ такомъ числѣ, ошибки: встрѣчается: *въ... прородительствіяхъ* (здѣсь ошибка не такъ ярка); *мьстахъ; его дочерямъ* (³) и т. п. Въ посланіяхъ Курбскаго мы видимъ относительно особенныхъ оборотовъ церковно-Славянскаго языка, ошибки, показывающія, что знаніе или привычка не соответствовала притязанію; напр: *нехотящу и немыслящу ей о томъ; мы заслониша; пишеши.... акы научающе.... и наказующе* (⁴), что не уничтожало церковно-Славянскаго языка, а напротивъ показывало притязаніе на него. Въ посланіяхъ Іоанна видимъ мы правильное употребленіе; но тамъ, гдѣ рѣчь его становится проста, встрѣчается: *и я его и мать отъ того свободи; а мы написахомъ не гордяся, ни дмяся* (⁵) (последняя ошибка, какъ не столько яркая, встрѣчается чаще).

Въ XVI вѣкѣ имѣемъ мы еще посланія четырехъ бояръ: Бѣльскаго, Мстиславскаго, Воротынскаго и боярина Ивана Петровича къ Сигизмунду и Хоткѣвичу; въ нихъ видимъ

(¹) Сказанія Князя Курбскаго, ч. 2, стр. 105. 149.

(²) Тамъ-же, ч. 2, стр. 171. 173.

(³) Сказанія Князя Курбскаго, ч. 2, стр. 14. 114. 119.

(⁴) Тамъ-же, ч. 1, стр. 2. 17. 144.

(⁵) Сказанія Князя Курбскаго, ч. 2, стр. 113. 114.

тъ-же руссизмы, ошибки, то-же искаженіе формъ церковно-Славянскаго языка, (при соблюденіи иногда его тонкостей: *во трехъ лицъхъ; не съисти душа* ⁽¹⁾) и наконецъ тъ-же иностранныя и собственно Польскія слова. Вотъ примѣры сказаннаго нами: *съ предками; войсками* и пр.; *Государствамъ* и пр.; *въ вертепахъ* ⁽²⁾ и т. п. Въ этихъ посланіяхъ менѣе притязанія собственно на церковно-Славянскій языкъ, на его обороты; это видно изъ слѣдующаго: прошедшее время церковно-Славянское почти не встрѣчается; но есть ошибки противъ тѣхъ оборотовъ церковно-Славянскаго языка, которые тутъ находятся: *а нашъ панъ родъ великій будучи... вышелъ* ⁽³⁾. Мы видимъ въ этомъ посланіи уже болѣе являющіяся формы Русскаго языка: *и*, также *я*, часто уже замѣняется *ь*, *щ*—*ч*: *хочешь; учнешь; поддаться; имѣть; въдаючи* ⁽⁴⁾; иностранныхъ словъ встрѣчается много: *прокураторы и лотрове и фалиеры; захватити; обѣцуете; нехай* ⁽⁵⁾ и пр. Встрѣчается здѣсь то-же народный падежъ на *а*: *также и того не бывало, что Литва Москва судити* ⁽⁶⁾.

Что касается до синтаксиса, то мы должны сказать то-же, что сказали и прежде, говоря о XV столѣтіи; относительно оборотовъ, порядка словъ и относительно періода надо замѣтить впрочемъ, что церковно-Славянскій синтаксисъ въ теченіи словъ становился проще, то есть не столько выдается отвлеченный, терявшій конецъ свой, періодъ, и кажется болѣе связи. Въ Русскомъ-же періодѣ въ посланіяхъ Іоанна замѣчательно, что тамъ, гдѣ онъ, оста-

(1) Древн. Росс. Визл., т. XV, стр. 30. 25.

(2) Тамъ-же, стр. 44. 58. 54.

(3) Древн. Росс. Визл., т. XV, стр. 57.

(4) Тамъ-же, стр. 23. 28. 44. 45. 53.

(5) Тамъ-же, стр. 30. 34. 45. 46.

(6) Тамъ-же, стр. 74.

вляя общую сферу, свои разсужденія, гдѣ является церковно-Славянскій языкъ: («Въ нынѣшнемъ времени ихъ же и слышаніе странно, а еже послѣдствовать святыхъ невозможно, но точію дивитися сихъ добродѣтелей высотъ, яко-же мы не достигаемъ сихъ добродѣтелей и постническихъ трудовъ» ⁽¹⁾)—начинаетъ говорить какъ лицо,—живой Русской языкъ выступаетъ со всею силою; напр: «А Шереметеву какъ назвати братію? ано у него и десятой холопъ, которой у него въ кельѣ живетъ, ѣстъ лучши братій, которые въ трапезѣ ѣдятъ. И величины свѣтильницы, Сергій и Кирилъ, и Варламъ и Димитрій, и Пафнутій, и мнози преподобнии въ Рускій земли, установили уставы иночскому житію крѣпостныя, яко-же подобаетъ спастися; а бояре къ вамъ пришедъ, свои любострастные уставы ввели» ⁽²⁾.—«Князь Иванъ Кубенской былъ у насъ дворецкой; да у насъ кушаніе отошло прѣзжее, а всенощное благовѣстать; и онъ похотѣлъ тутъ поѣсти да испити, за жажу, а не за прохладъ; и старецъ Симонъ Шубинъ и иные съ нимъ не отъ болшихъ (а болшіе давно отошли по кельямъ), и они ему о томъ какъ бы шутками молвили: Князь Иванъ-су, поздо, уже благовѣстать; да сесь сидячи у поставца съ конца ѣстъ, а они съ другаго конца обираютъ, да хватились хлѣбнуть испити, ано ни капли не осталось, все отнесено на погребъ» ⁽³⁾.—Въ посланіяхъ Курбскаго къ Іоанну не видимъ мы такого рѣзкаго отпечатка народной рѣчи; но въ посланіяхъ Іоанна къ Курбскому, собственно во второмъ, находимъ мы ту-же простую рѣчь, какъ и въ другихъ его посланіяхъ: «Ты чего для понялъ Стрѣлецкую жену? Только бѣ есте на

(1) Акты, ист., ч. 1, стр. 377.

(2) Акты ист., ч. 1, стр. 379.

(3) Акты ист., ч. 1, стр. 382.

меня съ попомъ не стали; ино бѣ того ничего не было: все то учинилося отъ вашего самовольства» (1). — «Что его достоинство къ Государству? которое его поколѣнье? Развѣе ваша измѣны къ нему, да его дурости? Что вина моя передъ нимъ?» (2). — Здѣсь образовывается уже настоящій прекрасный слогъ, встрѣчающійся въ нѣкоторыхъ оборотахъ у Курбскаго и у Іоанна. У Курбскаго: «Пока рече, Юргъ стояше и мѣсто главное, идеже престолѣ, Царевъ былъ, потыя жъ до смерти браняхомся за Царя и отечество; а нынѣ Царя вамъ отдаемъ здрава: ведите его ко Царю своему! А остатокъ насъ исходитъ на широкое поле—испити съ вами послѣднюю чашу!» (3). — «Правду во истинну глаголю, и дарованна духа храбрости, отъ Бога данна ми, не таю» (4). У Іоанна: «Мы же хвалимъ за премногую милость, происшедшую на насъ, еже не попусти доселѣ десницъ нашей единоплемянною кровію обагритися: понеже не восхитихомъ ни подѣ кимъ же Царства, но Божиимъ изволеніемъ и прародителей и родителей своихъ благословеніемъ, яко же родихомся во царствѣ, тако и возрастохомъ и воцарихомся Божиимъ вельніемъ и родителей своихъ благословеніемъ свое взяхомъ, а не чужее восхитихомъ» (5). — «Якоже рекосте: нѣсть людей на Русіи! некому стояти! — и нынѣ васъ нѣтъ: кто же нынѣ претвердые грады Германскіе взимаетъ? Сила Животворящаго креста, побѣдившая Амалика, и Максентія, грады взимаетъ! Не дожидаются грады Германскіе браннаго бою, но явленіемъ Животворящаго креста поклоняютъ главы

(1) Сказ. Кн. Курбскаго, ч. 2, стр. 112.

(2) Тамъ-же, стр. 113.

(3) Сказ. Кн. Курбскаго, ч. 1, стр. 41.

(4) Тамъ-же, стр. 43.

(5) Сказ. Кн. Курбскаго, ч. 2, стр. 14.

свои.»⁽¹⁾. — «А писалъ себя въ досаду, что мы тебя въ дальноконечныя грады, кабы опаляющеся, посылали: ино нынѣ мы, Божіею волею, своею съдиною и далѣ твоихъ дальноконечныхъ градовъ прошли, и коней нашихъ ногами перѣхали всѣ ваши дороги, изъ Литвы и въ Литву, и пѣши ходили, и воду во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ пили: ино ужъ ли нельзя говорить, что не вездѣ коня нашего ноги были?»⁽²⁾.

Но въ сочиненіяхъ именно свѣтскихъ, отчасти и духовныхъ, встрѣчаются слова новѣйшія, слова взятые изъ жизни современной. Отдѣльныя личности, преданныя современной жизни, переходя въ область общаго и вмѣстѣ языка церковно-Славянскаго, приносили туда съ собою и эти чуждыя ему слова, запечатлѣнные современностью, часто слова иностранныя, которыя дико являются, среди его формъ, такъ отрѣшенныхъ отъ всего преходящаго, историческаго, такъ отвлеченныхъ. Зданіе стояло, но внутри его уже не было такъ строга и чисто, какъ прежде; уже много посторонняго нанесено было туда, что, хотя и не разрушало самого зданія, но сильно противорѣчило съ его характеромъ. Мы видимъ это въ исторіи Курбскаго, въ его перепискѣ съ Іоанномъ и въ другихъ его письмахъ, также въ посланіяхъ самого Іоанна, но не въ такой степени. Въ посланіяхъ четырехъ Болръ (см. выше), посланіяхъ, написанныхъ, какъ замѣтили мы, довольно просто, видимъ мы тоже чуждыя слова, которыя помѣщаются между словами и среди формъ языка церковно-Славянскаго. Мы видимъ это здѣсь болѣе, нежели гдѣ нибудь.

И такъ въ XVI столѣтіи находя тѣже отношенія между языками, мы видимъ, какъ въ языкѣ Русскомъ, въ его

(1) Сказ. Кн. Курбскаго, стр. 113—114.

(2) Тамъ-же, ч. 2, стр. 114.

собственно памятникахъ выступаютъ болѣе ему принадлежащія формы, и какъ съ другой стороны въ еще сохраняющейся и самобытно стоящей сферѣ церковно-Славянскаго языка являются гораздо въ большемъ и возрастающемъ числѣ руссизмы, ошибки, искаженія, чуждые слова. Народъ былъ исключительно націоналенъ, не имѣлъ общаго, и языкъ его выражалъ только національность, не былъ и не могъ быть орудіемъ общаго, отъ него отвлеченнаго; языкъ-же церковно-Славянскій былъ выраженіемъ общаго, былъ отвлеченъ отъ народа. Другаго выраженія общаго не было; естественно, что индивидуумъ, восходя къ общему и отрываясь отъ народа, переходилъ въ отвлеченный отъ него міръ, переходилъ въ сферу языка церковно-Славянскаго собственно, даже и потому, что другаго выраженія общаго не было, и вмѣстѣ приносилъ съ собою слова изъ своего случайнаго, историческаго и въ тоже время національнаго міра, и такимъ образомъ искажалъ характеръ языка церковно-Славянскаго. Это ложь, которая происходитъ изъ взаимнаго отношенія той и другой сферы. (Здѣсь не было освобожденія индивидуума отъ національности; содержаніе, которое приносилось на основаніи только личнаго участія, не было общее; тогда какъ характеръ религіозный, котораго выраженіе былъ языкъ церковно-Славянскій, самъ въ себѣ есть общій, истинный, вѣчный).

Наконецъ наступилъ XVII вѣкъ, вѣкъ столько замѣчательный въ Россіи своими историческими событіями, переворотами, волненіями, вѣкъ, начинающійся Борисомъ и заключающійся Петромъ. Вторженіе насильственное, въ началѣ столѣтія, иностранцевъ со всѣхъ сторонъ въ Русскіе предѣлы; волненіе, всколебавшее всѣ города, села и деревни, отъ средоточія Москвы до самой крайней окружности, поднявшее народъ на защиту отечества; безпрестанно про-

буждающееся сочувствіе, пробѣгавшее по всей землѣ Русской отъ мѣста до мѣста; безпрестанныя вслѣдствіе того сношенія и воззванія другъ къ другу, сношенія и договоры съ врагами,—все это подарило намъ бездну драгоценныхъ памятниковъ, много и много освѣщающихъ существо Русскаго народа, объясняющихъ историческія судьбы его, драгоценныхъ и въ отношеніи къ языку. Результаты этихъ событій оказываются во все продолженіе столѣтій, пока Петръ внесъ еще разительнѣйшія особенности въ Россію и вмѣстѣ въ языкъ ея.

Въ началѣ столѣтій, при Борисѣ, видимъ мы такое-же отношеніе между языкомъ Русскимъ и языкомъ церковно-Славянскимъ, такое-же состояніе и того и другаго вообще. Въ прощальной грамотѣ Іова находимъ мы правильное съ небольшими исключеніями употребленіе склоненій церковно-Славянскихъ и вообще грамматики; напр: *Рускія Митрополія; нераздѣлимая Троица; Рускія земля; святая церкви; святѣя церкви* ⁽¹⁾ и пр.; но разумѣется встрѣчаются ошибки; напр: *Великія Государыни Царицы* ⁽²⁾ и др.; впрочемъ ошибокъ немного, и грамота, что уже встрѣчалось не часто, написана почти правильно церковно-Славянскимъ языкомъ. Тѣ же особенности слога и языка находимъ въ другихъ государственныхъ грамотахъ; народный языкъ выдается въ нихъ все болѣе и болѣе. — Но скоро стройный порядокъ нарушился и царствованіе избраннаго (не всею землею) новаго Царя Василія Ивановича не было спокойно. Явился новый самозванецъ, предлогъ и причина возмущеній, вооружались Поляки, потомъ Шведы, изъ союзниковъ ставшіе непріятелями, народъ поднялся, возникли частыя сношенія и вмѣстѣ умножились грамоты; въ грамотахъ народныхъ

(1) Соб. Гос. грам. и дог., ч. 2, стр. 179. 180. 182. 184.

(2) Тамъ-же, стр. 181.

являлась народная рѣчь съ большими особенностями, съ болѣе выражающимся своимъ складомъ; примѣровъ множество, напр: *цѣловальникамъ; дѣламъ; сапогамъ; вѣстямъ* ⁽¹⁾ и пр. и пр.; *на молебнахъ; о рубескахъ; въ судахъ; въ черницахъ* ⁽²⁾ и пр. и пр.; *неводами; мужиками; съ стрѣльцами; противниками и врагами* ⁽³⁾ и пр. и пр. Можно сказать, что Русскія окончанія начинаютъ уже попадаться чаще или покрайней мѣрѣ столько-же, какъ и окончанія церковно-Славянскія, даже и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ упорно сохранялись послѣднія, въ случаяхъ, примѣры которыхъ мы сейчасъ привели. Такое, встрѣчающееся часто въ грамотахъ этого столѣтія, употребленіе Русскихъ окончаній, указываетъ ясно на то, что они употреблялись въ народѣ, и въ тоже время употребленіе церковно-Славянскихъ окончаній, напр: *пошлинникомъ; болромъ; гонимъ; въ полкахъ; ни которыми дѣлы; съ дворяны; даже встрѣчается намѣстницы* ⁽⁴⁾ (впрочемъ это употребленіе церковно-Славянскаго именительнаго встрѣчается очень рѣдко, собственно только въ официальныхъ словахъ и особенно въ словѣ *намѣстники*)—указываетъ на то, что слѣдовательно это было принадлежностію собственно языка церковно-Славянскаго; ибо тутъ-же приводятся другія формы, этому языку несвойственныя. Мы находимъ въ это время, очень часто попадающееся, употребленіе творительнаго именъ женскаго рода, сходнаго съ именительнымъ, чего никогда не было въ языкъ церковно-Славянскомъ и что встрѣтилось разъ даже у Нестора; напр: *и грамоты съ*

(1) Акты ист., ч. 2, стр. 38. 81. 86. 221.

(2) Тамъ-же, стр. 89. 224. Акты, собр. Арх. Эксп., ч. 2, стр. 119. 279.

(3) Акты ист., ч. 2, стр. 105. 217. 246. Акты, собр. Арх. Эксп., ч. 2 стр. 300.

(4) Акты ист., ч. 2, стр. 104. 118. 174. Акты, собр. Арх. Эксп., ч. 2 стр. 180. 199. 304. Акты ист., ч. 2, стр. 75. Акты, собр. Арх. Эксп., ч. 2, стр. 122. 140.

нимъ никто не сослался; передъ бояриномъ и воеводы; обыскалъ... посадскими старосты; рыбными ловли ⁽¹⁾, и пр. и пр. Это подтверждаетъ мнѣніе, что такая форма падежа не была особенною формою, собственно тому падежу принадлежащую только въ именительномъ множественнаго именъ мужескаго и средняго рода и различавшеюся отъ именительнаго тонкимъ оттънкомъ *ы* отъ *и*, также переменною буквъ мягкихъ въ твердыя. Основаніе ея въ Русскомъ языкѣ было просто первобытное сходство съ именительнымъ вѣхъ падежей, соответственно сходству съ именительною формою (на *а*) въ винительномъ падежѣ единственнаго числа именъ женскаго рода; употребленіе чисто Русское и часто попадающеея. Это-же доказываетъ намъ часто встрѣчающеея въ грамотахъ уже съ давняго времени употребленіе именительной формы въ родительномъ падежѣ множественнаго числа, напр: въ словахъ *съ обѣ стороны* (что находимъ и въ XVII столѣтіи: *съ обѣ стороны*, также *со вѣхъ стороны* ⁽²⁾); двойственное должно было-бы быть *съ обою сторону*, множественное *съ обоихъ* или *съ обѣихъ сторонъ*; но здѣсь встрѣчаемъ мы просто именительную форму множественнаго числа. Замѣчательно появленіе предлога при словахъ, употреблявшихся безъ предлога; напримѣръ: *въ зимѣ* ⁽³⁾ и пр., тогда какъ употребляется въ другихъ случаяхъ безъ предлога, какъ прежде: *зимѣ*, ⁽⁴⁾ и пр. Вообще Русская рѣчь является сильнѣе и сильнѣе, чаще и чаще съ своими формами, съ одной стороны освобождая ихъ отъ языка церковно-Славянскаго, съ другой стороны развивая ихъ самобытно, приближаясь къ современнымъ формамъ. Мы замѣчали

(1) Акты ист., ч. 2, стр. 35. 63. 82. 100.

(2) Акты, собр. Арх. Эксп., ч. 2, стр. 281. Акты ист., ч. 2, стр. 311.

(3) Акты ист., ч. 2, стр. 84.

(4) Тамъ-же, ч. 2, стр. 82.

уже прежде особенности Русской рѣчи, еще не сильно, не часто являющіяся; здѣсь эти особенности уже являются гораздо сильнѣе и чаще; Русская рѣчь выступаетъ уже твердо въ этомъ столѣтіи, хотя конечно еще не вполне, и въ письменности. Въ смутное время писались посланія отъ духовныхъ лицъ, и въ нихъ слышимъ церковно-Славянскій языкъ, иногда довольно строго и чисто являющійся; это находимъ мы въ приветствіи Благовѣщенскаго протопопа Димитрію Самозванцу ⁽¹⁾; оно написано очень правильно и замѣчательно по своему содержанию; грамоты о молебствіи Митрополита Филарета ⁽²⁾ и др., въ самомъ началѣ XVII столѣтія, написаны съ слабымъ только отбѣнкомъ церковно-Славянскаго языка; формы Русской рѣчи встрѣчаются уже часто. Во время смутное междоусобія особенно замѣчательны воззванія Патриарха Ермогена: онѣ написаны очень правильно по ц. с. (на пр: *помилуйте своя душа* ⁽³⁾ и пр.); одна встрѣчается только яркая ошибка: *на крылахъ* ⁽⁴⁾. Далеко не такъ правильно написаны воззванія Троицко-Сергіева монастыря Архимандрита Діонисія и келаря Авраамія, напр: *гдѣ иноки Пречистой Богородицы; о подвигъ* ⁽⁵⁾; встрѣчается даже употребленіе: *со многими воеводы* ⁽⁶⁾; въ одной грамотѣ встрѣчается даже дательный падежъ большею частію на *амъ*; напр: *Архимандритамъ и игуменамъ; дворянамъ* ⁽⁷⁾ и пр. и пр. Въ тоже время видимъ мы на родныя грамоты, въ которыхъ находимъ характеръ и особенности собственно Русской рѣчи, что привели мы

(1) Акты, собр. Арх. Эксп., ч. 2, стр. 383. 385.

(2) Тамъ-же, стр. 126. 136. 166. 168.

(3) Тамъ-же, стр. 287.

(4) Тамъ-же, стр. 291.

(5) Акты, собр. Арх. Эксп., ч. 2, стр. 239. 253.

(6) Тамъ-же, стр. 251.

(7) Собр. Гос. грам. и догов., ч. 2, стр. 577.

уже выше. Мы должны сказать нѣсколько словъ о синтаксисѣ этого времени; это время произвело много грамотъ народныхъ, не официальныхъ, и также много грамотъ духовныхъ, живо устремленныхъ къ народу. Въ этихъ грамотахъ языкъ, хотя безъ дальнѣйшаго своего развитія, становился простъ съ одной стороны, съ другой все оставаясь народною рѣчью, не такъ отрывистъ, болѣе связанъ. Что касается собственно до Русскаго синтаксиса, то слова наши, сказанныя выше о немъ, продолжаютъ здѣсь подтверждаться; мы встрѣчаемъ здѣсь тѣже вольные, иногда замкнутые обороты (напр: «мы вамъ меньшіе болшимъ не указываемъ; сами-то можете своимъ премудрымъ Богомъ даннымъ разумомъ разсудити» ⁽¹⁾ и пр.) и вообще ту же свободу синтаксиса. Приведемъ нѣкоторые примѣры: «И вамъ бы господа, помянутя Бога и Пречистую Богородицу и Московскихъ Чудотворцовъ, Петра, Алексѣя, Іону, собрався съ ратными людьми и сослався съ околными городами и съ нами, итти къ царствующему граду Москвѣ, на которые города вамъ податиѣ; а мы, напередъ себя, отпустили изъ Нижнего Новгорода въ Володимеръ головъ съ сотнями, а съ ними дворянъ и дѣтей боярскихъ, Литву и Нѣмецъ, и многихъ людей, да голову стрѣleckаго съ его приказомъ стрѣльцы, Февраля въ 8 день, а сами со всеми людьми, съ околными многими городами, и съ нарядомъ, за ними тотчасъ идемъ. И вамъ бы, господа, однолично поспѣшити походомъ, чтобъ намъ Московскому государству вскорѣ помочь учинити. А съ Рязани думной дворянинъ Прокофей Ляпуновъ, а съ Колуги бояре, по ссылкѣ съ Сиверскими и съ Украинными городами, ко царствующему граду Москвѣ на Полскихъ и на Литовскихъ людей пошли» ⁽²⁾. —

(1) Акты, собр. Арх. Эксп., ч. 2, стр. 323.

(2) Акты, собр. Арх. Эксп., ч. 2, стр. 296.

«Будте съ нами обще, за одно, противъ враговъ нашихъ и вашихъ общихъ; помяните одно: только коренью основанье крѣпко, то и древо недвижно; только коренья не будетъ, къ чему прилѣпиться? (1)—И такую ихъ неправду, видя всѣ города Московскаго государства, сослався межъ собою, утвердились на томъ крестнымъ цѣлованьемъ, что быти намъ всемъ православнымъ христіаномъ въ любви и въ соединеніи, и прежнего междусобства не считати, и Московское государство отъ враговъ нашихъ, отъ Полскихъ и отъ Литовскихъ людей, очищати неослабно до смерти своей, и грабежей и налогу православному христіанству отнюдь не чинити, и своимъ произволомъ на Московское государство Государя безъ совѣту всей земли не обирати (2).—А втретье мы къ нимъ писали, Генваря въ 20 день, Соли Вычегоцкіе съ посадскимъ человѣкомъ съ Олешкою Лукинымъ, что они, по то число, ратныхъ людей къ Государю на помощь не посылавали; да и посю пору ихъ ратные люди мимо насъ не прохаживали, ни одинъ челоѣкъ и Государевымъ ратнымъ дѣломъ не радѣютъ и не промышляютъ, и съ нами Усолцы о томъ Государевъ о ратномъ дѣлѣ не совѣтуютъ, и то Государево великое дѣло ставятъ въ оплошкѣ.—А пишутъ они Пермичи къ намъ и къ вамъ на Устюгъ ложно, словомъ, а не дѣломъ, все ставятъ въ откладку, чтобъ имъ ратныхъ людей не послати, и людей посылаютъ съ грамотками для вѣстей, чтобъ имъ за другимъ пробыти (3).—Да тотъ же деи Черемисинъ сказалъ: пришла де изъ Казани Государева Царева и Великаго Князя Василья Ивановича всеа Руссіи сила, Татарова и Чуваша и Черемиса, двѣ тысячи да триста стрѣльцовъ

(1) Акты, собр. Арх. Эксп., ч. 2, стр. 298.

(2) Тамъ-же, стр. 249.

(3) Акты вст., ч. 2, стр. 166.

Свіяжскихъ; а какъ де тотъ Черемисинъ отъ Царева поѣхалъ, и учало оружье говорити подъ Царевымъ, стала Казанская сила ко Цареву приступати; а Черемисинъ де для того въ Яранской и пріѣхалъ, выбирати Черемисы противъ Казанскіе силы, съ дѣлу по челоуку, и чають ден, Генваря въ 26 день имъ изъ Яранскаго насылка будетъ ⁽¹⁾.—И ты рѣчи были у насъ на Лобномъ мѣстѣ, въ субботу сырную, да и разѣхались, иные въ городъ, иные по домоу поѣхали, потому что враждующимъ поборниковъ не было, и въ совѣтъ ихъ къ нимъ не приставалъ ни кто; а которые и были не многіе молодые люди и онѣ имъ не потакалижъ, и такъ совѣтъ ихъ вскорѣ разрушился, и праведнымъ судомъ Божиимъ, вскорѣ постиже ихъ гнѣвъ Божій, и нападе на нихъ страхъ и ужасъ, и бѣжаша никимъ же гоними, отъ свѣта во тму и отъ живота въ смерть, и аще не обратятся и не покаются, будутъ во адѣ; солгалось про старыхъ то слово, что красота граду старые мужи, а тѣ старые и молодому бѣду доспѣли и за тѣхъ имъ въ день страшнаго Христова суда отвѣтъ дати» ⁽²⁾.—Иногда посланіе духовное пишется простымъ языкомъ и сохраняетъ только общій характеръ и, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно выдающіяся выраженія церковно-Славянскія; напр: въ грамотѣ Патриарха Гермогена: «Бывшимъ братіямъ нашимъ, нынѣ же и не вѣдаемъ какъ и назвати васъ, понеже во умъ намъ не вмѣщается сотвореная вами, ни слухи наши никогда же таковыхъ пріѣша, ни въ лѣтописаніяхъ видѣхомъ, каковая не вмѣстимое челоуческому уму содѣяшася вами; кто о семъ не удивится, или кто не восплачетъ?» ⁽³⁾— А вы, забывъ крестное цѣлованье, немногими людьми воз-

(1) Акты вст., ч. 2, стр. 169.

(2) Акты, собр. Арх. Эксп., ч. 2, стр. 200.

(3) Акты, собр. Арх. Эксп., ч. 2, стр. 287.

стали на Царя, хотите его безъ вины съ царства свести, а міръ того не хочетъ да и не вѣдаетъ, да и мы съ вами въ тотъ совѣтъ не приставаемъ же» ⁽¹⁾ и пр.—Иногда посланіе народное принимаетъ, мѣстами особенно, характеръ церковно-Славянской рѣчи; напр: «И мы бояромъ Московскимъ давно отказали и къ нимъ о томъ писали, что они, прелстися на славу вѣка сего, Бога отступили и приложились къ Западнымъ и къ жестосерднымъ, на своя овца обратились ⁽²⁾».—И великаго пресвѣтлѣйшаго отцемъ отца, Патріарха Ермогена Московскаго и всеа Русіи, съ престола сведечи, и въ нужной смертной тѣснотѣ держать, втораго Златоуста, исправляющаго по истиннѣ слово истинны и обличающаго несумѣтельнымъ безстрашіемъ, предателей и отступниковъ вѣры христіанскія, и многой безчисленной народъ христіанской лютой смерти предаша» ⁽³⁾.—Вообще надо замѣтить, что были какъ въ томъ, такъ и въ другомъ языкѣ слова освященныя въ ихъ употребленіи временемъ, слова официальныя, какъ мы называли ихъ, они почти не измѣняются; и не только встрѣчаются слова, но цѣлыя выраженія, обороты, именно въ языкѣ церковно-Славянскомъ, которые переходили отъ одного къ другому, не измѣняя своей формы; въ вышеприведенныхъ примѣрахъ можно видѣть такія выраженія. Нельзя не замѣтить также, что въ смутное время нѣкоторые изъ Русскихъ предателей, передавшіеся Полякамъ, старались поддѣлываться подъ Польскій языкъ, что является ясною, видимою уликою ихъ измѣны землѣ своей; напр: въ письмѣ Федора Андронова Литовскому Канцлеру Сапѣгѣ: «А тожъ, милостивый пане, промежъ иншими рѣчами напотребнѣйши, чтобы какое войско въ тераз-

(1) Тамъ-же, стр. 290.

(2) Акты, собр. Арх. Эксп., ч. 2, стр. 201.

(3) Тамъ-же, стр. 215.

нѣйшій часть подѣ столицю задержало, Полскаго добраго гусара колонадцать ротъ, положився гдѣ въ певномъ мѣстѣ, чтобы ея съ своего табору, по весяхъ, яко товарищъ, такъ и пахоликъ, нигдѣ не выѣзжалъ ⁽¹⁾. — Въ письмѣ печатника Ивана Грамотина Литовскому Канцлеру Сапѣгѣ же: «А о иныхъ нашихъ справахъ мовиломъ ширѣ съ его милостью съ паномъ старостою Велижскимъ. Прошу вашей милости, розскажъ ми себѣ ваша милость служить, а я барзо радъ» ⁽²⁾. Но такое искаженное измѣною слово является исключеніемъ.

Вообще языкъ этого времени, языкъ грамотъ, посланій духовныхъ лицъ и грамотъ народныхъ, прекрасенъ; выше мы уже привели много примѣровъ, изъ которыхъ можно судить о языкѣ; но это далеко не все, онъ является во многихъ мѣстахъ въ огромномъ количествѣ грамотъ этого времени, необыкновенно стройно и сильно, необыкновенно прекрасно.

Наконецъ весь этотъ періодъ волнений заключается избранною грамотою на царство Михаила Θεодоровича Романова. Эта грамота написана языкомъ церковно-Славянскимъ, по крайней мѣрѣ съ соблюденіемъ или лучше притязаніемъ на его окончанія и формы: (*Германстѣи родове; и церковныя пастыря* ⁽³⁾ и пр.; являются формы церковно-Славянскаго прошедшаго времени глагола, и т. д.), хотя тутъ-же съ ошибками противъ нихъ; хотя въ ней видно притязаніе на языкъ церковно-Славянскій; но ошибокъ довольно: *а которые... недруги и непослушники* и пр.; *лѣтами* и пр.; *въ поведеніяхъ; въ своихъ государствахъ* и пр.; *мѣстамъ* ⁽⁴⁾ и т. п. Звательный

(1) Акты ист., ч. 2, стр. 355.

(2) Акты ист., ч. 2, стр. 357.

(3) Собр. Гос. грам. и дог., стр. 601. 604.

(4) Тамъ-же, стр. 602. 599. 601. 602. 610.

падежъ встрѣчается здѣсь безъ своего отличія съ формою именительнаго (но не вездѣ): о *Святѣйшій Архіепископъ!* (¹) и пр. Замѣчательно употребленіе народнаго падежа на *а*; напр: *разорити истиная наша непорочная православная христіанская вѣра* (²). Синтаксисъ, или, скорѣе, порядокъ словъ, періодъ,—церковно-Славянскій, хотя является не во всей своей особенноти, какой достигалъ онъ въ языкѣ церковно-Славянскомъ; напр: *а благолюбнымъ прменениемъ, единого Христа возлюби и восприимъ пресвятый Ангелскій образъ, насльдия ради будущиѣхъ вѣчныхъ благъ небеснаго царствія, и нареченна бысть во Ангельскомъ образе Александра* (³); впрочемъ въ это время мы не видимъ этого періода въ сочиненіяхъ принадлежащихъ къ религіозной сферѣ или вообще возвышающихся надъ исключительною національностію, въ такой отвлеченной, исключительной формѣ, въ какой онъ могъ являться.

Россія успокоилась, восторжествовавъ надъ насильственными притязаніями враговъ своихъ, которые хотѣли навязать ей свои взгляды, элементы и вмѣстѣ себѣ; но другимъ путемъ, не насильственно, не открыто, но сокровенно и тайно, лъстиво вошли въ нее элементы Польскіе и вообще Западныя; древній бытъ разрушался, покрайней мѣрѣ тогдашнее опредѣленіе Русскаго быта; тучи собирались, все предвѣщало грозу, долженствовавшую очистить воздухъ, вновь явить солнце еще ярче и прекраснѣе. Такое современное состояніе слышится, кто хочетъ только быть внимательнымъ, и въ самомъ языкѣ времени, послѣдовавшаго за между-царствіемъ. Языкъ грамотъ носилъ на себѣ еще отпечатокъ древней официальной Русской рѣчи, еще хра-

(¹) Собр. Гос. гр. и дог., ч. 1, стр. 619.

(²) Тамъ-же, стр. 604.

(³) Тамъ-же стр. 603.

ни.тъ въ себѣ, извнѣ нѣкогда наложенныя формы церковно-Славянскаго языка (разумѣется, что руссизмы и образующіяся формы вмѣстѣ съ движеніемъ языка утверждались болѣе и болѣе), но въ то-же время въ немъ начинаютъ встрѣчаться (конечно рѣдко) слова иностранныя (*солдаты; роты; рейтары*) ⁽¹⁾, странно противорѣчащія съ характеромъ слога, характеромъ, который между тѣмъ самъ исчезалъ болѣе и болѣе, и современная рѣчь чаще и чаще, но все еще внутри такъ сказать прежнихъ границъ, врывается въ письменность. Мы можемъ указать на многіе примѣры и кромѣ грамотъ, на отчеты въ посольствахъ и путешествіяхъ, совершавшихся въ то время; напр: въ путешествіи Россійскаго посланника Ѳеодора Исаковича Байкова въ Китай, также въ посольствѣ Чемоданова въ Венецію, видимъ мы уже рѣшительное преобладаніе формъ Русской рѣчи; напр: *мѣстами; кораблями; волами; городами* ⁽²⁾ и пр. и пр.: *на верблюдахъ и быкахъ; въ тѣхъ листахъ; приставахъ* ⁽³⁾ и пр. и пр.; *людямъ; посланникамъ; городамъ; ворами измѣнникамъ* ⁽⁴⁾ и пр. и пр.; употребленіе правильное (т. е. относительно церковно-Славянскаго языка) встрѣчается рѣже (*съ поминки; людѣмъ; ѡ.... дѣлѣхъ* ⁽⁵⁾); встрѣчается употребленіе сходное съ именительнымъ множественнаго въ творительномъ падежѣ множественнаго-же числа въ именахъ женскаго рода: *жили посланники.... за подводы четыре недѣли* ⁽⁶⁾ и пр.; множественное на *а*, перешедшее изъ двойственнаго, рѣшительно уже образовалось; напр: *три корабля; четыре чело-*

(1) Акты, собр. Арх. Эксп., т. 4, стр. 199. 361. 175. 389.

(2) Древн. Росс. Вивл., т. IV. стр. 125. 139. 150. 174.

(3) Тамъ-же, стр. 130. 177. 182.

(4) Тамъ-же, стр. 135. 184. 190. 266.

(5) Древ. Росс. Вивл., т. IV, стр. 134. 155. 225.

(6) Тамъ-же, стр. 178.

вѣжа ⁽¹⁾ и пр. и пр. Здѣсь также встрѣчаются иностранныя слова: *шкоду чинятъ*; *виталиць* ⁽²⁾ и пр.—Въ описаніи посольствъ Погемкина мы находимъ нѣсколько болѣе употребленія церковно-Славянскихъ формъ. Что касается до синтаксиса относительно оборотовъ (относительно порядка словъ, періода, онъ простъ, сухъ, скорѣе нѣсколько отрывистъ и не представляетъ ничего замѣчательнаго), то мы видимъ въ немъ тѣ особенности Русскаго языка, которыя встрѣчали и прежде; напр: *посмотрѣть монастырскаго строенія* и пр.; *что нынѣ начальныхъ людей* ⁽³⁾ и т. п.—Мы должны упомянуть еще о замѣчательномъ сочиненіи Кошкина о Россіи въ царствованіе Алексія Михайловича, въ которомъ находимъ тотъ-же самый языкъ, тѣ-же самыя формы и особенности Русской рѣчи, являющіяся уже часто вмѣстѣ съ формами языка церковно-Славянскаго, что видимъ и въ другихъ сочиненіяхъ (*во всякихъ дѣлахъ; въ людяхъ; по тѣхъ редахъ; съ младенцами; боярами; листами; послами; по селамъ; ворамъ*) ⁽⁴⁾ и т. п.; нѣкоторыя слова, какъ напр: *полкъ, походъ, сгъздъ, городъ* и др., соблюдаютъ окончаніе церковно-Славянское въ этихъ падежахъ, особенно въ предложномъ; другія-же, какъ: *лѣсъ, письмо, озеро, столникъ* ⁽⁵⁾ и пр. не соблюдаютъ. Разумѣется въ этомъ сочиненіи бѣглеца и измѣнника встрѣчается болѣе чѣмъ у другихъ иностранныхъ словъ; напр. *потентатъ, вахта* ⁽⁶⁾ и пр. — Эта противоположность новыхъ, иностранныхъ словъ и оборотовъ съ древнею Русскою рѣчью еще не такъ

(1) Тамъ-же, стр. 152. 155.

(2) Тамъ-же, стр. 181. 325.

(3) Древн. Росс. Вавл., т. IV, стр. 311. 309.

(4) О Россіи, въ царствованіе Алексія Михайловича, современное сочиненіе Григорія Кошкина. Спб. 1840. стр. 2. 3. 18. 2. 19. 80. 48. 66. 79.

(5) Тамъ-же, стр.

(6) Тамъ-же, стр. 43. 71.

ярка здѣсь, но несравненно ярче выступаетъ она въ языкѣ собственно церковно-Славянскомъ. При дворѣ Алексія Михайловича уже явились попытки поэзій нѣ національных пѣсень: явленіе не живое само по себѣ, свидѣтельствовавшее только о разрушеніи сферы національной; но такъ какъ все, что возвышалось надъ народною сферою, не было причастно народу, было отвлеченно отъ него, и выражалось на языкѣ церковно-Славянскомъ; такъ и эти поэтическія попытки, комедія и другія сочиненія, въ которыхъ тоже выражалось отвлеченное отъ народа, хотя скорѣе формально, отрицательно, общее содержаніе, писались на церковно-Славянскомъ-же языкѣ. Но именно здѣсь всего поразительнѣе выступаетъ въ языкѣ состояніе того времени. Языкѣ церковно-Славянскій имѣлъ всегда и не потерялъ своего отвлеченно-важнаго, великаго значенія; и такъ не измѣнившись еще съ этой стороны, онъ становится орудіемъ произвольныхъ вымысловъ, своими священными формами облакаетъ шутки и насмѣшки; поразительно звучатъ въ немъ, рѣзко противопоставаясь съ его характеромъ и формами, тривіальныя народныя и иностранныя слова и выраженія, на которыхъ лежитъ печать современности, мимо-текущаго *теперешняго* времени, которыя врываются именно въ языкъ, отвлеченный отъ преходящаго, отъ настоящей бѣгущей минуты, ибо онъ преданъ отвлеченному общему. Такое положеніе языка указываетъ на то, что уже колебалась національная сфера, надъ которой отвлеченно возносились общее и языкъ его, и что общее странно еще и отрицательно, пробуждалось въ самой Россіи, въ народѣ, и вмѣстѣ выражаясь въ словѣ, являлось въ языкѣ, назначенномъ общему; но дико и отрицательно, смѣшанно и рѣзко, противоположно является оно тамъ съ грубою, живою народностью, перемѣшивая съ ея выраженіями общія, важныя, отвлеченныя формы. И странный видъ приняло здѣсь тогда сло-

во; странныя противорѣчія, диссонансы явились въ немъ; оно пестрѣетъ безъ порядка нарушающими единство формами и выраженіями. Этотъ безпорядокъ, это странное, будто-бы разрушающееся состояніе указываетъ на новый порядокъ, на новую жизнь, уже ближущуюся и смутившую прежнее состояніе, еще пребывавшее, — но съ тѣмъ, чтобъ внести новый порядокъ, новое состояніе вообще въ Россію, въ жизнь ея и вмѣстѣ также въ самое слово, языкъ, слогъ. Вотъ примѣры такого состоянія языка, о которомъ мы сейчасъ сказали, въ комедіи Навуходонсоръ, принадлежащей Симеону Полоцкому; эта комедія отличается особенною веселостью.

НЕВМАНЪ.

« И они да возложатъ на большую главу, яже между сими безразумными главы обрѣтаецца, коруну (¹).

СОМНАСЪ.

Одежду отъ нея взявъ про себя быхъ держаль, но дѣву моему милостивому Господину Капитану дарилъ быхъ.

МОСОЛЛАМЪ.

. . . . Капитаны и вси начальники, солдаты, и вси воинскія люди, послушайте вельможнѣйшаго Воеводы нашего Олофернова повелѣнія... Воевода хочетъ самъ генеральной смотръ учинити. Дерзайте, дерзайте ко нарочитой войнѣ; живи Навуходонсоръ!... Слыши товарище, тамо слышимъ

(¹) Древн. Росс. Визл., т. VIII, стр. 193.

желанія нашего. Барабанщикъ! зри, пріими сѣимокъ за тою радостною вѣсть ⁽¹⁾.

Салманъ.

Тихо, тихо! се тамо войсковою маршалокъ! ⁽²⁾,

Сполохъ, Дворяне, сполохъ, сполохъ! ⁽³⁾.

Сусакииъ.

Азъ есмы отъ природы моея доброй Ковалеръ и Господина Порутчика Ванея отъ кладязевъ нашихъ сюда даже въ домъ его проводилъ; но во Всеуліи градъ весьма грубо гордые люди обрѣтаются, которые Ковалера въ малой чести имѣютъ, понеже никто мя не хочетъ нынѣ паки назадъ на станъ мой проводить.

Ванея.

На висѣлицу ты, собака! тамо тебѣ майстеръ Никель, се есть палачъ, въ провожатыхъ постановленъ есть.

Ахіоръ.

Но ты Генеральной Восвода всѣхъ измѣнниковъ, можешы еще тако пересмѣхати; знаеше-ли еще меня? ⁽⁴⁾.

Гоѳонилъ.

Господине мой Ахіоръ! вся, о нихъ же просиши, не имать быти ти отказано. Солдаты! возмитежъ тогда его,

(1) Древн. Росс. Вивл., т. VIII, стр. 198 — 199.

(2) Тамъ-же, стр. 223.

(3) Тамъ-же, стр. 272.

(4) Тамъ-же, стр. 281.

и поведите его къ спекулятору къ Доеху; къ утрѣю глава ему да усьчена будетъ, тебѣ-же измѣнниче краткое дѣйство учинится (1).

Мы должны упомянуть еще о стихахъ Сильвестра Медвѣдева, написанныхъ силлабическимъ размѣромъ, который пришелъ къ намъ съ юга Россіи; напр. о стихахъ его къ Царевнѣ Софіи Алексіевнѣ, при вѣрученіи ей привилегіи на Академію; въ нихъ видимъ много соблюденныхъ тонкостей церковно-Славянскаго языка, но самыя стихи и вмѣстѣ употребленіе иностранныхъ словъ и словъ новѣйшихъ, и обороты измѣняютъ уже важный характеръ церковно-Славянскаго языка, которымъ написано это посланіе. Вотъ примѣръ:

Тако любезный ти братъ Феодоръ Царь,

Мудростилюбецъ, великій Государь,

Яко-бы злато многое собралъ есть,

Академіи Привиліи создалъ есть.

Но не изволя Богъ той укрѣптити

Ему, и славу ону уллучити;

Благоволя бо тебѣ оставить,

И то начало дѣломъ совершити.

Мудрости бо ти имя поддесея,

Грекамъ Софія мудрость шаречесея:

Тебѣ бо слично науки начати;

Яко премудрой оны совершати (2).

Въ сочиненіяхъ собственно религіозныхъ не встрѣчая такой рѣзкой противоположности, мы видимъ иногда еще удержанными формы и характеръ церковно-Славянскаго языка, иногда видимъ, какъ формы Русскія замѣняютъ въ

(1) Древн. Росс. Вѣст. ч. VII, 284.

(2) Тамъ-же, ч. VI, стр. 395.

вѣтъ формы собственно ему принадлежащія; напр: въ прощальной грамотѣ Россійскаго Патріарха Іоасафа встрѣчаемъ мы: *на седми соборахъ; на... бояхъ; въ... городахъ; также: дѣтямъ; людямъ; старцамъ; правиламъ* ⁽¹⁾ и т. п.; замѣчательна также ошибка: *въ осадѣхъ* ⁽²⁾.— Въ другихъ сочиненіяхъ видимъ мы тоже самое, съ примѣсю еще иногда Малороссійскаго и чрезъ него отчасти Польскаго и вообще южнаго отгѣнка въ языкъ; это видимъ мы у Игнатія Іевлевича, у Симеона Полоцкаго и пр.

Но церковно-Славянскій языкъ того времени вырзился во всей возможной чистотѣ въ сочиненіяхъ св. Димитрія Ростовскаго; здѣсь явился онъ очищенный, изящный, но такой, какой онъ былъ въ то время, въ XVII столѣтіи; это былъ современный церковно-Славянскій языкъ. Въ языкъ Димитрія Ростовскаго встрѣчаемъ мы множество формъ языка Русскаго; даже можно сказать, что послѣднія берутъ рѣшительный перевѣсъ; но нѣтъ грубыхъ ошибокъ, затемнявшихъ смыслъ, невѣрно написанныхъ словъ; напротивъ, все то, что тамъ встрѣчается, употребляется твердо и опредѣленно. Это придаетъ слогу уже характеръ чего-то образовавшагося; но этотъ слогъ изящный и стройный, нисколько не церковно-Славянскій языкъ; онъ не показываетъ, какъ другіе памятники, броженія слова; ибо въ немъ, какъ мы сказали, употребленіе твердо и опредѣленно; но именно въ этой уже удержанности такъ сказать слога, именно при этомъ характеръ красоты являются намъ все искаженіе и неправильности собственно церковно-Славянскаго языка, всѣ измѣненія противъ существа его, вошедшія, допущенныя въ него, ибо они являются въ

⁽¹⁾ Дреш. Росс. Визл., т. VI, стр. 339. 341. 344. 342. 344. 346.

⁽²⁾ Тамъ-же, стр. 343.

немъ уже въ изящномъ слогѣ. Однимъ словомъ, состояніе языка церковно-Славянскаго въ то время, состояніе искаженное находимъ мы въ слогѣ Димитрія Ростовскаго, но выразившеся вмѣстѣ опредѣленно при стройности и изяществѣ формъ и изложенія. Мы можемъ привести множество примѣровъ: его сочиненія многочисленны. Въ *Розыскѣ о Брынской вѣрѣ* онъ употребляетъ уже преимущественно окончаніе на *ахъ* тамъ, гдѣ въ церковно-Славянскомъ на *ъхъ*: *таинствахъ*; *обрядохъ*; *соборахъ*; *правилахъ*; *часохъ*; о *усахъ* ⁽¹⁾ и пр. и пр.; также на *ами*: *чинами*; *чудотворцами*; *мѣсяцами*; *лѣтами*; *вѣками*; *мѣстами* ⁽²⁾; на *амъ* вмѣсто *омъ*: *яблокамъ*; *рѣчамъ*; *правиламъ*; *къ веществамъ*; *словесамъ*; *обрядамъ*; *попамъ* ⁽³⁾; встрѣчаются, но рѣдко, большею частію въ однихъ и тѣхъ же словахъ, употребленія церковно-Славянскія; напр: *во градъхъ* и *сельхъ*; *предъ* *человѣки* и пр.; *христіаномъ* ⁽⁴⁾ и пр. Здѣсь соблюдается довольно правильно (разумѣется и съ ошибками) именительный множественнаго съ его отличіемъ въ извѣстныхъ случаяхъ: *святѣи Апостоли*; *нѣщѣи*; *мученицы бо первѣи* ⁽⁵⁾. Замѣчательно правильно сохраняется родительный падежъ на *е* единственнаго числа въ извѣстныхъ случаяхъ; напр: *до времеи*; *вселя по вселеннѣи сущіа церквѣ* ⁽⁶⁾. Сохраняются (но не всегда) и другія тому подобныя особенности языка церковно-Славянскаго. Замѣчательны нѣкоторыя ошибки: двойственное

(1) *Розыскъ о расколынической Брынской вѣрѣ*. Кіевъ. 1748 года. лист. 14. 34. 36. 206. 299. об.

(2) *Розыскъ о расколынической Брынской вѣрѣ*. Кіевъ. 1748. лист. 76. 77. 205. об. 248 об.

(3) Тамъ-же, лист. 8 об. 31. об. 48. 71. об. 90. 267. 286. об.

(4) Тамъ-же, лист. 245. 326. 217.

(5) Тамъ-же, лист. 199. 157. 226.

(6) Тамъ-же, лист. 16. 114.

часто не соблюдается (*двѣма рыбами*) ⁽¹⁾, употребленіе числительныхъ вѣроятно отъ исчезанія двойственного и переходенія его формъ въ числительныя, принимаетъ странный оборотъ; напр: *пять хлѣби; пятьма хлѣбами* ⁽²⁾. У Димитрія Ростовскаго видимъ мы уже болѣе развитый падежъ родительный на *овѣ* въ именахъ мужескаго и средняго рода; напр: *Апостоловъ; учениковъ* ⁽³⁾ и пр. и пр., такъ что это окончаніе на *овѣ* является какъ рѣшительная неправильность и противъ Русскаго языка въ словѣ: *невѣждовъ, невѣжсѣвъ* ⁽⁴⁾. Замѣчательно также употребленіе словъ иностранныхъ и словъ соплеменныхъ, но чуждыхъ; напр: *еговымъ оружіемъ; церемоній церковныхъ* ⁽⁵⁾. Вообще же языкъ Димитрія Ростовскаго очищенъ и прекрасенъ.

Что касается до синтаксиса того времени, то особеннаго сказать мы ничего не можемъ ни касательно собственно оборотовъ, ни относительно порядка словъ, періода. Въ этомъ столѣтіи, съ возшествіемъ на престолъ Романовыхъ, видимъ мы въ слогъ тоже, что и прежде, а характеръ отрывистой рѣчи сохраняется еще въ грамотахъ, имѣющихъ, какъ мы сказали, официальное значеніе; въ другихъ сочиненіяхъ мы хотя видимъ Русскую живую рѣчь, но не видимъ отрывистаго характера грамотъ официальныхъ. Примеромъ Русской простой рѣчи, хотя перемѣшанной иногда съ церковно-Славянскими формами, почти разговорной, могутъ служить письма и посланія Алексія Михайловича: «И посидя немного я всталъ и его поднялъ; и такъ его почало знобить, не смогъ и «Достойно» проговорить, «Сла-

(1) Розыскъ о раскольниковской Брынской взрѣ. Кіевъ. 1748. лист. 331 об.

(2) Тамъ-же, лист. 331 об.

(3) Тамъ-же, лист. 89.

(4) Тамъ-же, лист. 39. об. 326.

(5) Тамъ-же, лист. 181 об. 266.

ву» проговорилъ съ отпѣскомъ насилу; да почаль ко мнѣ прощенія говорить, что говорятъ въ среду на страстной, и я ему отвѣщаль по уставу, да самъ почель прощеніе къ нему творить да поклонился въ землю ему, а онъ малой поклонъ сотворилъ да благословилъ меня да велѣлъ себя вестъ провожать меня, а ноги те волочить на злую силу; и я сталъ, и учаль его ворочать: «воротися, государь, ей пуще тебѣ будетъ»; и онъ мнѣ жалуетъ говорить: «ино су я тебя и въ другоредъ благословлю»; и я молвилъ: «пожалуй-же, государь великій святитель, благослови и третищю»; и онъ пожаловалъ и въ третій благословилъ, да какъ благословить и руку даетъ цѣловать и въ херувимъ; и я благословясь да поклонился въ землю ему и поцѣловалъ въ ногу, и онъ смотря на меня благословляетъ и прощаетъ, да и воротился, да и провели его въ заднія кельи, а я пошелъ къ себѣ» (¹). — Или еще: «А денги онъ государь копилъ, только которые камки и отласы и всякіе дары, и мои и ваши святительскіе и всякіе приносные, немного держалъ у себя, со сто или съ двѣсти аршинъ, а то все отдавалъ въ домовую казну, да денги по оцѣнкѣ за всякой аршинъ ималъ въ келью, да на тѣ денги хотѣлъ себѣ купить вотчину и дать по себѣ въ соборъ и передъ смертію дни за два торговалъ, да Богъ не изволилъ; а я купить безъ его именнаго приказу не смѣлъ, роздалъ большую половину бѣднымъ прямымъ на окупъ, которымъ вѣкъ откупиться нечимъ, да въ монастыри бѣдные, и досталніе туды же пойдутъ. Да и въ томъ меня, владыко святыи, прости: немного и я не покусился инымъ судачъ, да милостію Божією воздержался и вашими молитвами святыми; ей, ей, владыко святыи, у меня столко, что и вчетверо цѣну ту дать, да не хочу для того, се отъ

(¹) Акти, собр. Арх. Эксп., т. 4, стр. 12.

Бога грѣхъ, се отъ людей зазорно, а се какой я буду прикащикъ, самому мнѣ имать, а денги мнѣ платить себѣ жъ?» (1).

Въ сочиненіяхъ, писанныхъ церковно-Славянскимъ языкомъ, какъ замѣтили мы уже и выше, не встрѣчаемъ мы періода въ такой отвлеченности, въ какой онъ являлся прежде; синтаксисъ, порядокъ словъ, періодъ становится простъ; какъ будто по воспоминанію употребляется въ известныхъ мѣстахъ отвлеченный, длинный періодъ церковно-Славянскій. Напр:

«Отнюду-же убоявся азъ грѣшный смертнаго и внезапнаго посѣщенія страшныхъ и безконечныхъ оныхъ мукъ, яко истинный рабъ вышняго Бога, исполнитель вѣры и закона, вся привременная и тщетная міра сего прелестнаго возненавидѣхъ, ко онымъ-же привѣчнымъ и неразоряемымъ небеснаго Іерусалима мыслію тремусихся обителемъ, по Божественному Апостолу глаголюще: Не имамы здѣ града, но грядущаго взыскуемъ» (2). — Или еще столько разъ встрѣчавшееся выраженіе:

«Да соблюдеши во вѣки неподвижиму и непоколебиму православную нашу чистую и непорочную Христіанскую. Греческаго закона вѣру, яже во всей вселеннѣй яко солнце сіяетъ православіемъ повсюду, и во странахъ скипетродержавства великаго вашего Царскаго благородія и величества» (3).

Сверхъ того въ сочиненіяхъ, писанныхъ по церковно-Славянски, но принадлежащихъ къ свѣтской сферѣ, сферѣ еще формально общей, образовался уже очень у прощенный синтаксисъ, относительно собственно порядка словъ, періода, хотя все синтаксисъ церковно-Славянской. Въ вы-

(1) Акты, собр. Арх. Эксп., т. 4, стр. 85.

(2) Древн. Росс. Вивл., т. 6, стр. 338—339.

(3) Древн. Росс. Вивл., ч. 6, стр. 349.

шеприведенныхъ примѣрахъ изъ комедіи: «Навуходоносоръ» можно видѣть образецъ этого синтаксиса. Что касается до синтаксиса св. Димитрія Ростовскаго, то въ его сочиненіяхъ, принадлежащихъ къ духовной сферѣ, образовался чрезвычайно стройный, не отвлеченный, простой, прекрасный синтаксисъ (порядокъ словъ, періодъ), но все въ предѣлахъ церковно-Славянскаго языка и все носящій на себѣ его отпечатокъ, въ оборотахъ по крайней мѣрѣ. Это не была разговорная, живая рѣчь, но это не былъ отвлеченный, темный періодъ; это былъ связный и прекрасный, простой, въ тоже время письменный слогъ. — Приближаясь къ языку простому національному, св. Димитрій Ростовскій приблизился и въ синтаксисѣ къ разговорному, понятному характеру слога, и оставилъ отвлеченные длинные періоды, въ которыхъ наконецъ почти исчезалъ смыслъ; и вообще языкъ, принимая болѣе въ себя и положительные элементы народной рѣчи, приближался къ синтаксису разговорному, если и не становился языкомъ собственно Русскимъ, какимъ онъ является въ народныхъ и государственныхъ грамотахъ съ большими или меньшими отгѣнками, налагаемыми письменностію. Вотъ примѣры синтаксиса въ сочиненіяхъ св. Димитрія Ростовскаго, который является здѣсь опять представителемъ церковно-Славянскаго языка того времени со всѣмъ его изяществомъ, не мѣшающимъ впрочемъ церковно-Славянскому языку, какъ именно церковно-Славянскому, быть искаженнымъ.

Въ Розыскѣ о Брынской вѣрѣ: Часть 1, глава 5: »Егда убо кланяемъся иконѣ святѣй, кланяемъся не дскѣ, ни вапамъ, ни переводамъ, ни ветхости, ни новости, понеже не вещества въ иконѣ ищемъ, ни вещество во иконѣ почитаемъ, но на святыню взираемъ, святыню почитаемъ, и изображенію начертаннаго покланяемъся. Кое наше покло-

неніе по святаго Василя великаго извѣствованію, восходитъ, на первообразное, на того иже на небесѣхъ есть» ⁽¹⁾).

Часть 2, глава 16: «Время, есть мѣра видимаго сего міра, и жизни нашея, и всѣхъ дѣемыхъ въ поднебесной, по Божію устроенію, мѣримаа денми, мѣсяцами, лѣтами, вѣками сотенными, и вѣками тысящными. Дѣлится же время на три части: на мимошедшее, настоящее и будущее. Мимошедшее время вѣмы яко бѣ, но уже преиде и погибе, ниже бо возвратится когда. Будущаго же времени часмъ, но не вѣмы каково то будетъ. Настоящее же мнимся имѣти, но ни сего имамы кромѣ единого краткаго часа глаголемаго: нынѣ. Нынѣ есть, и абіе нѣсть, преиде бо паки и настанетъ нынѣ, паки и то преходитъ: яко же въ дѣлаемыхъ и настраемыхъ часахъ минуты, одина по друзій идетъ не становяся: и якоже въ текущей колесницѣ колесо не стоитъ на единомъ мѣстѣ, но съ мѣста на мѣсто течетъ не удерживаемо: сице настоящее жизни нашея нынѣ, нѣсть стоящо, но непрестанно текущо. И есть то наше нынѣ, аки предѣлъ между мимошедшимъ и грядущимъ временемъ: мимошедшее окончиваяй, грядущее же начинай. И аки въ книзѣ и строкѣ точка между реченіями раздѣляющая, едино реченіе окончивающая, другое же начинающая. Но точка на единомъ стоять мѣстѣ, наше же настоящее время глаголемое нынѣ, не вѣсть стояти, но выну течетъ, аки капля нѣкая въ низъ текущая, и черту по себѣ оставляющая, на преднее же простирающаяся, донелѣ же оскудѣетъ и изсохнетъ» ⁽²⁾).

Въ родѣ повѣствовательномъ: Часть 3, глава 10: «Въ таже времена, во уездѣхъ Кинешемскомъ и Репшемскомъ, и на плесѣ, явишася инии раскольники глаголеміи подре-

(1) Листъ 33.

(2) Об. 205 листа, 206 листъ и на об.

нѣтники, нареченніи тако отъ учителя своего, его же имѣяху нѣкоего поселянина прозываемаго Подрешетниковъ, иже послѣдуя ересіарху Капитону, учаще людѣи не ходити въ церковь Божию, ни отцевъ духовныхъ имѣти, ни къ благословенію іерейскому приходити, и всѣхъ таинствъ церковныхъ чуждатися. Тѣи сами въ домѣхъ своихъ твориху нѣкія церковныя службы по чину іерейскому, неосвященни бывше, и младенцы крещаху. Причастіе же у нихъ бѣше нѣкое волшебное, не хлѣбъ, но ягоды изюмъ глаголемыя, чарованіемъ напоенныя, ихже причащавшася чиномъ сщцевымъ: изберуть отъ между себе едину дѣвку, и въ подполье избы введше ю, въ цвѣтное платье нарядятъ. Та, по часѣ, исходитъ изъ подполья, носяще на главѣ своей решето покрытое чистымъ платомъ, въ решетѣ же ягоды изюмъ. А во избѣ множество собравшихся мужей и женъ и дѣтей. Вышедши убо изъ подполья дѣвка съ решетомъ на главѣ своей носимымъ, глаголетъ по подобію іерейскому: Всѣхъ васъ да помянетъ Господь Богъ во царствіи своемъ, всегда нынѣ и присно и вѣки вѣковъ. Они же поклонившеся отвѣщаютъ, аминь. Сіе же дѣвка оная глаголетъ трижды, а они трижды, аминь отвѣщаютъ. И потомъ дѣвка та даетъ имъ то богохульное приношеніе, вмѣсто причащенія святыхъ таинъ. Вкусившіе же отъ тѣхъ ягодъ, абіе желаютъ себѣ смерти аки бы за Христа, или сожещися, или удавитися, или въ водѣ утопитися, аки изступленіи отъ ума. И многіе тако себѣ сами погубили» (1).

Часть 3, глава 11: «Въ предѣлахъ Нижняго Новаграда, обрѣтаются села дворцовыя, Княгинино прозваніемъ, и Мурашкино. Отъ тѣхъ селъ, и отъ окрестныхъ слободъ и деревень, собравшеся множество мужей и женъ со дѣтьми, приуготовашася сожещися на гуннѣ нѣкоемъ

(1) Листъ 489 на об., 490.

во овинѣ, и причастившеся своего волшебнаго причастія, повязашеся тонкими вервами по два и по три въ снопы, оставиша же отъ между себе двухъ чловѣкъ, на то, дабы огонь подложили и возжгли ихъ. Чловѣцы же тѣи, аще и прїяше въ руцѣ свои причащеніе ихъ, но не снѣдоша, Богомъ соблюденни бывше, на увѣданіе погибели окаянныхъ оныхъ мучениковъ демонскихъ. Егда же тѣи два возжгоша огонь, и обятъ пламень весь овинѣ оный, и хотяху уже и сами тѣи два въ разгорѣвшійся огонь себе вринуть на сожженіе: абіе узрѣша верхъ пламене въ дыму двухъ бѣсовъ черныхъ по подобію Есіоповъ по воздуху летающихъ, крылѣ имѣющихъ яко нетопыри, радующихся и плещущихъ руками, и вошющихъ гласно: Наши, наши есте. То бѣсовское надъ погибшими радованіе она два чловѣка узрѣвше, содрогнушася и рѣша другъ ко другу: Видите ли брате како погибаетъ отъ ученія проклятаго; и начаша крестное знаменіе на себѣ творити, и бѣжати оттуда. Пришедши же къ священнику веси своея, исповѣдаша ему вся, и кающася. Не точію же священнику, но и всѣмъ прочымъ съ плачемъ повѣдаху то, еже видѣша надъ погибшими бѣсовское радованіе. И благодаряху Бога избавившаго ихъ отъ тоя погибели» (1).

Наконецъ настало новое время; то, чего признаки уже являлись прежде, наконецъ наступило. Явился Петръ. Въ первой части нашего разсужденія опредѣлили мы его значеніе въ Исторіи Русской, и это значеніе въ исторіи народа осуществилось, и должно было необходимо осуществиться въ языкъ; и языкъ слѣдовательно долженъ былъ испытать и выразить характеръ этой эпохи. Въмѣстѣ съ началомъ отрицательно чуждаго вліянія и языкъ подвергся той-же участи. Цѣлый потопъ иностраннаго хлынулъ

(1) Лист 491. 492.

къ намъ съ Запада. Русской языкъ быстро наводнился иностранными словами и оборотами, часто безъ нужды употребляемыми; слово, которое служило Петру, вся государственная письменность, всѣ сочиненія, проповѣди, все что подверглось его образованію, звучало чуждыми, невразумительными звуками; и все это совершилось иностраннымъ именемъ, названіемъ новой столицы, созданной Петромъ, въ которой такъ чудно встрѣтились дѣло съ словомъ, и опредѣлили вмѣстѣ характеръ города. Кромѣ развѣ пѣсень, разговора, да и то (если сказать навѣрное) разговора простого народа, и еще, можетъ быть, монаховъ, пишущихъ въ своихъ трапезахъ (въ кельяхъ писать было запрещено указомъ), сказанія или духовныя сочиненія, все приняло чужой, иностранный видъ. Слогъ грамотъ, бумагъ официальныхъ и пр., который былъ до Петра Великаго, измѣнился разумѣется сообразно съ направленіемъ времени и съ внутреннимъ содержаніемъ государственной письменности. Еще до Петра Великаго, какъ мы уже сказали, попадаются въ бумагахъ официальныхъ иностранныя слова, хотя и не въ большомъ числѣ. Это уже предвѣщало имѣющее наступить потомъ время, это входило уже какъ разрушеніе стараго, (что совершалось и въ жизни современной), но сила была еще не на той сторонѣ; наконецъ время переворота рѣшительнаго наступило. Мы встрѣчаемъ однако нѣкоторую постепенность; языкъ грамотъ не вдругъ измѣнился и не вдругъ представилъ изъ себя странную смѣсь, выставку иностранныхъ словъ, которая такъ поразительно является послѣ. Въ 1699 году Января 30 вышелъ указъ о бурмистрахъ, утвердившій законно это имя въ Русской письменности (¹); Ноября 17, того-же года, указъ объ именованіи бурмистрской палаты Ратушею (²);

(¹) Полн. собр. зак. Росс. Имп. т. III, стр. 598, № 1674.

(²) Полн. собр. зак. Росс. Имп. т. III, стр. 669 № 1718.

1700 года Февраля 18 Окольного Языкова велѣно писать Генераль-Провіантомъ ⁽¹⁾; того-же дня и года боярина Князя Долгорукаго писать Генераломъ-Коммиссаромъ ⁽²⁾. Въмѣстѣ съ этими словами, названіями должностей, официальными, входили слова иностранныя, просто, употребленія ради; такъ встрѣчается въ указѣ 1700 г. Іюня 17 слово: *копіи* ⁽³⁾. Въ договорныхъ статьяхъ Января 12 1701 г. читаемъ: *изъ нижеименованный Его Царскаго Величества ближній бояринъ и Посольской Канцеляріи Президентъ* ⁽⁴⁾. Далѣе въ указѣ Декабря 16, 1702 г. упоминается слово: *куранны* ⁽⁵⁾. Наконецъ 1703 г. Мая 10 ⁽⁶⁾ Петру Великому была поднесена грамота, и какъ грамота отъ новообразованныхъ Русскихъ своему преобразователю (желавшихъ сдѣлать ему пріятное), она вся почти пестрѣетъ иностранными словами, которыхъ въ такомъ количествѣ еще доселѣ не встрѣчалось. Вотъ эта грамота: «*Капитану бомбардирскому, за взятіе непріятельскихъ двухъ кораблей данъ воинскій орденъ святаго Апостола Андрея, въ походной церкви, послѣ отданія благодаренія Богу за тотъ надъ непріателемъ одержанный авантажъ; тотъ орденъ положилъ на него Г. Капитана Великій Адмиралъ и Канцлеръ Графъ Головинъ, яко первый того ордена кавалеръ. За тужъ службу таковымъ-же образомъ и Генераль-Губернаторъ Александръ Даниловичъ Меншиковъ учиненъ кавалеромъ реченнаго ордена.*» — Въ 1703 году Іюня 28 ⁽⁷⁾, въ трактатѣ между Государемъ Петромъ Пер-

(1) Тамъ-же, т. IV, стр. 13, № 1764.

(2) Тамъ-же, т. IV, стр. 14, № 1766.

(3) Тамъ-же, т. IV, стр. 59, № 1794. — *А сказки изъ крепостей копіи писать въ тѣже тетради.*

(4) Полн. собр. зак. Росс. Имп. т. IV, стр. 129, № 1894.

(5) Тамъ-же, т. IV, стр. 201 № 1921.

(6) Тамъ-же, т. IV, стр. 216, № 1931.

(7) Полн. собр. зак. Росс. Имп. т. IV, стр. 290 № 1934

вымъ и Рѣчью Посполитою Великаго Литовскаго Княжества, заключенномъ бояриномъ Ѳедоромъ Головинымъ, читаемъ мы: «Азь нижеименованный, Его Священнаго Царскаго Величества Ближній Бояринъ и Адмиралъ и Государственной Посольской Канцеляріи Верховный Президентъ и Намѣстникъ Сибирской и Кавалеръ » Наконецъ Іюля 31 1703 г. упоминается *Петербургъ* ⁽¹⁾, еще новое иностранное слово. Слова иностранныя продолжали входить все болѣе и болѣе, то, какъ сказали мы, опираясь на официальному значенію, или на фактическомъ, то просто употребленія ради, — и пестрили Русскую рѣчь. Въ томъ-же году, въ указъ Сентября 1 ⁽²⁾ читаемъ: «Великій Государь указалъ: города Пышехоны, Бѣлоозеро, Каргополь съ уѣзды, всякими доходы вѣдать къ Олонецкой верфи, гдѣ Корабли строить, кавалеру и Губернатору А. Д. Меншикову. И тѣхъ городовъ воеводамъ, чрезъ повелѣнія его кавалера и Губернатора, отъ Олонецкаго Коменданта по письмамъ, во всемъ быть послушнымъ и тѣхъ городовъ переписныя книги прислать на Олонецкую верфь,» и пр. Еще 1704 года Января 7 ⁽³⁾ указъ начинается такъ: «На Москвѣ и во всѣхъ городахъ и уѣздахъ съ торговыхъ и съ домовыхъ бань денежный сборъ вѣдать въ Ижерской канцеляріи Свѣтлѣйшему Россійскому Князю Ижерскія земли и Генеральному Губернатору надъ провинціями Ингріею и Эстляндіею, Его Царскаго Величества Государственныхъ дѣлъ Министру и Генералу главному надъ всею Кавалеріею Кавалеру и Подполковнику Преображенскаго регимента и Капитану Кампаніи бомбардирской отъ первойшей гвардіи Его Величества и Подпол-

(1) Полн. Собр. зак. Рос. Имп. т. IV, стр. 224 № 1939.

(2) Полн. Собр. зак. Росс. Имп. т. IV, стр. 225 № 1943.

(3) Полн. Собр. зак. Росс. Имп. т. IV, стр. 230 № 1954.

ковнику надѣ двумя конными и надѣ двумя пѣхотными полками Александру Даниловичу Меншикову, а у того собора быть Стольнику Алексѣю Синявину, и о томъ даны ему статьи, а въ статьяхъ написано: » и пр. — Приведемъ въ примѣръ еще одинъ указъ 1705 г. Марта 8 ⁽¹⁾: «Генералу Коммисару Князю Долгорукову съ товарищи указалъ Великій Государь о поведеніи нынѣшней Свѣйской войны, что у Его Великаго Государя Фельдмаршаловъ и Генераловъ и у прочихъ правительствующихъ офицеровъ въ воинскихъ походахъ съ непріятелѣ съ Шведы или на службахъ будетъ чиниться и о тѣхъ о всѣхъ поведеніяхъ писать имъ Фельдмаршаламъ и Генераламъ и прочимъ правительствующимъ офицерамъ къ Великому Государю о всякомъ поведеніи немедленно; а изъ Приказа военныхъ дѣлъ о томъ поведеніи съ отписокъ ихъ присылать въ Государственной Посольской Приказъ къ боярину Федору Алексѣвичу Головину, съ товарищи списки, для того, что указалъ Великій Государь по именному своему Великаго Государя указу, въ Посольскомъ приказѣ о сей Свѣйской войнѣ дѣлать діаріушъ; а когда Великій Государь изволитъ быть въ походѣ и въ тѣ времена имъ Фельдмаршаламъ и Генераламъ и правительствующимъ офицерамъ писать о всякихъ поведеніяхъ потому жъ немедленно въ Посольскую походную канцелярію, чтобъ о тѣхъ о всѣхъ поведеніяхъ въ діаріушъ писать подлинно.»—Надо сказать, что иностранныя слова, собственно названія должностей, и еще удерживающіяся Русскія (мы привели примѣры, изъ которыхъ это видно) представляютъ странную смѣсь, странное зрѣлище. Да, странная смѣсь! но она не долго продолжалась; скоро иностранныя названія, вытѣсняя Русскія, все покрѣпи, заняли всѣ мѣста, и совершенно исчезли и скры-

(1) Полн. Собр. зак. Росс. Имп. т. IV, стр. 298 № 2040.

лись: *воевода, бояринъ, окольный* и пр. Чѣмъ далѣе, тѣмъ чаще, рѣшительнѣе и многочисленнѣе являлись иностранныя слова, наименованія. Мы привыкли къ нимъ; столѣтнее употребленіе приучило насъ безъ удивленія и вопроса слышать чуждые звуки въ Русскомъ дѣлѣ; но тогда это должно было имѣть всю рѣзкость переворота, и если мы примемъ въ соображеніе время, то появленіе этихъ словъ получаетъ для насъ большой интересъ. Не станемъ слѣдить за ними въ подробности: это было-бы слишкомъ пространно и излишне, особенно здѣсь; удовлетворимся только тѣмъ, что мы уже сказали, т. е.: что слова иностранныя всякаго рода и свойства болѣе и болѣе входили въ нашу рѣчь, занимали цѣлыя строки, почти страницы, и укажемъ еще на нѣкоторые примѣры, которые выдають болѣе и рѣзче особенность языка, слога этого времени. 1706 г. Января 17 ⁽¹⁾, «по Его Великаго Государя указу велѣно Якову Римскому-Корсакову быть во всей Ингерманландской губерніи Ландрихтеромъ (земскимъ судьей) и писаться ему Комендантомъ надъ Копорьемъ» и пр. 1708 г. Января 5 ⁽²⁾ въ указѣ читаемъ: 1) «Фортецію Московскую надѣлжить гдѣ не сомкнуто, сомкнуть, буде не успѣютъ совсѣмъ хотя брустверомъ и палисадами, понеже сіе время опаснѣйшее суть отъ всего года. 2) Гарнизонъ исправить и пр., такожь и конныхъ, понеже настоящее время сего зѣло требуетъ,» и пр. — 1708 г. Ноября 12 ⁽³⁾ изданъ указъ, гдѣ говорится о преданіи Мазепы проклятію. Замѣчательно, какъ искаженно является церковно-Славянскій языкъ, все еще непременно употребляемый въ тѣхъ случаяхъ, когда хотѣли говорить слогомъ возвышеннымъ: «А по молеб-

(1) Полн. Собр. зак. Росс. Имп. т. IV, стр. 364, № 2135.

(2) Полн. Собр. зак. Росс. Имп. т. IV, стр. 401, № 2184.

(3) Тамъ-же, стр. 432, № 2213.

номъ пѣніи, бывшаго Гетмана Ивашку Мазепу, который по вѣншнему образу былъ сосудъ потребень, а потомъ явился сосудъ діаволь, понеже по письму Царскаго Величества къ сыну его Государеву, Благородному, Государю Царевичу, за его Ивашкину къ нему Великому Государю измѣну, что онъ оставя свѣтъ, возлюбилъ тьму, отъ нея же внутреннія ослѣпота ему зѣницы и въ той слѣпотѣ съ праваго пути совратясь и отъѣхавъ ко мрачной адовѣ пропасти, присталъ къ его Государеву недругу Свѣйскому Королю, и отъ того въ арміи Генераломъ и прочимъ командирамъ и офицерамъ и рядовымъ въ полку, надъ тѣмъ непріятелемъ учинилъ нестроевіе, и за такое богомерзкое, а ему Великому Государю и всему Государству непотребное дѣло,» и пр.—1708 г. Декабря 18 ⁽¹⁾ указъ объ учрежденіи губерній. — 1709 г. Февраля 3 Манифестъ ⁽²⁾ о дѣйствіяхъ измѣнника Гетмана Мазепы ко вреду Россіи, наполненъ множествомъ иностранныхъ словъ, становящихся рядомъ съ Русскими словами и выраженіями, и вмѣстѣ служить образчикомъ слога того времени. Здѣсь встрѣчаются слова: *персональный, факція, протестація, баталія, трактаты, акціи, корпусъ*, и пр. Онъ важенъ также, какъ мы сказали, въ отношеніи къ синтаксису, къ слогу.—1711 года Февраля 19 ⁽³⁾ вышли штаты полковъ кавалерійскихъ и пѣхотныхъ; всѣ наименованія должностей и чиновъ почти безъ изключенія не Русскія; между прочимъ Генералы Кригс-Цейхмейстеры, Генералы Вагенмейстеры, Генералы Гевальдгеры, Генеральной шивадронъ. — Въ

(1) Полн. Собр. зак. Росс. Имп. т. IV, стр. 436, № 2218.

(2) Полн. Собр. зак. Росс. Имп. т. IV, стр. 444, № 2224. Въ приложеніяхъ весь этотъ манифестъ.

(3) Тамъ-же, стр. 590, № 2319.

указъ 1711 Іюля 15 ⁽¹⁾ Петръ писалъ въ Сенатъ: «Гдѣ Сенатъ! хотя я николибъ хотѣлъ къ вамъ писать о такой матеріи, о которой нынѣ принужденъ ссмь, однакожъ понеже такъ воли Божія благоволила и грѣхи христіанскіе не допустили. Ибо мы въ 8-й день сего мѣсяца съ Турками сошлись и съ самаго того дня даже до 10 часовъ полудня въ превеликомъ огнѣ не точно дни, но и ночи были и правда никогда какъ и почалъ служить въ такой дисперациіи не были, понеже не имѣли конницы и провіанту; однакожъ Господь Богъ такъ нашихъ людей ободрилъ, что хотя непріятели вѣще 100000 числомъ насъ превосходили, но однакожъ всегда отбиты были, такъ что принуждены сами закопаться и апрошамн яко фортеціонами единыя только рогатки добывать, и потомъ, когда онымъ зѣло надокучилъ нашъ трактаментъ, а намъ вышереченное, то въ вышереченной день учинено штиль штандъ и потомъ подались и на совершенный миръ, на которомъ положено всѣ города у Турковъ взятые отдать, а новопостроенные разорить и такъ тотъ смертный пиръ симъ кончился и потомъ мы взяли свой маршъ до Животца (Польское мѣсто). Р. S. Сіе дѣло хоть есть и не безъ печали, что лишиться тѣхъ мѣстъ, гдѣ столько труда и убытковъ положено, однакожъ чаю симъ лишеніемъ другой сторонѣ великое укрѣплєніе, которая несравнительною прѣбылыю намъ есть.» — Въ Регламентѣ Кригскоммисаріату 1711 Декабря 10 ⁽²⁾ читаемъ (выписываемъ оттуда нѣкоторыя мѣста для примѣра) въ параграфѣ 3: «а ежели которой полкъ противъ прочихъ или рота противъ роты во всѣхъ тѣхъ вещахъ ⁽³⁾ худое состояніе имѣеть, а въ услугахъ и въ

(1) Полн. Собр. зак. Росс. Имп. т. IV, стр. 716, № 2549.

(2) Полн. Собр. зак. Росс. Имп. т. IV, стр. 764—770, № 2456.

(3) Которыя даны отъ казны.

фатигахъ были въ равенствѣ: и о томъ должно розыскать и жалованье у несохраняющихъ офицеровъ удержать, по валеру учиненнаго убытка.» — Подъ пунктомъ 24: «Обер-Кригс-Коммисары и прочіе имъ подчиненные ни у кого не должны быть подъ командою, чтобъ какой высокой шаржи ни былъ, кромѣ Его Сіятельства Генерала Пленн-потенціара Кригс-Коммисара Князя Долгорукова и Генераль-Маіора и Оберъ-Штеръ-Кригс-Коммисара Чирикова, и имѣють такой авторитетъ, что всѣхъ Генераловъ, штабъ, оберъ, унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ могутъ въ казнѣ Царскаго Величества или на квартирахъ, въ порціонахъ и раціонахъ, что за него зайдетъ считать, и начтенныя въ жалованье зачитать.»—Нѣсколько далѣе встрѣчается: «только обсервовать въ послушаніи помянутые персоны.»—1712 года Февраля 8 ⁽¹⁾ вышелъ штатъ артиллеріи; въ концѣ этого штата, въ отвѣтъ на артиллерійское дополненіе, слова Петра интересны совмѣщеніемъ въ нѣсколькихъ строкахъ столькохъ иностранныхъ именований Русскаго войска: «Послѣ сего доношенія все писано собственной Его Царскаго Величества рукою: «Вмѣсто секундъ и капитановъ быть капитанамъ-поручикамъ и подпоручикамъ; петардировъ отставить, а дѣла ихъ могутъ управлять бомбандиры; инженернымъ кондукторамъ быть 24, а не 12; артиллерійскимъ служителямъ и офицерамъ, Русскимъ противъ Русскихъ, иноземцамъ, противъ иноземцевъ градусъ выше въ жалованьи; а инженерамъ, которые не имѣють въ артиллеріи чиновъ, противъ прочихъ полковъ офицеровъ, штыкъ-юнкерамъ противъ прапорщика; инженернымъ кондукторамъ по 48 рублей на годъ, цейхвахтерамъ быть по табели, писарямъ всѣмъ быть противъ другихъ писарей, сержантамъ, капраламъ и рядовымъ, бомбардирамъ и ка-

(1) Полн. Собр. зак. Росс. Имп. т. IV, стр. 792—801, № 2480.

нонерамъ, подкопщикамъ, фузелерамъ и готлангерамъ по табели; шталмейстеру противъ Капитана Русскаго, фуріерамъ противъ табели, фурмейстерамъ, унтеръ-фурмейстерамъ и фурлейтамъ противъ табели-жъ, цейхвахтерамъ, оберъ-цейхвахтеру 150, а унтеръ 100, ихъ динерамъ противъ табели, оберъ-вагенмейстеру и унтеръ поменьше цейхвахтеровъ, кузнечному директору противъ табели, прочимъ мастеровымъ противъ табеля.» — 1713 Января 23 (1) въ указъ встрѣчается выраженіе: *содержать надъ ними* (офицерами) *кригс-рехтъ*. — Того же года Января 28 (2) жс въ указъ выраженіе: *ежели они* (Генералъ-Фельдмаршалы) *гдѣ будутъ обрѣтаться на гауптъ, а команды ихъ полки на винтеръ-квартирахъ* и пр. — Того-же года Февраля 2 (3) указъ о устроении въ Кіевской губерніи Ландмилиціи (*ладмилищъ*, какъ напечатано). — 1714 г. Ноября 24 (4), когда было объявлено о возложеніи ордена св. Великомученицы Екатерины на Россійскую Царицу Екатерину Алексѣевну, былъ приложенъ также уставъ того ордена; не выписываемъ оттуда примѣровъ, ибо мы уже ихъ довольно выписали. Замѣтимъ только тамъ слово: *шляхетныйишій орденъ*, слово, взятое изъ другаго языка, ибо на Русскомъ для выраженія этого понятія (*noblesse, adel*) во все не было слова, какъ не было и самого дѣла. — Въ посланныхъ при указъ 1716 Апрѣля 10 (5) кондиціяхъ, предложенныхъ со стороны Государя Петра къ примиренію Польскаго Короля съ Рѣчью Посполитою,

(1) Полн. Собр. зак. Росс. Имп. т. V, стр. 12, № 2638.

(2) Тамъ-же, т. V, стр. 12, № 2640.

(3) Полн. Собр. зак. Росс. Имп. т. V, стр. 13, № 2643.

(4) Тамъ-же стр. 129—133, № 2860.

(5) Полн. Собр. зак. Росс. Имп. т. V, стр. 460, № 3014. Указъ о кондиціяхъ см. въ приложеніяхъ.

встрѣчается бездна иностранныхъ словъ: *медиаторъ*, *кон-трибуція*, *плѣнипотенціаръ*, *пленипотенція*, *адгерентъ*, *фундаментъ* и т. д. — 1717 Декабря 12 ⁽¹⁾ читаемъ въ указѣ: «выбирать совѣтниковъ и ассессоровъ президентамъ симъ образомъ: 1. чтобъ не были его сродники или собственныя креатуры» и пр. — 1718 Апрѣля 28 ⁽²⁾ въ указѣ читаемъ: «а которые пункты въ Шведскомъ Регламентѣ неудобны или съ ситуациею сего государства не сходны,» и пр. — 1718 Ноября 20 ⁽³⁾ объявлено отъ Генераль-Поллицеймейстера объ ассамблеяхъ и объ устройствѣ и порядкѣ оныхъ. — 1719 Апрѣля 17 ⁽⁴⁾ читаемъ въ указѣ: «Великій Государь указалъ: всѣхъ губерній Ландратамъ и Комиссарамъ для опредѣленія къ дѣламъ быть въ вѣденіи Камеръ-Коллегіи, а Ландрихтерамъ въ Юстицъ-Коллегіи; а которые изъ нихъ Ландратовъ и Ландрихтеровъ въ оныхъ Коллегіяхъ куда и къ какимъ дѣламъ выбраны будутъ, о томъ для опредѣленія объявлять доношеніями и ихъ самихъ представлять въ Сенатъ.»—Скажемъ также, что всѣ регламенты Коллегіи и данныя инструкции разнымъ чинамъ пестрѣютъ множествомъ иностранныхъ словъ, часто вовсе не нужныхъ, какъ: *натура*, *преферативы* и пр., которые тутъ-же иногда и переводятся какъ-бы въ знакъ того, что ихъ можно-бы написать и по-Русски. Что касается до синтаксиса оффиціального слога времени Петра Великаго, то въ немъ мы находимъ немного измѣненій, нѣсколько большую текучесть и связность рѣчи; находимъ, что и находили прежде, тяжелую конструкцію фразъ (такъ называемую Латинскую) и въ болѣе рѣзкомъ еще

(1) Полн. Собр. зак. стр. 535, № 3128.

(2) Тамъ-же, стр. 565, № 3197.

(3) Тамъ-же, т. V, стр. 598, № 3246.

(4) Тамъ-же, стр. 693, № 3354.

видъ; мы встрѣчаемъ и винительный на а, хотя рѣдко, который замѣтили мы прежде, и иногда творительный множественнаго числа, сходный формою съ именительнымъ, хотя также уже гораздо рѣже. Выписанныя врѣжде мѣста могутъ представить намъ примѣры сказаннаго нами.

Что касается до сочиненій духовныхъ, и вообще сочиненій въ это время, то основаніемъ ихъ слога былъ все языкъ церковно-Славянскій, но еще болѣе въ самомъ себѣ испорченный, неправильный, искаженный. Въ это время находимъ мы двухъ знаменитыхъ духовныхъ писателей: Стефана Яворскаго и Теофана Прокоповича; послѣ нихъ осталось множество сочиненій. Сочиненія Стефана Яворскаго (напечатанныя церковно-Славянскими буквами), проповѣди и другія писаны языкомъ церковно-Славянскимъ; нельзя не узнать его; спряженія его глаголовъ, это рѣзкое отлічіе отъ Русскаго языка, являются безпрестанно; но какой это церковно-Славянскій языкъ! Иногда сохранены его тонкіе оттѣнки, его тонкія особенности и тутъ-же безпрестанное грубое нарушеніе этихъ самыхъ сохраненныхъ правилъ. Сверхъ того видимъ мы въ немъ множество выраженій, словъ Русскихъ, употребленій Русскаго языка, также словъ Малороссійскихъ и Польскихъ. Но ко всему этому еще прибавилась новая сильная примѣсь иностранныхъ словъ, которыя дополняютъ странное зрѣлище, какое представляетъ языкъ церковно-Славянскій, и безъ того замѣшанный языкомъ Русскимъ; изъ этой странной смѣси составляется слогъ, слогъ вообще того времени, и также Стефана Яворскаго; но у него еще рѣзче можетъ быть встрѣчаются эти несходные элементы слога, во-первыхъ потому, что онъ ихъ всѣ въ равной степени сохраняетъ, во-вторыхъ и потому, что внезапная тривіальность его сравненій влечетъ за собою и тривіальность выраженій, оборотовъ и словъ. Дико становятся

въ ряды фразъ церковно-Славянскихъ, окруженныя иногда древними формами этого священнаго языка, слова иностранныя, носящія вмѣстѣ на себѣ печать яркую текущей современности. Много примѣровъ можемъ мы привести въ образецъ этого слога, въ доказательство сказаннаго нами. Они будутъ приведены всѣ вмѣстѣ, ибо не стоитъ приводить отдѣльно умножившіяся, безпрестанно встречающіяся ошибки и иностранныя и народныя слова. Что касается собственно до синтаксиса, то когда фразы, обороты, слогъ офиціальны, въ которомъ всегда преимущественно выражался народный слогъ и языкъ, сталъ нѣсколько связнѣе и болѣе объемлющъ въ синтаксическомъ отношеніи, — слогъ писателей церковно-Славянскихъ сталъ отрывистѣе и менѣе объемлющъ; и то и другое утрачивало свой характеръ, и то и другое только слабѣло и портилось; таковы по крайней мѣрѣ съ обѣихъ сторонъ были эти измѣненія. Таковъ и слогъ Стефана Яворскаго. Приведемъ примѣры изъ его проповѣдей для всего вышесказаннаго нами. Слогъ его сочиненій, кромѣ проповѣдей и словъ, имѣетъ тотъ-же характеръ: попадаютъ иностранныя слова, народныя выраженія, если не столько сколько въ проповѣдяхъ и словахъ, обращенныхъ къ слушателямъ:

»Позабылъ я еще жену Лотову, а не велѣлъ ее Христосъ забывать: *поминайте, рече, жену Лотову*. Какъ же ю, Спасителю мой, поминати: панихиду ли за ню пѣти, или въ ектеніяхъ ее поминати; не вѣдаемъ, какъ ей имя. Поминайте жену Лотову: а для чего не Сарру, не Ревекку, не Есоирь, не Іудифъ; для чего не твоя любимыя ученицы: Магдалину, Марію и Марѳу сестры Лазаревы; всѣ тѣ и прочія изрядныя женщины минувши, Христосъ велитъ едину поминати жену Лотову: поминайте жену Лотову. Слушаемъ, Спасителю мой, твоего повелѣнія: но

что въ той женѣ Лотовой особеннаго паче иныхъ женщинъ; буди то, что столпомъ сланымъ, что солью стала: многія суть и нынѣ жены такія, которыя въ первыхъ сахаромъ мужу своему бываютъ, а потомъ солью» (1).

»Видиши ли сію жену; а чтожь ту, Спасителю мой, въ той женщинѣ зрѣнія достойно; не вижу я въ ней ничто же удивительно: аще тому велишь присматриватися, что хорошо устроилася, червленицею (румянами) и бѣлиломъ лицо умастила, чело свое, что кожу на барабанъ, вытянула, очи безстудные очернила, брови естественныя искоренивши, иные брови себѣ сдѣлала, жемчугами, многоцѣннымъ каменіемъ и золотыми одѣянны тѣло свое любодѣйческою червіямъ на снѣдь готовое украсила: снцевому украшенію, на прелесть очесамъ здѣланному, аще велишь присматриватися, Спасителю мой, крикнетъ, паче же слышу ко всякому изъ насъ царствующаго твоего пророка Давида глаголюща» (2).

»Рцы намъ огнепальнымъ своимъ языкомъ, пепельная головне, всегдашній пиролюбче, насытиша ли тебе она твоя повседневная пированія, тучна ароматная яденія, нещадная безъ мѣры виноразліянія» (3).

»Смотри только, преславный Царю Давиде, се мало не вся вселенная тебѣ кланяется, тебя боится, тебѣ вѣрное подданство съ должнымъ воздастъ челопреклоненіемъ честь. Поклони только уши въ глаголы устъ человѣческихъ: колику славу имаши за твое мужество, крѣпость и труды кавалерскіе» (4).

(1) Проповѣди Стефана Яворскаго. Москва. 1805. Ч. I, стр. 97 и 98.

(2) Тамъ-же, стр. 113 и 114.

(3) Тамъ-же, стр. 187.

(4) Тамъ же, стр. 194.

«Родится Великій Александръ, а орелъ сидитъ на царскихъ габинетахъ или полатахъ» ⁽¹⁾»

«Нынѣ убо обѣтъ мой исполняю, и хошу Божією помощію не съ колесничнаго ряду, но съ Библии отъ книгъ Іезекіили пророка выкатити вамъ сію колесницу» ⁽²⁾.

Въ отвѣтъ своемъ въ Парижскую Академію Стефанъ Яворскій употребляетъ слѣдующія слова: *Однако между тѣмъ ничтоже возбраняетъ быти частнымъ разговорамъ между вашими и нашими нѣкими теологами чрезъ взаимныя, якоже обычай есть, посланія, аще вамъ сіе благоволяется.* ⁽³⁾. — Во второмъ отвѣтъ употребляетъ онъ слово Малороссійское, именнно: знакомитое — *Преславное оно и всему міру знакомитое Сорбонское Парижское училище* ⁽⁴⁾.

(1) Проповѣди Стефана Яворскаго. Москва. 1803. ч. 2, стр. 153.

(2) Тамъ-же, стр. 186.

(3) Тамъ-же, стр. 286.

(4) Тамъ-же, стр. 289. — Не можемъ удержаться, чтобъ не выписать еще одного интереснаго примѣра: «Умолчу иная, величія скудости ради и ума и времени, не вспомну и вышшія преславныя надъ крѣпостію и фортеціею Шлюсбургскою победы. Но аще бы мнѣ о семъ пришло глаголами и дѣло по достоянію прославляти, подобало бы Іисуса Навина разоряющаго, Давида со львами акі со овцами играющаго, Данила уста львовъ заграждающаго изобразити: равное бо и здѣсь вижу дѣйствіе, равное мужество и великодушіе, равную надъ рыкающимъ звѣремъ победу и одолѣніе. О Орѣшекъ претвердый! добрыя то зубы были, которые сокрушили тотъ твердый Орѣшекъ. Бываетъ часто такъ твердый орѣзъ, яко нужда есть на сокрушеніе его камня. Твердый былъ и сей орѣзъ, фортеца прекръпка, не только стѣнами, валами, пушками и всякою стрѣльбою и бронями вооружена: но наипаче самымъ естественнымъ, самымъ естественнымъ положеніемъ, самымъ неприступнымъ островомъ, самыми быстрыми водами отсюду окружаема. Зубовъ сей Орѣшекъ и прекръпкихъ не боялся, зубы первѣе надобъ было сокрушити, нежели Орѣшекъ, и невредимъ бы пребывалъ доселѣ, аще бы сицевую твердость твердѣйшій не поразилъ камень. А камень не нинѣ только, о немъ же глаголетъ истина Христосъ: Петре! ты еси камень.

Впрочемъ именно у Стефана Яворскаго, не лишеннаго поэтическаго представленія, встрѣчаются иногда обороты прекрасные и свободные, вытекающіе изъ духа языка Русскаго, намекающіе на великое, самобытное развитіе синтаксиса, именно на его изящную, стройную (внутреннему закону подлжащую) свободу. Вотъ примѣры: «Нынѣ паки, егда изъ гроба красныя правды намъ возсія солнце, свѣтлѣйшіе свои простираетъ лучи» (1). — «Съетъ челоувѣкъ зерно сѣмянъ голо, ничимже одѣяло, въ землю, еже падшее по словеси Христову умираетъ, и тако плоть творитъ» (2). — «Въ нынѣшнемъ Евангеліи, на божественной литургіи чтенномъ, слышахомъ море волнующееся, вѣтръ противенъ, корабль покрываемый волнами, Петра утопающа, учениковъ отъ страха возопившихъ.» (3) — «Радуйтесь и веселитесь христоименитіи людіе, ликуй торжествуй Церковь Божія, и православная Велико-Россійская держава! Се нынѣ время благополучно и благоприятно: уже бо лютая зима преиде, скорбное преста безведріе, буря свирѣпыхъ вѣтровъ непріятельскихъ утолися, облакъ темный и громогласный разгнася; стужа жестокая, печали и воздыханія мимо идоша: цвѣты же радостей и веселія явишася въ земли нашей Велико-Россійской» (4).

Слогъ Теофана Прокоповича имѣлъ одинъ общій характеръ, о которомъ мы сказали уже, всѣхъ писателей этого времени; но конечно въ немъ есть своя особенность. Пре-

Нынѣ же Снейтембургъ нарицается Слисембургъ, то есть Ключъ городъ, а кому же сей ключъ достался: Петрови Христокъ обѣщаль ключи дати. Зрите убо нынѣ, коль преславно исполняется обѣщаніе Христово.» (Тамъ же, ч. 2, стр. 169—170).

(1) Проповѣди Стефана Яворскаго. Москва. 1805. ч. 1, стр. 4.

(2) Тамъ-же, ч. 1, стр. 22.

(3) Тамъ-же, стр. 244.

(4) Тамъ-же, ч. 1, стр. 240.

жде всего замѣтимъ, что самыя первыя его слова и проповѣди, говоренныя еще въ Кіевѣ, написаны на церковно-Славянскомъ языкѣ вполне почти правильно, съ совершеннымъ его знаніемъ; иногда встрѣчаются ошибки, уже неизбежная принадлежность церковно-Славянскаго языка того времени; но рѣчь, обороты, выраженія, всѣ принадлежатъ церковно-Славянскому языку. Таково слово на пришествіе въ Кіевъ Петра 1706 г., таково Слово на Полтавскую побѣду (еще не викторію) и поздравленіе Меншикову. (Примѣры приведемъ ниже). Синтаксисъ этихъ Словъ совершенно церковно-Славянскій; мы встрѣчаемъ тѣ же длинныя періоды (хотя періоды не столько объемлющи какъ прежде, и не теряются въ своей связи), которые, можетъ быть, уже въ себѣ отражаютъ періодъ Латинскій; мы видимъ вообще характеръ церковно-Славянской рѣчи, безъ примѣси почти Русскихъ выраженій и словъ, безъ всякой тривиальности, и встрѣчаемъ нѣкоторыя еще робко являющіяся иностранныя слова, встрѣчаются также слова Малороссійскія. Вотъ примѣры въ доказательство словъ нашихъ: *рукама своими; своими очима; ты многія грады отеческіе отъ ига Оттоманскаго и отъ узъ еретическихъ мечемъ свободилъ еси; о насъ благополучныхъ! — О благословенія на насъ твоего Боже нашихъ!* (1) — «Немного во истинну въ иныхъ народѣхъ и Государствахъ такихъ прикладовъ обрящеши, якіе въ отечествѣ нашемъ видимъ нынѣ; видимъ различіе людей въ одеждахъ, въ домовыхъ зданіяхъ и именахъ, на судъ различія не видимъ; вси равни суть» (2). — «Егда Пресвѣтлое. Пресвѣтлаго Величества твоего лице Царскою честію, и дивною неописанной побѣды красотою сіяюще, въ семъ нашемъ, паче же твоємъ

(1) Оеодана Прокоповича Слова и Рѣчи. Спб. 1760. ч. 1, стр. 5. 48.

(2) Тамъ-же, ч. 1, стр. 7.

жительство (еже есть верхъ благополучія нашего) видѣти сподобляемся Пресвѣтлѣйшій и Великодержавнѣйшій Всероссійскій Монархо и Преславный войскъ Свѣйскихъ Побѣдителю! кое иное дати тебѣ привѣтствіе, и что большее въ даръ гостинный имамы принести Тебѣ, развѣ неслыханной сей Богомъ тебѣ, и тобою веѣмъ намъ дарованной победы похвалу, и раждшейся отъ нея общей Всероссійской радости извѣщеніе?» ⁽¹⁾.—«Повѣствуетъ славный стихотворецъ Римскій Виргилій, яко егда Греки кѣляху и разрушаху градъ Трою, нѣции отъ Троянъ побивше сшедшихся съ собою нѣкихъ воєвъ Греческихъ, броня ихъ и щиты себѣ возложивша, и такимъ покровенны суще видомъ, многихъ иныхъ супостатовъ нечаянно побиваху: мняху бо тѣ, яко свои суть, и безъ опаства схождахуся» ⁽²⁾.—«Не отступай и въ послѣдніи дни вѣрнаго твоего служителя Православнаго Монарха нашего, ополчаяся окрестъ Его, и укрѣпляя оружіе Его, дондеже испразднятся вси жестоковѣйшіи и непослушливіи раби, дондеже покорятся вси востающіи на нѣ врази, дондеже вси языци бранемъ хотящии, крайнимъ ударенни страхомъ, утихнутъ и не рекутъ, гдѣ есть Богъ ихъ? но купно съ нами прославятъ Отца и Сына и Святаго Духа, Ему же слава во вѣки. Аминь!» ⁽³⁾.—«Не всеу убо Свѣтлѣйшій Римскаго и Россійскаго Государствъ Княже Господине нашъ премилостивѣйшій, не всеу воздвизохомся ко оглашенію дѣлъ твоихъ, егда Свѣтлость твою внутрь сего учительнаго собранія блиснувшую узрѣхомъ: глаголемъ не отъ ласкательства, не отъ притворства, не отъ ухищренія, глаголемъ, яже вѣми и видимъ: глаголемъ, яже всему міру извѣстна суть. Да ослѣпнутъ и помрачатся, аще кінъ суть завистницы твои

(1) Θεοφανα Προκοποβιχα Слово в Рѣчѣ. Спб. 1780. ч. 1, стр. 21.

(2) Тамъ-же, стр. 29.

(3) Тамъ-же, стр. 50.

толикихъ твоихъ дѣлъ невѣдаѣи, или паче видѣти не хотѣи. » (¹) — Но чѣмъ болѣе сближался Ѳеофанъ съ современнымъ ходомъ дѣлъ въ Россіи, чѣмъ болѣе входилъ въ духъ дѣлъ Петровыхъ, тѣмъ болѣе языкъ его принималъ характеръ соотвѣтственный современному состоянію, что необходимо и законно, ибо языкъ передаетъ и долженъ передавать, особенно въ такое время, современное состояніе народа, которому принадлежитъ онъ. Такъ въ 1716 году въ С. Петербургѣ говоренное Слово на день рожденія Царевича Петра Петровича (²) уже изобилуетъ иностранными словами. Въ словахъ духовныхъ, говоренныхъ около того-же времени, какъ напр: въ Слово о почитаніи св. иконъ (³), въ день Рождества Господа нашего Иисуса Христа (⁴), еще видна прежняя чистота слога. Въ Слово о баталіи Полтавской (1717) (⁵) уже ярко является характеръ тогдашняго слога,—эта смѣсь церковно-Славянскаго языка, простонародныхъ и тривіальныхъ словъ, тривіальныхъ выраженій и оборотовъ Русскихъ и словъ иностранныхъ. Здѣсь разумѣется измѣняется и синтаксисъ, слогъ дѣлается отрывистымъ, теряетъ свой церковно-Славянскій характеръ. Напр: *викторіи*. (⁶)—Далѣе: «Что еще не доставало къ симъ? еще нѣчто было, чего не завидѣли намъ сосѣди, и было нѣчто, о чемъ боялися, дабы не было. Не была еще регула воинская, не были искусства инженерскія, не были обоего чина архитекторы, не былъ флотъ, не была сила

(¹) Ѳеофана Прокоповича Слова и Рѣчи. Спб. 1760. ч. 1, стр. 69.

(²) Тамъ-же, стр. 99—119.

(³) Тамъ-же, стр. 75—95.

(⁴) Тамъ-же, стр. 131—141.

(⁵) Тамъ-же, ч. 1, стр. 143—165.

(⁶) Тамъ-же, стр. 149.

на морь.» (1) — «Что се есть? (промыслила въ себѣ зависть) туды пошла Россія? таковъ успѣхъ ея? сего мы на ней дождались?» — (2) «И се не пошло по желанію, не сталося по высокому вашему вамъ мнѣнію супостаты: вы начали, что уже весьма сломленное Русское оружіе, и не главѣ вашихъ досязати, но подѣ ноги вамъ поврещися готово: и се не такъ, не туды» (3) — «Но приступимъ уже ближе къ самому крайнему дѣлу. А тутъ въ первыхъ и есть предѣ очи скверное лице, мерзкая машкара, струпъ и студъ твой малая Россіе, измѣна Мазепина.» (4) — Тоже видимъ уже въ рѣчи поздравительной Петру; напр: онъ говоритъ о Россіи: «Не она ли видѣла его усмотрѣвающа, собирающа и чинно располагающа полки воинства, и въ немъ всю артиллерию яко аммуницію, вся оружія, еще же и самый той коштъ, имъ же бы содержати воинство? — Реку ли о штурмованіи и взятіи городовъ?» (5) — Услыша сіе бѣдно бодрствуя левъ Свѣйскій, и поскорѣе поджалъ хоботъ свой подѣ себе.» (6) — Вслѣдъ за тѣмъ въ 1717 году видимъ уже вошедшія иностранныя слова и въ духовномъ *Словѣ въ недѣлю осмую надесять* (7), которое впрочемъ оканчивается почти какъ свѣтское (встрѣчаются слова: *перезрималія, политики школа; физическихъ экспериментовъ* (8). Въ послѣдствіи слогъ духовныхъ словъ его сталъ такимъ-же, какъ и свѣтскихъ, какъ и вообще слогъ сочиненій того времени. Мы должны сказать о Теофанѣ,

(1) Теофана Прокоповича Слова и Рѣчи. Сиб. 1760. ч. 1, стр. 149.

(2) Тамъ-же, стр. 151.

(3) Тамъ-же, стр. 153.

(4) Тамъ-же, стр. 155.

(5) Тамъ-же, стр. 179.

(6) Тамъ-же, стр. 192.

(7) Тамъ-же, стр. 197—212.

(8) Тамъ-же, стр. 206. 208

что въ немъ при такомъ слогѣ, какъ у всѣхъ пишущихъ тогда, не видать важности и педантизма въ употребленіи церковно-Славянскаго языка, какъ у Стефана Яворскаго, и въ тоже время видна какая-то откровенность въ употребленіи тривіальностей, простонародныхъ словъ и выраженій; онъ употребляетъ ихъ отъ души, съ увлеченіемъ, тогда какъ Стефанъ Яворскій употребляетъ ихъ съ цѣлю, съ намѣреніемъ и расчетомъ, сохраняя всю свою важность и употребляя эти выраженія, какъ краску, которая нужна, какъ украшеніе, какъ ораторское средство, съ какою-то гордой, надменной претензіей, съ педантизмомъ и вмѣстѣ какъ будто съ снисхожденіемъ; по этому слогъ Теофана носитъ болѣе печать какого-то единства этой безпорядочности и смѣси, ежели можно такъ выразиться, съ перевѣсомъ просто народнаго характера; у него обратились всѣ эти разные элементы въ какую-то струю краски, тогда какъ у Стефана Яворскаго они встрѣчаются и смѣшиваются, сохраняя свой цвѣтъ; смѣсь элементовъ, царствующая въ слогѣ послѣдняго, представляетъ ихъ въ кучѣ перемѣшанными, но отдѣльно удержанными въ своей особенности, и по этому у него рѣзко столкновеніе этихъ разныхъ элементовъ. Слогъ Теофана стремителенъ и естественъ, при сохраненіи иногда формъ церковно-Славянскаго языка, но слогъ Стефана исполненъ до невыносимости аллегорій и надутъ, при часто встрѣчающихся и какъ-бы охотно и намѣренно употребляемыхъ тривіальностяхъ. Вотъ примѣры изъ слога Теофана. Въ числѣ примѣровъ приведемъ также отдѣльно нѣкоторыя встрѣчающіяся иностранныя слова, которыя ярче и необыкновеннѣе другихъ. Въ Словѣ въ день Св. Благочестиваго Князя Александра Невскаго: «Вопросимъ естественнаго разума, ты ктолико еси, имѣешь невольныхъ рабы, или и вольныя служители, скажи же, молю тебе, когда служащему тебѣ велишь: подай пить, а онъ шапку принесетъ, угодно ли? знаю, что ска-

женъ: и вельми досадно. Чтожъ, когда велишь ему на село ѣхать осмотрѣть работниковъ, а онъ ни-же помыслить о томъ, но стоя предъ тобою кланяется тебѣ, и хвалить тебе многими и долгими словами, сіе уже и за нестерпимую укоризну тебѣ почитать будешь. Еще вопрошаю: пошлешь ли ты его коня сѣдлатъ, а онъ тое оставя, поидеть въ жерновахъ молоть, не досадно ли? не достоинъ ли жестокаго наказанія? извинится ли тѣмъ, что труднѣйшее дѣло дѣлалъ, аще бы и цѣлыя сутки молоть? да для чего ты не дѣлалъ повелѣннаго? кричать будешь. И таковой крикъ и наказаніе преслушнику вонстинну праведно есть, и развѣ скотъ, а не человекъ будетъ, который бы къ сему не приговорилъ» (¹).

«Не бываютъ ли таковыя лица скарденая, что и поглянути на нихъ мерзско! а однако такіе, или такая когда въ зеркалѣ видятъ себе, судятъ о себѣ, что вельми пригожи!» (²).

«Суесловіе есть, естли не безуміе нѣкихъ стихотворцевъ, которіи такъ плаванія воднаго ненавидятъ, что и первыхъ того изобрѣтателей проклинаютъ. Обычно господа оніи вымыслы своя нарицаютъ нѣкимъ восхищеніемъ, или восторгомъ, да часто имъ въ восторгахъ своихъ недоброе снится. Охуждаютъ навигацію, да плодовъ ея не отматаютъ» (³).

«Естли бы къ намъ добріи гости, не предвозвѣстя о себѣ, моремъ ѣхали, узрѣвши ихъ, неможно бы уготовати трапезу для нихъ, какъ же на такъ нечаянно и скоро нападающаго непріятеля мощно устроить подобающую

(¹) Феодана Прокоповича Слова и Рѣчи. Спб. 1760. ч. 2, стр. 7.

(²) Тамъ-же, стр. 24.

(³) Тамъ-же, стр. 51, 52.

оборону? едина конфузія, единъ ужасъ, трепеть и мятежь» (1).

«Довольно въ томъ Швеція, которая не вчера уже твердить філософію политическую, и въ школахъ, и въ Сенатѣ, и въ ученіи, и въ практикѣ» (2).

«Старочинное стрѣлцкое воинство, какъ дѣльно было, всѣмъ доселѣ есть извѣстно: и добро, что тогда эксавторовано и отставлено: была бы то гингрена нѣкая, свое, а не чуждое тѣло вредящая» (3).

«Что політестіи учителя діссимуляціею нарицають, и и въ первыхъ царствованія полагають регулахъ. (4) таковіи малконтенты.... царствовавшихъ женъ ексемпли, или образы... (5)къ фамиліи Божіей» (6).

«Когда слухъ пройдетъ, что Государь кому особливую свою являетъ любовь, какъ вси возмзятутся, вси къ тому на дворъ, вси поздравляти, дарити, поклонами почитати, служити ему, и умирати за него будто бы готовы, и тотъ службы его исчисляетъ, которыхъ не бывало, тотъ красоту тѣла описуетъ, хотя прямая хара, тотъ выводитъ рода древность изъ за тысящи лѣтъ, хотя бы былъ харчевникъ или пирожникъ: такъ, что уже многіи въ народѣхъ Государи народное сіе безуміе нарочно себѣ въ забаву употребляютъ. Но хотѣ бы и прямо кто и достойно возлюбленъ былъ отъ толикихъ лицъ, тебѣ что изъ того? то чуждее, то не твое щастіе. Да однакожъ: да чтожъ однакожъ? Чтобъ слово доброе заложилъ, или хотя бы не повредилъ. Правда. А съ тѣмъ, кто въ такое добро

(1) Θεοφανα Προκοποβιχα Слова и Рѣчи. Сиб. 1760. ч. 2, стр. 54.

(2) Тамъ-же, стр. 74.

(3) Тамъ-же, стр. 79.

(4) Тамъ-же, стр. 100.

(5) Тамъ-же, стр. 189.

(6) Тамъ-же, стр. 283.

вбрасъ, что дѣлается, тотъ уже и самъ себя забывъ кто онъ, не вѣдомо что о себѣ мечтаетъ. Между тѣмъ отъ зеркала не отступитъ, и дѣлаетъ экзерцицію, какъ бы то честно и страшно являти себе, какъ то и сидѣти, и похаживати, и постанавати, и поглядывати, и поговаривати» (1).

Что касается собственно до синтаксиса и періода Теофана, то въ этомъ случаѣ можно сказать тоже, что мы сказали о синтаксисѣ и періодѣ Стефана Яворскаго и вообще о синтаксисѣ того слога; мѣстами слогъ (періодъ) Теофана отрывистъ, разговорнъ и вообще живъ, нежели слогъ Стефана; изъ вышеприведенныхъ примѣровъ это можно видѣть. У Теофана также встрѣчаются обороты, обнаруживающіе духъ Русскаго синтаксиса, обороты изящные и одушевленные, прекрасныя, если не поэтическія мѣста. Напр: «Но не награждается единымъ студомъ грѣхъ сей, влечетъ за собою тучу и бурю, и облакъ страшный безчисленныхъ бѣдъ. Не легко со престола сходятъ Царіе, когда не по волѣ сходятъ. Тотъ часъ шумъ и трусъ въ Государствѣ: большихъ кровавое междоусобіе, меньшихъ

(1) Теоф. Прок. Сл. и Рзчи. Слб. 1760. ч. 3. стр. 34. 35. — Выпишемъ также здѣсь еще одинъ замѣчательный примѣръ: «И каковое неистовство въ сердцахъ многихъ вселилося! аки бы другіи желаетъ какъ спастися, а что по званію своему долженъ, о томъ ниже помышляя, но и многожды еще званію своему противное творя, ищетъ пути спасеннаго у синовъ погибельныхъ, и вопрошаетъ: какъ спастися? у лицемѣровъ мнимыхъ святцевъ, и развѣ для того безгрѣшныхъ, яко о грѣхахъ своихъ не помышляютъ: что же они? видѣнія скажутъ, аки бы шпионами къ Богу ходили, притворныя повѣсти, то есть бабія басни баюгъ, заповѣди бездѣльныя, храненія суевѣрная кладутъ, и такъ безстыдно лгутъ, яко стыдно бо воистинну и просто человѣкомъ, не тоію честнымъ нарецися тому, кто бы такъ безумнымъ разказщикамъ вѣрилъ: но обаче мнози вѣрують, увы окаянства! О слѣпціи спасенія искатели! которыхъ такое буселовіе услаждаетъ. Сей ли путь спасенія? яко помраченъ забобонами не знаешь, что ты долженъ еси Богу, Государю, отечеству, всякому собственно ближнему, словомъ рещи: что долженъ званію своему» (Тамъ-же, ч. 3, стр. 18).

добросовѣстныхъ вопль, плачь, бѣдствіе, а злоправныхъ челоуѣкъ, аки звѣрей лютыхъ отъ узъ разрѣшенныхъ, вольное всюду нападеніе, грабительство, убійство. Гдѣ и когда нуждею перенеслся скипетръ безъ многой кроуны, и лишенія лучшихъ людей, и разоренія домовъ великихъ? И якоже подрывающе основаніе, трудно удержати въ цѣлости храмъ; тако и здѣ бываетъ: опровергаемымъ властемъ верховнымъ, колеблется къ паденію все общество» (1). «Инако и лучше нынѣ Россійское на морѣ воинство благословишь Богъ. Не хотѣлъ дабы воздухъ дѣлился съ нами славою вѣкторіи; но и вопреки умножилъ вѣтромъ трудность къ морскому бою, дабы умножилася слава побѣдителемъ, послужилъ и намъ вѣтръ, да противствомъ своимъ: послужилъ къ славѣ, а не къ побѣдѣ: и понеже противился побѣдѣ нашей: того ради явственно показалъ славу нашу, такъ что вѣкторія нынѣшняя можетъ таковымъ надписаніемъ украшена быти: Непріятель и вѣтръ побѣжденъ есть» (2). «А Екатерина во дни въздыханія и стенанія своего все то исполняла, и тако исполнила, что многая отъ Петра намѣренная произвела въ дѣлю, многая начатая совершила: и не познало Россійское оружіе руки женскія, и не ощутило море Петровой смерти» (3). Сверхъ того у Теофана встрѣчаются замѣчательныя, чисто Русскія слова: *недознаніе* (4); *перебыть* въ смыслѣ преодолѣть, вынести; онъ говоритъ о Петрѣ: *трудно было перебыти завистное преплѣтствіе, ово тайное и лестное, ово же и явное—перебылъ* (5). Надо также прибавить, что у Теофана встрѣчаются слова Малороссійскія, или Польскія, что также находимъ и у Стефана Яворскаго; напр: *требъ, тре-*

(1) Теофана Прокоповича Слова и Рѣчи. Спб. 1760. ч. 1, стр. 283. 266.

(2) Тамъ-же, ч. 2, стр. 58. 59.

(3) Тамъ-же, ч. 2, стр. 196.

(4) Тамъ-же, стр. 283.

(5) Тамъ-же, стр. 148.

би ⁽¹⁾; мусимъ; ⁽²⁾ и пр. Что касается до сочинений Теофана кроме Словъ, то они написаны языкомъ церковно-Славянскимъ довольно правильнымъ, хотя въ нихъ и находятся слова иностранныя; синтаксисъ также языка церковно-Славянскаго, но умеренный; періоды не длинны и не такъ объемисты. Нѣкоторыя изъ этихъ сочиненій писаны еще въ Кіевѣ ⁽³⁾. Мы не указываемъ на мелкія, обыкновенныя и уже давно начавшія встрѣчаться ошибки противъ языка церковно-Славянскаго, также на руссизмы; мы указывали на нихъ еще прежде въ предыдущихъ столѣтіяхъ.

Современникомъ обоихъ писателей былъ Гавріиль Бужинскій, оставившій намъ нѣсколько своихъ Словъ. Онъ былъ Оберъ-Іеромонахъ и проповѣдникъ Флотскій. Онъ не имѣлъ ни учености, ни значенія, ни силы, ни важности обоихъ проповѣдниковъ. Въ словъ его, также отражавшемъ современное состояніе, находимъ мы большое сходство съ характеромъ слога Стефана Яворскаго. Также хитро-сплетенная, придуманная, риторическая тривіальность, тотъ-же невыносимый символизмъ, часто облекающійся въ эти тривіальныя формы, съ цѣлію, чтобы насмѣшить. Но онъ уступаетъ Стефану Яворскому въ замысловатости, уступаетъ ему въ его риторическомъ искусствѣ, въ одушевленныхъ мѣстахъ также, и вообще не выражаетъ того, что выражалъ Стефанъ. Въ немъ, какъ

(1) Теофана Прокоповича Слова и Рѣчи. Спб. 1760. ч. 1, стр. 222.

(2) Тамъ-же,

(3) Въ изданіи его сочиненій находятся Слова, о которыхъ говорится въ примѣчаніи, что они писаны въ Кіевѣ (Теоф. Прок. Сл. и Р., ч. 3, отъ 254 стр. до конца), но какого времени, не извѣстно, мы не знаемъ, въ какой мѣрѣ это вѣрно; это не изъ всѣхъ Словъ видно; изъ этихъ Словъ нѣкоторыя, и одно, которое прямо указываетъ на мѣсто — Кіевъ (Слово въ день Св. Равноапостольнаго Князя Владиміра, стр. 335 — 349), писаны довольно правильно, безъ примѣси иностранныхъ и простонародныхъ словъ и выраженій. Въ другихъ напротивъ встрѣчается и то и другое, но сравнительно гораздо менѣе.

и въ Стефанъ (хотя въ последнемъ еще болѣе), видво невыносимое самодовольство, и именно въ этихъ тривіальныхъ мѣстахъ, при разныхъ замысловатостяхъ,—чего нѣтъ въ Теофанѣ, котораго рѣчь горда и бранчива подѣ часть, но всегда искренна и не самодовольна. Въ словахъ иностранныхъ у Гавріила Бужинскаго нѣтъ недостатка; они встрѣчаются часто и довольно ярко. Надо замѣтить, что послѣдующія слова его болѣе ими изобилуютъ, и всѣ вообще написаны слогомъ испорченнымъ, соответствовавшимъ тому времени. Приведемъ нѣкоторые примѣры словъ иностранныхъ: *дискурсъ; великими волюминами написашъ; аргументъ; шпады* ⁽¹⁾ и пр. Вотъ образцы самого слога: «Се то воистинну спеціали предражайшіе, клейноти превожделенныя, яже уготова Богъ любящимъ Его! Но сія вся ключемъ симъ себѣ отвориши, симъ единымъ инструментомъ вся оныя отверзеши. И въ первыхъ, хощеши ли предражайшій клейнотъ, жизнь вѣчную получить?» — ⁽²⁾ «Прежде сего читывали токмо въ Фабулахъ Езоповыхъ, какъ то левъ товарищилъ съ конемъ; нынѣ же самымъ дѣломъ видимъ, левъ на конскую надѣется силу, обаче промысль Божій яко же льву каменіемъ Россійскимъ побивалъ зубы, обломалъ ноги и самыя внутреннія обезсилилъ» ⁽³⁾. «Лютая убо сія смерть. Разсудимъ еще, слышателіе, откуда свой родъ ведетъ, каковыя она фамиліи, отъ коего племени происходитъ. Смерть есть дочь треклятаго родителя грѣха; а мать кто? похоть. О несчастливии родителіе, сіе ненасытимое страшилище, весь міръ пожирающее, родившіи! Несчастливую ея фамилію описуютъ Духомъ Святымъ движимиіи Апостоли святіи, и тако Павелъ о погибельномъ отцѣ ея глаголетъ» ⁽⁴⁾. — «Се

(1) Полное собраніе поучительныхъ словъ, сказываемыхъ Гавріиломъ Бужинскимъ, въ Москвѣ, стр. 69. 72. 80. 102.

(2) Тамъ-же, стр. 118.

(3) Тамъ-же, стр. 182.

(4) Тамъ-же, стр. 236.

уже имаше Россіе пластырь на сердечную язву твою!» (1). Гавріиль Бужинскій былъ совершенно преданъ современному перевороту, являвшемуся такъ односторонне; у него есть Слово въ похвалу Петербурга; ослѣпленіе доходитъ до такой степени, что онъ ставитъ красоту мѣстоположенія Петербурга выше всѣхъ другихъ; онъ говоритъ: «ибо не токмо всю Россію расположеніемъ и красотою превосходитъ мѣсто, но и въ иныхъ Европейскихъ странахъ не только равное, но ниже подобное обрѣстися можетъ, самимъ въ созиданіи градовъ искуснымъ архитекторомъ повѣствующимъ » (2). Синтаксисъ его таковъ-же, какъ и у другихъ; и у него также встрѣчаются любопытные обороты, открывающіе духъ Русскаго языка, его замкнутость и свободу; не надо забывать, что синтаксисъ неразговорный является все въ предѣлахъ, или на основаніи церковно-Славянскаго языка. Если Русская рѣчь и являлась здѣсь, то являлась среди языка церковно-Славянскаго. — Приведемъ одинъ примѣръ: «Твори убо, еже хоцещи, Сауле, изострай мечъ, мечи копія, не даждь сна очесамъ твоимъ, и въждамъ твоимъ дреманія, гони по горамъ и вертепамъ неповиннаго и всего себе вдавнаго промыслу Божію Давида, но вся твоя попеченія вотще произыдутъ. Аще бо и крайнія двигнеша силы твоя, аще вся совѣты и ухищренія употребиши, препятія тамо не положиши, не запнеша пути, идѣже смотреніе дѣйствуетъ Божіе. Но по многихъ трудѣхъ и по величайшихъ умышленіяхъ будетъ сіе, яко самъ, никому же насилующу тя, или, припуждающую, явственню изречеши» (3). У Гавріила Бужинскаго встрѣчаются также слова Малороссійскія, или Польскія; напр: *выроки* (4) и пр.

(1) Полн. собр. поуч. словъ, сказ. Гавр. Бужинскимъ, въ Москвѣ, стр. 15. 153, 154.

(2) Тамъ-же, стр. 241.

(3) Тамъ-же, стр. 15.

(4) Тамъ-же, стр. 228.

Къ этому-же времени принадлежит Кантемиръ, писавшій силлабическіе стихи, известный преимущественно сатирами (онъ писалъ также оды, басни, эпиграммы); онъ хотѣлъ не быть причастнымъ тогда этой странной смѣсп, составлявшей слогъ писателей; онъ хотѣлъ писать Русскимъ языкомъ, оставилъ эту смѣсь, и вышелъ на чистое поле, но не могъ управиться; онъ хотѣлъ писать простымъ слогомъ; но это уже не могъ быть языкъ грамотъ; Русской языкъ долженъ былъ явиться здѣсь уже языкомъ писателя. Сатира, родъ, предпочтительно избранный Кантемиромъ, по своему характеру всего болѣе допускала притязаніе на Русской языкъ; но Русскій языкъ, до сихъ поръ еще жившій въ стихіи разговора, въ устахъ, непривыкшій къ письму, странно ложился, на бумагу, принималъ неловкіе, неудобные обороты; слова были Русскія, языкъ Русской, но все чужда ему была бумага, чужда синтаксисъ собственно; въ языкъ не пробудился характеръ общаго, не проникъ онъ его, да будетъ языкъ соразмѣрнымъ выраженіемъ общаго содержанія. Языкъ Русской не перешелъ въ высшую свою сферу; онъ все былъ языкомъ разговорнымъ и исключительно національнымъ вѣсть; когда являлся письменный синтаксисъ хотя и простой, то все являлся онъ въ предѣлахъ языка церковно-Славянскаго. Можно было записывать цѣликомъ разговорныя Русскія выраженія; но надо, чтобъ языкъ былъ возведенъ въ другую сферу, если этимъ не ограничиться. Геній только могъ возвести его въ эту высшую сферу общаго; но имъ не былъ Кантемиръ.

Въ сатирахъ его мы не встречаемъ оборотовъ или формъ церковно-Славянскаго языка (развѣ только творительный падежъ на *ы*; напр: *уставы* ⁽¹⁾ и пр.); въ нихъ только Русской языкъ, — это правда; но языкъ этотъ остался и на бумагѣ такимъ, какъ былъ тогда, то есть только

(1) Соч. Кн. А. Д. Кантемира. Спб. 1836, стр. 77.

разговорнымъ; онъ является, кромѣ, такъ сказать, общаго синтаксиса, встрѣчаемаго нами у другихъ современныхъ писателей, — или въ разговорной написанной фразѣ, или въ неловкихъ (тяжелыхъ), натянутыхъ оборотахъ или же изогнуть въ оборотахъ иностранныхъ. Вотъ примѣры въ доказательство словъ нашихъ:

Живали мы прежь сего не зная Латынѣ
Гораздо обильнѣе, чѣмъ живемъ мы нынѣ.
Гораздо въ невѣжествѣ больше хлѣба жали,
Перенявъ чужой языкъ свой хлѣбъ потеряли.
Буде рѣчь молъ слаба; буде нѣтъ въ ней чину,
Ни связи, должноль о томъ тужить дворянину! (1)

Приростетъ ли мнѣ съ того день къ жизни, иль въ ящикъ
Хотя грошъ? Могуль чрезъ то узнать, что прикащикъ,
Что дворецкій крадетъ въ годъ? Какъ прибавить воду
Въ мой прудъ? Какъ бочекъ число съ виннаго заводу? (2)

Состояніемъ своимъ всегда недовольны.
Купецъ, у кого амбаръ и сундуки полны
Богатствъ всякихъ, и можетъ жить себѣ въ поковъ
И въ довольствѣ, вотъ не спать и мыслить иное,
Думая, какъ бы ему сдѣлаться судьей:
Куда де хорошо быть въ людяхъ головою.
И чтятъ тебя и дають; постою не знаешь;
Многоль, малоль для себя всегда собираешь.
Ставъ судьей, ужъ купцу не мало завидить,
Когда по нещастію пусто въ мышкѣ видить. (3)

Чернецъ.
Сегодня не то поетъ, радъ бы скинуть рясу,
Скучили ужъ сухари, полетѣлъ бы къ мясу:

(1) Соч. Кн. А. Д. Кантемира. Сяб. 1838. стр. 25.

(2) Тамъ-же, стр. 25.

(3) Тамъ-же, стр. 91—92.

Радъ къ чорту въ товарищи, лишь бы бѣльцомъ быти,
Нѣтъ мочи ужъ Ангеломъ въ слабомъ тѣлѣ слыти. (1)

Здѣсь видимъ простую, записанную только рѣчь. Вотъ примѣры тяжелыхъ, даже темныхъ оборотовъ:

Цвѣты вещей каковы собой, тотъ неволень
Видѣть, но желты всѣ мнить, кто желтухой боленъ. (2)

Слыша его, колесо мельницы шумливо
Воду двигать мнится ти, въ звучные обраты. (3)

Вотъ примѣры иностранныхъ оборотовъ:

Повѣсь цѣпь на шею отъ злата. (4)

И когда батюшка къ нимъ промолвилъ хотѣ слово,
Заторопѣвъ, онѣмѣвъ, слезы у инаго
Текли изъ глазъ съ радости.... (5)

И слыша просителей у дверей вздыхати. (6)

Сего уже разнуздавъ Богиня плѣшива,
Ты самъ суди, какъ съ одной рыскалъ на другую
Пропастъ, потерявъ совсѣмъ дорогу прямую. (7)

Свойство Русскаго синтаксиса есть свобода; но здѣсь полное ея злоупотребленіе; здѣсь она не служитъ къ полному выраженію мысли; обороты нестройны, безпрестанно рознятся между собою; конструкція то является замкнутою, то совершенно напротивъ; слова приставлены другъ

(1) Соч. Кн. А. Д. Кантемира, Спб. 1836. стр. 93.

(2) Тамъ-же, стр. 71.

(3) Тамъ-же, стр. 72.

(4) Тамъ-же, стр. 28.

(5) Тамъ-же, стр. 33.

(6) Тамъ-же, стр. 92.

(7) Тамъ-же, стр. 84.

къ другу по сосѣдству, по близости смысла, неорганически, однимъ словомъ, разбродятся во всѣ стороны, какъ куда попало; напр:

Чтобъ лѣтамъ сходенъ былъ цвѣтъ, чтобъ тебѣ въ образу
Пѣжну, зеленъ въ городѣ не досажалъ, глазу. (1)

Поутру сквозь тѣсныя передни насилу
Къ нему кто доступалъ Просьбы и поклонны
Какъ Юпитеръ принималъ, и кивкомъ на опы
Однимъ весь отвѣтъ давалъ, иль власть свою чая
Тѣмъ являть, или, какъ мнѣ говорить не зналъ. (2)

Малый въ лѣто муравей потѣтъ, томится,
Зерно за зерномъ таща, и наполнять тѣнится
Свой амбаръ. Когда же мѣръ унывать бесплоденъ
Мразами начнеть, съ гнѣзда станеть неисходенъ,
Въ зиму наслаждаясь тѣмъ, что нажилъ лѣтомъ. (3)

Еще, естлибъ наша жизнь на два, на три вѣки
Тянулась, не столько бы глупы челоуѣки
Казалися, мнѣнію служа безразсудну,
Меньшу въ пользу большія времени часть трудну
Снося, и довольно дней поправить имѣя
Себя, когда прежнія прожили шалѣя. (4)

Въ посвященіи Елисаветѣ въ 1742 году встрѣчаемъ мы
формы церковно-Славянскаго языка; напр: *любве мати* (5);
можетъ быть потому, что это не сатира, и слогъ слѣдо-
вательно какъ-бы возвышеннѣе; также тяжелые обороты,
о которыхъ говорили мы, и обороты иностранные; напр:

(1) Соч. Кн. А. Д. Кантемира. Спб. 1836. стр. 37.

(2) Тамъ-же, стр. 84.

(3) Тамъ-же, стр. 91.

(4) Тамъ-же, стр. 94.

(5) Тамъ-же, стр. 16.

Естьли же знакъ хвалинаго благодарства дати
Твоего, какой либо, Августъ желзешъ. (1)

Явно бо что, книжку рабъ для Ей такую,
Другомъ добродѣтели весь свѣтъ призналъ Тую. (2)

Мы были-бы неправы, еслибъ не сказали, что у Кантемира есть сильныя, прекрасныя мѣста, даже поэтическія. Приведемъ въ примѣръ нѣкоторыя:

Пыль пѣтухъ, встала заря, лучи освѣтили
Солнца верхи горъ, — тогда войско выводили
На поле предки твои; а ты подъ парчею
Углублень мягко въ пуху тѣломъ и душею
Грозно сонешь. (3)

Видѣлъ я столѣтняго старика въ постели,
Въ которомъ лѣта весь видъ челоуѣка съѣли,
И на трупъ больше похожъ; на бороду плюеть. (4)

Въ одѣ 1-й (оды вообще написаны болѣе возвышеннымъ тономъ):

Разны животныхъ оживилъ онъ роды;
Часть перомъ легкимъ въ воздухъ тѣла бремя
Удобно вносить, часть же съчетъ воды,
Ползеть или ходить грубѣйшее племя. (5)

Въ посвященіи Елизаветъ I:

Трижды строилъ лиру я, и дрожащи персты
Трижды на струны навелъ; и уста отверсты

(1) Соч. Кн. А. Д. Кантемира. Спб. 1836. стр. 16.

(2) Тамъ-же, стр. 16.

(3) Тамъ-же, стр. 36.

(4) Тамъ-же, стр. 90.

(5) Тамъ-же, стр. 122.

Готовили Тебѣ пѣснь; трижды разделяя
 Быстро воздухъ, прилетѣвъ изъ вышняго края
 Небесъ блокурой богъ. (1)

Въ 1734 году издано было сочиненіе въ стихахъ, Буслаева, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Умозрительство душевное описанное стихами о переселеніи въ вѣчную жизнь превосходительной Баронессы Маріи Яковлевны Строгоновой, изданное въ Москвѣ 1734, Января въ 22 день, чрезъ усерднѣйшаго слугу ея Петра Буслаева.» -- Содержаніе сочиненія не допускало автора писать простонародно по своей серьезности, и требовало церковно-Славянскаго языка (какъ тогда было необходимо). Оно можетъ служить образцомъ тогдашняго слога. Въ слогъ рѣшительно удержанъ характеръ церковно-Славянскій, встрѣчаются формы его и обороты, конечно съ перевѣсомъ Русскихъ употребленій. При этомъ важномъ характеръ церковно-Славянской рѣчи встрѣчаются еще слова иностранныя; такимъ образомъ сочиненіе это показываетъ состояніе слога въ Россіи въ то время (собственно слога серьезнаго, по преимуществу общаго, или почитаемаго общимъ, содержанія). Приведемъ примѣры сказанному нами:

Трость, копѣ, и гвозди: страстей инструменты;
 Отъ чего трепетали Свѣта Элементы. (2)

Странныхъ пріемнице, мать сиротъ милосерда.
 Многимъ въ совѣтахъ мудра, въ постоянствѣ тверда. (3)

Маріе: ты благу часть отъ мене избрала,
 Живущи въ мирѣ, мира страсти всѣ попрада.
 Люты были болѣзни, свѣта ти съ напасти,
 Но азъ подкрѣплхъ, всегда моими тя страсти.

(1) Соч. Кн. А. Д. Кантемира. Спб. 1836. стр. 16.

(2) Умозрительство душевное, ч. 1, стр. 5.

(3) Тамъ-же, стр. 14.

Скончала теченіе, соблюла ты вѣру,
 Сего ради пріяхъ тя, возлюбивъ надъ мѣру.
 Присемъ всемогущую простеръ къ ней десницу,
 Осѣнивъ просвѣтилъ ю, какъ свѣту зарницу. (1)

Въ то время пріидоша: зѣло красны лица,
 Во одеждахъ пресвѣтлыхъ, какъ чисты дѣвицы. (2)

Кріла несли до Бога верхъ эмпірейскои сѣры. (3)

На небесномъ театрѣ тріумфъ отправляти. (4)

Благи дѣла: Марію возводили чесно,
 Торжество челоукомъ было се не вмѣсно.
 Устрѣталажъ персону, съ неба еще ина.
 Можно знать: что, Марія была Магдалина. (5)

Красенъ былъ вратникъ, лицемъ, въ морщинахъ съ брадою,
 Навислы были брови, съ главою сѣдою,
 Ажно онъ былъ Апостоль Петръ, Хрісту теплѣишій,
 Держалъ въ рукахъ своихъ, ключъ, паче звѣздъ свѣтлѣишій. (6)

Первіежъ Господь взыде съ матерью своею
 Пріять Маріи душу, со свитою всею. (7)

Что касается до синтаксиса, то въ стихахъ онъ не можетъ предстать весь; условія стиха рѣдко позволяютъ развиваться періоду; то же и у Кантемира; но Кантемиръ, пишучи простымъ языкомъ, отважился перешагнуть и въ

(1) Умозрителство душевное, ч. 2, стр. 25.

(2) Тамъ-же, стр. 26.

(3) Тамъ-же, стр. стр. 28.

(4) Тамъ-же, ч. 2, стр. 35

(5) Тамъ-же, стр. 39.

(6) Тамъ-же, стр. 41.

(7) Тамъ-же, стр. 45.

стихахъ обыкновенныя и даже нетяжелыя узы оборота; перешагнувъ вмѣстѣ съ этимъ почти и предѣлы стиха. Но собственно отпечатокъ того, или другаго вліянія лежитъ на слогѣ, на оборотахъ, на формахъ словъ, на словахъ даже, и вообще на всемъ, что можетъ выражать тотъ или другой характеръ; цѣлое непосредственно составляется изъ мелкихъ, часто ничтожныхъ особенностей. И здѣсь въ этомъ сочиненіи нѣкоторые обороты носятъ оттънокъ языка церковно-Славянскаго; вообще-же лежитъ этотъ характеръ на всемъ слогѣ. Изъ вышеприведенныхъ примѣровъ это, надѣмся, видно. Въ этомъ сочиненіи есть достоинства слога и достоинства поэтическія, что также, надѣмся, видно, нѣсколько покрайней мѣрѣ, изъ вышеприведенныхъ примѣровъ. Къ этому стихотворенію присоединены примѣчанія, объясняющія смыслъ стиховъ, которыя написаны такимъ-же слогомъ, и такъ какъ они въ прозѣ, то обнаруживающійся здѣсь періодъ носитъ характеръ церковно-Славянской. Приведемъ и отсюда нѣкоторые примѣры въ доказательство словъ нашихъ: «Должно памятовать: яко ничтоже пріятнѣе, сладше, желательнѣе, милостивѣе и любезнѣе Бога быти можетъ.» (1) — «Въ алтерацію многіе пришли, и нѣсколько въ молчаніи прибыхи.» «Адской вопль чрезъ фігуру поэзи: Гипербола; разумѣется, превеликой вопль: которымъ кричали безъ памяти, ничего бо помнитъ не хотѣли; кромѣ отлученія ея.» (2) — «Въ дѣвическихъ же персонахъ: яко живописцамъ, тако и поетамъ, сія описывать обычаи есть.» (3) «Никтоже, и ничтоже въ-

(1) Умозрительство душевное, стр. 3.

(2) Тамъ-же, стр. 11.

(3) Тамъ-же, стр. 26.

рующихъ истинно отъ любви Божіей различити имать свободу, якоже и Марію сію,» (x) и пр. и пр.

Въ 1734 же году была написана ода на взятіе Гданска, Тредьяковскаго. Въ ней видимъ мы тотъ-же или почти тотъ-же характеръ, какъ и въ стихотвореніи Буслаева. Впрочемъ въ ней гораздо меньше церковно-Славянизмовъ и вообще оттѣнка церковно-Славянскаго языка; она написана болѣе по Русски, тѣмъ ужаснымъ изломаннымъ Русскимъ языкомъ, которымъ тогда писали; но въ этомъ отношеніи языкъ у Тредьяковскаго совсѣмъ не то, что у Кантемира, — несравненно ниже и хуже. Разница еще въ томъ, что у Буслаева есть поэтическія мѣста и вообще поэтический и какой-то особенный, важный характеръ; а у Тредьяковскаго ничего этого нѣтъ; видна одна бездарность и ломаный, безобразный языкъ; однѣ его неуклюжія формы, совершенно ничѣмъ неодушевленные, ни мыслию, ни жизнію слова. Ода посвящена Бирону — онъ былъ достоинъ этого; уступаемъ ему Тредьяковскаго.

Выпишемъ примѣры изъ оды; она говоритъ сама за себя.

Воспѣвай же лира пѣснь сладку
 Аппу то есть благополучну
 Къ вѣщшему всѣхъ враговъ упадку
 Къ нещастію въ вѣки тѣмъ сучну

.

Что хотѣли быть долго въ спорѣ
 Съ оружіемъ въ дѣйствѣ пресильномъ

(x) Умозрительство душевное, стр. 37.

И съ воинномъ въ бѣн неумильномъ.
 Всѣ Вѣтлою пынѣ рѣкою
 Не Скамандру ли называють
 Не Идѣ ль имя налагають
 Столценбергомъ тамо горою.

Ищеть и помощи въ народѣ
 Что живетъ при брегахъ Секваны
 Тотъ въ свои проигрышъ барабаны
 Се Вевесминды бьетъ въ пригодѣ.
 Гордый огнемъ Гданскъ и желѣзомъ
 Купно войнами повсюду
 Ужъ махины ставитъ разрывомъ
 Въ Россовъ на роскатахъ вѣн уду;
 И что богатъ многимъ припасомъ
 Вивать Станіславъ кричитъ гласомъ
 Ободряетъ въ войнахъ злобу
 Храбраго сердца немущихъ
 Едино токмо стерегущихъ
 Соблюсти бѣ ногами жизнь собу.

Магістратъ зря съ стѣны послѣдней
 Что имъ въ помощи несосѣдней
 И что въ пріятствѣ Станіслава
 Суетная была надежда
 Стоя безъ смысла какъ невѣжда
 Ахъ! кричитъ: пала наша слава

Анна Августа Августѣйша! (1)

Таково было состояніе Русскаго слога.

(1) Ода торжественная о здачѣ города Гданска сочиненная въ вѣщную славу имени Всепресвѣтлѣйшія Державнѣйшія Великія Государыни Анны Іоанновны Императрицы и Самодержицы Всероссійскія чрезъ Васіля Тредіаковскаго Санкт-петербургскія Императорскія Академіи Наукъ Секретаря. Спб. 1734. (съ Нѣмецкимъ переводомъ).

Повторимъ теперь вкратцѣ все сказанное нами и сдѣлаемъ общее заключеніе. Исключительное опредѣленіе національности, подъ которымъ находится народъ, обнимаетъ и языкъ самый, который, съ отсутствіемъ общаго, имѣющаго пробудиться въ народѣ, служить только народной его жизни, составляетъ только рѣчь народа; въ такомъ случаѣ и въ языкѣ самомъ не пробуждается элементъ общаго; все горитъ исключительностью, рѣзкимъ, національнымъ характеромъ, вездѣ слышится звукъ голоса и живая рѣчь народа; — разговоръ — вотъ настоящая сфера его. Таковъ былъ языкъ Русскаго народа, находившагося подъ опредѣленіемъ исключительной національности; надъ языкомъ, какъ выражающій отвлеченное для народа общее, доступное лишь для возможнаго созерцанія въ религіозной формѣ, являлся церковно-Славянскій языкъ, понятный ему, но извнѣ, недоступный ему, какъ орудіе въ его жизни. Исторію этихъ языковъ, этого двойственнаго слога мы представили если не вполнѣ, то достаточно подробно, думаемъ, для нашей цѣли. Въ періодъ національности все, что только возвышалось надъ ея исключительностію, при выраженіи въ словѣ письменномъ, непременно должно уже было переходить въ сферу языка церковно-Славянскаго, ибо исключалось народною жизнью и не находило мѣста въ языкѣ Русскомъ, тогда строго національномъ. Наконецъ это опредѣленіе національности потряслось, и граница, лежавшая между двумя языками, нарушилась. Мы видѣли уже при Алексѣ Михайловичѣ возмущившимся быть народнымъ; настало въ Русскомъ народѣ стремленіе перейти въ высшій моментъ, моментъ, въ которомъ общее становится его содержаніемъ; возникла потребность индивидуума, съ пробужденіемъ котораго въ народѣ могло быть только доступно обще-человѣческое, — общее до сихъ поръ отвлеченно хранившееся для него въ сокровищницѣ религіи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ и языкъ долженъ былъ оторваться отъ своей національности, стать выраженіемъ общаго; въ немъ долженъ былъ развиваться новый синтаксисъ и возникнуть новый слогъ, который отвлеченно до сихъ поръ являлся ему въ языкѣ церковно-Славянскомъ вмѣстѣ съ отвлеченною сферою общаго въ религіи, котораго выраженіемъ былъ этотъ языкъ. Переходы случаются постепенно; предыдущее состояніе должно прежде потрястись въ себѣ, явить ложь въ немъ заключающуюся, чтобы уступить мѣсто другому, новому; иначе, если оно крепко, полно жизни — никакіе великіе характеры не сладятъ съ нимъ, и разобьются объ него, какъ дѣтскія игрушки. Вмѣстѣ съ новымъ стремленіемъ въ народъ, пробудилось новое движеніе и въ языкъ, пробудилась потребность новаго слога, соответствующаго новому, требуемому содержанію, и языкъ прежній изказился; въ немъ появилась странная, небывалая смѣсь словъ церковно-Славянскихъ и Русскихъ, ставшая слогомъ того времени. При Алексѣѣ Михайловичѣ, когда еще внутри и безъ признанія сокрушался быть народный, писались комедіи, произведенія, по формѣ своей принадлежащія литературѣ, и силлабическіе стихи еще съ отблескомъ религіознаго содержанія. Они писались слогомъ, въ которомъ странно и дико становились церковно-Славянскія слова и формы съ самыми простонародными. Это не было сочиненіе на церковно-Славянскомъ языкѣ; это не была Русская рѣчь; нѣтъ, это была смѣсь, порожденная новою потребностью; языкъ вмѣстѣ съ народомъ долженъ былъ оторваться отъ опредѣленія національности, въ немъ пробудилась потребность общаго, въ немъ долженъ былъ вполне развиваться синтаксисъ, онъ долженъ былъ дойти до письменности во внутреннемъ значеніи этого слова. И состояніе самое языка въ Россіи, потрясенное въ прежнемъ своемъ видѣ, свидѣтельствовало уже о томъ, что по-

вый моментъ долженъ явиться. Языкъ, способный выражать общее содержаніе, перешедшій отъ опредѣленія исключительно національнаго, вмѣстѣ съ народомъ, вмѣстѣ съ содержаніемъ своимъ, къ общему, въ тоже время исполнѣ развиваетъ всѣ свойственныя, собственныя ему именно, силы; и какъ народъ, перешедшій уже въ сферу общаго, возвеличиваетъ свою національность и становится выше какъ народъ, такъ и языкъ его, вмѣстѣ съ нимъ отрываясь отъ національности, переходя въ общее, становится выше самъ, какъ языкъ, развивая всю глубину и обширность собственныхъ своихъ силъ и представляя мѣру постиженія общаго. Не будучи простымъ внѣшнимъ орудіемъ мысли народа, но имѣя свою неотъемлемую самостоятельность и жизнь, языкъ именно въ своей сферѣ, какъ языкъ, а не какъ просто знакъ, развивается и наполняется общимъ содержаніемъ, исполнѣ сохраняя вмѣстѣ съ народомъ свою личность, самобытность, не переставая быть національнымъ, но исполнѣ только развертываясь въ новой высшей, обширнѣйшей сферѣ. И такъ не потеряна національность языка, не потеряна, но еще возвышена, какъ говорили мы прежде о народѣ самомъ. Национальныя выраженія, національныя особенности, даже исключительная фizioномія не пропадутъ также, какъ не пропадутъ и особенности національныя народа, какъ скоро общее дѣйствительно проникнетъ народъ и уничтожится односторонность отношенія; только односторонность, исключительность составляетъ препятствіе; она уничтожится,—и видъ, и жизнь, фizioномія національная въ періодъ исключительности, ничему не мѣшаетъ, напротивъ возвращаетъ свои права: все состояло въ отношеніи, во взглядѣ. Только чрезъ индивидуума можетъ стать доступнымъ общее народу; только чрезъ индивидуума можетъ и въ языкѣ возникнуть общее; если индивидуумъ (въ своемъ значеніи, а не

въ смыслѣ какого нибудь известнаго лица) долженъ былъ возникнуть въ народѣ, чтобы повести его далѣе, то должна была вмѣстѣ раздаться рѣчь индивидуума, новая, неслыханная рѣчь, какъ индивидуумъ отторгнутая отъ сферы жизни и рѣчи національной. Когда двинувшись къ новой сферѣ, весь всколебался языкъ, у насъ были попытки, только показывавшія потребность новаго опредѣленія, стремленія къ нему; у насъ появились писатели, появились имена, отдѣлившіяся въ общемъ круженіи отъ народа, — ибо и самъ народъ переставалъ быть тѣмъ, чѣмъ былъ, — являвшія тѣмъ, что миновало время національности. Но это еще ничего не значило; не внѣшнее вліяніе именъ и лицъ могло это сдѣлать; оно только намекало на индивидуума, оно только указывало, занимало его мѣсто; но значеніе индивидуума должно было быть внутреннимъ. Только въ геніѣ этой сферы языка могъ явиться желанный индивидуумъ. Состояніе слога, нами описанное и объясненное, слога, этого существеннаго знаменія человека, требовало генія. Часъ пришелъ. Онъ не замедлитъ явиться.

Въ то время, когда переворотъ, потрясшій всю Россію, потрясалъ вмѣстѣ и языкъ, когда Стефанъ Яворскій и Теофанъ Прокоповичъ, свидѣтели и вмѣстѣ дѣйствующія лица великаго переворота, говорили Слова, писали свои сочиненія, когда Кантемиръ начиналъ только писать свои силлабическіе стихи; въ это время, далеко отъ сцены этихъ переворотовъ, на краю земли Русской, близъ Холмогоръ, молодой рыбакъ томился безпокойствомъ и жаждою познанія; этотъ юноша былъ Ломоносовъ. Онъ былъ не причастенъ этому движенію, — почти безъ всякихъ средствъ, почти не идящій слѣдовъ просвѣщенія, не имѣя никакихъ данныхъ, залоговъ, основаній, кромѣ своего душевнаго стремленія, съедающей жажды, которой не было почти никакой воз-

можности удовлетворить; онъ даже не могъ знать просвѣщенія — все оно было въ немъ, въ его стремленіи; самые предметы знанія были ему неизвѣстны; вдали отъ наукъ, отъ движенія мысли и знанія, онъ одинъ, этотъ юноша томился неопредѣленною, глубокою жаждою просвѣщенія. Все, что могъ онъ отыскать здѣсь, были церковныя книги, которыя читалъ онъ, и которыя первыя положили основаніе его образованію. Церковно-Славянскій языкъ былъ первое, съ чѣмъ онъ познакомился. Не находя никакого средства удовлетворить дальнейшей своей потребности, 16-ти лѣтній юноша рѣшился бросить свою родину и идти въ Москву. Подробности его побѣга такъ извѣстны, что не нужно, думаю, повторять ихъ. Онъ былъ такъ счастливъ, что добрался до столицъ; судьба помогла ему; въ Москвѣ былъ онъ опредѣленъ въ Законоспасское училище, гдѣ наконецъ могъ учиться и учился ревностно, какъ можно было ожидать. Теофанъ Прокоповичъ узналъ его, и тотъ, вся жизнь котораго была посвящена наукамъ и знанію, умѣлъ оцѣнить поспѣшное и сродное ему стремленіе въ молодомъ человѣкѣ; Теофанъ постоянно былъ его покровителемъ и защитникомъ. Ломоносовъ былъ переведенъ въ 1735 году въ Петербургскую Академію и потомъ чрезъ два года отправленъ за границу; тамъ продолжалъ онъ приобретать разнообразныя познанія и въ 1741 году онъ возвратился въ Россію, гдѣ наконецъ развилъ свою многообразную дѣятельность; литературная составляетъ предметъ нашего вниманія. Дѣло Ломоносова — видимость факта. Ломоносовъ создалъ языкъ, преобразовалъ по крайней мѣрѣ; это найдено всѣми; это также видимо, какъ Петръ преобразовалъ Россію, и это повторяется всѣми, не смотря на то, что эти выраженія, по нашему мнѣнію, не соответствуютъ настоящимъ образомъ дѣлу, обозначаютъ только его и на него указываютъ. Но въ чемъ состоитъ значеніе

этого преобразованія, въ чемъ состоитъ значеніе великаго подвига, такъ всѣми признаннаго, — вотъ вопросы, которые надо рѣшить.

Изъ предыдущаго нашего опредѣленія развитія языка вообще и состоянія языка нами показаннаго, видно, чего требовалъ, чего ожидалъ языкъ; отсюда уже понятно опредѣленіе имѣющаго возникнуть явленія. Уже разрушилась національная сфера языка; онъ долженъ былъ перейти, какъ языкъ, въ сферу общаго; онъ требовалъ индивидуума, съ которымъ только былъ возможенъ этотъ переходъ; индивидуумъ явился; этотъ индивидуумъ былъ Ломоносовъ. Вотъ глубокое, существенное значеніе Ломоносова.

Ломоносовъ понялъ современное состояніе языка, онъ понялъ требованія языка Русскаго, современное отношеніе языка церковно-Славянскаго къ языку [Русскому и значеніе перваго для послѣдняго; онъ понялъ все это, и новый языкъ явился. Ломоносовъ разрѣшилъ наконецъ эту странную смѣсь, призналъ за языкомъ нашимъ право перенестись самому въ высшую сферу, очистилъ его отъ странныхъ славянизмовъ, и возвелъ его въ эту высшую область, постановивъ его языкомъ, въ которомъ можетъ выражаться общее; въ тоже время онъ понялъ всегдашнее значеніе церковно-Славянскаго языка для Русскаго. Кончилась смѣсь, отдѣлились славянизмы, сталкивающіеся съ простонародными выраженіями; навсегда удалены церковно-Славянскія формы, чуждыя языку или, если, и нечуждыя, въ немъ уже не находившіяся. Свободный отъ этой старинной примѣси, отъ древнихъ притязаній церковно-Славянскаго языка, вслѣдствіе коихъ вторгался онъ насильственно въ языкъ Русской, Русской языкъ свободно вознесся въ новую сферу, въ сферу общаго. Великое дѣло совершилось; языкъ преобразился. Вдругъ въ 1739 году явилась первая ода Ломоносова, и вдругъ послѣ всего того,

что было писано, чѣмъ являлся языкъ, изумленное ухо было поражено звуками новаго, неслыханнаго слова. Мы не разбираемъ здѣсь этой оды въ поэтическомъ отношеніи, а только въ отношеніи къ языку; просимъ теперь припомнить всѣ примѣры, нами приведенные существовавшего доселѣ слога. Мы просимъ также сколько возможно оторваться отъ настоящаго, отъ живой его современности и перенестись въ тотъ моментъ, имѣть за собою только прошедшее до того момента. Мы знаемъ, что это иногда бываетъ трудно, но это необходимо, чтобы понять истину, находящую себѣ осуществленіе въ моментахъ. Мы знаемъ, какъ особенно невозможно это будетъ для тѣхъ, которые прицѣплены къ настоящему времени, пользуются [слѣдственно современнымъ удобствомъ мысли, никогда не высвѣтятся надъ современностью, отъ которой надобно оторваться, отъ этой текущей современности, которая проходитъ, давая исторически жизнь являющемуся моменту,—оторваться отъ случайности, однимъ словомъ. Свое время, котораго они плодъ, необходимое ограниченное послѣдствіе, считаютъ они мѣриломъ для всего, для всѣхъ временъ и не понимаютъ движенія истины и великихъ, ею проходящихъ моментовъ, моментовъ предыдущихъ, которыхъ часто спѣсивымъ результатомъ они являются; но это не ихъ вина и они безвредны, какъ случайныя явленія; они составляютъ хвастливость именно случайной стороны момента при его современности, настоящности; но мы о нихъ собственно не говоримъ. Пустоцвѣтовъ нѣтъ въ движеніи исторіи, но ихъ довольно бываетъ въ современной случайности (еще настоящаго момента, и эти пустоцвѣты носятъ характеръ времени, въ которомъ они являются, и пустоцвѣтъ XIX разнится отъ пустоцвѣта XVIII столѣтія.—Сверхъ того, всего труднѣе кинуть свѣжій взглядъ именно на Ломоносова; всѣ мы оды его давно слышали, прежде не-

жели давали себѣ отчетъ о нихъ, сравнивали ихъ просто съ современностью нашею и вообще смотрѣли на нихъ, какъ на современныя; къ тому-же онѣ конечно наши; нашъ языкъ и литература прямо къ нимъ примыкаютъ, и мы смотримъ на нихъ сквозь послѣдующее, тогда какъ надо смотрѣть сквозь предыдущее, въ связи моментовъ, чтобы понять ихъ настоящимъ образомъ; мы чувствуемъ это средство, которое лежитъ въ нашемъ представленіи о Ломоносовѣ; оно доказываетъ, что Ломоносовъ связанъ съ нами, связанъ какъ начало; утверждаетъ за нимъ этотъ его великій подвигъ и въ тоже время ищааетъ быть намъ,—въ чувствѣ простаго современнаго созерцанія, не возвышеннаго общемою мыслию,—вполнѣ свободными и безпристрастными, и намъ несравненно легче кинуть свободный и свѣжій взглядъ на Кантемира, нежели на Ломоносова. Пусть-же теперь, освобождаясь отъ современнаго ограниченія времени, (что признаемъ труднѣе при Ломоносовѣ, нежели при комъ нибудь) припомнимъ всѣ примѣры, нами приведенные существовававшего доселѣ слога, особенно стихотвореніе Буслаева и оду Тредьяковскаго, взглянуть на оду Ломоносова и поймутъ великое значеніе, съ нею соединенное. Выписываемъ здѣсь нѣсколько строкъ изъ нея, чтобы указать на появленіе Ломоносова въ языкѣ; о стихосложеніи мы не говоримъ:

Вотъ первая строфа первой оды Ломоносова:

Восторгъ внезапный умъ плѣнилъ,
Ведетъ на верхъ горы высокой,
Гдѣ вѣтръ въ лѣсахъ шумѣть забылъ,
Въ долину тишина глубокой.
Внимая нѣчто ключъ молчитъ,
Который завсегда журчитъ,
И съ шумомъ внизъ съ холмовъ стремится;
Лавровы вьются тамъ вѣнцы,

Тамъ слухъ спышитъ во всѣ концы,
Далече дымъ въ поляхъ крутится.

Далѣе:

Что такъ тѣснить боязнь мой духъ?
Хладѣютъ жилы, сердце ноетъ.
Что бѣтъ за странной шумъ въ мой слухъ?
Пустыня, лѣсъ и воздухъ воетъ?
Въ пещеру скрылъ свирѣпство звѣрь;
Небесная отверзлась дверь:
Надъ войскомъ облакъ вдругъ развился,
Блеснулъ горящимъ вдругъ лицомъ;
Умытымъ кровію мечемъ
Гоня враговъ, Герой открылся.

Не сей ли при Донскихъ струяхъ
Разсыпалъ вредны Россамъ стѣны?
И Персы въ жаждущихъ степяхъ
Не симъ ли пали пораженны?
Онъ такъ къ своимъ взираетъ врагамъ,
Какъ къ Готскимъ приплывалъ брегамъ,
Такъ сильну возносилъ десницу;
Такъ быстрый конь его скакалъ,
Когда онъ тѣ поля топталъ,
Гдѣ зримъ всходящу къ намъ денницу.

Герою молвилъ тутъ Герой:
Не тщетно я съ тобой трудился.
Не тщетенъ подвигъ мой и твой,
Чтобъ Россовъ цѣлый свѣтъ страшился.
Черезъ насъ предѣлъ нашъ сталъ широкъ
На сѣверъ, западъ и востокъ,
На Югъ Анна торжествуетъ,
Покрывъ своихъ побѣдой сей,
Свилася мгла, Герои въ ней,
Не зрѣть ихъ око, слухъ не чусть.

Какъ въ клубъ змѣя себя крутитъ,
 Шипитъ, подъ камень жало кроетъ,
 Орелъ когда шумя летитъ,
 И тамъ паритъ, гдѣ вѣтръ не востъ.

О какъ красуются мѣста,
 Что иго лютое сбросили,
 И что на Туркахъ тягота,
 Которую отъ нихъ носили!
 И варварскія руки тѣ,
 Что ихъ держали въ тѣнотѣ,
 Въ полонѣ уже несутъ оковы!
 Что ноги узами звучатъ,
 Которы для отгнанья стадъ
 Чужі поля топтать готовы!

Пастухъ стада гоняетъ въ лугъ,
 И лѣсомъ безъ боязни ходитъ,
 Пришелъ, овецъ пасетъ гдѣ другъ,
 Съ нимъ пѣсню новую заводитъ.
 Солдатску храбрость хвалитъ въ ней;
 И жизни часть блажитъ своей,
 И вѣчно тишины желаетъ
 Мѣстамъ, гдѣ столь спокойно спитъ;
 И ту, что отъ враговъ хранитъ,
 Простымъ усердьемъ прославляетъ. ⁽¹⁾

Откуда возникъ этотъ языкъ, эти стихи? Какое неиз-
 мѣримое разстояніе отъ предыдущаго.

Теперь постараемся рассмотреть ближе и полнѣе под-
 вигъ Ломоносова.

Ломоносовъ былъ тотъ гений, который совершилъ ве-
 ликое дѣло пробужденія общаго, который прекратилъ

(1) Полное собраніе сочиненій М. В. Ломоносова. Спб. 1803. ч. 1, стр. 57—
 60. 61. 62. 64. 68. 67.

наконецъ это смутное состояніе слова, и рѣшительно освободилъ языкъ отъ опредѣленія національности, возвелъ его въ сферу общаго; исчезла нестройная смѣсь, образовавшаяся подъ условіемъ предыдущаго опредѣленія и вмѣстѣ потребности новаго—слогъ, который какъ нибудь смѣшанно соответствовалъ или силился соответствовать современной потребности и движенію. Русской языкъ освободился и перешелъ наконецъ въ высшую сферу, получилъ полное право письменности; и наконецъ освобожденіе индивидуума и вмѣстѣ общаго, явилось и въ языкѣ. Ломоносовъ образовалъ языкъ, языкъ, которымъ мы пишемъ и который употребляемъ, которымъ будемъ писать. Разсмотримъ, какъ совершилъ онъ свое дѣло.—Онъ освободилъ языкъ Русской прежде всего отъ примѣси языка церковно-Славянскаго и ему, какъ Русскому языку, далъ гражданство въ письменности; мы не встрѣчаемъ уже съ его времени спряжений, падежей и вообще формъ церковно-Славянскаго языка, или даже и такихъ формъ, которыя были нѣкогда и Русскими, сходствуя самобытно съ церковно-Славянскими, но уже измѣнились съ теченіемъ времени въ языкъ Русскомъ и сохраняясь только въ церковно-Славянскомъ языкѣ, стали въ ряду собственныхъ формъ его и приняли отпечатокъ церковно-Славянскаго языка. Употребленіе ихъ въ нашей письменности простиралось до самаго Ломоносова. Исчезла эта пестрота и, однимъ словомъ, съ его времени Русской языкъ получилъ самобытное значеніе и въ сферѣ письменности. Но отдѣляя и освобождая Русской языкъ отъ языка церковно-Славянскаго, давая ему послѣднему самобытное мѣсто и возводя его въ высшую сферу языка, въ сферу общаго, письменности и вмѣстѣ литературы, Ломоносовъ въ то-же время понималъ существенное отношеніе языка Русскаго къ церковно-Славянскому, основанное на историческихъ причинахъ и вмѣстѣ

на значеніи, характеръ и сферъ обоихъ языковъ. Первымъ его дѣломъ было опредѣлить эти отношенія и положить границу между языками. Воспитанный на церковно-Славянскихъ книгахъ, онъ хорошо выкинулъ въ духъ и важность этого языка и могъ понять смыслъ его въ нашемъ словѣ. Такимъ образомъ уничтоживъ вліяніе церковно-Славянскаго языка, его преимущество и притязаніе на языкъ собственно письменный, и вмѣстѣ смѣсь отъ того происходящую, Ломоносовъ не только не уничтожилъ, но утвердилъ отношеніе между двумя языками, отношеніе такого рода, что языкъ Русской, единственное основаніе всякаго письменнаго слога, могъ и долженъ былъ пользоваться богатствомъ языка церковно-Славянскаго, собственно *словами* и отчасти оборотами; но здѣсь уже самобытно стоитъ языкъ Русской; здѣсь онъ не врывается въ церковно-Славянскій языкъ, какъ незваный и незаконный пришелецъ, и здѣсь не путается онъ самъ въ формахъ церковно-Славянскаго языка, встрѣчающихъ, сторожащихъ его доселѣ всюду, гдѣ оставлеть онъ только уста чловѣка, гдѣ онъ вступаетъ въ письменность, предметъ притязанія языка церковно-Славянскаго, смущающихъ его совершенно и обращающихъ его въ жалкую странную смѣсь. Нѣтъ, самобытенъ онъ теперь; рука генія превратила времена; нѣтъ прежнихъ путей; и теперь онъ, безъ страха, какъ самобытный и основной языкъ, становится въ опредѣленное отношеніе къ языку церковно-Славянскому и заимствуетъ отъ него, что можетъ. Это отношеніе и заимствованіе словъ изъ церковно-Славянскаго языка есть отношеніе внутреннее и вѣчное, отношеніе существенное, которое положено и опредѣлено Ломоносовымъ навсегда, ибо основано на существѣ вещи. Мы сказали, что историческія причины и значеніе языковъ оправдываютъ вполне это отношеніе. Церковно-

Славянскій языкъ, какъ мы уже видѣли прежде, въ періодъ національности, былъ языкомъ посвященнымъ на служеніе вѣчному, религіозному, тогда какъ языкъ Русской, при опредѣленіи національности, былъ языкомъ народа, языкомъ исключительно національнымъ и по этому только ограничивающимся національностью, не заключающимъ общаго, языкомъ преимущественно устнымъ, разговорнымъ. Это придадо церковно-Славянскому языку сообразный важный, торжественный характеръ; содержаніе общес, единственное его содержаніе, проникло его всего и всякое слово его освятилось и приняло общій, важный отпечатокъ. Языкъ Русской долженъ былъ вмѣстѣ съ народомъ выйти изъ предѣловъ національности и общее должно было стать его удѣломъ и самъ онъ какъ языкъ долженъ былъ возвыситься до выраженія общаго. До этой минуты, оставаясь подъ своимъ исключительнымъ опредѣленіемъ, онъ безпрестанно соприкасался съ языкомъ церковно-Славянскимъ (что мы видѣли исторически довольно подробно), смѣшивался съ нимъ; но это было только смѣшеніе, вышнее смѣшеніе и притомъ подчиненное со стороны языка Русскаго. Еще прежде видѣли мы, какъ слова изъ Русскаго языка врывались въ церковно-Славянскій, ибо онъ только былъ языкомъ сочиненій, онъ былъ основаніемъ письменнаго слога. Какъ нарушенія, какъ ошибки входили въ него Русскія слова и становились руссизмами; какъ цитаты изъ лучшаго благороднѣйшаго языка встрѣчали мы церковно-Славянскія слова въ Русской рѣчи еще въ самомъ началѣ, еще до времени смѣшенія. То, что было раздѣлено нѣкогда, но раздѣлено потому, что и самыя сферы были разъединены, смѣшалось, когда потряслись объ въ своей отвлеченности, и наконецъ когда языкъ Русской оторвался отъ національности и въ немъ пробудился элементъ, явилась потребность общаго. Смѣшеніе, не соединивъ

внутренно, представило внѣшнее соединеніе и того и другаго языка. Ломоносовъ возвелъ Русской языкъ въ сферу общаго, освободилъ его вмѣстѣ отъ церковно-Славянскаго и въ тоже время и тѣмъ самымъ открылъ ему сокровищницу языка церковно-Славянскаго; она была заперта, недоступна ему доселѣ; но языкъ Русской самъ перешедши изъ сферы національности въ высшую сферу, могъ самостоятельно понять такъ сказать и принять въ себя элементъ церковно-Славянскій; между Русскимъ языкомъ и церковно-Славянскимъ установилось внутреннее, свободное отношеніе. Церковно-Славянскій пересталъ быть уже таинственнымъ исключительнымъ языкомъ, однимъ только выражающимъ общее, ибо и Русской достигъ той же степени; тогда элементъ общаго вмѣстѣ съ элементомъ церковно-Славянскаго, не скажемъ вошелъ, но примкнулся къ нашему языку; это не было уже слово, употребляющееся, какъ. цитаты; нѣтъ, теперь церковно-Славянскія слова получили право гражданства въ нашемъ языкѣ, который наконецъ доросъ до него. Только тогда, когда самостоятельно сталъ Русской языкъ въ сферу общаго, отверзлось для него не бесплодно съ своимъ значеніемъ внутреннее языка церковно-Славянскаго. Давнее знакомство, хотя и съ внѣшней стороны, тѣсно связало оба языка, и теперь только настало разумнѣе и вмѣстѣ истинное право; настало разумное отношеніе и заимствованіе. Русской языкъ, какъ языкъ самостоятельный, не принялъ подъ творческой рукой Ломоносова формъ церковно-Славянскаго языка, ни собственно принадлежащихъ ему оборотовъ; вся связь состояла въ приниманіи *словъ*, отчасти оборотовъ, понятныхъ, разумныхъ для Русскаго; но теперь въ Русской языкъ, ставшій языкомъ письменнымъ, вошли церковно-Славянскія слова и уже не какъ славянизмы, а какъ достояніе родственнаго языка Русскаго. Языкъ

Русской во всякомъ случаѣ есть языкъ живаго употребленія, разговора, языкъ связанный тѣсно съ случайною сферою,—и привѣтно встрѣчаетъ онъ въ сферѣ общаго слова, отъ вѣка полныя лишь общимъ содержаніемъ. Церковно-Славянскій языкъ сталъ постояннымъ источникомъ силъ и богатства нашей письменной рѣчи, сохраняя для народа собственно возможность разумнѣя, недоступный какъ и прежде употребленію обыденному, но доступный нашей рѣчи письменной, слогу, въ которомъ уже является не разговоръ, не исключительно національный отгѣнокъ, но общее богатство языка для выраженія общаго содержанія. Такимъ образомъ соприкосновеніе здѣсь съ языкомъ церковно-Славянскимъ именно въ томъ разумномъ, свободномъ и самостоятельномъ смыслѣ, въ которомъ произошло оно у Ломоносова, придаетъ Русскому языку этотъ характеръ общаго, свидѣтельствуетъ вмѣстѣ о самобытномъ его гражданствѣ въ этой сферѣ и есть одинъ изъ видовъ освобожденія языка и возведенія, перехода его какъ языка, въ высшую сферу, сферу общаго. Отношеніе-же это Русскаго языка къ языку церковно-Славянскому есть, какъ мы сказали уже, отношеніе истинное, существенное, и потому не преходящее. Это отношеніе вѣчно, простирается и до нашего времени, и всегда будетъ существовать въ нашемъ языкѣ, слоgѣ. Ему обязаны мы чудными, изящными красотою слова, чудными стихами и вообще красотою слога письменнаго, при всей Русской національности, выражающаго общее.—Такимъ образомъ, освободивъ Русской языкъ, опредѣливъ и установивъ отношеніе къ церковно-Славянскому, Ломоносовъ, повторимъ, перенесъ языкъ въ сферу общаго, языкъ, который послѣ него уже принималъ изящныя формы подъ перомъ Пушкина и другихъ, языкъ, которымъ мы теперь пишемъ и вѣчно писать будемъ, передъ которымъ безконечный ходъ развитія, на пути имъ прохо-

димомъ. Ломоносову мы за то обязаны. Сюда къ положенію объ отношеніи церковно-Славянскаго языка къ Русскому примыкаетъ вопросъ объ отношеніи языка письменнаго и разговорнаго; но объ этомъ мы намерены говорить далѣе, какъ и опять объ отношеніи Русскаго къ церковно-Славянскому. Ломоносовъ понималъ это отношеніе, и выразилъ не только дѣломъ, не только въ слогѣ своемъ; его слогъ есть уже фактъ этого новаго момента; нѣтъ, онъ сознавалъ это и высказалъ свое мнѣніе объ отношеніи церковно-Славянскаго языка къ Русскому въ своей статьѣ: *О пользѣ книгъ церковныхъ*. Въ этомъ краткомъ разсужденіи онъ дѣлитъ языкъ на три слога: высокой, средней и низкой; это раздѣленіе, произвольное и невѣрное само въ себѣ, здѣсь имѣетъ всю истину, ибо таково было историческое опредѣленіе Русскаго слова. Ломоносовъ былъ совершенно правъ; раздѣляя такимъ образомъ, онъ видѣлъ съ одной стороны церковно-Славянскій языкъ съ его высокимъ характеромъ, съ другой Русской подъ своимъ тогда еще тѣснымъ, преимущественно исключительно національнымъ, опредѣленіемъ, собственно-же, какъ фактъ слога, была передъ нимъ пестрая смѣсь того и другаго съ примѣсью словъ иностранныхъ; и здѣсь это раздѣленіе показываетъ только глубокой язгладъ Ломоносова, понявшій значеніе и отношеніе языковъ церковно-Славянскаго и Русскаго. Наконецъ здѣсь-же выражаетъ онъ свое желаніе, чтобы удалить наводненіе иностранныхъ словъ, являвшихся какъ-бы за недостаткомъ Русскихъ для выраженія ихъ значенія, и советуетъ для того обратиться къ языку церковно-Славянскому, — советъ совершенно справедливый; если эти слова выходятъ за предѣлы національнаго, то именно здѣсь, при такомъ ихъ характерѣ (мы не говоримъ рѣшительно вездѣ) можетъ выступить языкъ церковно-Славянскій, и дать намъ такіа слова, имѣющія

характеръ общаго, неупотребляемая въ разговоръ народомъ, но разумная для него. Выпишемъ изъ статьи слова самого Ломоносова. Ломоносовъ говоритъ: ⁽¹⁾

«Какъ матеріи, которыя словомъ человѣческимъ изображаются, различествуютъ по мѣрѣ разной своей важности, такъ и Россійскій языкъ чрезъ употребленіе книгъ церковныхъ по приличности имѣетъ разныя степени, *высокой, посредственной и низкой*. Сіе происходитъ отъ трехъ родовъ реченій Россійскаго языка. Къ первому причитаются, которыя у древнихъ Славянъ и нынѣ у Россіянъ общепотребительны; напримѣръ: *Богъ, слава, руки, нынѣ, почитаю*. Ко второму принадлежитъ, кои хотя обще употребляются мало, а особливо въ разговорахъ; однако всѣмъ грамотнымъ людямъ вразумительны, напримѣръ: *опровергаю, Господень, насажденный, зываю* ⁽²⁾. Неупотребительныя и весьма обетшальныя отсюда выключаются, какъ: *обаваю, речены, изегда, свѣтъ* и симъ подобныя. Къ третьему роду относятся, которыхъ нѣтъ въ остаткахъ Славянскаго языка, то есть въ церковныхъ книгахъ, напримѣръ: *говорю, ручей, которой, пока, лишь*. Выключаются отсюда презрѣнныя слова, которыхъ ни въ какомъ стилѣ употребить непристойно, какъ только въ подлыхъ комедіяхъ.

«Отъ разсудительнаго употребленія и разбору сихъ трехъ родовъ реченій, раждаются три стили, *высокой, посредственной и низкой*. Первой составляется изъ реченій Славено-Россійскихъ, то есть употребительныхъ въ обоихъ нарѣчіяхъ, и изъ Славенскихъ Россіянамъ вразумительныхъ и не весьма обетшальныхъ. Симъ стилемъ соста-

(1) Полн. собр. соч. М. В. Ломоносова. Спб. 1803. ч. 1, стр. 8.

(2) Здѣсь явная ошибка, описка или опечатка; то, что относится ко второму, должно относиться къ первому, и наоборотъ. Это видно и изъ самого смысла и изъ дальнѣйшихъ словъ. См. ниже.

влятися должны Героическія Поэмы, Оды, прозаичныя рѣчи о важныхъ матеріяхъ, которыми они отъ обыкновенной простоты къ важному великолѣпію возвышаются. Симъ штилемъ преимуществуетъ Россійскій языкъ передъ многими нынѣшними Европейскими, пользуясь языкомъ Славенскимъ изъ книгъ церковныхъ.

» Средній штиль состоятъ долженъ изъ реченій больше въ Россійскомъ языкѣ употребительныхъ, куда можно принять нѣкоторыя реченія Славенскія въ высокомъ штиль употребительныя, однако съ великою осторожностію, чтобъ слогъ не казался надутымъ. Равнымъ образомъ употребить въ немъ можно низкія слова; однако остерегаться, чтобы не опуститься въ подлость. И словомъ, въ семъ штиль должно наблюдать всевозможную ровность, которая особливо тѣмъ теряется, когда реченіе Славенское положено будетъ подлѣ Россійскаго простонароднаго. Симъ штилемъ писать всѣ театральныя сочиненія, въ которыхъ требуется обыкновенное человеческое слово къ живому представленію дѣйствія. Однако можетъ и перваго рода штиль имѣть въ нихъ мѣсто, гдѣ потребно изобразить геройство и высокія мысли; въ нежностяхъ должно отъ того удаляться. Стихотворныя дружескія письма, сатиры, еклоги и элегіи сего штиля больше должны держаться. Въ прозѣ предлагать имъ пристойно описанія дѣлъ достопамятныхъ и ученій благородныхъ.

« Низкой штиль принимаетъ реченія третьяго рода, то есть, которыхъ нѣтъ въ Славенскомъ діалектѣ, смѣшивая со средними, а отъ Славенскихъ обще неупотребительныхъ во все удаляться, по пристойности матерій, каковы суть комедіи, увеселительныя епиграммы, пѣсни, въ прозѣ дружескія письма, описанія обыкновенныхъ дѣлъ. Простонародныя низкія слова могутъ имѣть въ нихъ мѣсто по раз-

смотря. Но всего сего подробное показаніе надлежитъ до нарочнаго наставленія о чистотѣ Россійскаго штиля.

.

« Сія польза наша, что мы приобрѣли отъ книгъ церковныхъ богатство къ сильному изображенію идей важныхъ и высокихъ, хотя велика; однако еще находимъ другія выгоды, каковыхъ лишены многіе языки; и сіе во первыхъ по мѣсту и пр.

.

Нѣсколько далѣе:

» Разсудивъ таковую пользу отъ книгъ церковныхъ Славенскихъ въ Россійскомъ языкѣ, всѣмъ любителямъ отечественнаго слова безпристрастно объявляю, и дружелюбно совѣтую, увѣряю собственнымъ своимъ искусствомъ, дабы съ прилежаніемъ читали всѣ церковныя книги, отъ чего къ общей и къ собственной пользѣ воспослѣдуетъ: 1) По важности священнаго мѣста церкви Божіей и для древности чувствуемъ въ себѣ къ Славенскому языку нѣкоторое особливое почитаніе; чѣмъ великопѣный сочинитель мысли сугубо возвыситъ. 2) Будетъ всякъ уметь разбирать высокія слова отъ подлыхъ и употреблять ихъ въ приличныхъ мѣстахъ по достоинству предлагаемой матеріи, наблюдая ровность слога. 3) Такимъ старательнымъ и осторожнымъ употребленіемъ сроднаго намъ кореннаго Славенскаго языка купно съ Россійскимъ, отвратятся дикія и странныя слова нелѣпости, входящія къ намъ изъ чужихъ языковъ, заимствующихъ себѣ красоту изъ Греческаго, и то еще чрезъ Латинской. Оныя неприличности послѣ небреженіемъ чтенія книгъ церковныхъ вкрадываются къ намъ нечувствительно, искажаютъ собственную красоту нашего языка; подвергаютъ его всегдашней перемѣнѣ, и къ упадку преклоняютъ. Сіе все показаннымъ способомъ

претчется; и Россійскій языкъ въ полной силѣ, красотѣ и богатствѣ перемѣнамъ и упадку не подверженъ утвердится, коль долго церковь Россійская славословіемъ Божиимъ на Славенскомъ языкѣ украшаться будетъ »

Сколько важной и глубокой истины сказано здѣсь, хотя многіе, можетъ быть, не увидать ея за выраженіями и вообще за формами, въ какихъ она здѣсь является. Но это не помѣшаетъ намъ увидеть, опредѣлить, объяснить и оправдать содержаніе словъ Ломоносова. Мало того, мы находимъ истинными самыя формы, въ которыхъ выражается истина, и постараемся оправдать ихъ. Сверхъ того, самыя обороты словъ и слогъ, опредѣленный тѣмъ временемъ, можетъ затемнять для настоящаго, современнаго понятія, для котораго образовалась своя коленя слога и которое не въ силахъ отъ нея скрываться — простой, прямой смыслъ, лежащій въ сочиненіи. Кромѣ того встрѣчаются слова, имѣвшія согласно съ временемъ, согласно съ возрастомъ, такъ сказать, и исторіей своей жизни, известное значеніе теперь измѣнившееся, но въ сущности то же, ибо на основномъ воздвиглось это новое, изъ него вытекшее. Но современное понятіе часто не можетъ отдѣлится отъ нихъ смысла своего времени и не то читаетъ въ словахъ, чтó въ самомъ дѣлѣ въ нихъ заключается. Такъ у Ломоносова встрѣчаемъ мы слово: *подлый*, которое не значитъ у него, что значитъ теперь, хотя выраженіе: *подлыя слова*, и у него, и въ наше время имѣетъ смыслъ; но теперь нравственный смыслъ слова выдался впередъ, и простое, равнодушное качество обратилось уже въ укоръ, который слышенъ и въ приведенномъ нами выраженіи, если его понимать современно; тогда какъ этого не видать еще у Ломоносова, и нѣтъ ни сколько брани въ его выраженіи: *подлыя слова*; онъ хотѣлъ сказать *низкія* (низменныя), но и то не въ смыслъ брани, а въ смыслъ отношенія къ высокимъ; какъ

есть слова высокія, такъ есть и низкія, которыя имѣютъ свое мѣсто и которыя онъ-же самъ будетъ употреблять, какъ слова, приличныя для разговоровъ, комедіи и пр., слова, если угодно, разговорныя, простонародныя. Слово: *искусство*, какъ до Ломоносова, такъ и во время его употреблялось въ другомъ значеніи, нежели какъ нынѣ, — болѣе близкомъ къ его этимологическому образованію, которое какъ будто было еще въ памяти; оно употреблялось именно въ значеніи *опыта*, отъ слова *искусить*, испытать. Такъ слова имѣютъ свой возрастъ, свою исторію и сообразно со временемъ служатъ для выраженія понятій, отличающихся болѣе или менѣе другъ отъ друга, хотя (безъ особенныхъ постороннихъ причинъ) между ними лежитъ постоянно связь, ибо они возникаютъ другъ изъ друга и вмѣстѣ изъ одного зерна, изъ одного основнаго начала.

Но обратимъ вниманіе на самое дѣло, на то, въ чемъ выразился подвигъ Ломоносова, однимъ словомъ, на самыя произведенія его, и въ нихъ въ осуществленіи рассмотримъ значеніе его подвига. Важный вопросъ о синтаксисѣ, имѣющій здѣсь такой великій смыслъ, рассмотримъ мы вмѣстѣ, какъ дальнѣйшую подробность (разбирая самыя произведенія).

Произведенія Ломоносова писаны и въ стихахъ и въ прозѣ. Нѣкоторыя изъ нихъ не напечатаны; изчислимъ напечатанныя. Вотъ его сочиненія въ стихахъ. Имъ написаны Оды, согласно съ духомъ того времени, духовныя и похвальные, (первыхъ 11, вторыхъ 19). Также: переводъ стихотворенія : Вънчанная надежда Россійской Имперіи, Юнкера. — Разговоръ съ Анакреонтомъ. — Переводъ Оды на счастье, Руссо. — 49 надписей, изъ которыхъ три въ прозѣ. — Стихи Императрицъ Елисаветъ на Фейерверкѣ. — Еще четыре стихотворенія: Письмо къ Шувалову; къ Пахомино; Отверговъ; также стихи на дорогѣ въ Петергофъ, и къ И. И.

Ш. — Сверхъ того онъ сочинилъ двѣ пѣсни героической поэмы: Петръ Великій, Письмо о пользѣ стекла и двѣ трагедіи: Тамира и Селимъ, и Демофонтъ. — Вотъ прозаическія его сочиненія: Предисловіе о пользѣ книгъ церковныхъ. Письмо о правилахъ Російскаго стихотворства. — Похвальное слово Императрицѣ Елисаветѣ. — Похвальное слово Петру Великому. — Краткій Російскій Лѣтописецъ. — Російская Исторія до Ярослава I включительно. Онъ написалъ также Русскую Грамматику и Риторику. Изъ другихъ ученыхъ его сочиненій мы знаемъ слова: О пользѣ химіи. О явленіяхъ воздушныхъ, отъ электрической силы происходящихъ. О происхожденіи свѣта, новую теорію о цвѣтахъ представляющее. О рожденіи металловъ отъ трясенія земли. Также Разсужденіе о большой точности морскаго пути, и: Явленіе Венеры на солнцѣ. — Всѣ эти ученые сочиненія не носятъ на себѣ отталкивающаго отпечатка односторонней учености, не сухи и не отвлеченны; они согрѣты живымъ чувствомъ поэтическаго одушевленія, въ нихъ всегда виднѣтъ при всѣхъ специальныхъ изысканіяхъ простой сочувствующій человѣкъ. — Онъ написалъ также большое сочиненіе: Первое основаніе металлургіи. Сверхъ того напечатаны нѣкоторые его письма къ Шувалову. — Въ его прозаическихъ произведеніяхъ часто встрѣчаются стихотворенія или отрывочные стихи; особенно видимъ это въ Риторикѣ, гдѣ онъ долженъ былъ приводить примѣры, и за неимѣніемъ ихъ долженъ былъ брать изъ своихъ сочиненій или писалъ тутъ-же, а иногда переводилъ. Всѣ нами названныя сочиненія находятся въ изданіи подъ заглавіемъ: «Полное собраніе сочиненій Михайла Васильевича Ломоносова, съ приобщеніемъ жизни сочинителя и съ прибавленіемъ многихъ его нигдѣ еще не напечатанныхъ твореній. Третьимъ тисненіемъ. Въ Санктпетербургѣ. Издѣніемъ Императорской Академіи Наукъ. 1803 года.

Въ шести частяхъ.» Въслѣдствіи пораздо позднѣе изданъ: «Портфель служебной дѣятельности М. В. Ломоносова. Изъ собственноручныхъ бумагъ, хранящихся у наслѣдниковъ. Изд. А. Вельтманъ. Москва. 1940 года.» Въ этомъ изданіи находятся его письма, проекты, разныя замѣчанія и т. п., что все любопытно и очень важно для изученія Ломоносова. Кромѣ того потомъ въ журналъ Москвитянинъ были напечатаны нѣкоторыя еще неизданныя бумаги и сочиненія Ломоносова въ небольшихъ отрывкахъ ⁽¹⁾.—Сочиненія внѣ его литературной дѣятельности, какъ мы опредѣлили это слово, имѣютъ значеніе и важность для насъ относительно языка и также поэтическихъ мѣстъ, въ нихъ встречающихся.

И такъ языкъ, образованный Ломоносовымъ, представляетъ намъ въ двухъ видахъ, то есть въ стихахъ и прозѣ; но здѣсь въ тоже время есть разница условенная существомъ того и другаго вида. И въ стихахъ и въ прозѣ является намъ языкъ имъ образованный, который мы намѣрены разсмотрѣть и тамъ и здѣсь. Послѣ всѣхъ произведеній, написанныхъ такимъ страннымъ, можно сказать искаженнымъ языкомъ, какой мы видѣли доселѣ, явилась въ 1739 году ода Ломоносова, первое явленіе новаго періода языка. Выше говоря о появленіи Ломоносова, вообще вслѣдъ за предыдущимъ искаженнымъ періодомъ языка, привели мы изъ нея примѣры. Мы просимъ здѣсь припомнить ихъ. Такимъ представлялся уже языкъ у Ломоносова при началѣ этого новаго своего періода, въ первый такъ сказать минуты своего новаго существованія. Событіе, которое, положимъ, осуществляло-бы совершенство или свободу, все носить на себѣ яркой отпечатокъ, именно этого

(1) Именно: Разсужденіе о размноженіи и сохраненіи Россійск. народа (Москвит. 1842 г. N 1). Труды Ломоносова для Русской Географіи. Письмо къ Миллеру (Тамъ же, N 3).

событія; даяніе какихъ-бы то ни было благъ, полной свободы, все на себѣ имѣеть характеръ даянія, и самая эта свобода имѣеть на себѣ тотъ-же характеръ: это еще освобожденіе. Такъ и языкъ Ломоносова, языкъ, отсель ставшій на высшую степень, вошедшій въ новый полный періодъ своего существованія, имѣеть на себѣ еще характеръ этого періода, вшествія въ этотъ періодъ, такъ сказать; онъ ярко дается чувствовать въ его слогъ, и каждая строка напоминаетъ о томъ образованіи Русскаго языка, которое совершилось, чтобы продолжаться, которое понималъ и дѣломъ и мыслию Ломоносовъ. Минута, въ которую совершается дѣло не минутное, но въ вѣка идущее, имѣеть яркой характеръ, преизбытокъ этого дѣла; далѣе будетъ уже самое дѣло, безъ этого рѣзкаго характера, о немъ напоминающаго; но въ минуту своего свершенія, оно имѣеть говорящій отпечатокъ событія сбывшагося, хотя-бы и для жизни въ будущія времена, отпечатокъ современной минуты. Кромѣ того, кромѣ этой особенности минуты, такъ какъ языкъ долженъ былъ въ этомъ новомъ періодѣ вполне развиться, пройти степени своего развитія, то все таки вытекаая изъ начала, съ Ломоносовымъ только возникшаго, онъ поэтому необходимо долженъ былъ тогда уже, у него, имѣть на себѣ особый характеръ, показывающій степень, на которой онъ находится, и также: что есть впереди и другія степени и путь развитія. — Но не смотря на все это, гений Ломоносова возвысился до полного, совершеннаго проявленія языка, какой долженъ и можетъ быть въ этой высшей сферѣ, и основалъ намъ много образцовъ слога, оправданныхъ только нынѣшнимъ временемъ или даже еще имѣющихъ быть оправданными; самая сущность его дѣла позволяла это: ибо дѣло его не было односторонне; оно уже было полно по существу своему, какъ зерно, заключая въ себѣ въ то же время воз-

можность дальнѣйшаго развитія; и эта-то полнота и положительная дѣйствительность подвига, хотя условленнаго, въ извѣстномъ отношеніи, временемъ, давала возможность явить полноту и совершенство слога. Напр.; указываемъ сперва на стихи:

Во храмъ возвѣщу великомъ
Преславную хвалу твою,
Веселымъ гласомъ и языкомъ
При тѣмахъ народа воспою. (1)

Но я, о Боже, возглашу
Тебѣ пѣснь нову повсечасно;
Я въ десять струнъ Тебѣ согласно
Псалмы и пѣсни приношу. (2)

Одѣянъ чудной красотой,
Зарей Божественнаго свѣта,
Ты звѣзды распростеръ безъ счета
Шатру подобно предъ собой. (3)

Гдѣ былъ ты, какъ передо мною
Безчисленны тѣмы новыхъ звѣздъ,
Моей возженныхъ вдругъ рукою
Въ обширности безмѣрныхъ мѣстъ
Мое величество вѣщали;
Когда отъ солнца возсіяли
Повсюду новые лучи,
Когда взошла луна въ ночи? (4)

Стремнинами путей ты разныхъ
Прошелъ ли моря глубину
И счелъ ли чужь разнообразныхъ
Стада, ходящія по дну?

(1) Полн. собр. соч. М. В. Ломоносова. Спб. 1803. ч. 1, стр. 33.

(2) Тамъ-же, стр. 40.

(3) Тамъ-же, стр. 43.

(4) Тамъ-же, стр. 47.

Обширнаго громаду свѣта
 Когда устроить Я хотѣлъ,
 Просилъ ли твоего совѣта
 Для множества толикихъ дѣлъ?
 Какъ персть я взялъ въ началѣ вѣка,
 Дабы создати человека,
 Зачѣмъ тогда ты не сказалъ,
 Чтобъ видѣ иной тебѣ Я далъ? (1)

Какъ можно иначе и лучше сказать нынче? да и кто
 еще скажетъ! У кого встрѣчается такой языкъ и стихъ?
 У Пушкина, у Языкова?

Мечи твои и копья вредны
 Я въ плуги и въ серпы скую;
 Пребудутъ всѣ поля безбѣдны,
 Отвергнувъ люту власть твою.
 На мстѣ брани и раздора
 Цвѣты свои разсыплетъ Флора.
 Разить не будетъ сѣрный прахъ
 Сквозь воздухъ, огонь и смерть въ полкахъ,
 Но озаривъ веселы ночи,
 Восхититъ зрящихъ духъ и очи. (2)

Царей и царствъ земныхъ отрада
 Возлюбленная тишина,
 Блаженство селъ, градовъ ограда,
 Коль ты полезна и красна!
 Вокругъ тебя цвѣты пестрятъ
 И класы на поляхъ желтѣютъ;
 Сокровищъ полны корабли
 Держають въ морѣ за тобою.

(1) Полн. собр. соч. М. В Ломоносова. Спб. 1803. ч. 1, стр. 80.

(2) Тамъ-же, стр. 83.

Ты сыпнешь щедрою рукою
Свое богатство по земли. (¹)

Толикое земель пространство
Когда Всевышній поручилъ
Тебѣ въ щастливое подданство,
Тогда сокровища открылъ,
Какими хвалится Индія:
Но требуетъ къ тому Россія
Искусствомъ утвержденныхъ рукъ,
Сіе злату очистить жилу,
Почувствуютъ и камни силу
Тобой возставленныхъ наукъ. (²)

Необходимая судьба
Во всѣхъ народахъ положила,
Дабы военная труба
Унылыхъ къ бодрости будила,
Чтобъ въ нѣдрахъ мягкой тишины
Не зацѣпи водамъ равны,
Что вкругъ защищены горами,
Дубравой, неподвижны спать,
И подъ лѣнивыми листьями
Презрѣнной производить гадъ. (³)

Какіе стихи и какъ выражается здѣсь сильная дѣятель-
ная душа, и негодованіе противъ бездѣйствія и лѣни!

Пою наставшій годъ: онъ славенъ,
Онъ будетъ красота вѣковъ,
Твоимъ намѣреніямъ равенъ,
Богиня, радость и покровъ! (⁴)

(¹) Полн. собр. соч. М. В. Ломоносова. Спб. 1803. ч. 1, стр. 120.

(²) Тамъ-же, стр. 126.

(³) Тамъ-же, стр. 190.

(⁴) Тамъ-же, стр. 214.

Званымъ образомъ, что въ древни времена
 Героямъ ставили за славные походы,
 Невѣжествомъ вѣковъ честь божеска дана,
 И чтли жертвой ихъ послѣдовавши роды,
 Что вѣра правая творить всегда претить.
 Но вѣтъ, простительно, о поздые потомки,
 Когда услышавъ вы дѣла Петровы громки,
 Поставите олтаре предъ сей геройскій видъ. ⁽¹⁾

Являя Дщерь Его усердіе святое,
 Сему защитнику воздвигла раку въ честь
 Отъ перваго сребра, что нѣдро Ей земное
 Открыло, какъ на тронъ благоволила сѣсть. ⁽²⁾

Гдѣ въ свѣтъ есть народъ, земля, страна и царство
 Подобная странѣ, Монархія, твоей?
 Отъ Запада твое простерлось государство,
 Отъ юга, сѣвера и утреннихъ полей. ⁽³⁾

Какъ туча грозная виситъ надъ головой,
 Надута пламенемъ сокрывшимся водой,
 Напрягшуюся внутрь едва содержитъ силу,
 Отъелетъ почернѣвъ путь дневному свѣтилу,
 Внезапно разродясь стѣсняетъ громомъ слухъ,
 И воздухъ двигаясь въ груди стѣсняетъ духъ;
 Сугубятъ доли звукъ и пропасти глубоки,
 И дождь и градъ шумить, и съ горъ режутъ потоки. ⁽⁴⁾

Насталъ ужасный день, и солнце на восходѣ
 Кровавы пропустивъ сквозь паръ густой лучи,
 Даетъ печальный знакъ къ военной непогодѣ;
 Любезна тишина минула въ сей ночи.

(1) Полн. собр. соч. М. В. Ломоносова. Спб. 1803. ч. 1, стр. 272.

(2) Тамъ-же, стр. 274.

(3) Тамъ-же, стр. 307.

(4) Тамъ-же. ч. 2. стр. 38.

Отецъ мой воинства готовится къ отпору,
 И на стѣнахъ стоять уже вчера велѣлъ.
 Селимъ полки свои возвелъ на ближню гору,
 Чтобъ прямо устремить на городъ тучу стрѣлъ.
 На гору, какъ орелъ, всходя онъ возносился,
 Которой съ высоты на агнца хочетъ пасть;
 И быстрой конь подъ нимъ какъ бурной вихрь крутился;
 Селимово казалъ проворство тѣмъ и власть. ⁽¹⁾

Приведемъ нѣкоторые примѣры и изъ прозы, хотя полное совершенство языка достигается собственно въ стихахъ, какъ въ изящной по сферѣ уже своей, согласно съ содержаніемъ, формъ слова:

«Справедливость сего доказывается сравненіемъ Россійскаго языка съ другими ему сродными. Поляки преклоняясь издавна въ Католицкую вѣру, отправляютъ службу по своему обряду, на Латинскомъ языкѣ, на которомъ ихъ стихи и молитвы сочинены во времена варварскія, по большей части отъ худыхъ авторовъ, и потому ни изъ Греціи, ни изъ Рима не могли снискать подобныхъ преимуществъ, каковы въ нашемъ языкѣ отъ Греческаго пріобрѣтены.» ⁽²⁾

«Напрасно хитрая Натура закрываетъ отъ ней свои сокровища толь презрѣнною завѣсою, и въ толь простыхъ ковчегехъ затворяетъ: ибо острота тонкихъ перстовъ химическихъ полезное отъ негоднаго и дорогое отъ подлаго разпознать и отдѣлить умѣетъ, и сквозь притворную поверхность познаетъ внутреннее достоинство.» ⁽³⁾

(1) Полн. собр. соч. М. В. Ломоносова. Сиб. 1803. ч. 2, стр. 83.

(2) Тамъ-же, ч. 1, стр. 4.

(3) Тамъ-же, ч. 3, стр. 19.

« И такъ явствуетъ, что ненавидя Римскаго ига и любя свою вольность, Славяне искали оной въ странахъ полуночныхъ, которою единоплеменные ихъ, пользовались, въ мѣстахъ пространныхъ по великимъ полямъ, рѣкамъ и озерамъ. »

« Новгородцы удержали не одно токмо имя свое Славенское, но и языкъ сродныхъ себѣ Славянъ, около Дуная и въ Иллирикѣ обитающихъ, которой много сходнее съ Великороссійскимъ, нежели съ Польскимъ, не взирая на то, что Поляки живутъ съ ними ближе, нежели мы, въ со-сѣдствѣ. »

« Потомъ какъ Римская Имперія стала приходить въ упадокъ, тогда Славяне стараясь отмстить древнюю предковъ своихъ обиду, предпринимали отъ Сѣвера на полдень сильные и частые походы, особливо при Іустиніанѣ великомъ, Царь Греческомъ, чему примѣръ даю изъ Прокопія. » (1)

Но еще видно было, какъ мы сказали, ярко было видно, что совершилось, и церковно-Славянскій элементъ, вошедшій законно, въ Русскомъ языкѣ явственно видится; у Ломоносова даже встрѣчается, но въ извѣстномъ выраженіи и не случайно, а взятый какъ-бы съ намѣреніемъ, родительный церковно-Славянскаго языка: *О плодъ отъ корене преславна!—О вѣтвь отъ корене Петрова!* (2) Это было зимствованіе и заимствованіе свободное, а не безпорядочно и случайно, отъ разстройства языка, вошедшее въ Русской языкъ. Русской языкъ также даетъ Ломоносову слова свои, какъ напр: *никакъ смиритель странъ Казанскихъ;—обстоятельства, до особенныхъ людей подлежащія,*

(1) Полн. собр. соч. М. В. Ломоносова. Спб. 1805. ч. 5, стр. 105. 106.

(2) Тамъ-же, ч. 1, стр. 88. 102.

не должны ожидать здѣсь похвалбства (¹). Мы встрѣчаемъ даже (очень рѣдко) въ стихахъ падежъ творительный на *ы*; напр: *Уже со многими народы* (²); также въ прозѣ: *четырьми образы* (³), падежъ, который имѣетъ оправданіе въ Русскомъ народномъ языкѣ, въ Русскихъ пѣсняхъ. Надо замѣтить, что только въ похвальномъ Словѣ Императрицы Елисаветъ Петровнѣ встрѣчаются двѣ формы церковно-Славянскія, намъ чуждыя и не встрѣчающіяся болѣе нигдѣ у Ломоносова, можетъ быть вслѣдствіе оттѣнка церковно-Славянскаго языка, который допускалъ онъ въ Словахъ, написанныхъ высокимъ слогомъ, именно: *во градѣхъ*; *человѣкомъ* (⁴). Въ языкѣ Русской у Ломоносова вошло много словъ церковно-Славянскихъ, хотя совершенно въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы сказали выше, что можетъ быть было собственно особенностью его дѣла. Этого нельзя отнести ко времени въ томъ смыслѣ, что это былъ языкъ, находившійся въ употребленіи, имѣвшій объективную принудительную силу; какъ напр: употребленіе слова *искусство* и т. д.; нѣтъ, это былъ языкъ создаваемый, образуемый Ломоносовымъ, и такъ условленный уже собственно сущностью его дѣла, а не внѣшнимъ вліяніемъ; конечно въ то время этотъ языкъ не былъ языкомъ, внѣ существующимъ, не былъ языкомъ того времени. Впрочемъ не могло и быть иначе; разговорнымъ, народнымъ быть онъ не могъ, а языкъ письменный, дотошъ существовавшій, былъ предметъ его отрицанія; онъ самъ былъ этимъ новымъ языкомъ, возникающимъ неожиданно и могущественно

(¹) Полн. собр. соч. М. В. Ломоносова. Сиб. 1803. ч. 1, стр. 61, ч. 2, стр. 80.

(²) Тамъ-же, ч. 1, стр. 106.

(³) Тамъ-же, ч. 3, стр. 145.

(⁴) Тамъ-же, ч. 2, стр. 201. 210.

изъ предыдущаго; онъ самъ носилъ въ себѣ законы, условливающіе его существо, его явленіе, его видъ; онъ заключилъ въ себѣ все развитіе Русскаго слова, изъ него только могло двинуться оно далѣе и истинно;—и не было вокругъ него суда и мѣры, не съ чѣмъ было сравнить его. И такъ въ сущности самого дѣла лежали причины слога, что мы надѣемся рассмотреть ниже. Вотъ примѣры въ подтвержденіе сказаннаго нами, т. е.: что церковно-Славянскія слова замѣчательно часто попадаютъ въ языкъ Ломоносова, преимущественно въ стихахъ. — *Твои плещи Петромъ скрѣплены; Се паки Петръ съ Екатериной; О мати всѣхъ племенъ земныхъ! И купно бгѣхъ свѣтилъ по чину; Колика нынѣ добродѣтель; И вящие укрѣпить державу* ⁽¹⁾; такія слова встрѣчаемъ мы и въ прозѣ; напр: *щедротою достойнаго толикаго родителя дщери; токмо; якобы заемныя; паче общенароднаго чаянія* ⁽²⁾. Впрочемъ мы ни сколько не объявляемъ себя противъ церковно-Славянскихъ словъ даже и тѣхъ, которыя ярко встрѣчаются у Ломоносова (мы говоримъ про слова, а не про формы склоненій, спряженій и пр., чего и нѣтъ у Ломоносова).

Но въ тоже время въ языкъ былъ элементъ, который принадлежалъ времени и въ отношеніи котораго Ломоносовъ прямо можетъ опереться на время; это были слова, ближайшія къ своему источнику (корню), даже употребленія, даже обороты, но не слогъ; а такія слова между тѣмъ очень замѣчательны; они обнаруживаютъ намъ духъ слова, что важно и для настоящаго его значенія и что также вновь открываетъ намъ богатство слова, затертое въ переходахъ языка, но не потерянное,—могущее и въ наше время явить

(1) Полн. собр. соч. М. В. Ломоносова. Спб. 1803. ч. 1, стр. 94. 97. 115. 114. 134. 147.

(2) Тамъ-же, ч. 2, стр. 223. 234. 236. 230.

свой смысл и достоинство, открывающееся вновь, когда вновь наконецъ приходитъ время, отдающее ему справедливость и вновь возвращающее ему (какъ и всему, что ихъ имѣетъ) права свои; и такимъ образомъ языкъ нашъ обогащается вновь цѣлыми новыми словами. Мы не говоримъ рѣшительно обо всѣхъ словахъ; на нѣкоторыхъ оставить отпечатокъ историческій, извѣстнаго времени, не допускающій, можетъ быть, ихъ современнаго въ прежнемъ смыслѣ употребленія; вообще-же они важны и нисколько (само собою разумѣется) не должны мѣшать достоинству и полному совершенству современнаго слога. Мы укажемъ на слова такіа; напр: *Пускай земля какъ поитъ трясетъ* (въ смыслѣ трясется); *Ступаетъ по вершинамъ строгимъ; Избавивъ отъ насильныхъ рукъ; Сердца жалыньемъ закипѣли; Въ пространствахъ заблуждаетъ око; Съ полудни вѣетъ духъ смиренный; Мой духъ течетъ къ предѣламъ свѣта, охотой храбрыхъ дѣлъ плынешъ; Утѣши печаль твоихъ людей; Велико дѣло есть и знатно; Не вамъ повергнуть нашъ предѣлъ; Но хищный волкъ пота противника терзаетъ, пока послѣдняя въ немъ кровь еще кипитъ; Едиша видятъ то съ презорствомъ добродѣтель; Для толь послѣшняго Мамаева прихода* ⁽¹⁾. Мы видимъ тоже и въ прозѣ: и подобное событіе (вѣсто осуществленіе) въ немъ исполняется; кромѣ сего (кромѣ употреблено въ смыслѣ безъ); *внезапно змѣя изъ лба выныкнувъ, въ ногу ужалила; и тѣмъ взявъ болѣшинство (превосходство) надъ Россіями и Поляками* ⁽²⁾. Согласно съ словами самаго Ломоносова, не во всякой прозѣ (какъ и въ стихахъ), встречаемъ мы

(1) Полн. собр. соч. М. В. Ломоносова. Спб. 1803. ч. 1, стр. 60. 76. 86. 88. 90. 94. 106. 111. 211., ч. 2, стр. 77. 98. 96.

(2) Тамъ-же, ч. 3, стр. 16. 19., ч. 5, стр. 154. 161.

возвышенный характеръ слога; иногда не видать церковно-Славянскихъ словъ, входившихъ вмѣстѣ съ своимъ значеніемъ, которое имѣли и должны были они имѣть въ то время; тогда языкъ имѣетъ ту особенность современности, о которой сейчасъ мы упомянули, и вмѣстѣ самъ подчиняется общему характеру языка того времени, хотя кажется и является онъ на свободѣ безъ всякихъ узъ и стѣсненій.

Недостатокъ языка исключительно національнаго, языка разговорнаго болѣею частію, есть недостатокъ синтаксиса въ его настоящемъ полномъ развитіи. Элементы его лежатъ и въ языкѣ національномъ, но развиваться здѣсь они не могутъ; живая рѣчь и разговоръ соединены близко съ посторонними обстоятельствами, съ лицомъ челоуѣка, и не нужно много хлопотать о томъ, чтобы быть понятнымъ; если-же языкъ національный перестаетъ быть собственно разговорнымъ, становясь разговоромъ или пѣснью, или замкнутымъ выраженіемъ, заключающимъ въ себѣ мысль, живой образъ (пословицу, поговорку), врѣзываясь въ такомъ случаѣ и безъ письменности въ памяти народа и повторяясь изъ устъ въ уста со всею точностію, какъ будто-бы былъ написанъ: то и тогда языкъ, выражая немногосложную національную жизнь и возникая притомъ, во всякомъ случаѣ въ сферѣ разговора, при всемъ изяществѣ и прелести, все не заключаетъ въ себѣ всей силы развитаго полнаго синтаксиса. Только когда общее пробудится въ народѣ, когда общій элементъ пробудится и въ языкѣ, — возникнетъ въ немъ синтаксисъ со всею своею силою. Когда уже не только живая рѣчь, всегда болѣе или менѣе отрывистая, не сфера разговора, будетъ сферою языка, равно общою для всѣхъ въ народѣ; нѣтъ, когда передъ индивидуумомъ, ос-

вободившимся въ народѣ, индивидуумомъ, съ которымъ вмѣстѣ открывается цѣлый міръ общаго, откроется цѣлый міръ и языка, когда индивидуумъ уединенно остается съ своею мыслию, уже общою по содержанію, когда вмѣстѣ съ этимъ возникаютъ въ немъ особенности и оттѣнки личнаго воззрѣнія, и вмѣсто звука голоса и живой рѣчи, передъ нимъ лежитъ молчаливая бумага, и онъ какъ лицо, одинъ, уединенъ съ своею общою мыслию: тогда другимъ становится языкъ, восходить на высшую степень, развиваетъ все свои общія, отъ случайности оторванныя силы и въ немъ вполне является синтаксисъ. Пѣсни и сказки запоминаются слово въ слово, ихъ языкъ можетъ быть и вѣренъ и превосходенъ; но онъ не сочиняется, не пишется, онъ сказывается и поется; онъ возникаютъ въ сферѣ разговора и конечно носятъ на себѣ ея отпечатокъ; мы-же рассуждаемъ здѣсь вообще о самой сферѣ разговора и о сферѣ письменности. Выраженія въ пѣсняхъ и сказкахъ точны и необходимы; но сфера сама есть сфера случайности, не дающая развить, вполне языку общей стороны его, общаго значенія. Слово здѣсь можетъ и сказаться и не сказаться, фраза прерывается другою фразою и т. д.; но въ сферѣ письменности, когда мысль уединенно, не въ словопрѣнш, свободно облекается въ слово, не преданная случайности устнаго изложенія,—языкъ, одинъ съ мыслию, на свободѣ развиваетъ все силы свои, сжатые и не успѣвшія развиться въ потокъ разговора, національной жизни, полной кипѣнія и случайности и не заботившейся о дальнѣйшемъ ходѣ языка. Здѣсь, въ сферѣ письменности, въ сочиненіяхъ, когда языкъ проникается общимъ содержаніемъ, выступаетъ его субъективный духъ; языкъ обогащается, слова самыя измѣняются, какъ мы и видѣли выше. Разумѣется, не буквѣ придаемъ мы эту силу; можетъ быть записана съ точностію простая, отрывистая рѣчь. Мы говоримъ про сферу обща-

го, когда она возникает вѣдѣ съ индивидуумомъ и когда письменность получаетъ вполне свое настоящее значеніе. Начала языка всегда и вездѣ одни и тѣже во всѣхъ его моментахъ; слѣдовательно въ сферѣ разговора также лежатъ элементы, которые потомъ могутъ развиваться въ сферѣ письменности; то-же существо языка, но въ известномъ первомъ своемъ моментѣ. Основываясь на этихъ своихъ началахъ, образуется языкъ въ высшей сферѣ, языкъ письменный.

Мы видѣли, что въ періодъ національности въ Россіи былъ языкъ народный, исключительно національный и въ то-же время возвышался надъ нимъ языкъ сферы общаго, языкъ религіозный, отвлеченный отъ исключительно національнаго опредѣленія народа, именно: языкъ Русской и языкъ церковно-Славянской. Во всемъ строеніи обоихъ языковъ была эта разница, слѣдовательно и въ отношеніи къ синтаксису, этой душѣ языка. Сферою языка Русскаго, согласно съ его опредѣленіемъ, былъ разговоръ; фраза его носила отпечатокъ разговора даже и тогда, когда записывалась на бумагу. Фраза и рѣчь Русская вообще, дыша жизнью и дѣйствительностію современности, въ то же время выражала только исключительность національной жизни, и вмѣстѣ съ тѣмъ только жизнь слова въ случайности, не зная и не имѣя формъ, принадлежащихъ уже другой высшей сферѣ. Съ другой стороны надъ этимъ національнымъ языкомъ возвышался языкъ церковно-Славянской, напротивъ весь посвященный общему отвлеченному содержанію, языкъ, по этому, отвлеченный. Здѣсь наоборотъ; здѣсь фраза, лишь знающая одну бумагу, одну письменность ⁽¹⁾, образуясь, представляла чрезвычайное

(1) Фраза церковно-Славянская произносилась также; но это произношеніе было необходимо и строго повторялось (объ цитатахъ говорить нечего). Произношеніе также необходимо и въ письменности, но мы го

синтаксическое развитіе; преданная общему содержанію, отвлеченная отъ языка разговорнаго, должна была фразавать всѣ свои синтаксическія силы, развиваемыя лишь общимъ содержаніемъ, въ письменности. Но въ тоже время на фразѣ долженъ былъ лежать отпечатокъ отвлеченности, ей свойственной; синтаксисъ долженъ былъ развиться односторонне, преимущественно, — и въ церковно-Славянскомъ языкѣ находимъ мы излишество синтаксиса, ничѣмъ несудерживаемаго. Въмѣсто отрывистой рѣчи, прерываемаго предложенія, видимъ мы болѣе и болѣе все охватывающую собою, замкнутую конструкцію; видимъ безконечную связь рѣченій; періодъ растетъ безпредѣльно, такъ что наконецъ теряется грамматическій смыслъ его. Такое изступленіе синтаксическое встрѣчаемъ мы въ языкѣ церковно-Славянскомъ. Примѣры той и другой рѣчи (церковно-Славянской и Русской народной) мы приводили выше. Мы просимъ припомнить ихъ.

Такое отношеніе между языками продолжалось до Ломоносова; разумѣется были оттънки, показанныя нами по возможности въ предыдущемъ историческомъ изслѣдованіи. Когда сдѣшивались языки между собою, нарушалось ихъ отношеніе, нарушалось и отношеніе синтаксическое. Нашъ языкъ не былъ возведенъ въ высшую сферу общаго, и въ немъ не пробуждался синтаксисъ, въ своемъ высшемъ значеніи; синтаксисъ являлся въ немъ во время перехода и сдѣшенія, какъ нарушеніе его предѣловъ. Ломоносовъ первый, освободивъ рѣшительно языкъ отъ прежняго исключительно національнаго опредѣленія и введши въ сферу об-

ворниъ про тѣ случаи, гдѣ оно служило уже полною областью. Какъ рѣчь исключительно разговорная могла записываться только формально, такъ и рѣчь исключительно письменная могла только формально произноситься, но разумѣется послѣдняя, какъ сфера высшая, предполагала и заключала въ себѣ звукъ, произношеніе, живой элементъ слова.

щаго, пробудилъ въ немъ и синтаксисъ въ высшемъ значеніи и развилъ его въ его крѣпости и силѣ. Но что-же, какой характеръ представляетъ намъ синтаксисъ Ломоносова, синтаксисъ языка Русскаго? Откуда могъ онъ вывести этотъ синтаксисъ, изъ какихъ началъ, гдѣ основаніе и оправданіе его? Мы знаемъ, что многіе, или лучше общее мнѣніе думаетъ, что синтаксисъ Ломоносова не Русской, что онъ сформированъ по Латинскому и частию по Нѣмецкому; но мы невольно спрашиваемъ: гдѣ-же критеріумъ этого сужденія? на чемъ опираясь, произносить оно свой приговоръ; гдѣ нашло оно синтаксисъ Русской, противъ котораго погрѣшилъ Ломоносовъ? Намъ скажутъ разговоръ, живая рѣчь; но между разговоромъ и письменностью лежитъ необходимая разниа. Ихъ нельзя сравнивать между собою. Языкъ, являющійся въ разговорѣ, долженъ быть основаніемъ синтаксиса языка письменнаго, какъ мы сказали выше; но онъ не стоитъ съ нимъ рядомъ; это два, одинъ за другимъ послѣдующіе моменты, и разговоръ, какъ сравненіе, не можетъ служить критеріумомъ. Что-же встрѣтилъ Ломоносовъ и въ томъ отношеніи, въ которомъ разговоръ важенъ, имѣетъ значеніе для синтаксиса высшаго, то есть какъ основаніе его? Что вообще нашелъ Ломоносовъ, чтобъ постигнуть, создать или, лучше, вывести Русской синтаксисъ? что нашелъ онъ въ Русскомъ національномъ языкѣ? Въ Русскомъ языкѣ нашелъ онъ, въ томъ національномъ видѣ, въ которомъ онъ былъ, полное разнообразіе оборотовъ, полную синтаксическую свободу. Бездѣлица! Это было основаніемъ, собственностью Русскаго синтаксиса, который, кромѣ этаго общаго начала (т. е. синтаксической свободы), еще точнѣе и подробнѣе, согласно съ нимъ, опредѣлился даже и въ національномъ періодѣ. — Вотъ что нашелъ Ломоносовъ въ Русскомъ языкѣ. Сверхъ того передъ нимъ былъ языкъ, преданный общему, отвлеченному отъ народ-

ной жизни, — языкъ, въ которомъ лежало отвлеченное общее Россіи-же; языкъ, который, хотя не былъ Русскимъ и не принадлежалъ по своему значенію у насъ никакому народу, но въ которомъ выражалась Русская-же мысль. Въ церковно-Славянскомъ языкѣ мысль не была ни къ чему привязана; она находилась въ сферѣ отвлеченной, въ языкѣ отвлеченномъ и носила на себѣ тотъ-же характеръ; но совсѣмъ тѣмъ мысль, выражаясь въ словѣ, непременно будучи Русскою, принимала Русскія или свойственныя Русскому языку синтаксическія формы. И такъ синтаксическое ея движеніе и образованіе въ словѣ было въ тоже время Русское, кромѣ того, можетъ быть, чтó было налагаемо особенностью языка церковно-Славянскаго какъ языка, и чтó основывалось на употребленіи, бывшемъ въ самое первое его время, и чтó слѣдовательно удержалось постоянно болѣе или менѣе и служило основаніемъ въ рѣчи церковно-Славянской. Вспомнимъ и то, что есть общая характеристика синтаксиса письменнаго. Это уже одинъ изъ моментовъ языка вообще, кромѣ, разумѣется, условій національнаго отличія языка, никогда не теряющагося и существующаго въ сферѣ общаго, какъ отреченный въ своей исключительности, но присущій вѣчный моментъ. Здѣсь должны мы опредѣлить ближе эти моменты языка: сферу разговора и въ тоже время сферу національности, — сферу письменности, и въ тоже время сферу общаго, въ ихъ внутреннемъ значеніи. — Языкъ въ первомъ своемъ моментѣ, языкъ являющійся, какъ разговоръ, какъ разумное представленіе природы и всего окружающаго, составляющій связь между людьми, становящійся истиннымъ элементомъ чловѣка, въ которомъ движется вся чловѣческая жизнь его, — почти всегда предстающій не уединенно, но въ разговоръ, являющійся всегда на устахъ, всегда звучащій въ появленіи своемъ, — такой языкъ образуетъ въ себѣ, жизни и слу-

чайности покорную, отъ нея зависящую фразу. Слогъ идетъ, куда ведетъ его случайность; мы уже говорили, что фраза перебивается нѣсколько разъ, конструкція остается рѣшительно недоконченною; но кромѣ этого, когда и не перебивается конструкція, когда можетъ она свободно, плавно выразиться въ рѣчи, и тогда элементъ, сфера языка, образуютъ ее согласно съ собою, представляютъ ее свободно бѣгущею; фраза, при отсутствіи твердой, постоянной мысли, вполне ею владѣющей, является всегда легкою, незамкнутою, открытою; по мѣрѣ того, какъ понятія, въ теченіи самой рѣчи возстаютъ одно за другимъ, присоединяются къ ней слова. Всегда можно ихъ къ ней прибавить и отбросить (въ послѣднемъ случаѣ, разумѣется, если не дойдемъ до зерна фразы; но тогда уже подрывается самое ея существованіе) безъ ущерба ея смысла, — и фраза разширится, укоротится, не теряя своего вида фразы. Здѣсь совершенно наращеніе и убавленіе, условленное случайностію сферы; такая фраза есть фраза *неорганическая*, собственно разговорная. Запомнится-ли она сказанною и будетъ-ли повторяться съ точностію, избавленная такимъ образомъ отъ случайности, — все равно: она возникла въ сферѣ случайности, и если осталась такою, утвердилась въ своей формѣ вслѣдствіе постороннихъ причинъ, какъ пословицы, напримѣръ, — то удаленная внѣшнимъ образомъ отъ измѣненій, она, само собою разумѣется, носить все отпечатокъ этой случайности, своего неорганическаго бытія. Здѣсь на фразу дѣйствуютъ внѣшнія обстоятельства, здѣсь она среди нихъ, зависитъ отъ нихъ, — и сама видимость разговора, голосъ, лице, движенія, весь образъ человѣка помогаетъ мысли, понятію, внутреннему выразиться, и не дѣлаетъ необходимымъ полного явленія слова; здѣсь оно является чистымъ словомъ, опирающимся лишь на само себя для выраженія мысли. Таковъ слогъ,

такова конструкція въ этомъ моментъ языка, моментъ разговора, текущей жизни, случайности и вѣсть національности; ибо въ ней, до пробужденія общаго въ народѣ, вполне силенъ этотъ моментъ случайности, жизни и разговора. Вспомнимъ здѣсь Русскую пословицу, хорошо выражающую разговорную рѣчь: *Слово не воробей: вылетѣло — не поймешь*. Но какъ скоро, отторгнувшись отъ этого своего опредѣленія, отъ жизни разговора, внѣшнихъ обстановокъ, духъ человѣка переходитъ въ другую сферу, гдѣ мысль общая, глубокая содержаніемъ, не умышляется въ разговоръ и требуетъ уединеннаго дѣянія, гдѣ умолкаетъ следовательно предъ человѣкомъ звукъ слова, гдѣ нѣтъ ни образа, ни движеній, гдѣ передъ мыслию остается одно, чистое слово, долженствующее облечь ее и выразить, — тамъ, въ сферѣ общаго, начинается иная дѣятельность; языкъ вступаетъ въ иную область, гдѣ слово развиваетъ всѣ свои силы и предстаетъ въ глубоко соединенномъ строеніи. Здѣсь-то на свободѣ зиждется вполне собственно синтаксисъ, — и всѣ сокровища слова, всѣ многообразные его изгибы, движенія и обороты, вся его жизнь, все существо предстаютъ во всемъ объемѣ; слово не торопится, побуждаемое рѣчью, внѣшними обстоятельствами; здѣсь тихо развиваетъ оно свои силы, и отъ присутствія общаго пробуждается элементъ общаго въ немъ самомъ. Оно все проникается мыслию, — и соразмѣрно образуется и возникаетъ иная фраза, не стѣсняемая, свободная отъ окружающихъ условій, свободная отъ случайности, фраза, на самомъ строеніи которой лежитъ отпечатокъ мысли. Это фраза полная, замкнутая, объемлемая основнымъ понятіемъ; отъ нея нельзя оторвать слова и нельзя къ ней прибавить, какъ въ живомъ разговорѣ; сама мысль окончательно здѣсь является, въ оконченомъ образованіи, а не какъ сцѣпленіе понятій и представленій; фраза получаетъ

согласный съ нею характеръ и новая почва предстаётъ ей, не звукъ, не произношеніе, но буква, письменность. Письмо соответствуетъ такой фразѣ, не въ теченіи разговора составляющейся, фразѣ, гдѣ слово ждетъ, пока сомкнется вся она, совокупить въ одно цѣлое всѣ свои части; гдѣ слова должны помниться, пока предстанутъ въ общемъ строеніи, — слѣдовательно неудобной для разговора, фразѣ, гдѣ часто глубоко, подолгу обдумывается выраженіе; такая фраза есть фраза *органическая*. Здѣсь встречаемъ мы эту твердую, неизблемую, такъ называемую тяжелую конструкцію; она вполне конкретно являетъ мысль, общее въ словѣ. Вспомнимъ здѣсь также прекрасно опредѣляющую письменный слогъ Русскую пословицу: *Что написано перомъ, того не вырубишь топоромъ*. Есть люди, которые находятъ эту конструкцію ложною, но самое появленіе ея уже показываетъ, что ей должна быть причина, что не можетъ она быть безъ основанія. Языкъ всякаго народа, отрывающагося отъ сферы случайной жизни, переходящаго въ сферу общаго, проходить эти степени развитія, и отъ сферы разговора восходитъ до сферы письменности. Этотъ слогъ письменности отдѣльно взятаго языка имѣетъ самобытно въ себѣ характеръ общаго, встречаемый во всякомъ языкѣ, именно эту органическую фразу, эту замкнутую твердую конструкцію, это проникнутое мыслію строеніе слова, видоизменяемое только собственными особенностями. Это удѣлъ всякаго языка, способнаго оторваться отъ случайности рѣчи. Нашъ языкъ долженъ былъ также, подвижимый развитіемъ общаго въ народѣ, освободиться отъ разговорной и перейти въ эту общую высшую сферу, и въ немъ должна была пробудиться и предстать, но подъ условіями его особенностей, органическая рѣчь, оконченная, желѣзная конструкція, природная этой сферѣ. Если же въ языкѣ могло пробудиться общее,

то само собою разумеется, конструкція, служащая этому общему, ему свойственна. Мы видимъ, что нашъ языкъ вмѣстѣ съ народомъ оторвался отъ національности, разговора, и перешелъ въ высшую сферу общаго, въ сферу письменности. Въ немъ долженъ былъ выразиться весь характеръ момента, въ который онъ возвысился вмѣстѣ съ народомъ. Ломоносовъ, гений котораго выразилъ этотъ моментъ общаго въ нашей литературѣ, возвелъ и языкъ въ эту высшую сферу письменности. Что-же могъ представить намъ нашъ языкъ въ этой сферѣ, какъ образовались и явились его общія формы? Повторяемъ здѣсь: гдѣ нашелъ Ломоносовъ тѣ основанія, по которымъ могъ возвести языкъ самобытно на дальнѣйшую степень его образованія? Прежде всего скажемъ, что если нашъ языкъ способенъ вступить на нее, онъ долженъ исполнить это самобытно, и самобытно въ немъ должна возникнуть принадлежность языка въ этой сферѣ, органическая фраза. Ее признаемъ мы заранее въ нашемъ языкѣ, какъ и во всякомъ, который можетъ свободно и самобытно перейти въ эту высшую область. Въ Русскомъ языкѣ вообще, и въ періодъ національности, должны лежать элементы того общаго, которое является въ языкѣ при полнѣйшемъ его развитіи.

Кромѣ языка національнаго, выразившагося въ грамотахъ, пѣсняхъ и пр. и живущаго въ устахъ народа, кромѣ языка церковно-Славянскаго, въ которомъ отвлеченно развивался синтаксисъ, движимый Русскою мыслию, Ломоносовъ имѣлъ передъ собою языки Латинскій и Нѣмецкій, у которыхъ уже были образовавшіяся общія формы. Языкъ Латинскій въ особенности ихъ обработавшій и имѣющій огромный авторитетъ, болѣе всего дѣйствовалъ на Ломоносова. И принимая его обороты, Ломоносовъ съ перваго взгляда подвергался обвиненію въ латинизмахъ. Но вспомнимъ, что синтаксисъ и

вообще слогъ этой высшей сферы имѣть въ себѣ общее, собственно свойственное этой сферѣ, и слѣдовательно встречающееся естественно во всѣхъ языкахъ. Русской языкъ не былъ еще въ сферѣ письменности, еще не явились, не опредѣлились его обороты (письменные), тогда какъ Латинскій языкъ является уже вполне развившимся, съ готовыми оборотами. Введеніе ихъ, если-бы они были и вполне свойственны, должно показаться заимствованіемъ. Сверхъ того надо сказать, что кромѣ этого общаго сходства въ письменной сферѣ, въ Русскомъ языкѣ лежитъ возможность, которая даже осуществлялась, оборотовъ, конструкцій періода, сходныхъ и съ латинскими и могущихъ, если угодно, такъ называться. Вообще надо быть осторожнымъ при разсматриваніи оборотовъ повидимому заимствованныхъ и посмотреть, не принадлежатъ ли они также самобытно и тому языку, который обвиняется въ заимствованіи; время появленія, отдаленность, запутанность въ исторіи развитія и вообще многія обстоятельства могутъ здѣсь смутить сужденіе и сдѣлать его ошибочнымъ. Для узнанія истины надо обратиться къ самому языку. Общее латинской конструкціи, вслѣдствіе уже закона самаго развитія (выше показаннаго) доступно языку Русскому; но та особенность, которая принадлежитъ собственно Латинскому языку, должна остаться чуждою языку Русскому. Здѣсь не надо принимать за латинизмы то, что есть общее, доступное и другому языку. Теперь возникаетъ вопросъ, въ какой мѣрѣ общее присутствуетъ во фразѣ, въ какой мѣрѣ является самобытное сходство и гдѣ начинается латинизмъ? Собственно само проявленіе этаго общаго можетъ самобытно принадлежать языку, и даже особенность Латинскаго языка можетъ быть самобытною особенностью Русскаго. И такъ надо рѣшить, гдѣ въ слогъ Ломоносова, при общемъ элементѣ, принадлежащемъ сферѣ, являются оборо-

ты самобытные, сходные можетъ быть самобытно съ Латинскимъ языкомъ, и гдѣ латинизмы? Для этого надобно обратиться къ существу нашего языка, къ его духу, и посмотреть, нѣтъ-ли въ немъ оправданія этихъ оборотовъ, принадлежащихъ сферѣ письменной.

Періодъ и конструкцію, вообще синтаксисъ языка Латинскаго болѣе нежели въ другихъ сочиненіяхъ Ломоносова, находятъ въ его похвальныхъ Словахъ, гдѣ конечно болѣе, нежели гдѣ нибудь, является въ своей силѣ органическая рѣчь. И такъ обратимъ вниманіе наше преимущественно на эти слова, какъ и вообще на другія его прозаическія сочиненія; прозаическія, ибо стихъ не можетъ дать вполне мѣста синтаксическому развитію слова. Прежде всего, выпишемъ первый періодъ похвальной рѣчи Елисаветы: «Если бы въ сей пресвѣтлый праздникъ, слушатели! въ которой подъ благословенною державою всемилостивѣйшія Государыни нашей покоящіеся многочисленныя народы торжествуютъ, и веселятся о преславномъ Ея на Всероссійскій престолъ возшествіи, возможно было намъ радостію восхищеннымъ вознестись до высоты толикой, съ которой бы могли мы обозрѣть обширность пространнаго Ея владычества, и слышать отъ восходящаго до заходящаго солнца непрерывно простирающіяся восклицанія и воздухъ наполняющія именоваіемъ Елисаветы; коль красное, коль великолѣпное, коль радостное позорище намъ бы открылось!» ⁽¹⁾ Порядокъ словъ, вотъ первое, что назовутъ латинскимъ; если мы вглядимся въ самую конструкцію, то увидимъ, что то, что является въ развитой фразѣ, въ цѣломъ періодѣ, замкнутость, повторяется и въ малѣйшихъ видахъ конструкціи; такъ видимъ, напр: въ предѣлахъ пространнаго періода отдѣльныя выраженія:

(1) Полн. собр. соч. М. В. Ломоносова. Спб. 1803. ч. 2, стр. 203.

«въ селахъ плодородіемъ благословенныхъ; при моряхъ отъ военной бури и шума свободныхъ.... въ поляхъ довольствомъ и безопасностію украшенныхъ, на горахъ верхи свои благополучіемъ выше возносящихъ и на холмахъ радостию препоясанныхъ» ⁽¹⁾, или въ болѣе краткомъ, отдѣльномъ періодѣ: «Но кто ревностнымъ усердія зрѣніемъ яснѣе оный видитъ, какъ сіе для распространенія наукъ въ Россіи Петромъ Великимъ установленное общество, несказаннымъ ея великодушіемъ обновленное? — Велико дѣло и мѣру моего разума превосходящее предпріемлю, когда при толь знатномъ собраніи, именемъ сего ученаго общества, за несказанное благодѣяніе, величайшей на свѣтъ Государнигъ, благодареніе и похвалу приносить начинаю. — Она отеческимъ духомъ и вѣрою къ Богу воспалается, они ревностію къ ней пылаютъ. Она приближаясь къ побѣдѣ, кровопролитной побѣды не желаетъ, они всему свѣту стать въпротиву за оную усердствуютъ.»—⁽²⁾ И такъ это организованіе фразы, собственно порядокъ словъ, очень важное дѣло въ синтаксисѣ; если мы станемъ слѣдить далѣе эти слова и вообще сочиненія Ломоносова, то мы увидимъ ту-же самую особенность, тотъ-же порядокъ словъ. Въ этомъ только и выражается вліяніе языка Латинскаго, которое находятъ въ произведеніяхъ Ломоносова. Мы можемъ встрѣтить кромѣ того еще нѣсколько употребленій, принадлежащихъ языку Латинскому; но они и рѣдки и не важны; разумѣется въ тоже время они самобытно возможны и находятся даже въ Русскомъ языкѣ. Къ числу такихъ употребленій, но менѣе можетъ быть свойственныхъ, можно отнести слѣдующее: » Ничто на земли смертному выше и благороднѣе дано быть не можетъ,

(1) Полн. собр. соч. М. В. Ломоносова. Сиб. 1803 ч. 2, стр. 203. 204.

(2) Тамъ-же, стр. 205, 206. 212. 213.

какъ упражненіе» ⁽¹⁾. Вообще-же Латинскій языкъ не имѣлъ и не могъ имѣть вліянія на нашу грамматику, на ту нашу часть синтаксиса, которая называется управленіемъ словъ; нельзя-же было явиться Латинскому творительному самостоятельному; нельзя-же было слову становиться въ творительномъ падежѣ послѣ сравнительной степени и пр.; сходство здѣсь могло быть, какъ мы сказали, только самобытно. Что касается до двухъ именительныхъ и до двухъ винительныхъ въ извѣстныхъ глаголахъ, то мы встрѣчаемъ это въ церковно-Славянскомъ языкѣ. Все вліяніе Латинскаго языка могло быть на конструкцію, на порядокъ словъ, на періодъ. Обратимъ-же вниманіе на порядокъ словъ въ обширномъ смыслѣ, на все, въ чемъ видать латинизмъ, и посмотримъ, принадлежить-ли онъ, и въ какой мѣрѣ, самобытно Русскому языку, рассмотримъ его въ подробностяхъ, въ его болѣе малыхъ, отдѣльныхъ частяхъ, въ его видоизмѣненіяхъ; взглянемъ на различныя его стороны и обороты.

Вообще въ письменной фразѣ (въ обширномъ смыслѣ этого слова), и во фразѣ Ломоносова замѣчаемъ мы замкнутость, видимъ на концѣ поставленный глаголъ, твердо, окончательно заключающій фразу; это видно изъ примѣровъ, нами выше предложенныхъ. Приведемъ ихъ еще: «Свидѣтельствуютъ многочисленныя ихъ сочиненія въ разныхъ народахъ, въ разные вѣки свѣту сообщенныя. Много препятствій неутомимые испытатели преодолѣли, и слѣдующихъ по себѣ труды облегчили: разгнали мрачныя тучи, и чистое небо далече проникли. — И ежели чего точно изобразить не можемъ, не языку нашему, но недовольному свосму въ немъ искусству приписать долженствуемъ» ⁽²⁾.

(1) Полн. собр. соч. М. В. Ломоносова. Спб. 1805. ч. 3, стр. 3.

(2) Тамъ-же, ч. 3, стр. 100, ч. 6, стр. 6.

Мы не споримъ, что это оборотъ Латинскій; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы онъ не могъ быть оборотомъ и другаго языка. Потомъ, въ оборотахъ отдѣльныхъ, внутреннихъ, т. е., въ расположеніи словъ, въ разныхъ видахъ ихъ порядка, встречаемъ мы ту-же замкнутость, особенность, вытекающую изъ того-же начала фразы органической. Фраза, развиваясь, становится полнѣе и полнѣе, во всѣхъ частяхъ своихъ сохраняетъ этотъ характеръ замкнутости, и по этому при всѣхъ ея видоизмѣненіяхъ, замѣчая главныя ея пункты, мы видимъ, какъ опредѣляющее становится предъ опредѣляемымъ, какъ все стремится къ этимъ главнымъ пунктамъ, выражая такимъ образомъ характеръ сосредоточенности и замкнутости, — общій характеръ всей органической фразы. Приведемъ еще примѣры: «Не снисканіемъ многословнаго мыслей распространенія увеличено, не витѣватымъ сложеніемъ замысловъ, или пестрымъ предложеніемъ реченій украшено, ниже риторскимъ пареніемъ возвышено будетъ сіе мое слово: но все свое пространство и величество отъ несравненныхъ свойствъ Монархини наша, всю свою красоту отъ прекрасныхъ ея добродѣтелей, и все свое возвышеніе отъ устремленія къ Ней искреннѣйшей ревности, приметъ. — Тогда математическому и физическому ученію, прежде въ чародѣйство и волхвованіе вѣнченному, уже одѣянному порфиною, увѣнчанному лаврами, на монаршескомъ престолѣ посажденному, благоговѣйное почитаніе, въ священной Петровой Особѣ приносилось.» ⁽¹⁾ Но сверхъ того обратимъ вниманіе еще на особенность порядка словъ, изгибовъ принимаемыхъ мыслію во фразѣ. Напр. «Однако челоуѣческаго достоянія и наслѣдства не имѣло разума. — Прерывно блещетъ въ разные времена разстоянія. — Бываютъ въ верхней атмосферы тон-

(1) Полн. собр. соч. М. В. Ломоносова. Спб. 1805. ч. 2, стр. 207. 235.

комъ воздухъ — Разныя Славянъ поколѣнія:—⁽¹⁾ Мы можемъ привести здѣсь даже примѣры изъ стихотвореній, допускающихъ въ своемъ размѣрѣ такія перестановки словъ, изгибы и обороты: «Еще ль мы мало утомились житейскихъ тягостью, временъ.... Богиня новыми лучами красуется окружена.... Гдѣ Волга, Донъ и Днѣпръ текутъ.... Тебѣ обильны движуть воды.... Тамъ мерзлыми шумить крылами» ⁽²⁾ и пр. и пр. Это основано вмѣстѣ на свободѣ синтаксиса, показываетъ болѣе или менѣе его гибкость, необходимую, разумеется, принадлежность этого его свойства. Вотъ тѣ особенности, тѣ латинизмы, которые находимъ мы у Ломоносова. Повторяемъ, что если бы мы встрѣтили и рѣшительные обороты Латинскіе, то изъ этого не следовало-бы, что они заимствованы или что они чужды, несвойственны Русскому языку; сходство могло быть самобытно.

Обратимъ-же теперь наконецъ вниманіе на Русскій, собственно національный языкъ, и потомъ на языкъ церковно-Славянской, языки, составившіе Русское слово, которые имѣли передъ собой Ломоносовъ, и посмотримъ, что они намъ представляютъ.

Мы можемъ видѣть нашъ языкъ въ тѣхъ проявленіяхъ, которыя онъ далъ себѣ въ памятникахъ письменныхъ: въ грамотахъ и пр. (примѣсь, какая могла быть, легко отдѣляется, что и старались мы сдѣлать выше). Еще свободнѣе предстаетъ онъ намъ въ Русскихъ пѣсняхъ, поговоркахъ и т. п. Мы можемъ даже изслѣдовать нашъ языкъ и въ настоящемъ простомъ разговорѣ народа; нашъ-же языкъ образованный не можетъ быть еще критеріумомъ, ибо подвергался извѣстнымъ измѣненіямъ.

Элементы этой органической фразы, этотъ глаголь, ста-

(1) Полн. собр. соч. М. В. Ломоносова. 1805. Спб. ч. 2, стр. 261, ч. 3. стр. 68, ч. 5 стр. 94.

(2) Тамъ-же, ч. 4, стр. 185. 199. 200.

новящійся на концѣ, встречаемъ мы и въ грамотахъ. Мы привели выше довольно примѣровъ, просимъ припомнить ихъ. Но все для большей видимости приведемъ здѣсь еще хотя нѣсколько: «А приставовъ ти съ низу въ всю въ Новгородскую волость не всылати. — А приставовъ ми въ твой удѣль въ твою вотчину, чѣмъ ти есмь пожаловалъ и на Городецъ, ни моему сыну Князю Великому Ивану Васильевичю, ни моимъ дѣтемъ меншимъ не всылати. — И тобѣ моему Господину Великому Князю, и твоему сыну Великому Князю, и твоимъ дѣтямъ, которыхъ ти дастъ Богъ, мое отчины подъ моею Княгинею и подъ моими дѣтми блюсти, а не обидети, ни вступатися, и печаловатися вамъ моею Княгинею и моими дѣтми.» (1) Ясное доказательство, что не чужда была языку эта конструкція, что крѣпкимъ умомъ одаренъ Русской народъ; въ грамотахъ-же встречаемъ мы и дальнѣйшія подробности такой фразы. И здѣсь также приведемъ опять примѣры: «А хто будетъ мнѣ Великому Князю и моему сыну Великому Князю другъ, тотъ и тобѣ другъ» (2) и пр. Мы находимъ далѣе, эти особенныя обороты, показывающіе гибкость Русскаго языка, эту чудную перестановку словъ. Напр. «А которой ти братъ; а хто моихъ Князей отъѣдетъ къ тебѣ служебныхъ.» (3) Тоже самое показываютъ намъ наши пѣсни и языкъ нашего народа. Напр.

А кто мнѣ-ка знаетъ сопротивницу
Сопротивницу знаетъ красну дѣвицу....

И ту рушала Княгиня лебедь бялую....

А отъ пару было отъ конинаго ... (4)

(1) Собр. Гос. грам. и догов., ч. 1, стр. 10. 188. 242.

(2) Тамъ-же, ч. 1, стр. 254.

(3) Тамъ-же, стр. 178. 176.

(4) Древн. Рос. стихотвор., собр. Киршею Даниловымъ, стр. 86. 139. 212.

Мы можем также привести примѣры изъ народной рѣчи, которую мы, вѣроятно, всякой болѣе или менѣе слышимъ; въ народѣ человѣкъ говоритъ напр: *Не нашего дѣло ума* и пр.— И такъ всѣ выраженія Ломоносова, на которыя мы указали (стоитъ только припомнить ихъ) находятся цѣликомъ, или имѣютъ свое основаніе въ Русской рѣчи, чему мы привели кажется ясныя примѣры. Но все это сводится къ одному: къ полной свободѣ синтаксиса (не въ смыслѣ управленій словъ, а въ смыслѣ конструкціи), свободѣ, которая слѣдовательно уже даетъ возможность возникнуть органической фразѣ, вполне развиться въ высшей сферѣ синтаксису; даетъ мѣсто всѣмъ этимъ гибкимъ оборотамъ, встрѣчающимся у Ломоносова и прямо встрѣчающимся въ нашемъ языкѣ; мало того, даетъ возможность языку превзойти въ этомъ отношеніи другіе языки, превзойти ихъ въ богатствѣ и гибкости оборотовъ, въ разнообразіи строенія слова. И потому, этотъ характеръ свободы, лежащій на языкѣ, далеко отличается его, въ каждомъ даже его оборотѣ, отъ другихъ. И такъ свободно можетъ у насъ быть весь ходъ, все должное богатство развитія слова. Нашъ языкъ, нашъ синтаксисъ имѣетъ особенный характеръ, и то, что можно сказать на Русскомъ, едва-ли можно сказать на какомъ нибудь языкѣ. Приведемъ въ примѣръ такіа слова нашей пѣсни:

Я у батюшки въ терему, въ терему,
Я у матушки въ высокомъ, въ высокомъ.

Здѣсь удивительное отношеніе между словами, удивительная память, такъ сказать. мысли въ языкѣ, при устройствѣ слова. Двѣ кажется фразы, но ихъ проникаетъ синтаксическая связь; можно-бы подумать, что говорится про два терема и раздѣляются слова: *у батюшки, у матушки*, тогда какъ напротивъ они прямо относятся другъ къ дру-

гу, и тѣсно соединяются; фраза такова: *я у батюшки и у матушки въ высокомъ терему*; но не смотря на раздѣленіе, сохранена связь между словами, и надъ отдѣльными формами фразъ является сила синтаксиса, соединяющая ихъ въ одну; такъ что если надписать одну фразу надъ другою, то каждое слово соединяется съ написаннымъ подъ нимъ словомъ. Здѣсь выражается особенная грація, особенная сила и гибкость синтаксиса; здѣсь видимъ мы явленіе, знаменующее полную его свободу. Мы можемъ привести такіе-же и подобные тому примѣры изъ древнихъ Русскихъ стихотвореній, собранныхъ Кириешю Давиловымъ:

Отстаеъ доброй молодецъ отъ отца, сынъ отъ матери....

Такъ-же:

Пиръ на весель, повель столы на радостяхъ....

Какъ бы была лебедушка по зарѣ она прокликала.... ⁽¹⁾

Такъ-же нельзя не привести здѣсь Русскую пѣсню:

Какъ вѣчоръ мнѣ подруженьки косыньку расплетали,
Онъ золотомъ перевили мою,
Онъ жемчугомъ убирали ее.

Сверхъ того предъ Ломоносовымъ былъ языкъ церковно-Славянскій, языкъ, какъ мы сказали, служившій также все Русской мысли, языкъ, выражающій отвлеченное развитіе синтаксиса, являющій множество отдаленныхъ значеній въ періодѣ; онъ представлялъ Ломоносову также элементы и уже образы, формы общаго синтаксиса, но доведеннаго до крайности, въ своемъ отвлеченномъ развитіи.

(1) Древн. Росс. стих., собр. Кириешю Давиловымъ, стр. 296. 38. 43.

Синтаксисъ языка церковно-Славянскаго могъ быть доступнымъ Русскому, или какъ общее, или какъ Русской синтаксисъ, который долженъ былъ однако при употребленіи измѣниться; впрочемъ нѣкоторыя части могли взойти какъ есть. Примѣры такого синтаксиса мы уже привели кажется достаточно выше. Не считаемъ нужнымъ приводить здѣсь новыя и обременять разсужденіе еще длинными выписками. Ломоносовъ-же, мы знаемъ, читалъ церковно-Славянскія книги, это было первое его чтеніе; онъ сверхъ того сознательно признавалъ важность церковно-Славянскаго языка, и слѣдовательно вліяніе этого языка на его рѣчь возможно, естественно, и даже не подлежитъ сомнѣнію.

И такъ вотъ что было передъ Ломоносовымъ, вотъ элементы, являвшіеся ему въ жизни Русскаго языка или вообще слова. Мы видимъ въ нихъ оправданіе Ломоносовскихъ латинизмовъ. Сверхъ того даже и у всѣхъ передъ нимъ, и у Петра Великаго была въ слогъ тяжелая конструкція; причина слѣдовательно тяжести языка должна была лежать въ другомъ (а не во вліяніи Латинскаго языка). Мы видимъ, что на этихъ элементахъ основывается тотъ синтаксисъ, который упрекаютъ въ латинизмъ,—конечно лишь болѣе стройный и болѣе развитый, чѣмъ въ нихъ. Языкъ Русской могъ согласно съ существомъ своимъ подняться въ эту высшую сферу языка, сферу общаго, открывающуюся тогда, когда общее пробуждается въ народѣ, — и онъ возвысился до нее; слѣдовательно сфера эта и формы общія языка принадлежать ему потому уже самобытно; въ существѣ его лежитъ возможность этихъ формъ, этого синтаксиса; въ немъ уже,—и въ національной его сферѣ, и такъ-же въ отвѣщенномъ развитіи мысли въ словѣ,—видимъ мы эти начала, и видимъ главное—свободу синтаксиса. Ломоносовъ былъ ге-

ніемъ языка, возведшимъ его въ эту высшую сферу; дѣло его было свободно, и формы, принятыя языкомъ, принадлежали уже ему вполне, вытекали изъ его духа, что, думаемъ, мы доказали. Однакожъ мы должны въ тоже время согласиться, что фразы Ломоносова имѣютъ отпечатокъ Латинской, собственно въ отбѣлкѣ внѣшней; что онъ обращалъ вниманіе на Латинскій языкъ, его избиралъ, иногда по крайней мѣрѣ, примѣромъ своимъ; но въ образѣ этого языка видѣлъ и находилъ онъ общее; онъ бралъ эти обороты какъ выражающіе общее въ языкѣ, обороты высшей его сферы и свойственные следовательно языку Русскому. Онъ бралъ ихъ, какъ достояніе языка Русскаго, и потому еще, что языкъ Русской, какъ именно Русской, самобытно имѣлъ ихъ или подобныя имъ въ себѣ, и изъятое повидимому изъ чуждаго не было чуждое; онъ занималъ съ полнымъ правомъ собственности,—и оборотъ какъ-бы вновь выросъ на Русской почвѣ, шелъ изъ Русскаго языка и съ помощію полной его свободы становился Русскимъ; языкъ Русской и церковно-Славянской, какъ мы видѣли, доказываютъ это и вполне оправдываютъ Ломоносова. Легкой, волнующійся отпечатокъ и нѣкоторыя употребленія Латинскія остаются сами по себѣ въ его слогѣ, не противорѣча существу дѣла. Конструкція Ломоносова, порядокъ словъ, наконецъ слогъ его—вполне Русской, выходитъ изъ элементовъ Русскаго языка.—Мы должны обратить здѣсь вниманіе на нѣкоторыя особенности слога Ломоносова, не противорѣчащія нисколько словамъ нашимъ. Сперва обратимъ вниманіе на отдѣльные слова, о которыхъ мы уже отчасти упоминали выше. Онъ употребляетъ слово *снести* вмѣсто *сравнить*: *снести своихъ и нашихъ предковъ* (¹); *тотъ* гдѣ мы употребляемъ *онъ* или даже *оный*; напр: *Дугу поставилъ въ знакъ покоя и*

(¹) Полн. собр. соч. М. В. Ломоносова. Спб. 1803. ч. 4, стр. 78.

тою съ нимъ завѣтъ чинилъ; предпринимая тѣхъ описаніе ⁽¹⁾; слово вѣнчій въ смыслѣ иностранный: имя Славянское поздно достигло слуха вѣнчійхъ писателей ⁽²⁾; слово одержать въ смыслѣ владѣть: Трояне одержали оныя земли. ⁽³⁾; слово поведеніе кажется въ смыслѣ развитія, хода впередъ, пути или скорѣе обычая; онъ говоритъ о Славянахъ: Кромѣ раздѣленія по мысламъ, разность времени отмѣняетъ поведенія ⁽⁴⁾; слово знатный въ смыслѣ великій, знаменитый, значительный: для знатнаго идольскаго пированія ⁽⁵⁾; слово пишетъ употребляетъ онъ, какъ обыкновенно въ грамотахъ, вмѣсто пишется, про Словенова сына Волхва пишетъ, что.... ⁽⁶⁾; даже: подтверждаетъ въ смыслѣ подтверждается: и то самое подтверждаетъ происхожденіемъ имени Колоксава ⁽⁷⁾; обыкновенность въ смыслѣ обычай, обыкновеніе; предлогъ за вмѣсто въ пользу; напр: за обыкновенность сихъ Варяговъ ходить на Римскія области яствуетъ изъ многократныхъ военныхъ нападений ⁽⁸⁾ и пр.; мы-бы сказали совершенно иначе: обыкновеніе или обычай.... яствуетъ, доказывается и пр.; советовать, что согласно съ древнимъ употребленіемъ, вмѣсто советоваться: советовавъ съ единомышленниками своими ⁽⁹⁾; порядочный въ смыслѣ устроенный, опредѣленный, какъ прилагательное, происходящее

(1) Полн. собр. соч. М. В. Ломоносова. Спб. 1803. ч. 1, стр. 71, ч. 5. стр. 80.

(2) Тамъ-же, стр. 88.

(3) Тамъ-же, стр. 90.

(4) Тамъ-же, ч. 3. стр. 94.

(5) Тамъ-же, стр. 99.

(6) Тамъ-же, стр. 104.

(7) Тамъ-же, стр. 119.

(8) Тамъ-же, стр. 138.

(9) Тамъ-же, ч. 3, стр. 145.

отъ порядка: устанавливать порядочныя дани ⁽¹⁾; поворотился въ смыслъ воротился; съ малымъ числомъ людей поворотился ⁽²⁾; любимъ употребляется какъ прилагательное *любимецъ*: былъ любимъ Ольга ⁽³⁾; густость въ смыслъ густоты: Гдѣ густостью животнымъ тѣсны ⁽⁴⁾; жалость въ смыслъ сожалѣнія, участія, любви: съ жалостію и радостію цѣловалъ мать и дѣтей своихъ ⁽⁵⁾; выпали въ смыслъ сдѣлали вылазку: сидѣвшіе *Росіяне изъ города выпали* ⁽⁶⁾; разсудить, съ внимательнымъ падежемъ, въ смыслъ обдумать или размыслить: *разсудивъ малое число своего войска*; ⁽⁷⁾ выступъ вмѣсто выступленіе: не позволяя жителямъ изъ него выступу ⁽⁸⁾ и т. п. Мы выписали преимущественно изъ Русской Исторіи Ломоносова; но эти и подобныя слова встрѣчаются вездѣ въ его сочиненіяхъ. Какъ Русской старинный оборотъ можно еще замѣтить: два сына *Петровы Болгарскаго Государя* ⁽⁹⁾; встрѣчаются иногда церковно-Славянскія формы; напр: одного *корене* (также примѣръ нами приведенный выше въ стихахъ); о *Славянехъ*; въ *Полянехъ* ⁽¹⁰⁾; но эти употребленія встрѣчаются скорѣе какъ опечатки; употребляется *еже*: *еже задолго прежде созданія монастыря Печёрскаго* ⁽¹¹⁾. Встрѣчается также и дательный, такъ называемый самостоятельный,—оборотъ, который кажется намъ нельзя рѣ-

(1) Поля. собр. соч. М. В. Ломоносова. Спб. 1803. ч. 3, стр. 148.

(2) Тамъ-же, стр. 161.

(3) Тамъ-же, стр. 168.

(4) Тамъ-же, ч. 1, стр. 126.

(5) Тамъ-же, ч. 5, стр. 175.

(6) Тамъ-же, стр. 188.

(7) Тамъ-же, стр. 183.

(8) Тамъ-же, стр. 222.

(9) Тамъ-же, ч. 3, стр. 176.

(10) Тамъ-же, стр. 155. 156. 159.

(11) Тамъ-же, стр. 128.

шительно отнять не только у церковно-Славянскаго, но и у Русскаго языка, оборотъ по крайней мѣрѣ сомнительный; напр: *приспѣвшу времени выходятъ поединщики на сраженіе; во рву коню его спотыкнувшись, отъ паденія повредилъ ногу* ⁽¹⁾; выраженія: *поклонясь садятся изумленнымъ лицомъ* ⁽²⁾ вмѣсто *съ изумленнымъ лицомъ*, взято со словъ Нестора. Мы находимъ періодъ, который не считаемъ вполне Русскимъ, по крайней мѣрѣ по мѣсту и отношенію слова: *который*,—періодъ Латинскій: *Чехи по описанію тогожъ Прокопія, жителствовавши на берегу Евксинскаго поита, которымъ въ прежнія времена ставилъ королей Римской Императоръ; а тогда ему уже не были ни въ чемъ послушны* ⁽³⁾. Но слѣдующее мѣсто, по слогу, признаемъ мы совершенно въ духъ Русскаго языка, что мы доказывали и объясняли выше: «Такимъ образомъ по единой крови и по общей пользѣ согласные между собою Государи въ разныхъ мѣстахъ утвердятся, шатающіеся разноплеменные народы члены крѣпкимъ союзомъ единодушнаго правленія связали. Роптать пріобыкшіе Новгородцы страшились Синеусова вспоможенія Рюрику; ибо онъ обладалъ сильнымъ Бѣлозерскимъ Чудскимъ народомъ, называемымъ Весью. Труворъ, пребывая въ близости прежняго жилища, скоро могъ поднять Варяговъ къ собственному и братьей своихъ защищенію. И такъ имѣя отовсюду взаимную podporу, беспокойныхъ головъ, которыя на избраніе Руриково не соглашались, принудили къ молчанію, и къ оказанію совершенной покорности, такъ что хотя Синеусъ по двулѣтномъ княженіи скончался, а Труворъ послѣ него жилъ не долго; од-

(1) Полн. собр. соч. М. В. Ломоносова. Спб. 1805. ч. 5, стр. 221:238.

(2) Тамъ-же, стр. 209.

(3) Тамъ-же, 112.

нако Рурикъ въ великій Новгородъ переселился, и надъ Волховымъ обновилъ городъ.» (1) Все это, какъ мы сказали, вполне согласно съ словами нашими, остающимися во всей силѣ.

Языкъ, какъ было уже объяснено, является сперва въ сферѣ разговора и вѣсть въ сферѣ исключительной національности, и здѣсь предстаетъ эта неорганическая фраза, способная и убавиться и прибавиться, безъ измѣненія во всемъ составѣ. Мы сказали, что языкъ вѣсть съ народомъ достигаетъ сферы общаго, гдѣ измѣняется, развивается, образуется иначе, оторванный отъ случайности разговора и перенесенный въ соответствующую сферу новому бытію своему, въ письменность, гдѣ является уже органическая фраза, фраза высшаго состава. И такъ всякой языкъ проходитъ эти степени развитія. Но языкъ Французскій, такъ какъ и народъ самый, выражающій въ себѣ національность по преимуществу, остался на степени языка разговорнаго, неорганической фразы, и, такъ какъ и народъ, не открылся для общаго; эта фраза неорганическая перешла и въ письменность; она стала необходимымъ условіемъ языка Французскаго, неспособнаго къ другой конструкціи, и въ немъ преимущественно живетъ она. Языкъ Нѣмецкій образовалъ въ себѣ твердую конструкцію, явное, видимое присутствіе общей мысли; оборотъ такой фразы сталъ необходимымъ закономъ въ его письменности, и какъ нельзя въ языкѣ Французскомъ образовывать замкнутую фразу, такъ напротивъ въ Нѣмецкомъ нельзя сказать фразу неорганическую; глаголъ на концѣ непременно въ извѣстныхъ случаяхъ долженъ быть поставленъ. И тамъ и здѣсь языкъ развившись, далъ себѣ неуклонныя формы, законъ необходимый, принудительный,

(1) Полн. собр. соч. М. В. Ломоносова. Спб. 1805. ч. 5, стр. 144.

ибо и тотъ и другой языкъ развили только стороны языка вообще, и тотъ и другой языкъ односторонни. Въ Русскомъ языкѣ напротивъ видимъ мы и ту и другую сторону, видимъ и тотъ и другой моментъ, видимъ полную всесторонность. Намъ доступна рѣчь неорганическая, Французская; но тамъ она необходимость, форма, въ которую отлился языкъ; у насъ напротивъ она свобода. Намъ доступна и твердая конструкція Нѣмецкая, составленная по глубокимъ основамъ языка, но тамъ она необходимость, принужденіе, у насъ — свобода. И такъ свобода — великое преимущество нашего всесторонняго языка! Но сверхъ того, что всесторонній духъ языка и вмѣстѣ полная его свобода, заключаютъ въ себѣ моменты, раздѣленные въ другихъ языкахъ, вельдствіе односторонняго развитія, сверхъ того, — полная свобода языка Русскаго, дѣлая доступнымъ ему обороты другихъ языковъ, давая самобытно ему на нихъ право, кроме развѣ индивидуальных такъ сказать особенностей, — обогащаетъ его безчисленнымъ разнообразіемъ оборотовъ и неимѣющихъ въ другихъ языкахъ, необыкновенною ихъ гибкостью, и вмѣстѣ съ тѣмъ кладетъ на всякой оборотъ отпечатокъ свободы, элементъ, въ которомъ живетъ и движется языкъ. Таково преимущество, свойство языка Русскаго, такъ глубоко совпадающаго съ глубокимъ существомъ самого Русскаго народа. Это свойство имѣетъ великое значеніе, которое можетъ быть предметомъ важнаго изслѣдованія. И такъ на языкъ нашъ являются только историческіе моменты языка, и ни одинъ не застѣивается на немъ, не дѣлаетъ его одностороннимъ, какъ это видимъ въ другихъ.

Нашъ языкъ, обладая этимъ свойствомъ свободы, перешелъ, какъ мы сказали, вмѣстѣ съ Ломоносовымъ въ высшую сферу языка, сферу синтаксиса органической фразы. Дѣло это вполне совершенно, вполне право; но между

тѣмъ, будучи такимъ, оно имѣетъ свою необходимую односторонность, односторонность историческую. Самое то, что Ломоносовъ пробудилъ въ языкъ общее, запечатлѣло его подвигъ. Мы говорили, что начало, введеніе самой свободы, самой истины будетъ все имѣть на себѣ ярко этотъ характеръ появленія, характеръ начала, и тогда лишь онъ исчезнетъ, когда введенное сдѣлается уже спокойнымъ достояніемъ. Такъ и здѣсь: перенесеніе языка въ сферу общаго, ставъ характеристикой, опредѣлило слогъ и придало ему односторонность; въ Ломоносовъ видно, что это собственно, совершилъ онъ: исторія по существу своему обозначила этотъ моментъ и ярко его отличила. Введеніе этого общаго элемента, исторически необходимо, стало отвлеченнымъ. И такъ признавая здѣсь въ Ломоносовскомъ языкѣ, такимъ образомъ характеръ, односторонности, мы признаемъ въ немъ отчасти и Латинское вліяніе, какъ фактически, такъ и по смыслу самому; ибо здѣсь общее, и по преимуществу общее, входило въ языкъ,—и какъ общее по преимуществу, явилось Латинское вліяніе, Латинскія фразы, которыя не противорѣча сабытному свойству Русскаго языка, сохраняли свой отвлеченный Латинскій характеръ; именно въ то время, въ которое они появились, этотъ какъ-бы чуждый характеръ фразъ (мы не говоримъ про всякую ихъ форму и вообще) имѣетъ значеніе оправдываемое моментомъ; это было не заимствованіе, скорѣе сочувствіе нашего языка съ Латинскимъ. До Ломоносова письменность была чужда языку; это не была пріобрѣтенная сфера, въ которой онъ получилъ свободное право гражданства; и потому вообще, касаясь бумаги, онъ или принималъ неловкія формы, подобныя тѣмъ, которыя встрѣчаемъ въ грамотахъ, формы пишущагося разговора, или принималъ формы отвлеченныя, тяжелыя, условленныя отчасти церковно-Славянскимъ, отчасти можетъ быть иностраннымъ синтаксис-

сомъ. Откуда-же причина этому? Причина лежитъ въ отвлеченности письменной, общей сферы, и вмѣстѣ въ той необходимой потребности имѣть ее, занять въ ней мѣсто. Этотъ характеръ письменнаго языка много объясняетъ языкъ Ломоносова противъ мнѣнія о латинизмахъ ⁽¹⁾

И такъ Ломоносовъ былъ первый индивидуумъ, возникшій въ исторіи нашей литературы и начавшій собою новый ея періодъ. Онъ оторвалъ Русской языкъ отъ исключительной національности и поставилъ существенныя, истинныя отношенія между имъ и церковно-Славянскимъ, ввелъ языкъ въ высшую сферу и далъ ему тамъ самобытное мѣсто, право гражданства. Вотъ великій подвигъ, осуществляющій въ себѣ великое значеніе Ломоносова! Но въ то же время дѣло, при всемъ своемъ совершенствѣ и полнотѣ, имѣло характеръ односторонности, состоявшей въ самомъ совершении этого дѣла, въ яркости выступленія этого общаго, долженствовавшего возникнуть въ языкъ Русскомъ; этотъ фактъ былъ историческимъ моментомъ. Дѣло Ломоносова, совершенное въ самомъ себѣ, явившись необходимо односторонностью, должно было развиваться, пойти далѣе. (Мы уже отвѣчали на обвиненія въ латинизмахъ, во вліяніи иностранномъ). Весь дальнѣйшій ходъ есть не что иное, какъ только развитіе его великаго подвига, ему вполне принадлежащаго.

Вслѣдъ за Ломоносовымъ, въ исторіи языка насталъ періодъ, развившій односторонность его дѣла; языкъ отвлескалъ, какъ-бы, вновь собственно одну сторону и имѣлъ характеръ новой отвлеченности. Тяжелая, твердая конструк-

(1) Что касается до вліянія Нѣмецкаго направленія, то нѣкоторые могутъ быть захотѣть видѣть его во многомъ употребленіи неопредѣленнаго наклоненія; тогда мы отсылаемъ ихъ къ Русскому народному языку, къ грамотамъ и другимъ письменнымъ памятникамъ, изъ которыхъ мы привели выше довольно примѣровъ. (См. выше).

ція являлась исключительно въ письменности, являлась тамъ какъ законъ, какъ необходимый образъ мысли на бумагѣ, слѣдовательно совершенно противно Русской свободѣ языка. Этотъ періодъ односторонности истиннаго подвига, выражавшійся также въ отлученномъ упогребленіи языка церковно-Славянскаго, наставшій вслѣдъ за Ломоносовымъ, разумѣется представилъ живѣе, присущую слогу послѣдняго, односторонность; тамъ она была принадлежностью самого явленія, здѣсь напротивъ взята была собственно одна односторонность и остальному внѣ этого вельно было молчать. Дѣло Ломоносова было понято (согласно съ ходомъ историческаго развитія), односторонне и односторонне стало развиваться. За Ломоносовымъ явилось множество писателей. Писатели сдѣлали себѣ необходимое правило изъ тяжелой конструкции, изъ славянизмовъ, взяли отвлеченно только эту сторону синтаксиса,—и такимъ образомъ образовался односторонній, тяжелый слогъ, удалявшій простую форму фразы. Это противорѣчило совершенно существу Русскаго языка, который допускаетъ свободно всѣ формы оборота. Сумароковъ, Державинъ, Херасковъ и др., всѣ имѣютъ этотъ общій характеръ въ слогъ и въ выборъ словъ. И если, у Державина особенно, проявляются слова простыя, то видна сейчасъ смѣлость ихъ употребленія, и это ясно въ то-же время показывается, что они не имѣютъ свободнаго права гражданства. И такъ, этотъ отвлеченный, односторонній, слогъ (при такомъ положеніи слога было сочувствіе съ Латинскимъ, Нѣмецкимъ, церковно-Славянскимъ языками), противорѣчившій существу Русскаго языка, сталъ тяготѣть надъ Русскимъ словомъ. Русское слово его не отвергало, но не его одного: оно не было исключительно. Самыя также тѣ выраженія, которыя кажутся тяжелыми, получаютъ другой характеръ, когда занимаютъ одно изъ мѣстъ въ словѣ,

когда при нихъ свободно становятся другія, когда они не исключительны, когда являются въ элементъ полной свободы. Направленіе это было ложно; ложь односторонности должна была обличиться; должна была вполнѣ быть оправдана другая сторона, сторона разговора. — Какъ защитникъ этой другой стороны, живой, законной и забытой въ языкъ при отвлеченномъ и тяжеломъ, господствующемъ присутствіи этого общаго, явился Карамзинъ. Карамзинъ подалъ голосъ въ пользу* разговорнаго языка и, имѣя полное право въ своей защитѣ противъ односторонности, возсталъ односторонне; его право дало ему силу; переворотъ былъ рѣшителенъ. Карамзинъ удалилъ языкъ въ другую крайность; онъ возсталъ за цѣлую сферу слова, вытѣсняемую изъ слога. Онъ былъ также неправъ, какъ и послѣдователи Ломоносова, но онъ также былъ правъ, какъ защитникъ стороны языка, и въ тоже время за него была историческая потребность. Онъ разторгнулъ эту твердую конструкцію мысли, онъ удалилъ эту органическую фразу и явилъ эту легкую, ничѣмъ не замкнутую, открытую конструкцію, неорганическую фразу; текущій слогъ его — эта вѣчно безконечная, доступная приращенію конструкція, — справедливый въ своемъ протестѣ, былъ рѣшительно неправъ самъ по себѣ, въ своей исключительности; онъ низвелъ языкъ со степени его могущества, его синтаксической силы; онъ явилъ намъ жидкую фразу, какъ нитка тянущуюся. Слогъ Карамзина, вообще, лишенъ силы, часто изнѣженъ и манеренъ, при видимой своей естественности. Карамзинъ въ слогъ своемъ, что и понятно, сочувствовалъ языку Французскому, и потому у него часто встрѣчаются галлицизмы. Объ немъ здѣсь кстати можно сказать то, что говоритъ о Французахъ Ломоносовъ: *Французы, которые во всемъ хотятъ натурально поступать, однако почти всегда противно своему намеренію чи-*

нлѣть. ⁽¹⁾ Если въ своей Русской Исторіи и возвращался онъ нѣсколько къ конструкціи болѣе твердой, то значеніе его состояло именно въ этомъ образованіи другаго слога, основаннаго на разговоръ вообще, и даже въ самой крайности его, вызванной крайностью противоположнаго направленія. Карамзинъ произвелъ послѣдователей или лучше все послѣдовало ему, и слогъ вдался въ другую односторонность. Карамзинъ былъ именно историческое лицо, историческій моментъ въ нашей литературѣ, такъ какъ мы выше опредѣлили этотъ моментъ вообще. Онъ не былъ поэтъ, онъ не могъ занять самостоятельнаго мѣста въ литературѣ. Слогъ, вотъ его сфера, сфера чисто историческая, и сфера, въ которой занимаетъ онъ такое великое, могущественное мѣсто. Направленіе имъ данное явилось въ своей односторонности; была разрушена крѣпкая органическая фраза; вмѣсто нея явилась фраза легкая, лишенная силы, фраза однимъ словомъ неорганическая. Она имѣетъ такое-же законное мѣсто въ нашемъ языкѣ, и обвиненіе на нее, какъ и въ предыдущемъ противоположномъ направленіи, падаетъ въ односторонности, которая даетъ ей типъ повсемѣстности, этотъ слабый, нетвердый характеръ, что уничтожилось-бы присутствіемъ другой стороны языка, и сама она, какъ мы сказали о фразѣ противоположной, получила-бы другой приличный ей характеръ и полное оправданіе и сохранила-бы всѣ неотрицаемыя права свои и все принадлежащее ей достоинство, явилась-бы какъ сторона въ общемъ элементъ свободы языка. — Это направленіе продолжалось или лучше продолжается и до нашего времени; въ пользу естественности и разговорности возстаютъ на коренныя формы языка, на никогда неотъемлемое его достоинствіе; вмѣстѣ съ защитой языка разговорнаго соединено

(1) Полн. собр. соч. М. В. Ломоносова. Спб. 1803. ч. 1. стр. 16.

нападеніе на церковно-славяннзмы (не только въ оборотахъ, но и словахъ), что очень понятно, ибо они проникнуты общимъ характеромъ. Здѣсь впрочемъ является уже крайность самаго Карамзинскаго направленія, до которой онъ самъ никогда не достигалъ и не хотѣлъ достигать. Крайность эта не имѣетъ силы, ибо она слишкомъ напряжена и искусственна и не можетъ сдержать крѣпкій и сильный языкъ. Крайность крайняго направленія, всегда болѣе доступная для людей ограниченныхъ, которымъ надо рѣзкое,—она думаетъ возставать на церковно-славяннзмы въ Русскомъ языкѣ; но въ такомъ случаѣ надо-бы вычеркнуть большую половину стиховъ Пушкина (¹) и др., прозы Гоголя; надо-бы уничтожить то, что составляетъ и силу и красоту языка, что составляетъ наше преимущество передъ другими. И такъ это одностороннее направленіе продолжается и до нашихъ дней. Но нельзя однако отрицать реакціи противъ него.

Какой-же результатъ такихъ направленій, такого развитія? Что-же такое нашъ языкъ, въ чемъ-же существо его? Мы видѣли два направленія послѣ великаго дѣла проникновенія языка общимъ, перенесенія его въ сферу общаго. Одно, прямо примыкаясь къ великому моменту, есть одностороннее слѣдствіе совершеннаго дѣла, слѣдствіе, объясняемое историческимъ развитіемъ; направленіе языка отвлеченно письменное, отвлеченно общее. Другое, какъ всегда при развитіи одностороннемъ, есть необходимое опроверженіе предыдущей односторонности, совершенно справедливое, но опять являющееся въ новой односторонности; направленіе языка отвлеченно разговорное, отвлеченно случайное. И то и другое было односторонне, и то и другое

(¹) Ея пѣвнители очн.... Ты мнѣ была свѣтлыней. Предъ ней-же я притворствовать не смѣлъ и пр. и пр.

имѣть право и мѣсто въ Русскомъ языкѣ, и то и другое являлось необходимо. Дѣло Ломоносова должно было получить полное развитіе. Неправо то, когда органическая фраза, необходимая, проникнутая строгостью построения, фраза мысли, имѣющая полную законность присутствія въ нашемъ языкѣ, исключала изъ его существа фразу легкую, случайную, разговорную. Неправъ Карамзинъ, когда возставъ за разговорную фразу и давъ ей мѣсто въ языкѣ, которое бесспорно она имѣетъ,—неправъ онъ, когда разрушилъ крѣпкую, желѣзную конструкцію, всю исполненную силы, когда не понялъ ея и замѣнилъ ее своею фразою. Это было новое притязаніе національнаго разговорнаго языка, отъ начала существующаго, притязаніе въ новой сферѣ языка, въ которой конечно должно выражаться все существо его письменности, въ которой и предъявили свои права, и разговорный случайный элементъ, и элементъ собственно мысли общей,—предъявила права свои, однимъ словомъ, великая свобода языка. Карамзинъ далъ языку разговорному это законное мѣсто въ письменности; но только мѣсто имѣетъ онъ, и ложно то, когда отвлеченно, односторонне убѣгаетъ замкнутой органической конструкціи, когда замѣняетъ ее, какъ почти до сихъ поръ, фразою мелкою, неорганическою. Результатъ этихъ направлений,—непрерывное соприсутствіе и той и другой стороны, не какъ двухъ односторонностей, но какъ двухъ сторонъ языка, въ элементъ свободы; существо нашего языка есть полная свобода слова. Этотъ результатъ не даромъ достался; онъ долженъ былъ быть определенъ развитіемъ, и онъ оправданъ развитіемъ. Но теперь односторонность должна уже исчезнуть, теперь мѣсто языку разговорному уже дано, и мы должны признать вновь другую сторону языка нашего, фразу органическую, фразу появившуюся впервые у Ломоносова и продолжавшуюся потомъ; признать,

напередъ, отрицаніемъ ея односторонности, не передъ появленіемъ другой стороны языка, но послѣ, какъ свободную, необходимую сторону языка. Мы должны дать другой характеръ фразѣ Карамзина, понять ее, не въ ея исключительномъ требованіи, но опять какъ только свободную сторону языка. Слогъ Карамзина не можетъ быть нашимъ слогомъ, взятый со всей его характеристикой, какъ историческій моментъ. Въ немъ слишкомъ слышно противодѣйствіе, освобожденіе, а освобожденіе не есть свобода. Да, теперь именно должны быть отданы права фразѣ органической не въ односторонности ея, а въ истинѣ. Существо нашего языка, повторяемъ, есть полная свобода слова.

Письменность уже по сферѣ своей отличается отъ разговора; писать такъ какъ говорить, не лзя; иначе надо было-бы также запинаться, перебивать свою фразу, вдругъ измѣнять конструкцію, и тогда такой письменный языкъ былъ-бы похожъ на языкъ нашихъ древнихъ грамотъ. Но письменность, являющая все существо языка, всѣ его элементы, имѣетъ въ себѣ элементъ разговорный, но очищенный отъ случайности разговора, но какъ элементъ. Когда мы защищаемъ органическую фразу, называемъ ее фразою письменною по преимуществу, мы нисколько не думаемъ признавать только ее одну въ письменности; это была-бы односторонность противная духу Русскаго языка. Мы вполне допускаемъ и разговорную фразу, вездѣ, гдѣ можетъ она явиться; мы только противъ ея притязанія исключить другую, органическую фразу. Вездѣ, гдѣ разговоръ и по формѣ и по содержанію, вездѣ имѣетъ она тамъ мѣсто, а особенно въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ, гдѣ самый разговоръ выступаетъ на сцену, какъ въ комедіяхъ Гоголя. Или лучше сказать, не назначая мѣсто ни той, ни другой конструкціи, мы признаемъ ихъ въ языкѣ, какъ образы (формы), въ которыхъ онъ является, какъ сопри-

существующіе его моменты, стороны. Мы должны опредѣлить и ту и другую конструкцію; все значеніе ихъ предстаетъ изъ опредѣленія ихъ существа; изъ этого явится и соответственность ихъ съ содержаніемъ; но неестественно назначить ихъ для употребленія тамъ или здѣсь и такимъ образомъ извнѣ наложить ихъ, какъ формы. И такъ отдѣливъ вообще письменность отъ разговора, посмотримъ, какое отношеніе между фразой общей органической и случайной неорганической въ письменности. Мы сказали уже, что въ разговорной фразѣ языкъ еще не оторвался отъ сферы случайности, въ ней нѣтъ твердаго сочлененія, проникнутаго мыслию; она вся полна блеска и движенія, полна жизни пролетающей, и какъ часъ къ часу, день ко дню, время ко времени, она можетъ прибывать, открытая всегда теченію времени; она вся говоритъ, но за то она вся въ случайности, вся предана ей, имѣетъ ея достоинства и недостатки, выгоды и невыгоды. Но эта живость случайности не есть еще предѣлъ развитія. Нѣтъ, духъ идетъ далѣе, отрывается отъ случайности и переходитъ въ сферу общаго. Такъ развивается и языкъ; отъ этой неорганической фразы переходитъ онъ къ другой, которая опять, какъ фраза, уже свободна отъ случайности, уже, какъ фраза, опять проникнута общимъ; это фраза органическая; мысль, общее проникло весь ея составъ, оторвало отъ случайности и организировало ее въ неколебимое цѣлое; въ ней является твердое сочлененіе, проникнутое мыслию; разговоръ съ своею случайностію безсиленъ передъ нею, не можетъ разрушить ея стройнаго состава; она возникла на почвѣ уединенной мысли, не въ звукахъ разговора, но въ молчаливомъ воплощеніи идеи, и ея сферою преимущественно можетъ назваться письменность. Это фраза общая, фраза мыслящая. Легкомысленно называть ее тяжелою и нападать на нее, не понимая ея.

Такая фраза есть торжество мысли въ словъ. Французы, эта національность по преимуществу, по преимуществу *только живущіе*, имѣютъ только неорганическую, случайную, разговорную фразу. Нѣмцы, не имѣющіе жизни національной, единственной, необходимой жизни народа, по преимуществу мыслящій народъ, имѣютъ преимущественно фразу мыслящую, общую, органическую. Благо намъ, что мы,—и мыслящій и живущій народъ, и національный и общій,—имѣемъ свободно и ту и другую, что свобода есть существо нашего языка, и ложно было-бы, еслибъ мы не признавали эту глубокую по своему составу, мыслящую органическую фразу. Напротивъ, согласно съ историческимъ положеніемъ нашего времени, мы отдаемъ полное, свободное гражданство въ нашемъ языкѣ фразѣ органической, и такимъ образомъ оправдывается и является въ своей истинѣ великое дѣло Ломоносова. Что касается до отношенія языка письменнаго къ разговорному, то я думаю мы уже выразили нашу мысль, мы опредѣлили уже его, опредѣливъ фразу органическую, по преимуществу письменную, и неорганическую, по преимуществу разговорную. Мы признаемъ въ письменности языкъ разговорный, очищенный уже самою сферою, признаемъ вполнѣ его право; но мы рѣшительно противъ его притязанія на какую-бы то ни было исключительность въ сферѣ нашей письменности.

Вмѣстѣ съ отношеніемъ фразы органической и неорганической, языка письменнаго къ разговорному, является отношеніе языка церковно-Славянскаго къ Русскому. Какъ въ направленіи до Карамзина были принимаемы церковно-славянизмы, такъ были они отвергасмы потомъ въ направленіи, данномъ Карамзинымъ, доведенномъ до крайности и продолжающемся до нашего времени. Ломоносовъ постановилъ отношеніе церковно-Славянскаго языка къ Русско-

му; но также какъ все его дѣло, о чемъ выше мы говорили, оно приняло характеръ односторонности. Языкъ церковно-Славянскій есть языкъ проникнутый весь общимъ, неупотребляемый въ разговоръ, но доступный всякому Русскому, доступный и для употребленія. Между нимъ и Русскимъ языкомъ лежитъ тѣсная связь, именно связь общаго, связь, освященная издавна его религіознымъ, общимъ значеніемъ. Слова церковно-Славянскаго языка оторваны отъ случайности, и всегда, когда языкъ нашъ наполняется общимъ содержаніемъ, являются они, имъ полные, и прекрасно придаютъ языку этотъ характеръ, совершенно свободно, безъ всякой дисгармоніи, являясь въ немъ, на правахъ общаго. Это не цитаты изъ чужаго языка, изъ Латинскаго напр. — это доступныя, родныя слова его, это нашъ общій языкъ, находящійся въ постоянной живой связи съ Русскимъ, вслѣдствіе общаго. Современнo съ первымъ, отвлеченно общимъ направленіемъ, онъ отвлеченно употреблялся, и ему придавалась также соответствующая исключительность, какая и замкнутой конструкціи вообще. Потомъ также отвлеченно отвергался онъ, во имя Русскаго языка; и тамъ и здѣсь было такое-же право и такая-же односторонность; отрицаніе его, и какъ вообще Карамзинское направленіе, продолжается и до нашего времени и также ложно. По этому пути мы-бы должны были отказаться отъ красотъ нашего слога. Нѣтъ, языкъ церковно-Славянскій имѣетъ постоянное значеніе для нашего языка; отношеніе и живая связь его съ нашимъ необходима и истинна; характеръ общаго, ему принадлежащій, проникаетъ каждое его слово и употребленіе словъ его дышетъ этимъ общимъ. Вѣчную пищу общей жизни хранитъ онъ для нашего. языка, и при его постоянно важномъ и общимъ характеръ, вполне разнообразно развивается и живетъ нашъ измѣняющійся языкъ; отношенія-же ихъ, какъ мы

сказали, родственны и какъ отношенія языковъ и въ то-же время какъ отношенія, освященныя исторіею. Языкъ церковно-Славянскій, какъ небо подымается надъ нашимъ языкомъ, и онъ величественъ и прекрасенъ какъ небо; и если мы не всегда готовы быть въ случайности, часто темной и ничтожной, если мы можемъ отвлечься отъ нея и поднять голову, то конечно церковно-Славянскій языкъ вполне тогда является намъ съ своимъ значеніемъ, вполне важенъ для насъ, и мы его понимаемъ. Мы опять должны прибавить, что здѣсь мы говоримъ собственно объ языкѣ, слогѣ, остаемся въ сферѣ языка и слѣдовательно говоримъ собственно о его достоинствахъ, свойствахъ, преимуществахъ, сущности. И такъ церковно-Славянскій языкъ имѣетъ право гражданства (въ словахъ и даже отчасти оборотахъ) въ нашемъ языкѣ. Мы признаемъ, что эти отношенія должны были быть вновь оправданы, принимая историческое условіе нашего времени. Эти отношенія вѣковѣчны, или что еще лучше выражаетъ, существенны. — И такимъ образомъ здѣсь вновь оправдывается и является въ своей истинѣ великое дѣло Ломоносова, положившаго отношенія между церковно-Славянскимъ и Русскимъ языками, такъ существенно связанныя съ его подвигомъ вообще.

Ломоносовъ возвелъ нашъ языкъ, оторвавъ его отъ исключительной національности, въ сферу общаго, далъ намъ органическую фразу (не стѣсняющую свободу языка) и вмѣстѣ опредѣлилъ отношеніе церковно-Славянскаго языка къ Русскому, что существенно въ его дѣлѣ. Ломоносовъ далъ намъ языкъ (письменный, общій), можемъ мы сказать. Все дальнѣйшее развитіе есть только оправданіе его великаго дѣла; и только теперь является полное его значеніе, его правда.

Какъ-бы мы ни ушли далеко, мы всегда будемъ пользоваться плодами его положительнаго дѣла, дѣла свободнаго и истиннаго.

III.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Мы опредѣлили Ломоносова, какъ историческій моментъ, мы видѣли значеніе его въ слогъ. Но существо момента здѣсь еще не исчерпывается вполне. Моментъ можетъ быть чисто историческій (историческимъ онъ необходимо долженъ явиться), и можетъ идти далѣе, имѣть постоянное, самобытное, положительное значеніе. Мы говорили выше о такомъ осуществленіи момента въ его опредѣленіяхъ и о различіи его въ нихъ. Таковъ вопросъ, представляющій намъ теперь, вопросъ о полномъ осуществленіи или о мѣрѣ осуществленія момента. Съ этой точки зрѣнія должны мы разобрать изслѣдуемый нами моментъ, а потому должны рассмотреть, имѣетъ-ли Ломоносовъ, будучи явленіемъ въ сферѣ литературы, гдѣ мы его рассматриваемъ, только историческое значеніе,—въ слогъ, или имѣетъ онъ значеніе и для себя, поэтическое,—другими словами: поэтъ-ли онъ?—Значеніе момента вообще и его полное опредѣленіе вытекаютъ изъ его существа. Мы должны видѣть здѣсь, не изъ существа-ли рассматриваемаго момента, не изъ значенія-ли Ломоносова, какъ момента, вытекаетъ уже, что онъ поэтъ? И если это такъ, то какимъ именно

образомъ такое опредѣленіе осуществляется, выражается далѣе; какія условія принимаетъ оно; какъ именно и въ чемъ становится оно вполне живымъ явленіемъ, и какое въ то-же время личное значеніе, достоинство Ломоносова? Здѣсь является Ломоносовъ вполне уже какъ лицо.

Значеніе, которое имѣетъ Ломоносовъ какъ моментъ, есть значеніе индивидуума въ литературѣ. вмѣстѣ съ явленіемъ его разрушается сфера исключительной національности (особности); вмѣстѣ съ нимъ является, только съ нимъ вмѣстѣ могущее явиться, общее. Это значеніе Ломоносова какъ индивидуума осуществляется въ языкѣ, который былъ (не только относительно содержанія, но и относительно самой формы, самого слога) — имъ оторванъ отъ выраженія народа, національно опредѣленнаго, и сталъ выраженіемъ лица и вмѣстѣ съ тѣмъ общихъ интересовъ (опять не только относительно содержанія, но и самого слога). 'Самое существо явленія индивидуума выражаетъ великій моментъ литературы, не только внѣшнія историческія судьбы, но моментъ внутренній; съ индивидуумомъ открывается внутренній міръ. Значеніе индивидуума есть необходимо личность; только индивидуальная сила, одаренная слѣдовательно всею энергіею индивидуума, только личная природа, конкретизирующаяся какъ одинъ индивидуумъ, могла произвести все это. Первое такое явленіе индивидуума, въ литературѣ, первое лицо есть *авторъ*, поэтъ, возставшій изъ безграничной національной сферы. И такъ здѣсь самое значеніе существа момента требуетъ лица, безъ силы котораго, какъ лица, не возможенъ такой подвигъ. Это понятно; ибо явленіе лица, индивидуума вообще, могло совершиться только лицомъ, индивидуумомъ; здѣсь-же, въ этой сферѣ, индивидуумъ есть поэтъ. Ломоносовъ исполнилъ это дѣло, слѣдовательно Ломоносовъ необходимо лицо, поэтъ.

Посмотримъ-же теперь, какое осуществленіе долженъ принять моментъ и въ чемъ состоитъ особенность Ломоносова.

Мы говорили, что языкъ самый оторвался отъ сферы національности; мы сказали, что въ немъ выразилось значеніе момента; но въ тоже время дѣло это, возведеніе его въ сферу общаго, постановленіе его вмѣстѣ съ тѣмъ личнымъ глаголомъ, не могло быть дѣломъ внѣшнимъ: оно требовало личной силы, энергіи и восторга, по существу своему будучи внутреннимъ подвигомъ, важнымъ переворотомъ, положительнымъ началомъ новой сферы, дѣломъ, требовавшимъ творчества; и такъ самое дѣло это въ языкъ должно было быть *поэтическимъ*.—Вотъ прямое опредѣленіе, требуемое самимъ моментомъ, требуемое историческою его сферою, языкомъ, слогомъ,—которая въ этотъ разъ только личною, поэтическою и для себя имѣющею значеніе, силою, впервые проступившею наружу, могла оживиться, могла откликнуться на зовъ лица только. Следовательно языкъ самъ есть первое опредѣленіе поэтической дѣятельности; поэтическая сила должна была проявиться въ языкѣ.

Здѣсь обратимъ мы вниманіе на мѣсто, которое занимаетъ языкъ въ поэзіи, какъ и на самый языкъ вообще; опредѣлимъ отношеніе языка къ поэзіи, и далѣе значеніе стиха.

Языкъ, это необыкновенное, чудесное явленіе, каждый день повторяющееся; это необыкновенное существованіе всего сущаго міра въ новыхъ соотвѣтственныхъ формахъ, но созданныхъ на почвѣ сознанія, но проникнутыхъ его духомъ и даже подвластныхъ человѣку,—языкъ есть необходимая принадлежность разума, конкретно явившаго, выразившаго обладаніе природою чрезъ сознаніе и только

чрезъ это обладающаго ею; языкъ—это существо человека, — это человекъ самый. Онъ не можетъ быть только просто знакомъ; нѣтъ, надо было имѣть равномерно конкретное бытіе, чтобы выразить конкретное бытіе сущаго вокругъ міра, и языкъ имѣетъ это равномерно конкретное бытіе, только уже въ другой сферѣ, только въ сферѣ проникнутой сознаниемъ, и выстъ уже въ другой и вѣншей сферѣ существованія, въ сферѣ звука, звука опредѣленнаго, достигающаго тѣмъ до высшей степени, и именно буквы, слога и слова. Мы не станемъ далѣе распространяться о языкѣ въ такомъ отношеніи; это можетъ быть предметомъ изслѣдованія, разсужденія и собственно грамматики. Мы упомянемъ здѣсь объ языкѣ въ этомъ отношеніи столько, сколько намъ нужно для нашего предмета.

И такъ языкъ по существу своему, не какъ знакъ или намѣкъ, а конкретно, выражаетъ весь сущій міръ. Первое объективированіе природы въ языкѣ; первое оторванное отъ случайности ея созерцаніе, безцѣльный разсказъ о томъ—разумѣтся, изященъ. Но языкъ имѣетъ разныя судьбы и служить разнымъ цѣлямъ. Иногда передавая движенія человеческого духа или быстрыя его созерцанія вѣншаго міра—передавая съ тѣмъ-же совершенствомъ конкретного бытія,—языкъ самъ однако-же, какъ языкъ, какъ-бы удаляется, только становясь потокомъ, на которомъ гордо несутся постороннія явленія; слово какъ будто неудерживаетъ нетерпѣливо излетающей изъ него мысли, какъ-бы остается пустымъ, лишеннымъ соразмѣрнаго содержанія. Здѣсь языкъ является какъ-бы средствомъ, но это только видимость; нѣтъ, и здѣсь онъ не средство. Во-первыхъ если-бы даже и принять это, и принять, что выработавъ сознательное явленіе всего бытія, онъ удалился, какъ-бы снизошелъ до знака, то и тогда, только это выработаніе могло дать ходъ мысли и развитію вообще человека; слы-

довательно оно всегда тутъ уже въ результатъ, и только всегдашнее присутствіе этого знака, если угодно, даетъ возможность идти развитію своимъ путемъ; первое предположеніе ложно и объясненіе его само собою его разрѣшаетъ. Но, во-вторыхъ, языкъ никогда не становится знакомъ; видимо мысль, какъ-бы уносится изъ слова, какъ-бы становить его своимъ орудіемъ и средствомъ; между тѣмъ въ самомъ высшемъ своемъ полетѣ, своемъ существованіи, она носить на себѣ это слово, отвлекаемое вмѣстѣ съ нею; конечно поблѣднѣли краски слова, не видать его богатой, сложной организаціи; оно стало тѣнью, и только какъ тѣнь можетъ нестись за мыслью въ ея высшихъ стремленіяхъ, въ сферѣ, гдѣ все исполнено свѣта, въ отвлеченномъ ея движеніи; или за созерцаніемъ въ его быстромъ движеніи, когда созерцаніе не останавливается, не медлитъ на предметахъ, а несется къ какой нибудь цѣли, и съ быстротой его ничто сравниться не можетъ. Но слово тутъ и безъ него нѣтъ и не было-бы мысли: и всегда остановившись, можно взглянуть въ конкретность его существованія, выраженія, формы. Съ другой стороны и слово само по себѣ не остается какъ-бы одно, покинутое мыслию, совершающею собственно для себя быстрый ходъ своего развитія, идущую идеальнымъ своимъ путемъ. Въ немъ всегда мысль; слово выразило ее; духъ сознанія его создалъ; мысль воплотилась въ этотъ свой чистый, высокій духовный организмъ слова,—и нераздѣльна связь мысли съ словомъ, какъ нераздѣльна связь содержанія съ выраженіемъ, идеи съ формою, конкретно выразившаяся. Нераздѣльно существуетъ связь и тогда, когда мысль достигаетъ высшей отвлеченной, чистой своей сферы, но гдѣ также есть выраженіе и гдѣ даже есть конкретное, доведенное до самаго чистаго, тончайшаго существованія. Но здѣсь есть разница между полнымъ созерца-

нія языкомъ и между языкомъ служащимъ повидимому, какъ орудіе; здѣсь есть освобожденіе, если угодно, изъ непосредственной созерцательности слова въ ту сферу, гдѣ утончившееся слово едва прикрываетъ мысль, гдѣ слово только даетъ чувствовать мысль, его переступающую, гдѣ слово все проникнуто сквозящею сквозь него мыслию, гдѣ слово повидимому становится орудіемъ. Такъ, но это освобожденіе совершается въ сферѣ самого-же слова, если будемъ мы смотреть на него и на отношеніе его къ мысли,—точно такъ-же, какъ и въ сферѣ духа совершаются всѣ его моменты, точно такъ-же, какъ и романтическое искусство, перешагнувшее уже какъ-бы за форму, все имѣетъ форму художественную, все искусство, все конкретно выражается. Или лучше сказать точно тоже представляется намъ и міръ самый. Но какъ въ цѣломъ мірѣ явленія могутъ приниматься съ самой обыкновенной стороны, такъ и въ словѣ. Только искусство возвышаетъ изящно образъ, непосредственно отрывая его въ тоже время отъ случайности, отъ грубой дѣйствительности; только искусство совершаетъ точно тоже въ словѣ. Сказать, что слово знакъ, невозможно; въ такомъ случаѣ все только знакъ. Не въ самомъ-ли воззрѣніи на міръ лежитъ его отвлеченіе?—Міръ имѣетъ объективную жизнь, которая все таже; я прошелъ мимо дерева, мимо рѣки, они промелькнули передо мною, едва нарисовавшись въ воображеніи моемъ; но дерево тѣмъ не менѣе покрыто зелеными листьями, возвышаетъ свои вѣтви, углубляетъ корни и медленно шумитъ въ движеніи вѣтра, такого-же явленія природы какъ и оно; — и рѣка катитъ свои волны, моетъ берега, отражаетъ и горы и деревья;—и жизнь природы также полна и конкретна какъ всегда, и не заботится о человѣкѣ. А человѣкъ?—Человѣкъ преданъ другому закону; онъ не имѣетъ за собою этой сферы непосредственной жизни; въ немъ живѣтъ духъ,

вѣчно стремящійся впередъ. Среди вѣчно готовой природы стремится какъ-бы вѣчно не готовый человекъ! Разумъ вѣчно работаетъ, подвигается далѣе и далѣе; внутренняя природа его безпрестанно измѣняется, — другой взглядъ, другое мнѣніе, другая внутренняя объективность; и часто движеніе и трудъ разума измѣняютъ наружность человека, потрясаютъ его физическую жизнь, которою принадлежитъ онъ природѣ. Много путей ему, много переходовъ; много внутреннихъ потрясеній, много темныхъ невѣдомыхъ никому битвъ, глухихъ испытаній и бореній въ каждой индивидуальности. Свой неизмѣняемый образъ, принадлежащій природѣ, облекъ онъ измѣняемою, сообразною съ его развитіемъ одеждою, на которой лежитъ тоже печать духа и такъ и наружность, и образъ самый сталъ измѣняемымъ, человѣческимъ, сталъ также принадлежать человеку. Развитие, вотъ путь, вотъ жизнь человека. — Слово, этотъ міръ, эта природа человека, имѣетъ также свою объективность. Эта объективность близка развивающемуся духу, вся имъ проникнута, она не то, что природа; она вознесена къ нему и потому отторженія здѣсь быть не можетъ, ибо она выражаетъ самое его отторженіе. Это объективность прозрачная, если можно такъ сказать; слово какъ-бы просвѣчивается. Слово показываетъ степень сознанія, употребляемое и какъ орудіе: это самое здѣсь ее обозначаетъ; въ томъ близость его къ духу, что онъ можетъ явить его предметомъ и воплощеніемъ всей своей дѣятельности, всего своего многосторонняго развитія. Но здѣсь, сказавъ о словѣ вообще, мы не сказали о словѣ въ искусствѣ. Слово цѣлый міръ, оно служитъ всѣмъ интересамъ, всѣмъ областямъ духа; оно служитъ всему, что только, какъ-бы то ни было, выражается человекомъ; какъ цѣлый міръ, оно все въ себѣ заключаетъ, и употребляясь орудіемъ, мы сказали, оно сохраняетъ свою объективность; отвѣченно яв-

лется оно въ философскихъ созерцаніяхъ, служить средствомъ въ точныхъ, матеріальныхъ, индустріальныхъ сѣдѣніяхъ, въ нуждахъ чловѣка. Здѣсь является механическое пониманіе слова, похоже на то, какъ изъ живыхъ, самобытныхъ деревьевъ строится хижина. Другое значеніе имѣетъ оно въ искусствѣ. Тамъ, въ этой прекрасной изящной области слово не средство. Здѣсь является другая задача; здѣсь въ образъ и именно въ образъ слова, этомъ соразмѣрномъ образъ духа, является изящная, объективная дѣятельность: поэзія. Уже какъ матеріаль, слово имѣетъ здѣсь мѣсто и долю, и сверхъ того какой матеріаль! матеріальъ вполне конкретный и созданный, проникнутый духомъ. Здѣсь является его существенная сторона; здѣсь именно выраженіе въ словъ берется въ соображеніе, и слово становится частью созданія, имѣетъ значеніе какъ слово, выражающее въ своемъ великомъ устройствѣ непосредственно мысль искусства. Существенное дѣло искусства есть оторваніе отъ случайности; во всѣхъ сферахъ своихъ совершаетъ оно это дѣло. Слово, само по себѣ взятое, есть цѣлый міръ, оторванный отъ случайности, простирающійся надъ всѣмъ природнымъ міромъ; по этому слово само по себѣ уже изящно. И такъ языкъ, самъ по себѣ, простое выговариваніе, *вѣщаніе*, есть уже изящное явленіе; но разумеется, когда здѣсь именно возвыщается то, что есть,—и слова по этому, насупротивъ природы т. с., сохраняютъ весь свой полный смыслъ, все свое равновѣсіе. Когда такимъ образомъ выговариваетъ чловѣкъ свое созерцаніе, оставаясь во глубинѣ и не стремясь за предѣлы слова, онъ производитъ изящное, это — просто созерцаніе и выговариваніе того что есть, но въ тоже время это—высшая, совершеннѣйшая поэзія, это поэзія слова, въ глубокомъ, всеобъемлющемъ смыслѣ этого выраженія. Первобытное созерцаніе и первобытное слово таково, что оно

видитъ и наполняется совершенно созерцаемымъ предметомъ при всемъ существѣ своемъ, при всемъ достоинствѣ и высотѣ, какъ созерцаніи. Это слово, обращенное лицомъ къ природѣ такъ сказать, ее изящно отражающее, возвышающееся надъ нею, являющее все свое величіе уже присутствіемъ и существомъ, дѣломъ своимъ, — во всей простотѣ, во всемъ спокойствіи, какъ сама природа. Это признаніе и сознаніе природы; это человѣкъ ставшій среди природы и взирающій на нее; ибо взоръ его, взоръ духа, сознающій и тѣмъ сознаніемъ приобретающій себѣ, признающій и возвышающій природу, — есть слово, въ простомъ и существенномъ значеніи. — Такова поэзія древнихъ. Нужды здѣсь не смущали человѣка; никакія другія стремленія, ни внутреннія, ни матеріальныя, не увлекали его; взглядъ его былъ устремленъ на міръ и видѣлъ весь міръ. — Но слово не осталось и не могло остаться въ такомъ положеніи; человѣкъ имѣетъ свой путь, свои заботы, свою частную жизнь, свою частную природу и свои новыя требованія, перешагивающія за границы природы собственно. Слово послѣдовало съ нимъ; оно стало выраженіемъ его нужды, стало выраженіемъ его человѣческой жизни, стало ему орудіемъ, — и возмущалась его созерцательная ясность, поблѣднѣли его краски, сталъ отвлеченнымъ его образъ. Искусство, поэзія, хранившая слово какъ соразмѣрный себѣ образъ, сама поэзія уже иначе обладала имъ, уже не то было оно и въ поэзій. Искусство въ другихъ сферахъ, переходя отъ одного момента къ другому, избирало новый образъ; такъ архитектура, скульптура, живопись, музыка; но въ поэзій не такъ: слово облакаетъ близко духъ самый, есть его созданіе, въ немъ собственно онъ живетъ и движется. Какъ его созерцаніе, его сознаніе, простирающееся надъ всѣмъ, простирается и оно надъ всею природою и надъ всѣми временами, выражая въ себѣ всѣ эпохи, состоянія и переходы.

ды жизни. Здѣсь искусство не беретъ себя новыхъ формъ; нѣтъ, въ словѣ совершаетъ оно свой путь, слово все выражаетъ сознаніе, такъ, что движеніе духа и именно движеніе искусства, всѣ переходы его, въ немъ являются; и самое отношеніе, въ которомъ находится духъ къ слову, то мѣсто, которое оно занимаетъ, выражаетъ степень и характеръ развитія.

Мы говорили о первомъ его характерѣ; при дальнѣйшемъ развитіи, когда человѣкъ пошелъ своимъ путемъ, то и слово стало его орудіемъ, какъ будто сопровождая его на этомъ пути. Среди новаго состоянія, среди новыхъ нуждъ и потребностей и успѣховъ, съ одной стороны мелкихъ, матеріальныхъ, вѣшнихъ, съ другой стороны возвышенныхъ движеній мысли и сознанія, — слово быстро являлось въ умъ и устахъ человѣка; едва касаясь его, шелъ онъ и развивался, оно стало какъ будто намекомъ, равновѣсіе его нарушилось; оно какъ-бы подчинилось другимъ интересамъ. Вспомнимъ, что слово облекаетъ собою цѣлый міръ; въ его области всѣ возможныя явленія находятъ мѣсто, его сфера необходима человѣку какъ воздухъ, какъ условіе его существованія; мы говорили о томъ отношеніи, которое получаетъ этотъ міръ слова къ природѣ, о томъ естественномъ его изяществѣ; но мы сказали, что это не осталось и не могло оставаться такъ, и что слово потеряло свой просто изящный характеръ. Сопутствующее человѣку, оно съ нимъ вмѣстѣ пошло далѣе; вмѣстѣ съ этимъ утратился характеръ его созерцательности, утратилось его отношеніе. Переменилась самая жизнь—и вмѣстѣ утратилось свойство *повсемѣстности*, такъ сказать, его изящества; оно само стало другимъ, выражая другое. Иначе явился человѣкъ, и слово, какъ и всегда, обхватывало и теперь всѣ его интересы, всѣ самыя мелкія и устыя стороны его жизни. Слово стало отвлеченнымъ,

мо все-же самая отвлеченность слова, самое значеніе его въ этой сферѣ ему-же принадлежитъ; и какъ-бы ни былъ блѣденъ его образъ, но этотъ образъ—его, и никогда орудіе и намекъ; красота его какъ-бы ни была отвлеченна, все его красота; оно никогда не терлеть своей самостоятельности. Въ другихъ искусствахъ среди природы, человекъ создавалъ, могъ взять одинъ предметъ, бросить другой, могъ выбрать, однимъ словомъ,—и являлось изящное созданіе, свободное отъ окружающей жизни природы. Но здѣсь иное, здѣсь человекъ постоянно въ словѣ, въ томъ словѣ, которое для всего ему служить. Если-бы намъ сказали, что всякое явленіе природы, также въ природѣ; на это мы можемъ сказать: во 1-хъ, что связь общая жизни есть здѣсь конечно; но эта связь ставитъ и человека съ словомъ сюда-же разнища-же, собственно природы въ другомъ заключается. Здѣсь не находимъ мы этой общей среды, общаго слѣдовательно матеріала, изъ котораго-бы создана была природа; тогда какъ слово въ одну свою общую сферу собралъ, совлекло всю природу, давъ ее сознанію человека. Во 2-хъ, мы видимъ, какъ природа измѣняется подъ рукою человека, слѣдуетъ новымъ законамъ; природа не ваяетъ, и мраморъ не принимаетъ у нее формъ скульптуры, ни масса—строеній архитектуры, ни краски—видовъ картины, ни звуки—явленій музыки. Здѣсь не ея развитіе; здѣсь вездѣ человекъ къ ней касающійся и измѣняющій ее; но въ словѣ опять иное, здѣсь человекъ въ своей средѣ, здѣсь все его; съ тѣхъ поръ какъ изъ звука явилась буква, явилось слово,—оно все созданіе и достоиніе человека. И такъ здѣсь не выходитъ человекъ въ иную сферу, и слово не подлежитъ другимъ, чуждымъ ему, его измѣняющимъ, законамъ, чтобы такъ отрываться отъ случайности. Все, что ни творится и ни образуется, есть развитіе самого слова, всюду развиваются его за-

конь; здѣсь нѣтъ чуждаго дѣянiя, здѣсь внутреннiй путь должно совершать оно; дѣло чловѣка здѣсь свое; слово само создано чловѣкомъ отъ природы. А оно, какъ мы сказали, обхватываетъ собою весь мiръ, всѣ дѣлiя чловѣка и выражаетъ всѣ его состоянiя, все, что ни производитъ онъ, и даже самое отвлеченное и мелкое.

Среди этой жизни, обращенной въ другую сторону, полной другихъ интересовъ, въ тоже время мелкой и ничтожной, слово само получило характеръ достойный ея состоянiя. Среди жизни уже другой, является, не какъ зеркало ея, не простирающаяся надъ нею, но какъ область въ ней,—поэзiя. Поэзiя сама уже не можетъ быть та, что была прежде; содержанiе ея, также и жизнь перемѣнились; она отрываетъ отъ случайности эту жизнь; передъ ней падаетъ въ прахъ все мелкое, все корыстное и низкое,—и то высокое стремленiе, которое несетъ въ жизни съ одной стороны,—та скорбь и горькая насмѣшка, юморъ, съ другой,—одушевляютъ ее. Этой жизни служитъ слово; и, поэзiя отрывая жизнь отъ случайности, при этомъ новомъ состоянiи жизни чловѣческой, себѣ преданной, не удовлетворяясь созерцанiемъ жизни: — съ одной стороны, отрывая ея благородное внутреннее стремленiе, съ другой, противопоставляя ей, ея образу, болѣе или менѣе чловѣческiй юморъ,—поэзiя отрываетъ отъ случайности и самое слово; тогда какъ прежде слово само было оторванiе отъ случайности и было уже потому излишно; въ поэзiи является эта вѣчно прекрасная и великая область, великое благородное наслажденiе, дѣятельность чловѣка, освобождающая чловѣка отъ случайности и дризга жизни, дающая миръ его душѣ, дающая простое, чловѣческое наслажденiе. Поэзiя, вѣчная хранительница благороднаго существа духа, вѣчная увѣрительница во всей глубинѣ и возвышенности, во всей необходимости и истинѣ, безко-

нечности его; она такъ просто хороша, и она никогда не оставитъ міръ, какъ никогда не оставитъ человѣка его человѣческое достоинство. Поэзія, это существенная принадлежность человѣка; конечно идя вслѣдъ за его движеніемъ, иное высказывала она, иной характеръ имѣло и въ ней слово; но это была все-же она, поэзія, глубоко человеческую живую потребность осуществляющая: безъ нея, еслибъ это можно было вообразить, міръ представилъ-бы ледяную поверхность, страшную отвлеченность, жизнь, въ которой-бы не было сердца. Человѣкъ не долженъ забывать ее; это глубоко понималъ великій Шиллеръ; такъ говоритъ онъ:

Berauscht von dem errungnen Sieg.
 Werlerne nicht die Hand zu preisen.
 Die an des Lebens ödem Strand
 Den weinenden verlassen Waisen,
 Des wilden Zufalls Beute fand,
 Die frühe schon der Künftigen Geisterwürde
 Die junges Herz im Stillen zugekehrt
 Und die besleckende Begierde
 Von deinem zartem Busen abgewehrt (1)

Въ поэзіи вновь является изящнымъ слово, вновь во всемъ благородствѣ предстаётъ оно и, не имѣющее уже созерцательнаго характера, какъ прежде, оно своею-же силою, какъ слово, выражаетъ, осуществляетъ внутреннее духа человѣческаго, содержаніе поэзіи, какой бы ни было. Поэзія по существу своему уже признаетъ слово, и какъ слово; поэзія, какъ непосредственное представленіе истины въ образъ ей соразмѣрномъ, признаетъ слѣдовательно ея образъ и непосредственность и сохраняетъ какъ мате-

(1) Schillers sämtliche Werke 1838, Stuttgart und Tübingen ч. 1. стр. Die Künstler.

ріалъ. Но здѣсь еще сверхъ того является значеніе самого слова облекающаго собою, заключающаго въ себѣ, воплощающаго весь человѣческій міръ. И такъ среди этой жизни, только поэзія освобождаетъ слово отъ случайнаго, мелкаго, подчиненнаго употребленія; въ поэзіи слово находитъ свое оправданіе, обновленіе, достоинство. Вспомнимъ съ другой стороны, что когда слово имѣло въ первобытныя времена все свое значеніе, было самостоятельно такъ сказать,—оно было уже поэтическимъ. Слово вообще есть уже актъ поэтической, оторваніе отъ случайности цѣлаго міра, явленіе его въ новомъ образѣ; такъ и было прежде, когда оно стояло лицомъ къ природѣ. Потомъ, когда жизнь человѣка замѣшалась, когда онъ пошелъ далѣе и когда слово потеряло и свою самостоятельность и свое поэтическое значеніе, тогда поэзія среди жизни часто мелкой, часто ничтожной или преданной другимъ интересамъ, является вновь; тогда вмѣстѣ съ тѣмъ *оправляетъ* (реабилитируетъ) она слово, освобождая его отъ случайности, отъ подчиненности, получающее въ ней вновь свое самостоятельное и изысканное значеніе. И такъ поэзія отрываетъ здѣсь отъ случайности и жизнь и слово, и въ свою очередь дѣлаетъ его поэтическимъ. Связь здѣсь опять, какъ съ необходимымъ матеріаломъ, также полна и свободна.

Отсюда видимъ, что языкъ въ поэзіи имѣетъ другое, болѣе настоящее, значеніе, нежели въ другомъ мѣстѣ; какъ языкъ, предстаетъ онъ съ своимъ богатствомъ, со своею силою. Въ поэзіи и для поэзіи имѣетъ онъ самостоятельное мѣсто. Поэзія въ свою очередь, являя въ словѣ имъ признаваемомъ свою дѣятельность, свое изысканство, свои тайны, открываетъ въ немъ новыя стороны, какъ въ словѣ, воспитываетъ его, такъ сказать; она дружна съ нимъ. Хотя конечно другое значеніе имѣетъ слово въ послѣдующія времена, когда сила поэзіи освобождаетъ его и вновь воз-

вращаетъ ему его права; но все-же слово, значить въ поэзіи какъ слово, имѣть въ ней свою самостоятельность, и измѣненіемъ своего значенія не теряя значенія своего самостоятельнаго, оно выражаетъ также степень, характеръ въ поэзіи, въ которой болѣе или менѣе выражается характеръ времени, степень, особенность человѣческаго развитія вообще. (Объ этомъ мы уже говорили).

И такъ видѣвъ, какое важно, самостоятельное значеніе имѣетъ слово въ поэзіи, посмотримъ, что сдѣлалъ собственно Ломоносовъ, какъ поэтъ, для Русскаго слова, что принесла собственно поэзія слову у насъ, какъ ознаменовалось оно собственно въ поэзіи.

Ломоносовъ былъ поэтъ; это выходитъ, какъ мы сказали прежде, изъ существа самаго момента. Но это стараемся мы показать при разсматриваніи самаго его, самыхъ его произведеній, прежде всего, какъ мы сказали, въ языкъ; ибо здѣсь языкъ самый долженъ былъ и могъ выразить поэтическое само по себѣ начало. Въ языкъ должна была и могла явиться личность поэтическая. Далѣе возникаетъ вопросъ: въ чемъ выразилась именно личность поэта Ломоносова, его особенность; потомъ намъ должно предстать поэтическое лицо, элементъ, талантъ самаго поэта, и наконецъ мы должны увидѣть, какъ собственно *выразился* этотъ моментъ языка и поэтъ Ломоносовъ. Мы должны *прочестъ* стихи его; здѣсь моментъ требуетъ полной конкрѣціи, здѣсь не примѣры уже, а полное конкретное явленіе.

Ломоносовъ писалъ много и въ прозѣ и въ стихахъ. Цѣль его жизни, его дѣятельности была наука или лучше просвѣщеніе; стихи, поэзія не наполняли его жизни; онъ писалъ много намеренно; въ его запискахъ находимъ замѣтку: *писать оду*. Это многіе ставятъ ему въ упрекъ и, найдя далѣе, отвергаютъ его поэтическое достоинство. Но это

совершенно ничего не значить. Что-бы ни дѣлать, какъ-бы ни понималъ вещь человекъ; но если у него есть поэтическая натура, его поэтическая натура пробьется наружу на зло всему, не смотря на его понятія, на противорѣчія ихъ съ существомъ поэзіи, на способъ, какъ принимается онъ за дѣло; она нечаянно явится и среди прозы и среди сухихъ изложеній и среди ложныхъ взглядовъ, и поразитъ безпристрастнаго читателя. Тогда какъ есть много людей, готовыхъ всю жизнь остаться въ области поэзіи, вѣчно только стихи пишущихъ; много даже людей умныхъ, глубоко, истинно понимающихъ, одаренныхъ чувствомъ изящнаго; — но нѣтъ у нихъ дарованія, и то, что пишутъ они, какъ-бы ни было согласно съ теоріей поэзіи, съ эстетикой, какое-бы поэтическое ни было содержаніе, — обличаетъ только отсутствіе поэтическаго, творческаго дарованія. И такъ вышеприведенное обвиненіе кажется намъ поверхностнымъ и ничтожнымъ, и мы оставляемъ его въ сторонѣ. — Мы сказали, что Ломоносовъ писалъ много и въ прозѣ и въ стихахъ; но въ прозѣ, хотя дѣло его, какъ мы говорили выше, вполне свободно и истинно, въ прозѣ однако, онъ, согласно съ значеніемъ этого дѣла, писалъ съ преимущественнымъ отбѣнкомъ общаго; обороты его и весь языкъ имѣетъ тамъ характеръ односторонности, и къ тому-же прозой написаны у него разсужденія, и вообще сочиненія прозаическаго содержанія. Въ стихахъ видимъ мы другое. Впрочемъ можемъ мы здѣсь указать на одно поэтическое мѣсто (поэтическія мѣста встрѣчаются у него и въ прозѣ) въ его разсужденіи: о пользѣ чтенія книгъ церковно-Славянскихъ. Мы должны, разумеется безпристрастно, объективно прочесть эти строки, отрываясь отъ современнаго характера нашего времени. Конечно здѣсь есть отпечатокъ той эпохи, есть понятія, которыя ошибочны, есть мысль о меценатствѣ, мысль совершенно ложная и оскорбительная.

Но здѣсь есть порывъ, есть поэтическое движеніе, и это мѣсто прекрасно; прекрасно, ибо какъ-бы ни выразилось чувство, хотя-бы въ смѣшныхъ даже формахъ, но человеческое сочувствіе человека, свободное отъ затемняющей его односторонности понятій, отъ ограниченности горизонта, проложить къ нему дорогу, найдетъ его всюду. Память кажется, что такое воззрѣніе истинно; оно должно всюду утвердить свои права, оно должно стряхнуть много пыли съ старины и воззвать къ сочувствію много поруганныхъ явленій; оно должно отдать справедливость всему и всюду, что только носить на себѣ отпечатокъ искренняго движенія, не смотря на объемъ, на образъ или мѣсто имъ занимаемое. Разность и времени и понятій да исчезнетъ какъ преграда между живымъ-же чувствомъ человѣческимъ выразившимся теперь, и между чувствомъ выразившимся прежде; это одно, эта одна струя, — и между всеми выраженіями чувства да будетъ сочувствіе, да проложить его себѣ человекъ ко всемъ временамъ, во всехъ народахъ. Это ни сколько не во вредъ побѣдоносному торжеству настоящаго времени, его скипетродержанію міра, и также живому сочувствію, тѣснѣйшему и ближайшему съ своимъ народомъ, условіемъ нашего бытія; отъ народа отправляясь, идемъ мы во всю землю, и какъ себя, такъ и его обогащаемъ, принося новое содержаніе, новое богатство, возвышая свой духъ и духъ своего народа, насъ опредѣлившаго, и передаемъ нами приобретенное въ общее достояніе. Человекъ и народъ не раздѣльны; человекъ не имѣетъ никакого значенія, никакой дѣйствительности безъ народа. — Эти слова идутъ не къ оправданію только нѣсколькихъ строкъ, въ которыхъ хотимъ показать поэтическое одушевленіе человека, и донынѣ еще предмета одностороннихъ похвалъ, которыми давно его величали, и можетъ быть уже предмета порицаній, также одностороннихъ, такъ что теперь, ко-

гда время одностороннихъ похвалъ проходить, и почувствовали ихъ ложную сторону, — для многихъ вмѣстѣ съ этимъ исчезаетъ и значеніе и достоинство Ломоносова; его порицатели принимаютъ похвалы за самого человѣка; они правы въ отношеніи односторонняго взгляда, которымъ и они условлены; но не правы въ отношеніи къ предмету; сверхъ того они могутъ быть просто односторонни, какъ были ихъ предшественники, и близоруки какъ они. — Итъ, наши слова идутъ вообще къ точкѣ воззрѣній. — Вотъ эти строки Ломоносова: «Счастливы Греки и Римляне передъ всѣми древними Европейскими народами. Ибо хотя ихъ владѣнія разрушились, и языки изъ общенароднаго употребленія вышли; однако изъ самыхъ развалинъ сквозь дымъ, сквозь звуки въ отдаленныхъ вѣкахъ, слышенъ громкой голосъ писателей, проповѣдающихъ дѣла своихъ героев, которыхъ любленіемъ и покровительствомъ ободрены были превозносить ихъ купно съ отечествомъ. Послѣдовавшіе поздные потомки, великою древностію и разстояніемъ мѣстъ отдѣленные, внимаютъ имъ съ такимъ-же движеніемъ сердца, какъ бы ихъ современные одноземцы. Кто о Гекторѣ и Ахиллесѣ читаетъ у Гомера безъ рвенія? Возможно ли безъ гнѣва слышать Цицероновъ громъ на Катилину? Возможно ли внимать Гораціевой лирѣ, не склонясь духомъ къ Меценату, равно какъ бы онъ нынѣшнимъ наукамъ былъ покровитель?» (1)

Но Ломоносовъ, какъ мы сказали, является поэтическимъ въ стихахъ, потому уже, что стихъ есть собственно форма поэзіи, и потому, что здѣсь языкъ его является свободнѣе, даже вполне свободенъ и прекрасенъ, такъ что онъ имѣетъ тоже достоинство и для нашего времени и вообще для всѣхъ временъ; ибо онъ достигаетъ полнаго

(1) Полн. собр. соч. М. В. Ломоносова. Спб. 1803, ч. 1, стр. 9—10.

совершенства. Здѣсь можно-бы сказать вообще о значеніи стиха, значеніи весьма важномъ; но мы ограничимся немногими словами.

Языкъ, становясь изящнымъ, получаетъ уже значеніе какъ языкъ; утверждаетъ свои формы изящно созданныя; онъ не распадаются, не уносятся потокомъ жизни, онъ повторяются, ибо онъ сами изящны. Это есть первое основаніе стиха, какъ намъ кажется; простая поэтическая рѣчь, повторяясь, являетъ уже изящныя формы; строй ея постояненъ. Въ словѣ лежитъ музыкальный элементъ, оно все создано изъ звука; онъ освобождается, когда свободно, свободно отъ случайности, само по себѣ является слово; онъ значить въ немъ, когда оно все значить. Но строй первой, изящной рѣчи не установленъ; онъ потомъ развивается болѣе и болѣе и наконецъ получаетъ опредѣленные формы; является опредѣленный размѣръ, являются вмѣстѣ его видоизмѣненія и разнообразіе размѣра; является стихъ, рѣчь оторванная отъ случайности, и становится по преимуществу выраженіемъ поэзіи и вмѣстилищемъ изящнаго явленія языка. И такъ стихъ есть законная, свободная, разумная форма поэзіи; въ стихъ собственно выражается она. Тамъ является такъ сильно и прекрасно музыкальная, существенно ему принадлежащая сторона слова; въ размѣръ и въ звукахъ самыхъ словъ выражается изящное. Изъ этого не слѣдуетъ, чтобы мы говорили, что только въ стихахъ выражается поэзія, но преимущественно и соответственно въ стихъ проявляется поэтическая дѣятельность, и преимущественно въ стихъ выразилась поэтическая дѣятельность Ломоносова, и вмѣстѣ, разумѣется, изящество языка.

Ломоносовъ писалъ во всѣхъ родахъ, въ лирическомъ, эпическомъ и драматическомъ. Какъ мы уже сказали, не онъ ввелъ эти роды поэзіи: они были уже обработаны на

западъ и отчасти извѣстны и занесены прежде, хотя не въ полномъ развитомъ своемъ видѣ, оттуда къ намъ. Онъ взялъ ихъ готовыми, какъ и все брали тогда вообще, вслѣдствіе Великаго Прыжка. Онъ взялъ готовымъ также стихъ тоническій и вмѣстѣ размѣръ его. Ни въ какомъ произведеніи его не находимъ мы одного цѣлаго; мы не можемъ указать на какое нибудь одно произведеніе, какъ на полное, оконченное созданіе. Но во всѣхъ этихъ произведеніяхъ находимъ цѣлое ихъ связующее, одно изящное созданіе, въ которомъ могущественно является поэтическій гений, — это языкъ, это стихъ, дошедшій до нашихъ временъ, и только у Пушкина вновь раздавшійся во всей своей силѣ, во всей внутренней поэтической красотѣ своей. Очень ошибутся тѣ, которые подумаютъ, что гладкость стиха принимаемъ мы за его достоинство, или что великолѣпіе языка понимаемъ мы здѣсь отдѣльно; нѣтъ, это не такъ; у Ломоносова именно полный содержанія стихъ, стихъ, который никогда не можетъ стать условнымъ, стихъ, который можетъ быть созданъ только поэтическимъ талантомъ, устремленнымъ къ самому языку, такъ сказать, — языку, который такимъ образомъ самъ становится изящнымъ. Мы нисколько не думаемъ, чтобы въ томъ все заключалось; содержаніе поэтическое само по себѣ необходимо: — и у Пушкина, имѣвшаго и стихъ Ломоносова, было великое поэтическое содержаніе. Но въ тоже время мы должны видѣть и здѣсь не отвлеченное достоинство стиха, какъ это и бываетъ часто, но полное, конкретное, изящное его образованіе, только поэтическою природою даруемое изящество языка, такого рода созданіе, которое и требовалось въ тоже время законно самою эпохою, самымъ моментомъ. Надо сказать также, что часто въ стихъ слова не имѣютъ всего своего значенія, что въ рамы размѣра вставляются они не искажая только смы-

сла и звучно наполняя пространство стиха; и не много такихъ стиховъ, въ которыхъ каждое слово требуетъ вниманія и подаетъ раздѣльно, явственно свой голосъ, не даромъ становясь въ стихъ, не звуча только въ немъ, но въ тоже время, не только извнѣ по смыслу своему, но и какъ слово, прекрасно въ немъ являясь. Такой-то стихъ видимъ мы у Ломоносова, стихъ лишь поэтическою природою созданный, — его величайшая, полная, истинная заслуга; но въ тоже время видимъ мы у него, при этой общей его заслугѣ, множество поэтическихъ мѣстъ, являющихъ его поэтическую природу, присутствіе которой необходимо уже для самого языка и которая должна-же какъ нибудь прорываться наружу.

И такъ въ стихахъ Ломоносова является Русской языкъ во всей своей силѣ и красотѣ; онъ открываетъ новые свои обороты, новое богатство, въ немъ всегда лежавшее, и если обороты, даже употребившіеся прежде, то теперь получившіе окончательное утвержденіе и занявшіе прочно свое мѣсто. Здѣсь именно видимъ мы языкъ и не въ отвлеченномъ его смыслѣ, являющійся прекрасно. Освобожденный и движимый поэтическою природою Ломоносова, принимаетъ онъ новые изящные образы, раздается вся его звучность, и наконецъ покорный его генію, становится онъ въ стройныя, изящныя формы, только истинною поэтическою природою могущія быть произведенными. И сверхъ того эта поэтическая сила, такъ направленная къ языку, выходитъ сама изящно, доказывая истинность поэтическаго генія, образующаго языкъ. Мы постараемся показать это. Языкъ и собственно стихъ Ломоносова, именно потому, что Ломоносовъ былъ истинный поэтъ (мы устраняемъ особенности времени, они не составляютъ существеннаго), до нашего времени прошелъ неповторенный, и только (скажемъ еще) у Пушкина, вполне по крайней мѣрѣ,

иновъ раздался. Здѣсь удивляемся мы именно Русскому языку. Вопросъ языка былъ вопросомъ момента; отсюда является второстепенность самого созданія поэтическаго.

Обратимъ вниманіе на самыя произведенія Ломоносова, укажемъ на нихъ, и постараемся объяснить, если можно, ихъ достоинство.

У Ломоносова, какъ мы сказали, нѣтъ цѣлаго художественнаго произведенія, но много прекрасныхъ, изящныхъ, поэтическихъ мѣстъ, какъ относительно языка, который составляетъ общее его достоинство, такъ и относительно достоинства просто внутренняго, поэтическаго. Они встрѣчаются всюду. Обратимъ-же на нихъ вниманіе (1).

Вообще очень трудно дѣлать разборъ поэтическихъ красотъ. Если говорить о изящномъ языкѣ, тогда надобно

- (1) Ломоносова обвиняли въ подражаніи Нѣмецкому стихотворцу Гюнттеру, его современнику; но мы не находимъ никакого подражанія и никакой даже близости, кромѣ размѣра стиховъ, строфы и развѣ строя оныхъ. Считаю нужнымъ отыскать, нѣтъ-ли какого нибудь сходства и следовательно нѣтъ-ли оправданія этому повторяемому мнѣнію, мы могли найти только слѣдующее мѣсто, которое имѣетъ какое-то натянутое сходство:

Vossanz erkenn' anjetzt den Werth
 Von Rudolphs götlichem Geblütze,
 Und küsse Carls gereiztes Schwerdt:
 Es hat nicht minder Schärfe als Güte.
 Du sechst, es strafft; du flehst, es schenkt,
 Und wird durch Demuth abgelenkt,
 Und läßt sich siegend überwinden.
 Das Erbtheil Josephs lebt in Ruh,
 Und nährt sich von des Bruders Glück;
 Der Schäfer laßt, sein Vieh nimmt zu,
 Die Kämmer werden fett und dicke.

Johann Christian Gunther Gedichte. Breslau und Leipzig. 1764.
 часть 1. стр. 98. 107.

изсѣдывать языкъ собственно; но это совершенно особенный и важный вопросъ, сюда не совсемъ входящій; отчасти-же мы это исполнили. Что-же касается собственно до поэтическихъ мѣстъ, то надо опредѣлить воззрѣніе на нихъ, поставить ихъ въ известномъ свѣтъ, — и потомъ они сами уже говорятъ за себя. Послѣ опредѣленія такого воззрѣнія, чтеніе, почти одно чтеніе, — вотъ что намъ остается. Мы думаемъ, что уже опредѣлили воззрѣніе, и теперь надобно намъ только кинуть взглядъ на самыя произведенія. И такъ мы просто указываемъ, дѣлая сколько то возможно болѣе близкое опредѣленіе поэтической особенности Ломоносова.

Въ 1739 году появилась первая ода Ломоносова. Мы уже на нее указали и привели изъ нея нѣкоторые примѣры, собственно относительно языка; но они могутъ служить (нѣкоторые по крайней мѣрѣ) и примѣрами поэтическаго достоинства, какъ и другіе примѣры, приведенные во второй части, изъ преложений псалмовъ. — Приведемъ теперь примѣры изъ другихъ его произведеній; укажемъ прежде всего на Оду Девятую, Преложеніе изъ Іова, такъ намъ знакомую, такъ опрофанированную частыми повтореніями и учебниками.

Кто море удержалъ берегами
И безднѣ положилъ предѣлъ,
И ей свирѣпыми волнами
Стремиться далъ не велѣлъ?
Покрытую пучину мглою
Не я ли сильною рукою
Открылъ, и разогналъ туманъ
И съ суши сдвинулъ океанъ?

Возмогъ ли ты хотя однажды
Велѣть ранѣе утру быть,

И нивы въ день томящей жажды
 Дождемъ прохладнымъ напоить,
 Пловцу способный вѣтръ направить,
 Чтобъ въ пристани его поставить,
 И тяготу земли тряхнуть,
 Дабы безбожныхъ съ ней сопхнуть?

Стремнинами путей ты разныхъ
 Прошолъ ли моря глубину,
 И счелъ ли чудъ многообразныхъ
 Стада, ходящія по дну? (1)

Каковъ стихъ! Здѣсь является полное его совершенство; разница можетъ быть только въ видоизмѣненіяхъ. И это было сказано вдругъ, въ то время, какимъ-то чудомъ, силою гениальной личной природы! Какъ хорошъ Русской оборотъ послѣднихъ двухъ стиховъ! Далѣе—

Стѣсня вихремъ облакъ мрачный
 Ты солнце можешь ли затмить,
 И воздухъ огустить прозрачный,
 И молнію въ дождь родить,
 И вдругъ быстротекущимъ блескомъ
 И горъ сердца трясущимъ трескомъ
 Концы вселенной колебать
 И смертнымъ гнѣвъ свой возвѣщать?

Твоей ли хитростью взлетаетъ
 Орелъ, на высоту паря,
 По вѣтру крила простираетъ
 И смотреть въ рѣки и моря?

Воззри въ лѣса на бегемота,
 Что Мною сотворенъ съ тобой,

(1) Полн. собр. соч. М. В. Ломоносова. Спб. 1805 ч. 1. стр. 47—48.

Колочій тернъ его охота
 Безвредно попираť ногой.
 Какъ верви сплетены въ немъ жилы.
 Отвѣдай съ нимъ своей ты силы!
 Въ немъ ребра какъ литая мѣдь;
 Кто можетъ рогъ его сотрѣть?

Ты можешь ли левіаана
 На удъ вытянуть на брегъ?
 Въ самой срединѣ океана
 Онъ быстрой простираетъ бѣгъ;
 Свѣтящимися чешуями
 Покрытъ какъ мѣдными щитами,
 Копье и мечъ и молотъ твой
 Щитаетъ за тростникъ гнилой. (1)

У Ломоносова встрѣчаемъ мы чудныя рѣшмы, въ которыхъ такъ является звучность языка; напр:

Парящей поэзіи ревность
 Твои дѣла превознесетъ;
 Ни гнѣвъ стихій, ни ветха древность
 Похвалъ твоихъ не пресѣчетъ.

Въ моря, въ лѣса, въ земное нѣдро
 Прострите вашъ усердный трудъ,
 Повсюду награжду васъ щедро
 Плодами, паствой, блескомъ рудъ. (2)

Укажемъ сперва замѣчательныя, отдѣльныя выраженія, прекрасныя эпитеты; напр.

Когда томить *протяжный* день...

(1) Полн. собр. соч. М. В. Ломоносова. Спб. 1803, ч. 1, стр. 48 — 49.

(2) Тамъ-же, 119 — 172.

Коль тщетно пышное упорство...

Смущенный бранью міръ миритъ Господь тобой... (1)

Которой лишены *пугливы* неведжды...

Но кромѣ этого, у Ломоносова видимъ мы, такъ у немногихъ настоящимъ образомъ встрѣчаемую, вѣрность, простоту и безыскусственность эпитетовъ, — глубокое поэтическое свойство, находящееся собственно только у древнихъ; напр.

Гдѣ въ *мокрыхъ* берегахъ крутятся печальна Уна,
Медлительно течетъ въ объятія Нептуна...

Затѣмъ *прохладныя* поля свои любя...

Когда лилась цвѣтовъ, поля у васъ *блѣднѣютъ*...

Простерся *мягкій* снѣгъ въ спокойствѣ на поляхъ... (2)

Сколько поэтическихъ мѣстъ въ его одахъ, такъ называемыхъ похвальныхъ. Вообще надо сказать, что похвала, случай, на который онъ пишетъ оду, часто у него бываетъ только предлогомъ; часто оставя предметъ въ сторонѣ, удаляется онъ въ поэтическій образъ, и часто дѣлаемое сравненіе является у него именно поэтическимъ про-

(1) Поля. собр. соч. М. В. Ломоносова. Соб. 1803, ч. 1. стр. 142. 184. 278.

(2) Тамъ-же, ч. 2, стр. 14. 13. 192. 300.

изведеніемъ. Скажемъ здѣсь, что въ стихахъ Ломоносова особенно является человекъ любящій и понимающій природу; и часто естествоиспытатель и ученый; видно, что Петръ сильно на него дѣйствовалъ и одушевлялъ его; видно также, что великое пространство Россіи поражало его. Въ примѣрахъ, которые приведемъ мы, это будетъ видно. Наши слова относятся и не къ одамъ однѣмъ, но и ко всѣмъ его стихотвореніямъ. Мы выписываемъ много; но мы не можемъ удержаться, чтобъ не выписать. Не смотря на то, наши примѣры далеко не заключаютъ въ себѣ всего; мы думаемъ, что выписки этихъ прекрасныхъ, по нашему мнѣнію, поэтическихъ мѣстъ, выставленныхъ на видъ, интересны и имѣютъ свою, и большую, важность. Намъ кажется, что послѣ нашихъ изслѣдованій мы должны представить и прочесть его поэтическія произведенія ⁽¹⁾.

Мы сказали уже, что мы у Пушкина видимъ стихъ Ломоносова, или по крайней мѣрѣ у обоихъ видимъ мы одинъ стихъ, одного рода. Приведемъ въ доказательство тому хотя одинъ небольшой примѣръ изъ Пушкина.

Чѣмъ чаще празднуетъ Лицей
Свою святую годовщину,
Тѣмъ робче старый кругъ друзей
Въ семью стѣсняется едина,
Тѣмъ рѣже онъ; тѣмъ правдникъ нашъ
Въ своемъ веселіи мрачнѣе,
Тѣмъ глуше звонъ заздравныхъ чашъ
И наши пѣсни тѣмъ грустнѣе.

(1) Чтеніе поэтическихъ мѣстъ въ стихотвореніяхъ Ломоносова, какъ нарушающее теченіе самаго текста «разсужденія», помѣщаемъ мы въ концѣ книги, въ «приложеніяхъ». Чтеніе это составляетъ отчасти критику его проствъ съ избраніемъ мѣстъ, имѣющихъ поэтическое достоинство, чего мы не предположили себѣ въ нашемъ разсужденіи.

Давноль, друзья.... Но двадцать лѣтъ
 Тому прошло; и что-же вижу?
 Того Царя въ живыхъ ужъ нѣтъ;
 Мы жгли Москву, былъ плевень Парижу,
 Угасъ въ тюрьмѣ Наполеонъ,
 Воскресла Грековъ древнихъ слава,
 Съ престола палъ другой Бурбонъ,
 Отбунтовала вновь Варшава ⁽¹⁾.

Сверхъ того скажемъ, что, хотя самъ Ломоносовъ пренебрегалъ своими поэтическими произведеніями, хотя часто въ нихъ видѣнъ былъ восторгъ ученаго; но съ другой стороны, по природѣ своей, согласно съ своимъ значеніемъ, онъ былъ по преимуществу поэтъ; онъ былъ поэтъ вездѣ: и въ жизни своей и въ своихъ ученыхъ занятіяхъ и въ своихъ произведеніяхъ, какія бы они ни были. Мы уже упоминали прежде о томъ, какъ одушевленно написаны его ученые разсужденія; повторяемъ это здѣсь. Самое то даже, что въ его поэтическія произведенія входятъ ученые предметы, показываетъ, какъ онъ смотрѣлъ на нихъ, сколько видѣлъ въ нихъ прекраснаго, живаго, поэтическаго. Повторимъ: Ломоносовъ былъ поэтъ по природѣ своей и былъ имъ всюду, во всей многообразной дѣятельности, изъ которой одну, собственно литературную, мы разсматриваемъ.

И такъ, думаемъ, мы достаточно показали, что Ломоносовъ поэтъ, что внутри его былъ поэтическій огонь, проявлявшійся въ его сочиненіяхъ. Это, какъ мы сказали, необходимо уже по значенію момента имъ выражаемаго. Это видѣли мы по значенію того-же момента въ языкѣ; ибо дѣло языка могло совершиться только такъ. Это видѣли мы въ самомъ уже языкѣ, столько изящно и ощути-

(1) Сочиненія А. Пушкина. Спб. 1841. т. 9, стр. 187.

тельно являющемся: что все вытекает согласно съ необходимымъ значеніемъ, осуществленіемъ момента. И наконецъ это видѣли мы просто проявляющимся въ его произведеніяхъ, какъ поэтическія мѣста. Отъ общаго его значенія, какъ момента, перешли мы черезъ моментъ историческій, необходимо его конкретизирующій, и дошли наконецъ до него самого, до лица, до полнаго конкретного проявленія, гдѣ предстаетъ уже онъ самъ со всею своею дѣятельностію, гдѣ наконецъ мы его читаемъ, гдѣ является его свободная личность. Здѣсь при полномъ осуществленіи момента, мы дошли до свободы, до свободы законной, допущенной и оправданной. Выведемъ-же общее заключеніе и взглянемъ на весь ходъ нашего разсужденія, на значеніе и явленіе Ломоносова какъ момента.

Ломоносовъ выражаетъ моментъ отрицанія исключительной національности, особенности въ литературѣ, прекращеніе круга только—національныхъ пѣсенъ; онъ есть моментъ индивидуума, лица, единичности въ литературѣ,—есть поэтъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, и потому самому, есть явленіе общаго, только чрезъ лицо могущаго явиться,—общаго и лица вмѣстѣ; въ тоже время онъ есть начало собственно литературы, гдѣ уже является общее, не уничтожая національности, становя ее присущимъ моментомъ, — *Моментъ общаго*.

Этотъ моментъ конкретизируется въ языкъ, слогъ, какъ средѣ, въ которой является и совершаетъ, какъ литература, развитіе свое поэзія. Здѣсь моментъ является какъ прекращеніе исключительной національности языка и отвлеченнаго общаго значенія въ слогъ, языка церковно-Славянскаго; какъ пробужденіе въ языкъ національномъ общаго, возведеніе его въ эту сферу, и

вслѣдствіе того живое, уже родственное, отношеніе его съ языкомъ церковно-Славянскимъ, что также могло совершиться только индивидуумомъ, лицомъ; ибо языкъ, въ которомъ выражается *общее*, долженъ былъ явиться, раздаться, какъ голосъ индивидуума, лица. Но это моментъ еще только историческій. — *Моментъ личности.*

И наконецъ этотъ моментъ необходимо, сообразно съ существомъ своимъ, конкретируется еще далѣе, вполне. Ломоносовъ является намъ какъ лицо, какъ оправданіе, полное явленіе этого момента, — какъ поэтъ; ибо моментъ его есть моментъ лица и только лицо могло совершить это. И такъ онъ долженъ былъ явиться, какъ лицо, какъ поэтъ, и онъ является намъ, какъ поэтъ, и собственно въ языкъ, гдѣ выражается его геній, какъ лица; слѣдовательно: въ изяществѣ языка; но вмѣстѣ съ этимъ его поэтическая природа, необходимая для такого явленія и для изящества языка, слога, проявляется сама поэтически, во многихъ прекрасныхъ мѣстахъ. — *Моментъ единичности* (1).

И теперь мы стоимъ передъ Ломоносовымъ, какъ передъ лицомъ; и лице, соразмѣрно выразившее великій моментъ, получаетъ, какъ лицо, колоссальный характеръ и влечетъ наше вниманіе и удивленіе. Этотъ колоссальный образъ является намъ въ нашей литтературѣ, раздѣляя ее, — на рубежъ національной поэзіи и литтературы собственно. Здѣсь Ломоносовъ предстаетъ намъ уже вполне конкретно и живо, уже просто какъ великій человѣкъ. — И сама наружность его была исполнена силы: широкія плеча, могучіе члены, высокій лобъ и гордый взглядъ. Въ груди его

(1) Мы показали выше значеніе языка, слога, относительно поэзіи, литтературы.

жилъ пылкій до бышенства духъ, неукротимый характеръ, не знающая отдыха дѣятельность, безкорыстная, глубокая любовь къ знанію. Сама необыкновенная судьба его много придаетъ интереса этому огромному явленію нашей литературы, столь важной сферы духа, столь важной области народа. Судьба и призваніе нашли его рыбакомъ на берегахъ Ледовитаго моря, и оттуда, послышавъ призывъ и кинувъ вѣрное, спѣшилъ онъ влекомый жаждою знанія на подвигъ ему соразмѣрный, великій, согласный съ любовью, желаніемъ души его, но представлявшійся ему еще тогда въ неясномъ, невѣрномъ, сомнительномъ свѣтѣ.

Онъ принялся за дѣло свое, и дѣло пошло. Но Ломоносовъ во все время своей дѣятельности, и за границей и въ Россіи, ревностно принимая плоды просвѣщенія отъ Запада, оставался и душою и характеромъ и всѣмъ,—Русскимъ вполне. Онъ скоро замѣтилъ необходимую односторонность подвига Петра и необходимое одностороннее направленіе,—вышнюю форму и результатъ этого подвига. Онъ видѣлъ, какъ, во имя науки, чужеземное одолевало Русское, какъ выписывали Нѣмцевъ, чтобы объяснять Русскимъ Русскую исторію, Нѣмцамъ чуждую совершенно; какъ во всѣхъ отношеніяхъ одолевала Нѣмецкая партія. Ломоносовъ видѣлъ все это; великій сынъ Русской земли, онъ возсталъ противъ этой односторонности, тогда сильной, ибо она была въ естественномъ ходѣ развитія. Одаренный гениемъ, онъ понималъ настоящее значеніе просвѣщенія, обще-человѣческихъ благъ; можетъ быть и самая сфера, въ которой былъ онъ, по праву, истиннымъ дѣтелемъ, сфера поэзіи, сфера полная, становила ему это доступнымъ. Ломоносовъ видѣлъ, что вмѣсто просвѣщенія, вмѣсто общаго, чело-вѣческаго, чего онъ желалъ для Россіи, въ Россіи составилось общество Нѣмецкихъ ученыхъ, со всею Нѣмецкой особенностью, — Нѣмецкій Университетъ; и онъ

вступилъ въ жаркую, непримиримую борьбу съ Нѣмецкимъ направленіемъ; здѣсь обнаруживался его пылкій, неукротимый характеръ. Въ то-же время онъ излагалъ свои необыкновенно вѣрныя и глубокія мысли, необыкновенно ясно выраженные объ устройствѣ Университета и вообще ученой части, и замѣчанія на современное состояніе ученія въ Россіи. Видя, какъ выписываютъ изъ за-моря профессоровъ, видя Нѣмецкихъ ученыхъ, пріѣхавшихъ за деньги въ Россію, не имѣющихъ ни малѣйшаго къ ней сочувствія, ни сколько не заботящихся о просвѣщеніи, и вмѣстѣ съ тѣмъ забирающихъ въ руки всѣ его средства; видя, что дѣятельность ихъ ни сколько не переходитъ въ обладаніе Россіи и остается чуждою для нея,—Ломоносовъ не годовалъ всею душою, и въ одной отыѣткѣ на-поль проекта Академическаго Регламента, имъ составленнаго, онъ говоритъ: *дивлюсь что и студентовъ изъ за моря не велико выписывать* (1). Ломоносовъ соединялъ любовь къ просвѣщенію съ любовью къ Россіи, и съ рѣзкою бранью нападалъ на Нѣмцевъ въ Россіи, противниковъ своихъ, ведя за Россію и за ея просвѣщеніе неутомимую, ожесточенную борьбу; это видно во многихъ его письмахъ и бумагахъ. Въ письмѣ къ Теплову онъ говоритъ: «Одобряйте, чтобъ Академіи чрезъ ихъ противоборство никогда не бывать въ цвѣтущемъ состояніи, и за то ожидайте отъ всѣхъ честныхъ людей и роптанія и презрѣнія, или внимайте единственно дѣйствительной пользѣ Академіи, откиньте льщенія опасныхъ противоборниковъ наукъ Россійскихъ, не употребляйте Божію дѣла для своихъ пристрастій, *дайте возрасть свободно насажденію Петра Великаго*. Тѣмъ заслужите не только въ прежнемъ прощеніи, но и нема-

(1) Портфель служебной дѣятельности Ломоносова. М. 1840, стр. 52.

лую похвалу, что вы могли себя принудить къ полезному наукамъ постоянству.

«Чтожь до меня надлежить, то я къ сему себя посвятилъ, чтобъ до гроба моего съ непріятелями наукъ Россійскихъ бороться, какъ уже борюсь двадцать лѣтъ; стоялъ за нихъ смолода, на старость не покину.»

Зачеркнутый постскриптумъ:

Р. S. «Вчерашняго числа Клейнфельдъ удавился. Таубертъ отозвавъ меня къ сторонѣ просилъ никому того не сказывать ради чести Академіи. А про Софронова дурную смерть ходить вездѣ сказывать, что Русскіе такіе-то, сякіе, не думалъ про честь Академіи» (¹).

Онъ говоритъ про Миллера въ своей запискѣ, переписанной и поправленной его рукой: «16. Не токмо въ ежемѣсячныхъ, но и въ другихъ своихъ сочиненіяхъ всѣваетъ, по обычаю своему, занозливыя рѣчи, напр. описывая Чувашу, не могъ протти чтобы ихъ чистоты въ домахъ не предпочесть Россійскимъ жителямъ. Онъ больше всего высматриваетъ пятна на одеждѣ Россійскаго тѣла, проходя мимо многія истинныя ея украшенія» (²). Онъ нападалъ на Нѣмца Шлецера; въ собственноручной черновой запискѣ о издававшейся въ печать Шлецеровой Грамматикѣ Россійской, разбирая его нелѣпое въ самомъ дѣлѣ словопроизводство, онъ говоритъ между прочимъ: «3. Изъ сего заключить должно, какихъ гнусныхъ пакостей не наколобродитъ въ Россійскихъ древностяхъ такая допущенная въ нихъ скотина» (³). Но это было неодносторонне; онъ уважалъ великаго Эйлера и былъ также имъ уважаемъ и переписывался съ нимъ. Нѣмцы не могли обвинять его въ

(¹) Портфель служебной дѣятельности Ломоносова. М. 1840 г. стр. 38. 39.

(²) Тамъ-же, стр. 78.

(³) Тамъ-же М. 1840. стр. 46.

односторонности, въ невѣжествѣ, его, который такъ высоко стоялъ въ сферѣ знанія, котораго такъ высоко цѣнилъ, которому удивлялся великій Нѣмецкій ученый Эйлеръ. Стремленіе Ломоносова было благородно и душа его была также благородна; это видно изъ его замѣтокъ черновыхъ, изъ писемъ, изъ всего того, что онъ писалъ, однимъ словомъ. На ключкѣ бумаги, гдѣ написаны разныя замѣтки, находится между прочимъ:

«8. *Multa tacui, multa pertuli, multa concessi*».

«9. За то терплю, что стараюсь защитить трудъ П. В., чтобы выучились Россіяне, чтобъ показали свое достоинство *pro aris etc.*».

«10. Я не тужу о смерти, пожилъ, потерпѣлъ, и знаю, что обо мнѣ дѣти отечества пожалеютъ.»

«11. Ежели не пресѣчете—великая буря возстанетъ»⁽¹⁾.

Одно, въ чемъ можемъ мы упрекнуть и въ то же время оправдать его, это понятіе о меценатствѣ, понятіе того времени и сверхъ того имѣвшее силу и прелесть классическаго понятія, хотя у него это была скорѣе одна форма. (Мы разумѣемъ подъ меценатствомъ это оскорбительное, снисходительное покровительство, а не служеніе наукъ и искусству); но если живо что нибудь его волновало, онъ писалъ къ своимъ меценатамъ прямыя и жесткія письма. Мы уже выписали нѣсколько изъ письма къ Теплому, изъ чего также можно видѣть его прямой и открытый тонъ. Выпишемъ изъ этого письма еще нѣсколько мѣстъ, въ которыхъ особенно и рѣзко въ то же время, этотъ тонъ выражается.

«Кромѣ многихъ недавнѣйшій примѣръ сами довольно помните, и въ совѣсти своей представить можете, что вы осердясь на меня, по безсовѣстнымъ и лживымъ жалобамъ двухъ студентовъ, кои отнюдь требовали быть

(1) Портфель служебной дѣятельности Ломоносова. М. 1840, стр. 40.

адъюнктами по недостоинству, а сами отъ Университета во все отстали, и изъ коихъ, какъ я послѣ увѣдомился, одинъ вамъ свать, здѣлали неправо дѣло. (1) Повѣрьте, Ваше Высокородіе, я пишу не изъ запальчивости; но принуждаетъ меня изъ многихъ лѣтъ извѣданное слезными опытами академическое несчастье. Я спрашивалъ и испыталъ свою совѣсть; она мнѣ ни въ чемъ не зазреть сказать вамъ нынѣ всю истинную правду. Я бы охотно молчалъ и жилъ въ покоѣ, да боюсь наказанія отъ правосудія и всемогущаго Промысла, который не лишилъ меня дарованія и прилѣжанія въ ученіи и нынѣ дозволилъ случай, далъ терпѣніе и благородную упрямку и смѣлость къ преодолѣнію всѣхъ препятствій къ распространенію наукъ въ отечествѣ, что мнѣ всего въ жизни моей дороже.»

«Нѣкогда отговариваясь учинить прибавку жалованья профессору Штрубу писали вы къ нему: *L'academie, sans academiciens, la chancellerie sans membres, l'université sans étudiants, les regles sans autorité, et au reste une confusion jusque à present sans remede.* Кто въ томъ виноватъ, кромѣ васъ, и вашего непостоянства?» (2)

«Но все не смотря еще есть вамъ время обратиться на правую сторону. Я пишу нынѣ къ вамъ въ послѣдній разъ, и только въ той надеждѣ, что иногда примѣчалъ въ васъ и добрыя о пользѣ Россійскихъ наукъ мнѣнія. Еще уповаю, что вы не будете больше одобрять недобрѣхотовъ Россійскимъ ученымъ. Богъ совѣсти моей свидѣтель, что я самъ ничего инаго не ищу, какъ только чтобъ закоренѣлое несчастье Академіи пресѣклось. Будежъ еще такъ все останется и мои праведныя представленія уничтожены отъ

(1) Портфель служебной дѣятельности Ломоносова. М. 1840. стр. 34.

(2) Тамъ-же, М. 1840. стр. 35—36.

васъ будутъ; то я забуду вовсе, что вы мнѣ нѣкоторыя одолженія дѣлали. За нихъ готовъ я вамъ благодарить приватно по моей возможности. За общую пользу, а особливо за утвержденіе наукъ въ отечествѣ и противъ отца своего роднова восстать за грѣхъ не ставлю». (1)

Вотъ одно письмо его къ Шувалову: «Никто въ жизни меня больше не избивалъ, какъ ваше высокопревосходительство. Призвали вы меня сего дня къ себѣ — я думалъ можетъ быть какое нибудь обрадованіе будетъ по моимъ справедливымъ прошеніямъ. Вы меня отозвали и тѣмъ поманили. Вдругъ слышу: Помиришь съ Сумароковымъ! — то есть сдѣлай смѣхъ и позоръ; свяжись съ такимъ человѣкомъ, отъ коего всѣ бѣгаютъ; и вы сами не рады. Свяжись съ тѣмъ человѣкомъ, который ничего другаго не говорить, какъ только всѣхъ бранить, себя хвалить, и бѣдное свое рифмачество выше всего человѣческаго знанія ставить; Тауберта и Миллера для того только бранить, что не печатаютъ его сочиненій, а не ради общей пользы. Я забываю всѣ его озлобленія, и мешать не хочу ни коимъ образомъ, и Богъ мнѣ не далъ злобнаго сердца. Только дружитья и обходиться съ нимъ ни какимъ образомъ не могу, испытывъ чрезъ многіе случаи, и знаю каково въ крапиву. Не хотя васъ оскорбить отказомъ при многихъ кавалерахъ, показалъ я вамъ послушаніе; только васъ увѣряю, что въ послѣдній разъ и ежели не смотря на мое усердіе будете гнѣвиться, я полагаюсь на помощь Всевышняго, которой мнѣ былъ въ жизнь защитникъ, и никогда не оставилъ, когда я пролилъ передъ нимъ слезы въ моей справедливости. Ваше высокопревосходительство имѣя нынѣ случай служить отечеству вспомошествованіемъ въ наукахъ, можете лучшіе дѣла производить, не-

(1) Портфель служебной дѣтельности Ломоносова. М. 1840. стр. 58.

жели меня мирить съ Сумароковымъ. Зла ему не желаю, мстить за обиды и не думаю, и только у Господа прошу, чтобы мнѣ съ нимъ не знатся. Будь онъ чловѣкъ знающій искусной, пускай дѣлаетъ пользу отечеству, я по моему малому таланту такъ-же готовъ старатся. А съ такимъ чловѣкомъ обхожденія имѣть не могу и не хочу, которой всѣ прочія знанія позорилъ, которыхъ и духу не смыслить. И сіе есть истинное мое мнѣніе, кое безъ всякія страсти нынѣ вамъ представляю. Не токмо у стола знатныхъ господъ, или у какихъ земныхъ владѣтелей, дуракомъ быть не хочу; но ниже у самаго Господа Бога, которой мнѣ далъ смыслъ, пока развѣ выниметь. Г. Сумароковъ привязавшись ко мнѣ на часъ столько всяково вздоръ наговорилъ, что на всѣ мой вѣкъ станеть и радъ что его Богъ отъ меня унесъ. По разнымъ наукамъ у меня столько дѣла, что я отказался отъ всѣхъ компаній; жена и дочь моя привыкли сидѣть дома, и не желаютъ съ комедіантами обхожденія. Я пустой болтни и самохвальства не люблю слышать. И по сіе время ужились мы въ единоклубіи. Теперь по вашему миротворству должны мы вступить въ новую дурную сѣмосферу. Ежели вамъ любезно распространеніе наукъ въ Россіи; ежели мое къ вамъ усердіе не исчезло въ памяти; постарайтесь о скоромъ исполненіи моихъ справедливыхъ для пользы отечества прошенійхъ, а о примиреніи меня съ Сумароковымъ какъ о мѣлочномъ дѣлѣ позабудьте. Ожидая отъ васъ справедливаго отвѣта, съ древнимъ высокопочитаніемъ пребываю». (1)

Никогда не хвастался онъ тѣмъ, что онъ бросилъ все для науки, что онъ сынъ рыбака ставшій ученымъ; однажды говоритъ онъ объ этомъ со всѣмъ благородствомъ, въ двухъ (одно за другимъ какъ кажется слѣдующихъ)

(1) Изъ рукописи.

письмахъ своихъ къ Шувалову, вызванный, какъ видно изъ его словъ, симъ послѣднимъ; говоритъ также о наукъ прекрасно и благородно. Мы выпишемъ оттуда:

«Высочайшая щедрота несравненныя Монархини нашея, которую я Вашимъ отеческимъ предстательствомъ имѣю, можетъ ли меня отвести отъ любленія и отъ усердія къ наукамъ, когда меня крайняя бѣдность, которую я для наукъ терпѣлъ добровольно, отвратить не умѣла. Не примите Ваше Превосходительство мнѣ въ самохвальство, что я въ свое защищеніе представить смѣлость принимаю. Обучаясь въ Спасскихъ школахъ, имѣлъ я со всѣхъ сторонъ отвращающія отъ наукъ пресильныя стремленія, которыя въ тогдашнія лѣта почти непреодолимую силу имѣли. Съ одной стороны отецъ никогда дѣтей кромѣ меня не имѣя, говорилъ, что я будучи одинъ, его оставилъ, оставилъ все довольство (по тамошнему состоянію), которое онъ для меня кровавымъ потомъ нажилъ, и которое послѣ его смерти чужія роскошуютъ. Съ другой стороны несказанная бѣдность: имѣя одинъ алтынъ въ день жалованья, нельзя было имѣть на пропитаніе въ день больше какъ на денежку хлѣба, и на денежку квасу, прочее на бумагу, на обувь и другія нужды. Такимъ образомъ жилъ я пять лѣтъ, и наукъ не оставилъ. Съ одной стороны пишутъ, что зная моего отца достатки, хорошіе тамошніе люди дочерей своихъ за меня выдадутъ, которыя и въ мою тамъ бытность предлагали; съ другой стороны школьники малые ребята кричатъ и перстами указываютъ: смотри де какой болванъ лѣтъ въ двадцать пришолъ латинъ учиться! Послѣ того вскорѣ взять я въ Санктпетербургъ и посланъ за море и жалованье получалъ противъ прежняго въ сорокъ разъ. Оно меня отъ наукъ не отвратило; но по пропорціи своей умножило охоту, хотя силы мои предѣлъ имѣютъ. Я всепокорнѣйше прошу Ваше Превосходительство въ томъ

быть обнадежену, что я все свои силы употреблю, чтобы ты, которые мне от усердія велятъ быть предосторожну, были обо мнѣ беспечальны; а ты, которые изъ недоброхотной зависти толкуютъ, посрамлены бы въ своемъ неправомъ мнѣніи были, и знать бы научились, что они своимъ аршиномъ чужихъ силъ мѣрить не должны» (1).

«Полученное вчерашняго числа отъ 24 Мая письмо Вашего Превосходительства, въ которомъ я чувствую немаловажный знакъ особенной Вашей ко мнѣ милости, премного меня обрадовало; особенно тѣмъ, что Вы объявить изволили свое удостовѣреніе о томъ, что я наукъ никогда не оставлю. Въ разсужденіи другихъ не имѣю я никакого особеннаго удивленія, за тѣмъ, что они имѣютъ примѣры въ нѣкоторыхъ людяхъ, которые только лишь себя путь къ щастію ученіемъ отворили, въ тотъ часъ къ дальнѣйшему происхожденію другія дороги приняли и способы изыскали, а науки почти совсѣмъ оставили, имѣя у себя патроновъ, которые у нихъ наукъ мало или и ничего не спрашиваютъ, и не какъ Ваше Превосходительство въ разсужденіи меня дѣлъ требуете, довольствуются только одѣмъ ихъ именемъ. Въ помянутыхъ оставившихъ въ своемъ счастіи ученіе людей весьма ясно видѣть можно, что они только одно почти знаютъ, что въ малолѣтствѣ изъ подъ лозы выучились, а будучи въ своей власти, почти никакова знанія больше не присовокупили. А напротивъ того (извольте, милостивый государь, не ради тщеславія, но ради моего оправданія объявить истину) имѣючи отца хотя по натурѣ добраго чловѣка, однако въ крайнемъ невѣжествѣ воспитаннаго, и злую и завистливую мачиху, которая всячески старалась произвести гнѣвъ въ отца моему, представляя, что я всегда сижу по пустому за кни-

(1) Полн. собр. соч. М. В. Ломоносова. Спб. 1803, ч. 1, стр. 334—335.

гами. Для того многократно я принужденъ былъ читать и учиться, чему возможно было, въ уединенныхъ и пустыхъ мѣстахъ, и терпѣть стужу и голодъ, пока я ушолъ въ Спасскія школы. Нынѣ имѣя къ тому по Высочайшей Ея Императорскаго Величества милости совершенное довольство, Вашимъ отеческимъ предстательствомъ, и трудовъ моихъ одобреніе Ваше и другихъ знателей и любителей наукъ, и почти общее въ нихъ удовольствіе, и наконецъ уже не дѣтское несовершеннаго возраста разсужденіе, могу-ли я нынѣ въ моемъ мужествѣ дать себя посрамить предъ моимъ дѣтствомъ. Однако перестаю сими представленіями утруждать Вашу терпѣливость, вѣдая Ваше справедливое мнѣніе» (1), — и далѣе говоритъ онъ о наукахъ и о новыхъ опытахъ. Всюду выражается его пылкій характеръ, его искренность и жаркое участіе, твердость въ своихъ убѣжденіяхъ, благородство и сила души его; слогъ его вообще сильный и твердый, особенно когда подвигнуть его духъ, — часто становится рѣзокъ и жестокъ, когда досада волнуется его (2).

(1) Полн. собр. соч. М. В. Ломоносова. Сиб. 1803. ч. 1, стр. 326—328.

(2) Въ приведенныхъ выпискахъ есть тому примѣры. Выписываемъ еще одно мѣсто изъ разсужденія о распространеніи Русскаго народа: Ломоносовъ здѣсь распространяется о значеніи поста: «А сверхъ того, воображаетъ Ломоносовъ рѣчь Святителей, «ученьемъ вкоренивъ въ мысли, что Богу пріятнѣе, когда имѣемъ въ сердцахъ чистую совесть, нежели въ желудкѣ цинготную рыбу; что посты учреждены не для самоубивства вредными пищамя, но для воздержанія отъ излишества; что обманщикъ, грабитель, неправосудный, мздоимецъ, воръ и другими образы ближняго повредитель, прощенія не сыщеть, хотя бы онъ вмѣсто обыкновенной постной пищи въ семь недѣль въ щепи, кирпичъ, мочало, глину и уголье, и большую бы часть того времени простоялъ на головѣ вмѣсто земныхъ поклоновъ. Чистое покаяніе есть

Такимъ является Ломоносовъ, по нашему мнѣнію, выразившій собою великій моментъ въ нашей литературѣ. Сужденія о немъ были ошибочны; безусловныя похвалы поставили его высоко, окружили классическимъ блескомъ и скрыли настоящее достоинство и великость; съ другой стороны было-бы ошибочно нападать на него и мѣрять мѣрою настоящаго времени, не понимая всего его великаго значенія, не вникнувъ въ смыслъ его генія. Ложень и страхъ противорѣчить авторитету, ложень и страхъ съ нимъ соглашаться. Теперь, во время сознанія насъ самихъ, время свѣтлое, оправдывающее все, полное жизни,—пришла кажется пора настоящей оцѣнки, настоящаго, справедливаго взгляда для Ломоносова. Мы сказали, какъ мы его понимаемъ, какъ понимаемъ его великое значеніе и дѣятельность въ нашей литературѣ, столь важной сферѣ народа. Скажемъ въ заключеніе:—Колоссальное лице Ломоносова, которое встрѣчаемъ мы въ нашей литературѣ, является не формальною, но живою точкою начала; вся наша дѣятельность, явившаяся, и являющаяся, и имѣющая явиться, вся примыкаетъ къ нему, какъ къ своему источнику; онъ стоитъ на границѣ двухъ сферъ, дающій новую жизнь, вводящій въ новую полную сферу. Развитие двинулось и пошло своимъ путемъ, своими односторонностями,—это уже историческій ходъ самого дѣла; но выше всего этого стоитъ образъ Ломоносова, и какъ-бы ни пошло развитіе, онъ является, какъ давшій его. Да замолкнуть-же всѣ невѣжественныя обвиненія и толки; отъ нашихъ дней требуется свободное признаніе его великаго подвига, и

доброе житіе, Бога къ милосердію, къ щедротамъ и къ любленію нашему преклоняющее. Сохрани дѣянія Христоу заповѣди, на коихъ весь законъ и Пророки висятъ: Люби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ и ближняго какъ самъ себя... Москвитянинъ, 1842 г., № 1, стр. 156.

полная, искренняя, глубокая благодарность. Образъ его исполински является намъ, и этотъ исполинскій образъ возвышнется передъ нами во всемъ своемъ вѣчномъ величїи, во всемъ могуществѣ и силѣ генія, во всей славѣ своего подвига, — и бесконечно будетъ онъ возвышаться, какъ бесконечно его великое дѣло.

КОНЕЦЪ.

ПРИБАВЛЕНИЕ КО ВТОРОЙ ЧАСТИ.

Къ стр. 132.

Въ XI-же столѣтіи находимъ мы чрезвычайно интересный памятникъ; это сочиненія Иларіона, Митрополита Кіевскаго: два его Слова и исповѣданіе вѣры ⁽¹⁾. Въ нихъ встрѣчаемъ мы языкъ Остромирова Евангелія почти совершенно удержанный, болѣе чѣмъ во всѣхъ другихъ дальнѣйшихъ памятникахъ; близость времени дѣлаетъ это естественнымъ. По этому мы и не выписываемъ примѣровъ правильнаго употребленія. — Кромѣ соблюденія особенностей окончаній въ склоненіяхъ, соблюденія тонкостей языка церковно-Славянскаго, мы видимъ также сохраняющееся полногласіе въ прилагательныхъ образованныхъ; какъ: *глаголааше*; *мудрыхъ*; *разумныхъ*; ⁽²⁾; также употребленіе прилагательныхъ первообразныхъ какъ существительныхъ, въ падежахъ и кромѣ именительнаго: *въ странахъ многихъ* ⁽³⁾. — Встрѣчаются иногда ошибки, но по большой вѣроятности это описки переписчика; ихъ не много; напр: *отъ Дѣвицы*; *земля твоей*; *сердечными очима*; *мы бо... овцѣ паствы твоей*; *души наши*; *младенцѣ* ⁽⁴⁾. — Какъ особенности употребленія, замѣтимъ: *на Христіаныхъ* и т. д., какъ прилагательное. Далѣе встрѣчается: *Христіанми* ⁽⁵⁾; это могло быть *ми*, окончаніе творительнаго падежа, потому гораздо позднѣе встрѣчающіяся и въ подобныхъ словахъ, или-же это объясняется предыдущимъ употре-

(1) Творенія Святыхъ Отцевъ въ Русскомъ переводѣ, книжка 2, книжка, 3. 1844. Прибавленія; стр. 223—255. — стр. 295—296.

(2) Твор. Св. Отц. годъ 2-й. кн. 2. приб. стр. 250.

(3) Тамъ-же, стр. 259.

(4) Тамъ-же, стр. 251. 247. 248. 249. 250. 252.

(5) Тамъ-же, стр. 238. 236.

бленіемъ этого слова, какъ прилагательнаго. — Также замѣчательны слова: *стѣнь*; напр: *прежде стѣнь, ти потомъ истина*; также: *бѣзуги*; — *быхомъ бѣзуги*; своего *Владыки* ⁽¹⁾ — Въ первомъ Словѣ: *О законѣ Моисеомъ даннѣмъ ему* и пр., есть сравненіе Іисуса Христа какъ Бога и чело-
вѣка, которое потомъ если не повторяется, то напоминаетъ много въ проповѣди Кирилла Туровскаго на святую Пасху. — Всѣ сочиненія, особенно упомянутое Слово, прекрасны; языкъ вообще носить отпечатокъ древности.

(1) Тамъ-же, стр. 223. 250.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ПРИЛОЖЕНІЯ

КО ВТОРОЙ ЧАСТИ.

Къ стр. 207.

Собр. Госуд. грам. и догов., 1813 г., т. 1, стр. 23. — Договорная грамота Новгорода съ Великимъ Княземъ Тверскимъ Борисомъ Александровичемъ, 1426 — 1461 гг.

А на семъ на всемъ, Господине Князь Великій Борисъ Александровичъ, челуѣ крестъ ко всему Великому Новугороду. А старый, Господине Князь Великій, рубежъ земли и водъ дай промежи Тѣерью и Капиномъ, и Новгородчкѣй отцинѣ, и Торжкомъ и Бѣжичкымъ верхомъ; и Князь Великій Борисъ Александровичъ далъ рубежъ земли и водъ промежи своего Великого Княженя Тѣери и Капина, и промежи Новгородчкѣй отцинѣ, и Новоторжскѣй земли и воды и Бѣжичкѣй, по Великого Князя грамотѣ Ивана Даниловича. А какъ почелуетъ крестъ Князь Великій Борисъ Александровичъ къ Великому Новугороду, а земли и водъ дастъ старый рубежъ, по Великого Князя грамотѣ Ивана Даниловича; ино дати Князю Великому Борису Александровичу своего Боярина судьѣю на рубежъ, а Великому Новугороду дати своего Боярина судьѣю на рубежъ; а тымъ судьямъ судити по-рубежныхъ людей, татей и разбойниковъ съ обѣ половинѣ по хрестному челованью. А на кого възговорятъ изъ Новгородчкыхъ волостей на Тѣерского татя или на разбойника, а възмолвѣтъ нѣтъ; ино ему и потомъ не быти во Тѣерскихъ волостехъ; а

будеть, ино его безъ суда выдати по хрестному челованью: а на кого взговорятъ изъ Тѣрьскихъ волостей на Новгородчкого тата или разбойника, а възмолвать нѣтъ; ино ему и потомъ не быти въ Новгородчкихъ волостехъ и въ Новоторжскихъ; а будетъ, ино его безъ суда выдати по хрестному челованью. А судьи слати Князю Великому Борису Олександровичу и Великому Новгороду на рубежъ черезъ годъ. А Князю Великому Борису Олександровичу, и его братьи, и его дѣтемъ, и его Княгини, и ихъ Бояромъ земли и воды Новгородчкой и Новоторжской не купити, ни даромъ не примати, ни закладщиковъ не держати. А хто почнетъ Новгородцевъ или Новоторжцовъ во Тѣери жити, или во Тѣерскомъ Княженъи, или въ Кашини, земля ихъ къ Новгороду, а Князю Великому Борису Олександровичу то не надоби: или хто почнетъ Тѣеричъ жити въ Новгородѣ, или въ Торжку; земля ихъ Князю Великому Борису Олександровичу, а Новгороду то не надоби. А имуть чего искати на Новгородцевъ или на Новоторжчехъ; судъ съ Новгородцемъ въ Новгородѣ, а съ Новоторжцемъ въ Торжку: или чего имуть искати Новгородци или Новоторжци на Тѣеритинъ; судъ имъ въ Тѣери, а судити съ обѣ половинъ по хрестному челованью, а посула не взяти съ обѣ половинъ. А въ Русь и въ Торжку имати у Тѣеричъ гостиное по старинъ, а во Тѣери у Новгородцевъ и у Новоторжцовъ имати гостиное и мытъ по старинъ. А приведуть Тѣеритина съ поличнымъ къ Новгородчкому Посаднику или къ Новоторжскому; судити его по хрестному челованью, а посула не взяти съ обѣ половинъ; а приведуть Новгородца или Новоторжца съ поличнымъ на Тѣери къ Великому Князю, или къ его Намѣстнику; судити его по хрестному челованью, а посула не взяти съ обѣ половинъ; а гдѣ орудье почнетъ, ту его и кончатъ. А гостю гостити всякому съ обѣ сторонъ, путь чистъ безъ рубежа; а воротъ ти не затворяти и всякъ гость пустати въ Новгородъ; а силою ти гостя Новгородчкого и Новоторжскаго во Тѣерь не перенимати. А чересъ рубежъ ти въ Новгородчкую волость и въ Новоторжскую Дворянъ и приставовъ не высылати; а посломъ Новгородчкимъ, и Новгородцемъ и Новоторжцемъ ездити сквозъ Князя Великого отчину Бориса Олександровича, путь

чистъ бѣсъ пакости. А холопы, и робы, и беглецы выдати съ обѣхъ сторонѣхъ по исправѣ и по хрестному челоуанью. А на томѣ на всемѣ Князь Великий Борисъ Олександровичъ челуѣй, Господине, крестъ къ Великому Новгороду, по любви въ правду. А похочеть Князь Великий на той грамотѣ за то ятися; и Великий Новгородъ повелѣтъ за то ятися Павлу Ѡеодоровичу: или Князь Великий Борисъ Олександровичъ того не похочеть; ино Великому Новгороду на Павла не помолвити.

Акты, собр. Арх. Эксп., т. 1, стр. 35. — Грамота Бѣлозерскаго Князя Михаила Андреевича и Великаго Князя Василя Василіевича Ѡеодору Константиновичу.

Отъ Князя Михаила Андреевича Ѡеодору Костянтиновичу. Присылалъ ко мнѣ игуменъ Екимъ и старецъ Мартемьянъ Ѡерапонтовы пустыни и вся братья, старца Еустратія, а билъ ми челомъ о томѣ, а сказываетъ, что являлъ имъ староста Волоцкой мою грамоту такую, что имъ примати къ себѣ въ волость, въ твой путь, на Волочекъ, изъ Мартемьяновскихъ деревень монастырскіе половники въ серебрѣ, межень лѣта и всегды, да кто ден выйдеъ половникъ серебряникъ въ твой путь, ино ден ему платитися въ истое на два году безъ росту: и язъ пожаловалъ игумена Екима и старца Мартемьяна и всю братью, и ты бы монастырскихъ людей серебряниковъ отъ Юрьева дни до Юрьева дни не принималъ, а принималъ бы еси серебряники о Юрьевѣ дни о осеннемѣ, и которой поидеъ о Юрьевѣ дни монастырскихъ людей въ твой путь, и онъ тогда и денги заплатитъ, а ту есми полѣтнюю подернилъ, а игумену есми и всей братьи отъ Юрьева дни до Юрьева дни изъ своихъ деревень серебряниковъ пускать не велѣлъ, а велѣлъ есми имъ серебряниковъ отпускать за двѣ недѣли до Юрьева дни и недѣлю по Юрьевѣ дни; а которые будутъ вышли въ монастырскомѣ серебрѣ въ твой путь, и они бы дѣло додѣлывали на то серебро, а въ серебрѣ бы ввели поруку, а осень придетъ, и они бы и серебро заплатили. А прочеъ сію грамоту да отдай назадъ игумену Екиму и старцю Мартемьяну и всей братьи.

Акты, собр. Арх. Эксп., т. 1, стр. 38. — Жалованная грамота Великаго Князя Василя Васильевича Троицкому Сергіеву монастырю.

Святые дѣла Живоначальные Троицы, се язь Князь Великій Василей Васильевичъ пожаловалъ есми игумена Мартемьяна съ братьею Сергіева монастыря, или кто по нихъ иный игумень будетъ: что у нихъ въ Галичѣ двѣ варницы да третья варница Семеновская Морозова, и язь Князь Великій ихъ пожаловалъ, съ тѣхъ варницъ ненадобъ имѣ никоторая моя дань и тамга, ни поминокъ, ни плошки, ни иная никоторая пошлина; а которой соли противенъ есть, а сей соли монастырской противны нѣтъ; а коли закличетъ мой соловаръ продавать мою соль, а монастырскому соловару волю соль продати и тогда, а мой ему соловаръ не возброняетъ. Да что имѣ же далъ Князь Юрьи Дмитреевичъ дворъ поповъ Опуригъ, да что ихъ деревня Гнѣзниковская, да деревня Верховье, да въ Рамень ихъ пустошь Красникова, да Рошково, да въ Жилинѣ ихъ деревня Погорѣлое, на Горцѣ, на Солдѣ; и кого къ себѣ въ тотъ дворъ, да въ тѣ деревни, да и на тѣ пустоши людей окупивъ посадятъ, и тѣмъ ихъ людемъ ненадобъ моя дань, ни писчая бѣлка, ни ямъ, ни подводы, ни тамга, ни восминича, ни мытъ, ни коски, ни коня моего не кормятъ, ни сѣнъ моихъ не косятъ, ни иная никоторая пошлина ненадобъ, ни къ старостѣ не тянутъ ни въ которыя пошлыны, ни въ которое дѣло, ни двора волостелина не ставятъ; а волостели мои Усолскіе и ихъ тиуни къ тѣмъ ихъ людемъ доводчиковъ своихъ не всылаютъ ни почто и не судятъ ихъ ни въ чѣмъ, oprичъ душегубства; а праветчики поборовъ у нихъ не берутъ, ни иныхъ ни которыхъ пошлынъ. А смѣшается судъ смѣсной ихъ монастырскимъ людемъ съ волостными людьми, и волостели мои Усолскіе и ихъ тиуни судятъ, а игуменовъ заказникъ съ ними судить: а правъ ли будетъ, виноватъ ли, монастырской челоувѣкъ, и онъ въ правдѣ и въ винѣ монастырскому заказнику, а волостели мои не вступаются, ни въ праваго, ни въ виноватаго, въ ихъ челоувѣка; а волостной челоувѣкъ правъ ли будетъ, виноватъ ли, и онъ въ правдѣ и въ винѣ волостелю, а заказникъ монастырской не вступается въ волостного челоувѣка.

А коли кто прїѣдетъ мой приставъ Великого Князя по ихъ соловаровъ, или по ихъ людей по монастырьскихъ, и приставъ мой имъ дасть два срока въ году, на Сборъ да другой срокъ уговъвъ Петрова говѣина недѣлю; а опроче дву сроковъ на нихъ кто на иные сроки срочную накинуть, и кто что на нихъ опроче тѣхъ сроковъ двою по тѣмъ срочнымъ и безсудную возметь, ино та моя безсудная не въ безсудную. А коли привозить монастырьской ихъ заказникъ продавати соль въ городъ, ино ему ненадобъ моя тамга, ни восминичья, ни иная некоторая пошлина; а дрова монастырьскому солонвару волно купити у моихъ людей. И черезъ сю мою грамоту кто ихъ чѣмъ изобидитъ, или кто у нихъ возметь, быти въ казни; а на сю мою грамоту инья моей грамоты нѣтъ. А дана грамота на Москвѣ, въ лѣто 6961 Іюля въ 3 день. — А сзади на грамотѣ написано: «Князь Великій».

Собр. Гос. грам. и дог., т. 1, стр. 76. — Жалованная грамота Вологодскаго Князя Андрея Васильевича Кириллову монастырю.

Се язъ Князь Андрей Васи́левичъ пожаловалъ есмь игумена Игнатія съ братьею Кирилова монастыря, или по немъ кто иный игумень будетъ у Пречистыя въ Кириловъ монастырь: что ихъ деревни монастырскіе на Колкачѣ, и въ тѣ ден ихъ деревни изъ моихъ волостей вздять попрашан жита просити, также и мои дѣти боярскіе вздоки въ тѣхъ деревняхъ ставятся и кормы ден и проводники у нихъ емлютъ силно, да и псари ден мои съ собаками въ ихъ деревни вздять полничяти, и язъ Князь Андрей Васи́левичъ пожаловалъ игумена Игнатія съ братьею: попрашан житъ просити въ ихъ деревни не вздять, также и вздоки мои въ ихъ деревняхъ не ставятся, ни кормовъ ни проводниковъ у нихъ не емлютъ, ни псари мои въ ихъ деревни полничяти не вздять, ни по деревнямъ по ихъ не ставятся ни кормовъ не емлютъ; а кто попрашан повдуть по ихъ деревнямъ житъ просити, или мои вздоки имутъ ставиться и кормы имати, или псари мои имутъ по ихъ деревнямъ полничяти, и у кого что стравятъ силою, игумень Игнатей съ братьею на тѣхъ сроки наметываютъ по сей грамотѣ и учинать имъ срокъ передъ меня Князя Андрея Васи́левича.

Къ стр. 244.

Акты историческіе, ч. 1, стр. 63. — Посланіе Митрополита Фотія Псковичамъ.

Слышаніе мое, сынове, еже въ преизначалныхъ жителствъ вашихъ православныхъ, еже межди васъ, богоизбраннаго Христова стада, сущихъ нынѣ нѣкоторыхъ нововъзмущенныхъ отъ пропинаемыхъ діавольскихъ сѣтей, и того да отрыгнувеніемъ, слышу, тѣхъ нѣкоторыхъ, яко отступлены отъ Бога, о своемъ христѣанствѣ небрегуще, но и чинъ великаго Божіа священства и иночества яко ни во что же полагающе, но и умаляюще.

Акты историческіе, ч. 1, стр. 485. — Грамота Митрополита Фотія.

Въсте, аже изъ начала началственаго всяко ухищреніе лукавственное и поущеніе есть отъ супостатъ врага дьявола на родъ человѣческій, паче же того коварствъ и многихъ сѣтей пропинаемыхъ на родъ человѣческій, убійствомъ и татбѣми и иными таковыми Богу оттуждаемыми мерзостями, и всѣми таковыми далече отъ Бога сѣтворяя душа человѣческая и кровь погыбели низпоревая: и се убо оттуду древлѣ, въсте, коликымъ ухищреніемъ того общаго врага дьявола, ради лакомства, праотца нашего Адама на преслушаніе введе и рая изгна; того же пакы врага сѣтми и коварствы, и Каина подвиже на убійство Авелево; и по семъ того же супостата врага ухищреніемъ, Іуду отъ лика Апостольска отлучи и на предателство его введе, еже сребролюбѣ ради Творца небу и земли Іудѣмъ прода; и по сихъ многочислены суть сѣти его, пропинаемы на родъ христѣанскій, всякими прелестями и мерзостями душа человѣческая отлучая.

Акты историческіе, ч. 1, стр. 486. — Грамота Митрополита Фотія.

И сего ради убо и нынѣ ти о семъ пишу, яко да блюдеши о семъ, внимая, каковыхъ откуду спріобщаеши; помѣже при-

быше въ заѣтрѣнее пристанище, въ святую кую обитель, и въспринающе ту смиренія великій ангельскій образъ, и всяку нужу и скорбь обѣщающе себе до послѣдняго издыханія ту понести, и тоє тогда о семъ исповѣданіе отъ Ангелъ написано есть и держимо въ руку нашего Творца Христа Владыкы, къ немуже таково обѣщаніе положихомъ, и явленно убо будетъ предъ лицемъ нашимъ въ день великаго суда.

Акты историческіе, ч. 1, стр. 95. — Посланіе Митрополита Іоны Кіевскому Князю Александру Владиміровичу.

Божією пакъ, сыну, благодатию и освященіемъ Святаго Духа, господинъ нашъ и сынъ нашего смиренія, благородный и благо-
вѣрный и благочестивый и христоробивый Великій Князь Васи-
лей Василевичъ, поборца по Божіей церкви и по законъ и по
всемъ православномъ христіанствѣ, по древнему благолѣпію,
разжитаа сердечною теплотою и ревнѣя святымъ своимъ пра-
родителемъ, благочестивому святому первому православному, рав-
ному святымъ Апостоломъ Царю Константину и Великому Кня-
зю Владимиру, взирая въ божественаа и священнаа святыхъ Апо-
столъ и богоносныхъ Отецъ святаа правила и во все святое бо-
жественое писаніе, и со всіми Святители своея земля, съ бого-
любивыми Епископы и съ преподобными архимандриты, съ че-
стивѣйшими игумены и со многими духовными мужми съ раз-
судительными, и со всімъ священствомъ бесѣдуя, съединяся
волнѣ, во многія времена, и съ вами съ православными Князми
обсылаясь во вся мѣста, а и нашія Русскія земля обыскиваа ста-
рину, и по святымъ правиломъ и по разсуженію святительскому
и священническому, и по старинѣ, обыскавъ того, что пережъ
того въ Руси бывало поставленіе Митрополитомъ, аще не на
Москвѣ ни въ Володимерь, но на Кіевѣ: понеже, сыну, и о томъ
добрѣ вси, еже въ тогдашнаа времена было господарство того
православнаго святаго Самодержца всея Русскія земля Великаго
Князя Владимира на Кіевѣ, а поставленіе бывало на Русскую
митрополью Митрополитомъ, не токмо, якоже нынѣшняго ради
еже во Цариградѣ церковнаго нестроенія, но токмо еже въ

господарствѣхъ Русскіихъ Государей со Цариградскіими Цари негладости ради.

Къ стр. 286.

Розыскъ о расколынической Брынской вѣрѣ, часть 3-я, глава 12, листь 492—497. — О дѣлѣхъ расколыническихъ.

Отъ града Вологды, въ пути ведущемъ къ Каргополою, на странѣ яже отъ моря, въ мѣстѣ пустынномъ, живяше нѣкій врагъ Божій, волхвъ и чародѣй, пустынножителное носяи имя, и лицемѣрную имѣя добродѣтель, и мнимый бѣше отъ окрестныхъ поселянъ святъ и преподобенъ; и мнози пришедше сожителствоваху тому, имуще его себѣ учителя и наставника. Не точію же мужей, но и женъ и дѣвицъ та пустыня уже наполнилася бѣше: учениемъ бо его лестнымъ и лицемѣрнымъ житіемъ, влекомы бяху къ нему аки къ великому угодику Божию. Учасе же той окалянный мнимый святецъ тайно, еже всѣмъ жити блудно безъ всякаго зазора, глагола: Яко нѣсть грѣхъ плотское совокупленіе по согласію, но любовь есть, токмо да не вѣнчается ниже да благословитесь въ супружество. Нѣкій же человекъ отъ Вологды града, отягченъ бывъ многими грѣхами, и въ чувство пришедъ, кающася предъ Богомъ. И положи обѣтъ, еже прочее время жизни своея пожити чисто, и ити въ пустыню, да въ безмолвіи поживъ, получить отъ Бога прощеніе грѣховъ своихъ. Слышавъ же о ономъ пустынножителѣ, яко мнози къ нему собравшеся живутъ въ пустынь, поиде тамо, не вѣдый тайнаго ихъ житія блуднаго. И пришедъ ко оному пустыннику и пустынножителей блудныхъ началнику, моли его, да повелитъ ему при себѣ жити въ пустынь яко же и прочымъ. Онъ же глагола пришедшему: Брате любимый, добръ пришелъ еси къ намъ: нынѣ бо нѣсть уже на земли церкви Божіа: вси уклонишася и непотребни быша, понеже въ церквахъ поють и читають по новому; а у насъ еще здѣ милость Божія покрываетъ, и новости ни каковой не приедемъ, и крестимся по преданію блаженнаго Θεодорита: а Ніконова преданія не приедемъ: добръ убо сотворилъ еси избѣжавъ отъ антихриста. Человекъ же той слышавъ сіе, со умилениемъ

рече къ нему: Азъ, честный отче, молю тя, да наставиши мя на путь спасенія, сего бо ради придохъ ко твоей святыни, слышавъ твое по Бозѣ житіе, могущее приводить души ко Христу Богу, спаси убо мене желающаго спастися. Окаянный же той пустынникъ отвѣщавъ, рече: Чадо доброе, подобаеѣ тебѣ прежде постомъ искуситися, да не яси ниже піеши дни нѣкія, дождеже намъ извѣстити о тебѣ Господь Богъ, и тогда тя примемъ съ радостию. Онъ же обвѣщася вся повелѣнная ему творити безъ сумнѣнія, спасенія ради души своея. Пустынникъ же повелѣ вести его во внутреннюю едину отъ келлій своихъ хранинку малу, яже бѣ присовокуплена къ келліи его, идѣже самъ живяше. Въ хранинкѣ же оной едино токмо бѣше оконце, на путь зрящее, зѣло малое, точію да свѣтъ будетъ въ хранинкѣ, вкюдъ же затверди крѣпцѣ, во еже всажденному никакоже изыти оттуду.

Пребывая же человекъ оный въ затворѣ томъ дни три безъ пици и питія, начатъ въ стѣнѣ келліи ко оному пустыннику творити малу скважню, между бревнами мохъ истерзая, и сотворить, смотряше что творить той пустынникъ. Зрящу же ему оною скважнею, се придоша до пустынника два человека, глаголюще: отче святыи, дѣвицу оную беременную Богъ простилъ есть, родила младенца мужеска полу, что повелѣваеши о немъ творити. Той же окаянный мнимый святыи пустынникъ, рече имъ: Не рѣхъ ли вамъ прежде сего, да егда та дѣвица родить отроча, абіе у новорожденнаго младенца ножемъ поднявъ груди, изымте сердце, и да принесите на блюдѣ ко мнѣ идите убо и сотворите якоже рѣхъ вамъ. Они же абіе отпѣдше, по маломъ часѣ принесоша на блюдѣ деревяномъ оное новорожденнаго младенца сердце, еще живо сущее и движущееся, и вдалоша ему. Онъ же вземъ ножъ, своими руками разрѣза е на четыре части, и рече имъ: Примите сіе, и въ печи изсушивъ истолките. Скверніи же тѣи слуги окаяннаго оного пустынника, шедше сотвориша повелѣнное имъ, и пакы принесоша къ нему истолченное на муку то младенческое сердце. Пустынникъ же вземъ листъ писчія бумаги, и на малыя бумажки раздробивъ, вложи по малой части истолченнаго сердца въ тѣ бумажки. И призвавъ нѣкія послушники своя, рече имъ: Возмите бумажки сія со святынею, (чаро-

ваніе свое святынею нарекъ) и идите во грады, и веси и деревни, и входяще въ дома глаголите людемъ, чтобъ отнюдь не ходили въ церковь, и у поповъ нынѣшнихъ благословія не принимали бы, и къ нимъ бы не исповѣдалися; и никакой святыни церковной не причащались бы: а крестъ бы на себѣ творяли двѣма персты, а троеперстнаго сложенія да никакоже приемятъ, то бо есть печать Антихрстова. И аще васъ послушаютъ или не послушаютъ, вы отъ сего даннаго вамъ истолченія, тайно вѣдайте имъ въ брашно или въ питіе, или въ сосудъ идѣже у нихъ вода бываетъ въ дому, или въ кладязь. Егда отъ того вкусятъ, тогда къ намъ обратятся на истину, и имутъ вѣру словесамъ вашимъ, и самозволніи мученики будутъ.

Сія видѣвъ и слышавъ свѣдѣй въ затворѣ человекъ, весь отъ страха оцепенѣвъ, и не вѣдаше что творити. Начать же прилежно молитися ко Господу Богу въ Троицѣ Святей славимому о своемъ отъ таковаго бѣды избавленіи, и крестное знаменіе на себѣ начать трѣма персты творити: (прежде бо двѣма персты то творяше, якоже отъ сквернаго онаго пустынника наученъ бысть). Богъ же молящияся ему въ бѣдахъ слушаѣй, человекъ тому въ затворѣ свѣдѣющему, посла свободженіе сидевымъ образомъ: Во утрѣ купцы нѣкіи путемъ мимо келліи той грядяху; затворенный же тѣхъ узрѣвъ, и рукою ко оконцу призвавъ, исповѣда имъ тайно вся яже о себѣ и о пустынникѣ, что видѣ, и что слыша, и моляще ихъ, да избавятъ его оттуду. Како же бы имъ его избавити, научи: да скажутъ, яко рабъ ихъ окрадъ имѣніа ихъ, бѣжа, и крыется здѣ, и да молятъ пустынника, отдать имъ раба ихъ. Купцы же сожалѣвшися зѣло о затворенномъ томъ, притворившася, аки бы ищутъ раба своего окрадшаго ихъ, и бѣжавшаго отъ нихъ, и аки бы увѣдаша, яко крыется въ пустынь той: и молиша пустынника того, да отдастъ имъ раба ихъ. Пустынникъ же призвавъ отъ затвора человека, глагола ему: Что се сотворишь еси брате, обомстивъ еси насъ, сказулся аки бы спасенія искій, ты же окрадъ господей своихъ, притекалъ еси къ намъ. Человекъ же той падъ на землю, глаголаше: Согрешихъ отче на небо и предъ тобою, злии люди на сіе мя наустыша; но молю тѣ, да не предаши мя въ руки господей моихъ, яко не быти мнѣ

живу отъ нихъ. Пустынникъ же рече: Иди брате, и служи имъ, якоже велитъ Апостолъ: Раби повинуйтеся господемъ своимъ. Моляше же пустынникъ притворныхъ господей тѣхъ; да не сотворятъ зла рабу своему, аще имѣніе ихъ возвратитъ. Они же даша слово пустыннику, еже не озлобити раба своего, и поемше челоуѣка того, отидоша.

По отшествіи же купцовъ тѣхъ съ челоуѣкомъ онымъ, возвѣщенно бысть пустыннику, яко вся тайны его вѣдомы сотворишася купцемъ онымъ отъ челоуѣка бывшаго въ затворѣ. Пустынникъ же той собрався со всеми ученики своими съ мужескимъ поломъ и женскимъ, и келлія оныя сожегъ, иде въ предѣлы великаго Новаграда, и вселишася въ пустыни на езерѣ нѣкоемъ, въ монастырь Палеостровскомъ, и завладѣша монастыремъ тѣмъ: начаша бо и тамо къ нему мнози отъ окрестныхъ весей собиратися, учениемъ его лестнымъ прелщаеми, и волшебствомъ привлекаеми. Слышавъ же о нихъ преосвященный Корнилій Митрополитъ великаго Новаграда, посла къ нимъ честныя мужы отъ духовнаго чина и мірскаго, увѣщати я къ согласію церковному. Тѣ же развратники пустынножители съ предводителемъ своимъ, не точію увѣщанія не послушаша, но и погѣбели предашася. Ибо худивше первѣ много святую церковь и вся православныя христіаны, затворишася въ монастырь томъ, и зажгоша церкви, и келліи, и ограду окрестъ, и тако вси съ монастыремъ сгорѣша и погибоша.

Къ стр. 311.

Проповѣди Стефана Яворскаго. Москва. 1805 года, часть третья, стр.

Хвалю я сію звѣздочетцовъ мудрость, что время жатвенное львомъ изобразили, и по ихъ разумнію безъ льва жатва быти не можетъ. А о Марсовой побѣдительно что возглаголемъ жатвъ? О воистинну безъ льва Марсовой быти нѣсть мощно! Свидѣтельствуйте истинны вы всѣ, которые духомъ Марсовымъ дыхаете, непреодоленные кавалеры Россійстін! Можетъ ли жатва ваша побѣдительно быти безъ льва, безъ мужества? Орете муже-

ственніи воини мечемъ аки раломъ, по шіяхъ непріятельскихъ аки по нивамъ мечете сѣменъ трудовъ вашихъ, кровзвыми дождями орошаете Марсовую ниву, а побѣдоносная жатва подъ такимъ знаменіемъ созрѣваетъ. Подъ знаменіемъ льва не имѣли бысте такъ изобильнаго въ побѣдныя лавры и фініки процвѣтающаго жнива, аще не бы въ сердечномъ вапемъ зодіакъ явлено знаменіе льва, то есть мужества. Подъ симъ-то знакомъ созрѣваютъ вамъ класы мечемъ побѣдительнымъ пожинаемые. Засѣваете горчичныя зерна, горькіе труды полагающе, но жатва побѣды о коль сладка! .

Оеодана Прокоповича Слова и Рѣчи. Спб. 1765 года, часть 3, стр. 279.

Видѣли мы уже, колико грѣхъ тяжкій есть грѣшнику, посмотри́мъ еще сколь и другимъ онъ мерзокъ и заразителенъ. Въ первыхъ яко же тѣло прокаженнаго нестерпимый смрадъ отъ испорченныхъ влажностей изъ себе испускаетъ, такъ и грѣшникъ, а наипаче мерзостями тѣлесными зараженный хотя бы не вѣдаю въ какія скрылся углы, однако явить его мерзкая воня, еже не иное что есть, только гласный слухъ и слава о дѣлахъ его. Яко же благоуханіемъ Христовымъ святыи Апостолъ доброе имя Христіанское нарицаетъ, такъ и злыхъ людей исполненную безчестія славу не инымъ чемъ, какъ только сатанинскимъ смрадомъ подобаетъ называти. А что еще дивнѣе, несчастливый всякъ сицевый хотя бы о немъ, что онъ таковъ, и никто не зналъ, однако самъ себе будто по неволи являетъ, не можетъ болѣзнь своей утаити. Худо, какъ то не вѣдаю, пахнуть и повороты и ходъ таковаго, и взоръ и поглядыванія, и шутки: а наипаче изъ устъ адскій нѣкій смрадъ исходитъ.

Къ стр. 292.

Манифестъ о дѣйствіяхъ измѣнника Гетмана Мазепы ко вреду Россіи.

Божіею споспѣшествующею милостію, мы пресвѣтлѣйшій и державнѣйшій великій Государь, Царь и Великій Князь Петръ

Алексея, Самодержецъ Всероссійскій и пр. вѣмъ вообще коемуждо особливо же вѣрнымъ нашимъ подданнымъ Малороссійскаго народа духовнымъ и мірскимъ объявляемъ: что хотя мы, въ первыхъ своихъ грамотахъ о вѣмъ на выданныя непріятельскія Шведскія и измѣнника Мазепы прелестныя къ народу Малороссійскому письма, съ явными доводами описали въ какомъ намѣреніи къ порабощенію народа Малороссійскаго оный непріятель съ измѣнникомъ богоотступнымъ Мазепою согласясь, въ сей край пришелъ; такожъ и какихъ ради праведныхъ причинъ, мы, Великій Государь сію войну противъ короны Шведской начали, такъ что и не потребно бѣ было болѣе сего повторати. Но понеже имъ въ сихъ числахъ донесенъ выданный за подписью и печатью Короля Шведскаго отъ 16 Декабря мѣсяца прошлаго 1708 года безстыдный универсалъ на Малороссійскомъ языкѣ, который наполненъ грубой лая, касающейся высокої персоны нашей, и ради нескладной, явной вѣмъ и простымъ, а не то что умнымъ людямъ лжи; самохвальства и киченія, его удобнѣе можетъ студнымъ и возмутительнымъ пасквилемъ нежели королевскимъ универсаломъ названъ быти. И хотя мы, Великій Государь, во всю сію, съ Королемъ Шведскимъ, войну, отъ всѣхъ таковыхъ безплодныхъ и между политическими и христіанскими народы, а не то что коронованными главами необычайныхъ хуль къ персонѣ его Королевской какъ въ письмахъ такъ и въ разговорахъ удерживались, однако принуждены были уже многократно отъ него такіа Королевскимъ особамъ неприличныя хулы особѣ своей, славѣ народа нашего касающіяся *высокодушно* сносить и наипаче оныя правостою оружія нашего, нежели тщетными взаимными укорицами письменными оную обиду нашу мстити намѣряя. Но нынѣ видя въ семъ названномъ универсалѣ наипаче прежняго оныя хулы и лая, мѣру превзошедшія и како признаваемъ по совѣту и составленію богоотступнаго измѣнника Мазепы подданнымъ нашимъ Малороссійскаго народа для возмущенія выданныя; принуждены на оныя взаимною мѣрою отвѣтствовать повелѣтъ, не для такого намѣренія, яко бы мы чаяли, что оныя клеветы у вѣрныхъ нашихъ подданныхъ вѣру обрѣтутъ, въ чемъ не сомнѣваемся, видя къ

себѣ непоколебимую вѣрность оныхъ; но изпаче дабы не вѣнчалъ себѣ вышеписанный и самохвалый нашъ непріятель то въ разумъ и похвалу, яко бы не могли мы студную его ложь ясными доводами опровергнути. И первое объявляется въ томъ его клеветъ исполненномъ возмутительномъ письмѣ: будто бы преломивъ мирные договоры съ нимъ Королемъ Шведскимъ безъ причины воевать провинцію его начали; и то первое есть ложь; ибо уже довольно въ первыхъ грамотахъ нашихъ праведныя причины начинанію сего отъ насъ войны объявлены, что мы, мстя свою персональную и посламя нашимъ нанесенную обиду въ Ригѣ, за которую управу на грубаго Губернатора Рижскаго по публичному прошенію нашему чрезъ пословъ Шведскихъ учиненному, онъ Король Шведскій намъ дать явно отрекъ; та-кожъ и для отысканія и привращенія отъ многихъ столѣтнихъ временъ предкамъ нашимъ, Великимъ Государямъ Россійскимъ принадлежащихъ провинцій: Ижерской и Корельской, которыя корона Шведская, по истинѣ рещи, измѣнически а не честнымъ военнымъ способомъ во время трудныхъ и отъ непріятелей иностранныхъ въ Россійскомъ Государствѣ тогда свирѣпствующихъ по обычаю своему древнему какъ со многими Государствами оная корона тожъ учинила, вкравшись притворною своею приязнію и будто помощію, за мирнымъ постановленіемъ вероломно и неправедно отторгнула и вначалѣ будто въ залогъ въ претендованныхъ никакихъ деньгахъ хотя и за непоказанную помощь но нѣсколько оными завладѣла; а потомъ усмотря наше труднѣйшее Россійскому Государству военное время съ Королевствомъ Польскимъ, взятіемъ коварнымъ Новаграда и добываніемъ Пскова до невольнаго уступленія оныхъ вышепомянутыхъ провинцій принудила. И понеже всякій Государь обязанъ усматривая доброй случай о привращеніи неправедно отъ Государствъ своихъ отторгнутаго стараніе свое прилагати; того ради *невинно* сей гордый непріятель нашъ Великаго Государя такими хульными словесы за то поноситъ не имѣя силы оружіемъ оныя отобрать; и того ради ищетъ, по древнему обычаю своихъ вероломныхъ предковъ, подысками и измѣнами и возмущеніями безчестныхъ подданныхъ противъ Государя своего къ тому намѣ-

ренію достигнути; ибо оныя предки его не токмо отъ нашего Россійскаго Государства, но и отъ Римскаго Императора и отъ Датскаго и Польскаго Королевствъ, многія пространныя провинціи и города несправедливо и вѣроломно за трактами и союзами отторгнули и завладѣли, усмотря смятеніе междоусобное или иностранныхъ непріятелей на тѣ Государства тогда сильно наступающихъ; какъ и онъ Король онымъ послѣдуя въ сей войнѣ не своею силою оружія, но наипаче измѣнами и учиненными *факціями* и возмущеніи подданныхъ въ Польшѣ и Саксоніи большую часть дѣлъ исправилъ и въ силу пришелъ; ибо подъ образомъ защитителя вольностей въ Польшу и Саксонію *въмѣнясь* и подданныхъ оболѣстѣя, права ихъ и вольности передаломъ и имѣніи пограбѣя войско свое гладное и безоружное размножилъ, вооружилъ и удовольствовалъ; и подъ такимъ же образомъ и злымъ намѣреніемъ склоня измѣнника Мазепу обещаніи своими, вошелъ въ Украину, хотя ему поработить народъ Малороссійскій и отторгнуть отъ нашей державы, привести паки подъ прежнее несносное ярмо Польское и послушника воли своей, Лещинскаго, какъ-то явно народу Малороссійскому доказано и изъ перенятаго подлиннаго листа измѣнника Мазепы, къ Лещинскому писаннаго показано, въ которомъ письмѣ оной его на завоеваніе Украины призываетъ, называя его Государемъ своимъ а Малую Россію наслѣдіемъ онаго. Изъ чего ихъ враждебныя умыслы о порабощеніи сего народа явные, хотя въ семъ своемъ письмѣ, Король Шведской ложно того отрекается, объявляя, будто никогда того ненамѣривалъ, чтобъ Украину Польшѣ завоевать и отъ Польши себѣ, что присвоить: на то первое уже явно изъ письма помянутаго Мазепина къ Лещинскому писаннаго; второе жъ изъ присвоенія Княжества Курляндскаго къ Шведской области, въ которомъ и Губернаторы Шведскіе уже постановлены. Что же напоминаетъ Король Шведскій о преступленіи измѣнническомъ Мазепы, будто бѣ первенствующими народа Малороссійскаго, и что по прошенію будто народному то учинено, для отвращенія раззоренія и полученія обороны сему краю, и то явное жъ всему народу Малороссійскому ложъ и обманъ; ибо известно имъ самимъ, что собою и безъ совѣта

и вѣдома народнаго, оный богоотступный измѣнникъ Мазепа ту измѣну учинилъ для собственной своей тщетной славы и властолюбія, и факціями своими въ сей край, впровадилъ непріятеля *изнищающее* и оголодавшее войско Шведское паки отчасти поселилъ, которое при Смоленскихъ рубежахъ при продолжаемомъ проходѣ съ гладу и нужды стоявъ и отъ войскъ нашихъ достатку разорено быть могло. И кто же изъ Малороссійскаго народа кромѣ самыхъ малыхъ единомысленниковъ и поставленныхъ въ знатные уряды особъ при немъ измѣнникъ нынѣ остались, изъ которыхъ многіе пребывая въ крѣпкомъ караулѣ Шведскомъ не могущи убѣгнуть тамо оставшіяся принуждены; ибо отъ какой бы неволи всему народу Малороссійскому обороны себѣ еретической требовать, когда подъ высокодержавною нашею рукою въ такомъ изрядномъ и довольномъ состояніи, при вѣрѣ благочестивой, при правахъ и вольностяхъ своихъ, живучи, день отъ дня умножался; понеже мы, Великій Государь, ниже пенализъ въ казну свою со всего Малороссійскаго народа никогда не брали и не требовали, но развѣ отъ того жъ измѣнника Мазепы какія обиды и налоги безъ вѣдома нашего оной претерпѣлъ и кромѣ службы ихъ звычайной казацкой во время нужное и военное ничего съ нихъ не спрашивали себѣ; а какую добротливость король Шведской по тому своему фальшивому обещанію къ народу Малороссійскому по вступленіи своемъ въ сей край являетъ и како оной раззоряетъ и какими тяжкими поборами подъ видомъ несносныхъ провіантовъ отягчаетъ, то тѣмъ извѣстно, въ которыхъ мѣстахъ они Шведы были; такожъ какъ уже многіе мѣста свирѣпо по указу его пожжены и невинные жители, яко вѣрные Государю своему тирански порублены. Что же принадлежитъ о самохвалныхъ его Короля Шведскаго ложныхъ объявленіяхъ о побѣдахъ будто надъ войскомъ нашимъ, причитая уступленія войскъ нашихъ съ добраго воинскаго разсужденія учиненное для утомленія его войскъ къ побѣгу. И тако надлежитъ то во осмотрѣніи имѣти, что въ нынѣшніе вѣки и сильнѣйшія и обученнѣйшія войска и славнѣйшіе генералы, кромѣ отчаянныхъ вертоглавовъ, безъ крайней нужды и усмотрѣннаго фортелю, никогда до главной баталіи не приступаютъ;

но воинскія свои дѣйства отправляютъ вымыслами утомляя непріятеля маршами и партіями; ибо трудно на одной баталіи главной счастье и благосостояніе своего Государства отважить; но съ помощію Вышняго мы усмотря удобное время и мѣсто и отъ оной баталіи не отречемся. Какіе же однако съ помощію Вышняго воинскими нашими дѣйства приключены непріятелю уроны, то признавають сами Шведскія главнѣйшія особы въ перенятыхъ отъ нихъ письмахъ до Шведской земли писанныхъ, такожъ и взятые отъ нихъ пленные и приходящіе непрестанно перебѣжчики; ибо изъ главнаго Королевскаго войска близъ цоловины, по выходѣ изъ Саксоніи, онаго убыло, и не то что удивленію, то смѣху достойно, что въ томъ письмѣ Шведскаго Короля не токмо Головчинскую акцію, при которой они однакожъ вдвое или больше передъ нашими людьми потеряли, но и побѣщеніе части своего войска при Черной Капѣ, гдѣ 6 знаменъ ихъ взято, но что еще удивительнѣе и совершенную побѣду надъ Левентаунтомъ, который отъ 1600 человекъ войска, на силу съ тремя тысячами къ нему Королю привелъ и всѣ пушки и большую часть знаменъ потерялъ и съ 8-ю тысячами воевъ нашихъ въ добычу оставилъ, которое все и съ 1500 пленныхъ въ Смоленскъ явно въ знакъ побѣды привезено такъ, что едва оный Генералъ вплавъ съ достальными чрезъ рѣку бѣгствомъ спастись ушелъ; однакожъ себя съ безстыдною въ лицѣ всего свѣта ложью въ побѣду и побѣщеніе нашего войска приписуетъ; также и Генерала Либетрова корпуса разрушеніе, который видя свою погибель, пострѣлявъ всѣхъ у конницы своей коней насилу съ достальными людьми на кораблѣ ушелъ, признать не хочетъ; и не знамо, какими никогда бывальными будто находками надъ войски нашими хвадится, гдѣ всегда войскъ не мало потерялъ; яко и на Деснѣ, которой рѣки удержаніе, ради крутыхъ съ другой стороны береговъ и наступавшихъ морозовъ, отъ которыхъ она въ нѣкоторыхъ мѣстахъ покрывалась льдомъ было уже начала и ради потребнаго взятія Батурина съ единомышленниками Мазепиными не возможно было но по знатномъ уронѣ непріятелю приключенномъ войски нашими для потребнѣйшихъ дѣйствій оттуда отведены; также онъ Король Швед-

ской и уронъ своихъ подъ Свиннымъ отъ нашихъ войскъ пертерпивною съ явною ложью себя въ выигрышъ приписуесть. О которыхъ всѣхъ тщетныхъ похвальбахъ болѣе смѣху нежели почитенія достойныхъ не разсуждаемъ потребно быть разпространять ибо оныя ихъ лжи и самохвалство всему уже свѣту известны и никто въ Европѣ ихъ Шведскимъ разглашаемымъ вѣдомостямъ яко отъ всегдашнихъ лживцевъ происходящихъ вѣры не подастъ и Король ихъ лживый во всей Европѣ никому не имовѣренъ. Но уповаемъ мы при помощи Вышняго, во время удобное ему гордому неприятелю своему въ самомъ дѣлѣ оружіемъ нашимъ показать, что то его поношеніе войскъ нашихъ ложно, какъ и Левенгауптовъ корпусъ, который усиленіе нашего корпуса числомъ былъ, то довольно чувствовалъ; что же принадлежитъ лживой его Короля Шведскаго клеветѣ, гдѣ прикрывая ненависть свою къ благочестивой нашей церкви и православноѣ вѣрѣ и знатно по злобному и боготступному совѣту Мазепину напоминаетъ будто оное, Великій Государь, съ Папою Римскимъ и соединеніи вѣры праотцемъ; и то паче посмѣянію нежели имовѣрію достойно, и да сохранитъ насъ Вышній дабы мы, яко поборитель о благочестіи и въ мысли о томъ имѣли; чего во вѣки истинною доказать никто не возможетъ. А что онъ въ доводъ тоя лжи представляетъ, будто отъ насъ позволены Римлянамъ Костелы на Москвѣ имѣти и іезуитомъ школы отправляти: и то не есть новое отъ насъ позволеніе, но отъ предковъ нашихъ, Великихъ Государей, Царей Всероссійскихъ, для иноземцевъ въ службѣ нашей сущихъ и въ государствахъ нашихъ купечество отправляющихъ позволено, не одной Римской но и Лютеранской и Кальвинской вѣры костеламъ быти и школы имѣть для обученія дѣтей ихъ держати въ одной Нѣмецкой слободѣ, гдѣ они живутъ; въ Казани же и Астрахани и Сибири и въ иныхъ нашихъ земляхъ позволено издревле и бусурманамъ мечети а Калмыкамъ и инымъ поганымъ мольбищи свои имѣти; и знатно что ввержены сии лживыя плевелы по внушенію воровскому Мазепину, для наведенія какого либо на насъ, Великаго Государя, подозрѣнія и для прикрытія показаннаго грабежа и ругательства Шведскаго церквей благочестивыхъ и свя-

тыни въ Литвѣ и въ сѣшнемъ Малороссійскомъ краѣ, о чемъ пространствѣ прежде сего объявлено. Обнадеживаніе же его Короля Шведскаго сѣшнему Малороссійскому краю обороны, какъ ложно, такъ и невозможно; ибо какъ можетъ онъ въ такомъ отдаленіи земель своихъ отъ сего края пребывая, оной оборонять? Къ тому же укоряетъ онъ насъ отягченіемъ земель нашихъ не объявляя о себѣ, како его земли отъ многихъ поборовъ и выборовъ рекрутъ такъ разорены, что многія пусты остались; а провинція Лифляндская, которую предки его за клятвою при такихъ кондіціяхъ, что оная при вольностяхъ и правахъ своихъ содержана быти имѣетъ, изъ подъ Польской власти отторгнули, въ такую неволю отецъ его и онъ поработили, какой больше нигдѣ быти не можетъ; ибо всю шляхту, безъ всякихъ причинъ, маестностей ихъ и имѣній лишили и откупщикамъ оныя отдали, которые же изъ нихъ знатные, на привилегіи свои ссылаясь, просили въ томъ пощады, вносили протестаціи, и тѣхъ многихъ мучительными смертями тирански казнили. Однакожъ не устыжается онъ Король Шведскій такіа свои немилосердія къ подданнымъ на насъ возлагати, чего намъ доказать не можетъ; ибо мы всѣхъ подданныхъ своихъ при правахъ и вольностяхъ ихъ не нарушимо всегда содерживаемъ а особливо Малороссійскому народу все обѣщенное при принятіи ихъ подъ высокодержавную отца нашего блаженныя памяти Великаго Государя Его Царскаго Величества руку содерживали и впредъ содерживать будемъ. Прочія же его Короля Шведскаго противъ коронованныхъ главъ обычая нанесенныя на насъ клеветы и хулы, сокращенія ради не разсуждаемъ достойны быти отвѣту, ибо не надлежало бѣ потентату честолюбивому обходиться такими возмутителямъ однимъ обычными дѣлами; но наипаче мы уничтожая оныя, яко самыя клеветы милуемъ и токмо вышписанное вѣрнымъ нашимъ подданнымъ на улику лжи въ томъ хульномъ письмѣ содержанной объявить сіе потребно быти разсудили, напоминая имъ притомъ паки милостиво, дабы на сіи злодѣйственныя къ конечной погибели и порабощенію ихъ съ совѣта измѣнника Мазепы вымышленныя прелести не смотрѣли, и ни обещаньями, ни угрозами непріятельскими, себя отъ нача-

той своей къ намъ Великому Государю, вѣрности отступать не допускали; но оному при Великороссійскихъ нашихъ войскахъ вездѣ мужественно отпоръ и промыслъ надъ ними чинили; ибо уповаемъ на милость Вышняго, что вскорѣ оной неприятель наипаче утомленъ и отъ нашего оружія пораженъ и изъ государствъ нашихъ выгнанъ будетъ и оныя вѣрные наши подданные по прежнему при правахъ и вольностяхъ своихъ вѣчно въ покоѣ и тишинѣ благополучно жительствоваы могутъ; отъ насъ же за ту свою показанную вѣрность вѣщую милость и награждение получить.

РЕГЛАМЕНТЪ КРИТС-КОМИССАРИАТУ.

8) Когда будутъ въ подкахъ офицерскіе плацвакансы и на тѣ мѣста будутъ присылать указы отъ Генераль-Фельдмаршаловъ и тѣ указы принимать и по онымъ въ заплать исполнять отъ нижняго офицера даже до подполковника; токмо въ окладахъ смотрѣть, чтобъ авансирующий на вакансѣ чрезвычайнаго оклада не получалъ, кромѣ ювовыгъжихъ иноземцовъ, которые въ его Царскаго Величества въ службу по капитуляціямъ призываны и дабы тѣ ихъ капитуляціи въ ордерахъ Генераль-Фельдмаршаловъ именно были описаны, а отъ Генераль-Аншефтовъ, которые отлучатся отъ командъ Генераловъ-Фельдмаршаловъ принимать ордеры въ повышеніи чиновъ отъ вышняго даже до капитана и въ заплать имъ чинить, какъ о томъ въ семъ пунктѣ вышепомянуто. А ежели отъ помянутыхъ господъ Генераль-Фельдмаршаловъ и прочихъ Генераль-Аншефтовъ будутъ ордеры присыланы выше градусовъ помянутыхъ чиновъ, хотя и на плацъ-вакансію: о томъ отписываться съ вышнимъ Коммиссаріатомъ; а между тѣмъ онымъ повышеннымъ персонамъ или вновь принятымъ въ службу Царскаго Величества выше тѣхъ офицій жалованья удержатъ, дабы резолюцію получить отъ вышняго Коммиссаріата, подъ прещеніемъ, какъ въ 4-мъ пунктѣ помянуто, кромѣ именнаго его Царскаго Величества указа, о которомъ именно въ указахъ будетъ объявлено.

12) Въ препозиціяхъ учрежденнаго Коммиссаріату Г-мъ Губернаторомъ предложено, дабы у всякаго подка былъ особый

коммиссаръ, которые всегда будутъ подъ повелѣніемъ Оберъ-Кригс-Коммиссара требовати и тѣ Цаль-Коммиссары всегда должны безотлучно быти при тѣхъ порученныхъ имъ полкахъ для заплаты, куда оный ни будетъ въ маршъ опредѣленъ: а настиговать фискаламъ въ обвѣхъ мѣстахъ въ братьѣ и кражѣ денегъ при коммиссарствѣ и прочаго, какъ казеннаго, такъ и съ людей на квартирахъ и по всюду, а въ неисполненія служба, убійствахъ, дракахъ и прочихъ преступленіяхъ подобныхъ имъ у генералитетства.

13) Смотрѣть того, чтобъ никто, какъ изъ вышнихъ такъ и изъ нижнихъ Г-дъ офицеровъ не употреблялъ какъ драгуна, такъ и солдата и всего даннаго изъ казны Царскаго Величества къ своимъ услугамъ и корысти, чего ради фискалы должны въ томъ обсервовать и противу тѣхъ у Коммиссаріату протестовать и по протестаціи помянутыхъ фискаловъ во отлученіи главнаго Коммиссаріату, Оберъ-Кригс-Коммиссаръ долженъ доношеніе имѣть главному командующему, дабы того, на кого протестація подана будетъ, отсылать для розыска и показанія въ томъ дѣлѣ совершенности до коммиссарства и потому соверша инквизицію требовать офицеровъ къ Кригс-рехту а потому дѣлу окончаніе чинить, какъ сентенція будетъ подписана. Будетъ же дѣло великому валеру и знатному убытку состоятъ: описываться съ главнымъ Коммиссаріатомъ; а ежели къ тому розыску обязана, будетъ Генеральная персона: то принявъ у фискала протестацію ежели не въ дальности будетъ отстоять, писать такожъ до главнаго Коммиссаріата, а будетъ разлучится въ дальности: о томъ чинить, не описываясь, розыскъ, какъ о томъ вышепомянута, дабы между тѣмъ въ перепискѣ его Царскаго Величества интересу чего не упустить.

Именный данный Сенату.—О примиреніи Короля Польскаго съ Рѣчью Посполитою на предложенныхъ кондиціяхъ со стороны Царскаго Величества.

Г-да Сенатъ! О сдѣшнемъ объявляю, что дѣло между Королемъ Польскимъ и Рѣчью Посполитою почитаю окончали, ибо пункты на чемъ быти миру между Королевскими Министры и

послами Конфедератскими здѣсь на мѣрѣ поставили и обѣ стороны приняли, и отданы послу Князю Долгорукому, который ѣдетъ въ Ярославль и тамъ яко медиаторъ при сѣздѣ вершить будетъ, съ которыхъ посылаю при семъ списокъ, изъ которыхъ увидите, что сами такъ себя обязали въ волю медиаторскую, что вихнуть нельзя.

Кондиціи, предложенныя со стороны Царскаго Величества къ примиренію межъ его Королевскимъ Величествомъ и чинами сконфедерованными Рѣчи Посполитой и войскъ обонхъ народовъ съ случая ссоръ между ими и войски его Королевскаго Величества Польскаго Саксонскими учинившихся, чрезъ интерпозицію его Царскаго Величества, на которыя его Царское Величество Королевское Величество для имѣющей своей приязни къ Рѣчи Посполитой, склонять изволилъ, и его Королевское Величество уже склонность свою къ соизволенію явить общалъ, и понеже его Царское Величество разсуждаетъ, что оныя согласны съ желаніемъ Рѣчи Посполитой, того ради уповать, что и отъ оныхъ приняты будутъ.

1) Чтобъ конгрессъ, какъ наискорѣе учиненъ быть могъ и для трактованія Король своихъ пленипотенціаровъ послать соизволяетъ, и дабы Г-да Конфедераты своихъ пленипотенціаровъ съ пленипотенціями туда назначили, а мѣсто конгрессу къ тому примиренію опредѣляется быть въ Ярославль по предложенію Г-дъ пословъ.

2) Время же оному конгрессу назначается быть въ среднихъ числахъ Маія по новому стилю.

3) Чтобъ съ посланнымъ нынѣ офицеромъ отъ его Царскаго Величества Конфедераты прислали къ послу, Князю Долгорукому, который опредѣленъ отъ его Царскаго Величества, яко медиатора, полномочнымъ посломъ на тотъ конгрессъ, пашпорты для его и Королевскихъ пленипотенціаровъ, которые имѣютъ на сѣздѣ ѣхать, и дабы на имена во оныхъ оставлено было мѣсто, чтобъ его Королевское Величество по своему изволенію могъ кого опредѣлить въ оныя вписать, кого онъ соизволитъ послать, также его Королевское Величество такожь будетъ тѣмъ доволенъ, кого они отъ себя похотятъ на тотъ конгрессъ

послать и для того бъ прислали и они роспись, кого къ тому конгрессу отъ себя назначиваютъ, противъ которой и къ нимъ для свободнаго проѣзду отъ его Королевскаго Величества паспорта присланы будутъ, такожъ, чтобъ съ обѣихъ сторонъ въ войскахъ публиковать и на крѣпко приказать, дабы почты для пересылки съ обѣихъ сторонъ имѣли свободное хожденіе.

4) Такожъ и курьерамъ съ паспортами съ обѣихъ сторонъ, и прочимъ людямъ, на тотъ конгрессъ приѣзжающимъ, свободный проѣздъ быть.

5) Чтобъ на мѣстѣ конгресса войску быть съ обѣихъ сторонъ по 300 человекъ пѣхоты для карауловъ.

6) Объявляясь, что тотчасъ сначала онаго конгресса, при объявленіи армістціи, отставленіе всѣхъ непріятельскихъ поступковъ, такожъ и контрибуцій должно имѣть быть соглашено вѣдугъ съ обѣихъ сторонъ.

7) А по заключеніи трактата, выводъ всѣхъ войскъ Саксонскихъ изъ Польши и Литвы, во время 4-хъ недель за границы имѣетъ быть учиненъ и не оставить Король болѣе изъ своихъ Саксонскихъ войскъ въ земляхъ Рѣчи Посполитой кромѣ гвардіи по статутамъ въ 1200 человекъ состоящей, которую однакъ на своей платѣ содержать изволить.

8) Сеймъ его Королевское Величество, по скончаніи трактата, назначить соизволяетъ какъ наискорѣе.

9) Чтобъ Рѣчь Посполитая его Королевскому Величеству довольную безопасность дала и обязалася, что она, по выходѣ Саксонскихъ войскъ, въ случаѣ новаго нападенія Короля Шведскаго, пока сія война не кончится, сама себя и Королевское Величество оборонять будутъ, не требуя тогда отъ Королевскаго Величества какаго вспоможенія.

10) Чтобъ разрѣшеніе и отставленіе обоихъ конфедерацій войсковой и воеводствъ, по выступленіи за рубежъ въ 4 недѣли, послѣ окончанія и подписаннаго договора, войскъ Саксонскихъ, наидальѣ потомъ въ 2 недѣли дѣйствительно слѣдовало подъ кондицію, что внутренняя безопасность, какъ въ цѣлости персонъ, такъ и въ имѣніи ихъ въ трактатъ съ обѣихъ сторонъ заключена и постановлена была.

11) Чтобъ совершенное безопасеніе его Королевскому Величеству исходатайствовано было, противъ всѣхъ, какъ внутреннихъ замѣшаній, такъ и особливо противъ Шведскихъ адгерентовъ и всякихъ иныхъ наружныхъ неспокойствъ. Сіе нынѣ за фундаментъ предлагается.

И Его Царское Величество, ради постановленія и заключенія трактата между обими сторонами, опредѣляетъ съ своей стороны, яко медиаторъ на тотъ конгрессъ своего чрезвычайнаго и полномочнаго Посла Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника Господина Князя Долгорукова, снабдя полною мочью и съ такою инструкціею, дабы имѣлъ добрыми своими средствами обѣ партіи къ примиренію привести, а ежели которая партія на добрыхъ кондиціяхъ, которыя согласны суть съ правами, какъ выше изображено, паче чаянія помириться не захочетъ, чтобъ въ такомъ случаѣ онъ посоль объявилъ, что его Царское Величество другую партію возьметъ и противъ той, которая примириться не хочетъ, себя объявить, на что въ нужномъ случаѣ имѣть будетъ онъ посоль полной указъ къ Генералу Царскаго Величества Рену, чтобъ оный по его опредѣленію съ войски Царскаго Величества изъ Украйны маршировалъ и противъ того дѣйствовалъ, кто внутреннему покою противенъ, на что его Королевское Величество, являя истинное намѣреніе къ примиренію, соизволилъ; такожъ общаетъ его Царское Величество Г-дамъ сконфедерованнымъ чинамъ трудиться, чтобъ тотъ трактатъ отъ его Королевскаго Величества содержанъ былъ (*).

П. с. з. Р. И. т. V. стр. 596—7. 3244. — 1718 Ноября 26. Именной. — Объ опредѣленіи въ губерніяхъ должностныхъ людей, согласно съ Шведскимъ Земскимъ Управленіемъ; о дать имъ инструкціи и о введеніи въ С. Петербургской Губерніи новаго управленія съ 1-го Іюля.

Въ губерніяхъ, всѣхъ людей во всемъ управленіи опредѣлтъ, намъ дать инструкціи и прочіе порядки всѣ противъ Шведскаго

(*) Таковыя кондиціи подписаны и заключены съ обѣихъ сторонъ министрами Апрѣля въ 16 дня 1710 года.

(или что переправя), дабы все распорядить нынѣшнимъ годомъ; а въ правленіе ея вступать имѣть съ будущаго 1720 года, но управлять по старому, а съ 1720 года почать по новому.

А для примѣра лучшаго, въ С. Петербургской Губерніи зачать съ 1-го Іюля по новому управлять.

ГОСПИСЬ ЧИНАМЪ:

- 1) Ландс-гевдингъ, Голова земской.
- 2) Оберъ-ландс-рихтеръ, Вышній земской судья.
- 3) Ланд-секретарь, Земской Дьякъ.
- 4) Бухгалтеръ, Земской Надзиратель сборовъ.
- 5) Ланд-рект-мейстеръ, Земской Казначей.
- 6) Ланд-фискаль, Земской Фискаль.
- 7) Ланд-мессеръ, межевщикъ.
- 8) Проссоль, Староста тюремной.
- 9) Ланд-коммисаръ, Земской Коммисаръ.
- 10) Ланд-рихтеръ, Земской Судья.
- 11) Ланд-шрейберъ, Подьячій Земской.
- 12) Кирхшпиль-Фохтъ.

П. с. з. Р. И. 670 стр. 3316. — 1719 Марта 3. Имянной. —
Объ утвержденіи и исполненіи приговоровъ Военныхъ Судовъ.

Великій Государь указалъ: надъ всеми офицерами и рядовыми, кто казого чина ни будетъ, которые поддержанными надъ ними крисс-рехты явятся не въ смертныхъ винахъ чинить экзекуцію при тѣхъ командахъ, гдѣ такіе крисс-рехты будутъ держаны однако напередъ, тѣ крисс-рехты конфирмовать командующимъ тѣми корпусами генераламъ. А которые офицеры приличаются въ смертныхъ винахъ: и тѣ крисс-рехты подписавъ подъ ними командующимъ генераламъ свою сентенцію, для совершенной конфирмаціи присылать въ Военную Коллегію, а въ Военной Коллегіи тѣ крисс-рехты конфирмовать и о экзекуціи докладывать Самому Его Царскому Величеству, а безъ того экзекуціи не чинить. А надъ унтеръ-офицерами, надъ рядовыми и неслужащими,

которые приличаются въ смертныхъ винахъ: чинить экзекуцію по конфирмаціи въ Военной Коллегіи.

П. с. в. Р. И. стр. 691. 3350.—1719 Апрѣля 9.—Декларация о Коммерціи на Балтійскомъ морѣ.

Его Царское Величество Всероссийское повелѣтъ всемъ Своимъ при иностранныхъ нейтральныхъ державъ дворахъ и городахъ пребывающимъ министрамъ и агентамъ высокіе Свои Указы дать: помянутымъ Державамъ и городамъ объявить, чтобъ оныя нынѣ домогались Королевство Шведское къ тому склонить, дабы купецкимъ кораблямъ всехъ ихъ подданныхъ, которые какъ въ Его Царскаго Величества, такъ и Королевства Шведскаго на Сѣверномъ и Балтійскомъ морѣ лежащія пристани Коммерцію свою отправлять намѣрены суть, свободно и безъ препятствія ходить позволено было; и того ради всемъ ихъ военнымъ кораблямъ, фрегатамъ и арматорамъ крѣпко заказано было: ни изъ вышепомянутыхъ мѣстъ въ пристани Его Царскаго Величества идущихъ, ниже оттуда съ грузомъ возвращающихся купеческихъ кораблей брать; но онымъ свободную и невозбранную навигацію позволить. И ежели Швеція безъ всякаго изключенія и изъятія на всѣ товары генерально позволить, то Его Царское Величество равнымъ образомъ изъ вышепомянутыхъ мѣстъ, съ какимибъ товарами оныя ни были, въ Швецію идущимъ и оттуда возвращающимся купеческимъ кораблямъ свободный и невозбранный провозъ позволить; и для того всемъ своимъ военнымъ кораблямъ, фрегатамъ и арматорамъ именно запретить повелѣтъ онымъ въ торговлѣ и проѣздахъ ихъ ни малѣйшаго препятствія не чинить. Но ежели Швеція по предложенію вышепереченныхъ Державъ и городовъ нагруженнымъ купеческимъ кораблямъ въ пристани Его Царскаго Величества хотя на свободной пропускъ позволить, однакожъ съ изъятіемъ нѣкотораго, что оныя иногда за контрабанду почтеть, и для того съ оными вещами брать велѣтъ, то Его Царское Величество тожъ Себѣ предоставляетъ, и въ разсужденіи того повелѣтъ своимъ военнымъ кораблямъ и фрегатамъ тѣ торговые корабли изъ вышепомянутыхъ кораблей

въ Швецію идущіе, которыхъ товары за контрабандъ не могутъ почтены быть, свободно допускать, но прочіе, которые съ контрабандомъ будутъ, кому бы оныя ни принадлежали, по учиненному осмотру брать и приводить велить. Единнымъ словомъ, на что Швеція въ такомъ случаѣ себя декларируетъ, то и отъ Его Царскаго Величества позволено будетъ, но ежели помянутыя неутральныя Державы и города Королевству Шведскому какъ прежде сего коммерціумъ въ Россіи не токмо запретить но и весьма запереть стараться будетъ: то Его Царское Величество противу того равнымъ образомъ поступить, и всемъ Своимъ военнымъ кораблямъ и фрегатамъ указы дать повелить, дабы всѣхъ тѣхъ неутральныхъ Державъ и городовъ въ Швецію идущіе и изъ Швеціи возвращающіеся купеческіе корабли со всеми нагруженными купеческими товарами безъ разбора брать и приводить, еже тогда Его Царскому Величеству помянутыя Державы и города никоимъ образомъ зазрѣть, ниже за несправедливо толковать не могутъ; ибо Его Величество никоимъ образомъ снести того не можетъ, чтобъ его непріятель чрезъ коммерціумъ и взятіе тѣхъ многихъ знатныхъ призовъ къ продолженію войны противъ онаго одного такъ великіе авантажи получить. Но понеже въ сей деклараціи токмо неутральныя Державы и города упомянуты, а Его Царскаго Величества высокихъ союзныхъ подданные въ томъ не выражены и то учинено того ради, понеже оныя и безъ того по силѣ между Его Царскимъ Величествомъ и оныхъ высокими принципалами учиненныхъ союзовъ, въ томъ обязаны, и ради великаго резона весь коммерціумъ въ Швецію яко общаго непріятели запретить и всемъ удобомышленнымъ образомъ Королевству Шведскому, какъ въ коммерціи, такъ и въ прочемъ ущербъ чинить и ни до малаго авантажа не допускать, того ради онымъ симъ декларируется, что ихъ корабли ни въ которое время свободны не будутъ. Но ежели нѣкоторые изъ купецкихъ кораблей, которые въ Швецію пойдутъ; или оттуда возвращаться будутъ и оныя отъ Его Царскаго Величества военныхъ кораблей, фрегатовъ и арматоровъ на морѣ найдены будутъ, то оныя отъ нихъ безъ дальнаго разсмотрѣнія взяты быть имѣютъ, развѣ когда напередъ кому изъ оныхъ кораблей о сво-

бдѣмъ пропускъ у Его Царскаго Величества потребныя пасы
исходатайствованы будутъ. И дабы каждый по сему поступать
и отъ всякаго слѣдованія благовременно предостеречь себя
могъ, и того ради сія декларація напечатана и всюду публи-
кована.

ПРИЛОЖЕНІЯ

КЪ ТРЕТЕЙ ЧАСТИ.

Вотъ указаніе, критическое отчасти, поэтическихъ мѣстъ
въ стихотвореніяхъ Ломоносова.

Въ одѣ второй:

Взойди на брегъ крутой высокой,
Гдѣ кончится землею поитъ;
Простри свое чрезъ воды око,
Коль много обнялъ горизонтъ;
Внимай, какъ югъ пучину давить,
Съ пескомъ мутитъ, зыбь на зыбь ставить,
Касается морскому дну,
На сушу гонитъ глубину (1)

Последній стихъ напоминаетъ стихи Языкова:

И бегутъ чрезъ крутояры
Многоводной Ніагары
Ширина и глубина.

И такъ вотъ гдѣ отзывалось это смѣлое и прекрасное
употребленіе слова.

(1) Полн. собр. соч. М. В. Ломоносова. Спб. 1805, ч. 1, стр. 98. 90. 103.

Изъ оды пятой:

На востокъ, западъ и югъ,
 Во всемъ пространномъ свѣта кругъ
 Ужасны Россіе полки
 Мечи и племы отложите,
 И въ храбры руки днесъ возьмите
 Зелены вѣтви и цвѣтки.
 Союзны царства утверждайтѣ
 Въ предметахъ вашихъ тишину,
 Вы бурны вихри не держайте
 Подвигнуть нынѣ глубину.

Какъ сладкій сонъ вливаетъ въ члены,
 Во дни трудами изнуренны,
 Отраду, легкость и покой,
 Какъ мысль въ весельѣ утопаетъ.
 О коль прекрасенъ свѣтъ блистаетъ,
 Являя видъ страны иной!
 Тамъ миръ въ поляхъ и надъ водами;
 Тамъ вихрей нѣтъ, ни шумныхъ бурь;
 Между млечными облаками
 Сіяетъ злато и лазурь.

Теперь во всѣхъ градахъ Россійскихъ
 По селамъ и въ степяхъ Азійскихъ
 Единогласно говорятъ:

.
 Не будетъ страшной ужъ премъны,
 И отъ Россійскихъ храбрыхъ рукъ
 Разсыплются противныхъ стѣны
 И сильныхъ изнеможеть лукъ. ⁽¹⁾

Изъ оды шестой:

Намъ въ ономъ ужасъ казалось,
 Что море въ ярости своей

(1) Полн. собр. соч. М. В. Ломоносова. Спб. 1803, ч. 1, стр. 98. 99. 103.

Съ предѣлами небесъ сражалось,
 Земля стонала отъ зыбей,
 Что вихри въ вихри ударились,
 И тучи съ тучами спирались,
 И устремлялся громъ на громъ,
 И что надуты водъ громады
 Текли покрыть пространны грады.
 Сравнять хребты горъ съ влажнымъ дномъ.

Сладка плодамъ во время зною
 Прохлада влажныя росы.
 И сонъ подъ твнью дровъ густою
 Пріятенъ въ жаркіе часы

Да возрастетъ Ея держава,
 Богатство, щастье и полки,
 И купно двѣ геройскихъ слава;
 Какъ токъ великія рѣки
 Чѣмъ далъ бытъ свой простираетъ,
 Тѣмъ больше водъ въ себя вмещаетъ,
 И множество градовъ поить;
 Разлившись на поля восходитъ,
 Обильный тукъ на нихъ наводитъ,
 И жатвы щедро богатитъ. (1)

Изъ оды седьмой:

Тамъ мужъ звѣздами изпещренный
 Свой свѣтлый напрягаетъ лукъ,
 Діана стрѣлы позлащенны
 Съ нимъ мечетъ изъ прекрасныхъ рукъ.

Вотъ между прочими доказательство словъ нашихъ, что
 сравненіе становится и на первомъ планѣ и собственно по-
 этическимъ мѣстомъ:

Ты судъ и милость сопрягаешь,
 Повинныхъ съ кротостью казнишь,

Безъ гнѣву злобныхъ исправляешь,
 Ты осужденныхъ кровь щадишь.
 Такъ Нилъ смиренно протекаетъ:
 Береговъ своихъ онъ не терзаетъ,
 Но пользой выше прочихъ рѣкъ
 Своею сладкою водою,
 Въ лугахъ зеленыхъ пролитую,
 Златой даетъ Египту. вѣкъ.

Тогда отъ радостной Полтавы
 Побѣды Росской звукъ гремѣлъ,
 Тогда не могъ Петровой славы
 Вмѣстить вселенныя предѣлы;
 Тогда Вандалы побѣждены
 Главы имѣли преклоненны
 Еще при пеленахъ Твоихъ;
 Тогда предъявлено судьбою,
 Что съ трепетомъ передъ тобою
 Падутъ полки потомковъ ихъ.

Да будетъ тое (счастіе) невардимю,
 Какъ верхъ высокія горы
 Взираетъ непоколебимо
 На мракъ и вредныя пары;
 Не можетъ вихрь его достигнуть,
 Ни громы страшныя подыгнуть,
 Взнесетъ къ безоблачнымъ странамъ,
 Ногами тучи попираетъ,
 Угрюмы бури презираетъ,
 Смѣется скачущимъ волнамъ. ⁽¹⁾

У Державина:

Плыветъ по скачущимъ волнамъ.

(1) Полн. собр. соч. М. В. Ломоносова. Спб. 1803, ч. 1. стр. 118—120.

Изъ оды восьмой:

Царей и царствъ земныхъ отрада,
Возлюбленная тишина,
Блаженство сель, градовъ ограда,
Коль ты полезна и красна!
Вокругъ тебя цветы пестрятъ
И класы на поляхъ желтвють;
Сокровищъ полны корабли
Дерзають въ море за тобою,
Ты сыплешь щедрою рукою
Свое богатство по земли.

Когда на тронъ она вступила,
Какъ Вышній подалъ Ей вѣнецъ:
Тебя въ Россію возвратила,
Войнѣ поставила конецъ;
Тебя пріявъ обლობызала:
Мнѣ полно тѣхъ побѣдъ, сказала,
Для коней крови льется токъ.
Я Россовъ щастьемъ услаждаю,
Я ихъ спокойствомъ не мѣняю
На цѣлый западъ и востокъ.

Ужасный чудными дѣлами,
Зиждитель міра искони
Своими положилъ судьбами,
Себя прославить въ наши дни;
Послалъ въ Россію человека,
Каковъ не слыханъ былъ отъ вѣка.

Онъ говорить про побѣду:

И шумъ въ полкахъ со всехъ сторонъ,
Звучашу славу заглушаетъ,
И грому трубъ ея мѣшаетъ
Плачевный побѣжденныхъ стонъ.

Толкое земель пространство
 Когда Всевышній поручилъ
 Тебѣ въ щастливое подданство,
 Тогда сокровища открылъ,
 Какими хвалится Индія:
 Но требуетъ къ тому Россія
 Искусствомъ утвержденныхъ рукъ;
 Сіе злату очистить жилу,
 Почувствуютъ и камни силу
 Тобой возставленныхъ наукъ.

Хотя всегдашними снѣгами
 Покрыта сѣверна страна,
 Гдѣ мерзлыми борей крылами
 Твоя взвизгиваетъ знамена;
 Но Богъ межъ льдистыми горами
 Великъ своими чудесами:
 Тамъ Лена чистой быстриной,
 Какъ Нилъ народы наполяетъ
 И брега наконецъ тердетъ,
 Сравнившись морю шириной.

Коль многи смертнымъ неизвѣстны
 Творить натура чудеса,
 Гдѣ густостью животнымъ тѣсны
 Стоять глубокіе лѣса,
 Гдѣ въ роскоши прохладныхъ тѣней
 На паствѣ скачущихъ еленей,
 Ловящихъ крикъ не разгонялъ;
 Охотникъ гдѣ не мѣтилъ лукомъ;
 Сѣкирнымъ земледвѣцъ стукомъ
 Поющихъ птицъ не устрашалъ.

У Державина:

Лѣса, которые отъ вѣка
 Ни стукъ сѣкиръ, ни человѣка
 Веселый гласъ не возмущалъ.

Далѣе:

Тамъ тмою островъ посянъ,
Рѣкъ подобенъ океанъ;
Небесной синевой одянъ,
Павлина посрамляетъ вранъ.
Тамъ тучи разныхъ птицъ летаютъ,
Что пестротою превышаютъ
Одежду нѣжныя весны;
Питаюсь въ рощахъ ароматныхъ
И плаваю въ струяхъ пріятныхъ,
Не знаютъ строгія зимы. ⁽¹⁾

Изъ оды девятой:

Заря багряною рукою,
Отъ утреннихъ спокойныхъ водъ,
Выводитъ съ солнцемъ за собою
Твоей державы новый годъ.

Пушкинъ пародировалъ съ любовью эти стихи въ Евг.
Онѣгинъ:

Заря багряною рукою; и пр.

Далѣе:

Благословенное начало
Тебѣ, богиня, возсіяло.
И нашихъ искренность сердецъ
Предъ трономъ Вышняго пылаетъ,
Да счастьемъ твоимъ вьичаетъ
Его средину и конецъ.
Да движутся светила стройно
Въ предписанныхъ себѣ кругахъ,
И рѣки да текутъ спокойно
Въ тебѣ послушныхъ берегахъ.

(1) Полн. собр. соч. М. В. Ломоносова. Спб. 1805, ч. 1, стр. 190 128.

Съ способными вѣтрами спора,
 Терзать да не дерзнетъ борей
 Покрытаго судами моря
 Пловущими къ земли Твоей:
 Да всѣхъ глубокой миръ питаетъ,
 Желѣзо браней да не знаетъ,
 Служа въ трудъ безмолвныхъ селъ.

Въ луга усыпанны цвѣтами
 Царица трудолюбныхъ пчелъ,
 Блестящими шума крылами,
 Летитъ между прохладныхъ селъ;
 Стекается, оставивъ розы
 И сотомъ напоенны лозы,
 Со тщаніемъ отсюда рой.

Но море нашей тишины
 Уже предѣлы превосходитъ,
 Своимъ избыткомъ миръ наводитъ,
 Разлившись въ западны страны.

Прекрасная мысль ; вотъ значеніе и назначеніе Россіи.
 Ломоносовъ кажется понималъ его.

И мечъ твой лаврами обвитый,
 Не обнаженъ, войну пресекаъ.

Въ поляхъ исполненныхъ плодами,
 Гдѣ Волга, Днѣпръ, Нѣва и Донъ
 Своими чистыми струями
 Шума, стадамъ наводятъ сонъ,
 Свѣдятъ и ноги простираетъ
 На степь, гдѣ Хину отдыхаетъ
 Пространная стѣна отъ насъ;
 Веселый взоръ свой обращаетъ,

И вокругъ дольства изчисляеть,
Возлепши локтемъ на Кавказъ. ⁽¹⁾

Изъ оды десятой:

Коль часто долы оживдаеть
Ловящихъ шумъ межъ нашихъ горъ,
Когда богиня понуждаеть
Зврей чрезъ трубный гласъ изъ норъ!
Ей втры въ слѣдъ не успѣвають;
Коню бѣжать не воспящаютъ
Ни рвы, ни частыхъ втѣвой связъ:
Крутить главой, звучить браздами,
И топчетъ бурными ногами,
Прекрасной всадницей горда. ⁽²⁾

Изъ оды двѣнадцатой:

Когда на холмѣ кто высоко
Сядя, вокругъ объемлетъ окомъ
Поля въ прекрасной лѣтней день,
Сады, долины, роши злачны,
Шумящихъ водъ кюши прозрачны
И дровъ густыхъ прохладну тѣнь,
Стада ходящи межъ цвѣтами,
Обильность сельскаго труда,
И желты класы межъ браздами;
Что чувствуетъ въ себѣ тогда?

Тамъ въ кругъ облежъ Драконъ ужасный
Мѣста святы, мѣста прекрасны,
И къ облакамъ сто главъ вознесъ!
Весь свѣтъ чудовища стращится,

(1) Полн. собр. М. В. Ломоносова М. 1845, ч. 1, стр. 450—450.

(2) Тамъ-же, ч. 1, стр. 143.

Единъ лишь смѣло устремиться
 Россійскій можетъ Геркулесъ.
 Единъ сто острыхъ жалъ притупить
 И множествомъ низвергнуть ранъ,
 Единъ на сто головъ наступить,
 Возставить вольность многихъ странъ.

Въ своихъ увидить предкахъ явны
 Дѣла велики и преславны,
 Что могутъ духъ природѣ дать.
 Уже младаго Михаила
 Была къ тому довольна сила
 Упадшую Москву поднять,
 И послѣ страшной перемѣны
 Въ предѣлахъ удержать враговъ,
 Собрать разсыпанные члены
 Такого множества градовъ.

Сарматъ съ свирѣпостью своею
 Трофеи отдалъ Алексѣю.
 Онъ судъ и правду положилъ,
 Онъ войско правильное вскорѣ,
 Онъ новый флотъ готовилъ въ море;
 Но все то Богъ Петру судилъ.

Но нынѣ мы не зная брани,
 Простремъ сердца и мысль и длани
 Съ усерднымъ гласомъ къ небесамъ.
 О Боже крѣпкій Вседержитель,
 Предвѣловъ Россіихъ разширитель,
 Коль милостивъ бывалъ Ты намъ!

Воззри къ намъ съ высоты святыя,
 Воззри, коль широка Россія,
 Которой далъ ты власть и цвѣтъ.
 Отъ всѣхъ полей и рѣкъ широкихъ,

Отъ всѣхъ морей и горъ высокинъ,
Къ тебѣ зывали девять лѣтъ. (1)

У Языкова:

Изъ равнинъ, степей широкихъ,
Съ рѣкъ великихъ, съ горъ высокихъ,
Отъ осьми твоихъ морей.

Изъ оды тринадцатой:

Онъ (Петръ) живъ, надежда и покровъ;
Онъ живъ, во всѣ страны взираетъ,
Свою Россію обновляетъ;
Полки, законы, корабли
Самъ строитъ, правитъ и предводитъ,
Натуру духомъ превосходить,
Герой въ моряхъ и на земли.

Божественный пѣвецъ Давидъ
Священными шумитъ струнами,
И Бога полными устами
Исайя восхищенъ гремитъ. (2)

Изъ оды шестнадцатой:

Безгласна видя на одрѣ
Защитника, отца, героя,
Рыдали Россы о Петрѣ
Вездѣ наполненъ воздухъ вой,
И сѣтовали всѣ мѣста:
Земля казалася пуста:
Взглянуть на небо, не сіять;
Взглянуть на рѣки, не текуть,

(1) Пол. Соб. соч. М. В. Ломоносова. Спб. 1805. ч. 1, стр. 158—166.

(2) Тамъ-же, стр. 166—172.

И горъ высоту оспласть,
Натуры всей пресыкса трудъ.

Необходимая судьба
Во всѣхъ народахъ положила,
Дабы военная труба
Унылыхъ къ бодрости будила,
Чтобъ въ нѣдрахъ мягкой тишины
Не зацвели, водамъ равны,
Что вокругъ защищены горами,
Дубровой, неподвижны спать,
И подъ лѣнливыми листьями
Презрѣнной производить гадъ.

Ведеть Творецъ, Онъ идетъ въ слѣдъ;
Воздвигъ насъ. Россы ускоряйте,
На образъ въ знакъ Его побѣдъ
Рифейски горы изтощайте,
Дабы Его безсметный ликъ,
Какъ солнце, свѣтель и великъ,
Сіялъ во всѣ концы земныя. (1)

Изъ оды семнадцатой:

Когда по глубинѣ невѣрной,
Къ невѣдомымъ брегамъ плывецъ
Спѣшитъ по дальности безмѣрной,
И не является конецъ;
Прилежно смотритъ птицъ полеты,
Въ водѣ и въ воздухѣ примѣты,
И какъ ужъ томную главу
На брегъ желанный полагаетъ,
Въ слезахъ отъ радости лобзаетъ
Песокъ и мягкую траву. (2)

(1) Полн. собр. соч. М. В. Ломоносова. Сб. 1805, ч. 1, стр. 187. — 187.

(2) Тамъ-же, стр. 201.

Изъ оды восемнадцатой:

Какъ хорошъ оборотъ:

Любовь твоя къ Екатеринѣ,
Екатеринина къ тебѣ,
Побѣду даровала нынѣ.

Обширность нашихъ странъ измѣрьте,
Прочтите книги славныхъ дѣлъ,
И чувствамъ собственнымъ повѣрьте:
Не вамъ подвергнуть нашъ предѣлъ.
Изчислите тѣмъ сильныхъ боевъ,
Изчислите у насъ героевъ
Отъ земледѣльца до Царя,
Въ судѣ, въ полкахъ, въ моряхъ и селахъ,
Въ своихъ и на чужихъ предѣлахъ,
И у святаго олтаря. (1)

Изъ оды девятнадцатой:

Пою наставшій годъ: онъ славенъ,
Онъ будетъ красота вѣковъ,
Твоимъ намѣреніямъ равенъ,
Богиня, радость и покровъ!

Среди торжественнаго звуку
О ревности моей увѣрь,
Что нынѣ чтя Петрову внуку,
Пою, какъ пѣлъ Петрову дочерь.

Самъ Богъ ведетъ, и кто противу?
Кто ходъ его остановить?
Какъ океанскихъ водъ разливу,
Навстрѣчу кто поставитъ щитъ!

(1) Тамъ-же, стр. 206. 211.

Гдѣ звуки? гдѣ огни и страхи?
Гдѣ, гдѣ всегдашній дымъ и прахи?
Въ нихъ Вышній не благоволилъ,
Въ свою не принялъ благостыню.

Превыше облакъ восходящій
Недвижно зрѣть отъ звѣздъ Атлантъ,
На вихрь въ подножіяхъ шумящій.

О ты, пресвѣтлый предводитель
Отъ вѣчности текущихъ лѣтъ,
Цвѣтущихъ, дышущихъ живитель,
Ты око и душа планетъ,
Позволь къ твоему мнѣ дому,
Ко храму твоему златому,
Позволь приближившись воззрѣть!
Уже изъ свѣтлыхъ вратъ сафирныхъ
Направилъ коней ты эфирныхъ,
Ржутъ, топчутъ твердь, спѣшать летѣть.

Ты съ новымъ торжествуя годомъ,
Между блистающихъ колесъ
Лазуревымъ пустился сводомъ,
Течешь на крутизну небесъ;
Стремясь къ пріятствамъ вѣшной нѣги,
Одолѣваешь зиму, снѣги:
Таковъ Екатерининъ нравъ.

Далѣе: опять доказательство сказаннаго нами о сравненіяхъ.

Когда съ превыспреннихъ неслосной
Приблизится на землю жаръ;
То дождь прольешь намъ плодоносной,
Поднявъ, сгустивъ во облакъ паръ.
Умеришь тѣмъ прекрасно лѣто....

Уже по изобильномъ лѣтѣ
Достигнетъ солнце, гдѣ всѣмъ
Равняютъ день и ночь на свѣтѣ.

Я слышу нимфъ поющихъ гласы,
Носящихъ сладкіе плоды;
Тамъ въ гумнахъ чистятъ тучны класы:
Шумятъ огромныя скирды.
Среди охотничей тревоги,
Лѣсами раздаются роги,
Въ поковъ представляя брань.

«Цвѣтутъ во славѣ мною царства,
«И пишутъ правой судъ цари;
«Гнушаясь мерзостью коварства,
«Рышу нелицемѣрно при.
«Могу дѣла изчислить задни,
«И что раждается по вся дни;
«О будущемъ предвозвѣщу;
«Мои полезны всѣмъ совѣты;
«Отъ чтителей моихъ навѣты
«Предупреждая отвращу.

«Господь творенія начало
«Премудростію положилъ;
«При мнѣ впервые возсіало
«На тверди множество свѣтилъ;
«И въ нѣдрахъ неизмѣрной бездны
«Назначилъ словомъ бѣги звѣзды.
«Со мною солнце онъ возжегъ,
«Въ стихіяхъ прекратилъ раздоры,
«Унизилъ доль, возвысилъ горы,
«И предписалъ пучинѣ брегъ.»

Смотри, смотри, внимай, вѣщають,
Въ обширны Русскіе края,

Гдѣ сильны рѣки протекають,
 Народы многіе поя;
 Изъ нихъ чрезъ горъ хребты высоки
 Прольются новые потоки
 Екатерининою рукой.
 Дабы, чрезъ еочетанны воды,
 Другъ другомъ пользуясь, народы
 Размножили избытокъ свой ⁽¹⁾.

Надо помнить, что мы выписываемъ и относительно
 языка.

Сколько есть прекрасныхъ стиховъ въ его Разговорѣ
 съ Анакресономъ:

Мнѣ пѣть было о Троѣ,
 О Кадмѣ мнѣ бы пѣть,
 Да гусли мнѣ въ покоѣ
 Любовь велятъ звенѣть.
 Я гусли со струнами
 Вчера перемѣнилъ,
 И славными дѣлами
 Алкида возносилъ,
 Да гусли поневолѣ
 Любовь мнѣ пѣть велятъ.
 О васъ герои болѣ,
 Прощайте, не хотятъ. ⁽²⁾

Мнѣ дѣвушки сказали:
 Ты дожилъ старыхъ лѣтъ,
 И зеркало мнѣ дали;
 Смотри, ты лысъ и сѣдъ.
 Я не тужу нисколько,

(1) Полн. собр. соч. М. В. Ломоносова. Спб. 1803, ч. 1, стр. 214—222.

(2) Тамъ-же, стр. 259.

Еще ль мой волосъ дѣлѣ,
Иль темя гладко стало,
И весь я побывалъ. (1)

Мастеръ въ живописствѣ первой,
Первой въ Родской сторонѣ,
Мастеръ наученъ Минервой,
Напиши любезну мнѣ.
Напиши ей кудри черны,
Безъ искусныхъ рукъ уборы,
Съ благовономъ духовъ,
Буде способъ есть таковъ.

Дай изъ розъ въ лице ей крови,
И какъ снѣгъ представъ бѣлу.
Проведи дугами брови
По высокому челу.
Не своди одну съ другою,
Но разставь ихъ межъ собою,
Сдѣлай хитростью своей,
Какъ у дѣвушки моей. (2)

Какъ хороши еще стихи его изъ Анакреона; такъ они
просты и граціозны:

Ночною темнотою
Покрылись небеса,
Всѣ люди для покою,
Сомкнули ужъ глаза.
Внезапно постучался
У двери купидонъ;
Пріятной перервался
Въ началъ самомъ сонъ.
Кто такъ стучится смѣло?

(1) Полн. собр. соч. М. В. Ломоносова. Спб. 1805, ч. 1, стр. 243.

(2) Тамъ-же, стр. 244.

Со гнѣвомъ я вскричалъ.
 Согрѣй обмерзло тѣло,
 Сквозь дверь онъ отвѣчалъ,
 Чего ты утѣшилъ?
 Я мальчикъ чуть дышу,
 Я ночью заблудился,
 Обмокъ и весь дрожу.
 Тогда мнѣ жалко стало,
 Я свѣчку заветилъ,
 Не медлиши ни мало
 Къ себѣ его пустилъ.
 Увидѣлъ, что крылами
 Онъ машетъ за спиной;
 Колчанъ набить стрѣлами;
 Лукъ стянуть тетивой.
 Жалѣя о несчастьѣ,
 Огонь я разложилъ,
 И при такомъ ненастьѣ
 Къ камину посадилъ.
 Я теплыми руками
 Холодны руки мять,
 Я крылья и съ кудрями
 До суха выжималъ ⁽¹⁾.

Сколько также прекрасныхъ и сильныхъ стиховъ въ переводѣ оды на счастье, Руссо, особливо когда сравнить съ переводомъ Сумарокова:

Слепыя мы судьи, слѣпыя,
 Чудимся таковымъ дѣламъ!
 Оди ли приключенья злыя
 Даютъ достоинство царямъ?
 Ихъ славъ бѣдствами обильной,
 Безъ брани хищной и насильной

(1) Полн. собр. соч. М. В. Домоносова. Спб. 1803, ч. 6, стр. 440—441.

Не можно развѣ устоять?
 Не можно божеству земному,
 Безъ ударяющаго грома
 Своимъ величествомъ блистать?

Вотще готовить гнѣвъ Юноны
 Енею смерть среди валовъ;
 Премудрость! чрезъ твои законы
 Онъ выше рока и боговъ (1).

Какъ хорошъ его шестистопный ямбическій стихъ, какъ слышенъ онъ у Пушкина съ своею простотою и важностію вмѣстѣ; напр: въ надписи къ статуѣ Петра Великаго:

Се образъ изваянъ премудраго героя,
 Что ради подданныхъ лишивъ себя покоя,
 Последний принявъ чинъ, и царствуя служилъ,
 Свои законы самъ примѣромъ утвердилъ,
 Рожденны къ скипетру простеръ въ работу руки,
 Монаршу власть скрывалъ, чтобъ намъ открыть науки.

Когда онъ строилъ градъ, сносилъ труды въ войнахъ,
 Въ земляхъ далекихъ былъ и странствовалъ въ моряхъ,
 Художниковъ собиралъ и обучалъ солдатъ,
 Домашнихъ побуждалъ и вышнихъ супостатовъ. (2)

Надпись 4:

Зваяннымъ образомъ, что въ древни времена
 Героямъ ставили за славные походы,
 Невѣжествомъ вѣковъ честь божеска дана,
 И чтили жертвой ихъ послѣдовавши роды,
 Что вѣра правая творить всегда претитъ.
 Но вамъ простительно, о поздые потомки,

(1) Полн. собр. соч. М. В. Ломоносова. 1803, ч. 1, стр. 255—261.

(2) Тамъ-же, стр. 271.

Когда услышавъ вы дѣла Петровы громки,
Поставите оltарь предъ сей геройскій видъ. ⁽¹⁾

Надпись 20:

Повсюду нынѣ миръ возлюбленный цвѣтетъ,
Лежитъ оружіе, и съ кровью слезъ не льетъ;
И земледѣлецъ плугъ выносить безопасно. ⁽²⁾

Надпись 22:

Желая некогда преславный островъ Родъ
Пловущихъ по морю спасти отъ непогодъ,
Себѣ хвалу снискать, другимъ давать отраду,
Поставилъ на берегу пречудную громаду;
Великій исполинъ семьдесятъ локтей
Свѣтильникъ чрезъ всю ночь держалъ поверхъ зыбей,
Далеке блескъ пускалъ чрезъ море неустойно,
И корабли вводилъ въ пристанище спокойно. ⁽³⁾

Надпись 23:

Когда ночная тѣма скрываетъ горизонтъ,
Скрываются поля, лѣса, берега и pontъ.
Чувствительны цвѣты во тѣмѣ себя сжимаютъ,
Отъ холоду кроются и солнца ожидаютъ;
Но только лишь оно въ луга свой лучъ прольетъ,
Открывшись въ теплотъ сіяетъ каждый цвѣтъ,
Богатство красоты предъ онымъ отверзаетъ,
И свой пріятной духъ, какъ жертву проливаетъ. ⁽⁴⁾

(1) Полн. собр. соч. М. В. Ломоносова. Спб. 1805, ч. 1, стр. 272.

(2) Тамъ-же, стр. 281.

(3) Тамъ-же, стр. 283.

(4) Тамъ-же, стр. 283—284.

Надпись 25:

Побѣдъ слѣдуетъ весело торжество,
 Герой пріемлетъ честь и жертву божество.
 Звучать въ полкахъ трубы, на плѣнникахъ оковы,
 Въ противничей крови несутъ щиты багровы. (1)

Надпись 26:

Хотя щастливыя военныя дѣла
 Монархамъ громкая на свѣтъ похвала;
 Но въ ясной тишинѣ возлюбленнаго мира
 Прекраснѣе ко всемъ сіяетъ ихъ порфира.
 Велико дѣло въ томъ, чтобъ часто побѣждать;
 Но болѣе того всегдашній миръ держать.
 Въ побѣдахъ надлежитъ полкамъ большая доля,
 Въ побѣдахъ счастію почти дана вся воля.

.....

Производить плоды природно только лѣту,
 И кроткій миръ единъ даетъ богатство свѣту.
 То правда, надлежитъ и зиму темъ хвалить,
 Что можетъ суровство повѣтрій отвратить,
 И вредны умертвить въ лѣсахъ и нивахъ гады.
 Подобныя даетъ щастлива брань отрады.
 Но какъ между стихій съ зимой минетъ война,
 И намъ является прекрасная весна;
 Отъ ней неистовы Боренъ убѣгаютъ;
 Отъ ней пріятны Зефиры вылетаютъ;
 Дыхая по землѣ, дыхая по водамъ,
 Велятъ всходить цвѣтамъ, велятъ упасть волнамъ.
 Ведутъ суда въ моря и земледѣльца въ нивы,
 Готовятъ сладкой плодъ и въ пристань путь щастливой.

.....

(1) Полн. собр. соч. М. В. Ломоносова. Спб. 1803. ч. 1, стр. 288.

Въ довольствѣ спѣеть трутъ, довольствіе въ трудѣ

.....

Толикимъ множествомъ божественныхъ даровъ
Довольствуемся мы имѣя всемъ покровъ. (1)

Надпись 27.

Не зубы стеръ боецъ предъ Римлянами львицъ,
Ниже кто облетѣлъ всѣхъ прочихъ въ колесницъ. (2)

Надпись 29:

И тщится ускорить щедротой всходъ наукъ,
И хитрость разную художественныхъ рукъ. (3)

Надпись 38:

По правдѣ вѣчность есть пространнѣй Океанъ,
Что вихрямъ завсегда на колебанье данъ.
Въ ней лѣта, корабли, что скоро пробѣгаютъ,
И въ дальности себя безвѣстной закрываютъ.

.....

Сіи наполнены довольствомъ корабли
Мы видимъ веселясь со счастливой земли.

.....

Да многіе потомъ довольствѣ увидимъ полны,
Не вѣдая, что вихрь, не вѣдая, что волны. (4)

(1) Полн. собр. соч. М. В. Ломоносова. Сиб. 1803, ч. 1, стр. 286—287.

(2) Тамъ-же, стр. 288.

(3) Тамъ-же, стр. 290—291.

(4) Тамъ-же, стр. 298—299.

Стихи Ея Императорскому Величеству Елисаветъ Петровна. Въ нихъ особенно видно, какъ сильно поражало Ломоносова пространство Россіи, о которомъ такъ прескрасно говорить Гоголь:

Гдѣ въ свѣтъ есть народъ, земля, страна и царство
Подобная странѣ, Монархія, Твоей?
Отъ запада твое простерлось государство,
Отъ юга, сѣвера и утреннихъ полей.

Какъ утреннимъ лучемъ престолъ Твой здѣсь сілетъ,
Другую часть страны Твоей покоитъ ночь;
Какъ утрення заря Камчатку озаряетъ,
Вечерняя отсель тогда отходить прочь;
Когда имѣетъ ночь народъ Твой южный лѣтомъ,
То сѣверный народъ въ трудахъ полдневныхъ бдитъ;
Какъ звѣзднымъ Астрахань въ ночи блистаетъ свѣтомъ,
То Колъ во полнѣйшемъ блистаніи солнце зритъ.

Начавши отъ Двины огонь праздничный пылаетъ,
По дальнейшій Амуръ, что Хингъ отъ насъ дѣлитъ.
И съ восклицаніемъ во всѣхъ странахъ шумящимъ
Языки разными вѣщаетъ твой народъ. ⁽¹⁾

Письмо къ И. И. Шувалову:

Прекрасны лѣтніи дни сія на исходѣ,
Богатство съ красотой обильно сыплютъ въ міръ;
Надежда радостью кончается въ народѣ;
Натура смертнымъ всемъ открыла общій пиръ.
Созрѣлые плоды древа отягощаютъ
И кажутъ солнечнымъ румянецъ свой лучамъ,
И руку жадную пригожствомъ привлекаютъ;
Что снять своей рукой, тотъ слаще плодъ устамъ.

(1) Полн. собр. соч. М. В. Ломоносова. Спб. 1805, ч. 1, стр. 307—308.

Сіе довольствіе и красота всемістна,
 Не только жителямъ обильнѣйшихъ полей
 Полезной роскошью является прелестна,
 Богинь влечетъ она пріятностью своею.
 Чертоги свѣтлыя, блистаніе металловъ
 Оставивъ, на поля спѣшить Елисаветъ ;
 Ты слѣдуешь за ней, любезный мой Шуваловъ
 Туда, гдѣ ей Цейлонъ и въ сѣверѣ цвѣтеть,
 Гдѣ хитрость мастерства преодолѣвъ природу,
 Осеннимъ днямъ даетъ весны прекрасный видъ,
 И принуждаетъ въ верхъ скакать высоко воду,
 Хотя ей тягость въ низъ и жидкость течь вѣдитъ.

Отрада вся, когда о лѣтѣ я пишу;
 О лѣтѣ я пишу, а имъ не наслаждаюсь,
 И радости въ одномъ мечтаніи ищу. ⁽¹⁾

Выпишемъ хотя нѣсколько мѣстъ изъ его поэмы: Петръ
 Великій.

Закрылись крайней пучиною лѣса;
 Лишь съ моремъ видны вкругъ сіяны небеса.
 Тутъ вѣтры сильныя имѣя флотъ во власти,
 Со всѣхъ сторонъ сложася къ погибельной напасти,
 На Западъ и на Югъ, на Сѣверъ и Востокъ
 Стремятся, и вертятъ мглу, влагу и песокъ:
 Перуны мракъ густой сверкая разделяютъ,
 И громы съ шумомъ водъ свой трескъ соединяютъ:
 Межъ моремъ рушился и воздухомъ предѣлъ;
 Дождю на встрѣчу дождь съ кипящихъ волнъ летѣлъ;
 Въ сердцахъ великой страхъ сугубятъ скрыпомъ снасти.

(1) Полн. собр. чоч. М. В. Ломоносова. Спб. 1805, ч. 1, стр. 344—342.

Но промыслъ въ глубину десницу простираетъ;
 Оковы тяжкія вдругъ буря ощущаетъ.
 Какъ въ разныхъ разбѣжась свирѣпый конь поляхъ,
 Ржетъ, пышетъ, отъ копытъ восходитъ вихремъ прахъ;
 Однако доскакавъ до высоты крутыя,
 Вдохнувъ кончаетъ бѣгъ, льетъ токи потовыя:
 Такъ Сѣверъ укротясь впослѣдні возстеналъ.
 По усталымъ валамъ Понтъ пѣну разстиалъ;
 Изчезли облака; сквозь воздухъ въ Югъ чистый,
 Открылись два холма и береги лѣсисты.
 Межъ ними кораблямъ въ заливъ отверзся входъ,
 Убѣжище пловцамъ отъ безпокойныхъ водъ.
 . . Бездонный океанъ травой какъ лугъ покрытъ.

Достигло дневное до полночи свѣтило,
 Но въ глубинѣ лица горящаго не скрыло,
 Какъ пламенная гора казалось межъ валовъ,
 И простирало блескъ багровой изъ-зальдовъ.
 Среди пречудныя при ясномъ свѣтѣ ночи
 Верхи златыхъ зыбей пловцамъ сверкаютъ въ очи.

Между высокими камнистыми горами,
 Что мы по зрѣнію обykle звать мѣлями.

Уборы внутренни покровъ черепокожныхъ,
 Безчисленныхъ звѣрей, во глубинѣ возможныхъ.
 Тамъ тронъ жемчугами усыпанный янтаръ;
 На немъ сидитъ волнамъ сѣдымъ подобенъ царь.

«Твой, сказалъ, моря, надъ нами царствуй вѣкъ;
 «Тебѣ теченіе пространныхъ тѣсно рѣкъ:
 «Построй великой флотъ; поставь въ пучинѣ стѣны.»

Принесши плодъ земля, лишилась лѣтней нѣги;
 Разносятъ блѣдный листъ бурливыхъ ветровъ бѣги;

Летить съ крутыхъ верховъ на Ладогу Борей,
 Дожди и снѣгъ и градъ трясеть съ сздыхъ кудрей.
 Наводить на воду глубокія морщины:
 Сквозь мглу ужасенъ видъ нахмуренной пучины.
 Смутившись тягостью его замерзлыхъ крылъ,
 Крутится и кипить съ водой на берегъ иль. ⁽¹⁾

Въ примѣръ простыхъ, но прекрасныхъ разговорныхъ стиховъ приведемъ:

Пахомей говорить, что для святаго слова
 Риторика ничто; лишь совѣсть будь готова.
 Ты будешь казнодей лишь только стань попомъ,
 И стыдъ весь отложи. Однако врешь, Похомъ.
 На что риторику совсѣмъ пренебрегаешь?
 Ее лишь ты одну, и то худенько знаешь. ⁽²⁾

Въ примѣръ того-же приведемъ басню, ненапечатанную въ его стихотвореніяхъ, но въ Риторику:

Лишь только дневной шумъ замолокъ,
 Надѣлъ пастушье платье волкъ,
 И взялъ пастушей посохъ въ лапу,
 Привѣсилъ къ посоху рожокъ,
 На уши вдѣлъ широку шляпу,
 И крадся тихо сквозъ лѣсокъ,
 На ужинъ для добычи къ стаду.
 Увидѣлъ тамъ, что Жучко спитъ,
 Обнявъ пастушку Ёирсъ хранилъ,
 И овцы всѣ лежали сряду.
 Онъ могъ изъ нихъ любую взять;
 Но не довольствуясь уборомъ,
 Хотѣлъ прикрасить разговоромъ,

(1) Полн. собр. соч. М. В. Ломоносова. Спб. 1803, ч. 1. стр. 11. 12. 13. 14. 18. 16. 88.

(2) Такъ-же, стр. 312 — 313.

И именемъ овецъ назвать.
 Однако чуть лишь пастъ разинулъ,
 Раздался въ рощѣ волчей вой.
 Пастухъ свой сладкой сонъ покинулъ,
 И Жучко бросился съ нимъ въ бой;
 Одинъ дубиной гостя встрѣтилъ,
 Другой за горло ухватилъ;
 Тутъ поздно бѣдной волкъ примѣтилъ,
 Что черезъ чуръ перемудрилъ,
 Въ полахъ и въ рукавахъ связался,
 И волчьимъ голосомъ сказался;
 Но Оирсъ не долго размышлялъ,
 Уборъ съ него и кожу снялъ.
 Я притчу всю короткимъ толкомъ
 Могу вамъ, господа, сказать:
 Кто въ свѣтъ семъ родился волкомъ,
 Тому лисицей не бывать (1).

Здѣсь есть одинъ отрывокъ, который указываетъ, что Ломоносовъ просилъ объ учрежденіи Университета; онъ интересенъ и не въ поэтическомъ отношеніи:

Любитель тишины, соборъ драгихъ наукъ,
 Защиты крепкія отъ бранныхъ ищетъ рукъ....
 И славный слухъ, когда твой Университетъ,
 О имени Твоемъ подъ солнцемъ процвѣтетъ!...
 Въ Россіи древности, въ натуры тайны вникаемъ....
 Для славы Твоея, для общаго плода,
 Не могутъ милости быть рано никогда (2).

Мы должны сказать еще объ одномъ замѣчательномъ произведеніи Ломоносова, которое все заслуживаетъ полнаго вниманія: это письмо къ Шувалову о пользѣ стекла.

(1) Полн. собр. соч. М. В. Ломоносова. Спб. 1805, ч. 6, стр. 438—459.

(2) Тамъ-же, стр. 314—315.

Наука много значила для Ломоносова; она наполняла все-го его, наполняла живо, и онъ былъ не сухой ученый, ремесленникъ. Наука имѣла для него всю поэтическую сторону. Это видимъ въ посланіи о пользѣ стекла. Мы считаемъ нужнымъ сдѣлать изъ него сравнительно большія выписки. Удивительно, какъ здѣсь обращается онъ съ языкомъ, какъ выѣцаетъ онъ въ него свои мысли и трудныя, почти техническія выраженія, и какъ силенъ и соразмѣренъ является языкъ. Вотъ наши выписки:

Не должно тѣниности примѣромъ тое быть,
Чего и сильный огонь не можетъ разрушить,
Другихъ вещей земныхъ конечный раздѣлитель;
Стекло имъ рождено; огонь его родитель.

Съ натурой нѣкогда онъ произвестъ хотя
Достойное себя и оныя дѣтя.
Во мрачной глубинѣ, подъ тягостью земною,
Гдѣ вѣчно онъ живетъ и борется съ водою,
Всѣ силы собралъ вдругъ, и хляби затворилъ,
Въ которы Океанъ на брань къ нему входилъ.
Напрягся мышцами и рамена подвинулъ,
И тяготу земли превыше облакъ вскинулъ.
Внезапно черный дымъ назвалъ густую тѣнь;
И въ ночь ужасную перемѣнился день.

Но ужасу тому послѣдовалъ конецъ:
Довольна чадомъ мать, доволенъ имъ отецъ.
Прогнали долгу ночь и жаръ свой погасили,
И солнцу ясному рожденіе открыли.
Но чтожь отъ нѣдръ земныхъ родясь произонло?
Любезное дѣтя, прекрасное стекло....

Огромность тяжкую плода лишенныхъ горъ
Художествомъ своимъ преобративъ въ фарфоръ.

Потомъ какъ челоуѣкъ зимой сталъ безопасенъ;
Еще при томъ желалъ, чтобъ цвѣлъ всегда прекрасенъ

И въ сѣверныхъ странахъ въ снѣгу зеленой садъ,
Цейлонъ бы посрамилъ, пренебрегая хладъ.—
И удовольствовалъ онъ мысли прихотливы.

Взирая въ древности народы изумленны,
Что грѣтъ, топить, лѣтъ и свѣтитъ огонь возженный,
Иные божеску ему давали честь;
Иные знать хотя, кто съ неба могъ принести,
Представили въ своемъ мечтанъ Прометея.
Не огонь ли онъ стекломъ умылъ сводить съ небесъ.
Боясь паденія неправою оной вѣры,
Вели всегдашнюю брань съ наукой лицемъры:
Дабы она, открывъ величество небесъ,
И разность дивную невѣдомыхъ чудесъ,
Не показала вѣтъ, что непостижна сила
Единого Творца весь міръ сей сотворила.

Астрономъ весь свой вѣкъ въ безплодномъ былъ трудъ,
Запутанъ циклами, пока возсталъ Коперникъ,
Презритель зависти и варварству соперникъ.

Въ безмѣрномъ углубя пространство разумъ свой,
Изъ мысли ходимъ въ мысль; изъ свѣта въ свѣтъ иной.
Вездѣ божественну премудрость почитаемъ,
Въ благоговѣннѣ весь духъ свой погружаемъ.
Чудимся быстринѣ, чудимся тишинѣ,
Что Богъ устроилъ намъ въ безмѣрной глубинѣ.
Въ ужасной скорости, и купно быть въ покоѣ,
Кто чудо сотворить кромѣ Его такое?

Уже Колумбу въ слѣдъ, уже за Магелланомъ
Кругъ свѣта ходимъ мы великимъ Океаномъ,
И видимъ множество божественныхъ тамъ дѣлъ,
Земель и острововъ, людей, градовъ и селъ,
Незнаемыхъ предъ тѣмъ и странныхъ тамъ животныхъ,
Зверей и птицъ и рыбъ, плодовъ и травъ несчетныхъ.
Преломненныхъ лучей предѣлы въ немъ (стеклъ) неложны

Постамены Творцемъ; другіе не возможны.
 Въ благословенной намъ и провѣщенной вѣкъ
 Чего не могъ дойти по онымъ человекъ?

Но въ пылѣвшихъ вѣкахъ намъ микроскопъ открылъ,
 Что Богъ въ невидимыхъ животныхъ сотворилъ!
 Колю тонки члены ихъ, составы, сердце, жилы,
 И нервы, что хранять въ себѣ животны силы!
 Не меньше, нежели въ пучинѣ тяжкій китъ,
 Нашъ малый червь частей сложеніемъ дивить.
 Великъ Создатель нашъ въ огромности небесной!
 Великъ въ строеніи червей, скудели тѣсной!
 Стекломъ познали мы толики чудеса,
 Чѣмъ онъ наполнилъ Понтъ, и воздухъ и леса.

Услышавъ въ темнотѣ внезапной трескъ и шумъ,
 И видя быстрой блескъ, мятется слабый умъ.

Дабы изтолковать, что молнія и громъ,
 Такія мысли всѣ считаетъ онъ грѣхомъ.

Вертясь стеклянный шаръ, даетъ удары съ блескомъ,
 Съ громовымъ сходственнымъ сверканіемъ и трескомъ;
 Дивился сходству умъ: но видя малость силъ,
 До лѣта прошлаго сомнителемъ въ томъ былъ;
 Довольствуя одиъ чрезъ любопытство очей,
 Искалъ въ томъ перемѣнъ пріятныхъ дни и ночи.

Внезапно чудный слухъ по всемъ странамъ течетъ,
 Что отъ громовыхъ стрѣлъ опасности ужъ нѣтъ;
 Что таже сила тучъ гремящихъ мракъ наводитъ,
 Котора отъ стекла движеніемъ изходитъ;
 Что зная правила изысканны стекломъ,
 Мы можемъ отворотить отъ храминъ нашихъ громъ.
 Единство оныхъ силъ доказано стократно:
 Мы лѣта нынѣ ждемъ пріятнаго обратно.
 Тогда о истинѣ стекло увѣрить насъ,
 Ужасный будетъ ли безбѣдѣ грома гласъ?

Ходя за тайнами въ искусствѣ и природѣ,
Я слышу восхищенъ веселый гласъ, въ народѣ. (1)

Въ стихахъ Ломоносова вообще, и въ этомъ произведеніи особенно, часто является наука, такъ имъ любимая, и въ тоже время глубокое сочувствіе природы; вездѣ, гдѣ онъ только ся касается, стихи его становятся прекрасны.

Ломоносовъ написалъ двѣ трагедіи: *Тамира и Селимъ*, и *Демофонтъ*. Ни ту, ни другую нельзя назвать цѣлымъ поэтическимъ созданіемъ; но и въ той и въ другой, особенно въ первой, есть истинныя поэтическія мѣста не только относительно языка. Такъ какъ эти трагедіи имѣютъ мало всеобщей извѣстности, то мы изложимъ одну изъ нихъ, именно первую, въ которой болѣе достоинства, и выпишемъ оттуда замѣчательныя мѣста; сверхъ того въ ней въ самыхъ характерахъ лицъ, въ положеніяхъ, есть много изящнаго.

Дѣйствіе въ Крыму, въ Кафѣ; лица: Муметь Царь Крымскій, Мамай Царь Татарскій, Тамира дочь Муметова, Селимъ Царевичъ Багдадскій, Нарсимъ братъ Тамиринъ, Надиръ братъ Муметовъ, Заисанъ визирь Муметовъ, Клеона мамка Тамиринина, два вѣстника и воины. Основаніе взято изъ историческаго сказанія, что Мамай, разбитый Дмитріемъ на Куликовомъ полѣ, бѣжалъ въ Кафу и былъ тамъ убитъ. Содержаніе самой трагедіи состоитъ въ томъ, что Селимъ осадилъ съ войскомъ Кафу, что Муметь обѣщала въ супружество Мамаю свою дочь и послала къ нему въ помощь Нарсима съ войскомъ. Въ началѣ трагедіи ни Мамай, ни Нарсима еще нѣтъ. Селимъ видѣлъ на стѣнахъ Тамиру и полюбилъ ее, и любимъ взаимно; вслѣдствіе этого онъ готовъ дать миръ Мумету, и вступаетъ съ

(1) Полн. собр. соч. М. В. Ломоносова. Спб. 1805, ч. 2, стр. 188—201.

нимъ въ союзъ. Такъ начинается эта трагедія. Тамира, въ первомъ явленіи съ Клеоной, говоритъ:

Насталъ ужасный день, и солнце на восходѣ
Кровавы пропустивъ сквозь паръ густой лучи,
Даетъ печальный знакъ къ военной непогодѣ;
Любезна тишина минула въ сей ночи.
Отецъ мой воинству готовится къ отпору,
И на стѣнахъ стоять уже вчера велѣлъ.
Селимъ полки свои возвелъ на ближню гору,
Чтобъ прямо устремить на городъ тучу стрѣлъ.
На гору, какъ орелъ, всходя онъ возносился,
Который съ высоты на агнца хочетъ пасть;
И быстрой конь подъ нимъ какъ бурной вихрь крутился;
Селимово казалъ проворство тѣмъ и власть.
Онъ ѣздилъ по полкамъ, пока тѣнь мрачной ночи
Закрyla отъ меня поля, его, и строй.
Потомъ и томныя хотя сомкнулись очи,
Однако видѣла его передъ собой:
Во снѣ ли было то, или то было въ явѣ;
Смущался мыслями сонъ, смущались мысли спомъ;
Селимъ казался мнѣ великолѣпенъ въ славѣ,
Таковъ осанкою, Клеона, и лицомъ,
Какъ въ перемирны дни скакалъ передъ стѣнами,
Искусствомъ всѣхъ другихъ и взоромъ превышалъ,
И стрѣлы пущены уже подъ облаками,
Направленными въ слѣдъ стрѣлами разсыкалъ (1).

Она усылаетъ Клеону смотрѣть, не началось-ли сраженіе; оставшись одна, она старается себя увѣрить, что противникъ ихъ не Селимъ, а отецъ его, который послалъ его противъ Мумета, и невольно увлекается въ другую сторону, все думая о Селимѣ. Это мѣсто истинно поэтическое; мы его выпишемъ:

(1) Полн. собр. соч. М. В. Ломоносова, ч. 2, стр. 83—84.

Что онъ противу насъ вооружился въ полъ,
 Сыновняя любовь и должности велятъ.
 И какъ родительской не согласиться волъ?
 Отецъ его! отецъ, не онъ нашъ сопостать.
 Онъ счастливъ, что ему есть въ старости замѣна;
 Благополучна мать, что въ свѣтъ произвела!
 И ежель есть сестра, то коль она блаженна,
 Что съ лѣтъ младенческихъ съ нимъ купно возрасла!
 Но коль родилась та на свѣтъ благополучно,
 Которой щедрая устроила судьба,
 Чтобы съ Селимомъ жить до смерти неразлучно! (1)

Клеона возвращается и говоритъ, что Селимъ кажется
 идти прочь отъ Крыма. Тамира, еще не признаваясь
 Клеонъ въ любви, говоритъ, что вѣрно какой нибудь пре-
 датель измѣнилъ Селиму —

Или отецъ объять нечаянно войною,
 И требуетъ себѣ его на по́мочь силъ.
 Я чаяла конца и по паденьѣ мнимомъ,
 Оплакавъ кровь гражданъ и стѣнь оставшій прахъ,
 Мнѣ будетъ слѣдовать во узахъ за Селимомъ,
 И при Евфратскихъ жить невольницей брегахъ (2).

Клеона видитъ ея смущеніе, спрашиваетъ, отъ чего? —

Или ужасныя и грозныя мечтанья
 Обезпокоили младую мысль во снѣ? (3)

Наконецъ Тамира признается; здѣсь прекрасные, поэти-
 ческіе стихи:

Что дѣлать мнѣ теперь, когда онъ прочь идетъ?
 Уже всѣ мысли съ нимъ на берегъ обратились;

(1) Полн. собр. соч. М. В. Ломоносова Сиб. 1803, ч. 2, стр. 33.

(2) Тамъ-же, стр. 37.

(3) Тамъ-же, стр. 57.

Я съ нимъ, я съ нимъ среди морскихъ валовъ плыву,
И горы Крымскія отъ насъ изъ виду скрылись !
Какой объемлетъ хладъ и мракъ мою главу !
Удѣтъ, о моей любви неизвѣстенъ,
И слезъ моихъ себѣ не будетъ представлять! (1)

Клеона говоритъ ей, что Селимъ считаетъ блаженствомъ
только —

Какъ стѣны падаютъ и города дымятся,
Когда мечи блестятъ, течетъ по копьямъ кровь. (2)

Тамира отвѣчаетъ.

За нимъ бы слѣдовать ни горы мнѣ высоки,
Ни конскимъ топотомъ смущенный въ полѣ прахъ,
Ни копья, ни мечи, ниже кровавы токи,
Ниже какой иной не возбранилъ бы страхъ.
Любовію горять не рѣдко и герои;
Отъ ней избавиться не можно никому.
Кому любезнѣ сраженія и бои
И жить всегда въ шатрахъ, какъ брату моему ?
Однако нынѣ онъ послѣдуя Мамаю,
Хотя въ Россійской край пошелъ вооруженъ,
Но мысли всѣ свои, Клеона, вѣрно знаю,
Всѣ мысли клонить къ той, которой узавленъ. (3)

Муметь приходитъ и возвѣщаетъ дочери о мирѣ съ
Селимомъ, и что Мамай назначенъ ей женихомъ; Тамира
отвѣчаетъ:

Что я съ младенчества родительскую волю
Привыкла исполнять, довольно знаешь самъ;

(1) Полн. собр. соч. М. В. Ломоносова. Спб. 1803, ч. 2, стр. 39.

(2) Тамъ-же, стр. 39.

(3) Тамъ-же, стр. 59-60.

Своею почитать не отрицаюсь долю,
Которую мнѣ дать угодно небесамъ (1).

Но просить его погодить по крайней мѣрѣ. Она остается одна и не знаетъ, что дѣлать. Такъ оканчивается первое дѣйствіе.—Во второмъ дѣйствіи Селимъ вмѣстѣ съ Надиромъ; они видятся и съ изумленіемъ узнаютъ другъ друга, они вмѣстѣ были въ Индіи. Здѣсь является намекъ на прежнюю, другую, вѣкъ настоящаго дѣйствія лежащую жизнь Селима; это прекрасное мѣсто; оно обнаруживаетъ поэтическую природу. Не нужно для трагедіи, не нужно для хода дѣйствія, знать, что Селимъ былъ въ Индіи. Но это совершенно поэтическое явленіе, когда бросается свѣтъ на другую, сюда не входящую жизнь человѣка, на другіе его дни; это даетъ знать, что была иная жизнь, иные годы, иные интересы,—и въ невѣрномъ, неопредѣленномъ свѣтѣ является другая часть многообразной жизненной дѣятельности человѣка, и невольно поднимается рядъ возможныхъ картинъ и возможныхъ явленій жизни; думаешь, что иначе жилъ человѣкъ, было для него другое время. Прекрасно, когда какое нибудь слово, какой нибудь намекъ напоминаетъ, указываетъ на это. Это мы здѣсь видимъ, и это показываетъ истинное поэтическое чувство (такой отчасти намекъ встрѣчается еще, когда упоминается о Димитріѣ Донскомъ, о Куликовой битвѣ, о Русскихъ вообще). Надиръ и Селимъ, сказали мы, узнаютъ другъ друга. Нарсимъ былъ также вмѣстѣ съ ними въ Индіи, гдѣ они не говорили другъ другу о своемъ происхожденіи. Надиръ говоритъ:

Мнѣ радостенъ сей миръ; но на тебя взирая,
Сугубо чувствую веселіе въ себѣ.

(1) Полн. собр. соч. М. В. Ломоносова. Сиб. 1809, ч. 2, стр. 65.

Таковъ его былъ взоръ и бодрость въ немъ така,
И именемъ и вѣсѣмъ подобенъ былъ тебѣ,
Селимъ, котораго любовь и добродѣтель
Къ Нарсиму и ко мнѣ колы искренна была,
Тому прекрасный брегъ Геоскихъ водъ свидѣтель.

Селимъ.

Свѣдины вижу тѣ, и тѣ черты чела!
Теперь мнѣ небеса надежду укрѣпляютъ!
Возлюбленный Надиръ, тебя здѣсь вижу я,
Котораго понынь мѣста воспоминають,
Гдѣ праведна еще цвѣтеть хвала твоя.
Но гдѣ твой сынъ, мой другъ?

Надиръ.

На брань пошолъ съ Мамаемъ,
Однако онъ царемъ не мной на свѣтъ рожденъ (1).

Селимъ признается Надиру въ любви своей къ Тамиръ:

Узнаешь выгнанныхъ отъ прежнихъ мыслей разнь.
Тебѣ всѣ склонности и жизнь моя известна,
Какъ былъ я въ Индіи съ Нарсимомъ и съ тобой,
Бывала красота очамъ моимъ прелестна?
Бывалъ ли нарушенъ любовью мой покой?
Всегда исполненъ тѣмъ, что мудрые Браминны
Съ младенчества въ моей оставили крови,
Напасти презирать, безъ страху ждать кончины,
Имѣть недвижимъ духъ и бѣгать отъ любви;
Я больше какъ рабовъ имѣлъ себя во власти,
Мой нравъ былъ всегда уму порабощенъ;
Преодолены я имѣлъ подъ игомъ страсти,
И мраку ихъ не зналъ наукой просвѣщенъ.
Другихъ волненія смотрѣлъ всегда со брегу.

(1) Полн. собр. соч. М. В. Ломоносова. Сиб. 1803, ч. 1, стр. 97.

Но нынѣ подѣ общей я подвержень сталъ законъ,
 И мыслей быстрого сдержать не силенъ бѣгу,
 Я имъ послѣдую и отдаюся въ полонъ.
 Не ради слабыхъ силъ оставилъ я осаду,
 Любовь изторгнула изъ рукъ военныхъ мечъ;
 Тамира, не полки, была защита граду,
 Она мнѣ шлемъ съ главы, броню сложила съ плечъ ⁽¹⁾.

Селимъ говоритъ Надиру, что онъ видѣлъ Тамиру на стѣнѣ, что онъ боролся съ тѣхъ поръ самъ съ собою, воевать ли съ Муметомъ, или поставить миръ; онъ рѣшился было на первое —

Я въ руки принималъ мечъ; но сердце вопіяло:
 Селимъ, на то ли ты дерзаешь устремленъ,
 Чтобъ око нѣжное на кровь гражданъ взирало...

И чтобъ въ слезахъ лице Тамирино прекрасно
 Отъ падающихъ стѣнъ покрылъ сгущенный прахъ ⁽²⁾.

Приходитъ Тамира, видитъ Селима; Селимъ говоритъ, что ее любить. Здѣсь прекрасные стихи:

Тебя, предъ кою жаръ бранный погасаетъ
 И падаютъ изъ рукъ и копья и щиты,
 Геройскихъ мыслей бѣгъ насильный утихаетъ,
 Удержанъ силою толикой красоты! ⁽³⁾

Онъ уговариваетъ ее соединиться съ нимъ, идти за собою:

Послѣдуй мнѣ въ луга Багдадскіе прекрасны,
 Гдѣ въ срьтеніе тебѣ Евфратъ прольетъ себя,

(1) Полн. собр. соч. М. В. Ломоносова. Спб. 1805, ч. 2, стр. 68.

(2) Тамъ-же, стр. 69.

(3) Тамъ-же, стр. 71.

Гдѣ вѣшніе всегда господствуютъ дни ясны,
 Пріятность воздуха достойная тебя;
 Царицу воспріять великую стекаясь,
 Богинею почтить чюдящійся народъ,
 И красоть твоей родитель удивляясь,
 Превыше всѣхъ торжествъ поставить твой приходъ (¹).

Тамира открываетъ ему все, и уходитъ. Являются Муметь и Заисанъ. Селимъ объявляетъ Мумету, что залогомъ и печатью союза должна быть его дочь; Муметь даетъ неопредѣленный отвѣтъ. Остаются Муметь, Надиръ и Заисанъ; Муметь въ недоумѣніи, тѣмъ болѣе, что Нарсимъ ненавидитъ Мамаю; два послѣдніе даютъ противоположные совѣты Мумету: Надиръ за Селима, Заисанъ за Мамаю. Прекрасны слова Надира, когда Заисанъ угрожаетъ могуществомъ Мамаю:

Что мѣру превзошло,—стоитъ надъ стремниною, (²)
 Чтобъ гордости примѣръ паденьемъ звучнымъ дать;
 Безумна власть падетъ своею тяготою;
 Что срамно пріобрѣсть,—срамнѣе потерять.
 Видалъ я быстрыя уже изсохши рѣки,
 Засыпанны пескомъ, что рвали съ береговъ.
 Такъ царства, что цвѣли во славѣ многи вѣки,
 Упали тягостю поверженныхъ враговъ.

.

Насильна власть стоять не можетъ долговѣчно.
 Кто гонитъ одного, тотъ всякому грозить.
 Россію варварство его (Мамаю) безчеловѣчно
 Изъ многихъ областей въ одну совокупить.
 На плачь, на шумъ, на дымъ со всѣхъ сторонъ стекутся;
 Разсыпанныхъ враждой сберетъ послѣдній страхъ.

(¹) Полн. собр. соч. М. В. Ломоносова. Спб. 1803, ч. 2, стр. 72.

(²) Здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, кстати замѣтимъ, ударенія въ словахъ Ломоносова другія, не такъ какъ теперь у насъ.

Какою силою въ единствѣ облекутся,
 Владимиръ нашъ примѣръ и храбрый Мономахъ.
 Сей вредные своей земли отмстивъ набѣги,
 Лавровымъ верхъ въцѣмъ и царскимъ увѣнчалъ,
 А оный здѣшніе покрывъ полками бреги,
 Супругу въ сихъ стѣнахъ и вѣру воспріялъ (1).

Приходитъ вѣстникъ съ Придонскихъ полей съ вѣстью,
 что Мамай побѣдилъ. Здѣсь стихи, которые какъ-то от-
 зываются въ стихахъ Озерова:

Одно несчастье Мамай сокрушаетъ,
 Что сильный Челубей пронзенъ въ крови лежитъ,
 Лежитъ и поля часть велику покрываетъ (2).

Въ третьемъ дѣйствіи является Мамай, бѣжавшій съ
 Куликова поля; онъ хочетъ скрывать свое пораженіе, онъ
 думаетъ, что погубилъ Нарсима и что некому сказать о
 его пораженіи; онъ рассказываетъ Мумету и другимъ о
 своей побѣдѣ и о томъ, что Нарсимъ остался еще на по-
 ляхъ Россійскихъ и что онъ (Мамай) пожаловалъ его
 краемъ:

Лугами тучными межъ Дономъ и Днѣпромъ.

Является Тамира. Мамай объявляетъ ей о своемъ жела-
 ніи на ней жениться; Муметь и Надиръ уходятъ; изъ
 отъѣзда Тамиры Мамай замѣчаетъ, что она его не любитъ,
 и объявляетъ ей это. Тамира говоритъ, что она любитъ
 другаго, и удаляется. Изъ словъ Клеоны Мамай видитъ,
 что Тамира любитъ Селима. Мамай, оставшись одинъ съ
 Заисаномъ, спрашиваетъ о Селимѣ. Заисанъ ему расска-
 зываетъ; Мамай приходитъ въ гнѣвъ и рѣшается отмстить

(1) Полн. собр. соч. М. В. Демосова. Спб. 1805, ч. 2, стр. 76—77.

(2) Тамъ-же, стр. 78.

Селиму; они уходятъ. Выходятъ вновь Тамира и Клеона. Тамира усыпляетъ Клеону и остается одна; она намѣрена бѣжать съ Селимомъ, борется сама съ собою, и наконецъ рѣшается бѣжать съ нимъ. Она говоритъ:

Бѣги, бѣги отсель, Тамира, и спасайся,
Пока тиранскихъ ты не чувствуешь оковъ,
Бѣги насильныхъ рукъ, на градъ не озирайся:
Селимъ принять тебя на корабли готовъ.
Онъ съ берегу очей минуты не спускаетъ,
И плователи всѣ направлены въ путь;
И небо искренней любви поспѣшаетъ:
Уже намъ и Борей способный началъ дуть.

.....
Отъ року бѣгая, на явной рокъ дерзаю.
Мнѣ пагубой земля, вода грозитъ бѣдой.
Непостоянное я море представляю,
И бури хищныя ревутъ передо мной....

.....
Спѣши, спѣши отъ мести Мамаемъ зараженныхъ,
Спѣши за Понтъ, за Тигръ, за Нилъ, за Океанъ.

.....
Прости, дражайшее отечество, прости! (¹)

Такъ оканчивается третье дѣйствіе. Въ четвертомъ дѣйствіи Заисанъ объявляетъ Надиру, что онъ встрѣтилъ Тамиру бѣгущую къ судамъ Селима, воротилъ ее и ввелъ въ домъ; онъ хочетъ объявить объ этомъ Мумету. Надиръ говоритъ:

Хотя смягчи ударъ пріятностью какою;
Между веселыхъ словъ печаль сію ввести (²).

(¹) Полн. Собр. соч. М. В. Ломоносова. Спб. 1856, ч. 2, стр. 89—91.

(²) Тамъ-же, стр. 94.

Клеона приходитъ къ Надиру и разоказываетъ ему о горести и слезахъ Тамиры. Надиръ говоритъ, что подозреваетъ Мамаю въ хитрости. Клеона говоритъ:

Для толь поспѣшнаго Мамаева прихода
Слухъ въ городъ прошелъ, что онъ совсѣмъ побитъ?

Надиръ.

Всегда есть Божій гласъ, гласъ цѣлаго народа;
Устами онаго Всевышній говоритъ (¹).

Далѣе Надиръ говоритъ что небо —

Горами потрясѣть, и воспалить пожары,
Или опустошить повѣтріемъ луга,
Или отъ глубины возвысивъ волны яры,
Потопомъ скверные очистить берега (²).

Далѣе говоритъ онъ же (Надиръ). Какіе прекрасные стихи!

Хоть радостенъ Муметь, но войска не имѣть;
Что будетъ, какъ Селимъ къ стѣнамъ приступитъ вновь?
Погибнемъ, ежели не разсудя посмѣетъ
Озлобить мечъ въ рукъ держащую любовь.
Мамаю гордый духъ тѣмъ больше возвышаетъ,
Тѣмъ можетъ рокъ его скорѣе поразить.
На пышны горъ верхи громъ чаще ударяетъ.
Бѣги высотъ, когда безбѣдно хочешь жить.
Цвѣтутъ спокойныя не зная бурь долины,
Гдѣ рѣдко молніи возможно досягать.
Никто на свѣтѣ такъ не обязалъ судьбины,
Ктобъ завтрешне себѣ могъ счастье обещать.

(¹) Полн. собр. соч. М. В. Ломоносова. Спб. 1803, ч. 2. стр. 94.

(²) Тамъ-же, стр. 97.

На лживость онаго никто не полагайся:
 Что утромъ возрасло, то вечеромъ падеть.
 Никто въ несчастіи спасенья не отчайся:
 Что вечеръ низложилъ, то утро вознесетъ.
 Неутомимый рокъ все коломъ обращаетъ.
 Съ Мамаемъ рушиться внезапно можетъ Крымъ.
 Когда кто съ высоты великой упадаетъ,
 И тѣхъ съ собой влечетъ, что съ низу цли за нимъ.
 Но симъ смущаются лишь только подлы души,
 Которы на морской волнами шумный путь
 Смотря, колеблются съ недвижныя суши,
 И чають на берегу высокомъ потонуть ⁽¹⁾.

Приходить Селимъ и узнаетъ, что Тамира поймана на пути къ нему; онъ говоритъ, что вновь обратитъ воинство противъ города.

Ударитъ женской стонъ здѣсь вмѣсто пѣсней брачныхъ,
 И вмѣсто праздничныхъ огней пожаръ снхъ стѣнъ ⁽²⁾.

Наконецъ онъ оставляетъ это намѣреніе и хочетъ драться съ Мамаемъ; онъ отвѣчаетъ Надиру:

Владѣть нашихъ дней Всевышній самъ предѣломъ;
 Но славу каждому въ свою онъ отдалъ власть.
 Коль близко ходитъ рокъ при робкомъ и при смѣломъ;
 То лучше мнѣ избрать себѣ похвальну часть.
 Какая польза тѣмъ, что въ старости глубокой
 И въ тѣмъ безславія кончаютъ долгой вѣкъ?
 Добротами всходить на верьхъ хвалы высокой
 И славно умереть родился человекъ ⁽³⁾.

Надиръ его удерживаетъ, говорить ему объ его родителяхъ:

(1) Полн. собр. соч. М. В. Ломоносова. Сиб. ч. 2, стр. 97, 98.

(2) Тамъ-же, стр. 99.

(3) Тамъ-же, стр. 102.

Они во срътеніе давно къ тебѣ взирають,
 И простирають мысль чрезъ горы и валы,
 И въ нетерпѣнны минуты всѣ считаютъ,
 Твоей насытитися желая похвалы.
 Возобнови свои премудрые уставы,
 Которымъ прежь сего себя ты покорялъ,
 И вспомни прежніе свои на сей часъ нравы,
 Которыхъ мѣрностью ты старыхъ удивлялъ. (1)

Селимъ отвѣчаетъ:

Ужъ я не тотъ Селимъ.... (2).

Является Мамай; между имъ и Селимомъ завязывается жаркій споръ; они бросаются драться другъ съ другомъ, но ихъ разнимають.

Въ пятомъ дѣйствіи Муметь объявляетъ Тамиръ, что она должна соединиться съ Мамаемъ, Клеону же приказываетъ бросить въ темницу. Надиръ утѣшаетъ Тамиру и говорить:

Повѣрь мнѣ, что Мамай хотя теперь возвышенъ,
 И гордости своей не знаетъ гдѣ предѣлъ;
 Но скоро упадетъ, и звукъ лишь будетъ слышенъ,
 Съ какой онъ высоты поверженъ въ низъ летѣлъ (3).

Приходитъ вѣстникъ и рассказываетъ о посидинкѣ Селима съ Мамаемъ:

Сверкнули острые и дали звукъ мечи;

 Но руку сильную занесъ въ размахъ Селимъ;

(1) Полн. соб. соч. М. В. Ломоносова. Спб. 1803, ч. 2, стр. 107.

(2) Тамъ-же, стр. 102.

(3) Тамъ-же, стр. 103.

Ударилъ по щиту, звукъ грянулъ межъ горами;
Распался разомъ щитъ и конска голова. (1)

Въ то время, какъ Селимъ одолевалъ Мамай, приближали Мамаевы мурзы и бросились на Селима. Вѣстникъ въ это время оставилъ мѣсто поединка; Надиръ уходитъ мстить за Селима, а Тамира остается одна; она увѣрена, что Селима больше нѣтъ; она говоритъ, что ей нѣтъ отрады —

Одно спасенье мнѣ, не ожидать спасенья. (2)

Все это мѣсто также вообще прекрасно.
Она рѣшается послѣдовать за Селимомъ:

И смерть зоветъ меня къ покою отъ трудовъ!
Героевъ свѣтлый ликъ Нарсима тамъ встрѣчаетъ.

.

Что должно потерять, то должно презирать....

.

Ты умеръ для меня, я слѣдую тебѣ. (3)

Она хочетъ заколоться. Въ это время являются Селимъ и Нарсимъ; они говорятъ, что Мамай убитъ. Приходитъ и Муметь съ прочими. Нарсимъ рассказываетъ пораженіе на Куликовомъ полѣ:

Сквозь пыль, сквозь паръ едва давало солнце лучъ.
Въ густой крови кипя, тряслась земля багрова,
И стрѣлы падали дождевыхъ гуще тучъ.
Ужъ поле мертвыми наполнилось широко,

(1) Полн. собр. соч. М. В. Ломоносова. Спб. 1803, ч. 2, стр. 108.

(2) Тамъ-же, стр. 110.

(3) Тамъ-же, стр. 111. 112.

Непрядва труппами спершись едва текла.
 Различный видъ смертей тамъ представляло око,
 Различнымъ образомъ повержены тѣла.
 Иной съ размаху мечъ занесъ на сопостата;
 Но прежде прободень, удара не скончалъ,
 Иной, забывъ врага, прельщался блескомъ злата;
 Но мертвый на корысть желанную упалъ.
 Иной отъ сильного удара убѣгал,
 Стремглавъ на низъ слетѣвъ и стонеть подъ конемъ.
 Иной пронзенъ угасть, противника пронзая;
 Иной врага повергъ, и умеръ самъ на немъ. ⁽¹⁾

Въ это время, когда побѣда клонилась на сторону Татаръ, Мамай, пославъ его (Нарсима) отыскивать Димитрія, окружилъ его Нарсима своими воинами, чтобы истребить съ его войскомъ; тогда вдругъ войско Русское вышло изъ засады; Татары, (также и напавшіе на Нарсима) побѣжали:

Я къ верху мутные возвелъ свои глаза;
 Тогда надъ Русскими полками отворились,
 И ясный свѣтъ на нихъ спустили небеса.
 Ударилъ громъ на насъ, по оныхъ поборою. ⁽²⁾

Селимъ оканчиваетъ разсказъ и говоритъ о томъ какъ Нарсимъ, въ то время, какъ онъ (Селимъ) былъ окруженъ, явился и убилъ Мамал:

Какъ тигръ ужъ на копьѣ хотя ослабѣваетъ,
 Однако посмотрѣвъ на раненый хребетъ,
 Глазами на ловца кровавыми сверкаетъ,
 И ратовище злясь въ себѣ зубами рветъ:
 Такъ мечъ въ груди своей схватилъ Мамай рукою;

⁽¹⁾ Полн. собр. соч. М. В. Ломоносова, Спб. 1805, ч. 2, стр. 114.

⁽²⁾ Тамъ-же, стр. 116.

Но палъ, и трясучись о землю тыломъ билъ.
 Изъ раны черна кровь ударила въ рязю;
 Онъ очи злобныя на небо обратилъ.
 Разинулъ челюсти, но гласа не имѣя,
 Со скрежетомъ зубнымъ извергнулъ духъ во адъ (1).

Муметь соединяетъ Селима и Тамиру, и прощаетъ Клеону,—и трагедія оканчивается.

Мы выписали всѣ или почти всѣ поэтическія мѣста. Изъ нашихъ выписокъ видно, какъ прекрасны, какъ совершенны часто стихи Ломоносова, и какъ далеко выше эта трагедія трагедіи Озерова.

Трагедія Демофонтъ не имѣетъ такого достоинства, какъ трагедія Тамира и Селимъ; но и здѣсь есть прекрасныя мѣста и прекрасные стихи. Удержимся отъ многихъ выписокъ, и выпишемъ одно мѣсто изъ разсказа Мемнона Полиместору:

Внезапно солнца видъ на востодъ сталъ багровъ
 И тусклые лучи казалъ изъ облаковъ,
 Отъ берегу вдали пучина почернѣла,
 И буря къ намъ съ дождемъ и съ градомъ налетѣла;
 Напала мгла какъ ночь, ударилъ громный трескъ,
 И мрачность пресѣкала лишь частыхъ молній блескъ.
 Поднявъ съды верьхи, стремились волны яры,
 И берегъ заревѣлъ, почувствовавъ удары.
 Тогда сквозь мракъ едва увидѣть мы могли,
 Что съ моря бурный вихрь несетъ къ намъ корабль,
 Которы лютость водъ то въ пропастьяхъ скрываетъ,
 То вздернувъ на бугры, порывисто бросаетъ;
 Раздранны парусы пловцы отдавъ вѣтрамъ,
 Ужъ руки подняли къ закрытымъ небесамъ.

(1) Полн. собр. соч. М. В. Ломоносова, ч. 2, стр. 147.

Мы чаяли тогда Енеева прихода,
 Съ остатками Троянъ, несчастнаго народа.
 Объята жалостью, подвигнута бѣдой,
 Царевна на берегъ безъ страху шла за мной.
 Тутъ алчный Понтъ пожралъ три корабля предъ нами,
 И въ части раздробивъ, извергъ на брегъ волнами.
 Увидѣвъ, что съ водой тамъ бьется человекъ,
 Съ рабами я спѣшилъ и на песокъ извлекъ ⁽¹⁾.

Конецъ приложеніямъ.

(1) Полн. собр. соч. М. В. Ломоносова, ч. 2, стр. 133. 134.

ПОЛОЖЕНІЯ.

I.

Вопросъ литературы не можетъ разсматриваться отвлеченно; но долженъ быть изложенъ въ связи съ исторіею народа.

II.

Явленіе Ломонова тѣсно соединено съ явленіемъ Петра Великаго; дѣятельность и того и другаго имѣетъ внутреннее соотношеніе между собою.

III.

Значеніе Петра въ исторіи Русской есть значеніе индивидуума, лица въ народѣ, которое воплотилось въ Петра.

IV.

Значеніе Ломоносова въ литературѣ есть значеніе индивидуума, лица въ поэзіи, иначе: поэтической отдѣльной личности, дотолѣ поглощаемой цѣльною, исключительно-національною жизнію, народными пѣснями.

V.

Языкѣ Церковно-Славянскій былъ орудіемъ отвлеченной общей дѣятельности въ религіозной сферѣ, служилъ Вѣчному—языкѣ по преимуществу письменный. Языкѣ Русской былъ орудіемъ дѣятельности народной въ сферѣ его національной жизни, служилъ случайнымъ живымъ движениемъ—языкѣ по преимуществу разговорный, устный.

VI.

Исторія слова въ Россіи до Ломоносова представляетъ безпрестанное смѣшеніе того и другаго языка, по мѣрѣ столкновенія тѣхъ областей, которымъ по преимуществу служили они—въ грамотахъ и договорахъ съ одной стороны, въ посланіяхъ духовныхъ лицъ къ народу, съ другой. Это производитъ пеструю смѣсь и волнующуюся цѣпь ошибокъ очень живую, понятную вслѣдствіе внутреннихъ причинъ.

VII.

Языкѣ Русской, не смотря на кажущуюся ошибочность и недостаточность правописанія въ грамотахъ и пр., съ взумительною строгостію сохранялъ многіе свои отбѣнки; ибо здѣсь есть присутствіе народной грамматики, живой, естественной, истинной. Это видимъ напр: въ употребленіи

родительнаго падежа послѣ частицы *не*; въ оттънкахъ употребленія отглагольнаго прилагательнаго съ *есмь*, *еси*, *есть*; въ употребленіи *ти* и *тобѣ*, и пр.

VIII.

Сферы Церковно-Славянскаго и Русскаго языковъ возмущались въ своей отвлеченности передъ явленіемъ Петра Великаго, Церковно-Славянскій языкъ утратилъ свою неприкосновенность и былъ употребляемъ для комедій, гдѣ перемѣшивался съ самыми пошлыми, обыденными словами: Ломоносовъ внесъ порядокъ въ этотъ хаосъ слога. Онъ возвелъ Русской языкъ въ общую сферу и опредѣлилъ его живое отношеніе къ языку Церковно-Славянскому. Права сего послѣдняго въ Русскомъ языкѣ и словѣ—вѣчны.

IX.

Языкъ Ломоносова имѣетъ свое основаніе и оправданіе въ языкѣ Церковно-Славянскомъ, и въ языкѣ Русскомъ,—языкъ грамотъ, народномъ.

X.

Ломоносовъ, явившись какъ лице въ поэзіи,—необходимо поэтъ; это опредѣляется существомъ его подвига.

XI.

Ломоносовъ—поэтъ преимущественно въ языкѣ; это всеобъемлющій его подвигъ. Но его поэтическая природа высказывается также прекрасными поэтическими мѣстами въ его произведеніяхъ. Мало того, его поэтическая природа

является и въ наукѣ и въ прочихъ его замѣтияхъ, какъ
существенная, основная, необходимая его принадлежность.
И потому Ломоносовъ во всей своей многообразной дея-
тельности — поэтъ.

This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.

A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.

Please return promptly.

249 2319

JUN 12 '89

JUL 21 '89

WIDENER

JUN 24 1999

5572663

CANCELLED

42
CANCELLED
DUE OCT 30 1974
H

3 2044 085 497 345